

СТИВЕН
ФАНСИМЕН

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Завоевания крестоносцев

КОРОЛЕВСТВО БАЛДУИНА I
И ФРАНКСКИЙ ВОСТОК

Annotation

Британский ученый Стивен Рансимен в своем труде рассказывает историю франкских государств Утремера со времени восшествия на престол короля Балдуина I до завоевания Иерусалима Саладином. Автор сосредоточил внимание на Утремере, учитывая, что он существовал в период активной западноевропейской политики и религиозных войн. Именно многочисленным кампаниям и посвящена книга, так как вся жизнь в Утремере проходила на их фоне, и опасности, характерные для поля боя, нередко становились судьбоносными. Историк счел нужным включить в книгу главу, посвященную жизни во франкских государствах на Востоке, тому, как они были устроены. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- [Стивен Рансимен](#)
 -
 -
 - [Часть первая. Создание королевства](#)
 - [Глава 1. Утремер и его соседи](#)
 - [Глава 2. Крестоносцы в 1101 г.](#)
 - [Глава 3. Норманнские князья Антиохии](#)
 - [Глава 4. Тулуза и Триполи](#)
 - [Глава 5. Король Балдуин I](#)
 - [Глава 6. Равновесие на севере](#)
 - [Часть вторая. Расцвет](#)
 - [Глава 1. Король Балдуин II](#)
 - [Глава 2. Новое поколение](#)
 - [Глава 3. Притязания императора](#)
 - [Глава 4. Падение Эдессы](#)
 - [Часть третья. Второй крестовый поход](#)
 - [Глава 1. Объединение королей](#)
 - [Глава 2. Разлад среди христиан](#)
 - [Глава 3. Фиаско](#)
 - [Часть четвертая. Перемена судьбы](#)
 - [Глава 1. Жизнь в Утремере](#)
 - [Глава 2. Возвышение Нур ад-Дина](#)
 - [Глава 3. Возвращение императора](#)

- [Глава 4. Притягательная сила Египта](#)
 - [Часть пятая. Победа ислама](#)
 - [Глава 1. Объединение мусульман](#)
 - [Глава 2. Рога Хаттина](#)
 - [Вклейка](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Стивен Рансимен

Завоевания крестоносцев. Королевство Балдуина I и франкский Восток

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается Рут Бовилл

Часть первая. Создание королевства

Глава 1. Утремер и его соседи

Ты — земля, поедающая людей и делающая народ твой бездетным.

Книга пророка Иезекииля, 36: 13

Когда войско франков вошло в Иерусалим, цель Первого крестового похода была достигнута. Однако для того чтобы Святой город оставался в руках христиан, а также чтобы облегчить путь паломников, желавших добраться до него, необходимо было создать стабильную систему управления, надежные оборонительные сооружения и пути сообщения с Европой. И крестоносцы, собиравшиеся поселиться на Востоке, прекрасно это понимали. Становление христианского государства началось во время непродолжительного правления герцога Готфрида. Но несмотря на свои достойные уважения качества, он был слабым и глупым человеком. Готфрид из ревности ссорился с другими крестоносцами, а искренняя набожность заставила его отдать церкви слишком много власти.

Молодое королевство было спасено благодаря смерти герцога и вступлению на престол его брата Балдуина, ибо последний мог похвастаться качествами настоящего государственного деятеля — мудростью, предусмотрительностью и твердостью. Но перед ним стояла очень трудная задача, и в его окружении было немного людей, на которых он мог полностью положиться. Выдающиеся воины, участвовавшие в Первом крестовом походе, отправились на север или вернулись домой. Из всех его предводителей в Палестине остался только самый бестолковый — Петр Пустынник, о жизни которого нам ничего не известно и который тоже в 1101 г. вернулся в Европу^[1]. Правители увели и свои армии. Сам Балдуин, будучи безземельным младшим сыном, не привел с собой на Восток вассалов, а позаимствовал людей у своих братьев. Теперь же он оказался в зависимости от горстки благочестивых воинов, поклявшихся перед отъездом из Европы остаться в Святой земле, и искателей приключений, многие из которых, подобно ему самому, были младшими сыновьями, надеявшимися обрести на Востоке земельные владения и разбогатеть.

Когда Балдуин взошел на престол, франки контролировали большую часть Палестины, хотя их власть сложно было назвать крепкой. Наиболее прочной она была в гористой части региона, простиравшейся от Вифлеема

на севере до Изреельской долины. Жители многих из тамошних деревень всегда были христианами, а большинство местных мусульман покинуло свои дома, увидев приближение войск франков. Они ушли даже из столь любимого ими города Наблуса, который называли маленьким Дамаском. Защищать эту местность было несложно. На востоке распростерлась Иорданская долина. На участке между Иерихоном и Бейт-Шеаном не было переправы через реку, а в горы из долины вела только одна дорога. Не менее сложно пробраться на эту территорию было и с запада. Севернее располагалось княжество Галилея, завоеванное для христиан Танкредом. Оно включало в себя Изреельскую долину и холмистую местность от Назарета до озера Хула. Его границы были более уязвимыми. В княжество можно было с легкостью попасть с побережья Средиземного моря через Акру, а с востока — по дорогам, проходившим к северу и югу от Галилейского моря. Но и оттуда ушла большая часть мусульманского населения. На этих территориях также остались одни христиане и небольшие еврейские общины, жившие в городах, особенно в Сафед, на протяжении долгого времени остававшимся центром изучения Талмуда. Однако после резни иудеев в Иерусалиме и Тверии, а также противостояния с христианами в Хайфе большинство евреев предпочло последовать за мусульманами в добровольную ссылку.

Сердцем королевства были центральный горный хребет и Галилея, но оно уже запустило щупальца в окрестные области, где обитало больше мусульман. Незадолго до описываемых событий княжество Галилея получило выход к морю в районе Хайфы. Доступ из расположенной на юге пустыни Негев закрывал франкский гарнизон, расположенный в Хевроне. Однако замок Святого Авраама, как эту крепость называли франки, представлял собой лишь островок в исламском море. Франки не контролировали пути, которые вели из Аравии, вокруг южной оконечности Мертвого моря и вдоль старой Дороги специй византийцев. По этим дорогам бедуины могли проникнуть в Негев и примкнуть к египетским гарнизонам в расположенных на побережье Газе и Аскалоне.

Из самого Иерусалима можно было попасть к морю по пути, шедшему через Рамлу и Лидду в Яффу. Однако эта дорога была небезопасной, и передвигаться по ней можно было только в сопровождении вооруженного конвоя. По этой местности бродили диверсионные группы из египетских городов, беженцы-мусульмане, пришедшие с нагорья, и бедуины из пустыни, устраивавшие засады на неосмотрительных путников. Скандинавский паломник Зевульф, отправившийся в Иерусалим в 1102 г., после того как Балдуин укрепил оборону королевства, пришел в ужас от

того, насколько опасным оказался путь. Между Яффой и Хайфой располагались мусульманские города Арсуф и Кесария, эмиры которых провозгласили себя вассалами Готфрида, но посредством моря поддерживали связь с Египтом. Побережье к северу от Хайфы находилось в руках мусульман; это примерно 200 миль (320 км) вплоть до окрестностей Латакии, где под защитой византийского наместника жила вместе с домохозяевами мужа герцогиня Тулузская.

Палестина была бедным регионом — она не смогла сохранить богатство, которым славилась в римский период, вследствие набегов персов и постоянных войн, так как приход турок помешал халифам завершить ее восстановление. На ее территории росло больше лесов, чем в наше время. Несмотря на опустошение, причиной которого стали персы, и постепенного уничтожения из-за крестьян и коз, в Галилее вдоль гребня горы Кармель и вокруг Самарии все еще росли обширные леса, а вдоль побережья, к югу от Кесарии, раскинулись заросли сосен. Они способствовали увлажнению местности, лишенной запасов воды. На территории Изреельской долины простирались поля зерновых. В Иорданской долине с ее тропическим климатом собирали бананы и другие экзотические фрукты. Если бы не прокатившиеся по ней недавно войны, прибрежная равнина с ее полями зерновых и садами, где выращивали овощи и горькие апельсины, процветала бы. Многие горные деревни были окружены оливковыми рощами и фруктовыми садами. Однако в целом в стране царил засушливый климат, а почва (особенно вокруг Иерусалима) была неглубокой и малоплодородной.

Ни в одном из городов не было более или менее масштабных производств. Даже когда королевство достигло апогея, его правители не могли похвастаться таким же богатством, как графы Триполи или князья Антиохии. Основным источником доходов были пошлыны, так как все выращенное в плодородных долинах, простиравшихся вдоль Иордана, Моава и Джаулана, вывозилось из страны через порты, расположенные на побережье Палестины. Товары, которые везли из Сирии в Египет, перемещались по палестинским дорогам, а караваны со специями, выдвигавшиеся из Южной Аравии, с давних времен шли через Негев к Средиземному морю. Но для того чтобы этот источник доходов был надежным, следовало не позволять товарам покидать пределы страны через другие пункты. Франки должны были контролировать всю границу от залива Акаба до горы Хермон и даже от Ливана до Евфрата.

Кроме того, пребывание в Палестине неблагоприятно сказывалось на здоровье. Иерусалим с его чистым горным воздухом и римскими

водопроводом и канализацией был в этом смысле городом вполне благополучным, если не считать периодов, когда с юга дул горячий хамсин, приносивший с собой пыль. Но более жаркие равнины, плодородие которых не могло не привлекать захватчиков, с застоявшейся водой, мухами и москитами, оказались рассадниками различных заболеваний. Там царили малярия, тиф и дизентерия. По перенаселенным грязным деревням быстро распространялись эпидемии таких болезней, как холера или чума. Нередки были случаи проказы. Европейские рыцари и солдаты, с их не подходящей для ближневосточного климата одеждой, волчьим аппетитом и полным безразличием к личной гигиене, становились жертвами всех этих болезней. Еще более высокой была смертность среди привезенных ими с собой детей, особенно сыновей. Жестокая шутка природы, решившей сделать так, чтобы маленькие девочки были крепче своих братьев, в будущем заставит королевство франков постоянно сталкиваться с политическими проблемами. Позже, когда поселенцы перенимали местные обычаи, их шансы на длинную жизнь стали возрастать, но детская смертность оставалась пугающе высокой. Вскоре стало ясно: чтобы число франков, живших в Палестине, оставалось достаточным для удержания контроля над страной, следует обеспечить постоянный и достаточно многочисленный приток переселенцев из Европы.

В первую очередь королю Балдуину было необходимо обеспечить безопасность своего государства, и для этого требовалось перейти в наступление. Следовало захватить Арсуф и Кесарию и включить их земли в состав королевства. Нужно было вернуть Аскалон, которого христиане лишились в 1099 г. из-за зависти Готфрида к графу Раймунду, и отодвинуть границу с Египтом дальше на юг, что позволило бы обезопасить путь, соединявший Иерусалим с побережьем. В Трансиордании и на территории, расположенной к югу от Мертвого моря, следовало организовать передовые посты. Новый правитель должен был связать свое королевство с христианскими государствами, находившимися на севере, открыв таким образом путь для паломников и переселенцев. Ему следовало продвигаться как можно дальше вдоль побережья и способствовать созданию христианских государств в Сирии.

К тому же Балдуин должен был обеспечить свое государство морским портом, превосходящим Яффу и Хайфу. Дело в том, что рейд в Яффе был открытым, а море там было слишком мелководным для того, чтобы большие корабли могли подойти близко к берегу. На сушу с них высаживались при помощи небольших лодок, что было очень опасным, когда начинал дуть ветер. Если он оказывался сильным, опасность

начинала угрожать уже самим кораблям. Высадившийся в 1102 г. в Яффе на берег Зевульф наблюдал, как утонули более двадцати кораблей из тех, вместе с которыми он плыл, и погибло более тысячи паломников. Рейд в Хайфе был глубже, а от южного и западного ветров его защищала гора Кармель. Однако северный ветер все равно представлял опасность для кораблей, входивших в этот порт. Единственным безопасным в любую погоду портом на палестинском побережье была Акра. Захватить его следовало из стратегических соображений и в целях дальнейшего развития торговли.

В сфере внутренней политики Балдуин нуждался в первую очередь в деньгах и в людях. Не будучи достаточно богатым для того, чтобы контролировать своих вассалов, он мог даже не надеяться, что ему удастся создать королевство. Людские ресурсы можно было получить, расширяя поток переселенцев и убеждая местных христиан в необходимости сотрудничества. Раздобыть деньги можно было, способствуя развитию торговли с соседними странами и пользуясь благочестивыми порывами набожных жителей Европы, решивших поддержать христианское государство в Святой земле и внести свой вклад в его создание и развитие. Однако подобные пожертвования делались в пользу церкви, а значит, для того, чтобы заставить эти деньги работать на благо всего королевства, Балдуину нужно было ее контролировать.

Самым крупным преимуществом франков была разобщенность мусульманского мира. Именно благодаря взаимной зависти мусульманских правителей и их нежеланию действовать сообща Первый крестовый поход оказался удачным. Мусульмане-шииты во главе с египетским халифом из династии Фатимидов ненавидели турок-суннитов и багдадского халифа так же сильно, как и христиан. Последние тоже не были едины — Сельджукиды и Данишмендиды беспрестанно соперничали друг с другом, Артукиды — с родом Тутуша, да и между двумя сыновьями последнего также существовала вражда. Отдельные атабеки, такие как Кербога, пытались реализовывать собственные амбиции, что еще больше усложняло ситуацию, в то время как малозначительные арабские династии, к примеру Бану Аммар из Триполи или Мункизиды из Шайзара, использовали эти неурядицы в собственных целях, так как подобная разобщенность позволяла им сохранять независимость. Благополучный исход крестового похода только усилил весь этот хаос. Уныние и взаимные обвинения делали перспективы сотрудничества мусульманских правителей друг с другом еще более туманными.

Христиане сумели извлечь из ослабления мусульман выгоду. Льстивый

и по-своему гениальный византийский император Алексей смог воспользоваться крестовым походом, чтобы вернуть контроль над Западной Малой Азией, а незадолго до описываемых событий византийский флот вернул под власть императора все побережье полуострова. Теперь во власти византийцев благодаря помощи Раймунда Тулузского снова оказался даже расположенный в Сирии порт Латакия. У армянских княжеств, располагавшихся в горах Тавра и Антитавра, над которыми из-за действий турок нависла угроза уничтожения, теперь появился шанс на выживание. Кроме того, в результате крестового похода образовались два франкских княжества, сумевшие внести в исламский мир разлад.

Самым богатым и наиболее защищенным из них было Антиохийское княжество, основанное норманном Боэмундом, несмотря на противодействие со стороны другого предводителя крестового похода, Раймунда Тулузского, и клятву, данную императору Алексею. Площадь этого государства была невелика — оно включало в себя нижнюю часть долины Оронта, Антиохийскую равнину и горный хребет Аманус, а также два морских порта — Александретту и Святой Симеон. Однако сама Антиохия, несмотря на трудности, с которыми ее жителям пришлось столкнуться незадолго до этого, была очень богатым городом. Жившие в ней ремесленники производили одежды из шелка и ковры, изделия из стекла и керамики, а также мыло. Невзирая на войны между мусульманами и христианами, в ее ворота заходили караваны из Алеппо и Месопотамии, направлявшиеся к морю. Практически все жители княжества являлись христианами. Среди них были греки и православные сирийцы, прихожане сиро-яковитской православной церкви и немногочисленные несториане, а также армяне, и все они относились друг к другу с такой завистью, что норманны без труда могли их контролировать.

Наибольшую угрозу извне представляли не столько мусульмане, сколько византийцы. Император считал, что его обманули и именно он должен был завладеть Антиохией, и теперь, заполучив киликийские порты и Латакию, он, зная, что на Кипре расположился византийский флот, стал ждать подходящего момента для того, чтобы вновь заявить о своих правах. Православные жители княжества искренне надеялись, что византийцы снова вернут власть над его территорией, но норманны могли противопоставить им армян и яковитов. Летом 1100 г. Антиохии пришлось столкнуться с тяжелым ударом судьбы — Боэмунд отправился в поход к верховьям Евфрата, но эмир из династии Данишмендидов разбил его войско, а самого его взял в плен. Однако, если не считать потерю людских ресурсов, эта беда не причинила заметного вреда княжеству. Благодаря

быстрым действиям короля Балдуина, тогда еще бывшего графом Эдесским, турки не смогли воспользоваться победой, а через несколько месяцев из Палестины прибыл Танкред, занявший на время пленения дяди место регента. Он стал столь же энергичным и беспринципным правителем норманнов, как и Боэмунд.

Второе франкское государство, графство Эдесса, служило буфером, защищавшим Антиохию от мусульман. Графство, где теперь правил двоюродный брат и тезка Балдуина Балдуин де Бур, занимало большую, чем княжество, территорию. Оно раскинулось на обоих берегах Евфрата, от Раванды и Айнтапа до размытой границы в районе Джебзире, расположенного к востоку от Эдессы. У него не было естественных границ, а население оказалось весьма пестрым, так как, хотя по большей части его жители (в основном яковиты и армяне) исповедовали христианство, на территории графства располагались и мусульманские города, такие как Суруч. Франки не могли даже надеяться на то, что им удастся сформировать централизованную систему управления этим государством. Вместо этого они расположили гарнизоны в нескольких крепостях, из которых можно было спокойно отправляться собирать с близлежащих деревень дань и налоги. Кроме того, это позволяло им совершать весьма удачные набеги на соседние государства. Вся эта область всегда была приграничной, и на ее территории велись бесконечные войны, но могла похвастаться плодородными землями и множеством процветающих городов. Подати и набеги приносили графу Эдесскому неплохой доход. Богатство Балдуина I, когда он был графом Эдессы, намного превосходило то, которым он мог похвастаться, став королем Иерусалима.

Оба государства очень нуждались в притоке людских ресурсов, но и данная проблема стояла здесь не так остро, как в Иерусалиме. Захватив эти земли, мусульмане запретили местным христианам носить оружие, из-за чего среди последних не нашлось солдат, на которых могли бы положиться новые правители. Однако Антиохия и Эдесса прежде принадлежали Византии, и для живших там христиан, особенно армян, воинская доблесть не была пустым звуком. Франкские князья понимали: согласившись сотрудничать, армяне предоставят им готовое войско. Боэмунд и Танкред в Антиохии, Балдуин I и Балдуин II в Эдессе сначала пытались снискать доверие армян, но те оказались ненадежными и вероломными союзниками. Им не следовало давать ключевые должности. Правители Антиохии и Эдессы нуждались в рожденных на Западе рыцарях, способных руководить их войсками и командовать крепостями, и в рожденных на Западе священнослужителях, которые смогли бы участвовать в управлении

государством. Однако в то время как в Антиохии переселенцев ждало вполне безопасное существование, в Эдессу готовы были ехать только искатели приключений, предпочитавшие образ жизни предводителей шаек разбойников.

От этих двух франкских государств Иерусалимское королевство отделяла длинная полоска земли, на которой господствовали завистливые мусульманские правители. К северу от королевства, на побережье, располагались четыре богатых морских порта — Акра, Тир, Сидон и Бейрут, каждый из которых принес клятву верности Египту, хотя о ней они то вспоминали, то снова забывали в зависимости от того, насколько близко находился египетский флот. К северу от Бейрута правили эмиры из династии Бану Аммар, столица государства которых находилась в Триполи. Незадолго до описываемых событий эмир, правивший в Триполи, сумел извлечь выгоду из отхода крестоносцев на юг, расширив границы своего государства до Тартуса. В Джебле, что между Тартусом и Латакией, правил местный кади ибн Сулайха, летом 1101 г. передавший ее Тугтегину, атабеку правителя Дамаска Дукака, который, в свою очередь, передал ее династии Бану Аммар. В горах Ансария, за Тартусом и Джеблой, располагались небольшие эмираты Бану Мухрит в Маркабе и Кадмусе и Бану Амрун в Кахфе. Верхняя часть долины реки Оронт была разделена между искателем приключений из Апамеи Халафом ибн Мутаибом, мусульманином-шиитом, признавшим верховенство Фатимидов, Мункизидами, правившими в Шайзаре, наиболее влиятельной среди этих малозначительных династий, и правителем Хомса Джанах ад-Даула, бывшим атабеком правителя Алеппо Ридвана, поссорившимся со своим господином и решившим насладиться мнимой независимостью. В Алеппо продолжал править Ридван, который, будучи представителем династии Сельджукидов, носил титул малик, царь. Расположенный восточнее район Джезире в основном находился во власти членов династии Артукидов, отошедших туда, когда Фатимиды в 1097 г. отвоевали Иерусалим, и считавшихся вассалами Дукака из Дамаска. Последний, носивший, как и его брат Ридван, титул малик, правил в Дамаске.

Еще большую сумятицу в эту политическую ситуацию вносила пестрота населения Сирии. Разбросанные по ее территории турки были представителями феодальной аристократии, но практически всеми менее значимыми эмирами являлись арабы. Городское население на севере Сирии и в районе Дамаска в основном составляли христиане, разделявшие учение сиро-яковитской церкви. В восточных районах проживали несториане, а с севера в эти области проникали армяне. Территория, которой правили

представители династии Бану Аммар, была населена монофелитами — сторонниками религиозного движения, входившего в состав маронитской церкви. В горах Ансария обитало племя нусайритов, приверженцев одноименной шиитской секты, на которых опирался Халаф ибн Мутаиб. Южные склоны горного хребта Ливан были населены друзьями, шиитами, признававшими божественную природу халифа Хакима и ненавидевшими всех своих соседей-мусульман, но еще с большей нетерпимостью относившимися к христианам. Ситуацию также осложняли постоянный процесс переселения арабов из пустыни на обжитые земли, а также курдов из расположенного к северу горного региона и присутствие групп туркмен, готовых наняться к любому полководцу, способному им заплатить.

Наиболее могущественными из властелинов расположенных по соседству с Сирией государств, исповадовавших ислам, были египетские Фатимиды. В Средневековье Дельта и долина Нила были наиболее густонаселенными областями. В Каире и Александрии было прекрасно развито производство стекла, керамики, а также изделий из металла, льна и парчи. На полях Египта в обилии росли зерновые, а в Дельте раскинулись обширные плантации сахарного тростника. Египет контролировал торговый путь из Судана, откуда привозили золото и гуммиарабик, страусовые перья и слоновую кость. Торговля с Дальним Востоком теперь велась через Красное море, а значит, в Средиземное море корабли попадали через египетские порты. Правители Египта могли снаряжать армии, численность которых поражала воображение, и, хотя сами египтяне считались плохими солдатами, их владыки способны были заплатить стольким наемникам, скольким считали необходимым. К тому же в их распоряжении имелся весьма солидный флот. При этом халиф из династии Фатимидов, будучи шиитом, по вполне объяснимым причинам мог считаться защитником единоверцев-шиитов, живших в Сирии. Однако Фатимиды придерживались традиции, требовавшей от них терпимости, и многие арабы-сунниты, опасавшиеся владычества турок, были готовы принести клятву верности правителям Египта. Из-за вторжений турок площадь владений Фатимидов в Сирии сократилась, а их репутация значительно пострадала после того, как франки захватили Иерусалим и одержали победу над превосходившей их по численности объединенной египетской армией в битве при Аскалоне. Однако правители Египта вполне могли позволить себе лишиться войска. Было ясно, что визирь аль-Афдаль, правивший Египтом от имени малолетнего халифа аль-Амира, будучи армянином родом из Акры, сделает все возможное, чтобы отомстить за

поражение и вернуть Палестину. Тем временем египетский флот поддерживал связь с мусульманскими городами, расположенными на побережье.

Представитель соперничавшей с Фатимидами династии Аббасидов халиф аль-Мустазхир, еще совсем молодой человек, правил в Багдаде по воле султана из династии Сельджукидов. В то же время самому султану Баркирку, сыну выдающегося Малик-шаха, не доставало силы и способностей отца. Братья регулярно восставали против него. Ему пришлось пожаловать Санджару, младшему из них, Хорасан, а начиная с 1099 г. он постоянно воевал с другим своим братом — Мухаммедом, в конце концов установившим свою власть над Ираком. Это привело к тому, что Баркирук как союзник в борьбе против христиан оказался бесполезен.

Глава младшей ветви династии Сельджукидов малик Анатолии Кылыч-Арслан, самостоятельно провозгласивший себя султаном, находился чуть в лучшем, чем его двоюродный брат, положении. В результате Первого крестового похода он лишился Никеи, являвшейся столицей его государства, и значительной части своего состояния, потерянной в результате битвы у Дорилея. Большая часть территории, которая прежде ему принадлежала, теперь перешла к византийцам. Кылыч-Арслан испортил отношения с Сельджукидами, правившими на Востоке, отказавшись признать их превосходство. Однако благодаря переселившимся в Анатолию туркменам он сумел восстановить армию и население своих владений, вследствие чего получил возможность оттеснить христиан. Более эффективно действовали эмиры из династии Данишмендидов, правившие в Сивасе и распространившие свое господство на северо-восток полуострова. Эмир Гююштекин незадолго до этого прославился своей победой над Боэмундом, став таким образом первым мусульманским правителем, разбившим войско франкских рыцарей. Ему также удалось воспользоваться переселением туркмен.

Между Анатолией, где правили турки, и франкскими государствами в Северной Сирии находилось несколько армянских княжеств. В одном из них правили Ошиниды, контролировавшие центральную часть гор Тавра, а в другом, расположенном восточнее, — князья из династии Рубенидов. В районе Антитавра княжил Васил Гох, в Мараше — Торос, а в Мелитене — Гавриил. Торос и Гавриил были православными христианами и, соответственно, с готовностью сотрудничали с византийцами. Они, как и Ошиниды, легитимировали свою власть с помощью титулов, полученных от императора. Однако Рубениды, оказавшиеся единственными из всех армянских князей, кому удалось создать более или менее стабильное

государство, традиционно враждебно относились к Византии и православной церкви.

Из всех соседей народов, живших в Сирии, наибольший интерес к происходившим там событиям проявляли византийцы. Трон в Константинополе на протяжении почти двадцати лет занимал император Алексей. Когда он взошел на престол, империя находилась в упадке, но его талант дипломата и бережливость, а также благоразумие, которые он проявлял в отношениях со своими подданными и соперниками, жившими как в Византии, так и за ее пределами, позволили ему восстановить в государстве стабильность. Алексей использовал крестовый поход, чтобы отобрать Малую Азию у турок, а обновленный флот дал ему возможность обрести контроль над побережьем.

Даже в худшие для нее времена Византия обладала на Востоке прекрасной репутацией. Она была преемницей Римской империи с ее тысячелетней историей, а византийский император считался общепризнанным лидером христиан, с какой бы неприязнью его собратья ни относились к его политике или даже к жадности. Константинополь с его многочисленными и постоянно занятыми жителями, его богатством и внушительными оборонительными сооружениями производил на современников, живших по всему средневековому миру, неизгладимое впечатление. Войско империи было оснащено намного лучше, чем другие армии того времени. На протяжении долгого времени византийская монета считалась единственной твердой валютой. При обмене валют использовался иперпир, который нередко называют безантом, золотой солид, ценность которого установил Константин Великий. Византии было суждено играть ведущую роль в политических событиях на Востоке на протяжении почти целого грядущего столетия, но в реальности ее успехи были обусловлены скорее выдающимися качествами государственных деятелей и престижем, обусловленным ее связью с Римской империей, чем силой.

Вторжения турок практически уничтожили социальную организацию и экономику Анатолии, откуда в прежние времена империя получала значительную часть солдат и продуктов питания, и, хотя шанс вернуть территорию у Византии был, восстановление прежней структуры общества не представлялось возможным. Теперь войско состояло почти исключительно из наемников, а значит, его содержание требовало больших финансовых затрат и на него нельзя было положиться. Наемников тюркского происхождения, таких как печенеги, можно было спокойно использовать в боях против франков или славян, но неизвестно было, как

они себя поведут при столкновении с турками в Азии. Франкские наемники не желали сражаться со своими сородичами. В начале своего правления Алексею даже пришлось обратиться за помощью к венецианцам и предоставить им торговые привилегии, причинившие ущерб его собственным подданным. Такие же привилегии впоследствии были предоставлены другим приморским городам — Генуе и Пизе. Вследствие этого доходы от византийской торговли оказались в руках иноземцев. Чуть позже, нуждаясь в живых деньгах, Алексей пошел на порчу монеты, повелев чеканить золотую монету прежнего веса, но с меньшим содержанием золота. В итоге доверие к безанту стало падать, и партнеры Византии вскоре потребовали, чтобы с ними расплачивались «михаилами», монетами, отчеканенными в правление Михаила VII, последними из тех, в ценности которых ни у кого не было сомнений.

В первую очередь императора беспокоило благосостояние Византии. Он с одобрением отнесся к Первому крестовому походу и готов был сотрудничать с его предводителями. Но амбиции Боэмунда и предательство, совершенное им при захвате Антиохии, шокировали и разозлили Алексея. Его охватило желание вернуть Антиохию и захватить контроль над дорогами, которые вели в этот город через Малую Азию. Когда крестоносцы двинулись дальше на юг, в Палестину, он перестал помогать им. На протяжении всего предшествовавшего этому столетия византийцы традиционно придерживались политики сотрудничества с правившими в Египте Фатимидами в борьбе против Аббасидов-суннитов и турок. Можно утверждать, что, не считая сумасшедшего халифа Хакима, Фатимиды очень терпимо относились к восточным христианам. Следовательно, у Алексея не было оснований для того, чтобы полагать, будто франки окажутся для них более подходящими правителями. Поэтому, когда крестоносцы двинулись на Иерусалим, он увел свои войска. Однако в то же время, являясь покровителем православия, он не мог остаться безразличным к судьбе Иерусалима. Император решил: если франкское королевство выдержит испытание временем, то он сделает все возможное, чтобы оно было признано. Он готов был сделать для франков, оставшихся в Палестине, несколько жестов доброй воли, но свою помощь собирался свести к открытию дорог Малой Азии. В отношении к поселившимся в Антиохии норманнам Алексей испытывал лишь враждебность и мог стать для них опасным противником. Очевидно, он не стремился вернуть Эдессу. Возможно, император понимал, что появившееся там франкское княжество способно оградить его владения от мусульман.

Новым фактором, который начал оказывать влияние на политику

ближневосточных государств, стало вмешательство в нее итальянских городов. Сначала их жители постеснялись принять участие в крестовом походе, но затем поняли, что он способен принести им выгоду. Затем Пиза, Венеция и Генуя отправили на Ближний Восток свои корабли, пообещав крестоносцам помощь в обмен на торговую площадь в каждом захваченном городе. Рыцари с удовольствием приняли это предложение, так как оно сулило возможность получить поддержку с моря, позволявшую крестоносцам захватить прибрежные мусульманские города. Кроме того, благодаря итальянским кораблям для крестоносцев открывались более быстрые и безопасные пути сообщения с Западной Европой, чем долгая дорога по суше. Но из-за привилегий, которые итальянцы потребовали и получили, правители франкских государств лишались значительной части потенциальных доходов.

Сложность международной обстановки не давала королю Балдуину почву для оптимизма. Его союзники действовали вяло или оказывались ненасытными, да и руководствовались они в первую очередь собственными интересами. Разобщенность врагов была ему выгодна, но он, возможно, понимал: если мусульмане сумеют найти предводителя, способного объединить их всех, шансы на выживание франкских государств, появившихся на Ближнем Востоке, будут невелики. Между тем сам он оказался в обществе крайне немногочисленных сторонников в местности со смертоносным климатом, которая на протяжении столетий служила полем боя для различных народов. Поэтому, узнав, что на Западе готовится новый крестовый поход, Балдуин стал ждать его с нетерпением.

Глава 2. Крестоносцы в 1101 г.

Но они сказали: «не будем слушать».

Книга пророка Иеремии, 6: 17

Новость о том, что христиане сумели отвоевать Иерусалим, достигла Западной Европы летом 1099 г. и встречена была с энтузиазмом и радостью. Авторы хроник повсеместно откладывали повествование о местных событиях, чтобы увековечить рассказ о величайшем проявлении божественной милости. Однако сам папа Урбан к тому моменту уже умер и не узнал об успехе крестоносцев, но его друзья и помощники среди служителей церкви возносили хвалы Господу за успех вдохновленного папой предприятия. На протяжении последовавшей за этим зимы многие предводители крестоносцев вернулись домой в сопровождении своих солдат. Как и все остальные воины, вновь оказавшиеся дома, крестоносцы, без сомнения, преувеличивали тяготы, с которыми им пришлось столкнуться во время путешествия, и величие земель, где они оказались. Конечно же, помимо всего прочего, они, по воле Небес, совершили множество чудес. Однако все они в один голос говорили, что для доведения божественного замысла до конца на Востоке требуются солдаты и поселенцы и что искателей приключений там ждут богатство и обширные владения. Они призывали совершить новый крестовый поход, получивший благословение и от служителей церкви.

В новый поход крестоносцы могли отправиться не раньше начала осени 1100 г. Зима не подходила для путешествий, да и урожай нужно было собрать. Все же в сентябре 1100 г. из Италии в сторону Востока выдвинулись участники Ломбардского крестового похода во главе с выдающимся ломбардцем архиепископом Миланским Ансельмом Бовизским. Его сопровождали графы Альберто де Бьяндрате и Гиберт Пармский. Во время Первого крестового похода ломбардцы не сыграли какой-либо значимой роли. Многие из них отправились на Восток в первые месяцы после его начала, присоединились к Петру Пустыннику и с помощью интриг с его германскими последователями, направленными против франков, способствовали крушению его похода. Выжившие впоследствии поступили на службу к Боэмунду. Соответственно, из всех предводителей крестового похода именно последний пользовался

наибольшим уважением в Ломбардии.

Новый поход был организован немногим лучше, чем предыдущий. В нем участвовало совсем немного профессиональных солдат. В основном на Восток отправилась чернь, набранная в трущобах городов Ломбардии, люди, размеренное течение жизни которых нарушило развитие на их родине производства. С ними в поход шло множество священнослужителей, а также женщин и детей. В итоге эта экспедиция оказалась довольно многочисленной, даже если учесть, что цифру в 200 000 человек, которую приводит в своей работе Альберт Аахенский, нужно поделить как минимум на десять. Ни архиепископ, ни Альберто де Бьяндрате, считавшийся предводителем этого похода, не были в силах контролировать его участников.

Осенью 1100 г. ломбардцы неспешно продвигались по Крайне, по долине реки Савы, через земли, где правил король Венгрии. В районе Белграда они проникли на территорию Византии. Алексей был готов помочь им. Его войска сопровождали участников похода по территории Балкан. Затем, так как это огромное количество людей невозможно было разместить в одном лагере, их разделили на три части. Одна из них должна была провести зиму в лагере возле Филиппополя, вторая — у Адрианополя, а третья — у Родосто. Но и после этого участники похода оказались слишком неорганизованными для того, чтобы их можно было контролировать. Те, кто оказался в каждом из этих подразделений, стали совершать набеги на окрестности, грабить деревни, вламываться в зернохранилища и даже обворовывать церкви. В конце концов в марте император привел всех участников похода в лагерь, разбитый за стенами Константинополя, намереваясь как можно быстрее переправить их в Азию. Но они услышали, что на помощь им выдвинулись другие крестоносцы, и отказались пересекать Босфор до тех пор, пока не прибудет пополнение. Для того чтобы заставить их сдвинуться с места, император приказал урезать поставки провианта, из-за чего участники похода тотчас же напали на город и пробились во двор императорского дворца во Влахернах. Оказавшись там, они убили одного из львов императора и попытались открыть дворцовые ворота. Миланский архиепископ и Альберто де Бьяндрате, тепло принятые императором, были в ужасе. Они поспешно пробились в центр восставшей толпы и сумели убедить людей по крайней мере вернуться в лагерь. Но им еще нужно было успокоить императора...

Мирного разрешения конфликта удалось достичь благодаря Раймунду Тулузскому, проводившему зиму в гостях у Алексея и пользовавшемуся его полным доверием. Будучи первым среди всех предводителей крестоносцев,

другом папы Урбана и епископа Адемара, он все еще обладал огромным влиянием. Ломбардцы прислушались к его словам и, воспользовавшись его советом, согласились выдвинуться в Азию. Ближе к концу апреля они разбили лагерь неподалеку от Никомедии, где стали ждать пополнение, которое должно было прийти с Запада. Стефану Блуаскому так и не позволили забыть побег из Антиохии. Он не выполнил клятву, которую дал перед началом крестового похода, и проявил трусость перед лицом врага. Его жена графиня Адела, дочь Вильгельма Завоевателя, очень стыдилась этого его поступка. Наверняка она ворчала на него даже в супружеской спальне, требуя, чтобы он вновь отправился на Восток и восстановил свою репутацию. Стефан не мог сослаться на то, что нужен дома, ибо реальной правительницей страны всегда была его супруга. В итоге весной 1101 г. он, мучимый предчувствием беды, неохотно снова отправился в Святую землю.

Узнав о том, что Стефан Блуаский отправляется в поход, многие франкские рыцари во главе с графом Бургундии Стефаном, Гуго де Бруа, Балдуином де Гранпре и епископом Суассона Гуго де Пьерфоном решили присоединиться к нему. Они отправились на юг через Италию, пересекли Адриатическое море и достигли Константинополя примерно в начале мая. По пути их нагнал небольшой германский отряд под командованием Конрада, коннетабля императора Генриха IV.

Крестоносцы-франки обрадовались, узнав, что Раймунд находится в Константинополе, да и сам византийский император принял их очень хорошо. Возможно, последовав совету Алексея, они решили, что Раймунд должен возглавить поход; ломбардцы также пошли на уступки и согласились с этим предложением. В последние дни мая вся армия, состоявшая из франков, германцев и ломбардцев, а также немногочисленных византийцев под командованием военачальника Цитаса, которого также сопровождал отряд тюркских наемников, вероятно печенегов, выступил из Никомедии в сторону Дорилея.

Участники крестового похода планировали достичь Святой земли, а по дороге расчистить путь, который шел по Малой Азии (нужно сказать, что император полностью поддерживал выполнение этой вторичной для крестоносцев задачи). Поэтому Стефан Блуаский предложил двигаться по дороге, проходившей через Дорилей и Конью, которой в свое время воспользовались участники Первого крестового похода. Раймунд с ним согласился, так как это предложение вполне соответствовало инструкциям, полученным им от Алексея. Однако у ломбардцев, составлявших основу войска, было другое мнение. Они считали своим героем Боэмунда, и только

он, по их мнению, был единственным полководцем, способным вести их к победе. Сам Боэмунд в это время находился в плену у эмира из династии Данишмендидов в его замке в Никсаре, расположенном далеко на северо-востоке Анатолии. Ломбардцы настаивали, что в первую очередь следует освободить Боэмунда. Раймунд и Стефан пытались спорить, но тщетно. О том, что Раймунд завидует Боэмунду, знали слишком многие; к тому же, несмотря на все его качества, он ни разу не проявил себя как сильный военный лидер, а репутация Стефана была испорчена воспоминанием о проявленной им трусости. Миланский архиепископ и Альберто де Бьяндрате поддержали ломбардцев, в итоге сумевших добиться своего. Выйдя из Никомедии, войско повернуло на восток и направилось в сторону Анкары. Большая часть этой территории находилась во власти византийцев, благодаря чему крестоносцы по пути могли спокойно раздобыть пищу. В самой Анкаре управлял султан из династии Сельджукидов Кылыч-Арслан, но, прибыв туда 23 июня, крестоносцы увидели, что город плохо укреплен, и взяли его приступом. Затем Анкару передали во власть императора, сделав таким образом очень правильный шаг.

Покинув Анкару, крестоносцы отправились на северо-восток по пути, который вел в Гангру в Южной Пафлагонии, собираясь выйти на большую дорогу в сторону Амасьи и Никсара. Уже по пути в Гангру у крестоносцев начались проблемы. Кылыч-Арслан отступал, двигаясь перед ними и опустошая при этом области, по которым шел, вследствие чего участникам похода не удавалось найти для себя пищу. Тем временем о приближающемся войске узнал Малик Гази из династии Данишмендидов. Он поспешил возобновить союз с Кылыч-Арсланом и уговорил правителя Алеппо Ридвана прислать с юга подкрепление. В начале июля крестоносцы достигли Гангры, но там их встретили полностью готовые к бою сельджуки. Крепость действительно оказалась неприступной. Разграбив окрестности и забрав столько еды, сколько можно было унести, крестоносцы были вынуждены уйти. Они были вымотаны, их мучило чувство голода, да и июльскую жару на Анатолийском нагорье вынести непросто. Охваченные разочарованием, они прислушались к словам графа Раймунда, посоветовавшего им отступить на север, к Кастамону, а оттуда — в один из византийских городов на побережье Черного моря. Это отступление должно было спасти войско от неизбежного уничтожения. Раймунд, несомненно, думал, что император простит его за непослушание, ведь он планировал на обратном пути захватить два города: Анкару и Кастамону — и передать их Алексею. Не случайно последний из этих двух

городов носил название *Castra Comnenon* — именно оттуда происходила правившая в Византии династия.

Крестоносцы двигались в сторону Кастамону медленно, терпя по пути многочисленные лишения. Воды не хватало, а турки уничтожили весь урожай. К тому же турки быстро двигались по шедшим параллельно дорогам и нападали то на авангард, то на арьергард крестоносцев. Не успели они уйти на более или менее приличное расстояние, как внезапно авангард войска христиан, состоявший из 700 ломбардцев, подвергся атаке. Охваченные паникой ломбардские рыцари бежали, лишив таким образом защиты пехоту. Стефан Бургундский с трудом сумел сплотить авангард и оттеснить противника. На протяжении нескольких последовавших за этим дней Раймунд, командовавший арьергардом, был вынужден отбивать постоянные нападения турок. Армии вскоре пришлось двигаться сплоченными рядами, из-за чего ее предводители лишились возможности отправлять фуражиров на поиски еды и разведчиков для изучения обстановки.

К тому времени как крестоносцы добрались до окрестностей Кастамону, полководцам стало ясно, что спастись можно только одним способом — двигаться прямо в сторону побережья. Но ломбардцы снова отказались прислушиваться к голосу разума. Возможно, они винили во всех своих проблемах Раймунда, выбравшего неправильную дорогу до Кастамону. Может, ломбардцы думали, будто, когда они покинут территорию, контролируемую сельджуками, и окажутся во владениях Данишмендидов, все станет гораздо проще. Не желая отказываться от своей блажи, они настаивали на необходимости снова повернуть на восток. Военачальникам пришлось согласиться с этим решением, ибо они понимали: если их небольшие отряды отделятся от основной части войска, то вряд ли сумеют выжить. Крестоносцы двинулись вдоль реки Галис на территорию, находившуюся под властью эмира из династии Данишмендидов. Беспочинно разграбив христианскую деревню, оказавшуюся у них на пути, участники похода дошли до города Мерсивана, расположенного посередине пути между рекой и Амасьей. Там коннетабль Конрад попал в засаду и лишился нескольких сотен солдат из своего отряда. Теперь стало ясно, что Данишмендиды и их союзники стягивают силы, готовясь к атаке. Раймунд также стал готовить войско христиан к сражению.

Когда началась битва, турки прибегли к своей излюбленной тактике. Их лучники внезапно бросились на врага, выпустили стрелы, а затем снова отступили. При этом тотчас же с другой стороны появились новые стрелки.

Крестоносцам не дали возможности перейти к бою врукопашную, так как в нем они могли воспользоваться своими преимуществами — физической силой и более качественным оружием. Вскоре у ломбардцев сдали нервы. Они во главе с Альберто де Бьяндрате в панике бежали с поля боя, оставив на произвол судьбы женщин и священнослужителей. За ними почти сразу последовали наемники-печенеги, решившие не дожидаться неизбежного конца. Сражавшийся с ними Раймунд в какой-то момент понял, что остался один. Ему удалось вместе со своими телохранителями отойти к небольшому скалистому уступу, где он держал оборону до тех пор, пока его не спасли Стефан Блуаский и Стефан Бургундский. Франкские рыцари и германские солдаты под предводительством Конрада храбро сражались на протяжении всей второй половины дня, но противник постепенно оттеснял их к лагерю. К ночи Раймунд понял, что с него достаточно. Под прикрытием темноты он бежал в сопровождении своего телохранителя, бывшего родом из Прованса, и отряда византийцев, двигаясь в сторону побережья. Узнав о его бегстве, другие участники похода сложили оружие. Остатки армии крестоносцев стали спасаться бегством еще до рассвета, оставив туркам лагерь и сопровождавших их людей, не участвовавших в сражении.

Турки остановились, чтобы разделаться с женщинами и стариками, оставшимися в лагере, а затем погнались за беглецами. Скрыться от них сумели только рыцари, ехавшие верхом. Турки догнали и почти полностью перебили пехотинцев. Все ломбардцы, упорство которых привело к беде, за исключением своих предводителей, были уничтожены. Погибло четыре пятых войска крестоносцев. В руках турок оказались многочисленные богатства и большое количество оружия, а восточные гаремы и рынки рабов наполнились молодыми женщинами и детьми, захваченными в тот день турками.

Раймунду и тем, кто его сопровождал, удалось достичь небольшого византийского порта Бафры, расположенного в устье реки Галис. Там они сумели найти корабль, на котором отплыли в Константинополь. Другие рыцари с боями продвигались вдоль реки и достигли побережья у Синопа. Оттуда они неспешно двинулись по прибрежной дороге, шедшей по территории Византии, в сторону Босфора. В начале осени все они встретились в Константинополе.

Пытавшиеся найти козла отпущения крестоносцы свалили всю вину за свое поражение на византийцев. Стали поговаривать, что граф Раймунд, уводя армию с намеченного пути, следовал указаниям императора, из-за чего она попала в заранее подготовленную осаду турок и была полностью

разбита. Однако в действительности Алексей был очень зол на Раймунда и других предводителей похода. Он принял их вежливо, но холодно и не скрывал свое неудовольствие. Если бы крестоносцы захватили для него Кастамону и Пафлагонию, он бы простил их, но сейчас его больше беспокоили другие проблемы — нужно было обезопасить прямой путь в Сирию, не позволить врагам забрать недавно отвоеванные территории на юго-западе Малой Азии и придумать способ, который позволил бы ему вмешаться в ситуацию в Сирии. К тому же он не хотел ввязываться в войну с эмиром из династии Данишмендидов, с которым он уже начал переговоры о выкупе Бозмунда. Сумасбродство ломбардцев нарушило его планы.

Но у случившейся беды были и более серьезные последствия. Победы, одержанные христианами во время Первого крестового похода, далеко не самым лучшим образом сказались на репутации турок и их уверенности в себе. Теперь же они сумели восстановить и то и другое, сделав это с честью. Султан из династии Сельджукидов восстановил свою власть над Центральной Анатолией и вскоре смог перенести столицу в Конью, расположенную на пути, шедшем из Константинополя в Сирию. Тем временем Малик Гази из династии Данишмендидов продолжал захватывать долину Евфрата, подбираясь к границам княжества Эдесса. Сухопутный путь из Европы в Сирию стал непреодолимым как для крестоносцев, так и для византийцев. Более того, отношения между ними ухудшились. Крестоносцы продолжали считать византийского императора источником всех своих бед, в то время как византийцы впали в ярость из-за глупости, неблагодарности и непорядочности крестоносцев.

Последствия свершившейся катастрофы стали очевидны очень быстро. Уже через несколько дней после того, как ломбардцы выдвинулись из Никомедии, в Константинополь прибыла армия франков во главе с графом Невера Гильомом II. Он покинул дом в феврале, пройдя через Италию, добрался до Бриндизи, где сел на корабль, пересек Адриатическое море и достиг Авлоны. Когда его армия пересекала Македонию, она благодаря царившей в ней жесткой дисциплине успела произвести крайне благоприятное впечатление. Алексей встретил графа очень радушно, но тот решил не задерживаться в Константинополе. Возможно, он надеялся, что сумеет объединить силы с бургундским герцогом, своим соседом, и поэтому из всех сил торопился догнать его. Добравшись до Никомедии, Гильом узнал, что крестоносцы отправились к Анкаре, куда он прибыл ближе к концу июля. Но там никто не знал о местонахождении объединенного войска франков и ломбардцев, и Гильом был вынужден повернуть обратно, чтобы выйти на дорогу, ведущую к Конье. Несмотря на

все сложности, связанные с передвижением по территории, не успевшей восстановиться после Первого крестового похода, его армия двигалась, не нарушая строй. В Конье теперь находился большой гарнизон сельджуков, и попытки Гильома взять город приступом не увенчались успехом. Он понял, что оставаться там бессмысленно, и двинулся дальше.

Тем временем о появлении нового врага узнали Кылыч-Арслан и Малик Гази. Окрыленные победой над ломбардцами, они поспешили на юг, вероятно пройдя через Кесарию-Мазаку и Нигде, и достигли Гераклеи раньше Гильома. В это время войско из Невера медленно двигалось от Коньи на восток. Пищи не хватало, а встречавшиеся по пути колодцы турки перекрыли. Подойдя к Гераклею, усталые и ослабленные солдаты попали в засаду и были окружены турецким войском, значительно превосходившим их по численности. После короткого сражения их сопротивление было сломлено. Все франкские солдаты, за исключением самого графа Гильома и нескольких конных рыцарей, пали на поле боя. Спасшиеся сумели прорваться через ряды турок и, проскитавшись несколько дней по горам Тавра, прибыли в византийскую крепость Германикополь, расположенную к северо-западу от Селевкии, находившейся в Исаврии. Тамошний византийский наместник, очевидно, одолжил им в качестве сопровождающих двенадцать наемников-печенегов, которые должны были проводить франков до сирийской границы. Через несколько недель граф Гильом и его сопровождающие, полуголые и безоружные, вступили в Антиохию. Они сказали, что печенеги ограбили их и бросили одних в пустыне, которую все они тогда пересекали. Однако мы до сих пор не знаем, что произошло на самом деле.

Не успел граф Невера пересечь Босфор, как в Константинополь прибыло более многочисленное франко-германское войско. Франками командовал герцог Аквитании Гильом IX, наиболее известный трубадур своего времени и самый ярый политический соперник Раймунда Тулузского. Дело в том, что жена Гильома герцогиня Филиппа приходилась дочерью старшему брату Раймунда и должна была унаследовать графство. Вместе с ним в поход отправился граф Вермандуа Гуго, покинувший своих сородичей во время Первого крестового похода после захвата Антиохии и стремившийся все-таки выполнить свою клятву и увидеть Иерусалим. Аквитанская армия покинула Францию в марте и передвигалась по суше — через юг Германии и Венгрию.

По пути к этой армии присоединился герцог Баварии Вельф, за долгие годы жизни совершивший много славных дел на родине и решивший провести старость в сражениях во имя Господа в Палестине. С собой он

привел прекрасно снаряженное войско, состоявшее из германских рыцарей и пехотинцев. Вельфа также сопровождали зальцбургский архиепископ Тимо и вдовствующая маркграфиня Ида Австрийская, одна из самых красивых женщин своего времени, которая, осознав, что молодость ушла безвозвратно, решила совершить благочестивое деяние, приняв участие в крестовом походе.

Их объединенное войско двигалось вниз по течению Дуная в сторону Белграда, а дальше направилось по широкой дороге, шедшей через Балканы. При этом оно представляло собой совершенно недисциплинированную толпу. К тому времени как армия достигла Адрианополя, она успела снискать такую дурную славу, что византийские власти отправили печенежские и половецкие отряды, которые должны были помешать крестоносцам пройти дальше. Начался довольно вялый бой. Крестоносцы смогли сдвинуться с места только после того, как герцог Гильом и Вельф обещали, что их воины будут вести себя как подобает. Во время пути в Константинополь их сопровождал многочисленный конвой. Алексей радушно встретил прибывших в столицу Византии Гильома, Вельфа и маркграфиню и предоставил им людей, которые должны были как можно быстрее переправить крестоносцев через Босфор. Некоторые из мирных паломников, передвигавшихся вместе с войском, включая Эккехарда из Ауры, сели на корабли, плывшие в Палестину напрямую, и прибыли туда через шесть недель после отплытия.

Два герцога вполне могли бы догнать графа Невера и усилить свою армию с помощью имевшихся в его распоряжении людей. Однако последний предпочел объединиться с графом Бургундии, а граф Гильом не хотел объединять свои силы с войском, возглавляемым его старым врагом графом Тулузским, а как баварский герцог Вельф, старый противник императора Генриха IV, возможно, не питал большой любви к Конраду, коннетаблю последнего. Граф Невера поспешно отправился в сторону Анкары, в то время как аквитанско-баварское войско на протяжении пяти недель стояло на берегу Босфора, а затем медленно двинулось по широкой дороге, шедшей к Дорилею и Конье. К тому времени как они достигли Дорилея, армия из Невера уже успела пройти этот город, возвращаясь назад, и двигалась к Конье.

То, что за несколько дней до них по той же дороге прошло другое войско, не облегчило жизнь аквитанцев и баварцев. Их предшественники уже забрали с собой все скудное продовольствие, которое можно было достать по пути, и в этом, что характерно, крестоносцы обвинили византийцев. Как и солдаты из Невера до них, баварцы и аквитанцы быстро

обнаружили, что все колодцы пересохли или были перекрыты. Филомелий был покинут жителями, и крестоносцы его разграбили. Турецкий гарнизон Коньи, противостоявший армии из Невера, покинул город до прихода этого более многочисленного войска, но, прежде чем уйти, турки собрали и забрали с собой все съестные припасы и обобрали все сады в пригороде. В итоге крестоносцы не нашли ничего, что позволило бы им подкрепить силы. Именно тогда всего в нескольких милях от Коньи Кылыч-Арслан и Малик Гази уничтожали людей графа Невера.

Голодные и мучимые жаждой крестоносцы с трудом тащились прочь от Коньи через пустыню, направляясь к Гераклею. Внезапно сбоку от них появилась турецкая конница, которая стала выпускать стрелы, целясь в середину их войска, и вырезать фуражные отряды и оставших солдат. В начале сентября крестоносцы добрались до Гераклеи, но оказалось, что жители покинули не только Конью, но и этот город. Рядом с городом протекала река, одна из немногих в Анатолии, которые не пересыхают летом. Наполовину обезумевшие от жажды христианские воины нарушили строй, спеша к столь долгожданной воде. Однако очень быстро выяснилось, что в зарослях, покрывавших речные берега, скрывалось турецкое войско. Как только крестоносцы беспорядочно бросились к воде, турки выскочили из укрытий и окружили их. Времени на восстановление строя не было, и крестоносцами завладела паника. Охваченные сильнейшим страхом всадники и пехотинцы смешались друг с другом. Они, спотыкаясь друг о друга, пытались спастись бегством, но враги не позволяли им сделать это и убивали их.

Герцог Аквитанский в сопровождении одного из своих слуг прорвался на свободу и укрылся в горах. После многодневных скитаний по горным переходам он вышел к Тарсу. Гуго, граф Вермандуа, получил в бою серьезное ранение, но был спасен сопровождавшими его воинами и также добрался до Тарса, хотя и был уже к тому времени при смерти. Он умер 18 октября, и его похоронили там же, в соборе Святого Павла. Граф так и не исполнил свою клятву увидеть Иерусалим. Вельф Баварский сумел бежать благодаря тому, что успел снять и выбросить доспех. Через несколько недель в сопровождении двух или трех спутников он прибыл в Антиохию. Архиепископ Тимо попал в плен и был подвергнут из-за своей веры мученической смерти. О судьбе маркграфини Австрийской нам ничего не известно. В источниках, датированных более поздним временем, говорится, что она провела остаток дней в качестве пленницы в далеком гареме, где родила мусульманского героя Занги. Но более вероятно, что солдаты в панике бросили паланкин, где находилась женщина, она упала на землю, и

ее растоптали насмерть.

Каждый из трех крестовых походов 1101 г. закончился катастрофой, и этот бесславный конец повлиял на всю дальнейшую историю крестоносцев. Турки отомстили за поражение в битве при Дорилее. Их так и не сумели изгнать из Анатолии. Дорога, шедшая через полуостров, осталась небезопасной для армий христиан, кем — франками или византийцами — те ни были бы. Когда позднее византийцы решили вторгнуться в Сирию, им приходилось действовать на краю линий коммуникации, что значительно снижало скорость и делало войска уязвимыми. Франкские переселенцы теперь могли без страха двигаться с Запада по суше через Константинополь только в составе многочисленных армий. Им был доступен только путь по морю, но лишь немногие могли позволить себе заплатить за место на корабле. Вместо тысяч поселенцев, способных принести пользу в Сирии и Палестине, в том году во франкских государствах оказалась только кучка склочных полководцев, лишившихся своих армий и репутации. При этом надо сказать, что там и без них вполне хватало неуживчивых военачальников.

Однако не у всех христиан были основания для того, чтобы сожалеть о трагедии, случившейся в 1101 г. Для итальянских приморских городов потеря сухопутного маршрута через Малую Азию означала, что вскоре они сумеют стать еще более влиятельными и богатыми. Ведь у них были корабли, на которых можно было добраться до франкских государств, расположенных на Востоке. В их помощи нуждались все больше, а они требовали, чтобы взамен им давали торговые привилегии. Жившие в районе Тавра армяне, особенно князья из династии Рубенидов, радовались тому, что Византия лишилась возможности вернуть себе земли, где они жили. В то же время у армян, живших восточнее, причин для радости было меньше. Их главным противником был эмир из династии Данишмендидов, который, вдохновленный триумфом, вскоре напал на них. Жившие в Антиохии норманны, боявшиеся, как и Рубениды, византийцев больше, чем турок, получили весьма полезную для себя передышку. Бозмунд все еще томился в плену, но его регент Танкред сумел в полной мере воспользоваться сложившейся ситуацией и укрепить княжество за счет византийского императора. Вскоре судьба подарила ему козырную карту.

К осени 1101 г. в Антиохию в сопровождении немногочисленных выживших товарищей прибыли герцог Аквитании, графы Баварии и Невера, но предводители франко-ломбардского крестового похода все еще оставались в Константинополе. Алексей так и не сумел простить их за безрассудство. Император разочаровался даже в Раймунде, на которого

прежде возлагал такие большие надежды. В конце года полководцы из Европы решили продолжить свое паломничество, и Раймунд попросил императора разрешить ему отправиться в Латакию, чтобы воссоединиться с женой и войском. Алексей с радостью отпустил их и даже предоставил корабли, которые должны были отвезти крестоносцев в Сирию. В самом начале нового года Стефан Блуаский, Стефан Бургундский, коннетабль Конрад и Альберто де Бьяндрате высадились в Святом Симеоне и спешно отправились в Антиохию, где их тепло встретил Танкред. Корабль Раймунда отделился от остальных и причалил к порту Тарса. Как только он вступил на берег, к нему подошел рыцарь по имени Бернارد Иноземец и арестовал его за предательство христианской веры, проявившееся в побеге после битвы при Мерсиване. Кучка телохранителей Раймунда не сумела спасти его. Его увели в сопровождении стражи и передали Танкреду.

Глава 3. Норманнские князья Антиохии

И все они поступают против повелений кесаря.

Деяния апостолов, 17: 7

Поражение Боэмунда и его пленение представителем династии Данишмендидов Маликом Гази, какими бы тревожными новостями они ни были для современников, принесли пользу франкским князьям. Антиохии требовался регент, и самым подходящим кандидатом на эту роль был племянник Боэмунда Танкред. Король Балдуин таким образом сумел избавиться от своего самого опасного вассала в Палестине, а Танкред радовался тому, что ему удалось распрощаться со своим прежним двусмысленным и небезопасным положением и занять место, на котором он мог развернуться намного шире, с одной стороны, и получить независимость — с другой. В марте 1101 г. Танкред покинул Палестину, договорившись лишь о том, что если в течение трех лет Боэмунд вернется из плена, а жителям Антиохии его племянник больше не будет нужен, то он снова получит свой феод в Галилее. Таким образом и Балдуин, и Танкред были заинтересованы в том, чтобы Боэмунд оставался в плену. В итоге никаких попыток вступить в переговоры с его пленителем никто не делал.

Танкред оказался прекрасным регентом. Он не стал принимать титул князя Антиохии. По его приказу чеканились монеты, в написанной на порченном греческом языке легенде которых он называл себя «служителем Бога», а иногда — «великим эмиром». Вероятно, общественное мнение антиохийцев не позволило бы ему слишком увлечься в реализации своих амбиций. Норманны все еще считали своим предводителем Боэмунда, верным другом которого к тому же был патриарх, получивший от него этот сан незадолго до пленения. Этим человеком был латинянин Бернард Валенский, и для того, чтобы возвести его на патриарший престол, Боэмунд сместил с него грека Иоанна Оксита. Танкред придерживался той же политики, которую вел его дядя, — принимал меры для централизации власти в княжестве и латинизации церкви. В сфере внешней политики, как и Боэмунд, он стремился обогатиться за счет византийцев и соседних правителей-мусульман. Однако его амбиции были направлены в первую очередь на внутреннюю политику, и он не так активно вмешивался во внешние дела, как его дядя.

В первую очередь Танкред должен был защитить свое государство от Византии. В этом ему очень помогли крестовые походы 1101 г., обернувшиеся катастрофой. Усиление турецких государств Анатолии привело к тому, что на протяжении какого-то времени византийский император опасался отправлять армию через полуостров на далекий юго-восток. Танкред верил, что лучшим способом защиты является нападение, поэтому летом 1101 г., возможно, сразу после того, как он услышал новость о битве при Мерсиване, регент направил войско в Киликию. Его армия должна была повторно захватить Мамистру, Адану и Тарс, занятые византийцами тремя годами ранее. Находившиеся там византийские солдаты были немногочисленны и не могли противостоять Танкреду. Добравшись до Тарса, беглецы Гильом Аквитанский и граф Вермандуа Гуго узнали, что всем в городе распоряжается военачальник антиохийского регента Бернард Чужеземец.

Затем Танкред переключил внимание на Латакию, византийский порт, заполучить который норманны мечтали уже давно. Эта задача оказалась более трудной, так как стоявший там византийский гарнизон был усилен провансцами Раймунда, а с моря его защищала эскадра византийских судов. Танкред не атаковал город до тех пор, пока не заручился поддержкой генуэзцев, предоставивших ему корабли. За время переговоров он успел занять внутренние районы и попытался захватить Джеблу, находившуюся южнее Латакии. Летом 1100 г. Боэмунд уже направлял на захват Джеблы немногочисленный военный отряд, но затея оказалась неудачной, а его коннетабль попал в плен. Организованный Танкредом поход, состоявшийся летом 1101 г., также закончился провалом, но заставил кади Джеблы ибн Сулайха передать город под власть атабека Дамаска. Сам он при этом отправился в Дамаск, где собирался отдохнуть на склоне дней. Атабек Тугтегин отправил в Джеблу в качестве наместника своего сына Бури. Однако тот не пользовался большой популярностью в народе, и уже через несколько дней жители Джеблы изгнали его и перешли под защиту правителей Триполи из династии Бану Аммар. Из-за этого Танкреду пришлось вывести из окрестностей Джеблы свои войска.

Когда к нему в плен попал Раймунд, у Танкреда появилась возможность вернуться к идее о захвате Латакии. Он заточил Раймунда в Антиохии, что вызвало шок у патриарха Бернарда и других крестоносцев. По их просьбе регенту пришлось освободить пленника, но прежде, чем сделать это, он заставил Раймунда поклясться, что тот больше не станет вмешиваться в события, происходящие на севере Сирии. Получив свободу, Раймунд отправился на юг и напал на Тартус. Следуя данной клятве, он,

проходя через Латакию, приказал своим солдатам и графине покинуть город и следовать за ним. В итоге византийский гарнизон лишился защиты прованского войска. Затем, в самом начале весны 1102 г., Танкред подошел к Латакии. Но стены города оказались крепкими, а оставшиеся в нем солдаты сражались отчаянно. К тому же им доставляли продовольствие византийские корабли. Осада продлилась примерно год, но в самом начале 1103 г. Танкред, в распоряжении которого теперь были генуэзские корабли, способные помешать сообщению между Латакией и Кипром, прибегнув к хитрости, сумел выманить защитников города за его пределы, а когда те лишились защиты надежных стен, его солдаты напали на них и захватили в плен. В итоге Латакия сдалась на волю победителя.

Действия Танкреда не обрадовали императора Алексея. К тому времени он уже был в ярости из-за высылки из Антиохии греческого патриарха Иоанна Оксита и того, что всех греческих священнослужителей, занимавших высокие посты в церковной иерархии, заменили на латинян. В начале 1102 г. он получил письмо от короля Балдуина, услышавшего, что люди поговаривают, будто неудаче крестовых походов 1101 г. способствовало нежелание византийцев помогать крестоносцам, и просившего, чтобы император оказал ему всевозможную помощь во всех последующих крестовых походах. Письмо доставил епископ по имени Манассия, отправившийся в Палестину в 1101 г. вместе с Эккехардом и возвращавшийся домой. Оно было написано в очень вежливом стиле, и вместе с ним императору были переданы подарки.

В итоге Алексей подумал, что может быть честен с епископом, и решил рассказать ему обо всех своих горестях. Но он ошибся в этом человеке. Епископ был скорее католиком, чем православным, и не испытывал особой любви к грекам. По просьбе императора он отправился в Италию и передал папе все, что ему сказал Алексей, но использовал для этого такие слова и выражения, что сумел настроить папу против Византии. Если бы Урбан II все еще был жив, это не привело бы к каким-либо негативным последствиям, так как для него была характерна широта взглядов и он не испытывал ни малейшего желания ссориться с восточными христианами. Однако его преемник Пасхалий II был не столь выдающейся фигурой, человеком недалёковидным и легко поддающимся влиянию. Он с готовностью признал правильность широко распространенного среди франков мнения о том, что императора нужно считать врагом, и Алексей так ничего и не добился.

Затем Танкред попытался вмешаться в дела Иерусалимского королевства. В 1101 г. Балдуин изгнал патриарха Даимберта. Танкред

тотчас же пригласил его в Антиохию и передал в его распоряжение церковь Святого Георгия. Когда через несколько месяцев после этого Балдуин потерпел поражение от сарацинов в битве при Рамле и обратился к правившим на севере князьям за помощью, Танкред ответил, что не окажет ее, если Даимберт не вернется в Иерусалим и не получит свой прежний сан. Балдуин согласился, благодаря чему Танкред сумел усилить свое влияние. Однако репутация антиохийского регента сильно пострадала, когда Даимберта осудили и снова изгнали. Танкред опять оказал ему гостеприимство, но больше не стал за него заступаться.

Поведение Танкреда вызывало неприязнь у его соседа — графа Эдессы Балдуина де Бура. Его отец Гуго I, граф Ретельский, был связан с Бульоном, а Балдуин, младший из его сыновей, отправился на Восток в сопровождении двоюродных братьев Готфрида Лотарингского и короля Балдуина. Когда Балдуин I стал править в Эдессе, он остался с Боэмундом и выступал в качестве посредника между двумя правителями. После пленения Боэмунда Балдуин де Бур взял на себя управление Антиохией и занимался этим до тех пор, пока графа Эдессы Балдуина не призвали в Иерусалим. Двоюродный брат пожаловал Балдуину де Буру Эдессу, в которой тот отныне мог править самостоятельно, но под сюзеренитетом Иерусалима.

Ситуация на полученной Балдуином де Буром территории складывалась не самая простая. У нее не было естественных границ, и она постоянно подвергалась вторжениям извне. Править граф Эдессы мог, только разместив гарнизоны в основных городах и замках, а для этого ему были нужны слуги и соратники, которым он мог доверять. Ввиду острой нехватки сородичей Балдуин стал делать все возможное для того, чтобы наладить отношения с местными христианами. Едва став графом Эдессы, он женился на местной княжне Морфии, младшей дочери правителя Мелитены Гавриила, армянина, принадлежавшего к православной церкви. В то же время он обратился за поддержкой к армянам, принадлежавшим к армянской апостольской церкви, и получил ее. Один из них, историк Матфей Эдесский, восхвалял добросердечие и умеренность Балдуина, хотя и с сожалением признавал наличие у него амбиций и его жадность. Граф Эдессы особо выделял и изо всех сил старался поддерживать армян, так как их можно было использовать в качестве солдат. В то же время он прекрасно относился и к тем своим подданным, которые принадлежали к сирояковитской церкви, и даже сумел преодолеть раскол внутри ее.

Жители Эдессы жаловались лишь на одно его качество — жадность. Он постоянно нуждался в деньгах и добывал их всеми доступными

способами. Но для этого он использовал методы менее деспотичные и более осторожные, чем те, которые применял Балдуин I. Его рыцари были приятно удивлены, узнав, что он сумел вытянуть из своего тестя 30 000 безантов, заявив, будто занял эту сумму у своих людей, поклявшись, что если не сумеет ее вернуть, то сбреет бороду. Армяне, как и греки, считали бороду неотъемлемым признаком мужского достоинства и приходили в ужас, рассматривая чисто выбритые лица множества крестоносцев. Гавриил решил, что безбородый зять не лучшим образом скажется на его репутации, и, когда люди Балдуина, принявшие участие в этом спектакле, подтвердили, что их господин действительно дал такую клятву, Гавриил спешно передал ему необходимую сумму, чтобы избавить себя от подобного унижения, и заставил зятя дать новый обет — что тот больше никогда не будет использовать в клятвах свою бороду.

В начале своего правления Балдуин II был вынужден противостоять нападению Артукидов из Мардина. Эмир Сокман повел свое войско на Сарудж, населенный мусульманами город, ранее захваченный Балдуином I и переданный им в управление Фульхерию Шартрскому. Балдуин II поспешил на помощь Фульхерию, но в результате последовавшей за этим битвы потерпел поражение, а Фульхерий погиб. Мусульмане захватили город, но Бенедикт, католический епископ Эдессы, сумел удержать цитадель и противостоял врагам, пока Балдуин спешно ездил в Эдессу и собирал там новую армию. Вторая попытка оказалась более удачной для антиохийского графа. Сокмана вытеснили из города, причем он потерял большое число своих солдат. Жителей, сотрудничавших с Артукидами, перебили, а выкуп, заплаченный за многочисленных пленников, пополнил казну Балдуина.

Вскоре после этого граф обрел прекрасного помощника в лице своего двоюродного брата Жослена де Куртене. Жослен, мать которого приходилась Балдуину теткой, был бедным младшим сыном сеньора де Куртене и, возможно, отправился на Восток вместе со своим соседом графом Невера. Когда он прибыл в Эдессу, Балдуин пожаловал ему все земли, лежавшие к западу от Евфрата, а столицей этого владения стал Турбессель. Жослен успел продемонстрировать свою храбрость, но впоследствии его преданность была поставлена под вопрос.

С течением времени Балдуин, очевидно, стал подозревать наличие у Танкреда серьезных амбиций и решил, что пора вернуть власть в Антиохии Боэмунду. Вместе с патриархом Бернардом он вступил в переговоры с эмиром из династии Данишмендидов, пытаясь уговорить его освободить Боэмунда. Танкред не принимал в этом участия. Император Алексей уже

предложил эмиру заплатить за пленника огромную сумму — 260 000 безантов, и тот принял бы это предложение, если бы о нем не узнал султан из династии Сельджукидов Кылыч-Арслан. Последний, будучи правителем турок Анатолии, потребовал, чтобы Данишмендид отдал ему половину от любой суммы выкупа, полученной им за Боэмунда. Между двумя турецкими правителями вспыхнула ссора, и предложение императора не было принято, хотя послужило прекрасным поводом для того, чтобы разорвать союз между Кылыч-Арсланом и Данишмендидами. Находившийся в плену Боэмунд знал об этих переговорах. Он все еще оставался красивым и обаятельным мужчиной и не мог не привлечь к себе внимание дам, живших при дворе эмира. Возможно, с их помощью он сумел убедить эмира, что тайная договоренность с сирийскими франками и полученное от них обещание заключить союз предпочтительнее сделки с императором, в которую к тому же хотят вмешаться сельджуки. В итоге тот согласился отпустить Боэмунда на свободу за выкуп в 100 000 безантов.

Пока шли переговоры, войско Данишмендидов напало на Мелитену. Правитель этого города Гавриил, очевидно, обратился за помощью к своему зятю Балдуину. Но тот, возможно не желавший нанести в сложившейся ситуации эмиру оскорбление, ничего не сделал. Подданные Гавриила не питали к нему большой любви из-за того, что он был православным. В частности, сирийцы так и не простили его за то, что некогда он казнил одного из их епископов за измену. И сам он, и столица, в которой он правил, были захвачены, но одна из крепостей сумела выстоять. Гавриилу велели приказать гарнизону сдаться, а когда те не подчинились приказу, его казнили прямо у стен крепости.

Именно в Мелитене несколько месяцев спустя, весной 1103 г., Боэмунда передали франкам. Выкуп за него Балдуин и патриарх Бернارد собрали с помощью армянского князя Василя Геха и родственников Боэмунда, находившихся в Италии. Танкред не отдал ни гроша. Боэмунд тотчас же направился в Антиохию, где получил обратно свою власть. Он публично поблагодарил Танкреда за то, что тот управлял княжеством в его отсутствие. Однако наедине дядя и племянник поссорились, так как Танкред не понимал, почему должен передавать Боэмунду земли, завоеванные им за время регентства. Тем не менее общественное мнение заставило его отступить. В качестве награды он получил небольшой феодал, расположенный на территории княжества. Танкред на вполне законных основаниях мог бы потребовать, чтобы Балдуин I вернул ему Галилею, но решил, что оно того не стоит.

Для того чтобы отпраздновать возвращение Боэмунда, франки

решились выступить против своих соседей. Летом 1103 г. Боэмунд с помощью Жослена де Куртене организовал поход на Алеппо. Они захватили Муслимие, небольшой городок к северу от Алеппо, и обложили местных мусульман огромной данью, с помощью которой собирались вернуть деньги франкам, одолжившим их Балдуину и патриарху, чтобы те выкупили Боэмунда. Затем они выступили против византийцев. Алексей, написавший Боэмунду письмо с требованием вернуть города Киликии, приказал своему полководцу Бутумиту захватить их. Но Бутумит оказался человеком, не заслуживающим доверия. Осенью 1103 г. он вошел в Киликию и понял, что поставленная задача слишком трудна для него. К тому же он узнал, что франки собираются выступить на север против Мараша, который армянин Торос удерживал от имени императора. Бутумит поспешил туда и, возможно, таким образом спас Тороса. Однако его отозвали в Константинополь. В начале следующей весны Боэмунд и Жослен выдвинулись к Марашу. Торос ничего не мог поделать. Византийское войско было далеко, а Данишмендиды стали союзниками франков. В итоге Торос сдал город Жослену, разрешившему ему уехать в Константинополь. Тем временем Боэмунд захватил город Эльбистан, расположенный к северу от Мараша.

Теперь у франков появилась возможность напасть на Анатолию. Они могли выступить против живших на востоке мусульман. В марте 1104 г. Боэмунд снова вторгся в земли правителя Алеппо Ридвана и захватил город Басарфут, находившийся на пути из Антиохии в Алеппо. Но нападение на Кафр-Лату, расположенную к югу, оказалось неудачным из-за сопротивления, оказанного местным племенем бану улайм. Тем временем Жослен перерезал пути сообщения между Алеппо и Евфратом. Однако для того, чтобы полностью отсечь сирийских мусульман от живших в Ираке и Персии, христиане должны были занять крепость Харран, располагавшуюся между Эдессой и Евфратом, на севере области Джебзире. Франки понимали: захватив Харран, они вполне могут задуматься о походе на Мосул и в Месопотамию. Весной 1104 г. они решили, что для нападения на крепость сложились вполне благоприятные условия.

На протяжении всего 1103 г. мусульманский мир оказался разделен на два враждующих лагеря из-за гражданской войны между сельджукским султаном Баркияруком и его братом Мухаммедом. В январе 1104 г. они заключили мир, договорившись, что под властью султана останутся Багдад и западная часть Иранского нагорья. Другой их брат, Санджар, уже получил Хорасан и восточную часть Ирана, а Мухаммеду достались Северный Ирак и Джебзире, а также сюзеренитет над Диярбакыром и всей Сирией. Эта

договоренность оказалась не слишком удачной. Каждый из братьев надеялся, что рано или поздно ему удастся нарушить ее, а до этого все они с помощью интриг искали себе союзников среди турецких и арабских правителей. В самой Джебзире из-за смерти атабека Мосула Кербоги, потерпевшего поражение от франков в битве при Антиохии, также разразилась гражданская война. Сокман, правитель Мардина из династии Артукидов, не сумел добиться получения титула атабека своим ставленником и вступил в вооруженный конфликт с Джекермишем, ставшим атабеком благодаря сельджуку Мухаммеду.

Харран принадлежал турецкому военачальнику Карадже, мамлюку, служившему Малик-шаху. Но из-за его жестокости жители восстали против него и передали власть некоему Мухаммеду из Исфахана. Того, в свою очередь, убил бывший слуга Караджи по имени Джавали, которому Мухаммед опрометчиво доверился. Но власть Джавали оказалась весьма непрочной, а Харран постоянно подвергался нападениям со стороны франков из Эдессы, разорявших поля и мешавших торговле. Было件нятно, что они собираются вскоре сделать следующий шаг.

Правитель Мардина Сокман и атабек Мосула Джекермиш были встревожены. Грозившая им обоим опасность заставила их забыть о своей ссоре и объединиться для похода против Эдессы, напасть на врагов первыми. В начале мая 1104 г. они вместе выступили в сторону Эдессы. Сокман вел за собой многочисленную легкую туркменскую конницу, а Джекермиш — меньшую по численности армию, состоявшую из турок-сельджуков, курдов и арабов. Балдуин II узнал, что они стянули войска к Рас-эль-Айну, находившемуся примерно в 70 милях (100 км) от его столицы. Понимая, что без помощи не обойтись, он отправил гонцов к Жослену и Боэмунду и предложил им тоже перейти в наступление и напасть на Харран.

Оставив в Эдессе небольшой гарнизон, Балдуин в сопровождении немногочисленного отряда рыцарей и пехоты, состоявшей из армян-рекрутов, направился в сторону Харрана. В этом походе его также сопровождал архиепископ Эдессы Бенедикт. Неподалеку от Харрана к нему присоединились Жослен, приведший с собой своих солдат, и антиохийское войско под командованием Боэмунда, Танкреда, патриарха Бернарда и бывшего иерусалимского патриарха Даимберта. Всего в армии франков насчитывалось почти 3000 рыцарей и, возможно, в три раза превосходящее их число пехотинцев. По сути, это были все вооруженные силы франков, живших в Северной Сирии, если не считать гарнизонов, оставшихся в крепостях.

Армия франков уже стояла у Харрана, а мусульманские правители все еще находились к северо-востоку от крепости, на некотором отдалении от нее, и двигались в сторону Эдессы. Если бы франки попытались взять Харран приступом, то им удалось бы захватить его. Но они не хотели разрушать укрепления, которые надеялись в будущем использовать в собственных целях. Поэтому они решили, что сумеют устрасить гарнизон крепости и заставить его сдаться. В принципе эта мысль была не беспочвенной. Находившиеся в городе мусульмане были ослаблены и почти сразу же вступили в переговоры. Но Балдуин и Боэмунд стали спорить о том, чей штандарт должен быть установлен на крепости первым, и потеряли время, что, в свою очередь, привело к их краху. Они даже не успели договориться, когда турецкое войско вернулось на юг и атаковало франков.

Битва произошла на берегах реки Балих, неподалеку от древнего городища Карры, где за несколько столетий до этого Красс и римские легионеры потерпели сокрушительное поражение от парфян и погибли. Согласно плану сражения, разработанному франками, армия Эдессы, расположенная на левом фланге, должна была взять на себя основные силы противника, в то время как антиохийскому войску следовало укрыться за невысоким холмом, находившимся правее, примерно в миле от поля сражения, и вмешаться в бой в решающий момент. Но мусульмане решили придерживаться такой же тактики. Часть их армии напала на левый фланг франков, а затем внезапно обратилась в бегство. Солдаты из Эдессы решили, будто им удалось без особого труда одержать победу над врагом, и погнались за отступающими турками, потеряв таким образом связь со своими собратьями, оставшимися справа. Они форсировали реку и попали в засаду, подготовленную основными силами турок. Многие франки погибли на месте, остальные повернули назад и бежали. Когда Боэмунд, командовавший небольшим отрядом, решил вступить в битву, он увидел лишь, как вдалеке в его сторону бежит толпа охваченных ужасом людей. Они пытались переплыть реку в обратном направлении, но на них нападали новые отряды турок. Боэмунд понял, что битва проиграна, и быстро покинул поле боя, успев спасти лишь нескольких солдат из Эдессы.

Когда солдаты двигались мимо ворот Харрана, на них напали мусульмане из гарнизона крепости и из-за царившей вокруг неразберихи перебили столько же турок, сколько и франков, которых те преследовали. Армии из Антиохии удалось покинуть поле боя без серьезных потерь. Войску Эдессы повезло меньше — почти все солдаты были захвачены в плен или убиты. Патриарха Бернарда охватил такой ужас, что он отрезал

хвост своей лошади, опасаясь, как бы какой-нибудь турок не поймал его таким образом, хотя к тому времени враг уже пропал из вида.

Одним из первых франков, захваченных в плен, стал архиепископ Бенедикт. Однако благодаря то ли уступке со стороны поймавшего его человека, прежде бывшего христианином, то ли контратаке, предпринятой антиохийцами, его почти сразу спасли. Балдуин и Жослен бежали на одной лошади, но, когда они пытались переплыть реку, их захватили в плен. Затем их привели в палатку Сокмана.

Вполне обоснованно опасаясь того, что теперь турки нападут на Эдессу, Боэмунд и Танкред стали спешно организовывать оборону города. И снова бедственное положение соратника оказалось выгодно Танкреду. Оставшиеся в Эдессе рыцари во главе с архиепископом стали умолять его взять на себя управление графством до тех пор, пока Балдуина не освободят из плена. Танкред с радостью согласился, а Боэмунд, как и Балдуин I за четыре года до этого, с облегчением отпустил племянника. Танкред вместе с остатками войска Эдессы и солдатами, которых ему сумел выделить Боэмунд, готовился защищать графство. Сам Боэмунд направился обратно в Антиохию, понимая, что соседи не упустят возможности воспользоваться неудачей франков.

Битва при Харране стала дополнением к крестовому походу 1101 г., так как они способствовали крушению легенды о непобедимости франков. Вследствие поражения 1101 г. жившие в Северной Сирии франки лишились пополнения с Запада, необходимого для сохранения господства в регионе, а поражение при Харране свидетельствовало о том, что графство Эдесса обречено, а Алеппо никогда не перейдет франкам.

Клин, с помощью которого франки планировали разделить три исламских центра в Анатолии, Ираке и Сирии, оказался вбит ненадежно. И выгоду от этого получили не только мусульмане. Разъяренный византийский император вряд ли жалел о крушении планов франков.

Непосредственные последствия всех этих событий оказались не настолько фатальными. Союз между Сокманом и Джекермишем распался почти сразу после того, как они одержали победу. Туркмены, солдаты первого из них, получили львиную долю пленников и добычи, что не могло не вызывать зависть второго. Служившие у него сельджуки напали на палатку Сокмана и увели Балдуина. Туркмены пришли в ярость, но Сокман взял себя в руки и сделал все возможное, чтобы не позволить им нанести ответный удар. Он смирился с потерей ценного пленника и, захватив с помощью простой уловки — Сокман переодел своих солдат в одежду пленных и убитых франков — несколько небольших приграничных

крепостей христиан, отошел к Мардину и больше не принимал участия в войне. Джекермиш продолжил сражаться. Первым делом он, чтобы обезопасить себя от Сокмана, захватил замки франков в Шахбактане, что к востоку от Эдессы, а затем выдвинулся к столице.

Благодаря неспешности франков мусульманам удалось сохранить за собой Харран. Теперь же из-за промедления, допущенного приверженцами ислама, христиане сохранили контроль над Эдессой. Танкред получил отсрочку, позволившую ему восстановить оборонительные сооружения города и противостоять первому нападению армии Джекермиша, в чем ему также во многом помогли верность и отвага, проявленные местными армянами. Однако угроза, исходившая от противника, была настолько сильной, что он спешно отправил к Боэмунду гонца с просьбой о помощи. Тот был занят решением собственных проблем, но понимал, что избавление Эдессы от угрозы является делом первостепенной важности. Он тотчас же отправился на помощь племяннику, но из-за плохого состояния дорог войско Боэмунда продвигалось медленно. Охваченный отчаянием Танкред приказал своему гарнизону совершить перед рассветом вылазку в стан врага. Под прикрытием темноты его люди напали на ничего не подозревающих спящих турок, а прибытие Боэмунда и его солдат довершило победу. Джекермиш спешно бежал, покинув лагерь и все хранившиеся там сокровища. Христианам удалось отомстить за поражение в битве при Харране, с одной стороны, и защитить Эдессу — с другой.

Среди тех, кто попал в плен к Танкреду, оказалась девушка очень знатного происхождения, жившая при дворе сельджукского эмира. Джекермиш высоко оценил эту пленницу и предложил противнику заплатить за ее свободу 15 000 безантов или обменять ее на самого графа Балдуина. Когда об этом предложении стало известно в Иерусалиме, король Балдуин поспешно отправил Боэмунду письмо с просьбой не упустить такую прекрасную возможность освободить графа. Однако Боэмунду и Танкреду нужны были деньги, а после возвращения Балдуина последнему пришлось бы снова расстаться с властью и подчиниться дяде. В итоге дядя и племянник ответили, что, с одной стороны, слишком быстро принимать предложение, продемонстрировав при этом свою заинтересованность, не стоит, а с другой, если они будут долго колебаться, Джекермиш может повысить цену. Тем временем они ответили эмиру, что предпочитают получить деньги, и в итоге Балдуин остался в плену.

Обогадившиеся таким образом за счет свободы своего товарища Боэмунд и Танкред решили разобраться с окружавшими их врагами. Джекермиш больше не пытался нападать на Эдессу, и Танкред сумел

восстановить оборонительные сооружения города. Но Боэмунду почти сразу же пришлось вступить в конфликт с правителем Алеппо Ридваном, вторгшимся в восточные области его княжества. В июне армяне, жившие в Артахе и мечтавшие избавиться от власти Антиохии, сдали свой город мусульманам. Вскоре их примеру последовали приграничные города Мааррат, Мисрин и Сарман, а небольшие франкские гарнизоны, расквартированные в Мааррат-эн-Нуумане, Аль-Баре и Кафр-Табе, опасаясь того, что их вот-вот окружат, отступили к Антиохии. Тем временем Ридван разорял области княжества, расположенные за Железным мостом. Стоявший далеко на севере, в Эльбистане, гарнизон Боэмунда держался только благодаря тому, что им удалось захватить в плен предводителей местных армян, вступивших в сговор с турками. От угрозы уничтожения княжество Боэмунда спасло то, что в конце июня 1104 г. умер правитель Дамаска Дукак и Ридван был вынужден переключить свое внимание на борьбу за власть, которую вели два сына Дукака — Бури и Илташ.

К неспособности Боэмунда противостоять натиску Ридвана привело то, что все его внимание было приковано к событиям, происходившим в Византии. Император Алексей теперь поддерживал прекрасные отношения с правителями франкских государств, находившихся на юге. Раймунд Тулузский оставался его близким другом. К тому же император сумел добиться расположения короля Балдуина, заплатив выкуп за многих высокопоставленных франков, живших в качестве пленников в Египте. Его щедрость была обусловлена тонким расчетом. Поведение Алексея разительно отличалось от действий Боэмунда и Танкреда, оставивших правителя Эдессы Балдуина гнить в плену, и заставило франков вспомнить, что император является человеком влиятельным и пользуется уважением Фатимидов. Поэтому когда Алексей выступил против Антиохии, ее правитель не получил помощи от сородичей.

Император успел усилить крепости в Корикосе и Селевкий, расположенных в Киликии, на побережье, чтобы не позволить антиохийцам напасть на Западную Киликию. Летом 1104 г. византийское войско, которым командовал полководец Монастра, без труда заняло Тарс, Адану и Мамистру — города, находившиеся на востоке Киликии, а эскадра кораблей под командованием адмирала Кантакузина, оказавшаяся в районе Кипра во время погони за генуэзскими кораблями, воспользовавшись положением, в котором оказался Боэмунд, направились в Латакию, гавань и нижний город которой захватили его люди. Боэмунд, возглавив войско франков, в которое вошли все солдаты, что ему удалось собрать, поспешил

на помощь гарнизону цитадели. Кроме того, он собирался заменить командира крепости, не пользовавшегося его доверием. Однако ввиду отсутствия кораблей он не пытался оттеснить византийцев с занятых ими позиций.

В начале осени Боэмунда охватило отчаяние. В сентябре он собрал в Антиохии своих вассалов, призвал Танкреда и провел военный совет, во время которого честно рассказал всем собравшимся об опасности, грозившей княжеству. Единственным решением проблемы, по его мнению, было прибытие подкрепления из Европы, которое следовало обеспечить. Он собирался отправиться во Францию и воспользоваться своей репутацией, чтобы набрать людей. Танкред почтительно предложил взять это дело на себя, но Боэмунд возразил, что его племянник не пользуется на Западе достаточным для выполнения этой задачи авторитетом и поэтому должен остаться в Антиохии в качестве регента. Вскоре были сделаны все необходимые для отъезда Боэмунда приготовления. Поздней осенью он отплыл из порта Святой Симеон, захватив с собой все золото и серебро, украшения и ценности, которые сумел найти, а также несколько списков *Gesta Francorum*, созданной неизвестным автором хроники Первого крестового похода, повествующей о связанных с ним событиях с точки зрения норманнов. В текст этих списков Боэмунд приказал включить фрагмент, согласно которому передать под его власть Антиохию обещал сам император.

Танкред снова стал править в Антиохии, в то же время дав клятву, что вернет Эдессу Балдуину, как только тот окажется на свободе. Понимая, что не сможет эффективно управлять Эдессой, находясь в Антиохии, он приказал своему двоюродному брату и зятю Ричарду Салернскому управлять от его имени территориями, расположенными на берегах Евфрата.

В самом начале нового года Боэмунд достиг своих владений в Апулии. Он оставался там до сентября, занимаясь собственными делами, которых за девять лет его отсутствия накопилось немало, и собирая норманнов, готовых присоединиться к своим сородичам, жившим на Востоке. Затем Боэмунд отправился в Рим, где встретился с папой Пасхалием. Во время беседы он подчеркнул, что императора Алексея следует считать злейшим врагом католиков, живущих на Востоке. Из-за слов епископа Манассии Пасхалий уже был настроен против императора и с готовностью согласился с Боэмундом. Затем последний в сопровождении папского легата Бруно, который, по приказу Пасхалия, должен был призывать к священной войне против Византии, отправился во Францию. Это стало переломным

моментом в истории крестовых походов. Политика норманнов, направленная на то, чтобы лишить восточную империю ее мощи, стала частью официальной идеологии крестоносцев. Таким образом, интересы франкских искателей приключений вышли на первый план, отодвинув на задний план интересы всего христианского мира в целом. Позже папа пожалеет о своей недальновидности, но будет уже слишком поздно.

Неприязнь западных рыцарей и простых обывателей к императору, вызванная его высокомерием, зависть к его богатству и подозрения, которые у европейцев вызывали христиане, придерживающиеся непонятного для них ритуала, — все это теперь получило официальную поддержку со стороны церкви. Начиная с этого момента, каждый раз выступая против Византии, они чувствовали свою правоту, причем на это уже никак не повлияло бы изменение взглядов папы. Вместе с тем византийцы выяснили, что их худшие опасения оправдались. Крестовый поход, который вдохновил папа, оказался продиктован не стремлением европейцев помочь христианам, а бессовестными захватническими планами. Эта злосчастная договоренность между Боэмундом и папой Пасхалием сделала для разделения восточной и западной христианских церквей намного больше, чем все разногласия между кардиналом Гумбертом и Михаилом Керуларием.

Во Франции Боэмунда приняли очень тепло. Он провел какое-то время при дворе короля Филиппа, давшего ему разрешение набрать на территории государства людей, готовых отправиться на Восток. Кроме того, Боэмунд получил поддержку «истинной жены крестоносца» графини Блуа Аделы Нормандской. Женщина не только представила его своему брату — английскому королю Генриху I, с которым он встретился в Нормандии на Пасху 1106 г. и который обещал ему всестороннюю поддержку, но и помогла заключить весьма впечатляющий брачный союз с дочерью короля Филиппа Констанцией, графиней Шампанской, успевшей до этого развестись со своим мужем. Свадьба состоялась в конце весны 1106 г. Тогда же король Филипп согласился отдать Танкреду руку своей младшей дочери Сесилии, рожденной в незаконном союзе с Бертрадой де Монфор. Констанция никогда не бывала на Востоке — она жила вместе с мужем в Италии, где и осталась после его смерти. Сесилия, в свою очередь, в конце 1106 г. отправилась на корабле в Антиохию. Благодаря этим бракам с представительницами королевского рода норманнские властители стали пользоваться еще большим влиянием.

Боэмунд оставался во Франции до конца 1106 г., а затем вернулся в Апулию. Там он стал планировать новый крестовый поход, который

обязательно должен был начаться с нападения на Византийскую империю. Узнав, что, пока в ней правит Танкред, Антиохия не подвергается непосредственной угрозе, он решил не торопиться с возвращением. Его войско высадилось на принадлежавшем империи побережье Эпира, в Авлоне, 9 октября 1107 г., а через четыре дня оно подошло к Диррахию, превосходно укрепленной крепости, считавшейся ключом к Балканскому полуострову, заполучить который норманны жаждали уже давно, причем за четверть столетия до этого им это удалось, хотя и ненадолго. Однако Алексей тоже не терял время даром. Ради спасения Диррахия он готов был пожертвовать юго-восточной границей империи и заключил союз с сельджукским султаном Кылыч-Арсланом, предоставившим ему наемников.

Увидев, что крепость слишком хорошо защищена, а ее гарнизон готов сражаться до последней капли крови, Боэмунд отказался от мысли взять ее приступом и решился на осаду. Но как и во всех предшествовавших этому конфликтах с Византией, его подвела нехватка кораблей. Византийский флот почти сразу же лишил его путей сообщения с Италией и блокировал побережье. Затем, в начале следующей весны, войско Боэмунда было окружено византийской армией. С началом лета в стане норманнов разразились эпидемии дизентерии и малярии, солдаты страдали от голода. Все это не могло не ослабить осаждающих. Одновременно Алексей вел информационную войну, распуская слухи и посылая предводителям норманнов поддельные письма. (Надо сказать, что его дочь Анна описывала эти его действия с любовью и восхищением.) К сентябрю Боэмунд понял, что его карта бита, и сдался на волю императора. Данная победа оказалась весьма значимой для византийцев, ибо Боэмунд считался самым прославленным христианским воителем. Когда все увидели, как этот великий герой, бывший гораздо выше императора, умоляет его и послушно выполняет его приказы, Византия снова стала казаться современникам непобедимой.

Алексей принял Боэмунда в своем лагере, разбитом рядом с местом, где река Деволи втекает в ущелье. Император вел себя учтиво, но холодно и не стал тянуть время, выложив перед Боэмундом мирный договор, который тот должен был подписать. Боэмунд замешкался, но Никифор Вриенний, муж Анны Комнины, входивший в свиту тестя, убедил норманна в том, что у него нет другого выхода.

Анна Комнина включила полный текст договора в свое сочинение, благодаря чему он сохранился до нашего времени. В нем Боэмунд сначала раскаивался в том, что нарушил клятву, данную императору. Затем он

торжественно клялся стать вассалом и подданным Алексея и его наследника Иоанна Багрянородного и обещал, что прикажет своим людям дать такую же клятву. Возможно, использование характерного для Западной Европы термина «вассал» не было ошибочным; в тексте также перечислялись обязанности вассала. Боэмунд оставался князем Антиохии, но управлять ею мог только под сюзеренитетом императора. Территория его княжества должна была включать в себя саму Антиохию и порт Святой Симеон, а также области, расположенные к северо-востоку, вплоть до Мараша. К ней также относились земли, которые Боэмунд, возможно, отвоюет у мусульманских правителей Алеппо и у других государств, расположенных во внутренней части Сирии. Однако города Киликии и побережье в районе Латакии следовало вернуть под непосредственную власть императора, а земли, находившиеся под властью Рубенидов, должны были остаться неприкосновенными. Договор сопровождался приложением, содержащим подробный перечень городов, которые должны были стать частью владений Боэмунда. Он наделялся всей полнотой светской власти в княжестве, но обязался сместить с престола латинского патриарха и заменить его греком. Отдельно в договоре отмечалось, что, если Танкред или кто-то другой из людей Боэмунда откажется выполнять перечисленные в нем условия, последний обязан будет заставить упряма подчиниться.

Договор, заключенный на берегу реки Деволи, представляет для нас значительный интерес, так как в нем содержится ответ на вопрос о том, каким образом Алексей собирался решить проблему крестовых походов. Он был готов оставить приграничные области и даже Антиохию во власти западноевропейского князя, но при условии, что тот будет связан с ним сюзеренно-вассальными отношениями в соответствии с принятым на его родине обычаем и Византия сохранит косвенное влияние на ситуацию в этих районах посредством церкви. К тому же Алексей чувствовал свою ответственность за благосостояние восточных христиан и даже решил обезопасить права своих ненадежных армянских вассалов Рубенидов.

Договор существовал только на бумаге. Но само его наличие сломало Боэмунда, больше не осмеливавшегося появиться на Востоке. Униженный и опозоренный, он вернулся в свои владения в Апулии, где в 1111 г. и умер в неизвестности, оставив после себя двоих маленьких сыновей, рожденных от брака с дочерью французского короля, которые должны были унаследовать его права на Антиохию. Боэмунд был прекрасным солдатом, смелым и коварным полководцем и настоящим героем для своих последователей. Воистину он, будучи выдающейся личностью, сумел затмить всех прочих участников Первого крестового похода. Но размах его

амбиций и его беспринципность привели его к краху. Время, когда у крестоносцев появится возможность разрушить оплот восточного христианства, еще не наступило.

Алексей прекрасно понимал, что для реализации договора необходимо согласие Танкреда. Однако тот, ничуть не расстроенный из-за того, что его дяде пришлось отойти от дел, не собирался становиться вассалом императора. У него не было таких обширных амбиций, как те, что сгубили Боэмунда, но он стремился сделать Антиохию сильным и независимым княжеством. Правда, перспективы для этого были далеко не радужными. Боэмунд оставил ему лишь горстку людей и почти совсем не оставил денег. Тем не менее Танкред решил перейти в наступление. Он заставил антиохийских купцов предоставить ему заем, что позволило ему завербовать наемников. Кроме того, он призвал на помощь всех рыцарей и всадников, живших в Эдессе и Турбесселе, а также на территории княжества. Весной 1105 г. он отправился в поход, намереваясь вернуть Артах.

Правитель Алеппо Ридван собирался прийти на помощь представителям династии Бану Аммар, которые боролись с франками дальше к югу, но, услышав о приближении Танкреда к Артаху, он решил вернуться, чтобы защитить город. Два войска встретились друг с другом 20 апреля возле деревни Тизин, расположенной неподалеку от Артаха, на пустынной равнине, заваленной булыжниками. Испугавшись многочисленности противника, Танкред предложил Ридвану вступить в переговоры, и тот согласился бы, если бы Сабава, командовавший его конницей, не убедил его в необходимости не мешкая напасть на противника. Физические особенности местности не позволили туркам использовать привычную для них тактику. Когда франки отбили первую атаку их конницы, они отступили, чтобы заманить противника в ловушку, но не смогли перегруппироваться для нового нападения, из-за чего франкские рыцари сумели расправиться с пехотой турок. Поняв, что их планы рушатся, мусульмане поддались панике. Ридван в сопровождении телохранителя бросился к Алеппо, стремясь спастись бегством, и за ним последовала большая часть конницы. Оставшиеся всадники и пехотинцы были жестоко перебиты на поле боя.

Победа позволила Танкреду снова занять все территории, потерянные княжеством за год до этого. Гарнизон сельджуков сдал ему Артах, в то время как воины регента преследовали беглецов до самых стен Алеппо и ограбили множество его жителей, в ужасе бежавших прочь из города. Ридван стал умолять Танкреда заключить с ним мир. Он согласился

расстаться со всеми территориями в долине реки Оронт и регулярно платить Танкреду дань. К концу 1105 г. владения племянника Боэмунда снова простирались до Аль-Бары и Мааррат-эн-Нуумана.

В феврале 1106 г. эмира Апамеи Халафа ибн Мутаиба, враждебно относившегося к франкам, убили фанатики из Алеппо. После этого убийцы поссорились со своим главным союзником в Апамее Абул Фатхом, взявшим на себя управление городом, и обратились за помощью к Ридвану. Призванный местными армянами Танкред решил, что у него появился шанс вмешаться в эти события. Вместе со своим войском он выступил на юг и взял город в осаду. Но Абул Фатх сумел восстановить порядок, а эмиры Шайзара и Хамы обещали ему помощь. После трехнедельной осады Танкред был вынужден отступить, объяснив свой поступок тем, что ему необходимо помочь гарнизону Латакии, которому после 18-месячной блокады, организованной византийцами, стал угрожать голод. Он передал гарнизону продовольствие и вернулся в Антиохию.

Через несколько месяцев в Антиохию в сопровождении сотни последователей прибыл один из сыновей Халафа, Мусбих ибн Мулаиб, сумевший избежать судьбы своего отца и надеявшийся убедить Танкреда снова выступить в поход против Апамеи. С помощью Мусбиха Танкред снова осадил город, выкопав вокруг него ров, не позволявший никому выйти из Апамеи или войти в нее. Ни один из эмиров, правивших по соседству, не пришел на помощь Абул Фатху, и через несколько недель, 14 сентября 1106 г., мусульмане сдались, предварительно взяв с Танкреда обещание, что он пощадит осажденных. Танкред согласился и вошел в город. Для того чтобы угодить Мусбиху, он приказал казнить Абул Фатха и троих его приближенных. Остальных представителей апамейской знати отправили в Антиохию, где они находились в плену до тех пор, пока Ридван не заплатил за них выкуп. В Апамее теперь стал править франкский наместник, а Мусбиху пожаловали во владение земли, расположенные неподалеку. Вскоре после этого франки заняли Кафр-Таб. Управлять им теперь должен был рыцарь по имени Теофил, одно имя которого вскоре стало наводить ужас на мусульман Шайзара.

Обезопасив таким образом восточную и южную границы, Танкред мог вспомнить о Византии, противнике, вызывавшем в нем наиболее острое чувство ненависти. Летом 1107 г., когда стало понятно, что предотвратить нападение Боэмунда на южные части империи невозможно, Алексей был вынужден отвести войска от сирийской границы, перенаправив их на борьбу с угрозой, казавшейся на тот момент более серьезной. Кантакузина и многих его подчиненных отозвали из Латакии, а Монастру — из

Киликии, управление которой передали армянскому князю Ламброна Ошину. Зимой 1108 г. (или в самом начале 1109 г.), вскоре после унижительного поражения Боэмунда в Эпире, Танкред вторгся в Киликию. На этот раз император, умевший разбираться в людях, ошибся. Ошин происходил из очень знатного рода, а в юности успел прославиться как человек исключительной храбрости. Но теперь он превратился в ленивого любителя роскоши. Ключом к Киликии служила крепость Мамистра, расположенная на берегу реки Сейхан. Когда войско Танкреда перешло через горный хребет Аманус и проплыло вверх по течению реки, собираясь осадить крепость, Ошин не сделал ничего для того, чтобы помешать противнику. После непродолжительной осады Мамистра пала. Очевидно, на протяжении следующих месяцев Танкред восстанавливал свою власть над Аданой и Тарсом, в то время как западная часть Киликии оставалась в руках византийцев. Сам Ошин вернулся в свои владения в горах Тавра.

Латакия находилась под властью Византии. Прежде норманнам мешал недостаток кораблей, но теперь византийский флот был сосредоточен далеко в Адриатическом море, и у Танкреда появилась возможность обратиться за помощью к пизанцам. В качестве вознаграждения за эту услугу жители Пизы попросили улицу в Антиохии и квартал в Латакии с церковью и складом. Пецей, сменивший Кантакузина в качестве командира расквартированных там войск, не сумел оказать сопротивление Танкреду. В итоге весной 1108 г. Латакия наконец вошла в состав Антиохийского княжества. На протяжении следующего года Танкред расширил свои владения на юге, захватив Джеблу, Балемию (Банияс) и замок Маркаба, прежде находившиеся под властью династии Бану Аммар.

Таким образом, в тот момент, когда Боэмунд сдался императору и, подписав договор, лишился независимости, Танкред подбирался к вершине своего могущества и не собирался подчиняться указам императора. Теперь его власть распространялась на территорию, простиравшуюся от Тавра до Джебзире и центральной части Сирии. Он был правителем Антиохии и Эдессы. Конечно, формально он оставался только их регентом, но опозоренный князь Боэмунд теперь жил в Италии, и ему уже не было суждено вернуться на Восток, а граф Балдуин томился в плену у турок, и Танкред даже не пытался вызволить его. Владелец Алеппо был фактически его вассалом, и ни один из правивших по соседству эмиров не осмеливался напасть на него. К тому же он одержал сокрушительную победу над наследником константинопольских кесарей. Когда в Антиохию прибыли посланники императора, которые должны были напомнить Танкреду об обещаниях, данных его дядей Алексею, он выгнал их, не

скрывая при этом своего высокомерия. Он считал себя великим ассирийцем Нином, огромным и непобедимым гигантом.

Однако и у высокомерия есть пределы. Несмотря на все выдающиеся способности Танкреда, он не вызывал симпатии или доверия. В итоге вызов ему бросили его собственные сородичи — крестоносцы.

Глава 4. Тулуза и Триполи

Слава Ливана придет к тебе...

Книга пророка Исаии, 60: 13

Самым богатым и именитым из всех представителей знати, отправившихся в 1096 г. в Первый крестовый поход, был граф Тулузы Раймунд. Многие ждали, что именно он станет предводителем похода. Однако через пять лет он превратился в одного из наименее уважаемых крестоносцев, причем виноват в своих проблемах он был сам. Он был столь же жадным и амбициозным, как и большинство его соратников, но из-за его чрезмерного тщеславия все окружающие сразу же замечали промахи Раймунда. Его верность императору Алексею зиждилась на чувстве чести и политической прозорливости, но его собратья-франки видели в ней уловку вероломного человека. К тому же она не принесла ему какую-либо значительную выгоду, так как император вскоре увидел в нем не самого подходящего друга. Последователи Раймунда уважали его за благочестие, но он не пользовался у них авторитетом. Во время Первого крестового похода они вынудили его отказаться от руководства походом на Иерусалим, а поражения 1101 г. продемонстрировали, насколько плохо он подходит для того, чтобы возглавить военную операцию. Самым унижительным за всю жизнь Раймунда стал момент, когда он был захвачен в плен своим младшим «коллегой» Танкредом. Хотя поведение последнего, нарушившего законы гостеприимства и чести, вызвало возмущение сородичей, Раймунд обрел свободу только после того, как отказался от любых притязаний на Северную Сирию, нарушив таким образом договоренность с императором. Однако он был человеком упорным. Раймунд поклялся остаться на Востоке. Он собирался исполнить эту клятву и заполучить в конце концов собственное княжество.

Для того чтобы сохранить свои владения на Востоке, христиане должны были завоевать еще одну область. Франков, живших в Антиохии и Эдессе, от их иерусалимских братьев отделяло несколько государств, власть в которых принадлежала мусульманским эмирам. Наиболее значимым из этих эмиратов было Триполи, которым правили представители династии Бану Аммар. Ее глава Фахр аль-Мульк Абу Али был человеком миролюбивым. Он располагал совсем небольшим войском,

но область, которой он правил, была весьма богатой, а с помощью умелой, хотя и не всегда последовательной политики умиротворения всех соседей он смог сохранить шаткую независимость, последней гарантией которой была хорошо укрепленная столица его владений, расположенная на полуострове Аль-Мина. Он всегда проявлял дружелюбие в отношении франков, когда бы те ни приближались к его владениям. Он пополнял запасы продовольствия участников Первого крестового похода и не стал мешать его предводителям, когда они осадили город Арку. Он помог Балдуину Булонскому, когда тот отправился в полное опасностей путешествие, целью которого была корона Иерусалима. Однако когда крестоносцы отошли на приличное расстояние, Фахр аль-Мульк захватил Тартус и Мараклею, которые они занимали до этого. Таким образом он получил контроль над всей шедшей вдоль побережья дорогой из Латакии и Джеблы в находившийся в зависимости от Фатимидов Бейрут.

Альтернативный путь из Северной Сирии в Палестину пролегал по долине реки Оронт мимо принадлежавшего Мункизидам Шайзара, Хамы, жители которой принесли клятву верности Ридвану, и Хомса, где правил его отчим Джанах ад-Даула. Затем дорога разделялась на две части. Одна из них, которую выбрал Раймунд во время Первого крестового похода, разветвлялась в районе Аль-Букайи и шла в сторону Триполи и побережья. Вторая шла прямо через находившийся в зависимости от Дамаска Баальбек к верховьям Иордана.

Раймунд, никогда не страдавший от излишней скромности, размышлял над созданием княжества, на территории которого должны были, по его мнению, оказаться одновременно прибрежная дорога и река Оронт вместе с расположенным на его берегах Хомсом, который франки называли La Chamelle, Верблюдицей. Однако его первой целью, возможно, вследствие наличия генуэзских кораблей, способных помочь ему в этом, стали города, стоявшие на побережье. В последние дни 1101 г., когда Танкред освободил его, Раймунд вместе с выжившими предводителями крестового похода 1101 г.: Стефаном Блуаским, Гильомом Аквитанским и Вельфом Баварским, а также с их соратниками (все они стремились завершить свое паломничество в Иерусалим) выступил из Антиохии.

В Латакии он воссоединился с женой и войском и вместе с ними направился к Тартусу. Когда Раймунд подошел к городским стенам, генуэзские корабли, на помощь которых он очень рассчитывал, бросили якорь неподалеку от берега. Наместнику Тартуса было нечего противопоставить этой двойной угрозе. В итоге примерно в середине февраля Раймунд вошел в Тартус. Все крестоносцы, сопровождавшие его в

этом путешествии, сошлись на том, что город должен достаться ему, но предложили ему проводить их до Иерусалима. Услышав его отказ, они разозлились и, по словам Фульхерия Шартрского, стали возводить на него хулу. Однако Раймунд решил, что Тартус должен стать центром его будущих владений. В итоге остальные крестоносцы покинули его и отправились дальше на юг.

Раймунд не держал свои планы в тайне, и мусульманские правители были начеку. Фахр аль-Мульк направил предупреждение эмирам Хомса и правителю Дамаска Дукаку. Но когда Раймунд дошел до Триполи, его противники увидели, что его войско состоит из немногим более чем 300 человек, и решили, что настало время нанести ему сокрушительный удар. Дукак спешно предоставил 2000 всадников, Джанах ад-Даула — еще столько же, а Бану Аммар привели всю свою армию. Все войско мусульман, выстроившееся на равнине у городских стен, превышало по численности армию Раймунда в двадцать раз.

Средневековые авторы, писавшие об истории крестовых походов, не уделили достаточного внимания деяниям Раймунда. Об удивительной битве, последовавшей за этим, мы узнаем из сочинения арабского историка Ибн аль-Асира. Раймунд выставил сотню своих солдат против воинов из Дамаска, сотню — против солдат Бану Аммар, пятьдесят — против отряда из Хомса, а оставшихся пятьдесят человек назначил своими телохранителями. Солдаты из Хомса атаковали первыми, но, когда их атака захлебнулась, их внезапно охватила паника, которой быстро заразились воины из Дамаска. Солдаты из Триполи оказались более удачливыми, но Раймунд, увидев, что другие противники обратились в бегство, направил все свои силы на их преследование. Это шокировало воинов из Триполи, и они также обратились в бегство. Затем по полю боя пронеслась франкская конница — всадники убивали всех мусульман, которые не успевали убежать. Арабский историк посчитал, что в этой битве погибло 7000 его единомышленников.

Эта победа не только позволила Раймунду восстановить пошатнувшуюся репутацию, но и обеспечила дальнейшее существование его владений в Ливане. Мусульмане больше не рисковали нападать на него. Однако имевшихся в распоряжении Раймунда ресурсов было недостаточно для того, чтобы захватить Триполи с его масштабными оборонительными сооружениями на полуострове Аль-Мина. Потребовав крупную дань деньгами и лошадьми, он вернулся в Тартус и стал планировать новый поход.

В течение нескольких последующих месяцев Раймунд укреплял свою

власть в окрестностях Тартуса, а затем, весной 1103 г., он выдвинулся в поход, надеясь захватить Букайю, что было необходимым шагом для того, чтобы изолировать Триполи и одновременно выйти к Оронту. Предпринятая им попытка заставить врасплох крепость Тубан, расположенную у северо-восточного входа в долину, не удалась. Однако, проявив бесстрашие, он двинулся дальше, собираясь осадить Калат-аль-Хосн, огромный замок, господствовавший над всей равниной, который войско Раймунда в 1099 г. занимало в течение недели. Эти замки принадлежали правителю Хомса Джанах ад-Даула, который не мог позволить себе лишиться их. Он уже собрал армию, которая должна была отправиться на их защиту. Но на выходе из главной мечети Хомса, где он молился о победе, Джанах ад-Даула погиб от рук троих убийц. Его гибель вызвала в городе беспорядки. Раймунд тотчас же снял с Калат-аль-Хосн осаду и направился на восток, собираясь извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Жители города считали, что за убийством Джанах ад-Даула стоит Ридван, так и не простивший его за то, что за три года до этого, когда правитель Алеппо готовился к борьбе с антиохийскими франками, Джанах напал на него. Однако вдова Джанаха, приходившаяся Ридвану матерью, пришла в ужас от новости о приближении Раймунда и послала в Алеппо гонца с просьбой к Ридвану взять город под свое покровительство. Советники Джанаха не поддержали ее решение и обратились за помощью к правителю Дамаска Дукаку. Дукак спешно отправился на север в сопровождении своего атабека Тугтегина, взял бразды правления Хомсом в свои руки и отдал их Тугтегину. Раймунд находился не в том положении, чтобы бросать ему вызов, и был вынужден отступить к побережью.

Вернувшись в Тартус, Раймунд узнал, что в порт Латакии вошла генуэзская эскадра, состоявшая из сорока судов, и сразу же нанял ее, решив, что эти суда помогут ему снова атаковать Триполи. Однако эта кампания провалилась, и союзники двинулись на юг, где захватили порт Джебейль, или Гебал, носивший в древности название Библ. В качестве вознаграждения генуэзцы получили треть города. Однако Раймунд хотел захватить Триполи. В последние месяцы 1103 г. он разбил лагерь неподалеку от этого города и начал строительство огромного замка на горном кряже, расположенном примерно в 3 милях (5 км) от морского побережья. Незадолго до этого Раймунд, стремясь вернуть расположение византийцев, пытался вытеснить Танкреда из Латакии. В благодарность за это они доставили ему с Кипра необходимые строительные материалы и прислали умелых каменщиков. К весне 1104 г. строительство было завершено, и Раймунд обрел новую резиденцию. Он назвал ее Крепостью

пилигрима, но среди арабов она стала известна как Калат-Санджилъ, замок Сен-Жиля.

Теперь Триполи оказался в состоянии постоянной осады, но не сдавался. Раймунд контролировал пути, шедшие к городу с суши, но ему недоставало кораблей, способных перекрыть доступ к городу с моря. Благодаря своим баснословным богатствам представители династии Бану Аммар могли себе позволить содержать многочисленный торговый флот, доставлявший в город продовольствие из египетских портов, расположенных на юге. Однако замок, построенный Раймундом, угрожал их свободе. В конце лета они приказали совершить вылазку, во время которой территория вокруг его стен была предана огню. Сам Раймунд также был ранен — на него упала горящая крыша. В начале следующей весны Фахр аль-Мульк был вынужден заключить с христианами перемирие и отдать им часть пригородов. Едва завершились переговоры, как Раймунд, так и не оправившийся от ожогов, полученных им за шесть месяцев до этого, был прикован к постели смертельной болезнью и 28 февраля 1105 г. умер в Крепости пилигрима. Доблестные деяния, совершенные им в последние годы жизни, способствовали восстановлению его репутации. Смерть Раймунда, которого стали считать одним из величайших христианских рыцарей, отказавшимся от наслаждений, которым он мог бы предаваться в родной земле, ради тягот священной войны.

Это уважение было вполне заслуженным, ибо, в отличие от других крестоносцев, поселившихся на Востоке и не обладавших значительными доходами на родине, Раймунд оставил в Европе богатое наследие. Несмотря на данную им клятву никогда не возвращаться, граф принимал определенное участие в управлении своими владениями, а после его смерти возникла проблема, связанная с наследованием не только левантийских земель, но и Тулузы. Последней по поручению Раймунда управлял его старший сын Бертран, но его право наследования, возможно в связи с тем, что он считался незаконнорожденным, не было неоспоримым. Дети, рожденные в браке с графиней Эльвирой, за исключением одного мальчика, Альфонсо Иордана, появившегося на свет за несколько месяцев до кончины отца в Крепости пилигрима, умерли. Всем было понятно, что маленький ребенок не способен управлять нестабильным военизированным государством, расположенным в Ливане, а в самой Тулузе, вероятно, на тот момент даже не знали о его существовании. Бертран продолжал управлять владениями отца, расположенными в Европе, а на Востоке солдаты Раймунда (возможно, в соответствии с его последней волей) избрали его преемником Гильома Иордана, графа

Сердани, приходившегося ему двоюродным братом.

Гильом Иордан, бабушка которого по материнской линии приходилась Раймунду теткой, прибыл на Восток незадолго до описываемых событий. Он считал себя регентом, правящим от имени малолетнего сына Раймунда, и не стал брать какой-либо титул, связанный с восточными землями. Однако пока был жив Альфонсо Иордан, ни Бертран, ни Гильом Иордан не были полноправными правителями^[2].

Последний продолжил политику своего предшественника, поддерживая блокаду и сохранив союзнические отношения с византийцами. По приказу императора наместник Кипра Евматий Филокал отправил к Гильому посланника, которому тот должен был принести феодальную присягу, взамен получив ценный подарок. Благодаря уступчивости Гильома Иордана франки, осаждавшие Триполи, стали регулярно получать продовольствие с Кипра, а византийские войска периодически помогали им в осаде города.

В то время как в лагере франков пищи было достаточно, Триполи столкнулся с угрозой голода. Возможности поставлять в город продовольствие по суше не было. Некоторые корабли, шедшие из портов, контролировавшихся Фатимидами, и даже с территории, на которой правил Танкред, прорывались через блокаду, но они не могли доставить достаточное количество еды для того, чтобы накормить все многочисленное население Триполи. Цены на еду росли в геометрической прогрессии — фунт фиников отдавали за золотую монету. Все, кто мог покинуть город, бежали. В Триполи царили нищета и болезни, с которыми Фахр аль-Мульк боролся, раздавая солдатам и больным еду, купленную за счет особых сборов. Некоторые представители знати бежали из Триполи в лагерь франков, а двое из них рассказали осаждающим о том, как в город поступает продовольствие. Фахр аль-Мульк обещал заплатить Гильому Иордану крупную сумму денег, если тот выдаст этих предателей. После того как граф ответил на это предложение отказом, в лагере христиан были найдены тела убитых перебежчиков.

Фахр аль-Мульк не знал, к кому обратиться за помощью. Он понимал: Фатимиды за свою поддержку потребуют отдать им его владения. С правителем Хомса Тугтегином, с которым заключить союз было логичнее всего, так как после смерти Дукака в 1104 г. тот стал править Дамаском и сам постоянно воевал с Гильомом Иорданом, он находился далеко не в самых хороших отношениях. Самыми безопасными союзниками Фахр аль-Мульк посчитал правителей, владения которых располагались вдали от Триполи, и в 1105 г. отправил в Мардин письмо, адресованное

представителю династии Артукидов Сокману. Тот, решив снова вмешаться в события, происходившие на сирийском побережье, отправился во главе многочисленной армии на помощь Фахр аль-Мульку, для чего ему было необходимо пересечь пустыню. Однако, когда войско добралось до Пальмиры, Сокман внезапно умер, а его полководцы поспешили вернуться в Джебзире, чтобы там решить вопрос о том, кто должен стать его преемником.

Благодаря своему богатству и дипломатическим способностям Фахр аль-Мульк на протяжении 1106 и 1107 гг. оставался в Триполи, где ситуация становилась все более тяжелой. Он сумел наладить отношения с Тугтегином, проводившим кампании, направленные против франков (например, в 1105 г. он сумел отвоевать у них Рафанею) и оказавшиеся хорошим подспорьем для правителя Триполи. Однако франки уже успели прочно закрепиться на побережье Ливана, и ни у одного из правивших по соседству с ними мусульман не доставало сил, чтобы оттеснить их. Весной 1108 г. охваченный отчаянием Фахр аль-Мульк решил лично обратиться за помощью к багдадскому халифу, считавшемуся религиозным главой всех мусульман, и самому могущественному из исламских правителей — султану Мухаммаду из династии Сельджукидов.

В марте, оставив управление Триполи своему двоюродному брату Абул Манакиб ибн Аммару и заплатив всем своим солдатам за шесть месяцев вперед, Фахр аль-Мульк покинул Триполи. Перед этим он сообщил о своих намерениях Тугтегину и, возможно, получил от Гильома Иордана разрешение на проход по территории, находившейся под контролем франков. С собой правитель Триполи взял отряд из 500 телохранителей и ценные подарки для султана. Когда Фахр аль-Мульк прибыл в Дамаск, Тугтегин принял его с почестями, а местные эмиры буквально осыпали его подарками. Однако он на всякий случай разбил лагерь за пределами городских стен. Во время дальнейшего путешествия его сопровождал сын Тугтегина Таджул-Мулик Бури.

Когда Фахр аль-Мульк приблизился к Багдаду, к нему также отнеслись с почтительным вниманием. Для того чтобы перевезти правителя Триполи через Евфрат, султан отправил собственную ладью, и во время плавания Фахр аль-Мульк возлежал на подушках, прежде прикасавшихся только к телу султана. Несмотря на то что он никогда не носил титула более значимого, чем кади, его вход в Багдад сопровождался церемонией, которую обычно устраивали для независимых правителей. И халиф, и султан отнеслись к Фахр аль-Мульку с поистине братской любовью и всячески восхваляли его за труды во имя веры. Однако когда правители

перешли к обсуждению насущных дел, стало понятно, что за теплыми приемом и всеми этими комплиментами ничего не стоит. Султан обещал Фахр аль-Мульку, что все многочисленное войско сельджуков придет на помощь Триполи, но перед этим ей нужно провести несколько малозначительных кампаний в окрестностях Багдада. К примеру, эмира Мосула Джавали следовало сделать более сговорчивым. Фахр аль-Мульк понял, что на самом деле Мухаммад не хочет вмешиваться в события, происходившие вокруг Триполи. По прошествии четырех месяцев, которые он провел во дворце султана, купаясь в роскоши, но так и не сумев ничего добиться, Фахр аль-Мульк отправился в обратный путь, в конце которого выяснилось, что дома у теперь уже бывшего правителя Триполи больше нет.

Абул Манакиб и представители знати, оставшиеся в Триполи, были реалистами. Они понимали, что помочь им способны лишь одни собратья по вере — Фатимиды, сохранившие определенную военно-морскую мощь. Они попросили египетского визиря аль-Афдаля прислать наместника, способного взять управление городом на себя. Тот назначил на эту должность Шарафа ад-Даулу, прибывшего в Триполи летом 1108 г. и привезшего с собой огромное количество зерна, чтобы накормить жителей города. Взять Триполи под свой контроль ему удалось без труда. Все сторонники Фахр аль-Мулька были арестованы и отправлены в Египет. Бывший правитель города узнал о своем низвержении, когда прибыл в Дамаск. В его власти все еще оставалась Джебла, расположенная к северу от Тартуса, куда он и направился. Однако правил в Джебле Фахр аль-Мульк недолго. В марте 1109 г. к городским стенам подошел правитель Антиохии Танкред со всем своим войском. Фахр решил сдаться, надеясь, что Танкред отдаст ему город в качестве феода. Но тот нарушил свое обещание, и Фахр аль-Мульк был вынужден покинуть Джеблу и направиться в Дамаск. Остаток жизни он провел, получая денежное содержание от Тугтегина.

Фахр аль-Мульк лишился Триполи, но египтяне не были способны удерживать его, а Гильом Иорданский — захватить. После смерти Раймунда тулузские бароны признали Бертрана его законным наследником. Во-первых, он правил ими уже на протяжении почти 10 лет, а во-вторых, они не знали о появлении на свет законного сына Раймунда. Однако, когда им стало известно о существовании юного Альфонсо Иордана, они направили на Восток гонца, который должен был попросить ребенка принять свое законное наследство. Графиню Эльвиру нельзя винить за то, что она предпочла, чтобы ее сын правил богатыми землями на юге Франции, а не шатким государством на Востоке. В итоге в 1108 г. она

прибыла вместе с ребенком в Тулузу.

Появление мачехи и брата заставило Бертрана задуматься о своем будущем. Вполне вероятно, что им удалось заключить династическое соглашение, в соответствии с которым Бертран отказывался от каких-либо притязаний на отцовские земли в Европе, а Альфонсо Иордан, в свою очередь, стремясь избавиться от присутствия брата в Тулузе, согласился в его пользу на часть наследства, оставшуюся в Ливане. Летом 1108 г. Бертран отправился на Восток. Он решил завершить создание своего княжества с помощью захвата Триполи. Возможно, Бертран понимал, что в ходе реализации этого плана он может столкнуться с противодействием со стороны Гильома Иордана. С собой сын Раймунда привел армию, состоявшую из 4000 всадников и пехотинцев, а также 40 кораблей, предоставленных ему прованскими портами. В этом путешествии Бертрана сопровождал его малолетний сын Понс.

Сначала Бертран посетил Геную, надеясь получить поддержку с моря, которая была необходима ему для покорения Триполи. Гильом Иордан также пытался заключить союз с генуэзцами, но, прибыв в город, его послы узнали, что республика уже назвала Бертрана своим союзником. Генуэзцы пообещали ему помочь завершить завоевания, начатые его отцом, венцом которых должен был стать захват Триполи, где они собирались получить торговые преференции. Когда осенью Бертран направился на Восток, его сопровождала генуэзская эскадра.

Затем Бертран собирался посетить Константинополь, чтобы заручиться поддержкой друга своего отца — византийского императора. Однако из-за бури корабли были вынуждены зайти в залив Волос, в гавань Альмиро, где люди Бертрана произвели прекрасное впечатление, ибо для них не была характерна свойственная другим европейцам привычка грабить обитателей сельской местности. Соответственно, когда Бертран прибыл в Константинополь, Алексей отнесся к нему очень тепло и принял его, как родного сына. Бертран получил многочисленные подарки и обещание помощи со стороны Византии. Взамен он принес императору клятву верности.

Из Константинополя Бертран и его союзники отправились по морю в порт Антиохии Святой Симеон, откуда он послал к Танкреду гонца, который должен был обратиться к правителю города с просьбой о встрече. Танкред тотчас же сам приехал к Бертрану. Однако спокойным их разговор назвать было нельзя. Бертран сразу высокомерно потребовал, чтобы Танкред отдал ему часть Антиохии, которой некогда владел его отец. Танкред ответил, что подумает об этом только в том случае, если Бертран

поможет ему в военной кампании против Мамистры и византийских городов Киликии. Бертран, только что давший клятву верности императору и надеявшийся получить от византийцев помощь, не мог принять это предложение. Однако он предложил другой вариант. Бертран был готов помочь Танкреду завоевать Джеблу, город, где нашел убежище Фахр аль-Мульк. Танкред стал настаивать на совместном походе в Киликию, а когда Бертран ответил категорическим отказом, сославшись на клятву, данную императору, Танкред велел ему покинуть территорию княжества и запретил своим подданным продавать сыну Раймунда продовольствие. Бертран был вынужден отправиться на юг и поплыл в порт Тартуса.

Тартусом управлял один из людей Гильома Иордана, впусивший Бертрانا в город и отдавший ему все необходимые припасы. На следующий день Бертран отправил в Крепость пилигрима гонца, который должен был передать Гильому Иордану требование отдать Бертрану все наследие его отца в Верблюдице, то есть княжество с центром в Хомсе, которое Раймунд собирался создать. Однако незадолго до этого Гильому Иордану удалось добиться блестящей победы. Когда египтяне заняли Триполи, город Арка, где правил один из любимых слуг Фахр аль-Мулька, перешел под защиту правителя Дамаска Тугтегина. Тот лично отправился осматривать свои новые владения, но из-за поливших зимой дождей продвигался по Аль-Букайе очень медленно. Ожидая наступления хорошей погоды, он напал на несколько крепостей, построенных христианами неподалеку от границы. Гильом Иордан в сопровождении 300 всадников и 200 местных пехотинцев незаметно прошел по склону горного хребта Ливана и неподалеку от деревни Акун неожиданно атаковал него. Охваченная паникой армия Дамаска во главе с самим Тугтегином побежала к Хомсу, а франки стали ее преследовать. Последние не осмелились атаковать город, а вместо этого повернули на север и вторглись на территорию Шайзара. Муршид и Султан, братья из династии Мункизидов, правившие в Шайзаре, узнав о малочисленности франкского войска, вышли ему навстречу, будучи совершенно уверенными в том, что с легкостью одержат победу. Однако франки тотчас же перешли в атаку, причем настолько ожесточенную, что солдаты из Шайзара обратились в бегство. Затем Гильом Иордан вернулся к Арке, сдавшейся после трехмесячной осады.

Воодушевленный этими победами Гильом Иордан не собирался отказываться от чего бы то ни было в пользу Бертрانا. Он ответил, что получил владения Раймунда как законный наследник, защищал их и расширял их границы. Однако, увидев, насколько велика армия Бертрана,

он пришел в замешательство и отправил в Антиохию гонца с просьбой о помощи, пообещав, что в благодарность за поддержку станет вассалом Танкреда. Это заставило Бертрана сделать аналогичный шаг. Он отправил в Иерусалим гонца с письмом к королю Балдуину. Бертран попросил короля рассудить их с Гильомом, назвал Балдуина верховным судьей всех франков, живших на Востоке, и своим сюзереном.

Балдуин, будучи человеком прозорливым, понимал, что живущие на Востоке франки должны действовать сообща. В то же время он обладал достаточно обширными амбициями для того, чтобы считать себя их предводителем. Поэтому он сразу же ответил на обращение Бертрана. Король Иерусалима не забыл, как Танкред поступил с графом Эдессы Балдуином и Жосленом де Куртене, и был зол на него.

Бертран отправился на юг — в Триполи. Там его армия одновременно выполняла две задачи — поддерживала блокаду города и осаждала Крепость пилигрима, в которой укрылись сторонники Гильома Иордана. Тот к тому времени уже успел покинуть крепость и снова занял Тартус, где стал ждать Танкреда. Едва тот приехал, в город прибыли посланники короля: Евстахий де Гранье и правитель Хайфы Пайен, велевшие им обоим приехать в Триполи, где король будет решать вопрос о наследстве Раймунда, а также о возвращении Эдессы и Турбесселя их законным владельцам. Гильом Иордан хотел отказаться от этой поездки, но Танкред понимал, насколько дорого им может обойтись неповиновение.

В июне 1109 г. все правители франкских государств, образовавшихся на Востоке, собрались у стен Триполи. Там же находилась армия Бертрана. Король Балдуин прибыл с юга в сопровождении 500 рыцарей и такого же числа пехотинцев. Танкред привел с собой 700 своих лучших рыцарей, а граф Эдессы Балдуин и Жослен прибыли в сопровождении своих охранников. Во время торжественного заседания, состоявшегося в Крепости пилигрима, Танкред по всем правилам примирился с графом Эдессы Балдуином и Жосленом, а наследство графа Тулузского было разделено на две части. Гильом Иордан получал Тартус и завоеванную им Арку, а Бертрану достались Джебейль и Триполи (когда он будет наконец завоеван). При этом первый из них дал клятву верности Танкреду, а второй — королю Балдуину. Кроме того, была достигнута договоренность о том, что после смерти любого из наследников его земли перейдут ко второму.

После того как между предводителями франков был заключен мир, их армия всерьез взялась за захват Триполи. Египетский наместник Шараф ад-Даула воззвал к Фатимидам с просьбой о помощи, которая была ими услышана. Они снарядили огромный флот, в который вошли не только

военные корабли, но и транспортные суда, перевозившие солдат и продовольствие. Но из-за интриг и ссор между египетскими военачальниками отправление кораблей из портов Дельты задерживалось. Один месяц проходил за другим, а визирь без особого энтузиазма пытался примирить ссорившихся. И вот наконец были отданы последние приказы, и суда уже были готовы покинуть порт. Однако из-за постоянно дувшего северного ветра они не могли выйти из гавани. Когда наконец они отправились в путь, причем уже в меньшем количестве, было уже слишком поздно.

Солдаты гарнизона Триполи, видя, что доступ к морю перекрыли генуэзские и прованские корабли, а стены города подвергаются ударам всех осадных машин, имеющихся у армии франков, вскоре поняли, что сопротивление бесполезно. Шараф ад-Даула написал королю Балдуину, что готов сдать город, но на определенных условиях. Он попросил, чтобы жителям, которые захотят покинуть Триполи, разрешили уйти и унести с собой все, что они смогут забрать, и чтобы те, кто решит остаться, стали подданными франков, сохранили все свое имущество и лишь ежегодно платили определенную сумму в качестве подати. Кроме того, ему самому победителю должны были разрешить уехать в Дамаск вместе со всем войском. Балдуин согласился, и 12 июля 1109 г. христиане вошли в Триполи.

Сам Балдуин выполнил свое обещание. В тех областях, которые перешли под его контроль, местных жителей никто не грабил и не притеснял. Но генуэзские моряки, увидев, что город лишился защиты, решили пойти по собственному пути. Они начали грабить, жечь дома и убивать встреченных ими мусульман. Остановить их удалось лишь через некоторое время. Во время этих беспорядков сгорела огромная библиотека, собранная представителями династии Бану Аммар и считавшаяся лучшей во всем исламском мире, и все, что в ней хранилось, погибло.

Когда франки полностью заняли город и сумели восстановить порядок, его правителем был назван Бертран. Он взял себе титул графа Триполи и подтвердил свою вассальную клятву королю Иерусалима. Про его обязательства перед императором Алексеем все забыли. Генуэзцы получили в качестве вознаграждения квартал в Триполи, замок под названием Твердыня коннетабля, расположенный в десяти милях к югу от Триполи, и оставшиеся две трети Джебейля. Джебейль они передали под власть флотоводца Гуго Эмбриако, потомки которого превратили его в передаваемый по наследству феодал.

Бернарду не пришлось долго ждать того момента, когда он получит

всю восточную часть наследства отца. Когда армия франков находилась в Триполи, Гильом Иордан был ранен стрелой. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах это произошло. По одной из версий, он, не разобравшись, вмешался в конфликт, разразившийся между двумя слугами, и, когда он пытался разнять их, кто-то выстрелил в него из лука. Главным подозреваемым, естественно, оказался Бертран, но доказать его вину так и не смогли. Он тотчас же забрал себе все владения Гильома Иордана, которые таким образом оказались в вассальной зависимости от короля Балдуина. Танкред поставил не на ту лошадь.

Таким образом, сын Раймунд сумел претворить в жизнь план отца и создать на Востоке государство. Правда, площадь этого княжества оказалась меньше, чем планировал Раймунд, и территория Верблюдицы в него так и не вошла. Вместо того чтобы стать вассалом византийского императора, правившего в далеком Константинополе, Бертран предпочел сюзерена, жившего гораздо ближе — в Иерусалиме. Полученное им наследство оказалось весьма многообещающим. Благодаря богатству и расположению земель, вошедших в состав княжества Триполи, ставшего мостом между франками Сирии и теми, кто обитал в Палестине, ему было суждено сыграть жизненно важную роль в дальнейшей истории крестовых походов.

Глава 5. Король Балдуин I

Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов.

Книга Иова, 41: 16

Вмешательство короля Балдуина в события, произошедшие у Триполи в 1109 г., свидетельствовало о том, что он был самым могущественным из франкских правителей Востока. Своего положения он добился благодаря терпению, усердию и бесстрашию. Прибыв в Иерусалим, несмотря на противостояние заключивших между собой союз патриарха Даимберта и князя Антиохии, он нашел там пустую казну, а его владения оказались разбросаны и состояли из центрального горного хребта Палестины, Изреельской долины и нескольких крепостей, построенных в сельской местности, жители которой отнеслись к новоприбывшим довольно враждебно. Балдуин также не мог похвастаться и армией, немногочисленной и состоявшей из ставивших себя выше закона высокомерных рыцарей и местных наемников, к которым он не испытывал большого доверия. Единственным хорошо организованным институтом была церковь, но в ней образовались две противоборствующие партии — одну возглавлял Даимберт, а вторую — Арнульф. При Готфриде государством управляли его приближенные, которых было немного и которые плохо подходили для такой роли. Бароны, которым было доверено управление приграничными замками, на отведенных им территориях по сути были полноправными властелинами.

Балдуин понимал, что наибольшую опасность для государства, в котором еще не успели навести порядок, представляет атака мусульман. Полагая, что лучший способ защиты — это нападение, он, отодвинув на второй план проблему своих взаимоотношений с Даимбертом, требовавшую срочного решения, начал кампанию по устрашению безбожников. Благодаря своим подвигам в Эдессе и победе в сражении у Собачьей реки Балдуин стал внушать страх, чем он собирался воспользоваться. Уже по истечении недели после прибытия в Иерусалим он выступил в Аскалон и провел под стенами этого города своеобразную демонстрацию своей военной мощи. Однако крепость была не по зубам его небольшой армии, вследствие чего он направился на восток, в Хеврон, а

оттуда — в Негев, к Сегору, расположенному в пропитанных солью землях на южной оконечности Мертвого моря, сжигая по пути деревни. Затем Балдуин направился далее — через дикую Идумею к горе Харун и древнему монастырю Святого Аарона, что неподалеку от Петры. Хотя правитель Иерусалима не основывал по пути никаких поселений, его поход устрасил арабов, и в течение нескольких последовавших за этим лет они воздерживались от нападений на подвластные ему территории.

В Иерусалим Балдуин вернулся за несколько дней до Рождества. У патриарха Даимберта было достаточно времени для того, чтобы поразмыслить над сложившейся ситуацией. Он смирился с неизбежным и в Рождество 1100 г. провел церемонию коронации правителя Иерусалима. В обмен на это Балдуин утвердил его в сане патриарха.

В начале весны 1101 г. Балдуин узнал, что через Трансиорданию движется богатое арабское племя. Он тотчас же форсировал вместе с отрядом солдат реку и ночью напал на лагерь арабов. Спасти сумело лишь несколько из них. Большинство мужчин перебили в их же палатках, а женщин и детей угнали в рабство. Франки также забрали из лагеря огромное количество золота и драгоценностей. Среди пленников оказалась беременная жена одного из шейхов племени. Услышав о ее положении, Балдуин приказал отпустить ее саму и ее служанку, дать им двух верблюдиц и запас пищи и воды. По дороге женщина родила ребенка и воссоединилась с мужем. Искренне тронутый добросердечием Балдуина, он поспешил к королю, чтобы поблагодарить его и пообещать, что однажды оплатит ему за доброту.

Благодаря новости о походах Балдуин стал пользоваться еще большим уважением. В марте из прибрежных городов: Арсуфа, Кесарии, Акры и Тира — в Иерусалим прибыли посольства с ценными подарками. Правитель Дамаска Дукак предложил Балдуину 50 000 золотых безантов в качестве выкупа за пленников, захваченных королем Иерусалима в битве у Собачьей реки. Таким образом, Балдуину удалось решить наиболее насущную проблему — финансовую.

Привезенная Балдуину дань недолго приносила пользу Арсуфу и Кесарии. В марте из Хайфы отплыла эскадра генуэзских кораблей, которая 15 апреля уже вошла в порт Яффы. Одним из пассажиров был Маурицио, кардинал-епископ Порто, направленный в Святую землю папой Пасхалием в качестве легата. Прежде Балдуин был вынужден полагаться на немногочисленную флотилию пизанских кораблей, сопровождавшую архиепископа Пизы Даимберта, все еще остававшегося его врагом, в его путешествии на Восток. Союз с генуэзцами, главными соперниками

пизанцев, более чем устраивал короля. Он поспешил в Хайфу, решив лично поприветствовать их и встретить легата, а затем пригласил их предводителей отпраздновать Пасху в Иерусалиме. Там генуэзцы согласились на предложение Балдуина поступить к нему на службу на один сезон. В качестве платы они попросили треть добычи, которая будет захвачена, как деньгами, так и материальными ценностями, а также по улице в каждом занятом городе, причем не любой, а расположенной в квартале с базаром. Едва подписав договор, союзники двинулись в поход против Арсуфа. При этом Балдуин с войском передвигался по суше, а генуэзцы — по морю. Вскоре горожане поняли, что сопротивляться бесполезно. Городские власти согласились сдаться, потребовав, чтобы новые хозяева города разрешили его жителям забрать свое имущество и уехать на территории, находившиеся под властью мусульман. Балдуин согласился. Его войска сопроводили желающих уехать горожан до Аскалона. Затем король, отдав генуэзцам то, что им причиталось, разместил в Арсуфе гарнизон.

Из Арсуфа союзники направились в Кесарию, осада которой началась 2 мая. Гарнизон города, надеясь на крепкие стены, построенные византийцами, отказался сдаваться. Однако 17 мая Кесарию удалось взять приступом. Балдуин разрешил своим солдатам разграбить город. Правда, последовавшие за этим события шокировали даже военачальников. Наиболее кровавой была расправа, произошедшая в главной мечети, некогда представлявшей собой синагогу Ирода Агриппы. Там решило укрыться множество горожан, моливших о пощаде. Но все они — и мужчины и женщины — были убиты, а пол мечети был залит кровью. Из всех жителей Кесарии крестоносцы пощадили лишь нескольких маленьких девочек и младенцев, а также главу города и начальника гарнизона, спасенных самим Балдуином, надеявшимся получить за них хороший выкуп. Эти зверства не были случайными. Балдуин хотел продемонстрировать, что выполняет свои обещания, данные тем, кто готов с ним договариваться, но в противном случае пощады от него ждать не стоит.

Едва Балдуин успел разделить добычу в соответствии с договоренностью, достигнутой с генуэзцами, и разместить в городе гарнизон, ему сообщили, что в Палестину вступила египетская армия.

Визирь Фатимидов аль-Афдаль жаждал отомстить за поражение в битве при Аскалоне, состоявшейся за два года до этого, и организовал военный поход, командовать которым был назначен мамлюк Саад ад-Даула аль-Кавази. Египтяне достигли Аскалона в середине мая и дошли вплоть до

Рамлы, возможно надеясь достичь Иерусалима до того, как Балдуин вернется из Кесарии. Король Иерусалима спешно повел свое войско к Рамле. В связи с этим Саад отошел к Аскалону, где стал ждать подкрепления. Укрепив Рамлу, Балдуин разместился в Яффе, что позволило ему наблюдать за передвижениями египтян и в то же время держать под контролем морские пути. В конце августа крестоносцам удалось перехватить письмо, в котором говорилось, что к египтянам прибыло подкрепление и они собираются выступить на Иерусалим.

Наконец 4 сентября Саад неспешно выступил со своим войском из Рамлы и двинулся в путь. Через два дня Балдуин провел военный совет и решил напасть на противника на рассвете, не дожидаясь, пока тот атакует сам. В его распоряжении имелось всего 260 всадников и 900 пехотинцев, но все они были прекрасно вооружены и обладали большим боевым опытом, в то время как солдаты многочисленной армии египтян, состоявшей, по подсчетам короля, из 11-тысячной конницы и 21-тысячной пехоты, были легко вооружены и не имели почти никакой военной подготовки. Балдуин разделил свое войско на пять отрядов, первым из которых командовал рыцарь по имени Бервольд, вторым — сеньор Хайфы Годемар Карпенель, третьим — Гуго де Сен-Омер, ставший вместо Танкреда князем Галилеи, а четвертым и пятым — сам король. Воодушевленные наличием истинного креста, трогательной проповедью Арнульфа де Роола и получившие отпущение грехов от папского легата, франки двинулись к Рамле и на рассвете неподалеку от Ибелина, расположенного к юго-западу от города, атаковали египтян.

Первым в атаку бросился Бервольд, но египтяне сумели перебить его воинов, да и сам он погиб. Ему на помощь поспешил Годемар Карпенель, но и он пал на поле боя вместе со всеми своими людьми. Затем в атаку перешли воины из Галилеи, но и они не смогли пробиться сквозь многочисленных египтян. Увидев, что несет серьезные потери, Гуго де Сен-Омер увел своих солдат и, преследуемый левым флангом египетской армии, побежал вместе с ними в сторону Яффы. Казалось, будто все потеряно. Однако король Балдуин, во всеуслышание раскаявшись в своих грехах перед истинным крестом и выступив с речью перед солдатами, сел на своего храброго арабского скакуна по имени Газель и во главе рыцарей галопом понесся прямо на вражеское войско. Уверенные в своей победе, египтяне не ожидали такого поворота событий. После непродолжительной стычки солдаты, стоявшие в центре их армии, развернулись и обратились в бегство. Паника тут же охватила правый фланг египетского войска. Балдуин, запретивший своим воинам останавливаться, чтобы

мародерствовать или грабить вражеский лагерь, преследовал египтян до стен Аскалона. Затем он собрал своих людей и стал делить трофеи, захваченные на поле боя.

Тем временем Гуго де Сен-Омер прибыл в Яффу и сообщил находившимся там королеве и ее придворным о поражении. Услышав об этой трагедии и решив, что король погиб, они сразу же отправили гонца к князю Антиохии Танкреду — единственному человеку, способному, по их мнению, помочь в сложившейся ситуации. На следующее утро они увидели, что к городу приближается войско, и решили, будто это египтяне. Насколько же велика была их радость, когда они разглядели франкские знамена и увидели короля. В Антиохию тотчас же отправился второй гонец, который должен был сообщить Танкреду, не без удовольствия готовившемуся отправиться на юг, о победе и о том, что ему следует оставаться дома.

Угрозу удалось предотвратить, но лишь на время. Египтяне понесли серьезные потери и не собирались в обозримом будущем выступать в новый поход. Однако Египет мог похвастаться огромными ресурсами. Аль-Афдаль без труда собрал новое войско, которое должно было отправиться в Палестину в следующем году. Тем временем Балдуин принимал у себя выживших крестоносцев, участвовавших в походе 1101 г. Ранней весной 1102 г. они, возглавляемые Гильомом Аквитанским, Стефаном Блуаским, Стефаном Бургундским и коннетаблем Конрадом, в сопровождении баронов из Нижних земель, а также Эккехарда из Ауры и епископа Манассии (большинство из всех них приплыло в Антиохию по морю), достигли окрестностей Бейрута. Для того чтобы они могли благополучно пройти по вражеской территории, Балдуин послал туда отряд, который должен был проводить их в Иерусалим. Проведя Пасху в священном городе, предводители крестоносцев засобирались домой. В конце апреля Гильом Аквитанский благополучно отплыл в Святой Симеон, а корабль, на который сели Стефан Блуаский и Стефан Бургундский, а также несколько других крестоносцев, штормом выбросило на берег в районе Яффы. Прежде чем им смогли предоставить другой корабль, стало известно, что из Египта выступило еще одно войско. Из-за этой роковой неудачи они были вынуждены остаться и помочь своим собратьям в грядущем конфликте.

В середине мая 1102 г. египетское войско, состоявшее примерно из 20 000 египтян и суданцев, которым на этот раз командовал сын визиря Шарафа аль-Маали, стянулось к Аскалону и двинулось в сторону Рамлы. Балдуин уже приготовился к прибытию врага. В Яффе его ждало войско, состоявшее из нескольких тысяч христиан, а галилейские гарнизоны были

готовы в случае необходимости прислать свои отряды. Но разведчики Балдуина подвели его. Посчитав, будто ему придется иметь дело с немногочисленным и недисциплинированным отрядом, он решил разделаться с египтянами самостоятельно, не призывая резервные войска. Вместе с Балдуином в Иерусалиме находились его друзья, приехавшие с Запада, — Стефан Блуаский, Стефан Бургундский, коннетабль Конрад, Гуго де Лузиньян и бельгийские рыцари, и он предложил им выступить против врага в сопровождении его конницы. Стефан Блуаский осмелился порекомендовать не принимать поспешных решений и предложил спланировать предстоящее сражение более тщательно. Но никто не стал его слушать, не забыв о трусости, проявленной им при осаде Антиохии. В итоге он был вынужден присоединиться к своим товарищам и больше ничего им не предлагал.

Таким образом, 17 мая Балдуин в сопровождении примерно 500 всадников выступил из Иерусалима. Они ехали весьма беспечно, не сохраняя строй. Балдуин осознал свою ошибку лишь тогда, когда крестоносцы прибыли на равнину и увидели многочисленную египетскую армию. Но пути назад уже не было. Египтяне заметили христиан, и их легкая конница уже скакала им навстречу, чтобы не позволить отступить. Крестоносцы понимали: им следует стремительно атаковать противника, иначе они лишатся последнего шанса на спасение. Египтяне, поначалу решившие, что перед ними всего лишь авангард более многочисленного войска, едва не обратились в бегство, испуганные подобным натиском, но затем, увидев, что за христианами никто не следует, сомкнули ряды и перешли в наступление. Солдаты Балдуина нарушили строй. Нескольким рыцарям во главе с Роже де Розуа и двоюродным братом Балдуина Гуго де Буром удалось прорваться сквозь ряды египтян и добраться до Яффы. Многие воины, включая Жерара д'Авена и Стабелона, бывшего мажордома Готфрида, погибли на поле боя. Однако сам король Балдуин и его товарищи сумели укрыться в небольшой крепости в Рамле, которая тотчас же оказалась окружена египетской армией.

От нападения противника крестоносцев спасло наступление ночи. Однако защитные сооружения Рамлы не вызывали оптимизма. Укрывшиеся понимали, что удержать, вероятно, смогут только башню, построенную по приказу Балдуина за год до этого. Поэтому все они поспешили спрятаться именно в ней. Посреди ночи к воротам подошел араб и сказал, что ему нужно поговорить с королем. Его пустили в крепость, и оказалось, что это муж той самой дамы, которую Балдуин пощадил во время похода в Трансиорданию. В благодарность за спасение жены он предупредил короля,

что египтяне планируют начать брать крепость приступом на рассвете, и посоветовал ему бежать. Как бы ни жалел Балдуин, что ему придется оставить своих товарищей на верную гибель (хотя в целом его сложно назвать человеком чести), он понимал, что от его жизни зависит будущее целого государства. В сопровождении слуги и трех товарищей он на своем коне Газели пробрался через вражеское войско. Той же ночью крепость покинули наместник Яффы Литар де Камбре и Готман Брюссельский. Последний, хотя и тяжело раненный, сумел добраться до Иерусалима и рассказать о случившейся катастрофе. При этом он просил своих сородичей не отчаиваться, ибо верил, что Балдуин все еще жив.

Рано утром следующего дня египтяне начали штурмовать Рамлу. Вокруг башни, в которой укрылись рыцари, они разложили вязанки хвороста. Не желая гибнуть в пламени, пришельцы с Запада во главе с коннетаблем Конрадом выскочили на врага. Но пробиться на свободу им не удалось. Всех их перебили на месте или взяли в плен. Храбрость Конрада настолько поразила египтян, что они решили сохранить ему жизнь. В итоге его, а также более сотни его сородичей угнали в Египет в качестве пленников. Другие предводители крестоносцев: Стефан Бургундский, Гуго де Лузиньян и Жоффруа Вандомский — пали на поле боя. Погиб и Стефан Блуаский, славная смерть которого наконец способствовала восстановлению его репутации. Графиня Адела теперь могла спать спокойно.

Королева и все придворные снова находились в Яффе. Туда же прибыли Роже де Розуа и те, кто бежал вместе с ним, и тотчас же рассказали об ужасном поражении. Они опасались, что король погиб вместе со всеми остальными рыцарями, и собирались сесть на корабль и бежать, пока на это еще есть время. Однако 20 мая египетская армия подошла к городу, а на горизонте появился египетский флот. Когда египетский солдат стал размахивать мертвой головой, которая, как думали мусульмане, принадлежала королю (хотя на самом деле при жизни этот человек, действительно очень похожий на Балдуина, звался Гервольд из Виндеке), тем, кто находился в Яффе, показалось, будто все их худшие страхи претворились в жизнь. Внезапно на севере показалась небольшая ладья, плывшая в сторону города. Находившиеся там люди подумали, будто случилось настоящее чудо, ведь над суденышком развевался личный штандарт короля.

Бежав из Рамлы, Балдуин направился в сторону побережья, надеясь добраться до находившейся в Яффе армии. Но по сельской местности рыскали египетские солдаты. На протяжении двух дней и двух ночей он

бродил по холмам, расположенным к северу от Рамлы, а затем поспешно пересек равнину Шарон, направляясь в сторону Арсуфа. Когда король прибыл туда вечером 19-го числа, его встретил переполненный радостью и удивлением наместник Роже Хайфский. Тем же вечером в Арсуфе к Балдуину присоединилось войско Галилеи, состоявшее из 80 отборных рыцарей, под командованием Гуго де Сен-Омера, который, едва услышав новость о наступлении египтян, поспешил на юг.

На следующее утро Гуго во главе своего отряда отправился на юг, чтобы попытаться прорваться к Яффе, а сам Балдуин убедил английского искателя приключений по имени Годрик перевезти его на корабле через египетскую блокаду. Стремясь поддержать придворных, Балдуин поднял над судном свой личный штандарт. Это увидели египтяне, тотчас же пославшие корабль на перехват. Однако в тот день дул сильный северный ветер, который это судно не смогло преодолеть, в то время как корабль, на борту которого находился Балдуин, благодаря ему быстро вошел в бухту.

Едва сойдя на берег, король занялся реорганизацией своих сил. До того как египтяне успели полностью замкнуть кольцо блокады вокруг города, он вырвался наружу, чтобы встретиться с князем Галилеи Гуго и провести его самого и его войско в город. Затем он отправил в Иерусалим гонца с приказом мобилизовать всех мужчин, живших как в самом священном городе, так и в Хевроне. В качестве посланника был избран местный монах, согласившийся перевезти послание Балдуина через вражеские ряды. Он покинул Яффу под прикрытием ночной тьмы, но на то, чтобы добраться до Иерусалима, ему потребовались три дня. Услышав от него о том, что король жив, горожане неимоверно обрадовались. Жителям Иерусалима удалось снарядить войско, состоявшее примерно из девяноста рыцарей и еще большей по численности легкой конницы и получившее в качестве дополнительной защиты фрагмент истинного креста. Оно спешно выдвинулось к Яффе. Хорошо вооруженные и обладавшие прекрасно обученными боевыми конями рыцари смогли прорваться в город, но легкую конницу противник сумел вытеснить в море. В итоге всадникам пришлось бросить лошадей и вплавь добираться до бухты. Тем временем Балдуин отправил Танкреду и графу Эдессы Балдуину письма, в которых сообщал о своих потерях и просил адресатов прислать подкрепление.

Однако еще до того, как правители расположенных на севере государств успели выступить в поход, Балдуин получил неожиданную помощь. В последние дни мая в Яффу благодаря попутному ветру через египетскую блокаду смогла прорваться флотилия, состоявшая из двухсот кораблей (в основном английских), на борту которых находились солдаты и

паломники из Англии, Франции и Германии. Благодаря этому в распоряжении Балдуина появились столь необходимые ему дополнительные человеческие ресурсы. В итоге 27 мая он вывел из города армию, готовую встретиться с врагом лицом к лицу. Более или менее подробные сведения об этом сражении в источниках не сохранились. Судя по всему, египтяне безуспешно пытались заманить войско Балдуина в ловушку и окружить его, а коннице франков в конце концов удалось нанести удар, нарушивший строй противника и обративший его в бегство. Уже через несколько часов египетское войско сломя голову неслось в Аскалон, а лагерь египтян и все оставшееся там имущество были захвачены христианами.

Таким образом, как самого Балдуина, так и его королевство спасла череда случайностей, в которой христиане по вполне понятным причинам видели божественное провидение. Одной из них, сыгравшей немаловажную роль в случившемся, стала непродуманная стратегия египтян. Если бы они сразу после битвы при Рамле послали к Иерусалиму небольшой отряд, что никоим образом не сказалось бы на прочности блокады Яффы, он сумел бы без особого труда захватить Иерусалим. Но визирь аль-Афдаль утратил хватку, а его сын Шараф оказался слабым человеком, не умевшим подчиняться приказам. Из-за соперничества между заместителями последнего армия лишилась способности двигаться. Следующим летом его отец организовал новую экспедицию, в которой участвовали как сухопутные войска, так и корабли. Однако в то время как флотилия плыла в сторону Яффы, солдаты, передвигавшиеся по суше, добравшись до Аскалона, отказались идти дальше, так как командовавший ими мамлюк Тадж аль-Аджам завидовал флотоводцу кади Ибн Кадусу. Впоследствии первый из этих двоих был обвинен в предательстве и оказался в заключении, но ничего исправить уже было нельзя. Египтяне упустили прекрасную возможность вернуть Палестину.

Едва услышав о бедственном положении, в котором оказался Иерусалим, Танкред и Балдуин де Бур стали спешно готовиться к походу на юг. С ними в путь отправился и Гильом Аквитанский, которого гонец Балдуина, привезший его письмо, также застал в Антиохии. Вместе они прошли вверх по долине Оронта, миновав Хомс, а затем вниз вдоль верховья реки Иордан, причем войско их оказалось настолько многочисленным, что местные мусульманские правители даже не пытались помешать его продвижению. Ближе к концу сентября они добрались до Иудеи. К тому времени Балдуин уже не нуждался в их помощи, но прибытие их армии позволило ему атаковать египетское войско, стоявшее у

Аскалона. Христиане сумели выиграть бой, но даже не попытались взять крепость приступом.

Встреча франкских правителей была нужна Балдуину еще по одной причине. Танкред собирался оказать помощь на своих собственных условиях, но получилось так, что он позволил королю решить самую сложную из стоявших перед ним проблем, связанных с внутренней политикой его государства. Патриарх Даимберт короновал Балдуина в Рождество 1100 г., но сделал он это крайне неохотно, о чем последний прекрасно знал. Балдуин понимал, что должен контролировать церковь, хорошо организованную структуру, которой (а не светским властям) благочестивые жители Запада делали пожертвования и оставляли наследство. В законности наделения Даимберта саном патриарха существовали определенные сомнения, а в Рим неоднократно поступали соответствующие жалобы.

В конце концов, для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, папа Пасхалий отправил на Восток своего легата Маурицио, кардинала-епископа Порто. Тот прибыл на место перед Пасхой 1101 г., и Балдуин тотчас же обвинил Даимберта в измене, доказательством которой стало письмо, написанное им после смерти Готфрида и адресованное Боэмунду, в котором патриарх призывал последнего помешать вступлению на престол Балдуина, применив, если это будет необходимо, силу. Кроме того, король заявил, будто Даимберт пытался убить его во время путешествия на юг. Даже при условии, что последнее обвинение было надуманным, письмо являлось неоспоримым доказательством вины патриарха. В итоге Маурицио запретил Даимберту участвовать в ритуалах, связанных с празднованием Пасхи, и провел их самостоятельно. Опасавшийся за свою судьбу Даимберт разыскал Балдуина и, встав перед ним на колени, со слезами на глазах стал умолять о прощении. Но король был непреклонен, по крайней мере до тех пор, пока Даимберт не пробормотал, что сумел накопить 300 безантов. Балдуину постоянно были нужны деньги, поэтому он, никому ничего не говоря, принял подарок, а затем отправился к папскому легату и заявил, что готов проявить великодушие и простить Даимберта. Маурицио, будучи человеком мирным, с радостью принял новость о том, что ему удалось разрешить конфликт.

Уже через несколько месяцев Балдуину снова понадобились деньги, и он обратился к Даимберту. Тот отдал ему 200 марок, заявив, что это все деньги, оставшиеся в казне патриархата. Однако священнослужители, являвшиеся сторонниками Арнульфа, сказали королю, что на самом деле у Даимберта куча денег и он просто не хочет делиться. По иронии судьбы

через несколько дней после этого патриарх устроил пышное пиршество в честь папского легата, поддержки которого пытался добиться всеми известными ему способами. Балдуин пришел в ярость и выступил с речью, в которой обвинил церковников в том, что они погрязли в роскоши, в то время как христианские воины голодают. Разозлившийся Даимберт ответил, что служители церкви могут использовать свои деньги так, как считают нужным, и что король не властен над ней. Все это время обеспокоенный случившимся Маурицио пытался примирить короля и патриарха. Но заткнуть Балдуина было невозможно. Благодаря тому что в юности он готовился к роли священника, король был прекрасно знаком с церковным правом. К тому же он был настолько хорошим оратором, что произвел впечатление даже на Маурицио. Он вырвал у Даимберта обещание заплатить за отряд всадников. Однако этих денег Балдуин так никогда и не увидел, хотя беспрестанно напоминал патриарху о его обещании.

Однако осенью 1101 г. от герцога Апулии Рожера прибыл гонец, который привез в качестве подарка патриарху 1000 безантов. Треть этой суммы предназначалась для Гроба Господня, треть — госпиталю, а оставшаяся треть — королю, который должен был потратить эти деньги на содержание войска. Но Даимберт опрометчиво оставил все деньги себе. Условия, на которых был передан этот подарок, ни для кого не остались тайной, и, когда король обратился с жалобой к легату, тот уже не мог поддерживать Даимберта и был вынужден отрешить его от сана патриарха. Последний отправился в Яффу, где провел зиму, а затем двинулся в Антиохию. Старый друг Танкред тепло встретил Даимберта и отдал в его распоряжение церковь Святого Георгия — одну из самых богатых в городе. Балдуин, в свою очередь, под предлогом необходимости проинформировать о случившемся Рим держал патриарший престол пустым. Тем временем его люди проникли в патриаршую сокровищницу и выяснили, что Даимберт утаил от короля 20 000 безантов. Местоблюстителем патриаршего престола стал Маурицио. Но из-за всех этих скандалов его здоровье пошатнулось, и весной 1102 г. он умер.

Придя осенью на помощь Балдуину, Танкред заявил, что готов оказать ее, если король вернет сан сопровождавшему регента Даимберту. Балдуин был воплощением покладистости. Однако тогда же на Восток прибыл новый папский легат — кардинал Парижа Роберт. Поэтому король заявил, что дело о возвращении сана Даимберту следует рассмотреть на церковном соборе, который должен возглавить Роберт. Танкред и Даимберт не смогли отказаться от этого предложения. Последнему был возвращен сан, но

только до вынесения окончательного решения. В итоге Танкред стал готовить свое войско к совместному с армией Балдуина походу на Аскалон.

Вскоре в храме Гроба Господня прошел собор. На нем председательствовал легат, а помогали ему епископы из Лана и Пьяченцы. На этом заседании присутствовали все палестинские епископы и аббаты, а также епископ Мамистры, расположенной на территории, контролировавшейся Танкредом. С обвинением против Даимберта выступили прелаты из Кесарии, Вифлеема и Рамлы, которым оказывал поддержку Арнульф де Роол. Они заявили, что, когда Даимберт путешествовал по Палестине в 1099 г. во главе отряда пизанцев, он нападал на христиан, живших на Ионических островах, что он пытался разжечь гражданскую войну между королем Балдуином и князем Боэмундом и утаил деньги, которые ему передавались для паломников в госпитале и солдат Христовых. Все эти обвинения, несомненно, были правдивы, вследствие чего кардинал, назначенный папским легатом, был вынужден объявить, что Даимберт не достоин престола, и низвергнуть его.

Танкред не мог возражать против решения, принятого с соблюдением всех церковных процедур, и был вынужден признать свое поражение. Даимберт сопровождал его на обратном пути в Антиохию, а по возвращении ему снова была отдана церковь Святого Георгия, по крайней мере до тех пор, пока он не найдет возможность вернуться в Рим. Там этот человек, достигший уже довольно преклонного возраста, проявил свою продажную и жадную натуру, и никто из жителей Палестины не жалел о его отъезде. Назначение Даимберта папским легатом стало большой ошибкой папы Урбана II.

Арнульф де Роол, с радостью помогавший Балдуину во всем этом предприятии, был слишком хитер для того, чтобы пытаться занять место Даимберта. Вместо этого, когда легат спросил о кандидате на сан патриарха, палестинские епископы предложили передать престол пожилому священнику из Терруана по имени Эвремар. Последний, оказавшийся на Востоке во время Первого крестового похода, славился своим благочестием и сострадательностью. Несмотря на то что Эвремар поддерживал Арнульфа, он не принимал участия в интригах де Роола и пользовался всеобщим уважением. Легат с радостью согласился посвятить в сан столь безупречного священнослужителя. Балдуина это решение также полностью устраивало, ибо он знал, что Эвремар — всего лишь безвредный старик, которому никогда не придет в голову лезть в политику. У Арнульфа, в свою очередь, теперь появилась возможность беспрепятственно претворять в жизнь собственные планы.

Даимберт не отчаялся. Когда в 1105 г. его покровитель Боэмунд отправился в Италию, он вызвался сопровождать князя, а по прибытии двинулся в Рим, чтобы рассказать о своих горестях папе. Поначалу Пасхалий вел себя крайне предусмотрительно, но затем (возможно, под влиянием Боэмунда, ставшим, как потом выяснится, фатальным) решил поддержать Даимберта. Он велел Балдуину отправить в Рим своего посланника, способного ответить на предъявленные бывшим патриархом обвинения. Однако Балдуин, вероятно понимавший, что папа находится под влиянием Боэмунда, не принял этот приказ во внимание. Из-за этого Пасхалий отменил низложение Даимберта, причина которого, по его словам, крылась во вмешательстве светских властей. К счастью, совершенную папой глупость исправило божественное вмешательство. Даимберт, уже собиравшийся триумфально вернуться в Палестину и снова занять патриарший престол, серьезно заболел и умер в Мессине 15 июня 1107 г.

Однако проблемы, связанные с патриаршим престолом, на этом не закончились. В какой-то момент Эвремар перестал устраивать Балдуина. Возможно, он понял, что церковь — слишком важная организация для того, чтобы находиться в руках ничтожества. Ему было необходимо, чтобы во главе ее оказался человек, способный стать для него надежным союзником. Услышав о возвращении сана Даимберту, Эвремар также отправился в Рим. По прибытии туда патриарх узнал о смерти своего соперника и сам стал жаловаться папе на светских правителей. Однако когда о смерти Даимберта стало известно в Палестине, Арнульф поспешил в Рим, чтобы замолвить там словечко за короля. Теперь Пасхалий стал поддерживать Эвремара, но в то же время он понял, что сложившаяся на Востоке ситуация оказалась гораздо более сложной, чем он полагал прежде. Разобраться в ней он поручил Гибелину де Сабрану, архиепископу Арля, престарелому священнослужителю, обладавшему огромным опытом.

Весной 1108 г. Гибелин прибыл в Палестину, куда к тому времени уже успели вернуться Арнульф и Эвремар. Папский посланник быстро понял: Эвремар совершенно не подходит на место патриарха и никто не хочет его возвращения. Поэтому Гибелин объявил, что патриарший престол свободен, и провел собор, на котором должны были избрать нового патриарха. Балдуин предложил возвести в сан патриарха самого Гибелина, заставив того испытать при этом одновременно смущение и восторг. Архиепископ Арля согласился, а Эвремару в качестве утешения досталось внезапно освободившееся место архиепископа Кесарии.

Поговаривали, что Арнульф убедил Балдуина предложить кандидатуру

Гибелина из-за того, что тот уже был стар. Ведь благодаря этому патриарший престол вскоре опять должен был освободиться. Гибелин и правда прожил еще всего четыре года, а после его смерти патриархом был избран Арнульф, и на этот раз никто не возражал против того, что престол займет именно он.

По мнению Балдуина, Арнульф стал идеальным патриархом. Несмотря на проблемы, связанные с прошедшим впоследствии повторным бракосочетанием короля, и неприязнь множества людей, находившихся у него в подчинении, он сохранил свое положение. Арнульф, несомненно, был нечист на руку. Когда его племянница Эмма очень удачно вышла замуж за Евстахия де Гранье, он подарил ей поместье в Иерихоне, принадлежавшее храму Гроба Господня. Но патриарх был человеком активным, действовал эффективно и был искренне предан королю.

Благодаря ему совершенно оторванный от реальности план, согласно которому в Иерусалиме должна установиться теократия, а монарх должен был всего лишь выполнять обязанности главнокомандующего и который поддерживало большинство участников Первого крестового похода, наконец был полностью предан забвению. Он следил за тем, чтобы его взгляды разделяли все священнослужители в Палестине, даже несмотря на устав ордена Святого Гроба Господня, созданного Готфридом Лотарингским, так как патриарх не верил в преданность его членов. Когда благодаря завоеваниям территория королевства расширялась, он делал все возможное, чтобы на новых землях сферы полномочий светских и церковных властей совпадали, несмотря на противодействие со стороны папы Пасхалия, который в своем злополучном пристрастии к правившим в Антиохии норманнам защищал права антиохийского престола, вполне законные с исторической точки зрения, но совершенно не соответствовавшие задачам, существовавшим в ту эпоху. Арнульфа сложно назвать человеком, заслуживающим уважения, но он был достойным слугой Иерусалимского королевства. Выдающийся историк крестовых походов Гильом Тирский всячески порочил имя этого патриарха, заставляя своих читателей возненавидеть саму память о нем, что было весьма несправедливо, ибо Арнульф сделал очень многое для того, чтобы закрепить результаты Первого крестового похода.

Именно благодаря Арнульфу, а также его господину королю Балдуину между католическим священноначалием и местными христианами установились хорошие отношения. Когда в 1099 г. он пребывал в сане патриарха впервые, Арнульф изгнал представителей восточных сект из храма Гроба Господня и отобрал все их имущество. Однако Даимберт

оказался для них еще более страшным врагом. Он стремился изгнать всех коренных христиан не только из самого храма, но и из их монастырей и высших слоев иерусалимского общества. При этом не важно, кем они были — православными, как греки или армяне, или еретиками, как яковиты и несторианцы. Он также нарушил принятые в Палестине рамки приличия, разрешив женщинам прислуживать в главных христианских святынях. Из-за этих ужасных преступлений в храме Гроба Господня накануне Пасхи 1101 г. угасли все лампы, и благодатный огонь не сходил с неба, чтобы зажечь их, до тех пор, пока представители пяти обездоленных христианских сообществ не вымолили прощение для франков.

Балдуин учел этот урок. Он приказал, чтобы зло, причиненное коренным христианам, было исправлено. Ключи от самого храма Гроба Господня вернули грекам. С тех пор король, очевидно, пользовался поддержкой всех живших в Палестине христиан. Среди представителей высшего духовенства были только франки, хотя в храме Гроба Господня богослужения велись по православному канону. Местные православные христиане приняли это, ибо их собственное высшее духовенство покинуло Иерусалим в тяжелые годы, предшествовавшие крестовым походам. Латинских иерархов не любили, но функционированию православных монастырей теперь ничего не мешало, а у православных паломников, посетивших Палестину в период существования франкского государства, не было причин для жалоб на светские власти, вызванных обращением как с ними самими, так и с их собратьями из числа коренных жителей. Прихожане еретических церквей, очевидно, также были довольны. В итоге ситуация, сложившаяся в Иерусалиме, кардинально отличалась от характерной для франкских государств Северной Сирии, где как православные христиане, так и еретики относились к франкам как к угнетателям.

Поражение египтян в битве при Яффе в 1102 г. и неудачный поход, состоявшийся весной 1103 г., не заставили аль-Афдаля отказаться от попыток вернуть Палестину. Однако для того чтобы собрать новую армию, ему потребовалось больше времени. Балдуин использовал эту отсрочку, чтобы укрепить свои позиции на палестинском побережье. Несмотря на то что под его властью находились все прибрежные города от Яффы до Хайфы, на соединявших их дорогах часто встречались разбойники-мусульмане, особенно многочисленные у склонов горы Кармель. Небезопасно было, как отметил паломник Зевульф, даже на дороге, соединявшей Яффу и Иерусалим. Пираты базировались в египетских портах Тире и Акре, откуда выходили в море, чтобы помешать христианам

вести торговлю. Поздней осенью 1102 г. корабли, на которых возвращались домой паломники, чье появление в мае спасло находившегося в Яффе Балдуина, из-за шторма были выброшены на берег в различных местах побережья. Часть из них оказалась неподалеку от Аскалона, другие — между Тиром и Сидоном. Все пассажиры были или убиты, или проданы на рабских рынках Египта.

Весной 1103 г. Балдуин, в распоряжении которого еще оставалось несколько английских кораблей, осадил Акру. Гарнизон крепости уже собирался сдаться, но в порт вошли двенадцать фатимидских галер и большое транспортное судно из Тира и Сидона, которые везли солдат и приспособления для метания греческого огня. В итоге Балдуину пришлось снять с города осаду. Тем же летом, но чуть позже Балдуин попытался очистить гору Кармель от грабителей. Удалось ему это лишь частично, так как в одной из стычек он получил тяжелое ранение — пострадали почки, и на протяжении какого-то времени его жизнь висела на волоске. Пока он лечился от ран в Иерусалиме, в Палестине узнали, что египтяне двинулись в новый поход, на этот раз под предводительством Таджа аль-Аджама и Ибн Кадуса. Однако из-за отказа первого двигаться дальше Аскалона второй был вынужден предпринять самостоятельную попытку осады Яффы. Правда, делал это он довольно вяло. Как только Балдуин окреп настолько, что смог повести свое войско вдоль побережья на юг, египетские корабли уплыли прочь.

В мае следующего года в порт Хайфы вошла армада генуэзских кораблей, которые помогли Раймунду Тулузскому захватить Джебейль. Там их встретил Балдуин, обещавший им за помощь в захвате Акры ставшее уже привычным вознаграждение, состоявшее из одной трети добычи, торговых привилегий и четверти городского базара. В итоге 6 мая союзники приступили к осаде города. Фатимидский военачальник мамлюк Бена Захр ад-Даула аль-Джуюши оказал им упорное сопротивление. Но помощь из Египта к нему так и не прибыла, и после двадцати дней осады он согласился сдать город на условиях, похожих на те, на которых крестоносцы получили Арсуф. Горожане, желавшие уйти, могли беспрепятственно покинуть Акру, прихватив с собой свое движимое имущество, а оставшиеся должны были стать подданными франкского короля. Балдуин принял эти условия и выполнил их. Он даже оставил для своих новых подданных мечеть. Однако итальянские моряки не могли спокойно смотреть на то, как из-под их носа увозят такое богатство. Они напали на переселенцев и ограбили их, а многих из них убили. Балдуин пришел в ярость. Он уже готов был приказать своим воинам атаковать

генуэзцев, чтобы наказать их за непослушание, но в этом ему помешало появление патриарха Эвремара, сумевшего разрешить конфликт.

Овладев Акрой, Балдуин получил то, что ему было так необходимо, — бухту, в которой можно было чувствовать себя в безопасности в любую погоду. Хотя Акра располагалась более чем в сотне миль от столицы, она сразу же стала главным портом королевства вместо Яффы с ее открытым рейдом. Кроме того, именно через Акру на Запад поставлялись товары из Дамаска. Захват города франками не привел к прекращению существования этого пути. Наоборот, он получил еще большее развитие благодаря оставшимся в Акре мусульманам.

Летом 1105 г. визирь аль-Афдаль в последний раз попытался вернуть Палестину под власть Египта. В Аскалоне в начале августа появилась хорошо вооруженная армия, состоявшая из 5000 арабских всадников и суданских пехотинцев, которой командовал сын визиря Сена аль-Мульк Хусейн. Наученные горьким опытом предыдущих поражений египтяне решили обратиться за помощью к турецким владельцам Дамаска. Однако после смерти в июне 1104 г. правителя Дамаска Дукака его родственники вступили в спор о его наследстве с атабеком Тугтегином, а правитель Алеппо Ридван, также желавший получить часть владений покойного, выдвинулся на юг. Сначала Тугтегин посадил на трон сына Дукака Тутуша, которому на тот момент исполнился всего год, а затем заменил его двенадцатилетним братом покойного владельца Дамаска Ирташем. Последний вскоре понял, на что рассчитывает его опекун, и бежал в Авран, где ему предоставил убежище эмир Босры Айтекин, пользовавшийся в том регионе наибольшим влиянием. Находясь в Босре, он написал письмо Балдуину, который пригласил его в Иерусалим. Все эти обстоятельства заставили Тугтегина согласиться помочь египтянам. Однако он не осмелился направить к ним многочисленное войско. На юг отправился полководец Сабава в сопровождении тринадцати сотен конных лучников. В августе египетская армия вошла в Палестину, где к ней присоединилось войско из Дамаска, успевшее до этого пройти через Трансиорданию и Негев.

Балдуин ждал своих противников в Яффе. Как только на горизонте появились египетские корабли, он за неимением других вариантов вывел свое войско на все то же поле боя, расположенное у Рамлы. Яффу оставили под властью Литара де Камбре, в распоряжении которого имелось 300 человек. Балдуина сопровождали юный претендент на дамаский престол Ирташ, все палестинское войско франков — гарнизоны Галилеи, Хайфы и Хеврона, а также основная армия, состоявшая из 500 всадников и 2000

пехотинцев. По просьбе Балдуина из Иерусалима в сопровождении 150 человек, набранных им в священном городе, прибыл патриарх Эвремар, привезший с собой истинный крест.

Битва состоялась в воскресенье, 27 августа. На рассвете патриарх в полном облачении проехал перед рядами франкских воинов, держа в руках истинный крест, благословляя солдат и рыцарей на бой и отпуская им грехи. Затем франки перешли в наступление. Контратака, предпринятая турками из Дамаска, едва не заставила их нарушить строй, но Балдуин, взяв в руки свой личный штандарт, возглавил стремительную атаку, позволившую отбросить противника. На этот раз египтяне сражались более храбро, чем обычно, но их левое крыло, тщетно пытавшееся застать солдат из Хайфы врасплох, оказалось отрезано от остальной армии и слишком поздно вернулось назад.

К вечеру мусульмане потерпели поражение. Сабава и его турки бежали в родные края, а египтяне отступили к Аскалону. Оказавшись там, их командир Сена аль-Мульк спешно отправился в Каир. Они понесли серьезные потери. Наместник Аскалона погиб, а бывшие начальники гарнизонов Акры и Арсуфа попали в плен и позже были возвращены сородичам в обмен на крупный выкуп. Фульхерий Шартрский в своем труде неоднократно сожалел, что Сене аль-Мульку удалось бежать и франки не получили за него огромный выкуп. Однако потери крестоносцев также были весьма велики. Разграбив лагерь египтян, они, следуя приказу Балдуина, не стали преследовать противника. Король также отказался поддерживать юного Ирташа, который, охваченный унынием, был вынужден уйти в Ар-Рахбу, расположенную на берегу Евфрата. Египетские корабли вернулись в Египет. Их экипажи так ничего и не сумели добиться, а из-за шторма флотилия лишилась нескольких судов.

Третья битва при Рамле подвела черту под последней широкомасштабной попыткой Фатимидов вернуть Палестину. Однако они все еще представляли угрозу для франков, и участникам менее масштабного похода, проведенного осенью 1106 г., почти удалось сделать то, чего не сумели добиться более многочисленные армии. В октябре того года, когда Балдуин отбыл к границе Галилеи, несколько сотен египетских всадников внезапно атаковали лагерь паломников, располагавшийся между Яффой и Арсуфом, и перебили его обитателей. Затем они направились в Рамлу, которую защищали всего лишь восемь рыцарей. Конечно же, египтянам с легкостью удалось победить их. Против них выступил наместник Яффы Роже де Розуа, но он попал в засаду и спасся лишь благодаря тому, что сломя голову бежал в сторону Яффы. Его преследовали

с таким ожесточением, что сорок из его пехотинцев были пойманы и убиты уже у городских ворот.

Затем египтяне направились в сторону Иерусалима и напали на небольшой замок Шастель-Арнуль, строительство которого Балдуин, планировавший, что он позволит франкам контролировать дорогу, еще не успел завершить. Рабочие сдались на волю победителей, но были убиты. В живых остался только руководивший ими Готфрид, кастелян башни Давида, которого угнали в плен, чтобы затем потребовать за него выкуп. К тому времени Балдуин уже успел узнать о нападении египтян и отправился во главе своего войска на юг. Это заставило египтян отойти к Аскалону.

В следующем году египтяне едва не захватили Хеврон, но Балдуин сумел оттеснить их, а в 1110 г. они сумели дойти до стен Иерусалима, но сразу же были вынуждены отступить. Время от времени на протяжении последующих десяти лет они устраивали аналогичные походы, делая жизнь христианских поселенцев и паломников в районе прибрежной равнины и в Негеве небезопасной. Однако все эти атаки представляли собой не что иное, как ответные меры на организованные Балдуином набеги на мусульманские территории.

Таким образом, у Балдуина снова появилась возможность заняться расширением территории своего государства. Его главными целями стали прибрежные города — Аскалон на юге, а также Тир, Сидон и Бейрут на севере. И Аскалон, и Тир были прекрасно укреплены, и в них постоянно находились многочисленные гарнизоны, поэтому к их захвату следовало тщательно подготовиться. Весной 1106 г. на Святую землю прибыло множество английских, фламандских и датских паломников, что позволило Балдуину начать подготовку к походу на Сидон. Узнав об этом, наместник города спешно отправил королю огромную денежную сумму. Балдуин, постоянно нуждавшийся в деньгах, принял подарок и оставил Сидон в покое на целых два года.

В августе 1108 г. Балдуин снова выступил в поход против Сидона. Помощь в этом ему оказала эскадра кораблей, принадлежавших морякам — искателям приключений из различных городов Италии. Наместник тотчас же обратился за поддержкой к дамасским туркам, заплатив им за помощь 30 000 безантов. В то же время египетские порты покинула многочисленная эскадра, разбившая итальянцев в морском сражении, разгоревшемся за пределами бухты. В итоге Балдуину пришлось снять осаду. После этого жители Сидона отказались впускать в город турок, небеспочвенно опасаясь, что Тугтегин строит планы по захвату власти. Наместник даже отказался выплачивать им обещанные безанты. В итоге турки пригрозили

призвать Балдуина обратно. Однако когда король появился на горизонте, они согласились отступить, если им выплатят в качестве компенсации 9000 безантов.

Следующим летом Балдуин помогал Бертрону Тулузскому в захвате Триполи. В знак благодарности за это в 1110 г. последний отправил своих солдат на помощь Балдуину, готовившему атаку на Бейрут. Генуэзские и пизанские корабли, для которых Триполи стал прекрасной базой, блокировали город с моря. Суда Фатимидов, вышедшие из Тира и Сидона, тщетно пытались прорвать блокаду. Осада длилась с февраля до середины мая, когда наместник, отчаявшись получить от кого-либо еще помощь, бежал, миновав ночью корабли итальянцев, на Кипр, где сдался византийскому наместнику. В итоге покинутый им город 13 мая был взят приступом. Прежде чем Балдуин восстановил порядок, итальянцы успели устроить в Бейруте кровавую бойню.

На протяжении того лета с Запада на помощь Балдуину прибыли новые корабли. Когда Балдуин возвращался после захвата Бейрута, в Акру пришла флотилия кораблей, отплывшая в 1107 г. из расположенного в Норвегии Бергена. Командовал ею Сигурд, занимавший норвежский престол вместе с двумя братьями. Проплыв через Северное море и Гибралтар, путешествовавшие на этих судах люди призывали жителей Англии, Кастилии, Португалии, Балеарских островов и Сицилии присоединиться к ним. Сигурд стал первой венценосной особой, посетившей королевство, и Балдуин принял его с большими почестями, лично сопроводив в Иерусалим. Сигурд согласился помочь франкам с осадой Сидона, которая началась в октябре.

Гарнизон и жители Сидона оборонялись яростно. Мощному флоту Фатимидов, приплывшему из Тира, едва не удалось рассеять корабли норвежцев, но они сумели спастись благодаря прибытию эскадры венецианских судов, которой командовал сам дож Орделафо Фальер. Тем временем наместник Сидона разработал план убийства Балдуина. Исполнителем за крупную денежную сумму согласился стать бывший мусульманин, сумевший сделаться личным слугой короля. Но местные христиане, жившие в Сидоне, узнали о заговоре и пустили в лагерь франков стрелу с запиской, чтобы предупредить Балдуина.

В конце концов 4 декабря Сидон сдался на тех же условиях, на которых происходила капитуляция Акры. Представители городской знати, забрав с собой все свое имущество, уехали в Дамаск, а менее состоятельные горожане остались в Сидоне, превратившись в подданных короля, тотчас же обложившего их податью в размере 20 000 золотых

безантов. Венецианцы в качестве вознаграждения получили церковь и кое-какое имущество в Акре. Сидону был присвоен статус баронства, которое передали во владение Евстахию де Гранье, уже являвшемуся наместником Кесарии. Вскоре он еще больше упрочил свое положение, женившись на племяннице патриарха Арнульфа Эмме.

Теперь франки контролировали все побережье Сирии, за исключением двух крепостей в Аскалоне на юге и Тире в центре. Наместник Тира занервничал. Осенью 1111 г. он отправил к правителю Дамаска Тугтегину посланника, чтобы попросить его в обмен на 20 000 безантов предоставить 500 лучников, а также разрешение отправить в Дамаск наиболее ценное имущество, принадлежавшее как ему самому, так и тирской знати. Тугтегин согласился, и со стороны побережья в путь двинулся большой караван с деньгами и ценностями. Так как ему предстояло пройти через территорию, контролируемую франками, наместник Тира Изз аль-Мульк заплатил рыцарю по имени Райнфред, чтобы тот провел караван и обеспечил его безопасность. Рыцарь согласился на эти условия, но сразу же поставил в известность Балдуина, напавшего на ничего не подозревающих жителей Тира и забравшего у них все богатства. Воодушевленный этой неожиданной удачей король в конце ноября привел всю свою армию под стены Тира. При этом в его распоряжении находилось только двенадцать византийских судов под командованием посла Бутумита; других моряков, которые согласились бы ему помочь, Балдуин не нашел. Однако византийцы не хотели вступать в конфликт с Фатимидами, с которыми у них установились неплохие отношения, без достойной компенсации. В итоге они потребовали, чтобы Балдуин, в свою очередь, помог им вернуть под их власть города, захваченные князьями Антиохии. Король не спешил принимать на себя подобные обязательства, а византийцы в это время лишь снабжали войско франков продовольствием.

Осада Тира продлилась до апреля следующего года. Жители города сражались достойно. В частности, они сумели сжечь огромные осадные башни, построенные по приказу Балдуина. Однако в конце концов им пришлось снова просить помощи у Тугтегина. Прежде чем пойти на этот шаг, наместник Изз аль-Мульк отправил в Египет письмо, в котором просил поддержать эту инициативу. Первая попытка Тугтегина установить контакт провалилась, так как почтового голубя перехватил араб, прислуживавший франкам. Его сослуживец-франк предлагал ему отпустить птицу, но он отнес ее Балдуину. Король приказал своим людям переодеться и отправиться навстречу дамаским послам. В итоге последние были перехвачены и преданы смерти. Тем не менее Тугтегин сумел подойти к

Тиру, застав врасплох фуражирный отряд франков, окружив их лагерь и разграбив окрестности. Балдуин был вынужден снять осаду и с боем прорываться в Акру.

Столь же неудачно закончилась и его попытка захватить Аскалон. Он отправился к этой крепости сразу после захвата Сидона. Наместник Аскалона Шамс аль-Хиляфа по складу ума был торговцем и не хотел оказаться в эпицентре военных действий. Он купил перемирие, а потраченные на эту сделку деньги попытался взыскать с жителей Тира, находившегося в его юрисдикции. Кто-то послал в Египет сообщение о его поведении, и аль-Афдаль направил в Аскалон войско, приказав сместить Шамса аль-Хиляфа с должности наместника. Тот, догадываясь о цели прибытия солдат, отказался впускать их в город и даже распустил те части своей армии, которые заподозрил в симпатиях к Фатимидам, заменив их армянскими наемниками. Затем он отправился в Иерусалим, чтобы попросить короля взять его самого и Аскалон под свою защиту. Домой наместник вернулся с тремя сотнями франкских солдат, которых он разместил в цитадели. Однако, узнав об этом предательстве, жители Аскалона пришли в ужас. В июле 1111 г. они с помощью египтян устроили переворот, в ходе которого и сам Шамс, и приведенные им франки были убиты. Балдуин поспешил на помощь своим людям, но опоздал. Аскалон оставался бельмом на глазу франков на протяжении последующих сорока лет.

Весной 1110 г. провалилась аналогичная попытка распространить влияние франков на Баальбек, в которой им также помогал наместник — евнух аль-Тадж Гюмюштекин. Об этом узнал Тугтегин, заменивший Гюмюшкетина на своего сына Таджа аль-Мулька Бури.

В первую очередь Балдуин стремился обеспечить для своего государства наличие протяженной береговой линии. Но ему также было необходимо укрепить границу, проходившую по суше, и в то же время извлечь как можно большую выгоду из ее близости к основным торговым путям, шедшим из Ирака и Аравии к Средиземному морю и Египту. Когда Танкред перестал претендовать на Палестину и сконцентрировался на управлении Антиохией, Балдуин доверил княжество Галилея, сохранившее высокопарное название, полученное от Танкреда, Гуго де Сен-Омеру, во Франции бывшему его соседом и являвшемуся сторонником весьма агрессивной политики против мусульман.

Первым делом тот построил в горах, на дороге между Тиром, Баниясом и Дамаском, замок, получивший название Торон (современный Тибнин). Затем для того, чтобы ему было легче организовывать набеги на

богатые земли, находившиеся к востоку от Галилейского моря, Гуго де Сен-Омер приказал возвести на холмах, располагавшихся к юго-западу от озера, еще один замок, названный арабами Аль-Аль. Строительство двух этих крепостей было завершено к осени 1105 г. Однако христиане недолго владели вторым из них. Правитель Дамаска Тугтегин не мог допустить существование такой серьезной угрозы, и в конце года, когда Гуго после успешного похода возвращался в Аль-Аль с богатой добычей, его отряд атаковала армия Дамаска. В последовавшем за этим бою сам он был смертельно ранен, а его люди разбежались, и Тугтегин без особых осложнений сумел занять замок. В тот момент Жерар де Сен-Омер, брат Гуго, был серьезно болен и ненадолго пережил своего родственника. Это заставило Балдуина передать Галилею в качестве феода франкскому рыцарю Жерве де Базошу.

Партизанская война продолжалась. В 1106 г. жители Тира напали на Торон одновременно с дамасскими солдатами, атаковавшими Тверию. Правда, ни один из этих походов не увенчался успехом. Как только стало известно о приближении Балдуина, воины из Дамаска отправили в его лагерь посланников, которые должны были передать просьбу о непродолжительном перемирии. Принял их король весьма любезно и был крайне великодушен, что не могло не заставить мусульман еще больше уважать его. Однако перемирие оказалось весьма непродолжительным.

Уже весной 1108 г. Тугтегин снова предпринял поход в Галилею и во время произошедшего у Тверии сражения сумел захватить в плен Жерве де Базоша вместе с большинством его приближенных. Затем он отправил к Балдуину гонца с сообщением о том, что в качестве платы за их освобождение тот должен отдать три города — Тверию, Акру и Хайфу. Когда Балдуин отказался, Жерве был казнен, а его скальп с волнистыми светлыми волосами несли на шесте перед победоносной армией мусульман. Тогда Балдуин передал титул князя Галилеи Танкреду, но, очевидно, занимался управлением княжеством самостоятельно, находясь при этом в Иерусалиме. В 1113 г. после смерти Танкреда, когда граф Эдессы Балдуин изгнал Жослена де Куртене из его владений, в качестве компенсации за ссылку король отдал Галилею Жослену.

В конце 1108 г. Балдуин и Тугтегин, заинтересованные в решении других проблем, заключили перемирие на десять лет, разделив между собой доходы от областей Савад и Аджлун (то есть, по сути, от Северной Трансиордании). Треть от них должна была поступать Балдуину, треть — Тугтегину, а еще треть — оставаться в распоряжении местных властей. Заключить перемирие правителей, очевидно, заставили интересы,

связанные с торговлей. Набеги негативно сказывались на торговле, а оба правителя получали от нее неплохой доход. Перемирие имело сугубо локальный характер. В частности, оно не помешало Тугтегину прийти на помощь мусульманским прибрежным городам, а Балдуину — попытаться подчинить Баальбек. Однако арабские историки с признательностью отмечали, что благодаря этой договоренности Балдуин не стал вторгаться во владения Дамаска, когда Тугтегин потерпел поражение от Гильома Иордана в битве при Арке, хотя для короля этот момент был более чем удачным.

Сам Балдуин мог задуматься о перемирии и из-за поражения Жерве и связанной с ним угрозы набегов на территорию Галилеи из Трансиордании, а мусульмане — из-за двух очередных походов крестоносцев, одним из которых руководил недавно прибывший в Палестину паломник сын Роберта Нормандского Вильгельм Клитон, напавший на богатую арабскую царевну, ехавшую вместе со всем своим имуществом из Аравии в Дамаск; второй атаке подвергся египетский караван, шедший из Дамаска в Египет. Во время первого набега франки получили 4000 верблюдов, а в результате второго — все товары, которые вез караван, причем те из сопровождавших его мусульман, кто выжил после нападения, впоследствии были убиты бедуинами. Перемирие было нарушено в 1113 г., когда Балдуин вторгся на территорию, принадлежавшую Дамаску.

Начиная с 1111 г., после неудачной попытки захватить Тир, Балдуин на протяжении некоторого времени занимался делами в Северной Сирии. Еще в 1109 г. в Триполи он дал понять, что хочет стать властелином всех занятых франками территорий на Востоке, а события в Антиохии и Эдессе позволили ему еще раз подтвердить серьезность своих намерений. Кроме того, он также мог снова вернуться к расширению своих владений. Балдуин всегда знал, что Палестина не защищена от вторжений и переселения с юго-востока — для этого было достаточно перейти Негев — и что для того, чтобы отрезать Египет от ближневосточного мусульманского мира, необходимо получить контроль над местностью, расположенной между Мертвым морем и Акабским заливом.

В 1107 г. Тугтегин по приглашению местных бедуинов отправил дамасское войско в Эдом, стремясь создать там плацдарм для набегов на Иудею. В пустынной Идумее находилось несколько монастырей, и один из монахов, некий Теодор, обратился к Балдуину с просьбой помешать мусульманам. Король вместе со своей армией подошел к турецкому лагерю, находившемуся в Вадии-Муса, неподалеку от Петры, но не желал вступать в конфликт. Поэтому Теодор предложил план, согласно которому он должен

был притвориться беглецом и встретиться с военачальником Тугтегина, чтобы предупредить о приближении огромного войска франков. Узнав об этом, турки спешно отступили к Дамаску. Затем Балдуин наказал бедуинов, изгнав их из пещер, где они жили, и угнав их скот. На обратном пути на север к нему присоединилось множество местных христиан, опасавшихся, что бедуины станут им мстить.

В Идумею Балдуин вернулся в 1115 г., когда решил, что эта область окончательно должна перейти под контроль франков. Пройдя из Хеврона через оконечность Мертвого моря и Вади-аль-Араба, бесплодной долины, простиравшейся от Мертвого моря до Акабского залива, он вышел к Шобак, одной из немногочисленных плодородных местностей в этом пустынном регионе, расположенной на заросшем лесами горном хребте между низменностью и Арабской пустыней. Там, почти в сотне миль от ближайшего поселения франков, он приказал построить огромный замок, названный им Королевской горой, Ле-Крак-де-Монреаль, в котором, по его велению, остался хорошо вооруженный гарнизон. В следующем году король повел свое войско, а также сопровождавшую его длинную вереницу мулов, нагруженных продовольствием, дальше вглубь Аравии. Балдуин посетил Монреаль и направился на юг, двигаясь до тех пор, пока его изнуренные дорогой люди не вышли к Красному морю в районе Акабы.

Оказавшись там, франки вымыли коней в море и наловили рыбы, которой славятся эти воды. Испуганные местные жители сели в лодки и обратились в бегство. Балдуин велел занять город, названный франками Айла, или Элин, и построить в нем цитадель. Затем король подплыл к небольшому острову, Джезира-Фараун, получившему от франков название Грайе, где велел возвести второй замок. В обеих крепостях были оставлены гарнизоны, благодаря которым франки получили возможность контролировать дороги, соединявшие Дамаск, Аравию и Египет. Теперь они с легкостью могли нападать на караваны и перекрыли мусульманским армиям путь в Египет.

Вернувшись с побережья Красного моря, Балдуин снова выступил против Тира, но ограничился тем, что блокировал город с суши. Для этого он построил в Искандеруне, там, где идущая вдоль побережья дорога начинает подниматься на склон холма к перевалу, известному как Лестница Тира, замок. Сидон уже контролировал подходы к Тиру с севера, а замок Торон — с востока. Благодаря строительству крепости в Искандеруне теперь город был полностью окружен.

Воодушевленный этими достижениями, Балдуин предпринял в 1118 г. более масштабный поход. Армиям Фатимидов уже дважды до этого

удавалось совершать набеги на территорию королевства из Аскалона. В 1113 г., когда король воевал с турками на севере, они сумели дойти до стен Иерусалима, разграбив все встреченные ими по пути поселения, а в 1115 г. египтянам почти удалось застать Яффу врасплох. В итоге Балдуин решил, что следует проникнуть на территорию самого Египта. В начале марта, проведя переговоры с шейхами живших в пустыне племен, он выступил из Хеврона во главе небольшого хорошо обеспеченного продовольствием войска, состоявшего из 216 всадников и 400 пехотинцев, и, перейдя Синайский полуостров, вышел к побережью Средиземного моря в Фараме, находившейся уже на египетской территории, неподалеку от Пелусийского рукава Нила. Король готовился брать город приступом, но охваченный паникой гарнизон бежал, оставив Фараму франкам. Выйдя к Нилу, они с восхищением взирали на эту знаменитую реку. Но затем выяснилось, что Балдуин смертельно болен, и он вынужден был двинуться в обратный путь в Палестину.

Благодаря постоянным военным походам и способности использовать любую подвернувшуюся возможность Балдуин оставил после своей смерти единое государство, занимавшее всю территорию римской провинции Палестина. Не сумев захватить только Тир и Аскалон, он контролировал земли от Бейрута на севере до Беэр-Шевы на юге. Восточная граница его государства проходила по реке Иордан, а далеко на юго-востоке он сумел создать аванпосты, контролировавшие путь из Аравии. Его собратья-христиане, жившие во франкских государствах Востока, признавали его превосходство. Более того, Балдуин сумел завоевать уважение своих соседей-мусульман. Он сделал все возможное для того, чтобы уничтожить Иерусалимское королевство было не так-то просто.

Мы очень мало знаем о том, как была организована система управления Иерусалимским королевством. По сути, оно являлось феодальным государством. Но Балдуин руководил большей частью его территории самостоятельно, назначая в качестве своих представителей виконтов. Даже княжество Галилея, являвшееся крупнейшим феодалом, на протяжении нескольких лет не управлялось феодалом. Феоды еще не передавались по наследству. Когда Гуго де Сен-Омер был убит, все думали, что княжество могло бы перейти его брату Жерару, если бы тот был не столь слаб здоровьем, но его право не было неоспоримым. Балдуин сам составил для королевства довольно жесткие законы и самостоятельно управлял им с помощью придворных, численность которых со временем все более увеличивалась, а у его вассалов были собственные вассалы. Балдуин сумел договориться с итальянцами, которые не были обязаны

помогать ему во время военных походов, но были вынуждены принимать участие в защите портов, где они останавливались, от нападений с моря.

Балдуин дал понять, что собирается контролировать церковь. Когда король был уверен в поддержке церковников, он щедро одарял их земельными владениями, захваченными у безбожников. В каком-то смысле такая щедрость была ошибкой, ибо церковь была освобождена от обязанности поставлять в армию солдат. С другой стороны, Балдуин надеялся, что священнослужители поделятся с ним деньгами.

Балдуин пользовался популярностью среди местных христиан. После происшествия, случившегося на Пасху 1101 г., он делал все возможное для того, чтобы не задеть их чувства. В государстве, которым он правил, им было разрешено разговаривать на своих языках и придерживаться собственных традиций, а церкви было запрещено мешать им отправлять религиозные обряды. В последние годы правления Балдуин всячески способствовал переселению христиан, как считавшихся еретиками, так и православных, из соседних государств, находившихся под властью мусульман. Ему очень нужны были трудолюбивые крестьяне, которых можно поселить на землях Иудеи, опустевших после бегства местных мусульман. Король приветствовал заключение браков между франками и представителями коренного населения, показав своим подданным пример, женившись на армянской княжне. Местных девушек в жены брали совсем немногие бароны, но подобная практика получила намного более широкое распространение среди небогатых франкских солдат и поселенцев. Дети, рожденные в таких смешанных браках, повзрослев, составили значительную часть войска королевства.

Не меньший такт Балдуин проявлял и в отношениях с мусульманами и евреями, согласившимися стать его подданными. Он разрешил им пользоваться несколькими мечетями и синагогами. В судах мусульмане могли клясться на Коране, а евреи — на Торе. Стороны, считавшиеся безбожниками, вполне могли надеяться на справедливый суд. Было разрешено заключать браки с мусульманами. В 1114 г. папа Пасхалий страшно ругал патриарха Арнульфа за то, что тот поженил христианина и девушку-мусульманку.

Таким образом папа Пасхалий в очередной раз продемонстрировал, что совершенно не понимает ситуации, сложившейся на Востоке. Ведь если франки хотели там задержаться, им следовало не оставаться чужеродным меньшинством, а сделать все возможное для того, чтобы стать частью этого мира. Капеллан Балдуина Фульхерий Шартрский в одной из глав своей «Истории...», получившейся весьма лиричной, рассуждает о

том, насколько чудны дела Господа, превратившего западных людей в восточных. Он, очевидно, был рад перспективе смешения народов Запада и Востока, которую считал одним из шагов к их единству. На протяжении всего периода существования государств крестоносцев ситуация не менялась. Мудрые франкские государственные деятели, управлявшие расположенными на Востоке государствами, следуя примеру Балдуина, усваивали местные обычаи, заключали союзы с соседями, в то время как новички, только прибывшие с Запада, придерживались шовинистических взглядов, которые влекли за собой весьма негативные последствия.

Когда король завоевал расположенные на побережье Сирии города, в частности Сидон и Бейрут, церкви которых по сложившейся традиции принадлежали к Антиохийскому патриархату, он уже находился в весьма натянутых отношениях с папой. Для того чтобы при управлении государством не возникало каких-либо проблем, эти города следовало отдать Иерусалимскому патриархату, что Балдуин и сделал. Антиохийский патриарх Бернар пожаловался на этот поступок короля папе. Если в 1110 г. Пасхалий написал в Иерусалим, что в свете изменившихся обстоятельств можно не придерживаться сложившихся традиций, то в 1112 г. он, как обычно, проявил слабость и, наоборот, поддержал Антиохию. Балдуин просто проигнорировал новое решение папы, а затем не обратил внимания на упрек Пасхалия, который тот изложил в весьма грубой форме, и оставил епископства под контролем Иерусалимского патриархата.

Сам Балдуин допустил весьма серьезную ошибку. Он совершенно не заботился о своей армянской невесте с того дня, когда ее отец, пришедший в ужас от грубости зятя, скрылся вместе с ее приданым. Балдуин любил заводить различного рода интрижки, но был человеком благоразумным, и присутствие при дворе королевы не позволяло ему пуститься во все тяжкие. Королева также пользовалась репутацией любительницы веселья. Поговаривали даже, что во время путешествия из Антиохии в Иерусалим, чтобы занять трон, она даровала свою благосклонность мусульманским пиратам. В этом браке не родились дети, которые могли бы объединить супругов. В итоге через несколько лет, когда стало понятно, что брак перестал быть выгоден ему с политической точки зрения, король отлучил супругу от двора под предлогом измены и сослал ее в монастырь Святой Анны в Иерусалиме, в который для облегчения своей совести сделал богатое пожертвование. Но королеве не нравилась жизнь в монастыре, и вскоре она попросила и получила разрешение уехать в Константинополь, где с тех пор, как франки изгнали их из Мараша, жили ее родители. Там она избавилась от монашеского облачения и стала предаваться всем

удовольствиям, которые можно было найти в большом городе.

В свою очередь, Балдуин осознал, что вновь может испытать все прелести холостяцкой жизни. Однако ему все еще были нужны деньги. Зимой 1112 г. он услышал, что самая завидная вдова Европы ищет себе нового мужа. Тогда как раз закончился период регентства Аделаиды Савонской, вдовствующей графини Сицилии, ибо ее сын Рожер II достиг совершеннолетия. Эта женщина была сказочно богата, но ее подкупила возможность примерить королевскую корону. Балдуина же интересовало не только ее приданое, но и влияние, которым она пользовалась среди норманнов Сицилии, так как союз с ними позволил бы ему получить поддержку с моря, с одной стороны, и дал бы возможность противостоять норманнам, жившим в Антиохии. В итоге он отправил к Аделаиде гонца, чтобы попросить ее руки. Графиня согласилась, поставив ряд условий. У Балдуина не было потомков. Дети, рожденные его первой женой, погибли в Анатолии во время Первого крестового похода, а армянская княжна не сумела родить от него. Аделаида настояла, что если от их брака не появятся дети (а в связи с возрастом жениха и невесты такой вариант был более чем возможен), то иерусалимская корона должна будет перейти ее сыну графу Рожеру.

Стороны заключили контракт, и летом 1113 г. графиня покинула Сицилию, обставив отъезд с такой помпой, которой обитатели бассейна Средиземного моря не видели с тех пор, как Клеопатра плыла по реке Кидн на встречу с Марком Антонием. Аделаида возлежала на ковре из золотых нитей, устилавшем пол ее личной галеры, нос которой был покрыт серебром и золотом. Ее сопровождали еще две триремы со столь же изысканно украшенными носами. На них плыли охранники, причем наиболее яркое впечатление из всех них производили арабские солдаты — телохранители сына графини, темные лица которых контрастировали с незапятнанной белизной их одеяний. Вслед за ними двигались еще семь кораблей, груженных ценностями и имуществом Аделаиды.

Невеста высадилась на сушу в Акре в августе, где ее ждал Балдуин, старавшийся также обставить встречу супруги со всей возможной торжественностью. И король, и его придворные нарядились в драгоценные шелковые одежды, а их лошади и мулы были покрыты пурпуром и золотом. На улицах расстелили дорогие ковры, а из окон и с балконов свисали пурпурные знамена. Так же пышно были украшены города и деревни, встречавшиеся на пути в Иерусалим. Все жители королевства радовались, правда не столько прибытию своей новой госпожи, дамы весьма немолодой, сколько привезенному ею с собой богатству^[3].

Несмотря на такое пышное начало совместной жизни, новый брак короля оказался неудачным. Балдуин тотчас же забрал приданое королевы, с помощью которого погасил долги перед солдатами и продолжил работы по созданию оборонительных сооружений. Благодаря поступлению этих денег в оборот экономика Иерусалимского королевства получила новый толчок к развитию. Но вскоре средства закончились, и стали очевидны все недостатки этого брака. Богобоязненные жители государства вспомнили, что Балдуин так и не развелся со своей первой женой, и пришли в ужас, увидев, насколько охотно патриарх Арнульф провел венчание, в результате которого король, по сути, стал двоеженцем, чем не преминули воспользоваться многочисленные враги Арнульфа. Возможно, им не удалось бы добиться такого результата, если бы подданные Балдуина не разъярились, выяснив, что он решил назначить наследника своего престола, предварительно не поговорив об этом с членами совета.

В Рим стали поступать многочисленные жалобы на Арнульфа. Через год после заключения брака в Иерусалим прибыл папский легат епископ Оранжа Беренгарий. Узнав, что Арнульф, которого обвиняли в симонии, смирился с заведомо прелюбодейским браком и благословил его, легат призвал епископов и аббатов патриарха на собор и объявил о низложении Арнульфа. Однако лишить сана патриарха оказалось не так-то просто. Позаботившись о том, чтобы не был назначен новый патриарх, Арнульф сам отправился зимой 1115 г. в Рим. Там он сделал все возможное для того, чтобы обаять папу и кардиналов и привлечь их на свою сторону, в том числе преподнес им тщательно подобранные подарки, что не могло не заставить их испытывать к нему еще большую симпатию. Пасхалий поддался силе обаяния и подарков Арнульфа и отменил решение своего легата. Патриарх пошел лишь на одну уступку — пообещал заставить короля отказаться от сицилийской королевы. В итоге папа не только заявил, что низложение Арнульфа недействительно, но и подарил ему паллий, вследствие чего теперь никто не мог усомниться в наличии у него права занимать патриарший престол. Летом 1116 г. Арнульф торжественно вернулся в Иерусалим.

Арнульф охотно согласился с этим условием, ибо знал, что Балдуин, потративший приданое Аделаиды, вот-вот пожалеет о женитьбе. Да и сама королева, привыкшая к роскошной жизни во дворце в Палермо, не была готова мириться с недостатками храма Соломона в Иерусалиме. Однако Балдуин, не желавший лишаться такого выгодного союзника, как сицилийцы, медлил. Он пропускал все требования патриарха мимо ушей до тех пор, пока в мае 1117 г. не заболел. Оказавшийся перед лицом смерти

король прислушался к своим духовникам, утверждавшим, что он умирает во грехе. Они убеждали Балдуина: ему следует отослать Аделаиду и призвать к себе первую жену. Однако он не мог исполнить все их пожелания, ибо бывшая королева не хотела покидать Константинополь, где ей были доступны самые изысканные удовольствия. Тем не менее, выздоровев, Балдуин заявил об аннулировании своего брака с Аделаидой. В итоге разъяренная женщина, лишившаяся своего богатства, почти в полном одиночестве отправилась обратно на Сицилию. Сицилийский двор так и не простил правителя Иерусалимского королевства за это оскорбление. Пройдет очень много времени, прежде чем сицилийцы согласятся оказать помощь и поддержку Иерусалиму.

16 июня 1117 г. произошло лунное затмение, 11 декабря оно повторилось, а через пять ночей в небе над Палестиной имело место такое крайне редкое явление, как северное сияние. Все это считалось очень плохим предзнаменованием, свидетельствующим о скорой смерти венценосных особ. И оно оказалось правдивым. Сначала 21 января 1118 г. в Риме скончался папа Пасхалий, а затем, 16 апреля, на Сицилии умерла бывшая королева Аделаида. Патриарх Арнульф, которого она считала своим другом и который предал ее, пережил эту женщину всего на 12 дней. В Иране 5 апреля скончался султан Мухаммед, а 6 августа в Багдаде не стало халифа Мустазхира. Затем 15 августа в Константинополе после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни величайший из монархов Востока — император Алексей. В начале весны страдавший от лихорадки король Балдуин вернулся из Египта. Его изнуренное тело уже не могло сопротивляться болезни. Солдаты принесли своего умирающего правителя в небольшую приграничную крепость Эль-Ариш. Здесь, за пределами королевства, обязанного ему своим существованием, 2 апреля Балдуин скончался в присутствии епископа Рамлы. Его тело привезли в Иерусалим и 7 апреля, в Пальмовое воскресенье, похоронили в храме Гроба Господня, рядом с его братом Готфридом.

Когда похоронная процессия двигалась по улицам города, смерть короля оплакивали как франки, так и местные христиане, и даже гостившие в Иерусалиме сарацины были тронуты увиденным. Балдуин был великим королем, жестким и беспринципным. Он не пользовался большой любовью, но его уважали за энергичность, прозорливость и то, что в его правление в королевстве воцарились порядок и справедливость. Он унаследовал небольшое и нестабильное государство, но благодаря своей воинской доблести, таланту дипломата и мудрости, заставившей его с терпимостью относиться ко всем своим подданным, Балдуин сумел сделать

так, чтобы Иерусалимское королевство стало одним из наиболее влиятельных государств на Востоке.

Глава 6. Равновесие на севере

И будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством.

Книга пророка Исаии, 19: 2

За несколько лет до своей смерти король Балдуин I сумел обрести статус главного предводителя франков, живших на Востоке, и это его положение никто не в силах был оспорить. Достигнуть этого было не так-то просто, Балдуин смог обрести подобный статус благодаря умению обращать сложившиеся обстоятельства в свою пользу.

Благодаря захвату в плен Балдуина де Бура и Жослена де Куртене во время битвы при Харране и отъезду Боэмунда на Запад Танкред избавился от всех соперников-франков на севере Сирии, а разногласия среди мусульман позволили ему в полной мере воспользоваться удобным моментом. Держава Сельджукидов разваливалась на части, причем не столько из-за воздействия извне, сколько по вине постоянно конфликтовавших друг с другом членов правящей династии. Победа в сражении при Харране позволила атабеку Мосула Джекермишу стать первым среди турецких правителей в Северной Сирии и Джебзире. Катастрофический крах его попытки продолжить наступление на франков не ослабил его положение в мусульманском мире.

Бывший союзник и соперник Джекермиша представитель династии Артукидов Сокман, правитель Мардина, умер в начале 1105 г., когда отправился на помощь осажденному Триполи, а его брат Ильгази и сын Ибрагим никак не могли поделить наследство. Правитель Алеппо Ридван надеялся, что благодаря победе некогда служившего ему Ильгази он сможет обрести влияние в Джебзире. Однако Ильгази забыл о когда-то данной им клятве верности, а сам Ридван был слишком занят борьбой с антиохийскими франками для того, чтобы заявлять о своих давних правах. Великий эмир из династии Данишмендидов Малик Гази Гюмюштекин умер в 1106 г., после чего его владения оказались раздроблены. Сивас и территории в Анатолии отошли к его старшему сыну Гази, а Мелитена и владения в Сирии — к младшему, Сангуру. Молодость и неопытность последнего заставили Кылыч-Арслана, незадолго до этого заключившего мир с Византией, обратить свой взгляд на восток и напасть на Мелитену,

захваченную им осенью 1106 г. Затем он попытался заставить турок признать за ним титул султана, которым он себя провозгласил. Кылыч-Арслан готов был подружиться с любым, кто согласится в этом ему потакать.

Джекермиш недолго наслаждался своим превосходством. Ему пришлось вмешаться в конфликт между представителями династии Сельджукидов. В 1104 г. султан Баркиярук был вынужден править своими владениями совместно с братом Мухаммедом, и Мосул относился к числу территорий, подвластных последнему. Джерекмиш попытался обрести независимость, заявив, будто он приносит клятву верности только Баркияруку и выступив против войска Мухаммеда. Однако в январе 1105 г. Баркиярук умер, и Мухаммед стал полноправным хозяином всех владений Сельджукидов. Джекермиш тотчас же отрекся от своих слов и поспешил покориться Мухаммеду. Последний тогда предпочел не ссориться с Джекермишем и отошел на восток, даже не попытавшись торжественно войти в Мосул.

Возможно, по просьбе Мухаммеда Джекермиш стал готовиться к новому нападению на франков. Для этого он заключил союз с правителем Алеппо Ридваном, полководцем Ридвана Сабавой, представителем династии Артукидов Ильгази и собственным зятем правителем Синджара Альбу ибн Арсланташем. Союзники стали убеждать Ридвана и Альбу в том, что и с политической, и с экономической точек зрения им гораздо выгоднее напасть на Джекермиша. В итоге все они вместе выступили против Нусайбина, второго из находившихся под его властью городов, но его люди сумели поссорить Ридвана и Ильгази, которого правитель Алеппо похитил во время пиршества, проходившего у стен Нусайбина, и заковал в цепи. Затем войско Артукидов атаковало армию Ридвана и заставило ее отойти к Алеппо. Благодаря этому Джекермишу удалось спастись и самостоятельно напасть на Эдессу. Однако, победив в стычке с солдатами Ричарда де Принчипато, он вернулся домой, где его ждали новые проблемы.

Кылыч-Арслан, только что захвативший Мелитену, сам попытался напасть на Эдессу. Однако, увидев, что город слишком хорошо укреплен, он отошел к Харрану, который ему сдал оставленный там Джекермишем гарнизон. Стало очевидно, что Сельджукиды из Рума собираются расширять свое влияние в мусульманском мире за счет персидских родственников.

Султан Мухаммед так и не простил Джекермиша за вольнодумство. К тому же он подозревал, что Джекермиш может заключить тайное соглашение с Кылыч-Арсланом. Зимой 1106 г. султан лишил его власти над

Мосулом, который отдал вместе с Джебзире и Диарбакыром турецкому искателю приключений по имени Джавали Сакава. Тот во главе армии выступил против Джекермиша, направившегося ему навстречу. Однако последний потерпел поражение у самых стен города и попал в плен. Жители Мосула, с большим уважением относившиеся к Джекермишу, тотчас же провозгласили своим атабеком его сына Зенки, а его друзья, находившиеся за пределами города, обратились за помощью к Кылыч-Арслану. Джавали решил, что в такой ситуации лучше всего будет отступить, особенно при условии, что Джекермиш, которого он собирался использовать как козырь в ходе переговоров, внезапно умер в плену. Жители Мосула открыли городские ворота перед Кылыч-Арсланом, обещавшим сохранить городу его привилегии.

Джавали поселился в долине Евфрата и вступил в переговоры с правителем Алеппо Ридваном. Они решили, что должны сначала потеснить Кылыч-Арслана, а затем выступить против Антиохии. В июне 1107 г. союзники во главе армии из 4000 человек подошли к Мосулу. В распоряжении Кылыч-Арслана, находившегося вдалеке от дома, было гораздо менее многочисленное войско, но он вышел навстречу противникам. Несмотря на проявленную им храбрость, в битве, состоявшейся на берегу реки Хабур, он потерпел сокрушительное поражение и погиб, когда, спасаясь бегством, пытался переплыть реку.

Северная Сирия в XII в.

Гибель Кылыч-Арслана имела последствия для всего восточного мира. Благодаря ей Византия избавилась от потенциальной угрозы, что было весьма своевременным, так как именно тогда Боэмунд собирался выступить в поход на Балканы. Кроме того, она позволила просуществовать в Персии на протяжении почти столетия султанату Сельджукидов и стала отправной точкой для отделения анатолийских турок от их собратьев, живших восточнее. Что касается не столь далеко идущих последствий смерти Кылыч-Арслана, но из-за нее сирийские мусульмане лишились единственного человека, способного объединить их.

Теперь у Джавали появилась возможность войти в Мосул, жители которого вскоре возненавидели его за излишне жестокие методы управления. Да и по отношению к своему господину, султану Мухаммеду, он проявлял не больше почтения, чем его предшественник Джекермиш. Уже через год Мухаммед решил заменить Джавали и отправил в Мосул армию во главе с мамлюком Мавдудом, которому предстояло на протяжении нескольких последующих лет играть роль главного защитника ислама.

Тем временем Балдуин де Бур жил в Мосуле в качестве пленника, а его

двоюродный брат Жослен де Куртене после смерти Сокмана «перешел по наследству» к Ильгази, планировавшему изгнать из Мардина своего племянника Ибрагима. Ильгази нуждался в деньгах и союзниках, вследствие чего согласился отпустить Жослена за выкуп в размере 20 000 динаров и обещание оказать военную помощь. Подданные Жослена, жившие в Турбесселе, с готовностью обещали заплатить деньги, и в 1107 г. их господин оказался на свободе. Благодаря достигнутой договоренности у Ильгази появилась возможность атаковать Мардин.

Жослен, в свою очередь, стал искать способы освобождения Балдуина де Бура, оказавшегося вместе со всем имуществом Джекермиша во власти Джавали. Момент для этого оказался более чем удачный, ибо Джавали нужна была помощь, благодаря которой он сумел бы противостоять Мавдуду и его армии. В итоге он потребовал заплатить ему в качестве выкупа 60 000 динаров, освободить мусульман, находившихся в плену в Эдессе, и оказать военную помощь. Не успели закончиться переговоры, как Джавали был изгнан из Мосула, жители которого не стали помогать ужаснувшему их своей жестокостью правителю и открыли городские ворота перед Мавдудом. Джавали перебрался в Джебзире, увея с собой Балдуина.

Жослен с легкостью сумел собрать 30 000 динаров, лично прибыл в замок Калат-Джабар, стоявший на берегу Евфрата и ставший пристанищем для Джавали, и предложил остаться в плену вместо Балдуина при условии, что того отпустят, чтобы он собрал недостающую денежную сумму. Джавали был тронут столь широким жестом, да и храбрость франкского князя произвела на него немалое впечатление. Он согласился сделать Жослена своим пленником вместо Балдуина, а затем, через несколько месяцев, отчасти из-за благородства, отчасти из корысти (в тот момент ему был крайне необходим союз с франками) Джавали отпустил Жослена, взяв с него слово, что ему заплатят остаток выкупа. И князь впоследствии оправдал его доверие.

Танкред уже на протяжении четырех лет был владыкой Эдессы, которой от его имени правил его двоюродный брат Ричард де Принчипато, и не испытывал ни малейшего желания отдавать графство Балдуину. Когда тот прибыл в Эдессу, Танкред согласился собрать оставшиеся 30 000 динаров, но заявил, что вернет город только в том случае, если Балдуин даст ему клятву верности. Последний, будучи вассалом короля Иерусалима, никак не мог согласиться на это требование, и, охваченный яростью, он отправился в Турбессель, где к нему присоединился Жослен. Вместе они обратились за помощью к Джавали. Танкред подошел к Турбесселю.

Произошла небольшая стычка, после которой смущенные противники сели за пиршественный стол, чтобы еще раз попытаться решить проблему. Однако договориться им снова не удалось, и Балдуин, отправив к Джавали в качестве подарка 160 пленников-мусульман, получивших от него свободу и снаряжение, двинулся на север в поисках новых союзников.

Для управления Эдессой Ричард использовал чересчур грубые методы; он значительно увеличил налоги и вызывал особую неприязнь у живших в графстве армян. Поэтому Балдуин отправился к самому могущественному из соседних армянских государей — Василиу Гоху, правившему в Кейсуне. Незадолго до этого князь Васил сумел еще больше повысить свой престиж, убедив католика армянской церкви перенести престол в его владения. Васил Гох принял Балдуина в Рабана и пообещал помочь. Кроме того, 300 печенежских наемников графу Эдессы прислал армянин Ошин, назначенный византийским императором наместником Киликии и готовый предпринять любые действия, направленные против Танкреда. Заручившись поддержкой этих союзников, Балдуин вернулся в Турбессель. Танкред не был готов к противостоянию со всем армянским миром, а антиохийский патриарх Бернард использовал все свое влияние, чтобы помочь Балдуину. В итоге Танкред весьма нелюбезно прогнал Ричарда де Принчипато из Эдессы, жители которой с радостью встретили вернувшегося Балдуина.

Однако это затишье было недолгим. Балдуин не хотел предавать дружбу с Джавали. Граф отправил к нему множество пленников-мусульман, разрешил восстановить в городе Сарудже, население которого в основном составляли мусульмане, мечеть, а также лишил своего расположения и приказал казнить градоправителя Саруджа, к которому горожане относились с большой неприязнью, ибо он отступил от ислама.

Союз между Балдуином и Джавали вызвал обеспокоенность у правителя Алеппо Ридвана, так как Джавали угрожал его владениям на берегах Евфрата. Он нанес встречный удар, организовав нападение на караван с товарами, в числе которых оказалась и часть выкупа за Балдуина, отправленного из Турбесселя ко двору Джавали. В сентябре 1108 г. последний напал на стоящий на берегу Евфрата город Балис, расположенный всего в 50 милях от Алеппо, и, захватив его, приказал распять тех из его жителей, кто особенно активно поддерживал Ридвана. Тот тотчас же обратился за помощью к Танкреду. В начале октября Балдуин и Жослен вместе с несколькими сотнями рыцарей подошли к Манбиджу, что между Алеппо и Евфратом, чтобы присоединиться к войску Джавали. Последний привел с собой около 500 турок и еще большее число бедуинов,

которыми командовал сын эмира Садаки из племени Бану Мазьяд. Всего численность объединенной армии составляла примерно 2000 человек. Ридван мог выставить против них примерно 600 солдат, но Танкред привел с собой 15 сотен воинов.

Произошедшее затем сражение, во время которого христиане и мусульмане бились против христиан и мусульман, оказалось весьма ожесточенным. Войска Джавали уже стали постепенно оттеснять антиохийских франков, заставляя их нести серьезные потери, когда бедуины увидели лошадей, оставленных рыцарями Балдуина про запас, и не смогли перебороть соблазн — они покинули поле боя, уведя коней с собой. Увидев, что кочевники уходят, турки, сражавшиеся под началом Джавали, обратились в бегство, и Балдуин с Жосленом оказались почти в полном одиночестве. В итоге они также были вынуждены бежать с поля боя вместе с остатками своих армий, при этом чудом избежав плена. Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, христиане потеряли убитыми почти 2000 человек.

Жослен вернулся в Турбессель, а Балдуин прибыл в Дулак, расположенный к северу от Раванды. Танкред попытался организовать осаду этих городов, но без особого энтузиазма, а узнав, что люди поговаривают о приближении Джавали, он вообще предпочел уйти. В конце концов Балдуин и Жослен сумели вернуться в Эдессу. Горожане были в панике. Опасаясь смерти Балдуина и перспективы снова оказаться под властью Ричарда де Принчипато, которого они так сильно ненавидели, жители Эдессы собрались в церкви Святого Иоанна. Армяне пригласили католического епископа войти в состав временного правительства, которое должно было действовать до тех пор, пока ситуация не прояснится. Прибыв в город через два дня после этого, Балдуин заподозрил армян в измене, решив, будто они таким образом собираются обрести независимость. Отреагировал он быстро и весьма сурово. Многих армян арестовали, а некоторых ослепили. Армянский епископ спас свое зрение благодаря тому, что сумел заплатить огромный штраф, деньги на выплату которого собрали его дети. Армян насильно прогоняли из города. Мы не знаем, что произошло на самом деле, но вполне очевидно, что у Балдуина были веские причины для того, чтобы коренным образом изменить политику в отношении представителей этого народа.

Несмотря на одержанную им победу и принятое Джавали через несколько месяцев после описываемых событий решение помириться со своим господином — султаном, даровавшим ему владение в Персии, расположенное далеко от тех мест, где происходили все эти события,

Танкред больше не пытался изгнать Балдуина из Эдессы. Вместо этого осенью 1108 г. он возглавил поход против Шайзара, где, перебив немногочисленного противника, заблокированного им в пещере, регент Антиохии позволил задобрить себя подарком — превосходным скакуном. Следующей весной он вмешался в конфликт между Гильомом Иорданом и Бертраном Тулузским, спорившими о том, кто должен стать владельцем принадлежавших франкам земель в Ливане. Он признал Гильома Иордана своим вассалом, но в спор тотчас же вмешался король Балдуин, заслуженно называвшийся владыкой всех франков, живших на Востоке.

Когда король призвал Танкреда и других предводителей франков в лагерь под Триполи, чтобы рассудить их, регент Антиохии не осмелился послушаться. Во время этого собрания король не только разделил наследство Раймунда Тулузского, но и обязал Танкреда, с одной стороны, и графа Эдессы Балдуина и Жослена — с другой, помириться и вместе сражаться с неверными. Признавая право короля судить, Танкред дал ему клятву верности как своему сюзерену. За это Балдуин разрешил ему продолжать считать Гильома Иордана своим вассалом и вернул ему титул князя Галилеи, а также храм в Иерусалиме, пообещав, что тот снова сможет управлять своим феодалом, когда в Антиохию вернется Боэмунд. Когда Гильом Иордан был убит и его земли перешли к Бертрану, признававшему своим сеньором лишь короля Балдуина, ситуация стала намного менее выгодной для Танкреда. Однако это не помешало Танкреду напасть на Джеблу, последний оплот племени Бану Аммар, захваченный им в июле 1109 г., благодаря чему его владения стали граничить с принадлежавшими Бертрану.

Примирение предводителей франков, на котором настаивал Балдуин, было мерой крайне необходимой, так как в начале 1110 г. атабек Мосула Мавдуд, следуя приказу своего господина — султана, организовал поход против франков. В апреле вместе с представителем династии Артукидов Ильгази и его войском, состоявшим из туркмен, а также с эмиром Майяфариккина Сокманом эль-Кутби, известным в широких кругах как шах Армении, он выступил в сторону Эдессы. Узнав о приближении войска мусульман, Балдуин де Бур отправил Жослена в Иерусалим, где тот должен был попросить короля Балдуина о помощи и передать ему, что граф Эдессы подозревает Танкреда в попустительстве врагу. Друзья Танкреда, в свою очередь, обвинили в этом же Балдуина, хотя были менее убедительны. Однако король и его войска были заняты — они осаждали Бейрут и не собирались сдвинуться с места до тех пор, пока не захватят его. Как только это произошло, Балдуин поспешил на север, пройдя при этом мимо

Антиохии (с одной стороны, таким образом он хотел сэкономить время, а с другой — не доверял Танкреду), и в конце июня оказался возле Эдессы. На подходе к городу к нему присоединились армянские солдаты, отправленные Василием Гохом и главой династии Пахлавуни Абулгарибом, правителем Биреджика. К тому времени Мавдуд уже на протяжении двух месяцев осаждал Эдессу, но так и не сумел преодолеть ее оборонительные сооружения. Увидев иерусалимских рыцарей, облаченных в блестящие на солнце доспехи и гордо поднимавших развевавшиеся на ветру знамена, он отошел к Харрану, надеясь таким образом втравить их в ожесточенный бой.

Балдуин де Бур вышел из крепости, чтобы встретить своих двоюродного брата и господина, и снова стал жаловаться на Танкреда. Это заставило короля послать в Антиохию гонца, который должен был передать Танкреду требование прибыть в Эдессу во главе войска, чтобы присоединиться к союзу христиан и ответить на обвинения. Сам регент Антиохии колебался, но его советники настояли, что ему следует поехать. По прибытии в Эдессу он предъявил встречные обвинения Балдуину де Бур. Он говорил, что провинция Осроена, на территории которой расположена Эдесса, всегда находилась в зависимости от Антиохии, а значит, именно он, Танкред, должен быть ее законным владыкой. Король Балдуин ответил на эти слова весьма сурово, сказав, что как избранный король он является лидером христиан, живущих на Востоке, от имени которых он потребовал, чтобы Танкред примирился с Балдуином де Буром. Если Танкред откажется и продолжит плести интриги с турками, его больше не будут считать христианским правителем и станут с ним беспощадно воевать, как с врагом. Собравшиеся в Эдессе рыцари поддержали короля, и Танкреду пришлось мириться с Балдуином де Буром.

Затем объединенная армия франков отправилась вслед за Мавдудом, пытавшимся отойти как можно дальше, чтобы заманить ее на территории, население которых относилось к франкам враждебно, и планировавшим, внезапно свернув на север, обойти христиан с фланга. Короля Балдуина вовремя предупредили об этом, и он приказал войску остановиться и начать осаду замка Шинав, расположенного к северо-западу от Харрана. Однако союз распался. До Танкреда дошли слухи о том, что правитель Алеппо Ридван готовится напасть на Антиохию. Из Палестины прибыли посланники, сообщившие королю, что египтяне двинулись на Иерусалим. В итоге франки были вынуждены отказаться от продолжения похода в Джезире.

Танкред отступил в Самосату, а Балдуин де Бур, по совету короля, пришел к выводу о бессмысленности защиты территорий, расположенных

к востоку от Евфрата. Ему, находившемуся в осажденной Эдессе, уже доводилось с горечью наблюдать за тем, как эти земли разоряет Мавдуд. Он решил оставить гарнизоны только в двух крупнейших крепостях — в Эдессе и Сарудже, а также в нескольких замках поменьше, не пытаясь при этом оборонять границу. Местным жителям из числа христиан посоветовали переселиться в более безопасное место — на правый берег великой реки, и они последовали этому совету. Христиане, жившие в сельской местности, в основном армяне, собрали свои вещи и неспешно направились на запад. Однако шпионы сообщили Мавдуду о планах графа, и он тотчас же отправился к Евфрату, чтобы помешать их реализации. Добравшись до реки, он увидел, как по ней плывут предводители франков. Их огромные паромы были переполнены солдатами и утонули, так и не перевезя местных жителей. Мавдуд отдал своим воинам приказ напасть на этих людей, несмотря на то что они не были вооружены, и почти никто из них — мужчин, женщин, детей — не выжил.

Безжалостное уничтожение армянских крестьян, неблагонадежных с политической точки зрения, но богатых и трудолюбивых, живших в Осроене еще со времен, предшествовавших началу христианской эпохи, стало для данной области ударом, от которого она так и не смогла оправиться. Хотя франкские графы правили в самой Эдессе на протяжении еще нескольких лет, стало понятно, что власти франков над территориями, расположенными на противоположном берегу Евфрата, очень скоро и неизбежно придет конец, что станет настоящим бедствием для несчастных местных христиан, признавших пришельцев с Запада своими правителями.

Разъяренный Балдуин де Бур вместе со своими солдатами вновь пересек реку, стремясь отомстить Мавдуду. Но в его распоряжении было слишком мало воинов — армия противника значительно превосходила их по численности, и всех их перебили бы, если бы им на помощь не поспешил сам король Балдуин в сопровождении Танкреда, который, однако, совершенно не желал спасать кого бы то ни было, но был вынужден согласиться.

Король Балдуин вернулся на юг, а Танкред решив покарать Ридвана, нападения которого на принадлежавшие ему территории регент Антиохии расценивал как предательство. Танкред взял приступом замок Накира, расположенный совсем рядом с границей его владений, а затем направился к Атарибу, что всего примерно в 20 милях от Алеппо. Сородичи-мусульмане не помогли Ридвану. Он попытался подкупить Танкреда, но тот назначил слишком высокую цену, а когда казначей Ридвана бежал в лагерь Танкреда, прихватив с собой часть содержимого сокровищницы своего

господина, переговоры окончательно зашли в тупик. В конце концов, в декабре 1110 г., когда осадные машины Танкреда уничтожили стены Алеппо, город сдался. Ридван уговорил Танкреда заключить мир, обещав отдать ему Атариб и Зердану, расположенную чуть южнее, и 10 лучших арабских скакунов из своих конюшен, а также заплатить 20 000 динаров.

Затем Танкред выступил против Шайзара и Хамы. Эмир Шайзара, происходивший из династии Мункизидов, за 4000 динаров и еще одну лошадь купил перемирие на несколько месяцев. Однако, когда весной 1111 г. этот срок подошел к концу, регент Антиохии снова оказался у стен Шайзара и велел построить на расположенном неподалеку от него холме, в Ибн-Машаре, замок, находясь в котором он мог наблюдать за всеми, кто выезжал из города и въезжал в него. Вскоре после этого Танкред занял крепость Бисикраиль, находившуюся на пути между Шайзаром и Латакией. Эмир Хомса заплатил 2000 динаров, и Танкред оставил его в покое.

На успех Танкреда повлияли два фактора. Во-первых, византийцы не оказались готовы к контрнаступлению. После смерти Кылыч-Арслана в 1107 г. положение в Анатолии стало крайне нестабильным. Его старший сын Малик Шах попал в плен во время сражения у Хабара, из-за чего оказался во власти султана Мухаммеда. Вдова Кылыч-Арслана захватила Мелитену и ряд восточных областей для того, чтобы там правил его младший сын Тогрул. Еще один его сын, Масуд, жил при дворе Данишмендидов, а четвертый, Араб, очевидно, правил в Конье. Султан Мухаммед, опасавшийся, что кто-то из двоих — Масуд или Тогрул — захватит все наследство отца, решил усложнить расклад, отпустив Малик Шаха, который сумел обосноваться в Конье и нагло присвоить себе титул султана.

Ослабление власти сельджуков в Анатолии было не совсем выгодно византийцам, так как из-за него сельджуки совершили множество совершенно непродуманных атак на территории, принадлежавшей Византии. В то же время оно позволило Алексею занять несколько приграничных крепостей. Тем не менее он так и не рискнул провести военную кампанию в Киликии или Сирии. Его вынужденное бездействие было выгодно не только Танкреду, но и армянскому князю Василу Гоху, который (возможно, с согласия Алексея) сумел усилить оборону своего княжества в горах Антитавра и отразить нападения турок. Правившие в районе Тавра князья из династии Рубенидов, которые чаще становились целью для сельджуков и которые из-за войск Танкреда не могли вторгнуться в Киликию, не были способны усилить свою власть. Вследствие этого у Василя Гохы не оказалось соперников среди сородичей.

Еще более выгодным для Танкреда стало появление новой исламской секты, ставшее роковым для всех попыток мусульман объединиться и выступить против крестоносцев. В последние десятилетия XI в. перс Хасан ас-Саббах основал религиозное движение, сторонников которого впоследствии называли хашишйя, или ассасинами^[4]. Хасан стал сторонником учения исмаилитов, пользовавшихся покровительством халифов из династии Фатимидов, и батинитов, принадлежавших к его эзотерической ветви. Мы не знаем, когда именно он стал приверженцем мистической и аллегорической теологии исмаилитов. Наиболее выдающиеся его достижения имели более практическую направленность.

Хасан ас-Саббах установил среди своих сторонников жесткий порядок и требовал от них беспрекословного подчинения, используя их преданность для реализации собственных политических целей, в первую очередь направленных против багдадских халифов из династии Аббасидов, законность правления которых он оспаривал, и в еще большей степени против их повелителей из династии Сельджукидов, благодаря могуществу которых существовал халифат. Основным способом воздействия, к которому он прибегал, стал индивидуальный террор, благодаря чему его сторонников и стали называть ассасинами. Представители неортодоксальных исламских сект нередко прибегали к совершению убийств по религиозным мотивам, но благодаря Хасану они стали весьма эффективным инструментом политики. Беспрекословная преданность его сторонников и их готовность отправиться в далекое путешествие и рисковать собственной жизнью, повинаясь его приказу, давали ему возможность расправиться с любым своим политическим противником в любой точке мусульманского мира.

В 1090 г. Хасан ас-Саббах поселился в Хорасане, в неприступной крепости Аламут, Орлином гнезде. В 1092 г. по его приказу было совершено первое убийство — погиб великий визирь Низам аль-Мульк, являвшийся благодаря своему таланту главной опорой власти династии Сельджукидов в Иране. Согласно легенде, возникшей в более позднее время, этот поступок был вдвойне ужасным потому, что Низам и Хасан, а также поэт Омар Хайям были учениками Муваффака из Нишапура, ученого мужа, и каждый из них дал клятву на протяжении всей своей жизни помогать остальным.

Султаны из династии Сельджукидов прекрасно понимали, насколько велика опасность, которую представляют ассасины, но все их попытки захватить Аламут заканчивались провалом. В Сирии ассасины поселились в самом начале нового столетия. Правитель Алеппо Ридван, находившийся

в плохих отношениях со своими родственниками из династии Сельджукидов и, возможно, проникшийся учением ассасинов, стал им покровительствовать. Их главой был персидский ювелир по имени Абу Тахир, оказывавший огромное влияние на Ридвана. Ассасины не считали христиан чем-то более гнусным, чем мусульмане-сунниты. Возможно, Ридван согласился сотрудничать с Танкредом именно благодаря своей симпатии к их учению.

Первым достижением ассасинов в Сирии стало совершенное в 1103 г. убийство эмира Хомса Джанаха ад-Даулы. Через три года они расправились с эмиром Апамеи Халафом ибн Мулаибом, причем его смерть была выгодна только антиохийским франкам. Несмотря на то что ассасины промышляли исключительно индивидуальным террором, они стали частью политики мусульман, уважать которую были вынуждены даже христиане.

В 1111 г. правитель Мосула Мавдуд снова собрался выступить против франков, выполняя приказ своего повелителя — султана. В самом начале того года во дворец багдадского халифа прибыла делегация жителей Алеппо, обеспокоенных приверженностью своего правителя к еретическому учению и его пресмыканием перед Танкредом. Они жаждали приблизить священную войну, которая позволила бы им избавиться от постоянно грозивших мусульманам франков. Когда они поняли, что от них пытаются отделаться с помощью пустых обещаний, жители Алеппо, встав у дворцовой мечети, стали призывать обитателей Багдада к восстанию.

Халиф в это время принимал посольство, прибывшее от византийского императора. В этом не было ничего необычного — у Константинополя и Багдада имелись общие интересы, направленные против династии Сельджукидов, правившей в Руме. Алексей, очевидно, приказал своим послам также обсудить с халифом возможность совместных действий против Танкреда. Эти переговоры позволили восставшим обвинить халифа в том, что он оказался худшим мусульманином, чем император-христианин. Аль-Мустазхир был взволнован энтузиазмом бунтарей, причем особое беспокойство у него вызвало то, что он не сумел должным образом встретить жену, возвращавшуюся из Исфахана, где она гостила у своего отца, султана Мухаммеда. Халиф отправил к тестю гонца, и Мухаммед тотчас же приказал Мавдуду сформировать новый союз, формальным предводителем которого должен был стать его младший сын Масуд. Мавдуд обратился за помощью к Сокману, находившемуся в Майяфариккине, сыну Ильгази Айязу, курдским князьям Ахмед-Илю из Мераге и Абулу Хайдже из Арбиля, а также к персидским правителям во главе с Бурзуком ибн Бурзуком из Хамадана.

В июле союзники пересекли Джебзире, собираясь осадить принадлежавший Жослену Турбессель. Узнав об этом, правитель Шайзара отправил к ним гонца с просьбой как можно быстрее прийти ему на помощь; Ридван, руководствовавшийся политическими соображениями, также попросил их поторопиться, так как он не мог долго противостоять Танкреду. Резкая перемена настроения Ридвана произвела на Мавдуда впечатление, и, по совету Ахмед-Иля, действовавшего в соответствии с тайной договоренностью с Жосленом, он снял осаду и ушел от Турбесселя, направившись к Алеппо. Однако, отправляя своего посланника к Мавдуду, Ридван не был чистосердечен. Увидев, что союзники-мусульмане приближаются, он велел закрыть городские ворота и заключить под стражу множество наиболее активных горожан, стремясь таким образом избежать бунта. В итоге Мавдуд не смог реализовать задуманное и, разграбив сельскую местность вокруг Алеппо, отправился на юг — к Шайзару. Там к нему присоединился правитель Дамаска Тугтегин, который с его помощью хотел отвоевать Триполи.

Танкред, стоявший лагерем у Шайзара, отступил к Апамее и отправил к королю Балдуину гонца с просьбой о помощи. Король согласился оказать ее и призвал всех франкских рыцарей, живших на Востоке, присоединиться к этому походу. Вместе с ним на помощь Танкреду отправились патриарх Гибелин и его ключевые вассалы: граф Сидона Евстахий де Гранье и сеньор Хеврона Вальтер. По дороге к нему присоединился правитель Триполи Бертран. С севера пришел граф Эдессы Балдуин вместе с двумя своими ключевыми вассалами — сеньором Турбесселя Жосленом и правителем Саруджа Пайеном. Танкред привел с собой вассалов, живших на границе Антиохийского княжества, — Ги по кличке Козел из Тарса и Мамистры, Ришара из Мараша, Ги по прозвищу Бук из Харима, Робера из Суадие, Понса из Тель-Маннаса, Мартина из Латакии, Бонаплюса из Сармады, Роже из Хаба Ангеррана из Апамеи. Васил Гох и Рубениды отправили им на помощь несколько армянских отрядов. И даже властелин Ламброн Ошин послал к ним несколько человек, которые на самом деле, очевидно, являлись шпионами императора. Солдат на севере осталось совсем мало, чем не преминул воспользоваться правитель Мелитены Тогрул Арслан, тотчас же захвативший Альбистан и его окрестности, немногочисленные гарнизоны которых не сумели ему противостоять, а также предпринявший поход в Киликию.

Узнав о приближении войска франков, численность которого составляла примерно 16 000 человек, Мавдуд скрылся за стенами Шайзара и отказался покидать город и вступать в сражение. В его войске не все было

в порядке. Тугтегин не предоставил бы Мавдуду людей, если бы тот не пообещал зайти дальше на юг, что с точки зрения стратегии было довольно рискованно. Курд Бурзук серьезно заболел и изъявил желание вернуться домой. Сокман внезапно скончался, и его солдаты повезли его тело на север. Ахмед-Иль в спешном порядке отправился домой, чтобы попытаться получить хотя бы часть наследства. С Мавдудом остался представитель династии Артукидов Айяз, но его отец Ильгази напал на солдат, сопровождавших гроб с телом Сокмана, надеясь (как потом выяснилось, тщетно) заполучить что-то из его сокровищ. Ежедневно терявший людей Мавдуд не мог принять бой, но в то же время он не хотел проводить зиму вдалеке от своей столицы. В итоге осенью того же года он отправился в Мосул.

То, что планы Мавдуда провалились, стало свидетельством неспособности мусульман нанести удар по объединенным силам франков. Здесь следует отметить, что именно король Балдуин вынудил их действовать сообща. На какое-то время владения франков оказались в безопасности. Следующим летом Мавдуд организовал поход на территорию Эдесского графства, оказавшийся выгодным для него с финансовой точки зрения, но не приведший к каким-либо политическим результатам. Тугтегин, в свою очередь, снова заключил союз с Ридваном, что было весьма широким жестом, ибо последний пытался уговорить своего друга-ассасина убить его. Но на какое-то время мусульманскую угрозу удалось предотвратить.

То, что предводители христиан снова стали ссориться, было неизбежно. Сначала франки решили напасть на Василя Гоха, росту могущества которого завидовали и граф Эдессы Балдуин, и Танкред. Последний вторгся во владения армянского князя, захватил Рабан и уже собирался осадить Кесун, но правителям удалось заключить мир. Затем властитель Эдессы Балдуин внезапно решил напасть на своего двоюродного брата Жослена. Когда летом 1112 г. Мавдуд напал на Эдессу, Жослен раскрыл заговор армян, желавших передать город мусульманам, и спас Балдуина, заблаговременно предупредив его и вместе с ним оперативно совершив ряд действий, направленных против предателей. Однако на протяжении последовавшей за этим зимы до Балдуина стали доходить слухи о том, что Жослен хочет занять его место. Феод, управлявшийся из Турбесселя, был весьма богатым, в то время как окрестности Эдессы сильно пострадали из-за вражеских набегов и вынужденных переселений. Армяне любили Жослена, а после событий лета 1112 г. возненавидели Балдуина. Сам Жослен не сделал ничего для

того, чтобы вызвать у родственника подозрения, которые основывались, скорее всего, на обычной зависти. В конце года Жослена призвали в Эдессу под предлогом того, что Балдуин болен и хочет поговорить с двоюродным братом о наследовании своих владений. Когда ничего не подозревающий Жослен прибыл в Эдессу, его обвинили в том, что он не поставлял в город достаточно продовольствия из своих владений, и бросили в тюрьму. Отпустили его только после того, как он пообещал отказаться от своего феода. В самом начале нового года Жослен уехал на юг, в Иерусалим, где король Балдуин пожаловал ему княжество Галилея.

В 1112 г. в Северной Сирии также произошло множество других перемен. Князь Васил Гох умер 12 октября, после чего его вдова спешно направила Танкреду подарки, в том числе свою собственную диадему, предназначавшуюся для княгини Сесилии. Таким образом женщина пыталась заручиться его поддержкой, чтобы обеспечить вступление на престол своего приемного сына Василя Тга, но Танкред сам жаждал заполучить это наследство. Что касается франков, то весной того же года умер Ричард де Принчипато, а в январе или феврале скончался владетель Триполи Бертран. Младший сын и наследник последнего Понс не разделял ни симпатий отца к византийцам, ни его ненависти к Танкреду. К тому же его советники, вероятно, решили, что для того, чтобы молодой граф сумел сохранить свое положение, ему следует заручиться поддержкой Танкреда. В итоге правители Триполи и Антиохии помирились, вследствие чего Танкред стал пользоваться еще большим влиянием^[5]. Жослен был обещан, граф Триполи стал его другом, а наиболее влиятельный из армянских князей лежал в могиле — все это, казалось бы, делало превосходство Танкреда неоспоримым.

Антиохийский регент стал готовиться к походу, в результате которого собирался захватить владения Василя Гоха, но внезапно заболел. Люди стали поговаривать, что Танкреда отравили (что неизбежно в подобных ситуациях), но, скорее всего, он заразился тифом. Когда стало понятно, что Танкред не оправится от болезни, он назвал имя своего наследника — им должен был стать сын Ричарда де Принчипато Рожер Салернский. При этом он заставил Рожера поклясться, что если младший сын Боэмунда прибудет на Восток, то власть будет передана ему. Одновременно с этим он попросил Понса жениться на своей юной вдове Сесилии Французской. Умер Танкред 12 декабря 1112 г. в возрасте всего 36 лет.

Нам не так много известно из источников о личности Танкреда. Он был человеком весьма активным и талантливым, умелым дипломатом и великолепным солдатом, а с возрастом он становился все более мудрым.

Однако он так и не сумел стать человеком столь же притягательным, каким был его дядя Боэмунд. К тому же, очевидно, Танкред не пользовался большой любовью своих людей, всех, кроме его льстивого биографа Рауля Канского. Он был человеком жестким, эгоистичным и беспринципным; вел себя весьма учтиво по отношению к Боэмунду, но в то же время не был верен ему и был не самым надежным союзником для графа Эдессы Балдуина. Однако если бы не вмешательство короля Балдуина, с которым Танкред мог равняться в жестокости и который все же не мог похвастаться такой же дальновидностью, его стремление к независимости могло привести франкские государства на Востоке к падению. Танкред стремился к укреплению и расширению Антиохийского княжества, и в этом ему удалось достичь заметного успеха. Без его усилий все созданное Боэмундом развалилось бы. Именно этого энергичного человека следует благодарить за то, что Антиохийское княжество просуществовало на протяжении многих лет после его смерти. Из всех предводителей Первого крестового похода более высокое положение смог занять только король Балдуин, бывший таким же нищим искателем приключений, как и сам Танкред. Однако, когда тело Танкреда везли к месту его вечного упокоения в притворе собора Святого Петра, лишь немногие из его подданных горевали, что создало определенные трудности для хронистов. С теплотой о нем писал и оплакивал его смерть только армянин Матфей Эдесский.

После того как антиохийским князем стал Рожер, который, несмотря на признание права сына Боэмунда на престол, принял княжеский титул, во франкских государствах воцарилась гармония. Рожер был женат на Сесилии, сестре графа Эдессы Балдуина, и, хотя не отличался особой верностью супруге, с шурином у него сложились весьма теплые отношения. Его сестра Мария стала второй женой Жослена де Куртене. Дружеские отношения с Рожером поддерживал и граф Триполи Понс, по завещанию Танкреда женившийся на его вдове Сесилии Французской. При этом все три властителя признали короля Балдуина своим сюзереном. Благодаря подобному единодушию, столь редко встречающемуся в истории, а также тому, что во владениях мусульман разгорелись новые конфликты, франкские государства Северной Сирии достигли своего расцвета.

В 1113 г. король Балдуин предпринял поход против правителя Дамаска Тугтегина, которому наконец удалось заручиться поддержкой Мавдуда и Айяза из династии Артукидов. Союзники-мусульмане заманили короля на территорию, принадлежавшую Дамаску, в Саннабру, что в верховьях реки Иордан, где Балдуин, забывший о своей обычной осторожности, потерпел

сокрушительное поражение. Он обратился за помощью к Понсу и Рожеру, и только их прибытие (а с собой они привели всех своих рыцарей) позволило королю спастись. Противники дошли до окрестностей Тверии, но не рискнули сражаться с объединенным войском франков. Через несколько недель Мавдуд и Тугтегин вернулись в Дамаск. В последнюю пятницу сентября на входе в главную мечеть Дамаска, куда Мавдуд отправился вместе с пригласившим его в гости Тугтегином, его заколол ассасин. Эмир Дамаска спешно приказал казнить убийцу, чтобы никто не обвинил в совершении этого преступления его самого. Однако горожане все равно думали, будто именно он приказал убить Мавдуда, но оправдывали его действия тем, что последний якобы собирался прибрать Дамаск к рукам.

Благодаря гибели Мавдуда франки избавились от одного из основных своих врагов. Через два месяца, 10 декабря 1113 г., за ним последовал правитель Алеппо Ридван. Из-за прохладных отношений, сложившихся между ним и другими мусульманскими правителями, франки смогли упрочить свое положение в Сирии, а его устранение также не способствовало укреплению ислама. Наследником Ридвана стал его сын Алп-Арслан, слабый, порочный и жестокий 16-летний юноша, реальным правителем при котором был евнух Лулу. Исполняя приказ султана Мухаммеда, новый правитель лишил ассасинов поддержки, которой они пользовались до этого благодаря Ридвану. Посланник султана перс Ибн Бади вынудил Алп-Арслана пообещать, что он казнит Абу Тахира и других предводителей секты, а жители Алеппо, давно испытывавшие неприязнь к ассасинам, стали ловить и убивать всех сторонников этой секты, которых могли найти.

Стараясь защитить себя, низариты даже попытались захватить городскую цитадель, где тогда как раз умирал Ридван. Вскоре после этого, когда семья эмира уехала из цитадели Шайзара, чтобы посмотреть, как христиане празднуют Пасху, участники секты попытались неожиданно напасть на нее. Но горожане, объединившись с эмиром, сумели отразить атаку. Единственным достижением ассасинов стал захват крепости Колайя, располагавшейся неподалеку от Балиса, в месте, где дорога из Алеппо в Багдад приближается к Евфрату. В итоге им пришлось уйти в подполье или бежать во франкские государства. Однако ассасины все же сохранили свое могущество и стали задумываться о том, чтобы переключиться на Ливан.

Правление Алп-Арслана было недолгим. Он прибыл с дружественным визитом в Дамаск, где его с почестями, подобающими царской особе, встретил Тугтегин, а в сентябре 1114 г. евнух Лулу, пораженный его распутством и опасавшийся за свою жизнь, убил Алп-Арслана, когда тот

спал в собственной постели, и посадил на престол его шестилетнего брата Султаншаха. На протяжении нескольких последующих лет Лулу вместе со своим полководцем Шамсом ас-Шавасом, бывшим эмиром Рафаней, контролировал цитадель и армию Алеппо. При этом реальная власть находилась в руках алеппской знати, пожелания представителей которой Лулу не осмеливался игнорировать. Из-за отсутствия сильного владельца и малочисленности войска Алеппо мог лишь защищать собственные стены, в то время как, несмотря на запрет секты ассасинов, соседи из-за того, что в городе большим влиянием пользовались персы, считали его новых правителей опасными сторонниками шиитов. Вследствие этого Лулу с готовностью продолжил политику Ридвана, направленную на поддержание дружеских отношений с антиохийскими франками.

После смерти Мавдуда султан отдал Мосул Аксункуру аль-Бурзуки, турку, солдату удачи (впрочем, как и его предшественник) и своему представителю при дворе халифа. Теперь организация и проведение походов против франков стали его долгом. В мае 1114 г. он во главе 15-тысячного войска выдвинулся к Эдессе. Его сопровождали сын султана Масуд, эмир Синджара Темирбек и молодой турок по имени Имад ад-Дин Занги, сын другого Аксункура, бывшего наместником Алеппо и Хамы в период, предшествовавший крестовым походам. Правителя Мардина Ильгази также звали присоединиться к походу, но он отказался, в связи с чем сначала войско подошло к Мардину. Ильгази согласился отправить в поход на Эдессу своего сына Айяза с отрядом туркмен. Мусульмане простояли под стенами Эдессы на протяжении двух месяцев, но в городе располагался многочисленный гарнизон, а запасов продовольствия было в достатке. В то же время осаждавшим не хватало продуктов, которые они добывали, грабя сельскую местность. В итоге иль-Бурзуки был вынужден снять осаду и довольствоваться разорением окрестностей города, а затем армяне предоставили ему новое поле для деятельности.

Спустя год после того, как в 1112 г. был раскрыт заговор армян, желавших отдать Эдессу Мавдуду, они решили претворить в жизнь аналогичный замысел. В тот момент сам Мавдуд собирался вторгнуться на территории, принадлежавшие франкам, а Балдуин находился в Турбесселе, где брал под свой контроль феодал Жослена. Заговор снова вовремя раскрыли, и Балдуин переселил всех армян, живших в столице его владений, в Самосату. Преподав армянам урок, в начале 1114 г. он разрешил им вернуться, но к тому времени некоторые из них уже переселились на земли, принадлежавшие Василиу Тга, наследнику Василя Гоха, которому каким-то образом стало известно о планах франков

захватить его наследство. Они с мачехой попросили иль-Бурзуки избавить их от франков. Тот отправил Сонкора Длинного, одного из своих полководцев, в Кесун на переговоры с Василием Тга. Узнав об этом, франки атаковали Сонкора и армян, но тщетно. Однако прежде чем мусульмане сумели извлечь выгоду из нового союза, иль-Бурзуки поссорился с представителем династии Артукидов Айязом и заключил его в тюрьму. Это заставило Ильгази, отца последнего, созвать всех своих родичей и солдат-туркмен и выступить против иль-Бурзуки. Тот потерпел сокрушительное поражение и был вынужден отступить в Мосул. Таким образом, попытка мусульман победить крестоносцев снова закончилась полным поражением.

За сотрудничество с мусульманами армянам пришлось заплатить. Франки отправились в поход против Василия Тга. Они не смогли захватить хорошо укрепленную столицу его владений — Рабан, но он решил заключить союз с представителем княжеской династии Рубенидов Торосом. Последний пригласил Василия, чтобы поговорить о заключении брака, который укрепил бы их союз, но, когда тот приехал, заключил его в тюрьму, а затем продал графу Эдессы Балдуину. Свободу Васил получил только после того, как дал обещание отдать Балдуину все свои владения, после чего ему разрешили уехать в Константинополь. Заполучив таким образом в 1116 г. Рабан и Кесун, Балдуин решил подчинить остальные армянские княжества в долине Евфрата. Сначала в 1117 г. он сместил правителя Биреджика Абулгариба, получившего свои владения с помощью Балдуина во время Первого крестового похода. Биреджик он отдал своему двоюродному брату Валерану де Ле-Пюизе, женившемуся на дочери Абулгариба. Затем он напал на Баграта, брата Василия Гоха, друга Балдуина I, ставшего впоследствии его врагом, который управлял небольшим владением в Хоросе, к западу от Евфрата. Наконец, он перешел границу владений другого союзника Балдуина — князя Гаргара Костадина, которого он захватил в плен и держал в заключении в Самосате, где несчастный князь вскоре погиб во время землетрясения. Вскоре князь из династии Рубенидов сделал приятное для себя открытие — он стал единственным независимым армянским правителем. Однако остальные армяне разочаровались во франках.

Тому, что Балдуин сумел завоевать армянские государства, способствовало снижение угрозы с Востока. В годы, предшествовавшие этому, царило беспокойство. Из-за сильнейшего землетрясения, произошедшего в ноябре 1114 г., территория франкских государств от Антиохии и Мамистры до Мараша и Эдессы оказалась опустошена. Князь Антиохии Рожер, узнавший, что поговаривают, будто султан Мухаммед

собирается в новый поход против франков, спешно отправился осматривать свои крепости, чтобы выяснить, стены каких из них нуждаются в ремонте, и отдать приказы о проведении соответствующих работ.

Мухаммед был последним из выдающихся султанов — представителей династии Сельджукидов. От своего брата Баркиярука он получил государство, пребывавшее в полном упадке, и сумел восстановить порядок в Иране и Ираке, подавив восстание арабов из восточной пустыни, которое они подняли в 1108 г., и сумев обуздать ассасинов. Ему подчинился и халиф аль-Мустазхир, неторопливо писавший любовные стихи в своем багдадском дворце. Однако попытки Мухаммеда изгнать франков из Сирии заканчивались провалом, и он понял: для того чтобы добиться успеха, ему следует распространить свою власть на тамошних исламских правителей, зависть и непослушание которых регулярно становились причинами крушения всех его планов. В феврале 1115 г., поставив во главе Мосула своего сына Масуда, чтобы таким образом заручиться преданностью обитателей этого города, султан отправил на запад многочисленное войско под командованием наместника Хамадана Бурзука ибн Бурзука, которого сопровождали бывший наместник Мосула Джуюш-бек и эмир Синджара Темирбек.

Мусульмане, правившие в Сирии, также были обеспокоены. Единственными его вассалами на этой территории, на которых мог положиться султан, были владельцы Шайзара Мункидиты и эмир Хомса ибн Караджа. Услышав о походе, представитель династии Артукидов Ильгази спешно отправился в Дамаск, чтобы подтвердить свой союз с Тугтегином. Но на обратном пути он попал в засаду, устроенную эмиром Хомса, и был захвачен в плен. Однако последний боялся Тугтегина и отпустил Ильгази при условии, что тот пришлет вместо себя своего сына Айяза. Таким образом Ильгази сумел вернуться в Мардин и созвать войско. Затем он снова отправился на запад, чтобы встретиться там с Тугтегином. Регент Алеппо евнух Лулу, пообещавший помощь обоим правителям, наконец решил, что победа султана его не устроит, и объединился с Тугтегином и Ильгази.

К тому времени князь Антиохии Рожер также собрал свои войска и занял позиции у Железного моста через Оронт. Там он заключил соглашение с Тугтегином (при этом нам неизвестно, кто в данном случае выступил инициатором) и его союзниками и пригласил их вместе со своей армией подойти к Апамее, откуда должен был открыться прекрасный обзор на передвижения Бурзука после того, как его войско переберется через Евфрат и приблизится к Шайзару, где его будут ждать союзники. Войско

франков состояло примерно из 2000 рыцарей и пехотинцев, а армия их мусульманских союзников насчитывала около 5000 человек.

Бурзук, пересекавший во главе многочисленного войска Джебзире, не встретил сопротивления. Он надеялся устроить свою ставку в Алеппо, но, узнав, что Лулу примкнул к противникам и что их возглавляет Тугтегин, повернул на юг, к владениям последнего. С помощью эмира Хомса Бурзуку удалось совершить внезапное нападение на Хаму, принадлежавшую Тугтегину. (Именно там хранилась значительная часть его имущества.) Город был захвачен и разграблен, что не могло не вызывать недовольство местных мусульман. Затем Бурзук направился к франкской крепости Кафр-Таб. Рожер с удовольствием отклонился бы от намеченного маршрута, но Тугтегин убедил его, что это может оказаться слишком рискованным. Вместо этого союзники обратились за помощью к королю Балдуину и графу Триполи Понсу, спешно отправившимся на север, причем первый вел за собой 500 рыцарей и 1000 пехотинцев, а второй — 200 рыцарей и 2000 пехотинцев. Они пришли к лагерю, разбитому у Апамеи, где их встретили как героев.

Бурзук, остановившийся в Шайзаре, решил, что ему следует отойти к Джебзире. Его уловка оказалась весьма удачной. Балдуин и Понс подумали, будто опасность миновала, и вернулись домой, а войска союзников разделились. Это позволило Бурзуку неожиданно вернуться к Кафр-Табу. После непродолжительной стычки он захватил замок и отдал его Мункидитам. Регент Алеппо Лулу, движимый то ли коварством, то ли трусостью, сразу же написал Бурзуку письмо, где просил прощения за совершенные в прошлом грехи и выклянчивал отряд солдат, которые были необходимы ему, чтобы занять Алеппо. Бурзук согласился и отправил ему на помощь Джуюш-бека и его солдат, ослабив таким образом свое войско.

Рожер не распускал свою армию. Он не мог позволить себе ждать помощи ни от короля Балдуина, ни от Понса, ни даже от Тугтегина. Призвав графа Эдессы Балдуина спасти его и попросив патриарха Бернара благословить солдат и одолжить им частицу истинного креста, Рожер 12 сентября вышел из Антиохии и отправился на юг, вверх по течению Оронта, к Шастель-Руж. Тем временем Бурзук двигался на север по пути, параллельному тому, что выбрал Рожер, но проходившему чуть дальше от реки. Ни один из полководцев не знал, где находится другой, пока рыцарь по имени Теодор Берневиль, отправившийся на разведку, не прискакал галопом в лагерь в Шастель-Руж и не сообщил, что видел армию султана, двигавшуюся через лес в сторону холма Тель-Даниф, находившегося неподалеку от города Сармина.

Утром 4 сентября войско франков прокралось через скрывавший их из виду горный хребет и атаковало ничего не подозревавшую армию Бурзука. В авангарде двигались выючные животные, и часть войска уже остановилась, чтобы успеть поставить палатки до полуденной жары. Некоторые эмиры послали своих людей в окрестные крестьянские хозяйства за продовольствием, другие ушли, чтобы занять город Бизаа. В итоге перед самым началом сражения Бурзук остался без своих ключевых помощников.

Во время атаки франки сумели застать врага врасплох. Они внезапно выскочили из-за деревьев и быстро взяли штурмом наполовину развернутый лагерь. Вскоре порядок в войске мусульман был окончательно нарушен. Бурзук никак не мог собрать своих людей. Сам он едва избежал попадания в плен и сумел вместе с несколькими сотнями всадников отойти к выступу холма Тель-Даниф. Там он на протяжении какого-то времени отбивал атаки противника, предпочитая быть убитым во время боя и не нести на своих плечах позор из-за столь бесславного поражения. В конце концов телохранитель убедил Бурзука в том, что им все равно не удастся ничего добиться, и он, спасаясь бегством, поскакал прочь, двигаясь на восток. Эмиру Синджара Темиреку повезло больше — он сумел отеснить правый флаг франков. Однако владетель Харима Ги Френель привел свежие силы; вскоре отряд из Синджара был окружен, и спастись удалось лишь всадникам на самых быстрых конях. К вечеру остатки войска мусульман, позабыв о необходимости соблюдать строй, бежали в сторону Джебзире.

После победы франков в битве при Тель-Данифе султаны Ирана из династии Сельджукидов больше не пытались вернуть Сирию. Через несколько месяцев после этого умер Бурзук, не сумевший пережить стыда и унижения, а султан Мухаммед не хотел рисковать и отказался от мысли о снаряжении нового похода. Теперь из всех правителей, земли которых располагались к востоку от владений франков, угрозой для них представляли лишь полунезависимые эмиры, которые в тот момент были разобщены и удручены. Репутация князя Антиохии Рожера достигла апогея. Его солдаты быстро снова заняли Кафр-Таб, до этого отданный Бурзуком Мункидитами.

Правители Алеппо и Дамаска были серьезно обеспокоены. Тугтегин поспешил примириться с султаном Мухаммедом, который простил его, но в то же время отказался оказывать ему материальную помощь. Евнух Лулу беспомощно наблюдал за тем, как франки укрепляют свои позиции на территориях, располагавшихся по соседству с Алеппо. Он попытался заключить союз с Тугтегином, но к тому времени ему уже никто не верил, вследствие чего в мае 1117 г. Лулу был убит турками, служившими в его

гарнизоне. Его преемником стал другой евнух — отрекшийся от своей веры армянин Ярукташ, тотчас же попытавшийся заручиться поддержкой франков, для чего он отдал Рожеру крепость Аль-Кубба, стоявшую на пути из Алеппо в Дамаск, где останавливались паломники в Мекку, и право взимать с них провозные платежи. Эта уступка не помогла Ярукташу. Убийцы Лулу действовали от имени Султаншаха, младшего сына Ридвана, который не признал бы его право на принятие решений.

Ярукташ обратился за помощью к представителю династии Артукидов Ильгази, но, прибыв в Алеппо, солдаты обнаружили, что Ярукташа уже низвергли, а городом управляет визирь Султаншаха — выходец из Дамаска ибн Малхами. Ильгази увел войско, оставив в Алеппо своего сына Кизила, который должен был выступать в роли его представителя. Кроме того, он захватил крепость Балис, стоявшую на берегу Евфрата, которая в свое время была обещана ему в качестве вознаграждения за помощь и которую он получил бы, если бы аль-Бурзуки, находившийся теперь в Ар-Рабхе и заявлявший, будто султан отдал Алеппо ему, попытался претворить свои притязания в жизнь. Ибн Малхами решил, что Ильгази — слишком ненадежный союзник, передал Алеппо вместе с Кизилом эмиру Хомса Хиркану и стал готовиться к тому, чтобы с помощью франков отвоевать Балис.

Однако заключенный между Ильгази и Тугтегином союз оказался крепким. Последний выдвинулся к Хомсу и вынудил Хиркана отказаться от власти, Ильгази освободил Балис и летом 1118 г. вошел в Алеппо. К тому времени ибн Малхами уже лишил власти чернокожий евнух Караджа, которого представитель династии Артукидов заключил в тюрьму вместе с самим ибн Малхами и Султаншахом. Все правители, участвовавшие в этих военных действиях и интригах, по очереди обращались за помощью к франкам, и, хотя Рожер так и не стал обладателем самого Алеппо, ему удалось занять территории, расположенные к северу от города. Так, в 1118 г. его солдаты заняли Азас, а в самом начале 1119 г. — Бизаа, отрезав таким образом Алеппо от Евфрата и земель, расположенных на востоке.

Примерно в тот же период Рожер укрепил южную границу своих владений, захватив замок Маркаб, стоявший на высоком холме около Банияса.

Таким образом, к концу 1118 г. в Северной Сирии установилось равновесие. Франки получили признание и стали неотъемлемой частью жизни региона. Их все еще было совсем немного, но они были хорошо вооружены, строили крепости и учились приспособливаться к местному образу жизни. Более того, в тот момент они действовали сообща. Князь

Антиохии Рожер стал наиболее влиятельным из христианских правителей на севере, причем граф Эдессы Балдуин или граф Триполи Понс не оспаривали его главенство, так как он не пытался стать их сюзереном, а, как и они сами, признавал верховенство короля Иерусалима Балдуина.

Правители-мусульмане имели численное преимущество, но они были разобщены и завидовали друг другу. От падения в хаос их защищал только союз между правителем Дамаска Тугтегином и представителями династии Артукидов. Таким образом, баланс был слегка смещен в пользу франков, а внешней силы, способной его нарушить, не существовало. Король Иерусалима Балдуин, вынужденный постоянно помнить о потенциальной угрозе со стороны Фатимидов, далеко не всегда мог вмешиваться в события, происходившие на севере. Султан Ирана из династии Сельдукидов после сокрушительного поражения в битве при Тель-Данифе прекратил попытки вернуть себе власть над Сирией. Внимание правителей наиболее влиятельных государств Анатолии: Византии и Сельджукидов из Рума — было сосредоточено друг на друге.

Даже в среде коренных христиан установилось равновесие. Армяне, жившие в Эдессе и Антиохии, лишились иллюзий и перестали быть преданными подданными франков. Однако к тому времени осталось всего несколько независимых армянских государств. Левон, князь из династии Рубенидов, правивший в горах Тавра, не возражал против перспективы сотрудничества с франками. Так, во время осады Азаза он привел отряд солдат на помощь антиохийскому князю Рожеру.

В яковитской церкви произошел раскол. Примерно в 1118 г. возглавлявший ее патриарх Афанасий, престол которого располагался в Антиохии, поссорился с эдесским митрополитом бар-Сабуни — они никак не могли договориться о том, кто получит право распоряжаться рядом священных книг, — и наложил на него интердикт. Бар-Сабуни, решивший насолить своему оппоненту, обратился за помощью к латинскому антиохийскому патриарху Бернару. Тот пригласил Афанасия на собор, который должен был состояться в католическом соборе и во время которого иереи, как он предполагал, решат спор. Афанасий возмутился.

Из-за ошибки переводчика Бернар решил, будто спор между двумя архиереями возник из-за долга, и заявил, что Афанасию следует простить должника. Патриарх, выслушав это решение, легитимность которого он не признавал, пришел в ярость. Афанасий запротестовал, и Бернар приказал наказать его. По совету своего друга Абд аль-Массиха, философа и православного христианина, Афанасий обратился с жалобой к Рожеру, которого во время собора не было в городе. Князь отругал Бернара за то,

что тот вмешался в конфликт, не имевший к нему никакого отношения, и разрешил Афанасию уехать из Антиохии в некогда служивший ему домом монастырь Мар-Варсума, находившийся на территории, принадлежавшей Артукидам, обещавший Афанасию свое покровительство.

Патриарх отлучил бар-Сабуну от церкви и наложил интердикт на яковитскую церковь Эдессы. В итоге многие эдесские христиане-яковиты, лишённые возможности посещать службы в своих храмах, перешли в католичество. Установить мир не удавалось на протяжении многих лет — до самой смерти Афанасия.

Православные священнослужители Антиохии и Эдессы не питали особых симпатий к тому, что ими правят католики, но, в отличие от армян и яковитов, никогда не пытались заигрывать с мусульманами, а лишь мечтали о возвращении под крыло Византии. Однако из-за неприязни к ним армян и яковитов влияние приверженцев православия было сильно ограничено.

В то время как жившие в Эдессе франки вполне обоснованно опасались появления новой опасности на Востоке, для их антиохийских сородичей главным врагом оставалась Византия. Император Алексей не забыл о своих притязаниях на Антиохию. Он был готов смириться с существованием католического государства с центром в Иерусалиме, заплатил щедрый выкуп за франков, попавших в плен к Фатимидам в 1102 г. во время битвы при Рамле, и предоставил свои корабли крестоносцам в 1111 г., когда они стали осаждать Акру (хотя эта осада так и не увенчалась успехом). Король Балдуин, со своей стороны, всегда общался с императором вежливо и обходительно, но отказался заставлять Танкреда выполнять условия Девольского договора. Начиная с 1101 г., когда состоялся неудачный крестовый поход, отношения между франками и византийцами были более натянутыми из-за взаимных подозрений. К тому же в Константинополе не забыли о действиях, предпринятых папой Пасхалием в 1106 г. в защиту Боэмунда.

В то же время Алексей был слишком гибким политиком для того, чтобы позволять обидам влиять на его решения и действия. На протяжении 1111–1112 гг. он несколько раз вступал в переговоры с папой, используя при этом в качестве посредника аббата Монтекассино. Пообещав ликвидировать разногласия между римской и греческой церквями, он убедил власти Рима отдать ему (или его сыну) корону императора Запада и изъявил желание посетить Рим. Пасхалий, который в тот момент никак не мог наладить отношения с императором Генрихом V, был готов заплатить за поддержку со стороны византийцев довольно высокую цену. Однако войны с турками и проблемы со здоровьем не позволили Алексею

претворить задуманное в жизнь.

В 1113 г. в Константинополь приехал архиепископ Милана Петр Гроссолан, чтобы обсудить дела церкви. Однако разгоревшийся между ним и никейским епископом Евстратием теологический спор не способствовал налаживанию отношений между католической и православной церквями. Вполне вероятно, что сам император Алексей не очень серьезно относился к своему грандиозному итальянскому проекту. Дружба с папой была нужна ему в первую очередь для того, чтобы помешать норманнам реализовать амбиции и повысить свой авторитет в глазах католиков, живших на Востоке.

Тем не менее византийцы мало что могли сделать, чтобы вернуть себе Антиохию. Договор, заключенный между императором и Боэмундом, существовал лишь на бумаге. Танкред не только пренебрег им, но и расширил территорию своих владений за счет Византии. Рожер продолжил политику Танкреда. Алексей надеялся, что графы Триполи станут проводниками его интересов в Сирии. Он даже отправил в Триполи деньги, которые планировал потратить на совместные действия. Но после смерти Бертрана его сын Понс заключил союз с правителем Антиохии. Это заставило Бутумита, византийского посла по особым поручениям в государствах франков, потребовать возврата денег, которые были переданы ему только после того, как он пригрозил лишить Триполи продовольствия, доставлявшегося в город с Кипра. Затем он решил вернуть Понсу драгоценности, подаренные Бертрону лично. Взамен Понс принес императору клятву верности, смысл которой, вероятно, сводился к непричинению вреда и которую до этого давал Боэмунд. На деньги, переданные Бутумитом, Константинополь закупил в Дамаске, Эдессе и Аравии коней для своего войска.

Всем было понятно, что Понса невозможно обманом или посулами заставить действовать против Антиохии, а угроза со стороны турок не позволяла императору напрямую вмешаться в события, происходившие в Сирии. После того как в 1106 г. умер представитель династии Данишмендидов Малик Гази Гюмюштекин, а в 1107 г. скончался представитель династии Сельджукидов Кылыч-Арслан, выдающихся правителей-турок в Анатолии не осталось. Это позволило Алексею медленно, поскольку периодически его отвлекали норманны, восстановить свою власть над ее западными областями и в местности вдоль южного побережья.

Наиболее влиятельными из мусульманских эмиров стал правитель Каппадокии Хасан, попытавшийся в 1110 г. совершить набег на

территорию Византии, целью которого являлась Смирна, причем ему даже удалось дойти до Филадельфии. Незадолго до этого Евматий Филокал был назначен командиром наземных войск в Юго-Западной Анатолии, которым было приказано очистить местность от турок. Несмотря на немногочисленность имевшихся в его распоряжении вооруженных сил, он сумел заставить войско Хасана врасплох, когда оно было разделено на несколько отрядов, которые византийцы разбили по очереди. Хасан спешно отступил, и побережье Эгейского моря перестало подвергаться набегам.

В том же году персы освободили из плена старшего сына Кылыч-Арслана Малик-шаха. Он сделал своей столицей Конью и вскоре, одержав победу над Хасаном и захватив его владения, получил значительную часть своего законного наследства. Наученный горьким опытом отца, он старался не осложнять ситуацию, сложившуюся на Востоке. Однако, набравшись сил, Малик-шах принялся возвращать земли, потерянные Кылыч-Арсланом во время Первого крестового похода. В первые месяцы 1112 г. он вступил на территорию империи и направился в сторону Филадельфии, где ему дал отпор византийский военачальник Гаврас. Он попросил о мире, но в 1113 г. снова перешел в наступление, спешно организовав поход, участники которого пересекли Вифинию и добрались до самой Никеи, а военачальник Малик-шаха Мухаммед проник еще дальше на запад, где сумел победить византийского полководца и захватить его в плен. Другой его военачальник по имени Маналух совершил набег на расположенный на берегу Геллеспонта Абидос, славившийся богатством своих таможен. Сам Малик-шах совершил атаку на Пергам и сумел захватить его.

Император выдвинулся во главе войска навстречу захватчикам, но затем решил подождать, когда они, нагруженные добычей, отправятся в обратный путь. Он двинулся на юг, миновал Дорилей и атаковал Малик-шаха возле Котеона. Одержав сокрушительную победу, Алексей вернул все награбленное представителем династии Сельджукидов и его солдатами имущество и освободил людей, захваченных ими в плен. В 1115 г. пошли слухи о том, что Маликшах собирается отправиться в новый поход на Византию, и это заставило Алексея провести большую часть года на холмах Вифинии. Через год, когда он уже был тяжело болен, император решил перейти в наступление. Он вместе со своим войском отправился на юг, двигаясь в сторону Коньи, встретил армию турок возле Филомилия. И снова Алексею удалось одержать победу. Малик-шах был вынужден подписать мирный договор, согласно условиям которого он обещал не нарушать границы Византии, получившей контроль над всем побережьем

от Трапезунда до Селевкии, расположенной в Киликии, и внутренними районами к западу от Анкары, Соленой пустыней и Филомилием.

Попытка Малик-шаха вернуть потерянные территории провалилась, а через несколько месяцев его брат Масуд, заключивший союз с Данишмендидами, сверг Малик-шаха с престола и убил его. Однако турки все еще контролировали центральную часть Анатолии, а византийцы не могли проводить эффективные операции в Сирии. Наибольшую выгоду из этих войн извлекли армяне, жившие в районе Тавра, и франк, княживший в Антиохии.

Часть вторая. Расцвет

Глава 1. Король Балдуин II

*Я поставлю царский престол твой над Израилем
вовек...*

Третья Книга Царств, 9: 5

Балдуин I пренебрег последней обязанностью короля — он не дал распоряжений относительно того, кто должен занять престол после его смерти. Узнав о кончине правителя, спешно собрались королевские советники. Некоторые представители знати не могли даже помыслить о том, что корона окажется в руках человека, не являющегося представителем Булонской династии. Балдуин I унаследовал трон после смерти своего брата Готфрида. В живых оставался еще один брат, на этот раз старший. Его звали Евстахий, и был он графом Булони. В Европу были спешно отправлены гонцы, призванные сообщить графу о смерти брата и попросить его принять наследство. Евстахий не жаждал покидать свои владения, где жизнь была столь приятной, ради опасных земель на Востоке, но посланники заявили ему, что таков его долг, и в итоге он отправился в Иерусалим. Однако по прибытии в Апулию граф встретил других гонцов, сообщивших ему, что он опоздал и на престол уже взошел другой человек. Евстахий решил, что ему не следует продолжать путешествие и бороться за свои права, и не без удовольствия отправился обратно в Булонь.

На самом деле сторонниками восшествия Евстахия на престол были совсем немногие члены совета. Он находился слишком далеко от Иерусалима, а значит, период междоцарствия мог растянуться на долгие месяцы. Наиболее влиятельным из советников был Жослен де Куртене, князь Галилеи, потребовавший передать трон графу Эдессы Балдуину де Буру. Он осторожно отметил, что у него самого нет оснований любить Балдуина, ибо тот оболгал его, обвинив в предательстве, и изгнал из принадлежавших ему владений на севере. Однако Балдуин, как заявил Жослен, доказал всем, что является человеком талантливым и храбрым и к тому же приходится покойному королю двоюродным братом. Кроме того, он был последним из оставшихся в живых выдающихся участников Первого крестового похода. Жослен также рассчитывал на то, что если Балдуин уедет из Эдессы, чтобы занять иерусалимский трон, то самым скромным вознаграждением двоюродному брату, столь щедро

отплатившему ему за бессердечие, станет власть над Эдессой.

Жослена поддержал патриарх Арнульф, и вместе они сумели убедить других членов совета. Будто бы подтверждая вескость их аргументов, в день похорон короля в Иерусалим неожиданно прибыл Балдуин де Бур. Возможно, он узнал о болезни короля и поэтому решил отправиться в пасхальное паломничество по святым местам. Представители иерусалимской знати были рады его приезду и единогласно избрали его королем. В Пасхальное воскресенье, которое в 1118 г. пришлось на 14 апреля, патриарх Арнульф возложил на голову Балдуина корону.

По человеческим качествам Балдуин II значительно отличался от своего предшественника. Ему, довольно красивому обладателю длинной светлой бороды, не хватало безграничного обаяния Балдуина I. Он был более дружелюбным, добродушным балагуром, но в то же время человеком весьма проницательным, коварным, менее открытым, менее безрассудным и более сдержанным. Зачастую способный на широкие жесты, в целом он был человеком мелочным и скаредным. Несмотря на некоторую властность, которую новый король допускал в отношениях со священнослужителями, он отличался искренним благочестием, его колени постоянно покрывали мозоли, ибо он проводил на них долгие часы молитв. В отличие от Балдуина I, в личной жизни он был безупречен. Балдуин II и его жена, армянка Морфия, представляли собой столь редкое на Востоке олицетворение истинного семейного счастья.

В качестве вознаграждения за труды Жослен получил титул графа Эдессы, который он должен был носить как вассал короля Балдуина, подобно тому как некогда сам Балдуин был вассалом прежнего короля. Своим сюзереном нового правителя также признали князь Антиохии Рожер, женатый на его сестре, и граф Триполи Понс. Король Иерусалима, как и прежде, объединял под своей властью франков Востока^[6].

Через две недели после коронации Балдуина скончался патриарх Арнульф. Он был верным и деятельным слугой государства, но, несмотря на свое мастерство проповедника, был вовлечен в слишком большое число скандалов для того, чтобы его уважали как священнослужителя. Вряд ли Балдуин сильно жалел о смерти Арнульфа. Король обеспечил избрание на патриарший престол священника из Пикардии по имени Вармунд из Пикийи. Мы ничего не знаем о том, как этот человек жил, прежде чем стать патриархом. Выбор оказался более чем удачным, ибо Вармунд сочетал в себе практичность Арнульфа с праведностью и пользовался повсеместным уважением. Благодаря этому назначению и предшествовавшей ему смерти папы Пасхалия отношения между

Иерусалимом и Римом удалось наладить.

Едва Балдуин занял трон, как до него дошла ничего хорошего не предвещавшая новость о том, что правители Египта и Дамаска заключили друг с другом союз. Визирь Фатимидов аль-Афдаль жаждал отомстить франкам за дерзкое вторжение Балдуина I в Египет, а владельца Дамаска Тугтегина беспокоила их возрастающая мощь. Балдуин спешно направил к последнему посольство, но тот, уверенный, что египтяне предоставят ему помощь, потребовал, чтобы франки отдали ему все свои владения за Иорданом. Летом к границе подошло многочисленное египетское войско, вскоре занявшее позиции у Ашдода, а Тугтегину предложили взять на себя командование. Балдуин созвал ополчение из Антиохии и Триполи, которое должно было пополнить армию Иерусалима, и во главе объединенного войска отправился на юг, навстречу врагу. На протяжении трех месяцев армии просто стояли друг напротив друга — ни один из военачальников не осмеливался дать команду к атаке, ибо все, как писал Фульхерий Шартрский, желали жить и не хотели умирать. В конце концов солдаты обеих армий разошлись по домам.

Южная Сирия в XII в.

Тем временем отъезд Жослена в Эдессу откладывался. В Галилее он был нужен гораздо больше, чем на севере, где, судя по всему, оставалась королева Морфия, а во главе государства стоял владетель Биреджика Валеран. Как князь Галилеи Жослен должен был защищать свои владения от нападений из Дамаска. Осенью вместе с присоединившимся к нему Балдуином князь отправился в поход против Дераа, что в области Авран, считавшегося житницей Дамаска. Сын Тугтегина Бури вышел им навстречу во главе войска, но из-за своей неосмотрительности потерпел сокрушительное поражение. После этого Тугтегин снова стал обращать внимание на события, происходившие на севере.

Весной 1119 г. Жослен узнал, что в Трансиордании, неподалеку от реки Ярмук, пасет скот богатое арабское племя. Вместе с двумя крупнейшими галилейскими баронами: братьями Готфридом и Гильомом де Бюр — и в сопровождении примерно ста двадцати всадников он отправился в поход, надеясь ограбить арабов. Франки разделились, чтобы окружить своих жертв, но ситуация стала развиваться совсем не так, как было запланировано. Вождь бедуинов знал о готовившемся нападении, а Жослен заблудился в холмах. Готфрид и Гильом, скакавшие к лагерю, чтобы напасть на него, сами попали в засаду. Готфрид погиб, а большинство его людей попало в плен. Расстроенный Жослен вернулся в Тверию и отправил гонца к королю Балдуину, который прибыл в Трансиорданию во главе войска и с помощью угроз заставил бедуинов освободить пленников и заплатить компенсацию. После этого им позволили мирно существовать.

Когда Балдуин, возвращавшийся из этого непродолжительного похода, остановился в Тверии, к нему прибыли посланники из Антиохии, умолявшие его как можно быстрее отправиться вместе со своим войском на север.

С тех пор как князь Антиохии Рожер одержал победу в битве при Тель-Данифе, несчастный Алеппо не мог предотвратить агрессию франков. Его жители неохотно согласились считать своим покровителем представителя династии Артукидов Ильгази, но, после того как в 1119 г. Рожер захватил Бизаа, Алеппо оказался окружен со всех сторон. Ильгази не мог закрыть глаза на потерю Бизаа. Прежде ни сам он, ни его постоянный союзник — владетель Дамаска Тугтегин — не готовы были рисковать всем ради того, чтобы сразиться с франками, так как оба они больше, чем крестоносцев, боялись и ненавидели правивших на Востоке султанов из династии

Сельджукидов.

Однако в апреле 1118 г. умер султан Мухаммед, и его смерть позволила всем правителям и наместникам, жившим на территории его державы, вспомнить о собственных амбициях. Его младший сын и преемник Махмуд изо всех сил старался упрочить свою власть, но в конце концов в августе 1119 г. был вынужден отречься от нее в пользу своего дяди Санджара, бывшего царем Хорсана, и провести остаток жизни (оказавшейся весьма недолгой), предаваясь охоте. Санджар, последний из представителей династии, правивший всеми восточными владениями Сельджукидов, оказался достаточно сильным правителем, но интересовал его в первую очередь Восток — он никогда не стремился завладеть землями, расположенными в Сирии. Они не привлекали и его двоюродных братьев — султанов из Рума, занятых конфликтами друг с другом и с Данишмендидами, а также войнами с Византией, у которых при этом было больше возможностей для вмешательства в события, происходившие в Сирии. Ильгази, наиболее упорному из всех местных правителей, наконец подвернулся шанс. При этом он стремился не столько уничтожить франкские государства, сколько сохранить свою власть в Алеппо. Однако теперь для исполнения второго его желания требовалось претворить в жизнь первое.

На протяжении весны 1119 г. Ильгази ездил по своим владениям, собирал воинов-туркмен и договаривался о предоставлении отрядов с курдами и арабскими племенами, жившими в Сирийской пустыне. Для проформы он также обратился за помощью к султану Махмуду, но ответа так и не дождался. Союзник Ильгази Тугтегин согласился выйти ему навстречу из Дамаска, а Мункизиды из Шайзара пообещали совершить отвлекающий маневр у южной границы владений Рожера. В конце мая армия Артукида, состоявшая, согласно источникам, из 40 000 солдат, отправилась в путь. Рожер спокойно отнесся к новости о приближении противника, но патриарх Бернар стал уговаривать его обратиться за помощью к королю Балдуину и графу Триполи Понсу. Находившийся в Тверии Балдуин прислал сообщение о том, что прибудет, как только сможет, и приведет с собой войско Триполи, а до этого Рожеру следует ждать и быть настороже. Балдуин собрал войско в Иерусалиме и, взяв с собой частицу истинного креста, забота о которой была поручена архиепископу Кесарии Эвремару, отправился в путь.

Тем временем Мункизиды совершили набег на Апамею, а Ильгази отправил отряд туркмен на юго-запад, чтобы потом объединиться с ними и с армией, которая должна была прибыть из Дамаска. Сам он во главе

основного войска вторгся на территорию Эдессы, но так и не попытался захватить ее прекрасно укрепленную столицу. В середине июня Ильгази пересек Евфрат в районе Балиса и подошел к Киннасрину, расположенному примерно в 15 милях (25 км) к югу от Алеппо, где разбил лагерь и стал ждать Тугтегина.

Рожер оказался менее терпеливым. Несмотря на послание от короля Балдуина, предупреждение патриарха Бернара и весь опыт, накопленный франкскими правителями, он решил вступить в бой с врагом, никого не дожидаясь. В итоге 20 июня он во главе всей армии Антиохии, состоявшей из 700 всадников и 4000 пехотинцев, перешел Железный мост и велел своим солдатам разбить лагерь возле небольшой крепости в Тель-Акибрине, у восточного края равнины Сармада, где холмистая местность могла послужить естественным укрытием для целой армии. Хотя вражеское войско значительно превосходило его армию по численности, Рожер надеялся, что сумеет дожидаться прибытия Балдуина.

Передвижения армии Рожера не были тайной для находившегося в Киннарине Ильгази. Его шпионы под видом купцов проникли в лагерь франков и сообщили ему обо всех слабых местах войска противника. Сам Ильгази хотел дожидаться прибытия Тугтегина, но туркменские солдаты уговаривали его начать действовать. В итоге 27 июня часть его армии двинулась к Атарибу, чтобы атаковать франкский замок. Рожер успел спешно отправить туда часть своих солдат под командованием Робера де Вьё-Пон. После этого он, обеспокоенный тем, что враг находится слишком близко, после наступления темноты велел отправить все ценности, находившиеся при войске, в замок Артах, стоявший на пути в Антиохию.

На протяжении всей ночи взволнованный Рожер ждал новостей о передвижениях противника, в то время как покой его солдат нарушил некий лунатик, бегавший по лагерю и кричавший об ожидавших их бедствиях. В воскресенье 28 июня на рассвете разведчики сообщили князю, что его франкский лагерь окружен. С юга дул горячий и изматывающий хамсин. В самом лагере осталось совсем мало пищи и воды. Рожер понял, что франкам следует попытаться прорваться сквозь вражеские ряды или погибнуть. Воинов сопровождал архиепископ Апамеи по имени Петр, первый франкский епископ на Востоке, прежде бывший архиепископом Альбары. Он созвал солдат, прочитал им проповедь и исповедовал всех их. Рожера священнослужитель исповедовал в палатке, отпустив его многочисленные грехи. Затем Рожер заявил, что собирается отправиться на охоту. Но сначала он послал на разведку еще один отряд, который попал в засаду. Те немногие, кому удалось выжить, вернулись в

лагерь и сообщили, что выйти из окружения не удастся. Тогда Рожер разделил войско на пять частей, одну из них оставив в резерве. Затем епископ снова благословил всех солдат, и они, поддерживая строй, ринулись на врага.

Затея была безнадежной с самого начала. Пробриться сквозь многочисленных туркменских всадников и лучников было невозможно. Первыми панике поддались спешно набранные в армию сирийцы и армяне, но бежать им было некуда. Они толпились на пути всадников, мешая лошадям. Ветер внезапно стал дуть с севера и усилился, и в лица франков полетела пыль. В самом начале сражения отряду, состоявшему менее чем из сотни солдат, удалось пробиться через ряды противника и присоединиться к солдатам Робера де Вьё-Пон, слишком поздно вернувшимся из Атарибу и не успевшим принять участие в битве. Вместе они бежали в Антиохию. Чуть позже в сопровождении нескольких рыцарей сумел бежать Рейнальд Мазор. Они добрались до небольшого городка Сармады, расположенного на равнине. Больше никто из антиохийских солдат не выжил. Сам Рожер погиб, сражаясь у подножия прекрасно украшенного креста. Рядом с ним пало большинство его рыцарей, за исключением нескольких, которым повезло меньше и которые были взяты в плен. К полудню битва была окончена. Франки называли этот бой *Ager Sanguinis*, или Битвой на Кровавом поле.

Мусульмане, находившиеся в Алеппо, расположенном в 15 милях (24 км) от поля боя, с нетерпением ждали новостей. Примерно в полдень стали ходить слухи о том, что приверженцы ислама одержали великую победу, а в час после дневной молитвы жители Алеппо увидели, как к городу приближаются первые ликующие солдаты. Ильгази задержался на поле боя, разделил между своими людьми добычу, а затем отправился к Сармаде, где ему сдался Рейнальд Мазор. Гордая осанка Рейнальда произвела на Ильгази впечатление, и он пощадил рыцаря, все товарищи которого были убиты. Закованных в цепи пленных франков победители тащили за собой через всю равнину. Пока Ильгази вел переговоры с Рейнальдом, туркмены пытали и убивали их прямо среди виноградников до тех пор, пока их не остановил Ильгази, который не хотел, чтобы жители Алеппо пропустили все веселье. Оставшихся в живых пленников отправили в Алеппо, куда Ильгази торжественно вошел на закате, и всех их замучили до смерти прямо на улицах города.

Когда Ильгази праздновал в Алеппо победу, о поражении узнали в Антиохии. Жители города думали, что на них вот-вот нападут туркмены, а солдат, которые могли защитить их, в Антиохии не осталось. Для того

чтобы избежать кризиса, патриарх Бернар взял управление городом на себя. Он опасался предательства со стороны местных христиан, которых сам же до этого настроил против себя. Патриарх тотчас же отправил к ним стражников, которые должны были забрать у них все оружие, и потребовал, чтобы они соблюдали комендантский час. Затем Бернар распределил все найденное оружие между франками — священнослужителями и купцами и приказал им следить за городскими стенами. Они дежурили днем и ночью. Тем временем к королю Балдуину был отправлен гонец, который должен был попросить его поспешить.

Однако Ильгази не стал закреплять свою победу. Он написал правителям-мусульманам письма, где сообщил о своей победе. В ответ халиф отправил ему одеяние чести и наградил его титулом звезды религии. Сам Ильгази выдвинулся к Артаху. Епископ, командовавший в одной из башен, отдал ее в обмен на обещание, что мусульмане не тронут Антиохию. Однако некий Иосиф, который, возможно, был армянином и отвечал за цитадель, где хранились ценности, укрытые Рожером, сказал Ильгази в том, что сам он готов сотрудничать с мусульманами, но его сын живет в Антиохии в качестве заложника. Этот рассказ произвел на Ильгази впечатление, и он оставил Артах под командованием Иосифа, оставив в городе в качестве своего представителя одного из эмиров. Он вернулся в Алеппо, где стал устраивать многочисленные празднества, из-за которых его здоровье пошатнулось. Туркменов он отправил в окрестности Антиохии, где они должны были совершать набеги и разграбить порт Святой Симеон. Они сообщили Ильгази, что сам город слишком хорошо укреплен. Таким образом мусульмане не сумели воспользоваться победой, одержанной в Битве на Кровавом поле.

Тем не менее франки оказались в весьма затруднительном положении. Когда Балдуин узнал о поражении, он уже успел дойти до Латакии, да и Понс уже был недалеко от короля. Он стал двигаться еще быстрее и даже не остановился для того, чтобы напасть на неукрепленный лагерь туркменов, стоявший возле дороги, и в первых числах августа прибыл в Антиохию. Ильгази приказал части своего войска перехватить армию графа Триполи, но Понс, отстававший от Балдуина на день, отбил нападение, сумев даже не слишком сильно задержаться. Короля встретили его сестра, вдовствующая княгиня Сесилия, патриарх и все горожане, не скрывавшие своей радости, а в соборе Святого Петра провели благодарственный молебен.

Сначала Балдуин очистил пригороды от мародеров, а затем встретился с представителями городской знати, чтобы поговорить с ними о том, кто

будет править в Антиохии. Законному князю Боэмунду II, право которого на престол Рожер всегда признавал, было всего 10 лет, и он жил вместе с матерью в Италии. На Востоке не осталось ни одного высокопоставленного норманна — все норманнские рыцари погибли в Битве на Кровавом поле. В итоге было принято решение о том, что Балдуин, как сюзерен всех франков Востока, будет править Антиохией самостоятельно до тех пор, пока Боэмунд не достигнет совершеннолетия и не женится на одной из дочерей короля.

Затем Балдуин перераспределил находившиеся на территории княжества лены, оставшиеся после сражения без феодалов. Вдов погибших рыцарей старались по возможности выдавать замуж за рыцарей Балдуина или тех, кто недавно прибыл с Запада. Свои владения между феодалами перераспределили и две вдовствующие княгини: вдова Танкреда, успевшая стать графиней Триполи, и вдова Рожера. Примерно в то же время Балдуин перераспределил и феодалы, находившиеся на территории Эдессы, а Жослен, пришедший с королем из Палестины, снова был назван ее графом. Убедившись, что система управления княжеством восстановлена, и возглавив процессию, участники которой босиком прошли до собора, Балдуин во главе войска, состоявшего из примерно 700 всадников и около 1000 пехотинцев, отправился сражаться с мусульманами.

Ильгази успел объединить силы с Тугтегином, и 11 августа мусульманские правители отправились в поход, чтобы захватить крепости франков, находившиеся к востоку от Оронта, начиная с Атариба, немногочисленный гарнизон которого сразу же сдался в обмен на обещание безопасности для Антиохии. На следующий день эмиры отправились к Зердане, владетель которой Робер Прокаженный находился в Антиохии. Местный гарнизон также сдался в обмен на обещание мусульман сохранить солдатам жизнь. Однако едва они вышли за ворота крепости, как их перебили туркмены.

Балдуин надеялся, что Атариб удастся спасти, но, едва перейдя Железный мост, встретил солдат, некогда служивших в гарнизоне этой крепости. Он отправился на юг и узнал об осаде Зерданы. Заподозрив, что мусульмане двинутся дальше на север, чтобы разделаться с замками, окружавшими Мааррат-эн-Нууман и Апамею, он ускорил темп и разбил 13-го числа лагерь у Данифа, того самого, где в 1115 г. Рожер одержал столь блестящую победу. Когда наступило раннее утро следующего дня, Балдуину сообщили о том, что Зердана пала, и он решил отойти чуть ближе к Антиохии. Тем временем Ильгази нагнал франков и решил застать их врасплох, когда они спали в лагере, разбитом у деревни Хаб. Но Балдуин

был готов к такому развитию событий. Он успел исповедоваться, а архиепископ Кесарии уже выступил перед солдатами с речью и благословил их с помощью истинного креста. Таким образом, армия была готова к бою.

Состоявшаяся после этого битва оказалась довольно беспорядочной. Каждый из противников впоследствии заявлял, будто победу одержал именно он. Однако в действительности для франков ее исход оказался более удачным. Тугтегин оттеснил солдат графа Триполи Понса, стоявших в правом фланге армии франков, но они сумели удержать строй. Сражавшийся рядом Робер Прокаженный прорвался через ряды солдат из Хомса, охваченный страстным желанием вернуть Зердану, но попал в засаду и оказался в плену. Однако центр и левый фланг войска франков сумели удержать свои позиции, а в решающий момент Балдуин смог выставить против врага солдат, еще не участвовавших в битве и, соответственно, сохранивших силы. Многие туркмены обратились в бегство, но основная часть армии Ильгази покинула поле боя, сохраняя строй. Ильгази и Тугтегин отошли к Алеппо, ведя за собой множество пленников, что позволило им сообщить мусульманам об одержанной ими победе.

Жители Алеппо снова с радостью наблюдали за массовым истреблением христиан. Но Ильгази, остановивший избиение, чтобы испытать нового коня, вдруг вспомнил, что лишается большого количества денег, которые он мог бы получить в качестве выкупа. Робера Прокаженного спросили, сколько за него могут дать, и он ответил, что за него заплатят 10 000 золотых слитков. Ильгази понадеялся, что, отправив Робера к Тугтегину, он сможет увеличить эту сумму. Однако последний еще не удовлетворил свою жажду крови. Несмотря на то что начиная с 1115 г. он поддерживал дружеские отношения с Робером, Тугтегин самолично отрубил ему голову, чем сильно огорчил Ильгази, которому были нужны деньги, чтобы заплатить солдатам.

Солдаты из армии Понса, бежавшие в Антиохию, рассказали о поражении. Однако вскоре к княгине Сесилии прибыл гонец, который привез с собой кольцо короля, сообщив таким образом о победе. Сам Балдуин не пытался преследовать войско мусульман. Вместо этого он отправился на юг, к Мааррат-эн-Нууману и Русе, занятой Мункизидами из Шайзара. Король сумел вытеснить их, но затем заключил с ними мирный договор, освободив их от некогда установленной Рожером обязанности ежегодно платить подати. Балдуину также удалось вернуть и остальные крепости, захваченные мусульманами, за исключением Биреджика,

Атариба и Зерданы. Затем он торжественно вернулся в Антиохию и отправил священный крест на юг. Его должны были успеть привезти в Иерусалим к празднику Крестовоздвижения, который приходился в том году на 14 сентября. Сам король провел зиму в Антиохии, занимаясь делами, начатыми еще до сражения с мусульманами. В декабре он отправился обратно в Иерусалим, велел патриарху Бернару управлять Антиохией от его имени и подтвердив право Жослена на титул графа Эдессы. По дороге король забрал из Эдессы жену и маленьких дочерей. Морфия была коронована в Вифлееме во время рождественского богослужения.

Ильгази не осмеливался снова напасть на франков. Его войско рассеивалось. Туркмены участвовали в сражении только ради возможности пограбить, а после битвы при Тель-Данифе они бездействовали, им стало скучно, да и Ильгази задолжал им. Вследствие этого они отправились домой, а вместе с ними ушли и увели своих людей арабские вожди из Джебзире. Ильгази не мог помешать им. При этом сам он снова заболел и на протяжении 14 дней находился на волоске от смерти. Выздоровев, он понял, что заново собирать войско уже поздно. Из Алеппо он вернулся в Мардин, свою восточную столицу, а Тугтегин отправился обратно в Дамаск.

Таким образом сошла на нет выдающаяся военная кампания Артукида, в результате которой мусульмане не получили каких-либо существенных приобретений, за исключением нескольких приграничных крепостей и того, что франки ослабили давление на Алеппо. Однако в то же время эта победа имела для мусульман большое моральное значение. Отраженное нападение при Тель-Данифе не перевесило победу, одержанную в Битве на Кровавом поле. Если бы Ильгази был более талантливым и проворным, то сумел бы захватить Антиохию. В то же время убийство норманнских рыцарей во главе с князем воодушевило эмиров Джебзире и Северной Месопотамии, сумевших избавиться от опеки своего формального персидского сюзерена из династии Сельджукидов, — теперь они снова были готовы к нападению на франков. Вскоре на историческую сцену должен был выйти человек более выдающийся, чем Ильгази.

Самым плачевным последствием этой кампании для франков стала чудовищная потеря человеческих ресурсов. Заменить рыцарей и еще более многочисленных пехотинцев, погибших на Кровавом поле, было непросто. Но жившие на Востоке франки усвоили урок, осознав, что отныне должны сотрудничать друг с другом и действовать только сообща. Антиохию спасло вмешательство короля Балдуина, сумевшего быстро прийти ей на помощь,

и все франки с готовностью признавали его своим сюзереном. Случившаяся катастрофа сплотила государства франков, расположенные в Сирии.

Вернувшись в Иерусалим, Балдуин занялся управлением собственным государством. Титул князя Галилеи получил Гильом де Бюр, члены семьи которого впоследствии продолжали управлять этим княжеством. В январе 1120 г. король созвал священнослужителей и ключевых вассалов, располагавшихся на территории королевства, в Наблус, где они должны были принять участие в заседании совета и поговорить о нравственном состоянии его подданных. (Поселенцы-католики с удовольствием перенимали неспешный и расслабленный образ жизни коренного населения.)

В то же время Балдуина беспокоило и материальное благополучие этих людей. В правление Балдуина I католиков активно призывали переехать в Иерусалим, и многие из них действительно поселились там, и в королевстве наряду с воинами и священнослужителями появились многочисленные представители класса буржуазии. Теперь эти католикибуржуа получили полную свободу торговли как в самом городе, так и за его пределами. Для того чтобы обеспечить Иерусалим продовольствием, местным торговцам-христианам, в свою очередь, было позволено привозить в город овощи и зерно, не оплачивая при этом ввозные пошлины.

Наиболее важным из событий, произошедших в те годы внутри королевства, стало создание военизированных орденов. В 1070 г. несколько благочестивых жителей Амальфи основали в Иерусалиме гостиницу, где могли остановиться бедные паломники. Египетский наместник, управлявший городом в тот период, разрешил посланнику из Амальфи выбрать место, наиболее подходящее для подобного заведения, которое было посвящено Иоанну Милостивому, жившему в VII в. александрийскому патриарху, прославившемуся своей благотворительной деятельностью. Трудились в гостинице в основном жители Амальфи, давшие монашеские обеты. Руководил ими магистр, который, в свою очередь, подчинялся представителям бенедиктинцев в Палестине. Когда крестоносцы захватили Иерусалим, магистром был некий Жерар, вероятно происходивший из Амальфи. Вместе с товарищами по вере он был изгнан из Иерусалима мусульманским наместником еще до начала осады, и его знания местного образа жизни и обстановки оченьгодились крестоносцам. Жерар сумел убедить новых правителей-франков сделать пожертвование госпиталю, где теперь трудились многие паломники. Вскоре

госпиталь перестал подчиняться бенедиктинцам, и на его основе образовался новый орден — госпитальеров, руководил которым непосредственно папа. Госпиталь получил еще больше земельных владений, а наиболее влиятельные священнослужители отдавали ему десятую часть своих доходов.

Умер Жерар примерно в 1118 г. Его преемник Раймонд де Пюи мыслил более масштабно. Он решил, что члены его ордена должны не только сопровождать паломников и развлекать их, но и при необходимости сражаться, чтобы все желающие могли отправиться в паломничество, не подвергаясь при этом никаким опасностям по пути. В составе ордена все еще оставались братья, выполнявшие сугубо мирные функции, но теперь его основой стал отряд рыцарей, давших клятвы бедности, целомудрия и послушания и посвятивших свою жизнь борьбе с безбожниками. Примерно в то же время святым покровителем ордена вместо Иоанна Милостивого стал Иоанн Богослов. Возможно, таким образом госпитальеры стремились утвердить изменение своего статуса. Отличительным знаком госпитальеров стало изображение белого креста на туниках, которые они носили поверх доспехов.

Этим изменениям способствовало появление примерно в то же время ордена тамплиеров. Возможно, мысль о том, что рыцарский орден должен быть одновременно военным и религиозным, впервые пришла в голову рыцарю из Шампани Гуго де Пейну, уговорившему в 1118 г. короля Балдуина I разрешить ему самому и нескольким его соратникам поселиться в крыле королевского дворца, ранее бывшего мечетью Аль-Акса и расположенного на Храмовой горе. Подобно госпитальерам, тамплиеры поначалу находились в зависимости от бенедиктинцев, но очень быстро стали независимым орденом, члены которого делились на три разряда: рыцарей, обладавших благородным происхождением; оруженосцев, набравшихся из числа представителей буржуазии, выполнявших также роль конюхов и управляющих; и священнослужителей — капелланов, задачи которых не были напрямую связаны с военным делом. Их символом стал красный крест, изображенный на белой тунике рыцарей и черной — оруженосцев. Главной обязанностью членов ордена стала охрана дороги, ведущей от побережья к Иерусалиму, от разбойников, но вскоре они стали принимать участие во всех военных кампаниях королевства. Сам Гуго провел большую часть жизни в Западной Европе, где призывал людей присоединиться к ордену.

Король Балдуин полностью поддерживал деятельность военных орденов. При этом подчинялись они не ему, а папе. Даже то, что и сам он, и

его вассалы жертвовали орденам обширные земельные владения, не накладывало на их членов обязательство служить в королевской армии. Однако соперничать с королем смогло только следующее поколение членов орденов, так как только к тому времени тамплиеры и госпитальеры сумели накопить достаточно богатств. До этого они предоставляли правителю то, что ему было нужнее всего, — прекрасно подготовленных солдат для войска, которые всегда были под рукой. Если в лене, принадлежавшем мирянам, внезапно умирал феодал, наследниками которого оказывались женщина или ребенок, то, как правило, он на какое-то время прекращал снаряжать солдат для королевской армии, вследствие чего взволнованному сюзерену приходилось брать на себя весьма утомительное занятие. В случае необходимости он также не мог заменить погибших феодалов на тех, кто недавно прибыл с Запада. В то же время благодаря военным орденам с их жесткой иерархией и престижем, которым они пользовались в среде христиан-католиков, правитель всегда располагал запасом прекрасно подготовленных воинов, которые не станут отвлекаться на мысли о реализации личных амбиций или о получении наживы.

В 1120 г. Балдуин вернулся в Антиохию. На территорию княжества стал совершать набеги Булак, назначенный Ильгази наместником Атариба, а сам Ильгази тем временем выступил в поход против Эдессы. Их обоих удалось остановить, но последний сумел дойти до окрестностей Антиохии. Взволнованный этим патриарх отправил в Иерусалим письмо, адресованное королю, и в июне Балдуин выдвинулся на север, снова взяв с собой истинный крест (чем вызвал недовольство иерусалимских священнослужителей, не желавших рисковать своей драгоценной реликвией). Армию сопровождал сам патриарх Вармунд, который должен был присматривать за реликвией.

Прибыв на север, Балдуин узнал, что Ильгази, лишившись покинувших его войско туркмен, дал приказ отступить. Мусульмане были настолько взволнованы, что призвали Тугтегина в Алеппо. Во время последовавшей за этим военной кампании каждый из противников то отступал, то снова переходил в наступление. Когда мусульмане наконец устали, Тугтегин вернулся в Дамаск, а Ильгази заключил с Балдуином перемирие. Они решили провести четкую границу между своими владениями, которая где-то прошла через мельницу, а где-то через замок. Эти здания правители по обоюдному согласию решили уничтожить. Зердана, остававшаяся во власти мусульман, также была разобрана. В начале следующей весны Балдуин, одержавший моральную победу над приверженцами ислама, не пролив при этом ни единой капли крови,

вернулся домой. Теперь он был нужен на юге, так как Тугтегин, решив, что король с головой ушел в проблемы, возникшие на севере, вторгся в Галилею. В отместку ему в июле 1121 г. Балдуин пересек Иордан и разграбил Джавлан, захватил и разрушил крепость, построенную Тугтегином в Джераше. Тем временем Жослен совершил весьма прибыльный набег на принадлежавшие Ильгази земли в Джезире.

Летом 1121 г. на Востоке начал действовать новый политический фактор. Далеко на севере, у подножия Кавказских гор, грузинские цари из династии Багратионов распространили свою власть на христианские народы, сумевшие не оказаться под властью мусульман. Царь Давид II включил в свои владения территории, располагающиеся к югу от долины реки Аракс, из-за чего вступил в конфликт с представителем династии Сельджукидов Тогрулом, правившим в Арране. Потерпев поражение в битве с войском Давида, Тогрул предложил Ильгази объединиться ради священной войны против неблагодарных христиан.

Последовавший за этим военный поход стал для мусульман настоящей катастрофой. В августе 1121 г. грузины почти полностью уничтожили объединенное войско Тогрула и Ильгази, причем во время бегства в Мардин последний едва не расстался с жизнью. Царь Давид вернулся в свою древнюю столицу — город Тифлис. К 1124 г. под его властью находились вся Северная Армения и крупный город Ани, откуда происходил его род.

С тех пор все правители-турки не могли не учитывать угрозу, которую для них представляла Грузия, обладавшая крайне выгодным со стратегической точки зрения расположением. Опасность эта не уменьшилась и после смерти Давида в 1125 г., так как его преемники оказались вполне достойны его величия. Их доблесть, благодаря которой мусульмане были вынуждены постоянно думать о безопасности северной границы своих владений, оказалась весьма полезной франкам, причем даже несмотря на то, что в прямые контакты два этих христианских народа, очевидно, не вступали. Грузины, принадлежавшие к другой ветви христианства и тяготевшие к Византии, не испытывали особой симпатии к франкам, да и холодное отношение к их религиозному сообществу, жившему в Иерусалиме, вряд ли могло порадовать представителей столь горделивого народа.

Тем не менее благодаря той угрозе, которую грузины представляли для Ильгази, Балдуин получил шанс и не преминул им воспользоваться. Сын Ильгази Сулейман, которого правитель назначил наместником Алеппо, решил извлечь выгоду из поражения, которое претерпел его отец, и заявил

о своей независимости. Осознав, что не сможет противостоять войску Балдуина, готовившемуся атаковать его, Сулейман заключил с франками мир и отдал им Зердану и Атариб, некогда ставшие плодами победы Ильгази. Последний поспешил наказать сына-изменника, но в то же время решил подтвердить условия мира, заключенного им с Балдуином. Полностью довольный тем, что ему удалось совершить за год, король вернулся в Иерусалим.

В начале 1122 г. граф Триполи Понс внезапно отказался подтверждать свою клятву верности королю. Мы не знаем, что его заставило сделать этот шаг. Сложно сказать, на чью поддержку он надеялся, рассчитывая получить независимость. Балдуин пришел в ярость и тотчас же призвал вассалов наказать бунтовщика. Королевское войско выступило к Акре, а увидев приближающуюся армию, Понс покорился королю и получил от него прощение. Власть Балдуина он признал очень своевременно, ибо Ильгази, поддавшись уговорам своего племянника Балака, бывшего властителя Саруджа, правившего в тот период в Андзите, снова вышел на тропу войны.

Когда Балдуину сообщили эту новость, он отказался верить в ее правдивость. Ведь он заключил с Ильгази мирный договор и был уверен, что благородный человек (в арабских источниках для обозначения этого понятия используется термин «шейх») должен держать свое слово. К тому времени как Балдуин вместе со своим войском приблизился к Зердане, отстроенной франками заново, армия Ильгази уже осаждала ее и даже успела захватить часть оборонительных сооружений. За этим последовала еще одна военная кампания, так и не завершившаяся сражением, ибо Балдуин не поддался на традиционную для турок уловку с притворным бегством. Мусульмане опять первыми устали от постоянных наступлений и отступлений и разошлись по домам. Удовлетворенный Балдуин отправил крест обратно в Иерусалим, а сам двинулся в Антиохию.

Еще до того как крест вернулся домой, из Эдессы пришла печальная новость. Граф Жослен и владетель Виреджика Валеран 13 сентября 1122 г. в сопровождении небольшого конного отряда ехали мимо Саруджа и случайно встретили войска Балака. Они атаковали врага, но из-за сильного ливня поверхность равнины превратилась в толстый слой грязи. Кони скользили и спотыкались, и легковооруженные туркмены без каких-либо проблем сумели окружить франков. Жослен, Валеран и шестьдесят сопровождавших их воинов были захвачены в плен. Балак сразу же предложил им свободу в обмен на Эдессу. После того как Жослен отказался от этого предложения, пленников увезли в замок Балака в Харпуте.

Захват Жослена в плен никак не повлиял на жизнь государств крестоносцев. В частности, на протяжении последовавшего за этим месяца рыцари из Эдессы совершили несколько успешных набегов на территории, контролировавшиеся мусульманами. Однако оно ударило по престижу франков и заставило Балдуина снова взять на себя управление Эдессой, из-за чего дел у него стало еще больше. К счастью для франков, в ноябре в Майяфариккине умер Ильгази, а его сыновья и племянники занялись разделом оставленного им наследства. Его старший сын Сулейман стал править в Майяфариккине, а младший, Тимурташ, — в Мардине. Алеппо досталось племяннику Ильгази Бадр ад-Даула Сулейману, а Балак расширил свои владения на севере и стал владельцем Харрана на юге.

Незадолго до этого мусульмане снова заняли Атариб, а в апреле следующего года Балдуин, воспользовавшись сумятицей, заставил нового правителя Алеппо, человека слабого, раз и навсегда отдать его франкам. Вернув Биреджик, король отправился в Эдессу, чтобы решить вопрос о том, кто станет управлять графством. Во главе Эдессы он поставил Готфрида Монаха, владельца Мараша, а сам в сопровождении небольшого вооруженного отряда отправился на северо-восток, чтобы посмотреть на место, где был пленен Жослен. Лагерь он разбил 18 апреля неподалеку от Гаргара, стоявшего на берегу Евфрата. Утром, когда Балдуин собирался потренировать своего сокола, на лагерь неожиданно напали солдаты Балака. Большинство воинов, сопровождавших короля, были убиты, а сам он попал в плен. К нему отнеслись весьма уважительно и в сопровождении конвоя повезли в крепость Харпут, где уже находился Жослен.

Балдуин и Жослен снова оказались вместе в плену. Однако ситуация была намного более тяжелой, чем сложившаяся в 1104 г., так как теперь Балдуин был королем, столпом, на который опирались все франки на Востоке. Созданное им государство не развалилось только благодаря его управленческому таланту. Эдессой продолжал управлять Готфрид Монах. Когда новость о пленении короля достигла Антиохии, патриарх Бернар снова взял управление городом на себя. Поначалу в Иерусалиме ходили слухи о том, что король погиб. Патриарх Вармунд призвал участников совета королевства собраться в Акре. Но к тому времени, как они съехались в город, стало известно, что Балдуин жив, хотя и находится в плену. Коннетаблем и попечителем королевства члены совета избрали Евстахия де Гранье, владельца Кесарии и Сидона, который должен был исполнять эти обязанности до возвращения короля. Жизнь во всех трех государствах шла своим чередом.

Эмир Балак обрел значительный политический вес. Однако

использовал он свое возросшее влияние не для того, чтобы нанести по франкам решающий удар, а для того, чтобы обрести власть над Алеппо. Сделать это оказалось сложнее, чем он думал, потому что в среде горожан он теперь не пользовался большой популярностью. Однако к июню Балак сумел стать владельцем Алеппо, а затем совершил атаку на владения франков на юге и в августе захватил Альбару. Однако, услышав чрезвычайно важную новость, пришедшую из Харпута, он вынужден был отправиться на север.

Армяне всегда с симпатией относились к Жослену. Вскоре после прибытия на Восток он, подобно Балдуину I и Балдуину II, женился на армянской девушке — сестре представителя династии Рубенидов Тороса, принадлежавшей, в отличие от обеих королев Иерусалима, не к православной, а к армянской апостольской церкви, вследствие чего подавляющее большинство сородичей испытывало в отношении ее гораздо более теплые чувства. Она рано умерла, и Жослен женился во второй раз, но сумел сохранить хорошие отношения с армянами. К тому же, в отличие от своего предшественника Балдуина II, он никогда не подвергал их гонениям.

Замок Харпут находился на территории, где на протяжении многих лет проживали армяне, и местный крестьянин согласился передать друзьям Жослена из их числа сообщение от него. Пятьдесят из них, переодевшись монахами и торговцами, проникли в Харпут под предлогом того, что хотят рассказать о своих бедствиях наместнику. Оказавшись внутри крепости, они достали из-под своих одежд оружие и перебили гарнизон. В результате Балдуин и Жослен оказались хозяевами собственного узилища. После непродолжительных переговоров франки и армяне решили, что Жослену следует покинуть крепость до прибытия войска Артукидов и обратиться за помощью, а Балдуин тем временем будет пытаться удержать Харпут.

Жослен тайно выехал из крепости в сопровождении трех армян — своих соратников. Сумев проскользнуть между отрядами турок, подтягивавшимися к крепости, он отправил одного из сопровождающих обратно в Харпут. Тот должен был сообщить королю, что Жослену удалось выбраться. Сам он проехал через вражескую территорию, скрываясь от любопытных глаз днем и устало бредя пешком по ночам. Наконец беглецы сумели достичь Евфрата. Жослен не умел плавать, но с собой у него были два меха для вина, в которых находилась вода. Граф надул их, лег сверху, и два его товарища, бывшие прекрасными пловцами, под покровом темноты, толкая этот импровизированный плот, сумели переправить Жослена через реку.

На следующий день их увидел местный крестьянин, который узнал графа и был весьма рад его видеть, ибо некогда Жослен подал ему милостыню. С помощью этого крестьянина и членов его семьи Жослен сумел тайно пробраться в Турбессель, где его встретили жена и придворные. Он не стал задерживаться в городе, а вместо этого поспешил в Антиохию, чтобы собрать там войско и спасти короля. Однако антиохийская армия была немногочисленной, а патриарх Бернар волновался за жизнь своих людей, и, следуя его совету, Жослен спешно отправился в Иерусалим. Оказавшись там, он первым делом возложил свои цепи на алтарь Голгофы, а затем созвал членов королевского совета и поведал им свою историю. С помощью патриарха Вармунда и коннетабля Евстахия он сумел набрать войско, которое, двигаясь вслед за истинным крестом, под их командованием совершило марш-бросок к Турбесселю. Однако, прибыв туда, они узнали, что опоздали.

Услышав о захвате Харпута, Балак тотчас же перебросил свою армию с юга, причем сделал он это со скоростью, которая произвела весьма сильное впечатление на современников. Прибыв к крепости, он предложил Балдуину сдать Харпут в обмен на обещание не нападать на его дом. Король, то ли не доверявший эмиру, то ли не желавший бросать товарищей на произвол судьбы, отказался. Однако замок оказался не таким неприступным, как он полагал. Инженеры, которых привел с собой Балак, сумели взорвать стену, и его армия прорвалась внутрь. Балак был безжалостен. В замке остался его гарем, неприкосновенность которого была нарушена. В итоге всех франков и армян, а также помогавших им женщин (вероятно, ими были армянские рабыни из гарема) побросали на зубчатые стены замка, из-за чего все они погибли. Пощадил Балак только самого короля, его племянника и Валерана, которых в целях безопасности перевезли в Харран.

Жослен не был готов рискнуть и отправиться в поход против Харрана. Проведя успешный набег на окрестности Алеппо, он распустил армию, а сам вернулся в Турбессель. Но и Балак также не мог извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Его помощник в Алеппо сумел только превратить все церкви в мечети, тем самым вызвав ярость у местных христиан, но никоим образом не повредив католикам. Затем в Алеппо прибыл сам Балак, решивший организовать новый поход. Однако в начале 1124 г. против него восстал наместник Менбиджа. Представитель династии Артукидов Тимурташ, которого Балак попросил подавить восстание, сумел арестовать повстанца, но брату наместника Исе удалось удержать цитадель и обратиться за помощью к Жослену.

Армии Балака и Жослена встретились, и первый одержал победу, причем в этой битве погиб Готфрид Монах. Затем Балак отправился в Менбидж, решив навести там порядок, тем более что незадолго до этого он получил сообщение из располагавшегося на юге Тира с просьбой прибыть туда. Однако 6 мая в него попала шальная стрела, выпущенная из цитадели, и он погиб со словами о том, что его смерть станет серьезным ударом для всего мусульманского мира. И Балак оказался прав, ибо он был самым мудрым и энергичным из всех правителей-турок, с которыми сталкивались крестоносцы. Вскоре Артукиды лишились своего могущества.

Нахождение Балдуина в плену никоим образом не повлияло на ситуацию в самом Иерусалиме, хотя и заставило египтян совершить новую попытку вторжения в Палестину. В мае 1123 г. из Аскалона в сторону Яффы двинулось многочисленное египетское войско. Сразу же навстречу ему из Иерусалима во главе армии выдвинулся Евстахий де Гранье. С собой он взял истинный крест, а христиане, жившие в Иерусалиме, босиком двинулись в сторону церквей. В подобном проявлении благочестия вряд ли была необходимость, так как, когда 29 мая войско франков встретило армию египтян у Ибелина, противник обратился в бегство, несмотря на значительное численное превосходство, бросив лагерь, сразу же разграбленный христианами. Это было последнее достижение Евстахия, скончавшегося 15 мая^[7]. По сложившейся в королевстве традиции его вдова Эмма, богатая племянница патриарха Арнульфа, вскоре снова вышла замуж — на этот раз за графа Яффы Гуго де Пюизе, благодаря чему ее земли не остались без умелого феодала. По решению членов совета новым коннетаблем стал князь Галилеи Гильом де Бюр.

В 1119 г., сразу после поражения в Битве на Кровавом поле, король Балдуин отправил в Венецианскую республику письмо с просьбой о помощи. Египтян вполне можно было победить на суше, но их флот все еще господствовал на море. Взамен король обещал венецианцам торговые привилегии. Папа поддержал просьбу Балдуина, и дож Доменико Микьель решил оказать франкам помощь. Однако до того как венецианцы завершили подготовку к походу, прошло почти три года. Наконец 8 августа 1122 г. из Венеции вышла флотилия, состоявшая из более чем сотни военных кораблей с солдатами, конями и всем необходимым для осады. Однако она не отправилась напрямую в Палестину. Незадолго до этого венецианцы поссорились с византийцами из-за попытки императора Иоанна Комнина сократить их торговые привилегии. Поэтому венецианские корабли остановились у Корфу, чтобы атаковать этот остров, принадлежавший византийцам. Дожд держал осаду города Корфу на протяжении целых шести

месяцев, часть из которых пришлось на зиму 1122/23 г., однако она не увенчалась успехом.

В конце апреля из Палестины прибыл быстроходный корабль, команда которого сообщила венецианцам новость о пленении короля. Дож приказал снять осаду и повел свои корабли на восток, причем по пути его люди нападали на все встреченные венецианской армадой византийские корабли. В конце мая они прибыли в Акру, где услышали, что из Аскалона вышел египетский флот. Венецианцы отправились навстречу египтянам, а для того, чтобы заставить их вступить в бой, выставили вперед наиболее легковооруженные корабли. Египтяне купились на эту уловку. Решив, что вот-вот одержат легкую победу, они двинулись вперед, оказавшись зажатыми между двумя венецианскими эскадрами, вместе превышавшими египетский флот по численности. Ни один египетский корабль не спасся: одни из них были утоплены, другие захвачены. На обратном пути в Акру венецианцы смогли закрепить свою победу, так как им удалось захватить шедшую навстречу торговую флотилию, состоявшую из десяти кораблей, полностью нагруженных дорогостоящими товарами.

Присутствие венецианцев в Палестине было крайне полезно франкам, не преминувшим воспользоваться таким шансом. Предводители последних спорили, какой из двух оставшихся оплотов мусульман на побережье следует атаковать первым — Тир или Аскалон. Представители знати из Иудеи выступали за попытку захвата Аскалона, а их «коллеги» из Галилеи хотели напасть на Тир. В конце концов сами венецианцы остановили выбор на Тире. Его гавань была лучшей на всем побережье, и именно через его порт переправлялись товары из богатого Дамаска. Как торговый город, он играл гораздо более важную роль, чем Аскалон, с его открытым рейдом и бедной округой. Однако они назвали довольно высокую цену. В итоге переговоры об условиях нападения на Тир шли на протяжении всей осени.

В Рождество 1123 г. для венецианских военачальников в Иерусалиме была организована роскошная развлекательная программа. Кроме того, они сумели посетить богослужение в Вифлееме. В начале нового года в Акре между представителями республики, с одной стороны, и патриархом Вармундом, коннетаблем Гильомом и канцлером Пайеном, действовавшими от имени пленного короля, — с другой, был подписан договор.

Согласно его условиям, венецианцы должны были получить улицу с церковью, бани и пекарню, они освобождались от любых обязательств во всех городах королевства. Они получали право использовать в торговых операциях собственные систему измерений и меры весов, причем не только

внутри своего сообщества. Они освобождались от пошлин и ввозных платежей на всей территории королевства. Кроме того, венецианцы должны были получить еще несколько домов в Акре, а также треть Тира и Аскалона (если их помощь будет способствовать захвату этих городов). Им также должны были ежегодно платить по 300 сарацинских безантов с доходов от королевских владений в Акре. Венецианцы, в свою очередь, согласились платить в королевскую казну третью часть доходов, получаемых с паломников. Кроме того, они потребовали, чтобы в королевстве не снижали ввозные платежи для других народов без их согласия.

Патриарх Вармунд поклялся на Евангелии, что, оказавшись на свободе, король Балдуин подтвердит условия договора. Правда, сделать это удалось только через два года, причем Балдуин отказался принимать последнее условие, иначе вся торговля в королевстве оказалась бы полностью подчинена интересам венецианцев. После подписания договора войско франков отправилось вдоль побережья на юг, к Тиру, а венецианский флот двигался параллельно. Осада Тира началась 15 февраля 1124 г.

Тир принадлежал Фатимидскому халифату. В 1112 г. его жители, шокированные тем, что так и не получили от Египта более или менее ощутимой помощи во время осады 1111 г., позволили Тугтегину посадить в городе наместника, и он послал в Тир одного из своих самых талантливых полководцев — эмира Масуда. В то же время Тир признал себя вассалом Египта, а в мечетях продолжали возносить молитвы за халифа из династии Фатимидов, периодически получавшего из города просьбы прислать флотилию. Двоевластие более или менее успешно просуществовало на протяжении 10 лет, в основном благодаря тому, что визирь аль-Афдаль стремился поддерживать хорошие отношения с Тугтегином, помощь которого в борьбе с франками египтянам была крайне необходима. Однако в декабре 1121 г. аль-Афдаль погиб на одной из улиц Каира от рук ассасина. Хальф аль-Амир, который наконец получил возможность править самостоятельно, захотел вернуть контроль над Тиром и в 1122 г. отправил туда флот под предлогом укрепления обороны города. Флотоводец пригласил Масуда осмотреть корабли, а когда тот пришел, похитил его и увез в Каир. Там его приняли очень тепло и с почтением отправили обратно к Тугтегину, согласившемуся не мешать Фатимидам возвращать власть над городом. Однако когда франки подошли к городу, аль-Амир заявил, что без флота не сможет спасти Тир, и передал оборону города Тугтегину, спешно переправившему туда отряд из 700 турок и продовольствие.

С основной частью материка Тир соединял лишь узкий перешеек,

созданный Александром Македонским. К тому же его оборонительные сооружения находились в прекрасном состоянии. Однако одна брешь в обороне города все же имелась — питьевая вода поступала в него через акведук с материка, так как на самом полуострове не было ни од ного колодца. Через день после своего появления у Тира франки перекрыли акведук. Но благодаря зимним дождям цистерны, стоявшие в городе, оказались наполнены водой, поэтому ее нехватку горожане стали испытывать далеко не сразу. Франки разбили лагерь в саду, росшем там, где перешеек подходил к материку. Венецианцы поставили свои корабли на якорь вдоль берега, но всегда держали по крайней мере одну галеру в открытом море. Это позволяло перехватить любой корабль, который попытается проплыть через бухту. Главнокомандующим армией был патриарх Вармунд, судя по всему обладавший даже большей властью, чем сам коннетабль. Прибыв во главе своей армии к Тиру, чтобы присоединиться к осаде, граф Триполи с готовностью стал выполнять все указания патриарха, хотя Гильома де Бюра он вряд ли удостоил бы такой чести.

Осада продлилась всю весну и начало лета. Франки постоянно обстреливали стены города со стороны перешейка с помощью осадного снаряжения, привезенного венецианцами. Защитники Тира, со своей стороны, обстреливали осаждавших из камнеметательных машин и использовали греческий огонь. Они храбро сражались, но их было слишком мало для того, чтобы решиться на вылазки. Опасаясь того, что из-за нехватки пищи и воды, а также человеческих ресурсов они будут вынуждены сдать Тир, горожане тайно отправили посланцев к Тугтегину и египтянам, которых просили как можно быстрее прийти на помощь. Египетское войско попыталось совершить диверсию против Иерусалима и даже дошло до пригородов Священного города. Однако горожане, торговцы, чиновники и священнослужители спешно поднялись на огромные городские стены, и египетский командующий не рискнул атаковать Иерусалим.

Вскоре после этого еще одно египетское войско разграбило небольшой городок Белин, или Ла-Магомери, в нескольких милях к северу от Иерусалима и перебило его жителей. Однако подобные одиночные набеги не могли спасти Тир. Тугтегин сделал для этого еще меньше. Когда началась осада, он вместе со своей армией выдвинулся к Баниясу, расположенному у истока реки Иордан, чтобы там дожидаться новостей о прибытии египетского флота, с которым он планировал скоординировать атаку на лагерь франков. Однако египетские корабли на горизонте так и не

показались, а собственный флот халиф собрать не мог.

Франки опасались подобного развития событий. Венецианский флот на протяжении нескольких недель стоял напротив Тирской лестницы, чтобы перерезать путь египтянам, а патриарх отправил графа Триполи Понса и Гильома де Бюра во главе многочисленной армии к лагерю Тугтегина. Когда они подошли к Баниясу, Тугтегин решил не вступать с ними в бой и отступил к Дамаску. Теперь жителям осажденного города оставалось надеяться только на представителя династии Артукидов Балака, сумевшего взять в плен самого короля. Балак собирался прийти к ним на помощь, но в мае погиб в Менбидже.

К концу июня ситуация в Тире стала плачевной. Пища и вода заканчивались, и многие солдаты, служившие в гарнизоне, погибли. Тугтегину сообщили, что город придется сдать, и он отправил в лагерь франков посланника с предложением отдать Тир на условиях, ставших уже традиционными. Франки должны были отпустить тех из его жителей, которые хотели уехать, разрешив им забрать с собой все свое имущество, а за оставшимися горожанами сохранить все их права. Предводители франков и венецианцев приняли это предложение, хотя простые солдаты и моряки разозлились, узнав, что не получают добычи, и стали грозить мятежом. Ворота Тира открылись 7 июля 1124 г., и христианская армия быстро заняла город. Над главными воротами подняли королевский флаг, а принадлежавшие графу Триполи и дожу развевались над башнями, стоявшими по обе стороны от них. Предводители христиан сдержали слово. Солдатам запретили мародерствовать, а многочисленные мусульмане сумели спокойно пройти через лагерь крестоносцев и покинуть город. Таким образом христиане получили последний мусульманский город, расположенный на побережье, к северу от Аскалона. Их армия с победой вернулась в Иерусалим, а венецианцы отправились на родину, не забыв получить все, что им причиталось.

Хорошую новость король узнал, находясь в Шайзаре. После смерти Балака Балдуина передали Тимурташу, сыну Ильгази, не испытывавшему особой радости от того, что ему пришлось брать на себя подобную ответственность, и утешавшему себя мыслями о возможности получить за пленника богатый выкуп. Он попросил эмира Шайзара начать переговоры с франками. Королева Морфия отправилась на север, чтобы оказаться как можно ближе к мужу, и вместе с графом Жосленом стала обсуждать с эмиром условия освобождения короля.

За его свободу была назначена очень высокая цена. Король должен был платить Тимурташу 80 000 динаров и отдать под власть Алеппо, где сын

Ильгази планировал занять место Балака, города Атариб, Зердану, Азас, Кафр-Таб и Джаср. Кроме того, он должен был помочь Тимурташу в борьбе против предводителя бедуинов Дубаи ибн Садаке, поселившемся со своими соплеменниками в Джезире. При этом 20 000 динаров франки должны были заплатить авансом, а в качестве гарантии оплаты остальной части суммы в Шайзар предполагалось переправить несколько заложников. Как только их передадут мусульманам, Балдуин обретет свободу. В качестве заложников Тимурташ выбрал младшую дочь Балдуина четырехлетнюю принцессу Иовету, сына и наследника Жослена, которому на тот момент было всего девять лет, а также наследников ряда представителей знати. Эмир Шайзара, стремясь продемонстрировать свое расположение, отправил в Алеппо несколько членов своей семьи.

В конце июня 1124 г. Балдуин покинул Харран верхом на коне, которого вместе с множеством ценных подарков ему отдал Тимурташ. Он прибыл в Шайзар, эмир которого, не забывший, как за пять лет до этого король простил ему долг перед Антиохией, организовал ему пышную встречу и множество всевозможных развлечений. Там Балдуин увиделся с дочерью и другими заложниками. Когда они прибыли в Шайзар, королю разрешили уехать в Антиохию, куда он добрался в конце августа.

Оказавшись на свободе, Балдуин не очень хотел выполнять взятые им на себя обязательства. Патриарх Бернар сказал королю, что он всего лишь сюзерен и регент Антиохии и не имеет права отдавать ее территории, принадлежащие юному Боэмунду II. Балдуин охотно признал правоту священнослужителя и отправил к Тимурташу посланника, который должен был передать, что король, как это ни прискорбно, не может послушаться патриарха. Тимурташ, которому деньги были нужнее территорий, простил ему отказ, опасаясь, что иначе не получит оставшуюся сумму выкупа. Когда Балдуин понял, что Тимурташ готов идти на уступки, он решил не помогать турку и в борьбе с бедуинами. Вместо этого он принял послов от их эмира, чтобы обсудить возможность совместных действий против Алеппо. Был заключен союз, и в октябре армии Антиохии и Эдессы присоединились к арабам, стоявшим под стенами Алеппо. Вскоре они получили подкрепление от претендента на трон Алеппо Султаншаха из династии Сельджукидов, незадолго до этого бежавшего вместе со своим двоюродным братом Тугрул Арсланом, братом султана Рума, изгнанного Данишмендидами из Мелитены и искавшего новых союзников, из тюрьмы, где его держали Артукиды.

Тимурташ даже не пытался защищать Алеппо. Его брат Сулейман, владетель Майяфариккина, находился при смерти, и он хотел убедиться,

что получит свое наследство. Поэтому Тимурташ остался в Мардине, оставив оборону города на представителей местной знати. Они сопротивлялись на протяжении трех месяцев. В это время их послы, которых Тимурташ, не желавший больше беспокоиться за судьбу жителей Алеппо, принял далеко не лучшим образом, отправились в Мосул и уговорили тамошнего атабека Аксункура аль-Бурзуки, возглавлявшего войско султана в битве с франками в 1114 г., помочь Алеппо.

Аль-Бурзуки, ненавидевший Артукидов, приказал своим офицерам занять цитадель Алеппо, а сам, несмотря на болезнь, отправился к городу во главе армии, предварительно получив благословение султана. Приблизившись к городу, он приказал Хиркану, эмиру Хомса, и владельцу Дамаска Тугтегину присоединиться к походу, и оба они прислали отряды солдат. Когда франки и бедуины увидели, насколько велики силы противника, их союз распался. Дубаи вместе со своими соплеменниками отправился на восток, а Балдуин отступил к крепости Атариб. В конце января аль-Бурзуки вступил в Алеппо, при этом даже не попытавшись преследовать франков. Узнав об этом, король вернулся в Антиохию, откуда отправился в Иерусалим, куда он прибыл в апреле 1125 г. и где его не было на протяжении двух лет.

Балдуин недолго пробыл в Иерусалиме, ибо аль-Бурзуки был более грозным противником, чем Артукиды. Этот человек, бывший владельцем Мосула и Алеппо, за которым к тому же стоял султан, вполне был способен объединить под своей властью всех мусульман Северной Сирии. Ему уже подчинились Тугтегин и эмир Хомса. В марте он посетил Шайзар, эмир которого по имени Султан, всегда готовый подружиться с важными людьми, передал аль-Бурзуки заложников-франков — и принцессу Йовету, и юного Жослена, и их товарищей. В мае во главе объединенной армии мусульман он напал на крепость франков в Кафр-Табе и захватил ее, а затем осадил Зердану. Балдуин спешно отправился на север во главе армий Антиохии, Триполи и Эдессы, состоявших из 1100 всадников и 2000 пехотинцев, надеясь спасти Зердану.

Мусульмане двинулись к Азазу, где в конце мая произошла одна из самых кровопролитных битв в истории крестовых походов. Мусульмане, понадеявшись на свое численное превосходство, схлестнулись с франками врукопашную, но не смогли справиться с врагом, обладавшим гораздо более качественным снаряжением и превосходившим их по физической силе, и потерпели сокрушительное поражение. Благодаря богатой добыче Балдуин сумел собрать 80 000 динаров, необходимые для выкупа заложников, причем ради спасения дочери короля каждый рыцарь

отказался от части своей доли захваченных ценностей. Несмотря на то что деньги предназначались Тимурташу, аль-Бурзуки взял их и передал франкам заложников. В Шайзар также были отправлены деньги, благодаря которым были освобождены содержащиеся там заложники и пленники. Как только они оказались на свободе, на них напали солдаты эмира Хомса, но им на помощь пришли Мункизиды, которые отбили и проводили их.

По окончании битвы был заключен мир, согласно условиям которого мусульмане оставляли себе Кафр-Таб, переданный эмиру Хомса, но больше никакие территориальные изменения не предусматривались. Аль-Бурзуки, оставив в Алеппо гарнизон, отправился в Мосул. После этого на севере на целых 18 лет установился мир.

Балдуин вернулся в Палестину, а осенью 1125 г. возглавил набег на территорию Дамаска и совершил поход на Аскалон, больше представлявший собой демонстрацию силы. В январе 1126 г. он решил организовать тщательно подготовленную кампанию против Дамаска и вторгся в Авран. Навстречу ему вышел Тугтегин. Битва состоялась у Тель-эс-Сакаба, примерно в 20 милях к юго-западу от Дамаска. Поначалу удача была на стороне мусульман. Туркмены Тугтегина даже сумели проникнуть в лагерь короля. Однако в конце концов Балдуину удалось одержать победу. Он перестал преследовать врага на середине пути в Дамаск, из-за тяжелых потерь посчитав, что разумнее всего будет отказаться от продолжения кампании, и вернулся в Иерусалим с богатой добычей.

В марте 1126 г. граф Триполи Понс атаковал крепость мусульман в Рафане, откуда можно было контролировать путь в Букаю из долины Оронта. Христиане пытались вернуть ее с того самого момента, как в 1105 г. ее захватил Тугтегин. Наместник крепости обратился за помощью к Тугтегину и аль-Бурзуки, а Понс — к королю Балдуину. Два христианских князя быстро подошли к крепости, успев прибыть туда задолго до того, как мусульмане закончили готовиться к походу, и после осады, продлившейся всего 18 дней, Рафанея сдалась. Захват этой крепости был очень выгодным для франков, так как она могла обезопасить не только само графство Триполи, но и пути, связывавшие Антиохию с Иерусалимом.

К тому времени египтяне успели восстановить свой флот, который осенью 1126 г. вышел из Александрии, чтобы атаковать и разграбить христианские поселения на побережье. Узнав об этом, аль-Бурзуки решил одновременно отправиться в поход на север и начал осаду Атариба. Балдуин вполне справедливо рассудил, что аль-Бурзуки представляет большую угрозу, и поспешил в Антиохию. В свою очередь, египтяне, попытавшись совершить набег на окрестности Бейрута, поняли, что

прибрежные города слишком хорошо укреплены, и вскоре вернулись домой. В то же время Балдуин, к которому присоединился Жослен, заставил мусульман отойти от Атариба. Ни один из противников так и не рискнул вступить в бой, и они вскоре восстановили перемирие. Аль-Бурзуки назначил наместником Алеппо своего сына Изз ад-Дина Масуда и вернулся в Мосул. В день своего прибытия в город, 26 ноября, он был убит ассасином.

Смерть аль-Бурзуки привнесла в мусульманский мир хаос, причем после кончины его сына Масуда, успевшего поссориться с Тугтегином и скончавшегося через несколько месяцев после гибели отца, вероятно, из-за яда, ситуация еще больше ухудшилась. В Алеппо стали сменять друг друга наследник Масуда Туман, мамлюк по имени Кутлух, которого прислал султан, представитель династии Артукидов Бадр ад-Даула Сулейман и представитель династии Сельджукидов Ибрагим, сын Ридвана.

Примерно тогда же Балдуин наконец избавился от необходимости исполнять обязанности регента Антиохии, что не могло его не обрадовать. Юному Боэмунду II исполнилось 18 лет, и он прибыл за своим наследством. Оставив итальянские владения двоюродному брату графу Сицилии Рожеру II, в сентябре 1126 г. он отплыл из Отранто в сопровождении эскадры из 24 кораблей, на которых вместе с ним путешествовали солдаты и лошади. В начале октября его судно прибыло в Святой Симеон, и Боэмунд сразу отправился в Антиохию, где его со всеми возможными почестями встретил король Балдуин.

Молодой человек произвел на короля очень хорошее впечатление. Он обладал выдающейся внешностью своего отца, был высоким, светловолосым красавцем, и в нем благодаря его матери Констанции, дочери французского короля Филиппа I, чувствовалась порода. Балдуин тотчас же отдал Боэмунду княжество и все принадлежавшие ему земли, педантично их описав. Увидев, что король заплатил князю деньги за зерно, съеденное лошадьми, принадлежавшими армии Иерусалима, посол Шайзара был искренне поражен. Король привез с собой в Антиохию свою вторую дочь, принцессу Алису, и, выполняя давно достигнутую договоренность, молодых людей поженили. Правление Боэмунда началось блестяще — он предпринял атаку на Кафр-Таб и сумел отбить его у эмира Хомса. Вскоре после этого последовал ряд стычек с войском Шайзара, во время которых юный князь вел себя как истинный рыцарь.

Теперь король Балдуин, который благодаря смерти аль-Бурзуки и прибытию Боэмунда получил возможность заняться делами своего королевства, со спокойной душой вернулся на юг. В итоге 1127 г. прошел

настолько мирно, что мы почти ничего не знаем о том, чем занимался король. Известно нам лишь о непродолжительном походе на восток от Мертвого моря, предпринятом им в августе.

В начале 1128 г. скончался патриарх Вармунд, искренне преданный Балдуину и успевший стать ему настоящим другом. Его преемником стал еще один священнослужитель из Франции, Стефан из Ла-Ферте, аббат Сен-Жан-ан-Валли в Шартре, человек, обладавший благородным происхождением и находившийся в родстве с Балдуином. Если Балдуин считал, что родство станет залогом сердечных отношений, то он быстро лишился этой иллюзии. Новый патриарх вскоре напомнил о договоренности, достигнутой между Готфридом и патриархом Даимбертом. Он потребовал, чтобы Яффу передали во владение патриархату, и напомнил королю о том, что после захвата Аскалона Иерусалим должен быть передан патриарху. Балдуин отказался выслушивать эти требования, но не знал, как поступить в сложившейся ситуации.

На протяжении 1129 г. отношения между королем и патриархом постоянно ухудшались. Однако открытого столкновения удалось избежать благодаря смерти Стефана, скончавшегося в 1130 г. после непродолжительной болезни. Друзья патриарха заподозрили, что он был отравлен. Когда к умирающему Стефану пришел Балдуин, желавший узнать, как патриарх себя чувствует, тот с горечью отетил: «Сир, я делаю успехи, как вы и хотели». Его смерть и правда была желанной. Балдуин сделал так, чтобы преемником Стефана стал Уильям Малинский, настоятель храма Гроба Господня, человек весьма благочестивый и добрый, хотя и несколько простосердечный и не получивший хорошего образования. Он не обладал политическими амбициями и с радостью исполнял все желания короля. Благодаря всему этому он снискал всеобщую любовь.

Следующей важной задачей Балдуина стало обеспечение престолонаследия. Королева Морфия не смогла родить ему сына, но произвела на свет четырех дочерей: Мелисенду, Алису, Годиерну и Иовету. Алиса стала княгиней Антиохии, а Годиерна и Иовета еще были детьми. Преемницей короля должна была стать Мелисенда, но при условии, что править она будет вместе с подходящим для этого мужем. В 1128 г. после консультаций с членами своего совета Балдуин отправил Гильома де Бюра и владельца Бейрута Ги де Бризбарра во Францию. Они должны были попросить короля Людовика VI выбрать представителя французской знати, достойного того, чтобы занять столь высокое положение.

Людовик порекомендовал графа Анжуйского Фулька V. Ему, сыну

Фулька IV ле Решена и Бертрады де Монфор, прославившейся любовной связью с французским королем Филиппом I, было около 40 лет. Он являлся главой выдающейся династии, членам которой на протяжении двухсот лет удалось создать один из самых богатых и наиболее опасных уделов во Франции. Сам Фульк с помощью войн, браков и интриг внес заметный вклад в укрепление своего рода. В 1128 г. он сумел одержать значительную победу, женив своего сына и наследника Жоффруа на императрице Матильде, единственной из сумевших выжить законных детей английского короля Генриха I, наследнице престола Англии и Нормандии.

Овдовев, Фульк решил оставить семейные земельные владения сыну и посвятить себя служению кресту. В 1120 г. он уже ездил в Иерусалим в качестве паломника, благодаря чему был лично знаком с Балдуином. Король Балдуин, стремившийся, чтобы бароны королевства поддержали его действия, связанные с подбором наследника престола, с готовностью согласился выдать дочь замуж за этого человека, за которым стоял король Франции и который пользовался поддержкой папы Гонория II. Ни один из представителей иерусалимской знати не смог бы оспорить права столь выдающегося рыцаря, женатого на старшей дочери Балдуина.

Фульк выехал из Франции в начале весны 1129 г. в сопровождении Гильома де Бюра и Ги де Бризбарра. В мае они высадились на сушу в Акре и оттуда отправились в Иеру салим. Там в конце этого месяца была проведена церемония бракосочетания между Фульком и Мелисендой, сопровождавшаяся пышными празднествами и всеобщей радостью. Выбор короля одобрили все. Однако, возможно, имелось и одно исключение. Невысокий, жилистый рыжеволосый мужчина среднего возраста вряд ли сумел произвести какое-либо впечатление на Мелисенду, но с точки зрения политики этот брак был весьма выгодным, и она была вынуждена подчиниться.

С помощью Фулька Балдуин в 1129 г. приступил к реализации, пожалуй, наиболее масштабного за все время его правления проекта, связанного с попыткой захвата Дамаска. Момент оказался весьма удачным: 12 февраля 1128 г. умер правитель Дамаска Тугтегин, который на протяжении многих лет был полноправным повелителем города и наиболее уважаемым мусульманским правителем на западе Сирии. За несколько лет до этого предводитель ассасинов Бахран из Астарабада бежал из Персии в Алеппо, где стал руководить подпольной сектой исмаилитов в Северной Сирии. Однако, несмотря на поддержку Ильгази, горожане невзлюбили ее участников, и Бахрану пришлось уехать.

Он прибыл в Дамаск, где благодаря рекомендациям от Ильгази был

весьма любезно встречен Тугтегином. Он поселился там, стал постепенно собирать вокруг себя сторонников и сумел заручиться поддержкой аль-Маздагани, визиря Тугтегина. К разочарованию суннитов, составлявших большинство населения Дамаска, влияние секты все возрастало. Бахрам обратился к аль-Маздагани за помощью, и тот в ноябре 1126 г. попросил Тугтегина передать членам секты приграничную крепость Банияс, которой угрожали франки. Правитель и его визирь надеялись, что таким образом сумеют направить энергию этих людей на благо Дамаска.

Бахрам укрепил замок и собрал в нем всех своих последователей. Вскоре они начали терроризировать окрестности, и Тугтегин, несмотря на то что официально члены секты пользовались его поддержкой, стал думать, каким образом лучше уничтожить их, но умер еще до того, как ему представилась такая возможность. Через несколько месяцев после этого Бахрам погиб в произошедшей у Баальбека стычке с представителями арабского племени, шейха которого он убил. Его место занял другой перс по имени Исмаил.

После смерти Тугтегина атабеком Дамаска стал его сын Тадж аль-Мульк Бури, решивший избавиться от ассасинов. Первым делом в сентябре 1129 г. он приказал убить их покровителя визиря аль-Маздагани, что и произошло, когда тот принимал участие в заседании совета в Доме Роз в Дамаске. Тотчас же по всему городу вспыхнули бунты, организованные Бури, и все ассасины были убиты. Узнав об этом, Исмаил, находившийся в Баниясе, забеспокоился и, стремясь защитить своих товарищей по секте, вступил в переговоры с франками.

Король Балдуин ждал, когда ему представится подобный шанс. Узнав о смерти Тугтегина, он отправил Гуго де Пейна, магистра тамплиеров, в Европу, где тот должен был набрать солдат для захвата Дамаска. Когда прибыли посланники Исмаила, армия франков уже выступила в поход. Они отобрали Банияс у Исмаила и членов его секты, которых поселили на своих землях. Там Исмаил заболел дизентерией и через несколько месяцев умер, а его сторонники уехали кто куда. Сам Балдуин прибыл в Банияс в начале ноября, приведя с собой все войско Иерусалима, пополнившееся новыми солдатами с Запада. Его армия продвигалась, не встречая серьезного сопротивления. Лагерь было решено разбить у деревянного моста, примерно в 6 милях (10 км) к юго-западу от Дамаска. Бури привел туда же свою армию, расположив ее таким образом, чтобы позади нее оказался Дамаск. На протяжении нескольких дней ни один из противников не решался приказывать своему войску атаковать. За это время Балдуин успел отправить подразделения, состоявшие в основном из новоприбывших, во

главе с Гильомом де Бюром на поиски еды и всего необходимого. Сделать это было необходимо до того, как город будет окружен. Однако Гильом не смог контролировать своих солдат, которых больше интересовала добыча, чем сбор припасов. Об этом узнал Бури. Ранним утром в один из последних ноябрьских дней его туркменская конница напала на отряд Гильома в 20 милях к югу от лагеря франков. Франки сражались отчаянно, но противник обладал численным преимуществом. В этой стычке выжили только сам Гильом и 40 его товарищей, которые тотчас же отправились к королю, чтобы сообщить ему эту новость.

Балдуин решил, что атаку следует предпринять незамедлительно, пока противник празднует победу, и приказал войску переходить в наступление. Однако внезапно пошел сильный ливень, и равнина превратилась в грязевое море, а поперек дорог потекли глубокие реки. Атаковать в подобных условиях было невозможно. Разочарованный король отказался продолжать осаду. Армия франков стала медленно отступать, сохраняя строй, в сторону Банияса, а затем вернулась в Палестину, и солдаты разъехались по домам.

Узнав о событиях, происходивших на севере, Балдуин ощутил еще большее разочарование. Он надеялся, что Боэмунд II и Жослен сумеют извлечь выгоду из хаоса, образовавшегося в Алеппо, и захватят хотя бы один крупный мусульманский город. Однако, несмотря на то что осенью 1127 г. каждый из них предпринял ряд успешных набегов на территорию, принадлежавшую Алеппо, они не стали сотрудничать друг с другом, так как каждый из них завидовал другому. Благодаря перемирию, заключенному с аль-Бурзуки, Жослен получил территории, на протяжении некоторого времени принадлежавшие Антиохии. К тому же второй жене Жослена Марии, сестре правителя Антиохии Рожера, обещали отдать в качестве приданого город Азас. Боэмунд же решил, что Рожер был всего лишь регентом и не имел права отказываться от земель, принадлежавших Антиохии, и расторг ранее заключенное соглашение. Это заставило Жослена отправиться во главе своего войска, к которому присоединились турецкие наемники, в набег на приграничные антиохийские деревни. Его не удержал даже интердикт, наложенный патриархом Бернаром на все Эдесское графство.

Узнав о конфликте, король Балдуин пришел в ярость. В начале 1128 г. он спешно отправился на север и заставил Боэмунда и Жослена помириться. К счастью, последний, бывший человеком более агрессивным, внезапно заболел и посчитал свою болезнь небесной карой. Он согласился вернуть добычу, полученную во время набега на антиохийские деревни, и,

очевидно, отказался от притязаний на Азас. Однако было уже слишком поздно. Как и в случае с Дамаском за год до этого, прекрасная возможность была упущена окончательно и бесповоротно, ибо приверженцы ислама обрели нового, более выдающегося защитника.

На протяжении последних месяцев 1126 г. халиф аль-Мустаршид из династии Аббасидов, ставший в 1118 г. преемником беззлобного поэта аль-Мастазхира, решил использовать конфликты, разгоревшиеся внутри династии Сельджукидов, для того, чтобы избавиться от их власти. Султан Махмуд, на территории владений которого располагался Багдад, был вынужден прервать охоту, чтобы отправить туда армию, во главе которой он поставил Имада ад-Дин Занги. Отец последнего Аксункур был наместником Алеппо до начала крестовых походов, а сам Занги успел хорошо зарекомендовать себя в ходе военных столкновений с франками. После непродолжительной кампании он наголову разбил войско халифа у Васита и заставил того подчиниться.

Аль-Мустаршиду понравилось, как Занги повел себя, одержав над ним победу, и, когда после смерти аль-Бурзуки освободилось место атабека Мосула, Махмуд, до этого желавший назначить на эту должность кочевника Дубаи, согласился с мнением халифа, утверждавшего, что Занги является гораздо более подходящей кандидатурой. В итоге наместником Мосула был назначен младший сын султана Альп, а его атабеком стал Занги. Зимой 1127 г. последний провел в Мосуле, где занимался организацией системы управления, а весной 1128 г. он выступил к Алеппо, заявив, что считает этот город частью владений аль-Бурзуки. Горожане, которые уже успели устать от царившей в Алеппо анархии, были искренне рады его прибытию. В город он торжественно вошел 28 июня.

Занги считал себя защитником мусульман от франков. В то же время он не хотел вступать с ними в бой до тех пор, пока не будет к этому готов. Он заключил с Жосленом соглашение о перемирии, продлившемся на протяжении двух лет, за которые Занги успел укрепить свою власть в Сирии. Эмиры Шайзара и Хомса спешно признали его своим сюзереном. Первого из них Занги не боялся, а второй был вынужден помогать ему во время похода, проводившегося с целью отвоевать у Дамаска Хаму, которую Занги обещал в случае победы отдать эмиру Хомса. Однако как только Хама была захвачена, Занги забрал ее себе и заключил Хиркана в тюрьму, несмотря на то что сам не был способен обеспечивать безопасность Хомса. Владелец Дамаска Бури, пообещавший Занги принять вместе с ним участие в священной войне против христиан, был слишком занят из-за военного конфликта с Иерусалимом для того, чтобы открыто выражать свое

недовольство произволом союзника. К концу 1130 г. Занги стал полноправным владыкой Сирии, причем южная граница его владений проходила за Хомсом.

В том же году франки вынуждены были пережить настоящую катастрофу. Боэмунд II жаждал включить в территорию своего княжества все земли, которые когда-либо входили в его состав. В Киликии влияние Антиохии ослабло. Тарс и Адана, очевидно являвшиеся частью приданого вдовы Рожера Сесилии, сестры короля Балдуина, все еще находились под властью франков, а в Мамистре был размещен франкский гарнизон. Однако в расположенном дальше от моря Аназарбе стал править армянский князь Торос из династии Рубенидов, центр владений которого находился в расположенном неподалеку Сисе. Торос скончался в 1129 г., а всего через несколько месяцев после этого в ходе дворцового переворота погиб его сын Константин. В итоге следующим князем стал брат Тороса Левон I, и Боэмунд решил, что настал подходящий момент для того, чтобы вернуть Аназарб.

В феврале 1130 г. князь Антиохии во главе немногочисленного войска прошел вверх по течению реки Джейхан, направляясь к цели своего похода. Левон узнал о приближении франков и обратился за помощью к Гази, эмиру из династии Данишмендидов, владения которого простирались до Тавра. Боэмунд ничего не знал об этом союзе. Его армия беспечно продвигалась вдоль реки, встречая лишь незначительное сопротивление со стороны армян, но на нее внезапно напали турки из войска Данишмендидов, и в результате этой атаки все франки были перебиты. Поговаривали, что если бы они узнали князя, то пощадили бы его, чтобы получить выкуп. Но этого не произошло, и его голову преподнесли эмиру из династии Данишмендидов, который велел ее забальзамировать и отправить халифу в качестве подарка.

Закрепить свой успех турки не сумели лишь благодаря византийцам, а армянам удалось сохранить Аназарб. Однако для жителей Антиохии гибель Боэмунда стала настоящей катастрофой. Он унаследовал княжеский престол, и люди считали, что теперь князем должен стать его наследник. Однако Алиса родила Боэмунду только одного ребенка — дочь Констанцию, которой на тот момент было всего два года. Алиса решила, что не станет ждать, когда ее отец — король Балдуин, пользуясь правом сюзерена, назначит регента, и сама объявила себя таковой. Правда, она была слишком амбициозна, и вскоре по Антиохии поползли слухи, будто на самом деле она хочет править княжеством в качестве не регента, а полновластного владыки. Констанцию же мать якобы собиралась отправить

в монастырь или выдать замуж за человека незнатного происхождения. Жители княжества стали с подозрением относиться к Алисе, считая ее ужасной матерью. К тому же многие из них полагали, что в столь смутные времена Антиохии в качестве регента нужен настоящий воин. Узнав, что король уже едет из Иерусалима в Антиохию, и почувствовав, что вот-вот потеряет власть, охваченная отчаянием Алиса отправила в Алеппо гонца, который вел с собой превосходного коня с дорогой сбруей. Он должен был сказать атабеку Занги, что княгиня готова принести ему присягу-оммаж, если он обеспечит ей власть в Антиохии.

Узнав о смерти Боэмунда, король Балдуин спешно отправился на север в сопровождении своего зятя Фулька, чтобы позаботиться о наследнице престола и назначить регента. Неподалеку от города его солдаты захватили гонца Алисы, направлявшегося к Занги, и король тотчас же приказал повесить его. Когда Балдуин подошел к Антиохии, выяснилось, что княгиня велела закрыть ворота прямо перед его носом. Тогда Балдуин призвал на помощь Жослена и приказал разбить у городских стен лагерь.

Тем временем Алиса сумела (хотя и временно) заручиться поддержкой горожан и солдат, раздав им деньги из княжеской казны. Возможно, благодаря текшей в ее венах армянской крови она пользовалась определенной популярностью в среде коренных христиан. Однако представители франкской знати ни за что не стали бы поддерживать женщину, осмелившуюся выступить против их сюзерена. Через несколько дней норманнский рыцарь, которого звали Гильом из Аверсы, и монах Петр Латинянин открыли городские ворота и впустили в Антиохию Жослена и Фулька. На следующий день в город вошел король.

Алиса укрылась в цитадели, покинуть которую согласилась только после того, как представители антиохийской знати пообещали сохранить ей жизнь. Между Балдуином и его дочерью состоялся весьма неприятный разговор, в результате которого пристыженная Алиса упала перед отцом на колени. Король стремился избежать скандала, да и, как отец, несомненно, не хотел, чтобы его дочь страдала. Балдуин простил Алису, но отстранил ее от регентства и изгнал в Латакию и Джабалу, некогда полученные ею в качестве приданого. Обязанности регента король взял на себя. Он заставил всех представителей антиохийской знати принести клятву верности ему самому и его внучке. Затем, летом 1130 г., приказав Жослену заботиться об Антиохии и о маленькой княжне, Балдуин вернулся в Иерусалим.

Эта поездка стала для короля последней. Он был уже немолод и, не считая двух периодов нахождения в плену, вел весьма активный образ жизни. В итоге в 1131 г. у него начались серьезные проблемы со здоровьем.

В начале августа стало понятно, что Балдуин умирает. Король приказал, чтобы его перевезли из дворца в резиденцию патриарха, пристроенную к храму Гроба Господня, чтобы он мог умереть, находясь как можно ближе к Голгофе. Почувствовав, что конец близок, Балдуин призвал к себе представителей знати, включая свою дочь Мелисенду и ее мужа Фулька, а также их маленького сына, названного в честь него Балдуином, которому исполнился всего лишь год. Король благословил Фулька и Мелисенду и призвал всех собравшихся признать супругов своими правителями. Затем он облачился в монашеское одеяние и стал каноником храма Гроба Господня. Умер король в пятницу, 21 августа 1131 г., едва завершилась церемония его посвящения. Погребен он был в храме Гроба Господня. Жители Иерусалима горько оплакивали смерть этого великого короля.

Двоюродный брат и соратник Балдуина граф Эдессы Жослен ненадолго пережил его. Примерно тогда же, когда умер король, он отправился в поход и осадил небольшой замок, расположенный к северо-востоку от Алеппо. Когда он ехал перед рядами своих солдат, под ним взорвалась заложенная ими мина. Жослен получил серьезное ранение, и шансов на выздоровление у него не было. Когда он находился при смерти, стало известно, что эмир Гази из династии Данишмендидов собирается захватить город Кайсун, прекрасно укрепленную крепость, где незадолго до этого Жослен разместил антиохийского патриарха яковитской церкви.

Турки были настроены серьезно, и умирающий приказал своему сыну спасти крепость. Однако юный Жослен ответил, что войско Эдессы слишком малочисленно для этого. Тогда престарелый граф встал с постели и потребовал, чтобы его положили на носилки. На них он во главе своего войска отправился на битву с турками. Услышав о приближении Жослена, Гази, считавший, что тот уже мертв, был поражен и обеспокоен, из-за чего приказал снять осаду. Из крепости выехал гонец, который должен был сообщить эту новость Жослену. Тот велел опустить носилки, чтобы он мог вознести благодарственную молитву Богу. Но организм Жослена не выдержал напряжения и сильных эмоций, и он умер прямо на обочине дороги.

Балдуин и Жослен были последними представителями поколения первых крестоносцев. В последующие годы возник совершенно иной конфликт — между крестоносцами следующего поколения, как мужчинами, так и женщинами, такими как Жослен II, княгиня Алиса или представители рода графов Триполи, с готовностью приспособившимися к восточному образу жизни и стремившимися лишь сохранить то, что уже имели, и теми, кто только прибыл с Запада,

агрессивными, не приспособленными к новым условиям и не понимавшими их, людьми вроде Фулька, Раймунда де Пуатье или сыгравшего роковую роль в истории государств крестоносцев Рено де Шатильона.

Глава 2. Новое поколение

Господу они изменили, потому что родили чужих детей...

Книга Осии, 5: 7

14 сентября 1131 г., через три недели после того, как король Балдуин нашел свое последнее пристанище в храме Гроба Господня, в той же церкви состоялась коронация Фулька и Мелисенды. Восшествие на престол нового правителя сопровождалось пышным празднеством.

Однако в то время как бароны Иерусалимского королевства признали Фулька своим королем без каких-либо сомнений, правители франкских государств на севере не стремились называть его своим сюзереном. Балдуин I и Балдуин II стали сюзеренами всех франкских государств потому, что обладали достаточной властью и необходимыми личными качествами. В то же время их юридический статус оставался неясным. Если говорить об Эдессе, то Жослен I, как и Балдуин II до него, совершил оммаж и принес клятву верности своему предшественнику, когда тот становился королем Иерусалима и лично передавал ему феодал. Делало ли это наследников Жослена вассалами Балдуина II?

Граф Триполи Бернар назвал Балдуина I своим сюзереном, чтобы защититься от агрессии со стороны Танкреда. Но уже его сын Понс попытался оспорить права Балдуина II и признал их лишь потому, что не был способен противостоять королю и его войску. Князь Антиохии Боэмунд I считал себя независимым правителем, а Танкред, хотя и бывший всего лишь регентом, а не князем, признавал себя вассалом короля только в том случае, когда речь шла о княжестве Галилея. Несмотря на то что Рожер и Боэмунд II называли Балдуина II своим сюзереном, этот их шаг не был бесспорным. Положение еще больше осложнялось вполне законными притязаниями византийского императора на Антиохию и Эдессу, которые основывались на договоре, заключенном в Константинополе между ним и франками во время Первого крестового похода, а также на Триполи, граф которого Бертран совершил оммаж и принес императору клятву верности.

После восшествия Фулька на престол этот вопрос снова возник в повестке дня. Ведущую роль в стане тех, кто не желал признавать его своим сюзереном, играла сестра его жены Алиса. Она, хотя и с большой

неохотой, подчинилась своему отцу — королю Балдуину, но теперь снова заявила о том, что должна стать регентом дочери. При этом ее притязания не были безосновательны в случае, если король Иерусалима действительно не являлся сюзереном Антиохии, ибо как на Западе, так и в Византии ситуация, при которой регентом становилась мать малолетнего наследника, была вполне традиционной. Благодаря смерти Жослена I, скончавшегося менее чем через месяц после Балдуина II, у нее появился такой шанс.

Именно Жослен был назначен защитником юной княжны Констанции, а антиохийские бароны не хотели видеть на троне Жослена I его сына. Новый граф Эдессы, охваченный разочарованием и также не желавший признавать Фулька своим сюзереном, прислушался к лстивым речам Алисы. Свою поддержку княгине предложил и граф Триполи Понс. Его жена Сесилия получила от своего первого мужа в качестве приданого Шастель-Руж и Аржан, благодаря чему он стал одним из наиболее влиятельных баронов Антиохийского княжества. Понс понимал, что если Антиохия получит независимость от Иерусалима, то и Триполи сумеет последовать ее примеру. Алиса уже привлекла на свою сторону братьев Гильома и Гарентона, владетелей Зерданы и Сахьюна, огромного замка, построенного византийцами на холме позади Латакии, баронов, пользовавшихся наибольшим влиянием на юге княжества. Да и в самой Антиохии у нее были сторонники. Однако большинство представителей антиохийской знати с опаской относилось к перспективе оказаться под властью женщины. Услышав слухи о том, что Алиса планирует захватить власть, они тотчас же отправили в Иерусалим гонца, который должен был попросить Фулька приехать в Антиохию.

Едва получив сообщение, Фульк, который не мог оставить подобный вызов без ответа, вместе со своим войском покинул Иерусалим. Когда он подошел к границам Триполи, Понс отказался впускать его в свои владения. Графиня Сесилия приходилась Фульку сводной сестрой, но напоминание о родственном долге не помогло новоиспеченному королю, и иерусалимской армии пришлось продолжить путь по морю, двигаясь от Бейрута к Святому Симеону. Вступив на территорию, принадлежавшую Антиохии, король выдвинулся на юг и одержал победу над восставшими в битве у Шастель-Руж.

Однако сил для того, чтобы покарать врагов, Фульку не хватило. Понс принес ему извинения и был прощен. Живая и невредимая Алиса осталась в Латакии, некогда полученной ею в качестве приданого. Братья Гильом и Гарентон, владетели Зерданы, а также граф Эдессы Жослен, не участвовавший в сражении, были прощены. Судя по всему, Фульк не стал

требовать, чтобы Понс или Жослен приносили ему клятву верности; не сумел он и разобраться со сторонниками Алисы. Один из братьев, Гильом, был убит через несколько месяцев во время весьма скромного набега мусульман на Зердану. Жослен спешно женился на его вдове Беатрис, от которой, возможно, получил в качестве приданого Зердану. На какое-то время воцарился мир. Фульк остался регентом Антиохии, но передал управление княжеством местному коннетаблю Рейнальду Мазору, владельцу Маркаба. Сам же король вернулся в Иерусалим, чтобы принять участие в драматичных событиях, происходивших при дворе.

Иерусалимское королевство в XII в.

К числу представителей иерусалимской знати относился красивый юноша по имени Гуго де Пюизе, правитель Яффы. Его отец Гуго I де Пюизе, двоюродный брат Балдуина II, возглавил группу баронов, восставших против французского короля Людовика VI, который в 1118 г. приказал уничтожить замок Ле-Пюизе и лишил Гуго феода. Братья Гуго: Гилдуин ле Пюизе, аббат Пресвятой Девы Марии Иосафата, и владелец Биреджика Валеран — к тому времени уже отправились на Восток, и почти сразу после того, как Балдуин стал королем Иерусалима, Гуго решил последовать их примеру, взяв с собой свою жену Мабиллу. В путешествии их сопровождал маленький сын Гуго. Когда супруги проезжали мимо Апулии, ребенок заболел, и они были вынуждены оставить его там, при дворе Боэмунда II, приходившегося Мабилле двоюродным братом.

Когда Гуго прибыл в Палестину, Балдуин сделал его владельцем Яффы. Вскоре после этого Гуго умер, вследствие чего и Яффа, и Мабилла перешли к валлонскому рыцарю Альберту де Намюру. Вскоре за Гуго в могилу последовали и Мабилла, и Альберт. Гуго II, которому на тот момент уже исполнилось 16 лет, отплыл из Апулии, чтобы предъявить свои права на наследство. Балдуин тепло встретил его и передал ему феоде, прежде принадлежавший его родителям. При этом юношу оставили жить в королевском дворце, где он подружился со своей двоюродной сестрой — юной принцессой Мелисендой. Около 1121 г. Гуго же нился на Эмме, племяннице патриарха Арнульфа и вдове Евстахия де Гранье, женщине немолодой, но являвшейся счастливой обладательницей обширных владений. Она обожала своего высокого и красивого мужа, но ее сыновья-близнецы Евстахий II, наследник Сидона, и Вальтер, наследник Кесарии, ненавидели отчима, бывшего ненамного старше их самих.

Мелисенда, в свою очередь, вышла замуж за Фулька, до которого ей не

было никакого дела, хотя сам он просто обожал ее. После вступления на престол она продолжила тесно общаться с Гуго. По дворцу поползли слухи, и Фулька охватила ревность. У Гуго было множество врагов, главными из которых являлись его пасынки. Они стали еще больше разжигать подозрения Фулька, и Гуго пришлось также собрать вокруг себя единомышленников, наиболее активным из которых был Роман де Пюи, владевший землями в Заиорданье. Вскоре все представители знати королевства разделились на два лагеря — одни из них встали на сторону короля, а другие — графа, о симпатии которого к королеве было хорошо известно.

На протяжении лета 1132 г. напряжение все возрастало, пока в один из последних дней лета, когда во дворце собрались все вельможи королевства, Вальтер де Гранье не встал со своего места, не обвинил отчима в том, что тот планирует заговор против короля, и не вызвал его на поединок. Гуго заявил о своей невиновности и принял вызов пасынка. Дату планируемого поединка записали, и Гуго, чтобы подготовиться к бою, уехал в Яффу, а Вальтер — в Кесарию.

Когда наступил назначенный день, Вальтер прибыл на место поединка, а Гуго так и не явился. Возможно, королева, узнав, что конфликт зашел слишком далеко, попросила его не приходить. Может, графиню Эмму не устроила перспектива лишиться мужа или сына. Либо сам Гуго, действительно готовивший заговор против короля, опасался Божьей кары. Какой бы ни была причина, заставившая графа не явиться на поединок, проявленную им трусость стали считать свидетельством его вины. Друзья больше не могли поддерживать его, а члены королевского совета признали Гуго виновным, поскольку он не сумел доказать свою невиновность. Охваченный паникой, он бежал в Аскалон, где обратился к египтянам с просьбой о защите. Отряд египетских солдат проводил его до Яффы, а затем разграбил поселения на равнине Шарон. Теперь то, что Гуго совершил измену, стало очевидно. От него отвернулся его ключевой вассал — владетель Ибелина и коннетабль Яффы Балиан. Когда к Яффе подошла иерусалимская армия, город сдался. Даже египтяне перестали поддерживать Гуго, посчитав его невыгодным союзником. В итоге он был вынужден покориться королю.

Наказание, которому подвергся Гуго, было не очень суровым. Все-таки королева оставалась его другом, а патриарх Уильям Малинский посоветовал Фульку проявить сострадание. Да и сам король поспешил уладить конфликт, ибо Иерусалимское королевство оказалось на грани гражданской войны. При этом 11 декабря, в тот день, когда иерусалимское

войско призвали в поход против Яффы, атабек Дамаска совершил неожиданную атаку на крепость Банияс и захватил ее. По решению короля Гуго должен был отправиться в ссылку на три года, а затем мог спокойно вернуться в свои владения.

В начале следующего года Гуго, ожидавший корабль, который должен был увезти его в Италию, отправился в Иерусалим, чтобы попрощаться с друзьями. Когда он однажды вечером играл в кости, сидя у двери лавки на улице Меховщиков, сзади к нему подкрался бретонский рыцарь, ранивший его в голову и туловище. Истекавшего кровью Гуго унесли. По городу поползли слухи о том, что заказчиком убийства является сам король, но Фульк отреагировал на эти обвинения очень быстро и весьма осмотрительно. Рыцарь предстал перед судом, где признался, что действовал самостоятельно, желая добиться расположения короля. В итоге его приговорили к смерти через поочередное отсечение конечностей. Казнь провели публично. После того как несчастному отрубили руки и ноги, но голова все еще оставалась у него на плечах, его заставили повторить свое признание. Таким образом королю удалось сохранить репутацию.

Однако королеву это не удовлетворило. Она настолько сильно разозлилась на врагов Гуго, что те на протяжении многих месяцев опасались убийства, а их предводитель, правитель Наблуса Раурт, боялся выходить на улицу без сопровождения. Поговаривали, что даже король Фульк опасался свою жену. При этом он очень хотел добиться ее расположения и потакал всем ее прихотям. Сама же Мелисенда, лишенная любви, вскоре нашла утешение в применении власти.

Гуго ненадолго пережил рыцаря, совершившего покушение на его жизнь. Он уехал к своему двоюродному брату королю Сицилии Рожеру II, пожаловавшему ему в качестве феода Гаргано, где вскоре после этого он умер.

Теперь Фульк мог обратить внимание на ситуацию, сложившуюся на севере и оказавшуюся гораздо более неприятной для франков, чем та, что существовала там в правление Балдуина II. В Антиохии не было достойного князя, а графу Эдессы Жослену II не доставало энергичности и политического чутья, свойственных его отцу. При этом сам он был человеком весьма малопривлекательным — невысоким и коренастым, темноволосым, обладателем смуглой кожи. Он был пучеглазым, и его лицо, снабженное огромным носом, было изрыто оспой. Жослен был способен на широкие жесты, но в то же время не мог избавиться от лени, страсти к роскоши и сластолюбия. В общем, он совершенно не подходил для роли командующего ключевым аванпостом крестоносцев.

Нехватка в среде франков людей, обладавших лидерскими качествами, стала весьма важной проблемой еще и потому, что в лице Занги у мусульман появился предводитель, способный объединить их вокруг себя. Тем не менее пока он лишь ждал своего часа. Занги был слишком занят участием в событиях, происходивших в Ираке, и не мог извлечь пользу из проблем франков. В 1131 г. умер султан Махмуд ибн Мухаммед, передавший владения в Ираке и Южной Персии по наследству своему сыну Дауду. Однако предводитель Сельджукидов Санджар решил, что наследство должен получить брат Махмуда Тугрул, правитель Казвина. Затем о своих правах заявили два других брата Махмуда: владетель Фарса Масуд и правитель Азербайджана Сельджук-шах. Сам Дауд вскоре отказался от претензий на престол отца, так как не пользовался поддержкой ни Мустаршида, ни своих подданных. Тугрула, за которым стоял такой влиятельный человек, как Санджар, на протяжении какого-то времени в Багдаде терпели, а Масуд был вынужден отступить. Однако вскоре Санджар потерял интерес к событиям в Багдаде, вследствие чего в город приехал Сельджук-шах, сумевший заручиться поддержкой халифа.

Масуд обратился за помощью к Занги. Тот выступил на Багдад, но потерпел сокрушительное поражение в сражении с силами халифа и Сельджук-шаха у Тикрита. Если бы Наджм ад-Дин Айюб, курд, правивший в Тикрите, не перевез его через реку Тигр, его захватили бы в плен или убили бы. Поражение Занги воодушевило халифа, мечтавшего возродить прежнее могущество своей династии. Это напугало даже Санджара, и Занги, будучи его представителем, в июне 1132 г. снова отправился в поход на Багдад, на этот раз заключив союз с непостоянным вождем бедуинов Дубаи. Во время последовавшего за этим сражения удача сначала была на стороне Занги, но халиф лично вступил в бой, наголову разбил Дубаи и набросился на Занги, который из-за этого был вынужден отступить к Мосулу.

Следующей весной во главе войска туда прибыл Мустаршид. Казалось, будто Аббасиды вот-вот вернут себе прежнюю славу, ибо правитель Ирака из династии Сельджукидов теперь оказался в зависимости от халифа. Но Занги бежал из Мосула, стал совершать постоянные вылазки в лагерь халифа и лишил его путей снабжения продовольствием. Через три месяца Мустаршид был вынужден отступить. Возрождению Аббасидов не суждено было случиться. На протяжении следующего года представитель династии Сельджукидов Масуд постепенно вытеснял других претендентов на трон султана Ирака. Мустаршид тщетно пытался помешать ему. В битве при Даимарге, состоявшейся в июне 1135 г., Масуд нанес сокрушительное

поражение войску халифа, который был захвачен в плен. Его отправили в ссылку в Азербайджан, где он погиб от рук ассасинов, возможно с молчаливого согласия Масуда. Сын и преемник халифа Рашид обращался за помощью к Дауду, претенденту на багдадский трон из династии Сельджукидов, и к Занги, но все было тщетно. Масуд с помощью багдадских кади сделал так, чтобы Рашид не мог ни на что претендовать, а его преемник Моктафи с помощью щедрых обещаний сумел удержать Занги от союза с Рашидом и Даудом. Получивший от Моктафи и Масуда новые почетные титулы Занги начиная с 1135 г. смог переключить свое внимание на Запад.

Пока Занги был занят делами в Ираке, в Сирии его интересы представлял Савар, военный из Дамаска, которого он назначил наместником Алеппо. Занги не мог позволить себе отправить в Сирию большое число солдат, но, следуя его настоятельному совету, на службу к Савару поступило несколько отрядов туркмен-мародеров, благодаря чему весной 1133 г. тот сумел организовать поход на Антиохию. Испуганные антиохийцы обратились за помощью к королю Фульку. По дороге на север, куда он двигался во главе своего войска, в Сидоне король встретил графиню Триполи, сообщившую ему, что ее муж попал в засаду, устроенную бандой туркмен в горах Ансарии, и бежал в замок Монферран, стоявший на границе долины реки Оронт. По ее просьбе Фульк направился к Монферрану, и, едва завидев его, туркмены отступили. Данное событие способствовало восстановлению теплых отношений между Фульком и Понсом. Вскоре после этого сын и наследник Понса Раймунд женился на сестре королевы Годиерне Иеру салимской, а его дочь Агнес вышла замуж за сына коннетабля Фулька в Антиохии — владельца Маркаба Рейнальда Мазора.

После спасения графа Триполи Фульк направился в Антиохию. Прибыв туда, он узнал, что Савар уже успел совершить успешный набег на принадлежавший Эдессе город Турбессель и собрал войско для наступления на Антиохию. Выждав несколько дней, Фульк подошел к лагерю мусульман в Киннасрине и внезапно напал на него посреди ночи. Он вынудил солдат Савара отступить и бросить свои палатки, но до окончательной победы было еще далеко. В ходе ряда последовавших за этим стычек мусульмане уничтожили несколько отрядов франков. Однако Фульк все равно вошел в Антиохию в статусе победителя, а затем, летом 1133 г., вернулся в Палестину. Как только король отбыл в Иерусалим, Савар возобновил набеги на принадлежавшие христианам территории.

Если не учитывать подобные набеги на приграничные земли, можно

считать, что 1134 г. прошел вполне мирно. На протяжении следующего года мусульманский мир был ослаблен из-за ряда переворотов. В Египте халиф аль-Хафиз из династии Фатимидов попытался ослабить власть визирей, назначив на эту должность своего сына Хасана. Но молодой человек оказался настолько жестоким, что можно было подумать, будто он находится на грани безумия. После того как сорок эмиров были обезглавлены по надуманному обвинению, разгорелось восстание. Халиф сумел спастись только благодаря тому, что отравил собственного сына и передал его тело восставшим. Затем он назначил визирем армянина по имени Вахрам, который был больше заинтересован в обогащении своих друзей и собратьев-христиан, чем в действиях против франков.

Дамаск также бездействовал. В 1132 г. умер Бури, сын Тугтегина, и его преемником на посту атабека стал его сын Исмаил, правление которого началось весьма удачно — он сумел отбить у франков Банияс, а Баальбек и Хаму — у своих соперников. Однако вскоре он стал сочетать жестокость настоящего тирана с крайне негуманной налоговой политикой. Поведение Исмаила привело к тому, что на его жизнь было совершено неудачное покушение, следствием которого стали массовые казни. Атабек без каких-либо на то серьезных оснований даже велел замуровать заживо своего родного брата Савинджа. Затем он задумал расправиться с Юсуфом ибн Фирузом, бывшим доверенным лицом его отца.

Мать Исмаила Зумурруд Хатун отнеслась к казни сына Савинджа весьма хладнокровно, но Юсуф был ее любовником, и она организовала заговор с целью спасти его. Исмаил понял, что не может чувствовать себя в безопасности даже в собственном дворце. Охваченный страхом, он отправил Занги, старому врагу своего отца, письмо, в котором пообещал признать себя его вассалом, если тот поможет ему сохранить власть. Кроме того, Исмаил заявил, что если Занги не станет ему помогать, то он сдаст Дамаск франкам.

Занги не хотел покидать Мосул, не разобравшись с халифом из династии Аббасидов Мустаршидом. Но и проигнорировать письмо Исмаила он также не мог. Однако оно дошло до адресата слишком поздно. Занги пересек Евфрат 7 февраля, но за шесть дней до этого Зумурруд сумела расправиться с Исмаилом и обеспечить восшествие на престол своего младшего сына Шихаб ад-Дина Махмуда. Новый атабек с согласия своих подданных вежливо отказал посланникам Занги, требовавшим, чтобы Махмуд признал его власть над собой. Подойдя к Дамаску, Занги, которому по пути уже сдалась Хама, выяснил, что город уже успел подготовиться к обороне. Он попытался взять городские стены штурмом,

но это ему не удалось. Вскоре в лагере закончились припасы, и часть солдат дезертировала. Вскоре к Занги прибыли послы от халифа Мустаршида, вежливо попросившие его уважать независимость Дамаска. Занги так же вежливо согласился с ними, радуясь тому, что теперь у него есть предлог, позволяющий ему отступить от города, не задев при этом свою честь. Занги и Махмуд заключили мир, и атабек Мосула побывал в Дамаске с официальным визитом. Однако Махмуд не доверял Занги настолько, чтобы нанести ему ответный визит, и послал вместо себя своего брата.

Благодаря этим событиям, совпавшим с ослаблением Египта, у франков появилась возможность отвоевать Банияс и перейти в наступление. Однако Фульк не воспользовался этим шансом. Занги, выпутавшись из истории с осадой Дамаска, совершил поход на территорию Антиохийского княжества. Пока его военачальник Савар угрожал Турбесселю, Антепу и Азазу, не позволяя армиям Антиохии и Эдессы объединиться, Занги со своим войском двигался вдоль крепостей, стоявших на восточной границе княжества, — Кафр-Таба, Мааррата, Зерданы и Атариба — и захватывал их одну за другой. К счастью франков, после этого он был вынужден вернуться в Мосул, но Антиохийское княжество лишилось приграничных оборонительных сооружений.

Это бедствие заставило Фулька вернуться на север. Он все еще оставался формальным регентом Антиохии, власть в которой в реальности осуществлял почтенный патриарх Бернар. Однако в начале лета священнослужитель умер. Бернар был талантливым государственным деятелем, энергичным, твердым и храбрым и в то же время весьма требовательным по отношению к представителям франкской знати и нетерпимым к местным христианам. После смерти Бернара горожане объявили его преемником католического епископа Мамистры Рауля де Домфрона, занявшего патриарший престол, даже не дождавшись церемонии выборов.

Рауль заметно отличался от своего предшественника. Он был красив, несмотря на легкое косоглазие, любил роскошь, был великодушен и общителен. Новый патриарх не мог похвастаться блестящим образованием, но при этом был весьма красноречив и мог легко убедить собеседника в своей правоте. При этом за приятной внешностью скрывался вполне практичный, амбициозный и хитрый человек. Рауль не хотел подчиняться королю или его представителям, поэтому вступил в переговоры с вдовствующей княгиней Алисой, продолжавшей жить в своих владениях в Латакии. Алиса поняла, что ей представился новый шанс, и обратилась к

своей сестре Мелисенде. В Антиохию Фульк прибыл в августе. Он понимал, что недостаточно силен для того, чтобы выступить против патриарха, занявшего престол с нарушением общепринятых правил. К тому же Фульк не был способен отказать жене. В итоге Алисе разрешили вернуться в Антиохию. Формально Фульк оставался регентом княжества, но в реальности власть находилась в руках вдовствующей княгини и патриарха, союз которых оказался весьма ненадежным.

Вскоре Рауль поссорился со священнослужителями, и Алиса стала единоличной правительницей города. Но ее положение было весьма шатким. Основной силой, на которую она могла положиться, являлись местные христиане. Судя по ее переговорам с Занги, можно предположить, что Алиса не очень беспокоилась о чувствах франков. Теперь княгиня придумала более удачный ход. В конце 1135 г. она отправила в Константинополь посла, который должен был предложить императору женить его младшего сына Мануила на ее дочери Констанции. Возможно, сделала она это под влиянием собственных амбиций (как впоследствии писали пришедшие в ужас от подобной идеи крестоносцы). Однако в реальности подобное решение могло быть спасительным для Северной Сирии. Греки имели в Антиохии довольно большое влияние, а из-за деятельности Занги мусульмане стали представлять для франков еще большую угрозу, и империя была единственной силой, способной сдержать ее.

Вассальное государство, находившееся под сюзеренитетом империи, в котором правили бы сначала Алиса, бывшая наполовину армянкой, а затем византийский царевич и франкская княжна, вполне могло бы объединить франков и греков в деле защиты христианства. Но представители франкской знати пришли в ужас, а патриарх Рауль уже представил себе, как его лишат титула и заменят на какого-нибудь столь ненавидимого им грека.

Очевидно, во время своего приезда в Антиохию король Фульк обсуждал с баронами вопрос о том, кто может стать наиболее подходящим кандидатом в мужья Констанции. Теперь же к нему спешно отправили гонца, который должен был сообщить королю, что найти жениха для княжны нужно срочно. Перебрав в уме всех известных ему высокородных франков, Фульк отдал свое предпочтение младшему сыну герцога Гильома IX Аквитанского Раймунду де Пуатье, находившемуся в тот момент в Англии при дворе короля Генриха I, дочь которого незадолго до этого вышла замуж за сына Фулька Жоффруа. В Англию Фульк отправил рыцаря-госпитальера по имени Жерар Жабарр, который должен был привезти потенциального жениха на Восток.

Все это делалось в строжайшей тайне. Алиса не должна была ничего узнать. Фульк решил, что даже королеву посвящать в эти планы небезопасно. Кроме того, реализации задумки короля мог помешать Рожер Сицилийский, так и не простивший правителей Иерусалимского королевства за оскорбление, нанесенное его матери Аделаиде. К тому же король Сицилии был человеком амбициозным и надеялся расширить свое влияние в Средиземноморье, в связи с чем он вряд ли согласился бы пропустить через свои владения претендента на руку и сердце завидной наследницы Востока.

Жерар добрался до Англии, и Раймунд, выслушав его, принял предложение Фулька. Однако благодаря тесным отношениям между норманнами, жившими в Англии и на Сицилии, об этих планах узнал король Рожер. Он приказал арестовать Раймунда, который не смог найти корабль, готовый отвезти его в Сирию, нигде, кроме порта, расположенного на самом юге Италии. Раймунду пришлось попросить своих людей разделиться, и, притворяясь то паломником, то слугой купца, он сумел выскользнуть с Сицилии и в апреле 1136 г. прибыть в Антиохию.

Прибытие Раймунда невозможно было скрыть от Алисы, в связи с чем он тотчас же отправился на встречу с патриархом. Рауль согласился помочь ему, но на определенных условиях. Раймунд должен был принести ему вассальную клятву и послушно выполнять все его указания. Когда Раймунд согласился, Рауль добился аудиенции у Алисы, во время которой сообщил княгине, что из Европы прибыл блестящий мужчина, чтобы просить ее руки. Слова его звучали вполне убедительно, тем более что Раймунду на тот момент было уже 37 лет, Алисе еще не исполнилось тридцати, а Констанции было всего девять. Пока Алиса сидела в своем дворце в ожидании встречи с потенциальным женихом, Констанцию похитили и отвели в собор, где патриарх спешно обвенчал ее с Раймундом. Алиса потерпела поражение. Вдовствующая княгиня не могла противостоять законному супругу наследницы престола. Она снова отбыла в Латакию, где, погрузившись в печаль, и провела остаток своей недолгой жизни.

Раймунд достиг периода наивысшего расцвета своих сил. Он был красивым и сильным мужчиной, который не мог похвастаться хорошим образованием, любил азартные игры, был импульсивным, но в то же время бездеятельным. При этом он был прославленным храбрецом и отличался примерным поведением. Вскоре его популярность вызвала беспокойство патриарха, так и не сумевшего разрешить противоречия с другими священнослужителями. Рауль, к которому продолжали относиться с большим уважением, понимал, что власть ускользает из его рук.

Представители знати встали на сторону Раймунда, так как сложившаяся ситуация оказалась слишком серьезной и они не могли поступить иначе. Княжество слабело. Оно успело лишиться не только оборонительных сооружений, располагавшихся вдоль его восточной границы. На юге, в горах Ансария, в 1131 г. некий туркменский искатель приключений отбил замок Бисикраиль у владевшего им Рейнальда Мазора, а в начале 1136 г. он едва не захватил Балатонос. Вскоре после этого Бисикраиль удалось отбить. Еще южнее располагался замок Кадмус, который франки сумели захватить в 1129 г., но в 1131 г. его владельцем стал Сайф ад-Дин ибн Амрун, мусульманский эмир Кахфа, через год после этого продавший его предводителю ассасинов Абуль-Фатху. В 1135 г. ассасины купили у сыновей Сайф ад-Дина сам Кахф, а зимой 1136 г. они отбили у франков Харибу.

Киликия уже была потеряна для крестоносцев. В 1131 г., вскоре после гибели Боэмунда II, князь Левон из династии Рубенидов, заключив союз с эмиром из династии Данишмендидов, вступил со своим войском на равнину и занял Мамистру, Тарс и Адану. За несколько лет до этого его брат и предшественник Торос вытеснил немногочисленные византийские гарнизоны из Сиса и Аназарба. В 1135 г. Левон захватил Сервантикар, стоявший на склоне горного хребта Аманус, отбив его у Балдуина, владельца Мараша. Однако армяне не сумели укрепить свою власть над Киликией. Там нашли убежище многочисленные разбойники, а вдоль побережья плавали пираты.

Графство Эдесса находилось не в лучшем положении. Незадолго до этого представитель династии Артукидов Тимурташ захватил часть его владений на востоке. Михаил, армянский князь расположенного к северу от графства Гаргара, не сумевший противостоять туркам, передал свои земельные владения графу Жослену, который, в свою очередь, спешно отказался от них в пользу Василя, личного врага Михаила и брата армянского католикоса. В итоге между двумя армянами и их сторонниками разразилась гражданская война. Жослен был вынужден разместить в Гаргаре гарнизон, но не сумел помешать разграблению сельской местности, подвергавшейся нападению то армян, то турок.

В 1135 г. Савар совершил поход на окрестности Турбесселя, а в апреле 1136 г., примерно тогда же, когда на Восток прибыл Раймунд де Пуатье, служивший ему полководец Афшин не только прошел во главе войска по территории Антиохийского княжества вплоть до расположенной на юге Латакии, сжигая и грабя деревни, попадавшиеся ему по пути, но и сумел после этого повернуть на север и добраться до Мараша и Кайсуна. При

этом ключевой вассал графа Эдессы Балдуин, владетель Мараша и Кайсуна, не сумел защитить свои земли.

Раймунд решил, что в первую очередь ему следует вернуть Киликию. Он понимал: прежде чем вступить в противостояние с Занги, он должен защитить свой тыл. Получив одобрение короля Фулька, он вместе с правителем Мараша Балдуином выступил против Рубенидов. Однако этот союз оказался неудачным. Будучи вассалом Фулька и сеньором Балдуина, граф Эдессы Жослен также приходился Левону племянником и относился к своему дяде с определенной симпатией. В то же время королю Иерусалима теперь не хватало влияния для того, чтобы объединить предводителей франков. В итоге с помощью Жослена Левону удалось дать отпор антиохийской армии. Окрыленный победой, он согласился встретиться с Балдуином, вероломно захватившим его в плен и отправившим в Антиохию. В отсутствие Левона трое его сыновей поссорились. В конце концов братья захватили и ослепили старшего из сыновей князя — Константина.

Франки не сумели извлечь из этих событий выгоду. В Киликию вторгся Мухаммед II ибн Гази, эмир из династии Данишмендидов. Его солдаты уничтожили урожай, а затем двинулись к владениям Балдуина, которые они подвергли разорению, почти сумев дойти до Кайсуна. Пораженный этими событиями Левон попросил Раймунда освободить его в обмен на города Киликии. Однако, вернувшись домой, князь забыл о своем обещании. Снова начались беспорядочные стычки, продолжавшиеся до тех пор, пока в начале 1137 г. Жослен не стал инициатором заключения перемирия между соперниками, пришедшими в ужас из-за новости, поступившей с севера и ставшей свидетельством того, что княгиня Алиса была отнюдь не глупа.

Король Фульк не мог помочь своему другу Раймунду, так как ему приходилось разбираться с собственными проблемами. Юный атабек Махмуд правил Дамаском, руководствуясь советами Юсуфа, любовника его матери и человека весьма миролюбивого. Но в один из весенних вечеров 1136 г., когда атабек шел по майдану в обществе Юсуфа и командира мамлюков Базаваша, последний внезапно нанес Юсуфу смертельный удар ножом и бежал в Баальбек, где находились его подчиненные. Оказавшись там, он стал угрожать, что поведет своих солдат на Дамаск и низвергнет атабека, если тот не назначит его главным министром. Махмуд подчинился, и Дамаск очень быстро перешел к весьма агрессивной политике в отношении франков.

В начале следующего года армия Дамаска вторглась на территорию

графства Триполи. Местные христиане, не испытывавшие верноподданнических чувств по отношению к франкам, тайно провели мусульманских солдат по тропам Ливана на прибрежную равнину. Мусульманам удалось застать графа Понса врасплох. Он во главе своей немногочисленной армии вышел навстречу им и потерпел сокрушительное поражение. Самого Понса, бежавшего в горы, выдал приверженцам ислама местный крестьянин-христианин, и графа тотчас же казнили. К счастью для епископа Триполи Жерара, попавшего в плен во время сражения, его не узнали и, считая человеком малозначительным, вскоре обменяли на мусульманина. Базаваш захватил одну или две приграничные крепости, но не осмелился напасть на сам Триполи, и вскоре его солдаты с богатой добычей вернулись в Дамаск.

Понс правил в Триполи на протяжении 25 лет. Судя по всему, он был неплохим управленцем, но в то же время слабым политиком; постоянно стремился избавиться от сюзеренитета короля Иерусалима, но был слишком слаб для того, чтобы обрести независимость. Его сын и преемник Раймунд II был человеком более вспыльчивым. На момент смерти отца ему исполнилось 22 года, а незадолго до этого он женился на сестре королевы Мелисенды Годьерне Иерусалимской, к которой был искренне привязан. Он решил, что первым делом должен отомстить за гибель отца, причем не слишком могущественным для него мамлюкам из Дамаска, а предателям — ливанским крестьянам. Переходя от одной деревни, жителей которой подозревали в помощи врагу, к другой, его солдаты убивали всех мужчин, а женщин и детей отвозили в Триполи, где их обращали в рабство. Своей жестокостью Раймунд сумел уstrasшить жителей Ливана, но это вовсе не заставило их относиться к франкам с большей любовью.

Активность Базаваша не нравилась Занги, не желавшему нападать на франков, не разобравшись с независимым и весьма агрессивно настроенным мусульманским государством, расположенным по соседству. В конце июня он во главе своей армии выступил к Хомсу, которым от имени атабека Дамаска управлял престарелый мамлюк Унур. Солдаты Занги стояли у стен города на протяжении примерно двух недель, но в какой-то момент стало известно о приближении войска франков. На что бы ни рассчитывал граф Раймунд, приближение его солдат заставило Занги снять осаду Хомса и подготовиться к бою с франками. Увидев, что Раймунд отступает, мусульманский полководец перешел в наступление и взял в осаду огромный замок Монферран, расположенный на восточном склоне гор Ансария, на границе с Букайей. Тем временем Раймунд отправил в Иерусалим гонца, который должен был передать королю Фульку просьбу о

помощи.

Незадолго до этого Фульк получил просьбу о помощи, доставленную из Антиохии, но в то же время он не мог игнорировать и угрозу со стороны мусульман, нависшую над Триполи. Он, включив в состав своего войска всех людей, которых только смог собрать, поспешил навстречу Раймунду, и вместе они совершили марш-бросок вокруг Ансарии к Монферрану. Это путешествие далось им нелегко, и вскоре их армия оказалась в весьма плачевном состоянии. Услышав о приближении франков, Занги отступил, но, узнав о том, в каком состоянии находится их войско, вернулся и взял Фулька и Раймунда, выходявших из-за холмов, располагавшихся неподалеку от замка, в кольцо. Ему удалось застать измученных франков врасплох. Они храбро сражались, но битва завершилась очень быстро. Большинство христиан было убито и осталось лежать на поле боя. Других, включая самого графа Триполи, взяли в плен, а Фулька, которого сопровождал небольшой отряд телохранителей, удалось укрыться в крепости.

До того как солдаты Занги успели окружить Монферран, Фульк отправил к патриарху Иерусалима, графу Эдессы и князю Антиохии гонцов с письмом, в котором просил своих адресатов срочно прийти ему на помощь. Его просьбу исполнили все трое, позабыв о других проблемах, так как захват в плен короля и всех его рыцарей мог привести к уничтожению королевства. Патриарх Гильом собрал в Палестине остатки народного ополчения и повел это войско, впереди которого несли истинный крест, к Триполи. С севера во главе армии прибыл граф Эдессы Жослен, на время забывший обо всех «домашних» проблемах. По пути к нему присоединился князь Антиохии Раймунд, которому в тот момент вообще не следовало покидать столицу своего княжества.

К счастью жителей Палестины, в которой не осталось ни одного мужчины, способного держать в руках оружие, ее соседи не были готовы к военным действиям. В Египте произошел дворцовый переворот, в ходе которого армянский визирь Вахрам уступил место ярому ненавистнику христиан Ридвану ибн аль-Валакши, полностью посвятившему себя расправе с друзьями своего предшественника и конфликтам с халифом. Гарнизон Аскалона предпринял набег на Лидду, но не более того. Дамасский мамлюк Базаваш представлял большую угрозу для Палестины, и как только патриарх покинул Иерусалим, он вторгся на ее территорию и разграбил ее, дойдя вплоть до Наблуса, население которого его солдаты перебили. Однако он опасался последствий, которые могли бы наступить для Дамаска, если Занги также решил бы закрепить свою победу и

слишком сильно надавил бы на франков.

В конце июля армии правителей, пришедших на помощь королю, собрались в Букайе. Тем временем король, скрывавшийся в Монферране, впал в отчаяние. Он не знал, что происходит за пределами замка, запасы продовольствия заканчивались, а десять огромных баллист, имевшихся в распоряжении Занги, днём и ночью метали снаряды в стены Монферрана. В конце концов Фульк отправил к Занги посланника, который должен был узнать, на каких условиях тот готов отпустить короля. К огромной радости Фулька, Занги потребовал только Монферран. Сдав крепость, король и его люди могли свободно уйти. Более того, Занги обещал отпустить всех рыцарей, захваченных в плен во время битвы, включая графа Триполи, не требуя при этом за них выкуп.

Фульк тотчас же принял эти условия. Занги сдержал свое слово. К нему привели короля и его телохранителей, и он обращался с ними весьма уважительно, а Фулька даже подарил богатое одеяние. К франкам вывели их товарищей, вместе с которыми им разрешили уйти. В Букайе, гораздо ближе, чем полагали король и сопровождавшие его рыцари, они встретили пришедшее им на помощь войско. Некоторые из них, узнав, что, продержись они чуть дольше, их бы спасли, были раздосадованы, но более мудрые обрадовались тому, что им удалось так легко уйти.

Снисходительность Занги никогда не перестанет поражать историков. Однако он прекрасно знал, что делает. Монферран был отличным приобретением. Овладев им, Занги получал возможность не пускать франков в верхнюю часть долины Оронта. Кроме того, благодаря прекрасному расположению замок позволял следить за Хамой и принадлежавшим Дамаску Хомсом. Заполучить Монферран без боя было большой удачей, ибо Занги не стал бы рисковать и вступать в бой с войском франков в непосредственной близости от границы Дамаска, правитель которого, как он понимал, не преминет воспользоваться ситуацией. Более того, как и его противники-франки, он, услышав новости, пришедшие с севера, испытал беспокойство.

Глава 3. Притязания императора

*Пусть не доверяет суете заблудший, ибо суета
будет и воздаянием ему.*

Книга Иова, 15: 31

Франков и армян заставило заключить союз то же, что вынудило князя Раймунда покинуть Антиохию, а Занги — пощадить своих врагов, а именно новость о приближении к Киликии многочисленного войска, которое лично возглавил император Иоанн Комнин. С тех пор как император Алексей Комнин не сумел во время Первого крестового похода попасть в Антиохию, политики, участвовавшие в управлении франкскими государствами, вежливо игнорировали Византию. Даже несмотря на провалившуюся попытку Боэмунда вторгнуться на ее территорию с запада, Алексей не мог обеспечить выполнение условий договора, заключенного им с Боэмундом. Жившие в Антиохии франки прекрасно знали, что византийский император занят решением проблем, возникших гораздо ближе к его дому.

Этим он занимался на протяжении почти 30 лет. К числу этих проблем относились войны, разгоравшиеся на границах империи; вторжения половцев, прошедших вдоль низовий Дуная в 1114 и 1121 гг.; постоянно напряженные отношения с венграми в среднем течении Дуная, которые в 1128 г. превратились в открытую войну, и венгры смогли продвинуться вглубь Балканского полуострова вплоть до Софии, но императору удалось оттеснить их на их собственную территорию и одержать там над ними победу.

Итальянские торговые города периодически нападали на территорию империи, чтобы получить торговые привилегии. Пизанцам удалось заключить с византийцами выгодный договор в 1111 г., а венецианцы после войны, разгоревшейся из-за отказа императора Иоанна подтверждать уступки, полученные ими от его отца, и продлившейся на протяжении четырех лет, в 1126 г. вернули себе все свои права.

Норманны, жившие в Южной Италии и усмирившиеся после поражения Боэмунда в битве при Диррахии, снова стали представлять угрозу в 1127 г., когда Рожер II Сицилийский занял Апулию. Рожер II, принявший в 1130 г. титул короля, как и другие члены его семьи, искренне ненавидел Византию,

хотя при этом копировал использовавшиеся в ней методы и являлся покровителем византийского искусства. Однако он был человеком настолько амбициозным, что, как правило, союзников, готовых выступить против него, найти было несложно. Рожер хотел не только править всей Италией, но и, как единственный оставшийся в живых представитель рода Отвилей по мужской линии, претендовал на Антиохию, а благодаря договору, заключенному между его матерью Аделаидой и Балдуином I, — и на Иерусалим.

Жизнь в Малой Азии также не была мирной. Во время Первого крестового похода и после него Алексей закрепился на западной трети полуострова, а также на его северном и южном побережьях, и для того, чтобы соединить свои владения, ему оставалось лишь разобраться с правителями-турками. Однако во внутреннюю часть полуострова все еще проникали группы туркмен, которых (как и их скота) там становилось все больше. Их проникновение в прибрежные долины с их более мягким климатом и богатыми пастбищами было неизбежным. С их появлением привычному образу жизни земледельцев-христиан пришел конец. Чем слабее становились местные правители, тем большую опасность для империи представляли ее непокорные подданные-кочевники.

Когда в 1118 г. император Алексей скончался, находившаяся под властью турок часть Анатолии была разделена между Масудом, султаном из династии Сельджукидов, правившим из Коньи южной частью полуострова — от Сангариуса до Тавра, и эмиром Гази II из династии Данишмендидов, владения которого простирались от Галиса до Евфрата. Они включили в состав своих земель и уничтожили менее крупные эмираты, располагавшиеся между их владениями, за исключением Мелитены на востоке, где правил младший брат Масуда Тогрул, регентами при котором были его мать и ее второй муж Балак из династии Артукидов. Несмотря на победу византийцев в битве при Филомелионе в 1115 г. и предпринятую после этого попытку прочертить границу, на протяжении последовавших за этим лет турки сумели вернуть себе фригийскую Лаодикею и вторгнуться в долину реки Меандр и перекрыть путь в Атталию. Тогда же Данишмендиды двигались на запад — в Пафлагонию. Император Алексей намеревался отправиться в поход, чтобы восстановить границы Анатолии, но в его планы вмешалась болезнь, ставшая для него последней.

Восшествие на престол императора Иоанна стало началом новой эпохи расцвета Византии. Новый император, прозванный подданными Калоиоанн, Красивый Иоанн, был одним из тех редких людей, о которых

все историописатели-современники (за исключением одного автора) не могли сказать ничего плохого. Этим исключением стала его собственная сестра. Анна Комнина была старшей из детей Алексея. Еще в детстве она была обручена с соправителем империи Константином Дукой, которого Алексей обещал сделать наследником престола. Муж Анны умер в юном возрасте незадолго до появления на свет ее брата, что стало тяжелым ударом по ее амбициям. Она пыталась исправить эту несправедливость и, получив согласие матери, стала уговаривать отца завещать трон ее второму мужу кесарю Никифору Вриеннию.

Даже когда Алексей лежал на смертном одре, трогательно ухаживавшие за ним дочь и жена требовали, чтобы он лишил Иоанна наследства. Но Алексей уже решил, что сын должен стать его преемником. Когда Иоанна пустили к ложу отца, чтобы попрощаться с ним, умирающий император незаметно передал ему свой перстень с императорской печатью, и Иоанн спешно отошел от смертного одра, чтобы обеспечить охрану дворцовых ворот. Торопился он не зря. Армия и сенат тотчас же признали его императором, а патриарх спешно подтвердил их решение, проведя в соборе Святой Софии обряд коронации. Таким образом Иоанн сумел обставить Анну и императрицу-мать. Однако он все же боялся, что их сторонники попытаются покончить с ним. Новый император даже отказался от посещения похорон отца, полагая (и небезосновательно), что с ним расправятся именно там.

Через несколько дней после похорон Анна организовала заговор. Иоанна должны были убить, пока он находился во дворце в столичном пригороде Филопатион. Однако у этого заговора была одна слабая сторона — в результате на троне должен был оказаться Никифор Бриенний, совершенно не желавший становиться императором. Возможно, именно он предупредил Иоанна. Император очень милосердно обошелся с участниками заговора. Императрица Ирина, которая, возможно, в нем не участвовала, отбыла в монастырь. Владения ключевых сторонников Анны конфисковали, но впоследствии многим из них земли были возвращены. Сама Анна также ненадолго была лишена своих владений и стала жить в полном уединении. Никифору удалось избежать наказания. И он, и его жена нашли утешение в менее ответственном, чем стезя императора, деле историописания.

Теперь Иоанн мог чувствовать себя в безопасности. Этому невысокому, худому, темноволосому и темноглазому человеку со смуглым лицом было почти 30 лет. При этом он был весьма аскетичен и не разделял увлечения большинства членов своей семьи литературой и теологическими

диспутами. Кроме того, он был солдатом и в походах чувствовал себя гораздо увереннее, чем во дворце. Но при этом Иоанн был талантливым и беспристрастным управленцем, и, несмотря на строгость к самому себе, он мог быть щедрым по отношению к друзьям и к бедным, а в случае необходимости был вполне способен явиться на ту или иную церемонию или событие во всем императорском величии. Он с большим терпением и любовью относился к своим родным и был верен жене — венгерской принцессе Пирошке, во время крещения получившей имя Ирина. Хотя супруга Иоанна и разделяла его нелюбовь к роскоши и стремление к благотворительности, она не оказывала на него какого-либо влияния. Единственным близким другом императора был великий domestik — турок по имени Аксук, в детстве попавший в плен во время захвата Никеи в 1097 г. и выросший во дворце.

Иоанн прекрасно понимал, чем должен заниматься византийский император. От отца он унаследовал сильный флот и армию, состоявшую из представителей множества народов, но способную похвастаться отличной дисциплиной и снаряжением, а также сокровищницу, в которой было достаточно богатств для того, чтобы вести активную политику. Он хотел не только сохранить границы империи, но и расширить их, вернув территории, принадлежавшие ей в древности, а также претворить в жизнь претензии на земли в Северной Сирии.

В первый поход против турок Иоанн отправился весной 1119 г. Он прошел через Фригию и захватил Лаодикею. Затем срочные дела заставили его уехать в Константинополь, но через месяц император вернулся, занял Созополь и снова открыл путь в Атталию. В то время как сам он руководил нападением на Сельджуков на западе, Иоанн обеспечил возможность атаки на Данишмендидов на востоке. Наместник Трапезунда Константин Гаврас, воспользовавшись ссорой между эмиром Гази и его зятем Ибн Мангу, турецким князьком, правившим Таранаги в Армении, выступил в поддержку последнего. Однако Гази, заключив союз с правителем Мелитены Тогрулом, одержал победу над Гаврасом и пленил его. Для того чтобы оказаться на свободе, правителю Трапезунда пришлось заплатить 30 000 динаров. Конфликт между Гази и Тогрулом не позволил туркам воспользоваться своей победой.

На протяжении нескольких последовавших за этим лет Иоанн не мог вторгнуться в Анатолию, так как на это время пришлось значительное усиление власти Данишмендидов. В 1124 г., когда Балак, представитель династии Артукидов и отчим правителя Мелитены Тогрула, был убит во время сражения в Джезире, эмир Гази вторгся в Мелитену и, к радости

местных христиан, считавших его мягким и справедливым правителем, захватил ее. Затем он отправился на запад и отвоевал у византийцев Анкару, Гангру и Кастамону, а потом распространил свою власть на территории, простиравшиеся вплоть до побережья Черного моря. Константин Гаврас воспользовался тем, что Трапезунд лишился сухопутной границы с Византией, объявил себя независимым правителем.

В 1129 г., когда умер князь из династии Рубенидов Торос, Гази обратил внимание на юг. В следующем году, заключив союз с армянами, он убил князя Антиохии Боэмунда II в сражении на берегу реки Джейхан. Как бы Иоанн ни относился к Антиохийскому княжеству, он не хотел, чтобы оно оказалось во власти могущественного мусульманского правителя. Благодаря его стремительному вторжению в Пафлагонию Гази не сумел закрепить свою победу. К счастью, Сельджукиды, правившие в Анатолии, были нейтрализованы — они оказались слишком заняты своими семейными конфликтами.

В 1125 г. султана Масуда низверг его собственный брат Араб. Масуд бежал в Константинополь, где был принят императором со всеми причитавшимися ему по статусу почестями. Затем он отправился к своему тестю — представителю династии Данишмендидов Гази, с помощью которого после продлившейся на протяжении четырех лет борьбы сумел вернуть свой трон. Когда это произошло, Араб бежал в Константинополь, где и умер.

Начиная с 1130 г. и заканчивая 1135 г. Иоанн ежегодно отправлялся в походы против Данишмендидов. Дважды ему приходилось возвращаться из-за интриг, которые плел его брат севастократор Исаак. Последний бежал из дворца в 1130 г. и в течение последовавших за этим девяти лет вступал в переговоры с различными правителями — мусульманами и армянами. В 1134 г. внезапно умерла императрица, и Иоанну также пришлось отвлечься от войн. К сентябрю 1134 г., когда византийцы оказались в более выгодном положении благодаря смерти эмира Гази, император вернул в состав Византии все потерянные ранее территории, за исключением города Гангры, который он сумел захватить только следующей весной. Мухаммед, сын и преемник Гази, встревоженный семейными дразгами, не мог позволить себе агрессивную политику, а Масуд, лишенный поддержки Данишмендидов, был вынужден договариваться с Иоанном.

Разобравшись с турками Анатолии, император получил возможность переключиться на Сирию. Однако сначала ему следовало обезопасить тыл. В 1135 г. ко двору императора Священной Римской империи Лотаря прибыло византийское посольство. Послы от имени Иоанна предложили

заплатить Лотарю крупную сумму денег, если тот вступит в войну с королем Сицилии Рожером. Переговоры продолжались на протяжении нескольких месяцев. В конце концов Лотарь согласился напасть на Рожера весной 1137 г. В 1128 г. потерпели поражение венгры, а в результате похода, предпринятого в 1129 г., были покорены сербы. Теперь Иоанн мог не опасаться угрозы со стороны обитателей земель, расположенных в нижнем течении Дуная. Заключив в 1126 г. договор с пизанцами, император разрушил их союз с норманнами. Кроме того, он сумел наладить отношения с венецианцами и генуэзцами.

Весной 1137 г. в Атталии собралась византийская армия, которой командовали император и его сыновья. Оттуда византийцы направились на восток и вошли в Киликию. С фланга войско прикрывал флот. Услышав о приближении византийской армии, и армяне, и франки были крайне удивлены. Представитель династии Рубенидов Левон, бывший хозяином равнины на востоке Киликии, решив помешать продвижению этого войска, попытался захватить византийскую крепость Селевкию, но был вынужден отступить. Император двигался дальше. По мере его продвижения ему открывали ворота Мерсин, Тарс, Адана и Мамистра. Армянский князь надеялся, что сможет укрыться в хорошо укрепленном Аназарбе. Гарнизон этого города продержался 37 дней, но осадные машины византийцев пробили стены, и городу пришлось сдаться. Левон отошел к Тавру, и император решил не преследовать его. Уничтожив несколько располагавшихся неподалеку армянских замков, Иоанн повел свое войско на юг, мимо Исса и Александретты, и, пройдя через Сирийские ворота, византийцы вышли на равнину, на которой стояла Антиохия. Оказавшись 29 августа у городских стен, они разбили лагерь на северном берегу Оронта.

Князя в Антиохии в тот момент не было. Раймунд де Пуатье отправился к Монферрану на помощь королю Фульку; вместе с ним уехал и граф Эдессы Жослен. Добравшись до Букайи, они узнали, что король уже обрел свободу. Фульк собирался лично отправиться в Антиохию, чтобы сразиться с византийцами, но после событий в Монферране предпочел отправиться в Иерусалим. Раймунд поспешил в Антиохию, но, подойдя к городу, выяснил, что император уже приступил к его осаде, однако полностью взять в кольцо город еще не успели. Благодаря этому князь сумел в сопровождении своих телохранителей тайно проникнуть в Антиохию, пройдя через Железные ворота.

Византийские осадные машины на протяжении нескольких дней кидали снаряды в городские стены. Раймунд не мог рассчитывать на

помощь извне и беспокоился из-за настроений, царивших в самом городе. Теперь даже многие из его баронов осознали, насколько мудрой была политика Алисы, от которой они отказались. Через непродолжительное время Раймунд отправил Иоанну сообщение, в котором соглашался признать его своим сюзереном, если тот позволит ему править княжеством в качестве наместника. В ответ Иоанн потребовал, чтобы Раймунд сдал ему город, не ставя перед ним каких-либо условий. Тогда князь сказал, что должен посоветоваться с королем Фульком, и спешно отправил в Иерусалим гонца с письмом.

Однако ответ Фулька не обнадеживал. «Все мы знаем, — писал король. — И старшие всегда учили нас, что Антиохия принадлежала Константинополю до того, как ее захватили турки, удерживавшие ее на протяжении четырнадцати лет, и что слова императора о договорах, заключенных нашими предками, правдивы. Должны ли мы тогда отрицать правду и мешать тому, что правильно?» Получив от короля, которого он считал своим сюзереном, такой совет, Раймунд решил, что больше не может сопротивляться. Его послы выяснили, что Иоанн готов пойти на компромисс. Раймунд должен был прибыть в византийский лагерь и принести императору полную вассальную клятву, признав таким образом его своим сеньором, а также позволить ему войти в город и цитадель. Более того, если византийцы с помощью франков сумеют захватить Алеппо и соседние города, Раймунд должен был отдать Иоанну Антиохию, а вместо нее получить княжество, в состав которого войдут Алеппо, Шайзар, Хама и Хомс. Князь неохотно согласился. Он вышел из города, встал перед императором на колени и принес ему присягу. После этого Иоанн не стал настаивать на своем праве войти в Антиохию, но приказал повесить над цитаделью имперский штандарт.

Эти переговоры показали, что действия императора вызвали обеспокоенность франков. Возможно, ответ Фулька был обусловлен сиюминутными потребностями. Король прекрасно знал о той враждебности, с которой Занги относился к королевству франков, и не хотел оскорблять единственного христианского правителя, способного сдержать мусульман. Вероятно, не обошлось здесь и без влияния королевы Мелисенды, стремившейся таким образом оправдать действия своей сестры Алисы и унижить человека, который обманул ее. Однако письмо короля, очевидно, было составлено с учетом мнения его законников. Несмотря на всю пропаганду Боэмунда I, наиболее добросовестные крестоносцы помнили, что договор, заключенный между Алексеем и их предками в Константинополе, все еще действует. Антиохию следовало

вернуть Византии, а Боэмунд и Танкред, нарушив данные ими клятвы, утратили право на какие-либо притязания. Эта точка зрения, вероятно, была еще более проимперской, чем мнение самого Иоанна.

Византийские императоры всегда были реалистами. Они понимали, что выгонять франков из Антиохии, не предложив им компенсацию, непрактично и глупо. Более того, они предпочитали располагать на границе своих владений вассальные государства, осуществляющие свою политику под контролем Византии, но в то же время способные принять на себя вражеский удар. Таким образом, Иоанн в своих притязаниях руководствовался не договором, заключенным в Константинополе, а тем, который Боэмунд подписал на берегу реки Деволи. Император потребовал отдать ему Антиохию, не ставя при этом каких-либо условий, как будто Раймунд был вассалом, восставшим против своего сеньора, но в то же время он был готов сохранить за княжеством статус вассального государства. При этом Иоанну было необходимо, чтобы оно тотчас же начало участвовать в его военных кампаниях против мусульман.

Однако для нового похода было уже слишком поздно, поэтому Иоанн, установив свою власть над Антиохией, вернулся в Киликию, чтобы довести до конца ее завоевание. Князья из династии Рубенидов, увидев византийскую армию, бежали в горы Тавра. Трое из сыновей Левона: Степан, Млех и слепой Константин — укрылись у своего двоюродного брата графа Эдессы Жослена. Родовая крепость Вахка, которой отважно командовал Константин, продержалась несколько недель. Слепой сын Левона вступил в рукопашный бой с Евстратием, солдатом из македонского отряда, и их схватка произвела неизгладимое впечатление на все византийское войско. Вскоре после падения крепости сам Левон и его старшие сыновья Рубен и Торос были захвачены в плен. Их отправили в Константинополь и заключили в тюрьму, где Рубен вскоре был казнен. Но Левон и Торос снискали расположение императора и жили под надзором византийских властей. Левон умер через четыре года, а Торосу удалось бежать и вернуться в Киликию.

Когда завоевание этой области было завершено, Иоанн вернулся на Киликийскую равнину, где планировал перезимовать. Туда к нему прибыл владетель Мараша Балдуин, принесший ему вассальную клятву и попросивший помощи в борьбе с турками. Тогда же император отправил послов к Занги, стремясь заставить того поверить, будто византийцы не желают вступать с ним в вооруженный конфликт.

В следующем феврале, следуя приказу императора, власти Антиохии внезапно арестовали всех купцов и путешественников из Алеппо и

соседних с ним городов с мусульманским населением, чтобы те не успели отправить домой сообщения о приготовлениях к войне, которые нельзя было не заметить. Ближе к концу марта византийское войско выдвинулось к Антиохии, где к нему присоединились армии антиохийского князя и графа Эдессы, а также отряд тамплиеров. В итоге 1 апреля союзники вступили на вражескую территорию и заняли Балат. Затем, 3 апреля, они подошли к Бизаа, сопротивлявшемуся под руководством жены командира на протяжении пяти дней. В течение недели союзники отлавливали в окрестностях мусульманских солдат, большинство из которых укрывалось в пещерах Эль-Бабы, откуда их выкуривали византийцы.

В это время Занги находился у Хамы, пытаясь выгнать оттуда дамаский гарнизон. Когда разведчики сообщили ему о вторжении христиан, он спешно отправил несколько отрядов во главе с Саваром в Алеппо, чтобы усилить местный гарнизон. Иоанн надеялся застать горожан врасплох, но, прибыв к Алеппо 20 апреля и произведя атаку, он выяснил, что город прекрасно укреплен и готов к обороне. Император решил не горячиться с организацией осады и отошел на юг. Уже 22 апреля он занял Атариб, 25-го — Мааррат-эн-Нууман, а 27-го — Кафр-Таб. Благодаря этому 28 апреля его армия подошла к Шайзару.

Шайзаром правил Абуль Асакир Султан, эмир из династии Мункизидов, сумевший сохранить независимость от Занги. Возможно, Иоанн надеялся, что из-за этого последний не станет беспокоиться за судьбу города. Но, завладев им, христиане смогли бы контролировать среднее течение Оронта и помешали бы дальнейшему продвижению войска Занги в Сирию. Полные решимости византийцы приступили к осаде и вскоре заняли часть нижнего города, а император велел пригнать огромные баллисты, из которых можно было метать снаряды по верхнему городу, стоявшему на отвесной скале над Оронтом. В источниках, написанных как на латыни, так и на арабском языке, содержится рассказ о храбрости, проявленной императором, о его энергичности и эффективности предпринятого им обстрела города. Казалось, его золоченый шлем виднелся везде — Иоанн успевал и инспектировать осадные машины, и воодушевлять осаждавших, и утешать раненых. Племянник эмира Усама описывал ужасные разрушения, причиной которых стали греческие катапульты. Единственный снаряд мог уничтожить целый дом, а железный флагшток, на котором был закреплен штандарт эмира, падая, пронзил тело человека, шедшего по улице, из-за чего тот погиб.

Однако в то время как император и его инженеры неутомимо обстреливали город, франки не предпринимали решительных действий.

Раймунд опасался того, что, захватив Шайзар, Иоанн заставит его поселиться в этом городе, расположенном на границе христианских земель, и оставить комфортную жизнь в Антиохии. В свою очередь, Жослен, ненавидевший Раймунда, не желал, чтобы тот стал владельцем Шайзара, а впоследствии и Алеппо. Он всеми силами старался пробудить в Раймунде его лень и недоверие к византийцам. Вместо того чтобы участвовать в осаде, два правителя франков оставались в своей палатке, где играли в кости. Упреки императора заставляли их перейти к активной деятельности, но она оказывалась совершенно непродуктивной, и вскоре они возвращались к своему прежнему занятию.

Тем временем Занги снял с Хамы осаду и двинулся в сторону Шайзара. Его послы поспешили в Багдад. Сначала султан не реагировал на их просьбы о помощи, но из-за народных волнений, участники которых призывали к войне с неверными, был вынужден отправить к Шайзару войско. Дауд из династии Артукидов обещал прислать из Джебел-Арнут армией, состоявшую из 50 000 туркмен. Занги также отправил письмо эмиру из династии Данишмендидов с просьбой осуществить в Анатолии отвлекающий маневр. Знал он и о разногласиях между франкскими правителями и императором. Агенты Занги, проникшие в лагерь христиан, изо всех сил старались еще больше разжечь в Жослене и Раймунде чувство обиды на Иоанна.

Несмотря на всю решимость Иоанна, прекрасное расположение Шайзара на холмах, смелость его защитников и апатия франков не позволяли ему взять город. Некоторые его союзники предлагали выступить навстречу Занги, войско которого по численности уступало византийскому, и сразиться с ним. Но император не хотел бросать осадные машины и в то же время не доверял франкам. Риск был слишком велик. Иоанн сумел захватить весь нижний город, после чего, примерно 20 мая, эмир Шайзара отправил к нему гонца, предложившего императору крупную компенсацию и подарки: лучших коней и шелковые одеяния, а также два самых ценных предмета из сокровищницы — стол, инкрустированный драгоценными камнями, и крест, украшенный рубинами, захваченный за 67 лет до этого в битве с войском императора Романа Диогена при Манцикерте. Кроме того, он соглашался признать византийского императора своим сюзереном и ежегодно платить ему дань. Иоанн, разочаровавшись в своих союзниках-католиках, согласился на эти условия и 21 мая снял осаду. Как только многочисленное византийское войско отошло от города, направляясь в сторону Антиохии, к Шайзару подошла армия Занги. Но, проведя несколько небольших стычек, мусульманский полководец не рискнул

нападать на отступавших.

Когда византийское войско подошло к Антиохии, Иоанн заявил, что должен торжественно войти в город. Он въехал в Антиохию, сидя на коне, в то время как князь Антиохии и граф Эдессы, исполняя роль его оруженосцев, шли пешком по бокам его лошади. У ворот Иоанна встретили патриарх и представители духовенства, проводившие его по увешанным флагами улицам к собору, где прошло торжественное богослужение, а затем во дворец, где он поселился. Он призвал туда князя Антиохии и намекнул, что, раз Раймунд не сумел достойно выполнить долг вассала, он должен впустить в город византийскую армию и передать императору цитадель. Затем Иоанн отметил, что планы новых походов против мусульман будут разрабатываться в Антиохии и цитадель ему нужна для того, чтобы устроить в ней сокровищницу и хранить там военное оборудование.

Франки пришли в ужас. Раймунд попросил дать ему время на размышление, а Жослен тайно покинул город. Оказавшись за пределами городских стен, он велел своим солдатам распустить среди живших в Антиохии католиков слух о том, что император потребовал, чтобы их немедленно изгнали, и настроить их против греческого населения. Когда начались волнения и стычки между представителями двух ветвей христианства, Жослен отправился во дворец и заявил Иоанну, что пришел, рискуя собственной жизнью, чтобы предупредить императора об опасности. На улицах и правда царили беспорядки, а наиболее неосторожных греков убивали.

На Востоке невозможно определить, насколько большого масштаба может достичь бунт. Иоанн не хотел, чтобы жившие в городе греки страдали, а его самого зарезали во дворце, где его защищали лишь личные телохранители, в то время как само войско осталось на берегу Оронта. Кроме того, он узнал, что Занги сумел сделать так, что анатолийские сельджуки вторглись в Киликию и внезапно напали на Адану. Император понимал, что Жослен обманул его, но в то же время знал, что, прежде чем вступать в открытый конфликт с католиками, ему следует наладить линии коммуникации. Иоанн послал за Раймундом и Жосленом и сказал им, что требует от них лишь повторить уже данную прежде вассальную клятву, после чего вернется в Константинополь. Затем он покинул дворец, чтобы воссоединиться со своей армией, после чего князь с графом быстро успокоили восставших. Однако они все еще нервничали и жаждали вернуть расположение императора. Раймунд даже предложил пустить в Антиохию византийских чиновников, вполне обоснованно надеясь, что Иоанн не

примет столь наигранное предложение. Вскоре после этого император тепло попрощался с Раймундом и Жосленом, хотя, несмотря на внешние заверения в вечной дружбе, все трое так и не сумели преодолеть взаимное недоверие. Затем Иоанн повел свою армию обратно в Киликию.

Примечательно, что в ходе переговоров, которые Иоанн вел с франками по поводу Антиохии, никто ничего не говорил о церкви. Согласно договору, подписанному на берегу реки Деволи, патриархат должен был снова стать православным. Католические церковные власти наверняка опасались, что император решит вспомнить об этом условии, тем более что в марте 1138 г. папа Иннокентий II, несомненно отвечая на доставленное из Антиохии воззвание, издал указ, в соответствии с которым любому прихожанину католической церкви запрещалось оставаться в составе византийской армии, если она перейдет к действиям, направленным против католических властей Антиохии. Очевидно, Иоанн не хотел способствовать усилению религиозных разногласий до тех пор, пока не укрепит свое политическое и стратегическое положение. Если бы он сумел предоставить Раймунду княжество взамен Антиохийского, то вполне смог бы вернуть в город греческого патриарха. Однако пока это не произошло, Иоанн публично смирился с присутствием латинского патриарха Рауля де Домфрона, который во время торжественного въезда императора в Антиохию встретил его и проводил в собор, где было организовано богослужение.

Иоанн, оставив в Киликии часть войска, которая должна была наказать султана Масуда из династии Сельджукидов за вторжение на территорию этого региона, медленно двинулся в Константинополь. Масуд попросил о мире и заплатил компенсацию. На протяжении 1139 и 1140 гг. император был занят противостоянием с эмиром из династии Данишмендидов, противником намного более опасным, чем Сельджукид. В 1139 г. Мухаммед не только вторгся в верхнюю Киликию и занял замок Вахка, но и возглавил поход на запад, дойдя до реки Сангариус. Безопасность на северном фланге ему обеспечивал союз с Константином Гаврасом, непокорным правителем Трапезунда. Летом 1139 г. Иоанн изгнал Данишмендида из Вифинии и Пафлагонии, а осенью продвинулся на восток вдоль побережья Черного моря. Константин Гаврас покорился императору, и византийская армия повернула вглубь материка, чтобы начать осаду принадлежавшей Данишмендидам крепости Никсар. Это оказалось непросто, так как крепость могла похвастаться прекрасным расположением и была очень хорошо укреплена. Кроме того, в безлюдной горной местности было сложно поддерживать пути сообщения. Иоанн был

расстроен из-за того, что его войско несло тяжелые потери. К тому же его племянник Иоанн, сын его брата Исаака, переметнулся на сторону врага, принял ислам и женился на дочери Масуда. Впоследствии султаны Османской империи утверждали, что именно он стал их родоначальником. Осенью 1140 г. Иоанн отказался продолжать кампанию и вместе со своей армией вернулся в Константинополь, намереваясь возобновить поход в следующем году. Однако его планам не суждено было сбыться: эмир Мухаммед умер, действия его наследников привели к гражданской войне, и влияние Данишмендидов стало сходиться на нет. Теперь Иоанн мог вернуться к более масштабным замыслам и снова обратить внимание на Сирию.

К тому времени он лишился всех результатов сирийского похода 1137 г. В мае 1137 г. Занги отбил у франков Кафр-Таб и Мааррат-эн-Нууман, а осенью он занял Атариб и Бизаа. На протяжении последующих четырех лет, когда он был занят попытками захватить Дамаск, бездеятельные франки, жившие на севере, так и не сумели воспользоваться ситуацией. Каждый год Раймунд и правитель Алеппо Савар поочередно устраивали набеги на владения друг друга, но никто из них так и не организовал масштабную кампанию. В графстве Эдесса благодаря конфликтам между мусульманскими правителями, владения которых располагались на его границах, царил относительный мир, определенный вклад в который внесла и смерть Мухаммеда, эмира из династии Данишмендидов. Императору Иоанну, следившему за ситуацией из Константинополя, стало понятно, что жившие в Северной Сирии франки оказались плохими воинами Христовыми.

Мнимая бездеятельность Раймунда была обусловлена, с одной стороны, нехваткой человеческих ресурсов, а с другой — ссорой с патриархом Раулем. Он не собирался выполнять клятву, данную патриарху, согласно которой обещал подчиняться ему во всем. К тому же князя сильно злило высокомерие Рауля. Он нашел союзников среди членов кафедрального капитула, которых возглавили архидиакон Ламберт и каноник Арнульф из Калабрии. Воодушевленные Раймундом, в конце 1137 г. они отправились в Рим, чтобы пожаловаться на несоблюдение Раулем ритуала избрания патриарха. Проезжая по владениям короля Рожера II, Арнульф, родившийся в этих землях, стал настраивать его против Рауля, заявляя, будто именно патриарх позволил Раймунду занять антиохийский трон, заполучить который так страстно жаждал Рожер.

Рауль был вынужден отправиться вслед за ними в Рим, чтобы оправдаться. Когда он прибыл на юг Италии, Рожер велел арестовать его. Но патриарх обладал настолько прекрасными манерами и был столь

убедителен, что вскоре сумел перетянуть Рожера на свою сторону. Затем он продолжил путь в Рим, где снова одержал победу благодаря своему обаянию. Он добровольно снял паллий и положил его на алтарь Святого Петра, а затем получил обратно из рук папы. Когда он отправился обратно, чтобы снова занять патриарший престол, и проезжал через юг Италии, король Рожер встретил его как почетного гостя. Однако по прибытии в Антиохию выяснилось, что священнослужители, которых поддерживал Раймунд, отказались оказывать ему предусмотренные в подобных случаях почести и встречать его у городских ворот. Рауль, играя роль мягкого человека, чувства которого задеты, тайно удалился в монастырь, располагавшийся неподалеку от Святого Симеона. Там он оставался до тех пор, пока граф Эдессы Жослен, никогда не упускавший шанс смутить Раймунда, не пригласил его в столицу своих владений, где его приняли, как подобает духовному владыке. Вскоре Раймунд решил, что для него будет лучше, если Рауль вернется в Антиохию. Когда тот вошел в столицу, его удостоили всех почестей, которых он так жаждал.

Однако благодаря действиям Раймунда в Риме снова началось расследование, направленное на то, чтобы определить статус Рауля. Весной 1139 г. в Антиохию отправился архиепископ Лиона Петр, который должен был выслушать дело там, где все произошло. Петр, человек весьма преклонного возраста, сначала отправился в паломничество к святым местам, но во время этого путешествия умер в Акре. Его смерть обескуражила врагов Рауля, и даже Арнульф из Калабрии признал его патриархом. Однако охваченный высокомерием Рауль отказался примиряться с Арнульфом, из-за чего тот снова отправился в Рим и убедил папу послать на Восток нового легата — епископа Остии Альберика.

Тот прибыл в Антиохию в ноябре 1139 г. и тотчас же созвал церковный собор, участие в котором приняли все католические прелаты Востока, включая иерусалимского патриарха. Вскоре стало понятно, что участники собора с большей симпатией относятся к князю и к тем священнослужителям, которые отказались признавать Рауля патриархом. Последний отказался присутствовать на заседании, проводившемся в соборе Святого Петра, а его единственного сторонника архиепископа Апаimei Серло выгнали из собора, когда он выступал в защиту патриарха.

После того как Рауль трижды не отреагировал на призыв явиться на собор и ответить на предъявленное ему обвинение, его объявили низложенным. Вместо него участники собора избрали патриархом Альмерика из Лиможа, возглавлявшего капитул, человека грубого, энергичного и едва умевшего писать, который был обязан своим

возвышением Раулю, но затем, поступив весьма осмотрительно, добился дружбы Раймунда. Впоследствии бывший патриарх бежал в Рим, где сумел снова добиться расположения папы и кардиналов. Однако он умер в 1142 г., прежде чем успел воспользоваться их помощью и вернуть себе титул патриарха. Некоторые поговаривали, что Рауля отравили. Все это позволило Раймунду заручиться поддержкой антиохийских священнослужителей. Однако высокомерное поведение патриарха оставило весьма негативное впечатление, затронувшее даже тех священнослужителей, которые изначально являлись его наиболее яркими противниками.

Весной 1142 г. Иоанн был готов вернуться в Сирию. Как и в 1136 г., он обеспечил безопасность своего тыла, заключив с правителем Германии союз, направленный против короля Сицилии Рожера. Его послы отправились ко двору Конрада III, преемника Лотаря, где были достигнуты все необходимые договоренности, в том числе о необходимости закрепить союз с помощью брака. Они вернулись в Константинополь в 1142 г. и привезли с собой Берту Зульцбахскую, свояченицу Конрада, которую крестили по православному обряду под именем Ирина и должны были выдать замуж за младшего сына Иоанна Мануила. Кроме того, император обеспечил и благосклонность итальянских приморских городов.

Итак, весной 1142 г. Иоанн вместе со своими сыновьями повел войско через Анатолию к Атталии, дав отпор сельджукам и их подданным-туркменам, снова пытавшимся прорваться во Фригию, и укрепив приграничные оборонительные сооружения. В Атталии Иоанн понес тяжелую утрату — его старший сын Алексей, которого он назначил своим преемником, внезапно заболел и умер. Его второй и третий сыновья — Андроник и Исаак — отправились в Константинополь на корабле, чтобы доставить тело брата домой, но во время этого путешествия Андроник также скончался.

Несмотря на охватившее его горе, Иоанн выдвинулся на восток, делая вид, будто направляется в верхнюю Киликию, чтобы вернуть крепости, захваченные Данишмендидами. С помощью этой уловки он надеялся не вызвать у франков каких-либо подозрений. Его войско совершило марш-бросок через Киликию и верхнюю часть горного хребта Аманус — Гяур-Даг. В середине сентября оно неожиданно для франков подошло к Турбесселю, второму по значимости городу, принадлежавшему графу Эдессы Жослену. Граф, которого византийцы застали врасплох, поспешил в Турбессель, чтобы оказать почтение императору и предложить ему забрать в качестве заложницы свою дочь Изабеллу.

После этого Иоанн направился к Антиохии и 25 сентября прибыл в Баграс, огромную крепость тамплиеров, которая контролировала дорогу из Киликии в Антиохию. Оттуда он отправил к Раймунду гонца с требованием отдать ему весь город. Кроме того, император снова сообщил, что готов передать князю во владение земли, которые византийцам еще предстояло завоевать.

Раймунд испугался. Было ясно, что император готов применить силу, если его требования не будут выполнены. К тому же он понимал, что местные христиане, скорее всего, станут поддерживать византийцев. Франки попытались потянуть время. Несмотря на то что в 1131 г. он занимал прямо противоположную позицию, теперь князь заявил, что должен посоветоваться со своими вассалами. В Антиохии собрался совет, во время заседания которого вассалы княжества, возможно находившиеся под влиянием нового патриарха, заявили, что Раймунд правит Антиохией лишь как муж ее наследницы, а значит, он не имеет права распоряжаться территорией княжества. Кроме того, по их словам, даже вместе князь и княгиня не могут отчуждать княжество или менять его границы без согласия вассалов, которые перестанут признавать их своими сеньорами, если они совершат нечто подобное.

Епископ Джабалы, который доставил Иоанну ответ собрания вассалов, попытался смягчить реакцию императора на отказ от выполнения его требований, сославшись на авторитет римского папы. Кроме того, он предложил Иоанну совершить торжественный въезд в город. Этот ответ, полностью расхвалившийся со всеми предшествовавшими ему поступками Раймунда, не оставил императору иного выбора, кроме как вступить в войну с Антиохией. Однако время года не позволило ему действовать немедленно. Ограбив франков, живших в окрестностях города, он вместе со своим войском отступил в Киликию, чтобы отвоевать замки, захваченные Данишмендидами, и зазимовать.

Оказавшись в Киликии, Иоанн отправил в Иерусалим, к королю Фульку, послов, которые должны были сообщить о желании императора посетить святыне и обсудить с королем совместные действия против язычников. Фульк пришел в замешательство. Он не хотел появления в Палестине многочисленного византийского войска и понимал, что в качестве расплаты за помощь императора ему придется признать того своим сюзереном. К Иоанну король отправил епископа Вифлеема Ансельма, которого сопровождали кастелян Иерусалима Рохард и Жоффруа, настоятель храма, прекрасно знавший греческий язык и культуру. Они объяснили императору, что Палестина — страна бедная и в

ней невозможно найти продовольствие в количестве, достаточном для всей многочисленной византийской армии, и добавили, что если он прибудет без столь внушительного сопровождения, то король с радостью примет его. Иоанн решил, что пока ему не стоит настаивать.

В марте 1143 г., готовясь к походу на Антиохию, император решил отдохнуть и отправился в горы Тавра, чтобы поохотиться на диких кабанов. Во время охоты он был ранен случайной стрелой. Он не обратил внимания на рану, но она загноилась, и вскоре у Иоанна началось заражение крови. Новость о неминуемой смерти император принял, сумев сохранить самообладание. До последнего дня своей жизни он оставался деятельным, занимаясь вопросами престолонаследия и обеспечивая преемственность правлений. Двое его старших сыновей были мертвы. Третий, Исаак, был весьма капризным молодым человеком. Иоанн решил, что его наследником должен стать Мануил, младший сын, подававший наибольшие надежды, и убедил своего друга великого доместика Аксуха поддержать его. Иоанн лично, несмотря на слабость, возложил венец на голову сына и призвал своих военачальников поприветствовать нового императора. Исповедовавшись святому монаху из Памфилии, Иоанн скончался 8 апреля.

Благодаря смерти Иоанна франкское Антиохийское княжество было спасено. В то время как Аксух спешил в Константинополь, чтобы сообщить о кончине императора и сделанном им выборе, а также помешать сыну Иоанна Исааку предъявить права на трон, Мануил шел во главе византийского войска через Анатолию, направляясь домой. Он мог бы быть уверен в безопасности своей анатолийской столицы, если бы не появление на Востоке новых искателей приключений. Мануил был вынужден отложить масштабный проект отца, но, как выяснилось впоследствии, ненадолго.

Глава 4. Падение Эдессы

Наследство, поспешно захваченное вначале, не благословится впоследствии.

Книга притчей Соломоновых, 20: 21

Узнав о смерти императора, жившие на Востоке франки вздохнули с облегчением и из-за возродившейся уверенности в себе не заметили, насколько сильно обрадовался, услышав эту новость, их главный враг — атабек Занги. На протяжении двух лет начиная с 1141 г. атабек пытался не позволить султану Масуду снова установить над ним свою власть. Вторжение армии султана на территорию, принадлежавшую Мосулу, Занги сумел предотвратить, лишь на время покоровшись султану, передав ему в дар деньги и отправив к нему своего сына в качестве заложника. Завоевание византийцами Сирии должно было положить конец его планам насчет расположенных на западе земель. Кроме того, угрозу для их реализации также представлял союз, заключенный между королем Иерусалима и атабеком Дамаска, боявшимися Занги.

После развала франко-византийского союза в 1138 г. Занги вернулся к плану захвата Дамаска. Дважды ему приходилось снимать осаду Хомса — сначала из-за приближения франков к Монферрану, а затем в связи с тем, что византийцы осадили Шайзар. Теперь он во главе всего своего войска вернулся к Хомсу и отправил в Дамаск гонца, который должен был потребовать, чтобы атабек выдал за Занги свою мать Зумурруд Хатун и передал ему Хомс в качестве ее приданого. Правитель Дамаска находился не в том положении, чтобы отказываться от этого предложения, и в июне 1138 г. Зумурруд вышла замуж за Занги, а его войско вошло в Хомс. Решив сделать жест доброй воли, он передал наместнику Хомса престарелому мамлюку Унуру в качестве феода недавно завоеванную крепость Монферран и несколько соседних замков.

К счастью правивших в Дамаске Буридов, Унур решил не селиться в Монферране, а вместо этого приехал в Дамаск. Там в ночь на 22 июня 1139 г. юный атабек Шихаб ад-Дин Махмуд был убит в постели тремя своими пажами. Если Занги, которого подозревали в причастности к этому убийству, надеялся таким образом заполучить власть над Дамаском, то он глубоко ошибался. Унур тотчас же взял управление государством на себя.

Убийц распяли, а сводный брат атабека Джемаль ад-Дин Мухаммед, наместник Баальбека, был призван в Дамаск, где должен был занять трон вместо Махмуда. Мухаммед, в свою очередь, передал Унуру свою мать и Баальбек. Однако тот снова остался в Дамаске, которым продолжил управлять.

Такой исход не устраивал Занги, которого к тому же подначивали его жена Зумурруд и брат Мухаммеда Бахрамшах, являвшийся врагом Унура. В конце лета 1139 г. Занги, имевший в своем распоряжении многочисленную армию и четырнадцать осадных машин, взял Баальбек в осаду. Город сдался 10 октября, а 21-го числа, после того как Занги поклялся на Коране, что пощадит жизни солдат, сдался и гарнизон цитадели, построенной на руинах древнего храма Баала. Однако атабек Мосула нарушил свою клятву. Всех мужчин, оборонявших цитадель, жестоко убили, а их женщин продали в рабство. Целью этого избиения являлось устрашение жителей Дамаска, но в реальности оно лишь укрепило их в мысли о необходимости сопротивляться и заставило их считать Занги врагом, предавшим свою веру.

В последние дни года Занги разбил лагерь неподалеку от Дамаска. Он предложил атабеку Мухаммеду обменять Дамаск на Баальбек или Хомс, и юный правитель принял бы это предложение, если бы Унур позволил ему сделать это. Услышав отказ, Занги приступил к осаде города. В самый разгар этого кризиса, 29 марта 1140 г., умер Мухаммед. Однако жители Дамаска остались верны Буридам, и Унур с легкостью возвел на престол маленького сына Мухаммеда Муджира ад-Дина Абака. В то же время он решил, что ни религиозные убеждения, ни политические интересы не мешают ему обратиться за помощью в борьбе с вероломным противником к христианам. В итоге из Дамаска в Иерусалим отправилось посольство во главе с представителем династии Мункизидов Усамой.

Король Фульк попытался воспользоваться ситуацией, сложившейся в Дамаске, чтобы укрепить свою власть над Трансиорданией. Летом 1139 г. к нему приехал Тьерри Эльзасский, граф Фландрии, женатый на Сибилле, дочери Фулька от первого брака. С его помощью король сумел организовать вторжение в Гилеад и, несмотря на некоторые сложности, захватить небольшую крепость около Аджлуна, причем все ее защитники были перебиты. Правда, какой-либо значительной выгоды король от этого не получил, и, когда Унур предложил платить Фульку 20 000 безантов в месяц и вернуть крепость Банияс, если тот поможет помешать Занги захватить Дамаск, король с легкостью изменил свою политику. Идею подобного союза сложно назвать новой. Еще в 1138 г. в Иерусалим по приказу Унура ездил Усама, который должен был обсудить с королем

возможность ее реализации. Однако тогда, несмотря на то что при дворе франкского короля посланника правителя Дамаска приняли со всеми почестями, Фульк отказался принимать его предложение. Теперь же угроза, которую представлял Занги, все больше усиливавший свою власть, стала более очевидна королю. Когда Фульк собрал совет, чтобы обсудить предложение Унура, все его участники согласились с тем, что на него следует ответить согласием.

В апреле, после того как в Иерусалим из Дамаска прибыли заложники, армия франков выдвинулась в сторону Галилеи. Фульк вел своих солдат неторопливо и осторожно, а возле Тверии войско остановилось, ожидая возвращения отправленных вперед разведчиков. Занги вышел на противоположный берег Галилейского моря, чтобы проследить за передвижениями противника, но, увидев, что франки остаются на месте, вернулся к Дамаску, чтобы продолжить его осаду. Затем Фульк двинулся на север. Занги решил, что не готов оказаться зажатым между франками и Дамаском, и отошел от города. Когда в начале июня армия Фулька встретила войско Унура к востоку от озера Хула, они узнали, что Занги отступил в Баальбек. В том же месяце отдельные отряды войска Занги вернулись на территорию, принадлежавшую Дамаску, и разграбили ее, дойдя вплоть до городских стен, однако сам он вместе с большей частью своего войска благополучно добрался до Алеппо.

Союз, заключенный с франками, позволил Дамаску сохранить независимость, не пролив при этом ни капли крови. Унур выполнил свои обязательства по сделке с Фульком. На протяжении нескольких последующих месяцев его войско без особого энтузиазма осаждало Банияс. Ибрагим ибн Тургут, один из военачальников Занги, воспользовавшись перерывом в осаде, сумел организовать поход в местность, расположенную на морском побережье, неподалеку от Тира. Там его врасплох застало войско князя Антиохии Раймунда, возвращавшееся с юга, где оно помогало Фульку в кампании по защите Дамаска. Ибрагим потерпел поражение и был убит. Когда к Баниясу подошел сам Унур, которого сопровождали Фульк и Раймунд, воодушевленные новым папским легатом Альберихом Остийским, со своими армиями, защитники крепости предпочли сдаться. В качестве компенсации Унур предложил им занять земли неподалеку от Дамаска. Затем он передал город франкам, назначившим на должность его наместника Ренье Брюса, человека, занимавшего этот пост прежде. При этом епископом Банияса стал Адам, архидиакон Акры.

Для того чтобы закрепить союз, заключенный с Фульком, Унур и Усама вскоре посетили королевский дворец в Акре, где их приняли очень

тепло и даже с некоторым подобострашием. Затем они отправились в Хайфу и Иерусалим, а в Дамаск вернулись через Наблус и Тверию. Путешествие проходило в довольно благожелательной атмосфере, хотя Усама весьма неодобрительно относился ко всему увиденному. Когда правители Дамаска пожаловались Фульку на набеги, которые наместник Банияса Ренье Брюс совершал на их стада, король снова продемонстрировал им, что искренне желает поддерживать с новыми союзниками дружеские отношения, и приказал Ренье Брюсу прекратить совершать вылазки и заплатить тем, кто пострадал от них, компенсацию.

В 1140 г. король Фульк вполне мог быть доволен своим правлением. С того времени, как королями были его предшественники, ситуация в Северной Сирии значительно ухудшилась, да и сам Фульк не обладал такими же престижем и властью. Граф Эдессы Жослен даже вряд ли считал его своим сюзереном. Однако собственный домен короля находился в безопасности. Он вовремя понял, что для того, чтобы выжить, франки должны стать не столь непримиримыми по отношению к мусульманам, но в то же время водить дружбу только с наименее опасными из них. Фульк также сумел убедить представителей знати в правильности выбранной им политики.

В то же время король активно занимался укреплением обороны своего государства. На южной границе королевства были построены три огромных замка, которые должны были защитить его территорию от набегов египтян из Аскалона. В Ибелине, расположенном примерно в 10 милях (16 км) к юго-западу от Лидды, на руинах древней римской крепости Ямния, находившейся на хорошо снабженном водой месте, где сходились дороги из Аскалона в Яффу и в Рамлу, была построена великолепная твердыня, которую король доверил Балиану, прозванному Старым, брату виконта Шартра. Балиан владел землями в графстве Яффа и завоевал доверие короля, когда встал на его сторону во время конфликта с Гуго де Пюизе. Став кастеляном Ибелина, он приобрел статус главного владельца лена, женился на Эльвис, наследнице Рамлы, и стал основателем наиболее известной на франкском Востоке благородной династии.

Часть прямого пути, проходившего из Аскалона в Иерусалим, что к югу от Ибелина, контролировалась замком Бланшгард, стоявшим на холме, названном арабами Тель-ас-Сафия, «Сверкающим холмом». Его командир Арнульф стал одним из самых богатых и влиятельных баронов в королевстве. Третий замок был построен в Бет-Гибелин, деревне, которую крестоносцы ошибочно отождествили с Беэр-Шевой. Он контролировал путь из Аскалона в Хеврон, а поддержание замка в «рабочем состоянии»

было доверено госпитальерам. Однако этих оборонительных сооружений было недостаточно, чтобы предотвратить все набеги из Аскалона. Так, в 1141 г. египтяне сумели прорваться на равнину Шарон и одержать там победу над небольшим отрядом крестоносцев. В то же время они могли противостоять серьезному нападению на местность, расположенную к югу от Иерусалима, и именно в них расположился местный административный аппарат.

В то же время Фульк стремился усилить контроль над местностями, находившимися к югу и востоку от Мертвого моря. Сеньория Монреаль с одноименным замком, стоявшим в оазисе в холмах Идумеи, худо-бедно позволяла франкам контролировать караванные пути, которые вели из Египта в Аравию и Сирию. Однако мусульманские караваны все еще могли благополучно передвигаться по дорогам, а разбойники из пустыни — проникнуть в Иудею. Когда Фульк только взошел на престол, владельцем Монреаля и сеньором Заиордания был Роман де Пюи, которому Балдуин I передал Трансиорданию в лен примерно в 1115 г. Однако во время конфликта между королем и Гуго де Пюизе Роман поддержал последнего, из-за чего примерно в 1132 г. Фульк лишил его сына владений и наследства и передал феода Пайену де Мильи, занимавшему одну из высших должностей при его дворе.

Пайен был умелым управленцем и пытался усилить контроль над своими обширными владениями. Очевидно, он смог установить и поддерживать порядок в местности, расположенной к югу от Мертвого моря. Однако в 1139 г., когда Фульк ушел в Гилеад, шайка мусульман сумела пересечь Иордан неподалеку от того места, где он впадает в Мертвое море, и совершить набег на Иудею, в которой они с помощью тактики ложного отступления сумели заманить в ловушку и уничтожить посланный против них отряд рыцарей.

Очевидно, для того, чтобы установить контроль не только над южной, но и над северной оконечностью Мертвого моря, Пайен перенес свою ставку из Монреаля в Идумею в Моав. Там в 1142 г. на холме, получившем от авторов анналов название *Petra Deserti*, Камень Пустыни, он, предварительно получив согласие короля, велел построить огромную крепость Керак-де-Моав. Ее расположение идеально подходило для того, чтобы контролировать проезжие дороги, которые шли из Египта и Западной Аравии в Сирию. К тому же она находилась недалеко от брода в нижнем течении реки Иордан. Балдуин I уже создал сторожевой пост на берегу залива Акаба в Элине, или Аиле. Пайен усилил расквартированный там гарнизон, а также охранявший крепость в долине Иосифа,

находившуюся неподалеку от древней Петры. Эти замки, включая Монреаль и Керак, позволяли сеньору Трансиордании полностью контролировать местности Идумея и Моав с их обширными зерновыми полями и соляными производствами на берегах Мертвого моря, даже несмотря на то, что туда переселилось не так много франков и в пустынных областях продолжали вести привычный кочевой образ жизни племена бедуинов, лишь иногда платившие франкам дань.

В правление Фулька безопаснее стало и внутри Иерусалимского королевства. Когда он только взошел на престол, передвигаться по дороге, ведущей из Яффы в Иерусалим, было небезопасно из-за разбойников, которые не только досаждали паломникам, но и мешали доставке продовольствия в столицу. В 1133 г., когда король находился на севере, патриарх Уильям организовал кампанию против разбойников и приказал построить неподалеку от Бейт-Нубы, там, где дорога из Лидды поднимается на холмы, замок, получивший название Шастель-Арнуль. Благодаря его сооружению властям стало проще поддерживать порядок на дороге. К тому же после возведения оборонительных сооружений на границе с египетскими владениями путешественники, двигавшиеся от побережья вглубь страны, стали гораздо реже сталкиваться с различного рода неприятностями.

О том, каким образом осуществлялось управление государством в поздние годы правления Фулька, мы знаем совсем немного. После того как восстание Гуго де Пюизе было подавлено, а королева перестала жаждать мести, бароны стали проявлять редкостную верность королю. Хорошие отношения Фульк поддерживал и с представителями церкви. Патриарх Уильям Малинский, который проводил обряд его коронации и которому было суждено пережить короля, оставался верным другом Фулька, всегда относившимся к нему с большим уважением.

С возрастом королева Мелисенда все больше посвящала себя благочестивым делам, хотя главной ее задачей было возвеличивание своей семьи. Она с большой любовью относилась к сестрам. Алиса стала княгиней Антиохии, Годиерна — графиней Триполи, а для младшей Иоветы, которая в детстве провела целый год у мусульман в качестве заложницы, не смогли подобрать подходящего мужа. В итоге она постриглась в монахини монастыря Святой Анны в Иерусалиме. В 1143 г. королева получила от храма Гроба Господня деревню Вифания в обмен на владения неподалеку от Хеврона. Там по ее приказу был построен монастырь во имя святого Лазаря и его сестер Марты и Марии, которому она передала Иерихон со всеми его фруктовыми садами и окрестными

крестьянскими хозяйствами. Для защиты монастыря на его территории была построена башня.

Для того чтобы мотивы, побудившие королеву основать монастырь, были не настолько очевидны, она назначила его настоятельницей прекрасную монахиню весьма преклонного возраста. Женщина была слаба здоровьем и совершила весьма тактичный поступок, скончавшись через несколько месяцев. После этого всегда отличавшиеся послушанием монахини избрали настоятельницей 24-летнюю Иовету. Девушка, будучи одновременно принцессой крови и настоятельницей одного из самых богатых монастырей Палестины, на протяжении всей своей последующей долгой жизни занимала весьма высокое положение и пользовалась всеобщим уважением.

Строительство монастыря стало самым дорогостоящим из благих дел королевы. Однако она также сумела убедить мужа пожертвовать храму Гроба Господня несколько участков земли, а став вдовой, основала множество новых монастырей. Она также способствовала улучшению отношений с яковитской и армянской церквями. Перед тем как крестоносцы захватили Иерусалим, яковиты почти в полном составе бежали в Египет. По возвращении они узнали, что все земли в Палестине, принадлежавшие их церкви, были переданы франкскому рыцарю Гофье. В 1103 г. тот был захвачен в плен египтянами, и яковиты сумели вернуть свои земли. Однако в 1137 г. Гофье, которого к тому времени все уже считали мертвым, вернулся из плена и потребовал, чтобы ему снова отдали его владения. Благодаря вмешательству королевы яковиты сохранили свои земли, заплатив рыцарю в качестве компенсации 300 безантов. В 1140 г. армянский католикос посетил собор католических священнослужителей. Мелисенда также жертвовала средства православному монастырю Святого Саввы.

В сфере торговли Фульк продолжал политику своих предшественников. Он старательно исполнял обязательства перед итальянскими городами, контролировавшими торговлю Палестины с другими странами. Однако при этом он отказывался предоставлять кому-либо монопольные права, а в 1136 г. король заключил с марсельскими купцами договор, в котором пообещал им платить с доходов от Яффы по 400 безантов в год, если они не станут закрывать свои предприятия, расположенные там.

Осенью 1143 г. все придворные находились в Акре, наслаждаясь временным затишьем, обусловленным отступлением Занги от Дамаска. Однажды, 7 ноября, королева решила отправиться на пикник. Когда

королевская свита выехала за город, мимо них пробежал заяц, и король поскакал за ним, решив поохотиться. Внезапно его лошадь споткнулась, и Фульк упал на землю. Прямо ему на голову обрушилось тяжелое седло. Он потерял сознание, а на его голове зияла ужасная рана. Короля отвезли обратно в Акру, где он умер через три дня. Фульк был хорошим, но не великим королем Иерусалима; к тому же он так и не смог стать предводителем франков, живших на Востоке.

Королева горько оплакивала мужа, заставив сопереживать ей всех придворных, что, впрочем, не мешало ей взять на себя управление королевством. Из всех детей, рожденных ею от Фулька, выжили двое сыновей: Балдуин, которому исполнилось 13 лет, и семилетний Амори. Фульк занял трон, став мужем Мелисенды, и никто не оспаривал ее право считаться наследницей отца. Однако сама мысль о единоличном правлении королевы была неприемлема для баронов. Поэтому Мелисенда назначила своим соправителем Балдуина и взяла управление государством в свои руки. Это ее решение посчитали полностью законным, а когда в Рождество патриарх Уильям короновал ее вместе с Балдуином, совет королевства подтвердил правильность ее действий.

Мелисенда была весьма талантливой женщиной и в другие времена прекрасно справилась бы с управлением государством. Советником она назначила своего двоюродного брата коннетабля Манассе де Йержа, сына знатного валлонца, женившегося на сестре Балдуина II Годиерне де Ретель. Будучи еще совсем молодым человеком, Манассе прибыл ко двору дяди, где благодаря своим талантам и родству с королевской семьей сумел достичь довольно высокого положения. Когда вскоре после смерти Фулька скончался сеньор Ибелина Балиан Старый, Манассе женился на его вдове Эльвис, наследнице Рамлы, которая от своего собственного имени и от имени своих сыновей управляла всей Филистийской равниной. Бароны вовремя возмутились возвышением Манассии, ибо они вместе с королевой стали тяготеть к единоличной монархии. Однако в тот момент никто не осмелился выступить против королевы.

Восшествие Мелисенды на престол имело один важный недостаток. В правление Фулька положение иерусалимского короля как сюзерена государств крестоносцев укреплялось скорее в теории, чем на практике, и было маловероятно, что правители севера с большей серьезностью отнесутся к сюзеренитету женщины и ребенка. Когда между князем Антиохии и графом Эдессы разгорались конфликты, сильный правитель Иерусалима, такой как Балдуин II, отправлялся во главе своего войска на север и силой вынуждал правителей примириться. Ни королева, ни

маленький король не могли похвастаться тем же, а никто из всех остальных не обладал достаточной для этого властью.

После того как умер император Иоанн, а Занги удалось помешать захватить Дамаск, антиохийский князь Раймунд вновь обрел уверенность в себе. Он тотчас же отправил к новому византийскому императору Мануилу гонца с требованием вернуть Киликию в состав его княжества, а когда тот отказался, князь вторгся в нее. На протяжении первых месяцев своего правления Мануил был вынужден оставаться в Константинополе, но отправил в Киликию войско и флот под командованием братьев Контостефанов, крещеного турка Бурзука и флотоводца Деметрия Бранаса, которые не только вытеснили Раймунда из Киликии, но и преследовали его армию до самых стен Антиохии.

За несколько месяцев до этого Раймунд включил в состав своего княжества территорию, принадлежавшую Алеппо, вплоть до Бизаа, в то время как граф Эдессы Жослен двигался навстречу ему к Евфрату. Однако Жослен внезапно заключил перемирие с наместником Алеппо Саваром, перемешав тем самым Раймунду все карты. Отношения между князем Антиохии и графом Эдессы все ухудшались. Очевидно, примерно в 1140 г. Жослен был вынужден впервые признать Раймунда своим сеньором, при этом их никогда не связывали теплые, дружеские чувства. Раймунд невзлюбил Жослена и за то, что тот вмешался в его конфликт с патриархом Раулем, а заключенное графом Эдессы перемирие едва не привело их к открытой конфронтации.

Занги внимательно следил за их ссорами. Благодаря смерти императора он избавился от потенциального противника, представлявшего для него наибольшую опасность. Кроме того, он понимал, что в Дамаске не станут выступать против него, не заручившись поддержкой франков, но в тот момент правители Иерусалимского королевства не могли позволить себе ввязываться в авантюры. Упускать такую прекрасную возможность было нельзя.

Осенью 1144 г. Занги напал на Кара-Арслана, правителя Диярбакыра из династии Артукидов, незадолго до этого заключившего союз с Жосленом. Стремясь помочь союзнику, граф выступил из Эдессы во главе большей части своей армии и направился в сторону Евфрата. Очевидно, таким образом он пытался лишить Занги пути сообщения с Алеппо. Мусульмане из Харрана сообщили Занги о передвижениях Жослена, и он тотчас же отправил к городу отряд во главе с наместником Хамы Яги-Сияном, который должен был застать его жителей врасплох. Однако дождливой ноябрьской ночью тот заблудился в темноте и добрался до

Эдессы 28 ноября, тогда же, когда к ней подошел Занги со своим войском. Но к тому времени жители Эдессы уже успели узнать о приближении противника и приготовили город к обороне.

Осада Эдессы продолжалась четыре недели. Жослен увел из города всех своих лучших воинов. Поэтому обороной Эдессы руководил католический архиепископ Гуго II. Поддержку ему оказывали армянский епископ Иоанн и его яковитский «коллега» Василий. Благодаря этому Занги мог даже не надеяться уговорить местных христиан изменить франкам. Яковитский епископ Василий предлагал обратиться к осаждавшим с просьбой о перемирии, но население города выступило против. Однако защитников Эдессы, как бы хорошо они ни сражались, было мало.

Сам Жослен отступил к Турбесселю. Историк Гильом Тирский впоследствии резко критиковал графа, отказавшегося прийти на помощь столице своих владений, за праздность и трусость. Но все дело было в том, что его армия была недостаточно сильной для того, чтобы противостоять Занги. К тому же граф был убежден, что массивные укрепления Эдессы позволят городу обороняться на протяжении какого-то времени, а находясь в Турбесселе, Жослен мог помешать добраться до Эдессы подкреплению из Алеппо, которое мог бы вызвать Занги. Кроме того, граф рассчитывал на помощь соседей-франков. Он тотчас же отправил гонцов в Антиохию и Иерусалим. Королева Мелисенда провела по этому вопросу заседание совета, на котором получила разрешение созвать армию, и иерусалимское войско под командованием коннетабля Манассе, Филиппа из Наблуса и князя Галилеи Элинара де Бюра направилось к Эдессе. В свою очередь, князь Антиохии Раймунд решил ничего не предпринимать. Жослен неоднократно взывал к нему как к своему сеньору, но все было тщетно, а без помощи Раймунда граф Эдессы не осмелился атаковать армию Занги. В итоге он остался в Турбесселе, дожидаясь прибытия войска королевы.

Однако прибыло оно слишком поздно. Армия Занги пополнилась курдами и туркменами, пришедшими с верхнего течения Тигра. Кроме того, в его распоряжении имелись весьма неплохие осадные машины. Священнослужители и купцы, составлявшие основу гарнизона Эдессы, ничего не смыслили в военном деле. Их ответные действия и контратаки не приносили пользы. Поговаривали, что архиепископ Гуго утаивает накопленные им сокровища, хотя они были крайне необходимы для обороны города.

Накануне Рождества стена, находившаяся рядом с Часовыми воротами, рухнула, и в образовавшуюся пробоину повалили мусульмане. Охваченные паникой горожане побежали в цитадель, но, оказавшись возле нее,

выяснили, что попасть внутрь невозможно — по приказу архиепископа, который сам остался в городе, тщетно пытаюсь восстановить порядок, ворота были закрыты. В воцарившемся в городе хаосе тысячи людей были растоптаны и погибли, а солдаты Занги, настигая убежавших от них горожан, также перебили множество людей, включая самого архиепископа. Вслед за ними в город верхом въехал сам Занги, приказавший своим воинам прекратить бойню. Местных христиан захватчики пощадили, всех франков-мужчин отловили и перебили, а их женщин продали в рабство. Через два дня яковитский священник Барсаума, взявший на себя командование цитаделью, сдал ее Занги.

Занги весьма милостиво обошелся с захваченным городом, очищенным от франков. Наместником Эдессы он назначил Кучук-Али из Эрбиля, но местным христианам: армянам, яковитам и даже грекам — позволили пользоваться определенной автономией. Хотя католические церкви были уничтожены, храмы, которые посещало коренное население, мусульмане не тронули. Более того, местных христиан побуждали призывать в город своих товарищей по вере, чтобы восстановить численность его населения. Особым расположением завоевателей пользовался сирийский епископ Василий, который, когда его спросили, следует ли ему доверять, гордо ответил, что его верность франкам является прекрасным свидетельством того, насколько преданным он может быть. Менее охотно со сменой власти смирились армяне, всегда поддерживавшие династию Куртене.

Из Эдессы Занги выдвинулся к Саруджу, второй по значимости крепости франков к востоку от Евфрата, которая открыла перед ним свои ворота в январе. Затем он подступил к Биреджику, контролировавшему основную переправу через реку. Но франкский гарнизон этой крепости отчаянно сопротивлялся. Жослен находился неподалеку от нее, да и армия королевы уже приближалась. Внезапно Занги услышал об осложнении ситуации в Мосуле, снял осаду Биреджика и поспешил на восток. Он все еще оставался всего лишь атабеком, правившим в Мосуле от имени юного представителя династии Сельджукидов Алп-Арслана, сына Масуда. Вернувшись в город, он узнал, что по приказу Алп-Арслана, решившего взять власть в свои руки, был убит вое начальник Занги Шакар. Момент юноша выбрал весьма неудачный, ибо, захватив важный христианский город, Занги стал пользоваться в мусульманском мире небывалым уважением. В итоге Алп-Арслан был низвержен, а его советники казнены. Халиф направил к Занги своих послов, которые должны были преподнести ему подарки и наделить титулом царя-победителя.

Новость о падении Эдессы быстро распространилась по всему миру. Мусульманам это событие давало новую надежду, ибо теперь христианское государство, возникшее в самом центре мусульманского мира, было уничтожено, и франкам остались лишь земли по соседству со Средиземным морем. Дороги, шедшие от Мосула в Алеппо, были очищены от врагов, и христианские территории больше не отделяли турок Ирана от их собратьев в Анатолии. Занги действительно заслужил полученный им титул. Франки же, в свою очередь, впали в уныние и были обеспокоены. Христиан, живших в Западной Европе, новость о падении Эдессы буквально шокировала. Они впервые поняли, что дела на Востоке идут не так хорошо, как им казалось. Зазвучали призывы к новому крестовому походу.

Крестовый поход был действительно необходим, ибо правители франкских государств, расположенных на Востоке, несмотря на нависшую над ними угрозу, так и не научились сотрудничать друг с другом. Жослен попытался восстановить графство на землях, расположенных к западу от Евфрата, сделав столицей своих владений Турбессель^[8]. Однако, хотя было понятно, что Занги очень скоро снова нападет, граф так и не смог простить Раймунда, отказавшего ему в помощи. Он открыто разорвал все отношения с князем Антиохии и отказался признавать его своим сеньором.

Сам Раймунд также не стремился к примирению, но в то же время ясно понимал, насколько опасной может быть изоляция. В 1145 г., одержав победу над совершившими набег на его земли туркменами, князь отправился в Константинополь, чтобы обратиться к императору за помощью. Однако когда Раймунд прибыл в столицу Византии, Мануил отказался принимать его. Аудиенция состоялась лишь после того, как князь в раскаянии встал на колени у могилы императора Иоанна. Мануил встретил гостя очень тепло, сделал ему множество подарков и пообещал снабдить деньгами. Однако император не выполнил просьбу Раймунда немедленно оказать ему военную помощь, так как в тот момент византийцы сами воевали с турками. Князь и император лишь обсудили возможность организации совместного похода в будущем. Этот визит, весьма унижительный для самого Раймунда и не получивший одобрения от его баронов, имел один положительный результат. О нем узнал Занги, который решил повременить с новой атакой на франкские государства на севере и снова вернуться к идее завоевания Дамаска.

В мае 1146 г. Занги выдвинулся к Алеппо, чтобы там подготовиться к новому походу в Сирию. Проходя мимо Эдессы, он узнал, что жившие там армяне пытались вернуть на престол Жослена. Кучук-Али с легкостью

подавил восстание, а Занги приказал казнить его предводителей и изгнать из города часть армянского населения. Вместо них по его приказу в Эдессу привезли 300 еврейских семей, ибо евреи с готовностью поддерживали мусульман в их борьбе с христианами. Летом Занги повел свою армию на юг, к замку Джабер, стоявшему на пути, шедшем от Евфрата к Дамаску. Тамошний малозначительный арабский правитель отказался признавать Занги своим повелителем. Во время осады крепости, в ночь на 16 сентября 1146 г., он поссорился с евнухом-франком, которого увидел пьющим вино из своего кубка. Евнух, разъяренный упреком, услышанным им из уст хозяина, дождался, пока тот заснет, а потом убил его.

Внезапная смерть Занги не могла не вызвать радость у всех его врагов, надеявшихся, что его владения погрязнут в семейных междоусобицах, регулярно разгоравшихся после гибели мусульманских правителей. Его тело, о котором внезапно все забыли, все еще лежало непогребенным, а его старший сын Сайф ад-Дин Гази в сопровождении визиря Джамала ад-Дина из Исфахана поспешил в Мосул, чтобы занять трон. Второй сын, Нур ад-Дин, сняв с пальца покойного отца перстень с печатью, отправился в Алеппо, где его провозгласил правителем курд Ширкух, брат которого Айюб спас жизнь Занги, когда в 1132 г. тот потерпел поражение в сражении с халифом.

Узнав о разделе государства, враги Занги поняли, что пора переходить к решительным действиям. На юге войско Унура, выступившее из Дамаска, захватило Баальбек и заставило наместника Хомса и Яги-Сияна, наместника Хамы, признать себя вассалами Дамаска. На востоке представитель династии Сельджукидов Алп-Арслан снова попытался захватить власть, хотя и неудачно, а правители Диярбакыра из династии Артукидов стали возвращать себе ранее потерянные ими города. Антиохийский князь Раймунд сумел вместе со своей армией дойти до стен Алеппо, а Жослен планировал вернуться в Эдессу. Его агенты вступили в контакт с оставшимися в городе армянами и сумели привлечь на свою сторону яковитов. После этого сам Жослен направился к городу во главе небольшого войска, к которому присоединилась армия Балдуина, владельца Мараша и Кайсуна. Раймунд снова отказался помочь Жослену, хотя на этот раз по объективной причине — в связи с тем, что поход был плохо спланирован.

Жослен надеялся, что сумеет подойти к Эдессе неожиданно, но кто-то успел предупредить мусульман. Оказавшись 27 октября у городских стен, он сумел войти в сам город с помощью местных жителей, но гарнизон цитадели был готов к встрече с его солдатами. Армия Жослена была

слишком малочисленной для того, чтобы штурмовать цитадель, и граф стал бесцельно слоняться по городу, пытаясь придумать, как поступить. Тем временем к правителю Алеппо Нур ад-Дину прибыли гонцы, сообщившие о ситуации в Эдессе. В тот момент его войско находилось на территории Антиохии, где вело контрнаступление на силы Раймунда. Однако он спешно приказал своим солдатам вернуться и потребовал, чтобы правившие по соседству с ним мусульмане оказали ему помощь.

В итоге 2 ноября Нур ад-Дин во главе армии подошел к стенам Эдессы. Жослен оказался зажат между его солдатами и цитаделью и понял, что единственным шансом на спасение является немедленное бегство. Той же ночью он в сопровождении своих людей и множества местных христиан сумел выскользнуть из города и направился к Евфрату. Нур ад-Дин шел за ним по пятам, и на следующий день состоялась битва. Франки упорно удерживали позиции, которые занимали, до тех пор, пока Жослен излишне поспешно не приказал своим воинам перейти в контрнаступление. Мусульмане сумели отбить контратаку франков, и последние бежали, охваченные паникой. В этом сражении погиб Балдуин, владетель Мараша. Раненный в шею Жослен сумел бежать в сопровождении своих телохранителей и укрыться в Самосате, где к нему присоединился яковитский епископ Василий. Армянский епископ Иоанн попал в плен, и его увезли в Алеппо. Всех местных христиан, которых франки бросили на произвол судьбы, перебили, а их жен и детей продали в рабство. Все христианское население самой Эдессы было изгнано. Огромный город, считавшийся местом жизни древнейшей христианской общины в мире, полностью опустел и так и не сумел возродиться.

Для врагов Занги произошедшее стало свидетельством того, что его смерть не принесла им ни малейшей пользы. К тому же его сыновья, не питавшие друг к другу большой любви, оказались слишком умны для того, чтобы конфликтовать друг с другом. Сайф ад-Дин, занятый борьбой с Артукидами, организовал встречу с братом, во время которой они сумели мирно договориться о разделе наследства. Сайф ад-Дин стал править в Ираке, а Нур ад-Дин — в Сирии.

Примерно тогда же Нур ад-Дин сумел упрочить свое положение благодаря глупости, внезапно совершенной иерусалимскими франками. В начале 1147 г. Алтунташ, один из военачальников Унура и наместник Босры и Сальхада в Авране, армянин, ставший приверженцем ислама, заявил о своей независимости от Дамаска и отправился в Иерусалим в поисках поддержки. Он обещал франкам, что отдаст им Босру и Сальхад, если они сделают его сеньором Аврана. Королева Мелисенда совершила

весьма правильный поступок — созвала заседание совета, чтобы его участники могли обсудить данное предложение. К принятию этого решения следовало отнестись крайне внимательно, так как, поддержав Алтунташа, франки лишались союза с Дамаском. В то же время его предложение было весьма заманчивым. В Авране жили в основном христиане — приверженцы мелькитской греко-католической церкви. С их помощью колонизация Аврана должна была пройти без каких-либо сложностей. К тому же, получив контроль над данной областью, франки обретали определенное влияние на Дамаск.

Бароны замешкались. В конце концов они приказали армии собраться в Тверии, но в то же время отправили к Унуру послов, которые должны были передать ему предложение о восстановлении Алтунташа. Унур пришел в ярость, но из-за страха перед Нур ад-Дином он предпочитал избежать разрыва с франками. Он ответил королеве, что в соответствии с феодальным правом, которое она должна уважать, правитель не обязан поддерживать вассала своего союзника, восставшего против сеньора, и предложил ей компенсировать все затраты, которые она, возможно, понесла при организации похода.

Королева отправила в Дамаск рыцаря по имени Бернар Ваше, который должен был сказать Унуру, что, к сожалению, она решила помочь Алтунташу, которого ее войско проводит в Босру, но при этом она никоим образом не причинит вред на территории, принадлежащей Дамаску. Вскоре Бернар, которого Унур убедил в том, что предложение Мелисенды ошибочно, вернулся в Иерусалим. Он сумел привлечь на свою сторону юного короля Балдуина, и, когда данный вопрос снова был поднят на заседании совета, его участники решили отказаться от похода. Однако к тому времени солдат уже успел охватить боевой дух, и армейские демагоги, разъяренные отказом от кампании против неверных, которая могла бы принести неплохой доход, объявили Бернара предателем и стали настаивать на необходимости начала войны. Король и бароны испугались и дали свое согласие на поход.

В мае 1147 г. армия франков, которую возглавил сам король, пересекла Иордан и двинулась в сторону Джавлана. Однако, несмотря на все ожидания солдат, этот поход сложно назвать триумфальным. Унур знал о приближении франков. Когда они медленно шли по долине реки Ярмук в сторону Дераа, его легковооруженные отряды туркмен, которым помогали местные арабы, не давали армии покоя. Сам Унур уже отправил в Алеппо своих послов, которые должны были обратиться к Нур ад-Дину за помощью, и тот с готовностью согласился ее оказать. Два правителя

заключили союз. Нур ад-Дин взял в жены дочь Унура и пообещал как можно быстрее прийти ему на помощь. Кроме того, он получал обратно Хаму, но обещал уважать независимость Дамаска.

В конце мая франки достигли Дераа, расположенного на середине пути между границей и Босрой. Тем временем Унур срочно отправился к Сальхаду, находившемуся восточнее. Расквартированный там гарнизон Алтунташа обратился к нему с просьбой о перемирии, и Унур отправился на запад, чтобы объединить свои силы с войском Нур ад-Дина, спешно пришедшим из Алеппо. Вместе они двинулись в сторону Босры, которую им сдала жена Алтунташа. О сдаче города франки узнали, когда подошли к нему вечером, усталые и страдающие от нехватки воды. Они находились не в том состоянии, чтобы нападать на мусульман, и вынуждены были отступить.

Обратный путь оказался еще более трудным, чем продвижение к Босре. Продовольствие заканчивалось, многие колодцы оказались уничтоженными. Противник шел за франками по пятам, и все отставшие солдаты были убиты. Юный король проявил подлинный героизм, когда отказался в сопровождении нескольких телохранителей покидать армию, чтобы спастись. Следуя примеру своего правителя, солдаты даже не пытались нарушать дисциплину. В конце концов бароны решили заключить с Унуром мирный договор и отправили к нему посланника, знавшего арабский, которым, возможно, был Бернар Ваше и который должен был молить правителя Дамаска о перемирии. Однако гонец был убит, не успев увидеться с Унуром.

Тем не менее когда франки добрались до Ар-Рахуба, стоявшего на краю Джебель-Адждун, к ним прибыл посланник от Унура, предложивший помочь им с пополнением запасов. Ввиду близости Нур ад-Дина правителю Дамаска гибель франкской армии была совершенно невыгодна. Король весьма надменно отказался от этого предложения. Но внезапно появился некий загадочный незнакомец на белом коне с багровым флагом, сумевший успешно переправить войско к Гадаре. Там произошла последняя стычка, и франки, форсировав Иордан, вернулись в Палестину. Дорогостоящий поход оказался совершенно бессмысленным. От стал свидетельством того, что франки, будучи прекрасными воинами, ничего не смыслили в политике и стратегии.

Выгоду из всего произошедшего сумел извлечь только один человек — Нур ад-Дин. Конечно, Унур смог вернуть под свою власть Авран, а когда Алтунташ прибыл в Дамаск, надеясь получить прощение, его заключили в темницу и ослепили, а его сторонники попали в немилость. Однако Унур

прекрасно знал, насколько большой силой обладает Нур ад-Дин. Он опасался за свое будущее и жаждал возродить союз с франками. Тем не менее сам Нур ад-Дин соблюдал договор, заключенный с Унуром. Он вернулся на север и продолжил отбирать у Антиохийского княжества земли, расположенные к востоку от Оронта. К концу 1147 г. под его властью находились Артах, Кафр-Лата, Басарфут и Балат.

Таким образом Нур ад-Дин стал главным врагом христиан. Ему исполнилось всего двадцать девять, но он был мудр не по годам. Даже противники восхищались его чувством справедливости, отзывчивостью и искренним благочестием. Возможно, он был менее блестящим воином, чем его отец Занги, но при этом он являлся человеком менее жестоким и коварным. К тому же Нур ад-Дин намного лучше разбирался в людях. Его чиновники и военачальники были талантливы и преданны. Он располагал меньшими, чем были у его отца, материальными ресурсами, ибо Занги всегда мог воспользоваться богатствами Верхнего Ирака, доставшимися после его смерти Сайф ад-Дину. Однако Сайф ад-Дин унаследовал и сложные отношения Занги с Артукидами, халифом и султанами из династии Сельджукидов, благодаря чему Нур ад-Дин мог спокойно заниматься своими делами на западе.

Сыновья Занги не нарушали достигнутых ими договоренностей. Сайф ад-Дин всегда был готов в случае необходимости помочь Нур ад-Дину, не пытаясь при этом захватить принадлежавшую тому часть отцовского наследия. Еще один их брат, Наср ад-Дин, считался вассалом Нур ад-Дина и правил в Харране, а младший из сыновей Занги Кутб ад-Дин рос при дворе старшего брата в Мосуле. Обезопасив себя от угроз со стороны братьев по исламу благодаря семейным связям и союзу с Унуром, Нур ад-Дин прекрасно подходил для того, чтобы возглавить контрнаступление на неверных. Если христиане, поселившиеся на Востоке, хотели выжить, то им следовало объединиться в борьбе именно против него.

Часть третья. Второй крестовый поход

Глава 1. Объединение королей

...Начни и делай; Господь будет с тобою.

Первая книга Паралипоменон, 22: 16

Как только в Иерусалиме стало известно о падении Эдессы, королева Мелисенда отправила в Антиохию своего посланника, который должен был поговорить с князем о снаряжении посольства в Рим, чтобы сообщить эту неприятную новость папе и попросить его организовать новый крестовый поход. Послом был назначен епископ Джабалы Гуго, который благодаря своим возражениям против требований императора Иоанна пользовался среди христиан-католиков большим уважением. Несмотря на срочность сообщения, которое епископ должен был доставить, в Папскую курию он прибыл только осенью 1145 г.

В тот момент папа Евгений III находился в Витербо, так как власть в Риме захватили мятежные горожане. Там же обитал и немецкий анналист Оттон Фрейзингенский, засвидетельствовавший то, как папа принял ужасную новость, хотя сам он больше интересовался сведениями, которые привез с собой епископ христианского правителя, жившего к востоку от Персии и успешно воевавшего с безбожниками. Его звали Иоанн, и он был приверженцем несторианства. Он уже захватил столицу Персии Экбатану, но затем отправился на север, в местность, где царили холод и снег и где он потерял столько солдат, что был вынужден вернуться домой. Перед нами первое упоминание в исторических источниках легендарного пресвитера Иоанна.

Папа Евгений не разделял уверенность анналиста в том, что пресвитер Иоанн спасет христиан. Он, наоборот, был серьезно обеспокоен. Примерно тогда же к нему прибыла делегация армянских епископов из Киликии, просивших поддержать их в борьбе с Византией. Папа не мог пренебречь своими обязанностями на Востоке. Епископ Гуго отправился во Францию и Германию, чтобы сообщить о падении Эдессы их правителям, а папа Евгений принял решение о необходимости проповеди нового крестового похода. Но, в отличие от папы Урбана, Евгений находился не в том положении для того, чтобы возглавить движение по призыву к крестовому походу. Он не мог попасть в Рим с момента своего избрания в феврале и даже был не в состоянии пересечь Альпы. К счастью, у него сложились

прекрасные отношения с двумя наиболее влиятельными монархами Западной Европы. Своим восшествием на престол король Германии Конрад Гогенштауфен был обязан поддержке церкви, а короновал его папский легат. С королем Франции Людовиком VII у папы сложились еще более теплые отношения. После нескольких позорных поступков, совершенных им под влиянием своей жены Алиеноры Аквитанской, Людовик раскаялся и стал во всем слушаться советников из церковных кругов, особенно аббата монастыря Клерво Бернарда.

Именно к Людовику папа решил обратиться за помощью в организации крестового похода на Восток. Поддержка Конрада Евгению была нужна для того, чтобы подчинить римлян и обуздать амбиции короля Сицилии Рожера II. Папа не хотел, чтобы Конрад брал на себя иные обязательства. Но Людовик правил страной, откуда происходило большинство франкских правителей и сеньоров, и именно он был самым подходящим кандидатом на роль предводителя похода, который должен был спасти их от нависшей над ними угрозы. Это заставило Евгения подписать 1 декабря 1145 г. буллу, адресованную королю Людовику, всем сеньорам и верующим Франции, в которой содержались призыв отправиться на Восток ради спасения христианства, обещание того, что их земные сокровища останутся нетронутыми, а все грехи будут отпущены.

Узнав о падении Эдессы, обитатели Запада пришли в ужас. К тому времени интерес и энтузиазм, всколыхнувшиеся по время и сразу после Первого крестового похода, успели утихнуть. Захват Иерусалима будоражил воображение людей, а сразу после него в ответ на просьбы, поступающие с Востока, туда охотно отправлялись многочисленные армии, свидетельством чего стали крестовые походы 1101 г. Закончились они полным провалом, но, несмотря на это, франкские государства на Востоке продолжили существование и даже сумели укрепить свое влияние.

В Палестину и Сирию продолжали прибывать солдаты, готовые помочь поселившимся там франкам, но их уже было совсем немного. На Восток продолжали прибывать многочисленные паломники, многие из которых оставались там на достаточно долгое время для того, чтобы летом принять участие в военном походе. Встречались среди них и монархи, такие как король Норвегии Сигурд; либо они, подобно англичанам, фламандцам и датчанам, прибывшим в 1106 г., могли представлять собой многочисленную толпу бедноты. Итальянские приморские города время от времени присылали эскадры, помогавшие франкам захватить тот или иной морской порт. Но преследовали они при этом исключительно корыстные цели, связанные с получением торговых привилегий, которые также

способствовали увеличению потока отдельных итальянских купцов, отправлявшихся на Восток.

Однако по окончании правления Балдуина I вооруженных паломников стало прибывать все меньше. Единственный их крупный отряд, оказавшийся на Востоке в рассматриваемый период, привел зять Фулька граф Фландрии Тьерри. Туда продолжали приезжать переселенцы — младшие сыновья, такие как Балиан Шартрский, основатель династии Ибелинов, либо бароны вроде Гуго де Пюизе или Манассе де Йержа, надеявшиеся извлечь выгоду из родственных связей с представителями королевской семьи. Более постоянным и ценным человеческим ресурсом были рыцари, прибывавшие в Палестину, чтобы вступить в один из военных рыцарских орденов — госпитальеров или тамплиеров. Ордены постепенно начинали играть роль регулярной армии королевства, а многочисленные земельные владения, переданные им королями и их вассалами, свидетельствуют о том, насколько высоко они ценились. Однако с того времени, как рассредоточились участники Первого крестового похода, на Востоке не стало франкской военной силы, способной предпринять масштабное наступление на безбожников.

Для того чтобы на Западе снова вспомнили о Востоке, был необходим шок, который вызвала новость о падении Эдессы, ибо в Западной Европе государства крестоносцев, расположенные в Сирии, считали всего лишь левым флангом широкомасштабной кампании против ислама, которая должна была охватить все Средиземноморье. Ее правый фланг располагался в Испании, где христианским рыцарям еще было чем заняться.

В 20–30-х гг. XII столетия достижения христиан в Испании становились все более скромными из-за конфликта между королевой Кастилии Урракой и ее супругом королем Арагона Альфонсо. Однако Альфонсо VII, сын Урраки от первого мужа Раймунда Бургундского и ее наследник, способствовал возрождению Кастилии. В 1132 г., через шесть лет после восшествия на престол, он предпринял ряд военных кампаний против мусульман, в результате которых он подошел в 1147 г. к воротам Кордовы, признавшей его своим сюзереном. Уже в 1134 г. он принял императорский титул, чтобы подкрепить претензию на положение сильнейшего правителя на полуострове и подчеркнуть, что он не является ничьим вассалом.

Тем временем Альфонсо I, избавившийся благодаря смерти Урраки от проблем в отношениях с Кастилией, в последние годы своей жизни с переменным успехом проводил военные кампании в Мурсии, а на

побережье граф Барселоны Рамон Беренгер III занимался распространением своей власти дальше на юг. Альфонсо I умер в 1134 г. На протяжении трех лет после этого в Арагоне крайне неудачно правил его брат Рамиро, бывший монах. В 1137 г. его двухлетнюю дочь королеву Петронилу выдали замуж за графа Барселоны Рамона Беренгера IV. В результате были объединены Каталония и Арагон, что позволило им обрести мощь, благодаря которой удалось полностью вернуть северо-восточную часть Испании под власть христиан.

Таким образом, к 1145 г. ситуация в Испании казалась весьма благополучной. Но уже поднимался шторм. Могущество Альморавидов, являвшихся самой значительной силой в Испании в течение полувека, стало ослабевать. Их дворец в Африке уже был захвачен Альмохадами, религиозным движением, проповедовавшим запрет роскоши, которое было очень близко к гностическому учению по своей теологии и организации в форме замкнутой группы адептов, созданной берберским пророком ибн Тумартом и перешедшей к более активной деятельности при его преемнике Абд аль-Мумине. В 1145 г. Абд аль-Мумин в Тлемсене одержал победу над эмиром Альморавидов Ташфином ибн Али и убил его. В 1146 г. он завершил завоевание Марокко и был готов к походу в Испанию. Неудивительно, что в подобной обстановке христианские рыцари Испании не реагировали на призывы, поступавшие с Востока. С другой стороны, в связи с тем, что испанские королевства обрели стабильность, французские рыцари и правители больше не могли пользоваться там теми же возможностями, которые у них были в предшествующем столетии.

В самом центре поля боя против ислама располагались владения сицилийского короля Рожера II. Он сумел объединить под своей властью все владения норманнов в Италии, а в 1130 г. принял королевский титул. Рожер прекрасно знал, насколько важно со стратегической точки зрения его королевство, местонахождение которого позволяло контролировать все Средиземноморье. Однако для того чтобы этот контроль был полным, королю было необходимо упрочить свое положение на той части побережья Африки, которая располагалась напротив Сицилии. Такая возможность у него появилась благодаря конфликтам и постоянному соперничеству между мусульманскими династиями Северной Африки, усилившимся из-за ослабления влияния Альморавидов и неудачного сюзеренитета Фатимидов над Тунисом вкупе с зависимостью африканских городов от импорта зерна с Сицилии.

Однако первые походы, предпринятые королем Сицилии в период между 1123 и 1128 гг., оказались безрезультатными, за исключением того,

что он сумел заполучить остров Мальта. В 1134 г. благодаря очень своевременному предложению помощи он вынудил владельца Махдии Эль-Хасана признать его своим сюзереном, а в следующем году занял остров Джерба, расположенный в заливе Габес. Успешные атаки на мусульманские суда разожгли аппетит Рожера, и он перешел к атакам на прибрежные города. В июне 1143 г. его войско вошло в Триполи^[9], но было вынуждено отступить. Ровно через три года, как только в результате переворота наместником города стал представитель Альморавидов, Рожер снова занял его, и на этот раз вытеснить его уже не удалось, а Триполи превратился в центр норманнской колонии в Африке.

Таким образом, король Рожер идеально подходил для того, чтобы принять участие в новом крестовом походе. Но он не внушал доверия. Король никогда не был послушен папе и лишь изредка проявлял к нему уважение. Другие монархи Европы крайне негативно отнеслись к тому, что он имел наглость объявить себя королем, а Бернард Клервоский сказал королю Германии Лотарю, что «любой, кто самостоятельно объявляет себя королем Сицилии, нападает на императора». Неодобрение святого Бернарда предполагало, что французы тоже не станут поддерживать Рожера. Еще меньшей популярностью король Сицилии пользовался среди правителей государств, расположенных на Востоке, ибо он дал понять, что не простил королей Иерусалима за то, как один из них обошелся с его матерью Аделаидой, и за то, что, несмотря на условие брачного договора, будучи единственным наследником своего двоюродного брата Боэмунда по мужской линии, он не сумел занять престол Антиохии. Таким образом, участие Рожера в крестовом походе было нежелательным, но другие правители надеялись, что он продолжит сражаться с мусульманами в своем регионе.

Понять, что заставило папу избрать предводителем будущего крестового похода короля Франции Людовика, несложно, да и сам король с радостью откликнулся на этот призыв. Незадолго до того, как через непродолжительное время после прибытия епископа Джабалы королю доставили папскую буллу, Людовик призвал своих ключевых вассалов в Бурж, где собирался с ними встретиться на Рождество. Когда все они собрались, он сообщил им, что решил «принять крест», и призвал их последовать его примеру. Однако, услышав их ответ, Людовик был глубоко разочарован. Представители светской знати не проявили энтузиазма. Могущественный советник короля аббат Сен-Дени Сугерий выразил свое неодобрение решению короля. В целом в поддержку идеи правителя высказался только один человек — епископ Лангра.

Расстроенный равнодушием своих вассалов, король решил отложить призыв к крестовому походу на три месяца и снова созвал своих вассалов, которые должны были приехать на Пасху в Везле. Тем временем он отправил папе письмо, в котором выразил желание возглавить крестовый поход, и послал за единственным во Франции человеком, пользовавшимся большим, чем сам Людовик, авторитетом, — Бернардом Клервоским.

Святой Бернард в тот момент находился на вершине своей славы. Сейчас нам сложно, заглянув в далекое прошлое, понять исходя из всего, что мы знаем об этом человеке, насколько большим влиянием на современников он обладал. По сохранившимся до нашего времени письменным источникам уже не видно, насколько ярко когда-то горел огонь его красноречия. Как теолог и спорщик он иногда кажется нам негибким, слегка грубым и нелюбезным. Однако с того самого дня в 1115 г., когда он стал аббатом Клерво, вплоть до его смерти почти через 40 лет Бернард оказывал решающее влияние на политическую и религиозную жизнь в Западной Европе. Именно он дал толчок к развитию монашеского ордена цистерцианцев; именно он практически в одиночку спас папство от раскола, виновником которого был Анаклет. Страстность и искренность его проповедей в сочетании с личной храбростью, решительностью и безупречным образом жизни — все это обеспечивало торжество любой идеи, которую он поддерживал, пожалуй, лишь за исключением выступления против катаров Лангедока. Бернарда давно беспокоила судьба христианства на Востоке, в частности, в 1128 г. он лично участвовал в составлении устава ордена тамплиеров. Когда папа и король обратились к нему с просьбой начать проповедовать крестовый поход, он с радостью согласился.

Вассалы короля встретились в Везле 31 марта 1146 г. Узнав о том, что проповедовать будет сам святой Бернард, в город приехали люди со всей Франции. Как и в Клермоне за 50 лет до этого, толпа оказалась слишком большой для того, чтобы уместиться в соборе. В итоге святой Бернард читал проповедь, стоя на платформе, сооруженной посреди поля за пределами небольшого городка. Текст этой проповеди не сохранился до нашего времени. Нам известно лишь то, что он прочитал папскую буллу, призвал отправиться на защиту Гроба Господня и пообещал всем участникам похода отпущение грехов, а затем использовал свое несравненное ораторское мастерство, чтобы доказать, насколько важно окликнуться на призыв папы. Очень скоро все слушатели были буквально околдованы им. Люди стали требовать, чтобы им выдали кресты. «Кресты! Дайте нам кресты!» — кричали они. Это произошло незадолго до того, как

закончилось все, что можно было перешить в изображения крестов, и святой Бернард сбросил собственное верхнее одеяние и приказал порезать его на кресты. Солнце клонилось к закату, сам Бернард вместе с помощниками все еще продолжал шить, а все большее и большее число верующих брали на себя обязательство отправиться в крестовый поход.

Первым принял крест король Людовик, а его вассалы, позабыв о своей прежней холодности, охотно последовали его примеру. Среди них оказались брат короля Робер, граф де Дрё; Альфонс Иордан, граф Тулузы, который родился на Востоке; Гильом, граф Невера, отец которого возглавил один из неудавшихся походов 1101 г.; Генрих, наследник графа Шампани; Тьерри, граф Фландрии, уже успевший повоевать на Востоке и женатый на падчерице королевы Мелисенды; дядя короля граф Савойи Амадей; Аршамбо, сеньор де Бурбон; епископы Лангра, Арраса и Лизьё, а также многие представители знати, которые не могли похвастаться столь же благородным происхождением. С еще большей готовностью участниками похода становились люди, занимавшие более скромное положение в обществе. Через несколько дней святой Бернард отправил папе письмо, где говорилось: «Ты приказал — я повиновался, и влияние того, кто дал приказ, сделало мое послушание плодотворным. Я открыл свой рот, я говорил, и число крестоносцев тотчас же увеличилось до бесконечности. Деревни и города покинуты. Ты едва найдешь одного мужчину на каждые семь женщин. Куда ни погляди — везде вдовы, мужья которых еще живы».

Воодушевленный успехом святой Бернард отправился в поездку по Бургундии, Лотарингии и Фландрии, проповедуя по пути крестовый поход. Во Фландрии он получил сообщение от архиепископа Кёльна, который призывал его как можно быстрее отправиться в Рейнскую область. Как и в прошлый раз, энтузиазм, порожденный новостью о будущем походе, имел весьма негативные последствия для евреев. Во Франции аббат Ключи Петр Достопочтенный весьма убедительно жаловался, что они не желают делать денежные взносы ради спасения христианства. В Германии реакция на подобное поведение евреев была еще более жесткой. Фанатичный монах-цистерианец по имени Рудольф стал призывать жителей Рейнской области, Кёльна, Майнца, Вормса, Шпира и Страсбурга убивать евреев. Архиепископы Кёльна и Майнца сделали все возможное для спасения несчастных, причем последний обратился к Бернарду с просьбой разобраться с цистерцианцем. Бернард спешно выехал из Фландрии и велел Рудольфу вернуться в монастырь. Когда порядок был восстановлен, Бернард остался в Германии, так как считал, что ее жители также должны присоединиться к крестовому походу.

Прежде жители Германии не играли какой-либо значимой роли в крестовых походах. Их рвение в основном было направлено на насильную христианизацию славян-язычников, живших на восточной границе. С начала столетия в населенных славянами областях Померании и Бранденбурга проводилась активная миссионерская работа, а также колонизация. Сеньоры Германии считали подобную разновидность распространения христианства более важной, чем война с исламом, угроза которого казалась им чем-то далеким и теоретическим. Поэтому они не очень стремились реагировать на проповеди святого Бернарда.

Король Германии Конрад Гогенштауфен, хотя и восхищался святым, также не особенно жаждал прислушиваться к его призывам. Средиземноморье его интересовало, но лишь та его часть, где находилась Италия, ибо он обещал папе помочь в борьбе с непокорными римлянами и королем Сицилии Рожером в обмен на императорский титул, получить который он так жаждал. Кроме того, положение Конрада в самой Германии также было ненадежным. Несмотря на победу, одержанную под Вейнсбергом в 1140 г., у него все еще оставались противники из числа сторонников династии Вельфов, в то время как из-за выходов его родственников из династии Бабенбергов ему пришлось столкнуться с проблемами во всей восточной части своего государства.

Когда святой Бернард, разослав германским епископам призывы к сотрудничеству, осенью 1146 г. встретился с королем во Франкфурте-на-Майне, Конрад стал увиливать, и Бернард уехал бы в Клерво, если бы епископы не попросили его продолжить проповедовать. Поэтому он двинулся на юг и стал призывать к участию в крестовом походе жителей Фрайбурга, Базеля, Шаффхаузена и Констанца. Поездка оказалась успешной, даже несмотря на то, что для того, чтобы донести призывы Бернарда до местного населения, знавшего только немецкий, пришлось воспользоваться услугами переводчика. Многочисленные представители бедноты охотно принимали крест. Тот год оказался для Германии неурожайным, что привело к голоду. Недоедание способствует росту мистицизма, и вполне вероятно, что многие из слушавших Бернарда, подобно паломникам, участвовавшим в Первом крестовом походе, считали, будто в конце путешествия на Восток они обретут богатства Нового Иерусалима.

Король Конрад снова согласился встретиться со святым Бернардом на Рождество 1146 г., когда он будет держать пост в Шпире. Проповедь, прочитанная Бернардом в день Рождества, в которой он снова просил короля принять крест, оказалась безрезультатной. Однако уже через два дня

Бернард опять проповедовал придворным. Построив свою речь так, будто он сам был Христом, он стал распекать Конрада, напомнив ему о полученных им небесных дарах. «Человек, — вскричал он, — что должен я сделать для тебя, чего еще не сделал?!» Конрад был глубоко тронут и пообещал выполнить повеление святого.

Святой Бернард покинул Германию, будучи весьма довольным плодами своих трудов. Он проехал через восточную часть Франции, где следил за приготовлениями к крестовому походу и откуда направлял в цистерианские монастыри послания с просьбой поддержать крестовый поход. Когда в марте он вернулся в Германию, чтобы помочь на заседании совета во Франкфурте, было принято решение провести крестовый поход против славян-язычников, живших к востоку от Ольденбурга. Присутствие Бернарда Клервоского должно было стать свидетельством того, что, несмотря на призывы отправиться на Восток, он не хочет, чтобы жители Германии не выполняли свои обязанности в менее далеких землях. Этот крестовый поход, участникам которого папа разрешил пришить на свои одежды изображения креста, завершился фиаско, из-за которого переход славян в христианство значительно замедлился. Из Франкфурта святой Бернард спешно отправился в свое аббатство в Клерво, чтобы встретиться там с папой.

Рождество 1145 г. папа Евгений провел в Риме. Однако из-за сложных отношений с римлянами он вскоре был вынужден снова покинуть город и уехать в Витербо, в то время как сами римляне попали под влияние Арнольда Брешианского, который боролся против высших церковных иерархов. Евгений понимал, что без помощи короля Конрада он может даже не надеяться на возвращение в Вечный город. Пока же он решил перейти через Альпы, чтобы встретиться с королем Франции Людовиком и проследить за подготовкой к крестовому походу. В январе 1147 г. он покинул Витербо и прибыл в Лион 22 марта. По дороге папа услышал о деятельности святого Бернарда, которая в целом вызвала его неудовольствие. Прагматизм подсказывал ему, что в крестовом походе должны участвовать только жители Франции, а его единственным предводителем следует сделать Людовика, чтобы избежать несогласия командиров, едва не погубившего Первый крестовый поход. Бернард Клервоский превратил будущий поход в международное предприятие, но на практике соперничество королей вполне могло нивелировать все величие его задумки. Кроме того, папа Евгений не готов был отпустить короля Конрада, на поддержку которого он рассчитывал. Поэтому новость об участии в походе жителей Германии он принял очень холодно, но

изменить уже ничего не мог.

Оказавшись во Франции, папа в самом начале апреля встретился с королем Людовиком в Дижоне, а 6 апреля уже прибыл в Клерво. Конрад направил туда своих послов, которые должны были предложить папе встретиться с королем Германии в Страсбурге 18-го числа. Однако Евгений уже пообещал, что проведет Пасху, в том году приходившуюся на 20 апреля, в Сен-Дени, и не собирался менять планы. В итоге Конрад стал готовиться к отъезду на Восток, не получив благословение от понтифика. Тем временем Евгений провел множество встреч с аббатом Сугерием, который в отсутствие Людовика должен был управлять Францией. В Париже он провел заседание совета, где решался вопрос о ереси Гильберта Порретанского. Затем, 11 июня, он снова встретился с Людовиком в Сен-Дени, после чего, в то время как король заканчивал делать последние приготовления, папа медленно двигался на юг — обратно в Италию.

Пока короли готовились к крестовому походу, планируя предстоявший им долгий путь по суше, благодаря проповедям помощников святого Бернарда в Палестину готовилась отправиться группа бедноты — англичан, а также немногочисленных фламандцев и фризов. Корабли отплыли из Англии поздней весной 1147 г., а в начале июня из-за плохой погоды они вынуждены были укрыться в устье реки Дуэро на побережье Португалии. Там их встретили эмиссары графа Португалии Альфонсу I. Незадолго до этого он добился независимости для своей страны и, ссылаясь на свои успешные походы против мусульман, пытался убедить папу наделить его королевским титулом.

Воспользовавшись проблемами Альморавидов, в 1139 г. Альфонсу одержал победу в битве при Оурике, а в марте 1147 г. достиг берега реки Тахо и захватил Сантарен. Теперь граф готовился напасть на Лиссабон, столицу португальских мусульман, для чего ему была необходима помощь с моря. Таким образом, крестоносцы прибыли в его владения очень вовремя. Епископ Порто, возглавлявший посольство Альфонсу, обратил их внимание на то, что, если они хотят сражаться ради креста, им необязательно совершать долгое и опасное путешествие в Палестину — безбожники есть рядом, и получить здесь и сейчас можно не только духовные блага, но и богатые владения. Фламандцы и фризы сразу же согласились, а англичане сомневались. Они поклялись, что отправятся в Иерусалим, и для того, чтобы убедить их остаться, коннетабль Саффолка Генри Глэнвилл, которого епископ сумел привлечь на свою сторону, был вынужден использовать все свое влияние.

Когда стороны наконец договорились, эскадра поплыла к реке Тахо,

чтобы присоединиться к португальской армии, после чего Альфонсу приступил к осаде Лиссабона. Мусульмане самоотверженно защищали свой город. Его гарнизон сдался только в октябре, через четыре месяца после начала осады, предварительно потребовав от Альфонсу обещание сохранить жизни и имущество всех защитников Лиссабона. Крестоносцы практически сразу нарушили его, устроив широкомасштабную резню безбожников, в которой англичане, радовавшиеся своей доблести, играли далеко не самую главную роль.

После захвата Лиссабона некоторые из крестоносцев продолжили путешествие на Восток, но намного большее их число осталось в Португалии. Хотя этот эпизод и ознаменовал начало долгой дружбы между Англией и Португалией и способствовал распространению христианства на другие материки, он не самым положительным образом сказался на положении христиан на Востоке, где военно-морская мощь во многих случаях являлась решающим фактором.

Пока северяне сражались в Португалии, короли Франции и Германии двинулись по суше в сторону Палестины. Король Сицилии Рожер II отправил к каждому из них своих посланников, которые должны были сообщить им о его готовности перевести самих королей и их солдат по морю. Для Конрада, на протяжении долгого времени считавшего Рожера своим врагом, данное предложение было неприемлемо. Людовик также решил его отклонить. Папа не искал помощи Рожера, да и вряд ли сицилийский флот в действительности был способен перевезти всех солдат, отправившихся в крестовый поход. Людовик не желал лишаться половины армии, доверившись человеку, успевшему прославиться своим двуличием и враждебно настроенному по отношению к дяде королевы. Передвигаться по суше было безопаснее и дешевле.

Король Конрад намеревался покинуть Германию на Пасху 1147 г. В декабре в Шпире король принимал византийских послов, которым он сообщил о своем скором отъезде на Восток. В действительности в путь он отправился не раньше конца мая. В последние дни месяца он покинул Ратисбон и вступил на территорию Венгрии. За собой Конрад вел многочисленную армию. Охваченные ужасом анналисты писали о миллионе солдат. Вполне вероятно, что всего на Восток за Конрадом отправилось почти 20 000 воинов и паломников. Сопровождали его и два короля, являвшиеся его вассалами, — правитель Богемии Владислав и король Польши Болеслав IV. Германскую знать возглавил племянник и наследник Конрада герцог Швабии Фридрих, а отдельным отрядом из Лотарингии командовали епископ Меца Штефан и епископ Туля Генрих.

При этом в войске царило беспокойство. Магнаты завидовали друг другу, а между германцами, славянами и франкоязычными жителями Лотарингии постоянно разгорались конфликты. Конрад не был человеком, способным навести порядок в своей армии. Ему было уже далеко за пятьдесят, он не мог похвастаться прекрасным здоровьем и к тому же был слабохарактерным и неуверенным в себе. Значительную часть власти король уже начал передавать своему энергичному, но еще совсем неопытному племяннику Фридриху.

В июне германская армия двигалась через Венгрию. Юный король Геза хорошо относился к крестоносцам, и за все время их пребывания в этой стране не произошло ни одного неприятного инцидента. Там же, в Венгрии, с Конрадом встретились византийские послы во главе с Деметрием Макремболитом и итальянцем Александром из Гравины, которые от имени императора поинтересовались у короля Германии, в каком статусе он собирается приблизиться к Византии — как друг или как враг, и потребовали, чтобы он поклялся, что он не станет предпринимать ничего способного навредить благосостоянию и интересам императора. Выбрана эта клятва была не случайно: в некоторых областях Западной Европы ее давали вассалы своим сеньорам, и именно ее Раймунд Тулузский принес императору Алексею во время Первого крестового похода. В то же время она была так сформулирована, что Конрад не мог отказать послам, не став при этом врагом императора. В итоге король принес клятву, и византийские послы пообещали ему, что, как только он окажется на территории империи, ему будет оказана вся необходимая помощь.

Примерно 20 июля Конрад и его войско пересекли границу Византии в Браничево. Византийские корабли перевезли его подданных через Дунай. Когда германская армия оказалась в Нише, короля встретил наместник провинции Болгария Михаил Бранас. Он снабдил войско продовольствием, которое было заготовлено на случай, если крестоносцы будут осаждать город. Когда через несколько дней после этого Конрад и его подданные оказались в Софии, наместник Фессалоник и двоюродный брат императора Михаил Палеолог передал королю официальное приветствие от имени Мануила.

Пока все складывалось удачно. Конрад отправил своим друзьям, оставшимся в Германии, письмо, где говорилось, что он всем доволен. Однако когда войско покинуло Софию, подданные короля стали грабить сельское население, отказываясь при этом платить крестьянам за все, что брали, и даже убивая тех, кто пытался сопротивляться. Когда на поведение

участников пожаловались Конраду, он признался, что не способен призвать чернь к порядку. Когда армия дошла до Филиппополя, беспорядки разразились с новой силой. Подданные короля украли еще больше еды, а когда местный фокусник попытался получить от солдат немного денег, показав им свои трюки, германцы обвинили его в колдовстве, из-за чего начался бунт. Пригород был сожжен, но городские стены оказались слишком крепкими, и германцы не стали пытаться его захватывать. Архиепископ Михаил Италик так отчаянно жаловался Конраду, что тот устыдился и наказал зачинщиков мятежа.

Мануил прислал солдат, которые должны были проводить крестоносцев и заодно проследить, чтобы те не сходили с дороги. Правда, это привело лишь к еще большим беспорядкам, так как между германцами и византийцами нередко завязывались драки. Конфликт достиг своего апогея неподалеку от Адрианополя, когда византийские разбойники ограбили и убили германского магната, который заболел и отстал от войска. Из-за этого герцог Швабии Фридрих велел сжечь монастырь, неподалеку от которого было совершено данное преступление, и перебить всех его обитателей. В ответ на это византийцы стали убивать всех пьяных солдат, отстававших от германской армии, которых им удавалось захватить.

Когда византийский военачальник Просух сумел восстановить порядок и войско снова двинулось в путь, от Мануила, сильно обеспокоенного сложившейся ситуацией, прибыло посольство, члены которого должны были потребовать, чтобы Конрад направил свое войско в сторону Сеста, стоявшего на берегу Геллеспонта, а оттуда переправился в Азию. Королю дали понять, что, если он продолжит двигаться к Константинополю, его станут считать врагом. Конрад не согласился. Тогда Мануил, очевидно, решил применить против крестоносцев силу, но в последний момент отменил приказ, данный Просуху.

Вскоре германцев настигла божественная кара. Когда они разбили лагерь на Фракийской равнине, их палатки внезапно затопило, и многие солдаты утонули, а значительная часть имущества была уничтожена. Урон не понес только отряд Фридриха, разбивший лагерь на возвышенности. Однако больше никаких происшествий не было, и примерно 10 сентября армия добралась до Константинополя.

Король Людовик и французская армия отставали от германцев примерно на месяц. Сам король выехал из Сен-Дени 8 июня и призвал своих вассалов встретиться с ним через несколько дней после этого в Меце. Его армия, очевидно, была менее многочисленной, чем та, которую вел Конрад. Для того чтобы выполнить клятву, туда прибыли все сановники,

принявшие крест в Везле. Короля также сопровождала его жена Алиенора Аквитанская, самая богатая наследница Франции и племянница князя Антиохии. Вместе со своими мужьями путешествовали и графини Фландрии и Тулузы, а также многие другие высокопоставленные дамы. К армии вместе с отрядом новобранцев для ордена тамплиеров присоединился Великий магистр Эврар де Бар.

Самому королю было 27 лет. Он славился скорее благочестием, чем сильным характером. Большое влияние на него оказывали жена и брат. К тому же Людовик был неопытным и нерешительным военачальником. В целом его войско было более дисциплинированным и менее своенравным, чем германское, хотя в Вормсе, когда оно пересекало Рейн, имели место беспорядки.

Когда к королю присоединились все французские отряды, его армия двинулась в путь через Баварию. В Ратисбоне, куда войско прибыло 29 июня, короля уже ждало посольство императора Мануила, состоявшее из Деметрия Макремболита, который уже общался с Конрадом в Венгрии, и некоего Мавра. Они попросили Людовика предоставить им гарантии того, что, находясь на территории империи, он будет вести себя как друг и вернет Византии все ранее принадлежавшие ей земли, которые завоюет. Очевидно, они не стали требовать, чтобы король давал им клятву, аналогичную принесенной Конрадом, так как ее значение он понимал слишком хорошо. Людовик заявил, что идет в Византию как друг, но при этом он не стал ничего говорить о своих будущих завоеваниях, посчитав это требование византийцев слишком туманным.

Из Ратисборна французы мирно двигались на протяжении 15 дней через Венгрию, и в конце августа они дошли до границы Византии. Они пересекли Дунай в районе Браничево и направились по основной дороге через Балканы. При попытках раздобыть продовольствие они столкнулись с определенными трудностями, так как германцы уже забрали всю доступную пищу, а из-за бесчинств, которые они творили, местные жители с подозрением отнеслись к французам и не желали им помогать. Более того, местные купцы, получив предоплату, с удовольствием обвешивали солдат. Однако византийские чиновники отнеслись к французам весьма дружелюбно, а командиры армии крестоносцев были в состоянии заставить своих солдат держать себя в руках.

Войско не сталкивалось ни с какими серьезными проблемами до тех пор, пока не добралось до Константинополя, несмотря на то что французы стали с неприязнью относиться как к германцам, так и к византийцам. Когда армия Людовика добралась до Адрианополя, местные власти, как и в

случае с Конрадом, попытались убедить короля в необходимости обойти столицу и переправиться через Геллеспонт в Азию, но это им снова не удалось.

Тем временем многие французы, недовольные маленькой скоростью продвижения войска, спешно двинулись вперед, стремясь быстрее присоединиться к германцам. Однако те повели себя весьма недружелюбно и отказывались делиться с новоприбывшими продовольствием. К этим французам присоединились отряды из Лотарингии, которые были в плохих отношениях с германцами и стали настраивать своих соотечественников против них. Таким образом, прежде чем французский король прибыл в Константинополь, отношения между солдатами двух армий крестоносцев были испорчены, но при этом как германцы, так и французы испытывали неприязнь в отношении византийцев, и это не предвещало крестоносцам ничего хорошего.

Глава 2. Разлад среди христиан

...Раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков.

Второе послание к коринфянам, 12: 20

Когда в Константинополе впервые узнали о приближении крестоносцев, император Мануил был занят решением проблем, связанных с Анатолией. Несмотря на походы, совершенные его отцом и дедом, положение в азиатских провинциях империи все еще вызывало беспокойство. Турки не вторгались только в прибрежные области. При этом они ежегодно устраивали набеги на территории, расположенные в глубине материка, избегая крупных крепостей и ускальзывая от византийских армий. Обитатели приграничных областей покинули свои деревни и бежали в города или на побережье. Мануил стремился создать четкую линию границы, контролируемую цепью близко расположенных друг к другу крепостей. На создание этой линии и обеспечение ее безопасности были направлены как дипломатический дар императора, так и походы, в которые он отправлялся.

В декабре 1141 г. умер эмир из династии Данишмендидов Мухаммед ибн Гази. Он был наиболее авторитетным мусульманским правителем в Малой Азии, но после его смерти между сыновьями и братьями разразилась междоусобная война. К концу 1142 г. эмират распался на три части. Его сын Зун-н-Нун правил в Кесарии-Мазаке, братья Якуб Арслан ибн Гази и Айн ад-Даула ибн Гази — в Сивасе и Мелитене соответственно. Масуд, султан Коньи из династии Сельджукидов, решил воспользоваться этой раздробленностью и добиться господства над турками Анатолии. Он вторгся на территорию Данишмендидов и установил контроль над областями вплоть до Евфрата. Испуганные его враждебностью братья Якуб Арслан и Айн ад-Даула решили заключить союз с Византией и согласно условиям договора, заключенного, вероятно, в 1143 г., в некоторой степени стали вассалами императора.

Мануил решил выступить против Масуда, солдаты которого вторглись в Малагину, стоявшую на пути из Никеи в Дорилей. Император оттеснил их, но вскоре вернулся в Константинополь из-за ухудшившегося здоровья и неизлечимой болезни его сестры Марии, доказавшей ему свою верность,

когда ее муж кесарь Иоанн Рожер, имевший норманнское происхождение, организовал против вступавшего на престол Мануила заговор. В 1145 г. Масуд снова вторгся на территорию империи и захватил в Исаврии небольшую крепость под названием Пракана, тем самым создав угрозу для сообщения между Византией и Сирией. Вскоре он организовал набег на долину Меандра, участники которого дошли почти до моря.

Император подумал, что пришло время нанести удар по Масуду, и двинулся к Конье. Незадолго до этого Мануил женился, и поговаривали, что он решил показать своей молодой жене из Германии все величие византийского рыцарского духа. Летом 1146 г. он отправил султану сообщение, в котором содержалось официальное объявление войны, и величественно двинулся во главе своего войска по дороге, шедшей мимо Дорилея в Филомелий. Там его попытались остановить несколько отрядов турок, но византийцы сумели отразить их нападение. Масуд отступил к своей столице, но, усилив ее гарнизон, сам остался за пределами города и отправил на Восток письма с просьбой о срочном подкреплении.

Византийская армия разбила лагерь около Коньи, которую обороняла султанша, и стояла там на протяжении нескольких месяцев. Мануил обращался со своими врагами весьма обходительно. Когда стали ходить слухи о том, что султан убит, император отправил к его жене гонца, чтобы сообщить, что это неправда. Кроме того, он пытался, хотя и тщетно, заставить своих солдат с уважением относиться к мусульманским погребениям, располагавшимся за пределами города. Однажды Мануил внезапно отдал приказ к отступлению. Позже стали говорить, что он услышал о приближающихся крестоносцах. Однако вряд ли к тому времени он уже успел узнать о решении, принятом весной в Везле. Император определенно подозревал о намерениях короля Сицилии и вполне мог понять, что что-то назревает. К тому же Мануил узнал о значительном пополнении армии Масуда и стал опасаться, что не справится с длинными и рискованными линиями коммуникации. Поэтому его войско медленно, не нарушая строй, отступило на территорию Византии.

Прежде чем Мануил успел организовать новый поход на Конью, ему все же пришлось столкнуться с крестоносцами, которые действительно приближались к территории Византии. Он был обеспокоен и имел на это все основания, так как предыдущий опыт общения византийцев с крестоносцами оказался не самым приятным. Поэтому когда весной 1147 г. Масуд прислал ему предложение заключить перемирие и пообещал вернуть Византии Пракану и отказаться от прочих результатов своих завоеваний, император согласился. Правда, из-за того, что он заключил этот договор, о

нем стали говорить как о предателе христианской веры. Однако враждебность, проявленная Конрадом еще до того, как германцы узнали о перемирии, свидетельствует о том, что данное решение Мануила было весьма мудрым. Он не считал себя чем-то обязанным сотоварищам по вере, открыто строившим планы нападения на Константинополь. К тому же вряд ли Мануил радовался походу, который, несомненно, позволил бы князю Антиохии забыть о недавно совершенном оммаже и об обещании подчиняться императору. Ввязавшись в масштабную войну с турками, он облегчил бы проход крестоносцев по Анатолии, но таким образом позволил бы им принести значительный ущерб Византии, являвшейся оплотом христианства. Мануил предпочитал избегать проблем, способных ослабить его державу в столь непростое время, особенно при условии надвигающейся войны с Сицилией.

Прежде Конрад и Мануил поддерживали неплохие отношения. Их сплотил общий страх перед сицилийским королем Рожером, а незадолго до прихода крестоносцев император женился на свояченице короля Германии. Однако его насторожили поведение германцев на Балканах и нежелание Конрада переправляться через Геллеспонт. Когда король Германии подошел к Константинополю, в качестве резиденции ему выделили дворец в пригороде Филопатион, стоявший неподалеку от городских стен. Солдаты разбили лагерь вокруг этого дворца. Однако за несколько дней германцы полностью разграбили дворец, и жить там стало невозможно. Тогда Конрад пересек вход в Золотой Рог и поселился во дворце Пикридий, стоявшем напротив квартала Фанар. Тем временем его солдаты стали чинить беспредел в отношении местного населения, и для того, чтобы помешать им, пришлось направить несколько отрядов византийских солдат. За этим последовала серия стычек. Когда Мануил потребовал от Конрада возместить ущерб, тот сначала ответил, что причиненный вред не так уж велик, а затем разозлился и пригрозил, что вернется со своей армией через год и захватит столицу Византии.

Очевидно, императрица, свояченица Конрада, могла примирить двух правителей. Мануил, боявшийся последствий столкновений с французами и поэтому упрощавший германцев как можно быстрее пересечь Босфор, был очень удивлен, когда германцы внезапно стали сговорчивыми, так как между ними и первыми прибывавшими в Константинополь французами разгорались конфликты. Стороны снова сумели прийти к согласию, хотя оно и было исключительно внешним, и Конрад вместе со своим войском, получив дорогостоящие подарки, переправился в Халкидон. Королю император подарил нескольких красивых коней. Однако он ответил отказом

на предложение оставить некоторых своих людей на службе у императора, а взамен получить несколько византийских отрядов, находившихся в Сицилии. Вероятно, этот план Мануил разработал, готовясь к войне с Рожером Сицилийским.

Оказавшись в Халкидоне, Конрад попросил Мануила предоставить ему нескольких проводников, способных провести его войско через Анатолию, и император доверил выполнение этой задачи предводителю варяжской стражи Степану. В то же время он посоветовал германцам не пользоваться дорогой, проходившей прямо через полуостров, а двигаться вдоль побережья к Атталии, не покидая таким образом территории, находившиеся под контролем Византии. Кроме того, он предложил отправить домой всех невооруженных паломников, присутствие которых могло помешать продвижению армии. Конрад не прислушался к совету и направился к Никее. Когда его войско прибыло в этот город, он еще раз подумал и решил разделить своих спутников на две части. Оттон Фрейзингенский должен был отвести ту из них, в которую вошло большинство мирных паломников, в Атталию по дороге, проходившей мимо Лаодикеи на Лике. Сам король в сопровождении основной части армии собирался повторить путь участников Первого крестового похода, двигавшихся по районам, располагавшимся дальше от моря.

Армия Конрада в сопровождении варяга Степана, выполнявшего роль основного проводника германцев, вышла из Никее 15 октября. На протяжении следующих восьми дней, когда они находились на византийской территории, их хорошо кормили, хотя позже германцы жаловались, что в муку подмешивали мел, а монеты им выдавали с заниженной стоимостью. Но они не подготовились к проходу по территории, принадлежавшей туркам. Особенно остро стояла проблема нехватки воды.

Когда 25 октября германцы подошли к небольшой реке Бафус, протекавшей неподалеку от Дорилея, рядом с местом, где за столетия до этого крестоносцы одержали величайшую победу, их атаковало все войско сельджуков. Германские пехотинцы были утомлены и страдали от жажды, а многие рыцари незадолго до этого слезли со своих усталых лошадей, чтобы дать им отдохнуть. Туркменская легкая кавалерия, совершившая серию внезапных стремительных атак, застала их врасплох. Это была скорее бойня, чем битва. Конрад пытался собрать своих солдат, но все было тщетно. Вечером он в сопровождении немногочисленных выживших бежал обратно к Никее. Король потерял девять десятых солдат и весь лагерь. Победители продавали добычу на базарах по всему мусульманскому

Востоку вплоть до Персии.

Тем временем король Людовик и французская армия проходили через Константинополь. Прибыв в город 4 октября, они выяснили, что их авангард и армия Лотарингии потрясены, с одной стороны, дикостью, проявленной германцами, а с другой — перемирием, заключенным Мануилом с турками. Несмотря на просьбы посланника Людовика Эвра де Бара, великого магистра тамплиеров, византийские власти мешали соединению лотарингцев с французами. Епископ Лангра с нетерпимостью, свойственной монахам из Клерво, но совершенно неподобающей истинному христианину, предлагал королю сменить политический курс и заключить с королем Сицилии Рожером союз против вероломных греков. Однако Людовик был слишком совестливым для того, чтобы прислушаться к этим словам, что вызвало большое разочарование у его баронов. Он был вполне доволен тем, как его приняли при дворе византийского императора, и предпочел вежливый совет человеколюбивого епископа Лизьё. Его разместили в Филопатионе, который привели в порядок после нашествия германцев, и регулярно приглашали на пиршества, устраивавшиеся в императорском Большом Влахернском дворце, а император лично показал ему достопримечательности города. Многие представители французской знати также были приятно удивлены оказанным им приемом.

Однако Мануил стремился к тому, чтобы французская армия как можно быстрее пересекла Босфор. Когда войско разместилось в Халкидоне, он использовал в качестве предлога восстание, поднятое фламандским паломником, решившим, будто его обманули, для того чтобы урезать поставки продовольствия для французов. Хотя Людовик быстро приказал повесить виновного, Мануил не пополнял запасы продовольствия до тех пор, пока король не поклялся вернуть императору потерянные им земли, которые французам удастся захватить, и согласился на то, что его бароны заранее совершали оммаж в отношении всех своих будущих владений. Представители французской знати стали протестовать. Однако Людовик посчитал это требование приемлемым, так как остро нуждался в помощи со стороны византийцев, необходимость которой стала особенно очевидна, когда до короля дошли слухи о беде, случившейся с германцами.

Французское войско добралось до Никеи в начале ноября. Оказавшись там, они узнали, что Конрад действительно потерпел поражение. Герцог Швабии Фридрих прибыл во французский лагерь, чтобы рассказать о случившемся и попросить Людовика отправиться на встречу с Конрадом. Людовик поспешил в ставку германцев, и короли провели переговоры. Они решили отправиться на юг по прибрежной дороге, не выходя за пределы

византийской территории. На какое-то время между двумя армиями установилось согласие.

Когда германцы не смогли найти продовольствие в местности, где стоял их лагерь, так как до этого французы забрали все, что смогли найти, и начали из-за этого грабить соседние деревни, их тотчас же атаковали византийские солдаты. Спас их отряд французов, которым командовал граф Суасона, спешно пришедший им на выручку по просьбе Конрада. Тем временем королю Германии удалось навести в своем войске хотя бы какой-то порядок. Большинство выживших паломников покинуло его в надежде прорваться обратно в Константинополь, и мы не знаем, что с ними случилось потом.

Армии двинулись дальше вместе. Лагерь они разбили 11 ноября неподалеку от современного Балыкеси́ра. Там они снова пересмотрели свои планы. Вероятно, до них дошли рассказы о путешествии Оттона Фрейзингенского по прибрежной дороге в Филадельфию и Лаодикею. О нем мы знаем совсем немного. Нам известно лишь то, что усталые германцы, количество которых в пути несколько уменьшилось, в конце концов прибыли в Атталию. При этом по дороге они бросали прямо на обочинах многочисленные тела умерших, погибших из-за лишений или убитых турками во время набегов. Короли решили держаться как можно ближе к побережью, перемещаясь по более плодородным землям, и не терять связи с византийским флотом. Затем они двинулись на юг через Адрамитион, Пергам и Смирну и прибыли в Эфес. Французское войско шло впереди, а германцы с трудом тащились сзади, отставая от союзников на день, за что те насмехались над ними, укоряя в излишней медлительности. Византийский историк Иоанн Киннам написал, что французы с пренебрежением кричали им: «Подтолкните германцев!»

Когда крестоносцы прибыли в Эфес, здоровье Конрада подкосилось настолько, что ему пришлось там остаться. Узнав об этом, император Мануил послал ему ценные подарки и уговорил вернуться в Константинополь, где очень тепло встретил короля и поселил его во дворце. Мануил обожал медицину и настоял на том, что должен стать лечащим врачом своего гостя. Конрад выздоровел. Он был глубоко тронут вниманием, оказанным ему императором и императрицей. Именно тогда была достигнута договоренность о брачном союзе между герцогом Австрии Генрихом и племянницей императора Феодорой, дочерью его брата Андроника. Король Германии и его приближенные оставались в Константинополе до начала марта 1148 г., когда эскадра византийских кораблей перевезла их в Палестину.

Будучи в Эфесе, где он провел четыре дня, король Людовик получил от Мануила письмо, где император сообщал ему, что турки вышли на тропу войны, и советовал не вступать с ними в конфликт, а держаться как можно ближе к цепи византийских крепостей. Мануил явно боялся, что турки причинят вред французам, а обвинять в этом будут его. В то же время он ввиду приближавшейся войны с Сицилией не желал нарушать мир с султаном. Людовик не ответил ни на это письмо, ни на другое, в котором Мануил предупреждал его, что византийские власти не могут помешать местному населению мстить за причиненный крестоносцами вред. Французское войско становилось все менее дисциплинированным, и жалобы на творимые им беззакония уже стали достигать столицы.

Свой путь французская армия завершила в долине реки Меандр. Когда французы встречали Рождество в долине Децервиум, на горизонте появились турки, нападавшие на двигавшихся крестоносцев, пока те не достигли моста через реку в районе Антиохии Писидийской. Там состоялась битва, но французы сумели с боем перейти через мост, в то время как турки отступили в Антиохию. Мы не знаем, почему туркам удалось укрыться в византийской крепости. Французы по вполне естественным причинам увидели в этом акт предательства христианства. Однако что бы ни произошло — гарнизон сдался превосходившему его по численности противнику или между византийцами и безбожниками была достигнута какая-то договоренность, вряд ли император лично дал подобный приказ.

Битва у моста в районе Антиохии состоялась примерно 1 января 1148 г. Через три дня после этого крестоносцы прибыли в Лаодикею, которая оказалась покинута жителями, бежавшими, услышав о бесчинствах, творимых ранее крестоносцами, в холмы, прихватив с собой все припасы. Солдатам было нелегко запастись едой, столь необходимой им на трудном участке пути, лежавшем впереди. Дорога в Атталию шла через высокие пустынные горы. Даже в лучшие времена это путешествие было нелегким. Для голодной армии, вынужденной тащиться под январским ливнем, когда флангам угрожают безжалостные турки, отстреливающие отставших и больных, оно превратилось в настоящий кошмар. По пути солдатам попадались тела германских паломников, погибших за несколько месяцев до этого. Теперь о дисциплине в войске не было и речи — поддерживалась она только в отряде рыцарей-тамплиеров. Королева и другие дамы дрожали в своих паланкинах и клялись, что больше никогда не станут проходить подобное испытание. Однажды днем, когда войско спускалось к морю, авангард, которым командовал Жоффруа де Ранкон,

нарушил приказ короля, велевшего разбить лагерь перед началом перевала, и спустился с холма, потеряв связь с основной частью армии, на которую тотчас же напали турки. Крестоносцы сумели удержать свои позиции, но королю удалось выжить только благодаря наступлению темноты, и французы понесли серьезные потери.

Дальнейшая дорога далась крестоносцам проще. Турки не стали рисковать и спускаться на равнину. В начале февраля крестоносцы прибыли в Атталию. Византийским наместником в этом городе был италянец по имени Ландольф. Следуя приказу императора, он делал все возможное для того, чтобы помочь пришельцам с Запада. Но Атталия была небольшим городом и не могла похвастаться значительными запасами продовольствия. К тому же ее окружала не очень плодородная сельская местность, которую незадолго до этого разграбили турки. Запасов на зиму оставалось немного, а германские паломники уже забрали с собой все, что могли. Неудивительно, что доступно было совсем немного продовольствия, а цены буквально взлетели до небес. Однако разъяренные и разочарованные французы видели в этом очередное доказательство вероломства византийцев.

Теперь король Людовик решил двигаться по морю и стал договариваться с Ландольфом, чтобы тот предоставил ему корабли. Собрать эскадру судов в это время года в порту, стоявшем на диком побережье Карамании, было непросто. Пока шел поиск судов, турки внезапно приблизились к лагерю крестоносцев и напали на него. Французы снова стали винить в случившемся византийцев, действительно, очевидно, даже не пытавшихся защищать нежеланных гостей, чье присутствие и стало причиной этих набегов турок. Когда прибыли корабли, выяснилось, что их слишком мало и они не способны перевезти всех крестоносцев. В связи с этим Людовик посадил на них всех своих приближенных и как можно больше всадников, после чего суда, на борту одного из которых находился сам король, отправились в Святой Симеон, куда они прибыли 19 марта.

Для того чтобы успокоить совесть, мучившую его из-за того, что он покинул свою армию, король дал Ландольфу 500 марок и попросил позаботиться о больных и раненых, а остальных, по возможности, переправить по морю. Командовать оставшимися должны были графы Фландрии и Бурбона. Через день после отплытия короля турки спустились на равнину и напали на лагерь. Из-за нехватки всадников крестоносцы не могли оттеснить их, в связи с чем попросили разрешение укрыться за городскими стенами. С ними хорошо обращались, больных лечили, а

Ландольф спешно пытался найти новые корабли. И снова ему не удалось собрать количество судов, достаточное для перевозки всех крестоносцев. Поэтому граф Фландрии Тьерри и граф Бурбона Арчимбальд последовали примеру короля и сами сели на корабли, взяв с собой своих друзей и оставшихся конников, велел пехотинцам и паломникам самостоятельно добираться до места назначения по суше.

Лишившись своих предводителей, несчастные крестоносцы отказались оставаться в лагере, подготовленном для них Ландольфом, жаждавшим выгнать их из города. Солдаты решили, что, оказавшись там, будут на виду и станут прекрасной мишенью для турецких лучников. Вместо этого они тотчас же покинули город и двинулись по восточной дороге. Необразованные, недисциплинированные и не испытывавшие доверия к своим проводникам, постоянно подвергавшиеся нападениям турок, с которыми, как они считали, византийцы были заодно, несчастные французы вместе с тащившимися позади остатками германской пехоты с большим трудом преодолевали путь в Киликию. В конце весны в Антиохию прибыло менее половины из тех, кто вышел из Атталии.

В одном из своих многочисленных писем к аббату Сугерию, в каждом из которых король просил прислать еще денег, Людовик объяснял катастрофу, случившуюся в Анатолии, «предательством императора», но в то же время отмечал, что «это также наша собственная вина». Чаше и с большим чувством о вине Мануила писал официальный французский хронист крестового похода Одон Дейльский, а затем это обвинение стало переходить из одного сочинения западных историков в другое вплоть до нашего времени. Бедствия крестоносцев настолько испортили отношения между западной и восточной христианской церковью, что о вине императора следует поговорить подробнее.

Одон жаловался, что византийцы предоставляли крестоносцам недостаточное количество продовольствия по заоблачным ценам, неподходящие средства передвижения и плохих проводников, а самым страшным доказательством их вины было то, что они заключили с турками союз, направленный против таких же, как сами они, христиан. Первые обвинения совершенно абсурдны. Ни одно средневековое государство, даже такое хорошо организованное, как Византия, не могло предоставить количество продовольствия, достаточное для снабжения двух огромных армий, прибывших без приглашения и почти без предупреждения, а когда пищи немного, цены на нее неизбежно растут. То, что многие местные купцы и некоторые византийские чиновники пытались обмануть крестоносцев, не вызывает сомнения. Подобное поведение никогда не было

редкостью в сфере торговли, особенно на средневековом Востоке. Надеяться, что Ландольф сумеет добыть число кораблей, достаточное для перевозки целой армии, в середине зимы, находясь при этом в таком небольшом порту, как Атталия, было весьма безрассудно. Да и проводников, к советам которых редко прислушивались, вряд ли следует винить в том, что они не знали о недавнем разрушении тех или иных мостов или колодцев турками, либо в том, что они бежали, услышав угрозы или заметив проявления враждебности со стороны людей, которых вели.

Вопрос о союзе с турками представляется более сложным, но его следует рассматривать с точки зрения Мануила. Он не приглашал крестоносцев и не нуждался в их присутствии. Кроме того, у него были веские основания для того, что порицать их. К тому времени византийские дипломаты уже научились сглаживать различных мусульманских правителей друг с другом, тем самым не позволяя им заключить союз, а такое масштабное явление, как крестовый поход, неизбежно должно было объединить их в борьбе против христианства.

Более того, византийцам, разработавшим собственную стратегию борьбы с исламом, было важно держать под своим контролем Антиохию. Когда в Константинополе униженный князь Раймунд обещал подчиняться им, они достигли этой цели. Появление крестоносцев во главе с племянницей князя и ее мужем неизбежно должно было заставить его попытаться избавиться от положения вассала. Когда крестоносцы оказались на территории Византии в качестве гостей, их поведение не позволило Мануилу вспылать к ним любовью — они грабили, нападали на солдат, обеспечивавших правопорядок, не обращали внимания на его предложения выбрать определенный маршрут, а многие их предводители открыто обсуждали возможность захвата Константинополя. Взглянув на ситуацию под таким углом, можно прийти к выводу, что император был по отношению к ним самим воплощением щедрости и долготерпения, и некоторые крестоносцы понимали это. Но пришельцы с Запада не могли ни понять, ни простить Мануила за заключенный с турками договор. Они не осознавали, что подобный поступок был необходим византийцам с точки зрения политики. К тому же предводители крестоносцев предпочитали игнорировать тот факт, что, пока они требовали от императора помочь им в борьбе против неверных, его собственные владения подверглись ожесточенному нападению со стороны другой христианской державы, хотя и знали об этом.

Осенью 1147 г. сицилийский король Рожер захватил остров Корфу и оттуда перебросил армию на греческий полуостров. Его солдаты

разграбили Фивы, а тысячи живших в городе ремесленников были похищены и отправлены работать на зарождавшиеся в то время шелковые производства в Палермо. Рожеру удалось захватить даже Коринф, считавшийся главной крепостью полуострова, и избавить его от всех хранившихся там сокровищ. Нагруженные добычей норманны с Сицилии вернулись на Корфу, который должен был стать постоянной угрозой для империи и обеспечить им господство в акватории Адриатического моря. Именно неизбежность нападения норманнов в 1146 г. вынудила Мануила отступить от Коньи, а в следующем году принять предложение султана, просившего о мире. Если Мануила считать предателем христианства, то следует признать, что в списке таковых он должен занимать лишь второе место — сразу после короля Сицилии Рожера.

Византийская армия была большой, но не огромной, и в ее лучших подразделениях Мануил нуждался для войны с Рожером. Затем пошли слухи о том, что в русских степях неспокойно, вылившиеся летом 1148 г. во вторжение половцев на Балканы. Из-за крестоносцев император не мог перебросить солдат с киликийской границы туда, где они были нужнее, а для того, чтобы обеспечить проход крестоносцев по территории Византии, требовалось увеличить численность военных, занимавшихся охраной правопорядка. Все это не позволяло Мануилу направить на весьма протяженную границу, расположенную в Анатолии, достаточное количество солдат.

Император предпочел заключить мир, позволявший его подданным, жившим в Анатолии, спокойно жить, не опасаясь набегов турок. Крестоносцы же стали угрозой для этого перемирия. Марш-бросок Конрада к Дорилю, по сути, представлял собой настоящую провокацию, а Людовик, несмотря на свое стремление не переходить границу византийской территории, публично назвал себя врагом всех мусульман и отказался выполнять совет императора, просившего французов не покидать пределы зоны, охранявшейся византийскими гарнизонами. Вполне возможно, что Мануил, столкнувшись с этой проблемой, договорился с турками о том, что он не станет обращать внимания на их нападение на его территорию, если они будут атаковать только крестоносцев. Они выполнили это условие, но при этом по вполне понятным причинам создавалось впечатление, будто они действуют заодно с местными жителями, которым действительно было все равно, кто украдет их скот и припасы — крестоносцы или турки, и которые по вполне понятным причинам предпочитали последних. Однако вряд ли Одон Дейльский был прав, когда писал, что местные жители нападали на крестоносцев вместе с

турками, тем более что это обвинение против жителей Атталии в его сочинении следует сразу после рассказа о том, что впоследствии император наказал их за то, что они были чересчур добры к крестоносцам.

Главной причиной бедствий, случившихся с крестоносцами в Анатолии, стала их собственная глупость. Император действительно мог сделать больше, чтобы им помочь, но для этого ему пришлось бы подвергнуть свою империю серьезной опасности. Однако основной вопрос лежит глубже. Нужны ли были для защиты и развития христианства доблестные походы на Восток, возглавляемые горсткой недальновидных идеалистов и грубых искателей приключений и призванные помочь расположенному там государству, о создании которого никто не просил и которое полностью зависело от разобщенности мусульман, или Византия, на протяжении столь долгого времени охранявшая восточную границу, должна была и впредь продолжать играть эту роль без вмешательства с Запада? История Второго крестового похода стала более ярким, чем в случае с первым, свидетельством того, что два этих подхода несовместимы. Возможность узнать, какой из них оказался верным, появилась тогда, когда Константинополь пал, а турки стали стучаться в ворота Вены.

Глава 3. Фиаско

Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится...

Книга пророка Исаии, 8: 10

Когда 19 марта 1148 г. стало известно, что король Людовик сошел на берег в Святом Симеоне, князь Раймунд со всеми своими придворными выехал из Антиохии, чтобы встретить его и проводить в город. Несколько следующих дней прошли в радостных торжествах и пиршествах. Почтительные рыцари из числа антиохийской знати делали все возможное для того, чтобы доставить удовольствие королеве Франции и прибывшим с ней высокопоставленным дамам. Оказавшись в роскошном дворце антиохийского князя и наслаждаясь прекрасной весенней погодой, гости забыли обо всех тяготах, с которыми им пришлось столкнуться в пути.

Как только прибывшие отдохнули и восстановились, Раймунд приступил к обсуждению с предводителями французов плана проведения кампании против безбожников. Князь надеялся, что благодаря новоприбывшим крестоносцам удастся достичь выдающихся результатов. Правда, положение, в котором он находился, было весьма опасным. Владения Нур ад-Дина теперь простирались вдоль границы христианских государств от Эдессы до Хамы, а осенью 1147 г. он захватывал одну за другой франкские крепости, стоявшие к востоку от Оронта. Граф Жослен был полностью занят попытками удержать Турбессель.

Князь понимал: если бы мусульмане предприняли масштабную атаку на Антиохию, то единственным государством, способным спасти ее, стала бы Византия. Но византийские войска могли прибыть слишком поздно, а за помощь императора пришлось бы заплатить, пообещав еще больше ему подчиняться. Благодаря приходу французского войска, хотя и потерявшего в пути значительную часть своей пехоты, антиохийские франки получали настолько впечатляющее подкрепление в лице конницы, что оно вполне могло позволить им удержать оборону. Раймунд убеждал короля, что они должны вместе нанести удар по самому сердцу владений Нур ад-Дина — городу Алеппо, и убедил многих французских рыцарей принять вместе с ним участие в разведывательном походе, приведшем в ужас обитателей этого города.

Но когда наступил решающий момент, король Людовик замешкался. Он сказал, что, отправляясь в крестовый поход, поклялся посетить Иерусалим прежде, чем принимать участие в какой-либо военной кампании. Однако в действительности за данным предлогом он пытался скрыть свою нерешительность. О помощи его просили все правители франкских государств Востока. Граф Жослен надеялся, что король поможет ему вернуть Эдессу, ведь именно ее падение стало причиной крестового похода. Граф Триполи Раймунд, решив воспользоваться родством с Людовиком (его мать была французской принцессой), просил его помочь отвоевать Монферран. В апреле в Антиохию прибыл сам иерусалимский патриарх, присланный Высокой курией королевства, члены которой просили короля Франции поспешить на юг и сообщали ему, что король Конрад уже прибыл в Святую землю.

Людовика заставил, в конце концов, принять решение мотив исключительно личного характера. Королева Алиенора была намного сообразительнее мужа. Она сразу поняла, насколько разумен план, предлагаемый Раймундом. Но откровенная и весьма горячая поддержка идеи, предложенной ее дядей, со стороны королевы лишь породила в Людовике ревность. Языки зашевелились. Королеву и князя слишком часто заставляли в обществе друг друга. Поговаривали, будто Раймунд испытывает к племяннице отнюдь не родственные чувства. Обеспокоенный за свою честь Людовик заявил, что немедленно уезжает, после чего королева ответила, что останется в Антиохии и попытается развестись с мужем. Услышав это, король силой вывез Алиенору из дворца дяди и отправился с ней и со всем своим войском в Иерусалим.

Король Конрад высадился на берег в Акре вместе с важнейшими из сопровождавших его сеньоров в середине апреля. По прибытии в Иерусалим он был очень тепло встречен королевой Мелисендой и ее сыном, оказавшими ему все необходимые почести. Когда через месяц в Святую землю прибыл король Людовик, его встретили с такими же почестями. Еще никогда в Иерусалиме не оказывалось столь блестящее сообщество рыцарей и дам. Но многих представителей знати недоставало. Князь Антиохии Раймунд, разъяренный поведением Людовика, отказался от участия в крестовом походе. В любом случае он не мог позволить себе покинуть свое княжество, постоянно находившееся под угрозой, ради того, чтобы принять участие в приключении на юге. Граф Жослен также не мог уехать из Турбесселя. Причиной отсутствия графа Триполи стала трагедия, случившаяся в его семье.

Среди крестоносцев, давших в Везле клятву вместе с королем

Людовиком, был граф Тулузы Альфонс Иордан. Вместе с женой и детьми он отправился в путь по морю из Константинополя и высадился на берег в Акре через несколько дней после приезда Конрада. Новость о его прибытии вместе с многочисленным войском ободрила живших на Востоке франков, заметно романтизовавших его образ. Ведь он был сыном графа Тулузы Раймунда, одного из первых крестоносцев, и родился на Востоке, в Крепости пилигрима, когда его отец осаждал Триполи. Однако его приезд был крайне нежелателен для графа Триполи, внука незаконнорожденного сына Раймунда Тулузского Бертрана. Все понимали: если Альфонс Иордан заявит о своих правах на Триполи, отказать ему в этом будет очень сложно. Казалось, будто он действительно хотел предъявить свои права на этот город. По пути из Акры в Иерусалим он остановился в Кесарии, где внезапно умер в жутких мучениях. Причиной его гибели могла стать какая-то тяжелая болезнь, такая как аппендицит. Но все окружающие заподозрили, что граф был отравлен, а его сын Бертран открыто обвинил своего дядю Раймунда, графа Триполи, в том, что заказчиком убийства является именно он. Другие полагали, что вина в совершенном преступлении лежит на королеве Мелисенде, действовавшей по просьбе своей любимой сестры — жены Раймунда графини Годиерны. Доказать что-либо так и не удалось. Однако Раймунд в знак возмущения из-за необоснованного обвинения отказался от дальнейшего участия в крестовом походе.

Когда все крестоносцы прибыли в Палестину, королева Мелисенда и король Балдуин пригласили их принять участие в ассамблее, которая должна было пройти 24 июня 1148 г. в Акре. Это было весьма впечатляющее собрание. Со стороны хозяев в нем принимали участие король Балдуин, иерусалимский патриарх Фульк, архиепископы Кесарии и Назарета, Великие магистры орденов тамплиеров и госпитальеров, а также важнейшие архиереи и бароны королевства. Вместе с Конрадом прибыли его сводные братья Генрих Язомирготт, маркграф Австрии, и Оттон Фрейзингенский, а также его племянник Фридрих, герцог Швабии, герцог Баварии Вельф и многие менее высокопоставленные сеньоры. Лотарингию представляли епископы Меца и Туля. Короля Людовика сопровождал его брат Роберт де Дрё, его будущий зять граф Шампани Генрих, граф Фландрии Тьерри, а также юный Бертран, незаконнорожденный сын Альфонса Иордана. Мы не знаем, как проходило обсуждение и кто вынес окончательное предложение. Однако после непродолжительного спора участники собрания решили направить все свои силы в поход на Дамаск.

Это было очень глупое решение. Конечно, Дамаск был весьма

заманчивой целью, а завладев им, франки могли полностью отрезать мусульман Египта и Африки от их товарищей по вере, живших в Северной Сирии и на Востоке. Однако из всех правителей мусульманских государств только Буриды из Дамаска стремились сохранить дружбу с франками, ибо, как и наиболее дальновидные из франков, они считали своим главным врагом Нур ад-Дина. Франкам было выгодно поддерживать дружбу с Дамаском до тех пор, пока не удастся разбить Нур ад-Дина, а также не позволять Дамаску вступить в союз с Алеппо. Как показали события, произошедшие за год до этого, нападение на первый из двух данных городов было гарантией того, что его правители станут союзниками Нур ад-Дина. Однако иерусалимские бароны жаждали заполучить богатые плодородные земли, находившиеся в зависимости от Дамаска, и испытывали сильнейшие страдания, вспоминая о своем недавнем унижении, отомстить за которое наверняка стремился пылкий юный король. Для прибывших на Восток крестоносцев Алеппо было пустым звуком, а Дамаск — городом, неоднократно упоминавшимся в Священном Писании, освобождение которого от безбожников должно было стать прекрасным способом восславить Господа. Выяснять, кто виноват в принятии этого решения, бессмысленно, но в первую очередь ответственность за него должны нести местные бароны, прекрасно разбиравшиеся в сложившейся ситуации, а не новоприбывшие крестоносцы, для которых все мусульмане были на одно лицо.

Христианская армия, самая многочисленная из всех когда-либо собранных франками, выступила из Галилеи в середине июля и двинулась в сторону Банияса. В субботу 24 июля войско разбило галерь на краю садов, окружавших Дамаск. Поначалу эмир Унур не принял новость о прибытии крестоносцев всерьез. Он слышал о тяжелых потерях, понесенных ими в Анатолии, да и в принципе не ожидал, что они могут напасть на Дамаск. Узнав правду, он спешно приказал своим наместникам прислать всех людей, которых они смогут собрать, и отправил в Алеппо гонца, который должен был попросить Нур ад-Дина о помощи.

Сначала франки остановились в Манакиль-аль-Асакире, примерно в четырех милях к югу от города, сверкающие белые стены и башни которого виднелись сквозь плотную завесу листвы сада. Однако они очень быстро переместились в деревню Аль-Мизза, где было проще достать воду. Армия Дамаска пыталась удержать их там, но была вынуждена отступить и укрыться за городскими стенами. Одержав победу, предводители крестоносцев отправили войско Иеру салима в сады, чтобы уничтожить прятавшихся там партизан. Ко второй половине дня франки сумели взять

под свой контроль те из них, которые были расположены к югу от города. Крестоносцы стали рубить деревья и сооружать из их стволов частоколы. Затем в основном благодаря личной храбрости Конрада они сумели прорваться в Рабву, стоявшую на реке Барада, в непосредственной близости от городских стен.

Жители Дамаска решили, что все потеряно, и стали возводить на улицах города баррикады, готовясь к последнему, самому отчаянному бою. Однако на следующий день ситуация коренным образом изменилась. В северные ворота города стало заходить подкрепление, призванное Унуром, с помощью которого ему удалось предпринять контратаку и оттеснить христиан от городских стен. На протяжении двух последующих дней он снова предпринимал атаки на крестоносцев, а сады опять наполнились партизанами. Они представляли настолько большую угрозу для лагеря, что Конрад, Людовик и Балдуин, собравшись вместе, решили покинуть сады, росшие к югу от города, и, переместившись на восток, разбить лагерь в месте, где противник не сумеет найти столь удачного укрытия. В итоге 27 июля все войско было переброшено на равнину, раскинувшуюся за пределами восточной стены Дамаска. Это решение было крайне неудачным, ибо на новом месте не доставало воды и располагалось оно напротив наиболее укрепленной части стены, а мусульманам теперь стало удобнее, чем в садах, осуществлять вылазки.

Многие франкские солдаты были уверены, что Унур подкупил палестинских баронов, давших королю подобный совет, ибо, сдвинувшись с места, они лишились последней возможности захватить Дамаск. Унур, численность войска которого значительно увеличилась, знал, что Нур ад-Дин во главе своей армии уже движется на юг, что позволило ему снова атаковать лагерь франков. Теперь обороняться были вынуждены крестоносцы, а не осажденный ими город.

В то время как солдаты христианской армии впадали в уныние и говорили о предательстве, их предводители без стеснения ссорились друг с другом, не сумев договориться о том, что будет с Дамаском после того, как они его захватят. Иерусалимские бароны ожидали, что он станет феодом в составе королевства, и даже готовы были передать его во владение Ги Бризбарру, сеньору Бейрута, кандидатуру которого, очевидно, поддерживали королева Мелисенда и коннетабль Манассе. Однако Дамаск также жаждал заполучить и граф Фландрии Тьерри, надеявшийся сделать его полунезависимым феодом, таким же, как Триполи. Он заручился поддержкой со стороны Конрада и Людовика, а также от короля Балдуина, сводная сестра которого была его женой. Узнав, что местные бароны впали

в ярость, едва услышав, будто короли предпочитают кандидатуру Тьерри, Конрад и Людовик ослабили свой натиск.

Те, кто изначально высказывался против захвата Дамаска, сумели заполучить больше сторонников. Возможно, они находились в тайном сговоре с Унуром. По крайней мере, ходили слухи, что иерусалимские придворные и князь Галилеи Элинар получили из Дамаска крупные суммы денег, оказавшихся, правда, поддельными. Возможно, Унур пообещал, что, если крестоносцы тотчас же отступят, он откажется от союза с Нур ад-Дином. Вне зависимости от того, использовал ли его Унур, этот аргумент, несомненно, заставил представителей знати королевства задуматься. Нур ад-Дин уже прибыл в Хомс, откуда вел с Унуром переговоры об условиях, на которых он окажет Дамаску помощь. Он требовал, чтобы его войско впустили в Дамаск, а Унур тянул время. Стоявшая возле Дамаска франкская армия оказалась в трудном положении. Ожидать подкрепления было неоткуда, а через несколько дней к городу могло подойти войско Нур ад-Дина. Все понимали: следствием его появления станет не только гибель всей армии крестоносцев, но и то, что власть над Дамаском перейдет к Нур ад-Дину.

Теперь, хотя и с опозданием, все палестинские бароны убедились в том, что продолжать войну против Дамаска глупо, и стали доказывать королям Конраду и Людовику правильность своей точки зрения. Крестоносцы, прибывшие с Запада, пришли в ужас. Они не понимали сложных аргументов изошренных политиков, но знали, что без помощи местных франков ничего не добьются. Короли публично жаловались на вероломство людей из своей же среды, а также на недостаток рвения и все же приказали отступить.

В среду 28 июля, на рассвете пятого дня после своего прибытия к Дамаску, крестоносцы собрали лагерь и начали двигаться обратно в сторону Галилеи. Несмотря на то что, возможно, причиной их отступления стали деньги Унура, он не дал им спокойно уйти. На протяжении всего дня и в течение нескольких последующих легкая туркменская конница, двигавшаяся сбоку от крестоносцев, расстреливала войско из луков. Дорога была усеяна мертвыми телами людей и коней, смрад от которых поднимался над равниной на протяжении еще многих месяцев.

В начале августа многочисленная армия вернулась в Палестину, и местные солдаты разошлись по домам. Крестоносцы не сумели ничего достичь, лишь потеряли множество людей и значительную часть материальных ресурсов, а также претерпели ужасное унижение. То, что блестящей армии пришлось отказаться от своей цели после осады,

продлившейся всего четыре дня, стало тяжелым ударом по репутации христиан. Истории о непобедимых рыцарях с Запада, созданные во время Первого крестового похода, стали восприниматься как всего лишь легенды, а мусульмане, в свою очередь, воспрянули духом.

По возвращении из Дамаска король Конрад не стал задерживаться в Палестине. Вместе со своими придворными он сел на корабль, отплывший из Акры 8 сентября и направившийся в Фессалонику. Прибыв туда, он получил от императора Мануила весьма настойчивое приглашение встретить Рождество в императорском дворце. Теперь двое правителей прекрасно ладили друг с другом. Хотя племянник короля Фридрих, возможно, продолжал таить злобу на византийцев, полагая, будто именно из-за них германцы понесли столь тяжелые потери в Анатолии, Конрад думал лишь о том, насколько важно для него заключить с Мануилом союз против Рожера Сицилийского, находился под воздействием обаяния императора и был поражен его гостеприимством.

Во время этого визита прошло пышное празднование свадьбы его брата Генриха, герцога Австрии, и племянницы Мануила Феодоры. Шокированные византийцы со слезами на глазах смотрели, как прекрасную юную девушку обрекают на столь печальную участь — «быть принесенной в жертву чудовищу с Запада», как писал придворный поэт, сочувствовавший ее матери. Но этот брачный союз стал символом окончательного примирения между правителями Германии и Византии. Перед тем как в феврале 1149 г. Конрад покинул Константинополь, чтобы вернуться в Германию, они заключили союз, направленный против Рожера Сицилийского, владения которого на итальянском полуострове король и император решили разделить между собой.

Пока Конрад наслаждался жизнью в Константинополе, король Людовик оставался в Палестине. Аббат Сугерий снова и снова отправлял ему письма, в которых умолял вернуться во Францию, но никак не мог заставить короля передумать, ибо тот решил провести Пасху в Иерусалиме. К тому же он понимал, что по возвращении его ждет развод со всеми вытекавшими из этого политическими последствиями, и пытался как можно больше отсрочить этот ужасный день. В то время как Конрад восстанавливал дружеские отношения с византийцами, Людовик испытывал все большую неприязнь к императору. В итоге он сменил политический курс и стал добиваться заключения союза с королем Сицилии Рожером. Благодаря ссоре с князем Антиохии Раймундом главное препятствие, мешавшее заключению этого союза, который позволил бы ему претворить свою ненависть к Византии в жизнь, было устранено.

В конце концов в начале лета 1149 г. Людовик отплыл из Палестины на сицилийском корабле, вскоре присоединившемся к сицилийской же эскадре, плававшей по водам Восточного Средиземноморья. Война между Сицилией и Византией все еще продолжалась, и, когда корабли двигались вокруг Пелопоннеса, на них напали суда византийского флота. Король Людовик спешно приказал поднять над своим кораблем французский флаг, и таким образом его судно сумело продолжить путь. Однако корабль, на котором плыло множество его соотечественников и везли его имущество, был захвачен и отогнан в Константинополь в качестве добычи. Прошло много времени, прежде чем император согласился отпустить людей во Францию и отправить с ними имущество короля.

В конце июля Людовик высадился на берег в Калабрии и в Потенце встретился с королем Рожером. Правитель Сицилии тотчас же предложил ему организовать новый крестовый поход, главной целью которого должна была стать месть Византии. Людовик и его советники с готовностью согласились и отправились во Францию, по дороге рассказывая всем встречным о вероломстве византийцев и о необходимости наказать их. Папа Евгений, которого Людовик встретил в Тиволи, отнесся к этой идее без особого энтузиазма, но многие члены его курии проявили в отношении данного плана гораздо больший интерес. Кардинал Теодвин стал искать проповедников, способных рассказывать о нем. Петр Достопочтенный помог ему. По прибытии во Францию Людовик убедил Сугерия согласиться на это предложение, и, что еще более важно, святой Бернард, поражаясь неисповедимости путей Господа, допустившего то, что столь блестящий крестовый поход завершился так печально, охотно согласился признать Византию источником всех бедствий крестоносцев и стал делать все возможное, чтобы виновных в предательстве византийцев постигло возмездие.

Однако для того чтобы этот план был претворен в жизнь, нужна была помощь короля Германии Конрада, а тот не стал ее оказывать. Он слишком отчетливо понимал, что к созданию данной идеи приложил руку его противник Рожер, и не видел оснований для того, чтобы разрывать свой союз с Мануилом, только усилив тем самым власть Рожера. Тщетно взывали к нему кардинал Теодвин и Петр Достопочтенный, да и сам святой Бернард напрасно уговаривал короля и грозил ему всевозможными карами. В последний раз, когда Конрад последовал совету Бернарда, он отправился во Второй крестовый поход. Король не собирался дважды попадаться в одну и ту же ловушку. Из-за отказа Конрада помочь от идеи похода против Византии пришлось отказаться. Величайшая измена христианству, к

которой так яростно призывал святой Бернард, была отложена еще на полстолетия.

На Востоке остался (хотя и недобровольно) только один из предводителей Второго крестового похода. Юный Бертран из Тулузы, незаконнорожденный сын графа Альфонса Иордана, не мог позволить богатому Триполи оставаться во власти родственника, которого он считал виновным в гибели своего отца. Он оставался в Палестине до отъезда короля Людовика, а затем увел своих солдат, с которыми прибыл из Лангедока, на север, делая вид, будто собирается сесть на корабль в одном из портов на севере Сирии. Пройдя через равнину там, где Букайя выходит к открытому морю, он внезапно повернулся в сторону внутренней части материка и захватил замок Арайма. Заняв крепость, он стал оказывать сопротивление войску, присланному графом Раймундом из Триполи, чтобы вытеснить Бертрана. Эта крепость, расположенная на неприступной скале, могла похвастаться прекрасным местонахождением, ибо она контролировала дороги из Триполи в Тартус и в глубину материка.

Граф Раймунд не нашел поддержки среди своих сородичей-христиан и отправился за помощью к правителю Дамаска Унуру. Тот с радостью согласился помочь и позвал с собой Нур ад-Дина. Таким образом Унур мог продемонстрировать свою готовность вести совместные с Нур ад-Дином действия против христиан, не лишив при этом себя возможности снова наладить дружественные отношения с правителями Иерусалима. Унур понимал, что, поддержав зятя Мелисенды, сумеет доставить ей удовольствие. Двое мусульманских правителей подошли к Арайме, не способной в течение долгого времени противостоять натиску столь многочисленного противника. Мусульмане-победители сначала полностью разграбили замок, а затем сровняли его с землей. Затем они передали его графу Раймунду, который собирался восстановить его, после чего ушли, ведя за собой длинную вереницу пленников. Бертран и его сестра оказались среди тех, кто стал добычей Нур ад-Дина. Он отправил их в Алеппо, где им предстояло провести в плену целых двенадцать лет.

То, что поледний крестоносец оказался в плену у мусульманских союзников христианского правителя, которого он пытался низвергнуть, стало вполне логичным завершением Второго крестового похода. Начало еще не одного предприятия Средневековья не было сопряжено со столь блистательными надеждами. Спланированный папой, проповедованный и вдохновленный превосходным оратором святым Бернардом и возглавляемый двумя ключевыми правителями Западной Европы, он мог бы стать прекрасным способом спасения и прославления христианства, но

после его постыдного завершения, ознаменованного отступлением измученных крестоносцев от Дамаска, его участники сумели достичь только ухудшения отношений между христианами католиками и византийцами, причем настолько серьезного, что оно едва не привело к переломному моменту; росту взаимного недоверия тех, кто только прибыл с Запада, и франков, живших на Востоке, друг к другу; сближению мусульманских правителей и тому, что репутации франков как отважных воинов был нанесен непоправимый урон. Французы могли пытаться переложить вину за произошедшее на плечи кого-то другого — вероломного императора Мануила или вялых палестинских баронов, а святой Бернард мог грозить всеми карами нечестивцам, мешавшим реализации Божьего замысла, но в действительности крестовый поход провалился из-за его предводителей — их жестокости, невежества и глупости.

Часть четвертая. Перемена судьбы

Глава 1. Жизнь в Утремере

Вы... поступали по уставам народов, окружающих вас.

Книга пророка Иезекииля, 11: 12

Провал Второго крестового похода стал поворотным моментом в истории Утремера. С падением Эдессы завершилась первая стадия возрождения ислама, о достижениях которого свидетельствует жалкое завершение столь блестящего поначалу похода, призванного восстановить превосходство франков.

Одной из основных причин этой неудачи являлось различие в привычках и взглядах между франками, жившими на Востоке, и их сородичами с Запада. Крестоносцы были поражены, прибыв в Палестину и застав там сообщество, члены которого за несколько десятилетий полностью изменили свой образ жизни. Они говорили на диалекте французского языка, были верными прихожанами католической церкви, а управление в их государстве основывалось на системе, которую мы называем феодальной. Однако эти поверхностные сходства только заставляли новоприбывших еще больше удивляться различиям.

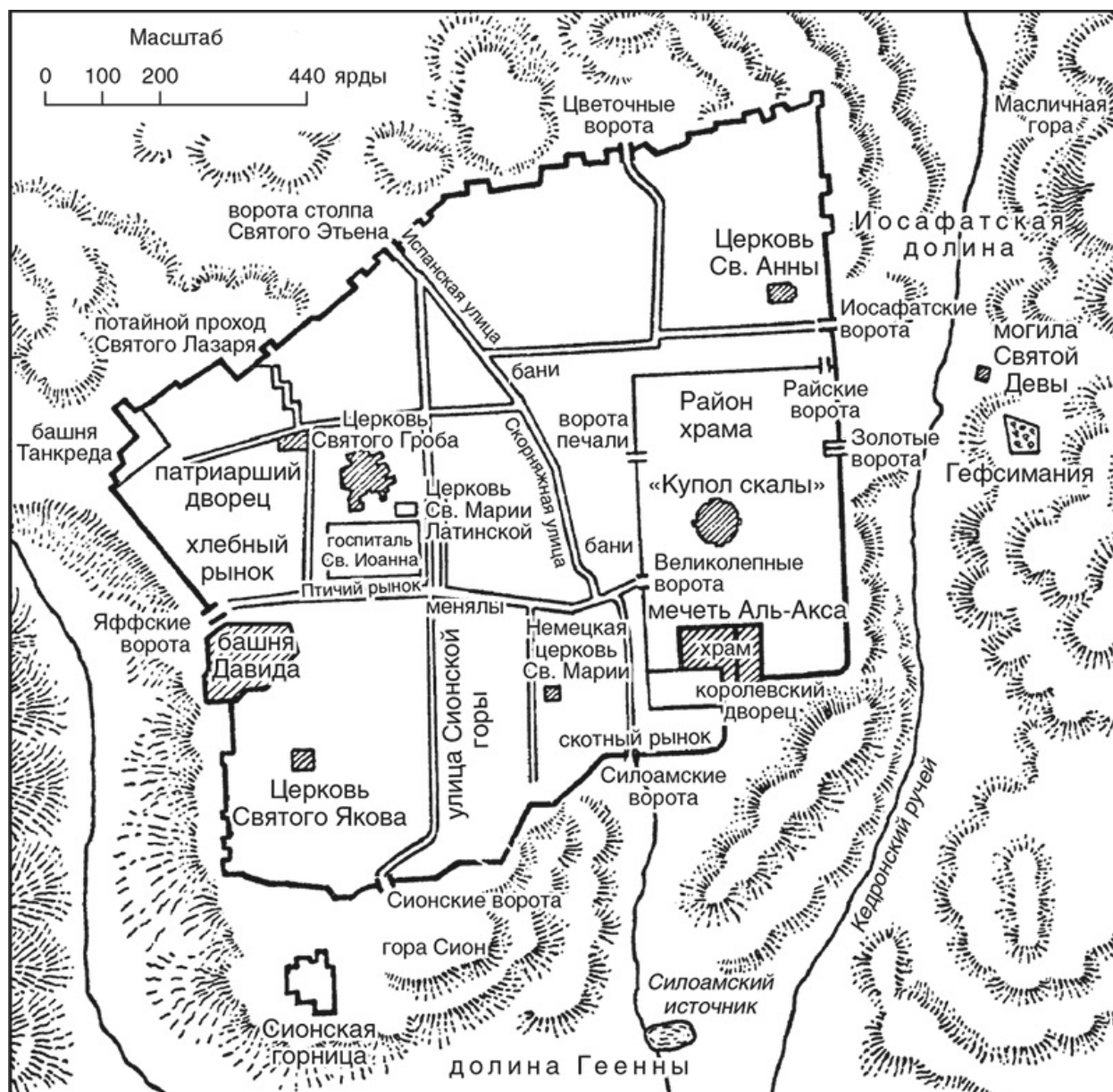
Если бы поселенцев было больше, они, возможно, сумели бы сохранить образ жизни, свойственный Западу. Но они составляли лишь незначительное меньшинство в регионе, климат которого (как и образ жизни его обитателей) был чужд им. Мы можем приводить лишь приблизительные цифры, но, очевидно, одновременно в Иерусалимском королевстве проживало около тысячи баронов и рыцарей. Численность мирного населения, состоявшего из их родственников — женщин и стариков, также не могла превышать тысячу человек. На Востоке родилось множество детей, но выжили лишь единицы. Иными словами, если не считать представителей духовенства, к которому относилось несколько сотен человек, и членов военных рыцарских орденов, там жило от двух до трех тысяч взрослых представителей высших слоев франкского общества. В Антиохийском княжестве, а также в графствах Эдесса и Триполи в совокупности обитало примерно такое же число представителей рыцарского сословия.

В целом эти люди не смешивались с местным населением. В Эдессе и

Антиохии имело место некоторое число смешанных браков с представителями греческой и армянской аристократии. Как Балдуин I, так и Балдуин II, будучи графами Эдессы, женились на армянках, принадлежавших к православной церкви. В источниках говорится, что отдельные представители знати последовали их примеру. Жослен I и сеньор Биреджика Валеран были женаты на армянках, являвшихся прихожанками апостольской церкви Армении. Но в областях, расположенных южнее, не было местной христианской знати, и единственными, в чьих жилах текла восточная кровь, были представители королевской семьи и династии Куртене, среди предков которых имелись армяне, а также потомки византийской принцессы Марии Комнины, как являвшиеся членами правящей династии, так и принадлежавшие к роду Ибелинов.

Сословие «людей короля» было более многочисленным. Изначально это были полностью вооруженные пехотинцы франкского происхождения, селившиеся на феодах сеньоров. Так как у них не было необходимости поддерживать чистоту крови, они женились на местных христианках, и к 1150 г. они, смешавшись с местными христианами, стали образовывать сословие пуленов. К 1180 г. численность «людей короля» составляла чуть более 5000 человек, но при этом мы не можем судить о том, сколько франкской крови текло в их жилах. Содиры, солдаты-наемники, также, возможно, претендовали на наличие у них франкского происхождения.

Туркополы, происходившие из местного населения, были вооружены по византийскому образцу и прошли соответствующую военную подготовку, сражались в составе легкой конницы, от которой и получили свое название. Этот слой населения отчасти состоял из местных христиан и тех, кто принял христианство, а отчасти — из полукровок. Возможно, имелась некоторая разница в положении людей смешанного происхождения, говоривших на языке своих отцов, и тех, кто общался на языке матерей. Туркополов, очевидно, набирали из числа последних.

Иерусалим в правление королей-католиков

Почти все поселенцы в государствах крестоносцев (если не брать в расчет крупные города) могли похвастаться французским происхождением. В Иерусалимском королевстве и Антиохийском княжестве говорили на языках ойль, характерных для жителей северных областей Франции и норманнов. В графстве Триполи, правители которого происходили из Тулузы, очевидно, поначалу использовались языки ок. Германский паломник Иоанн Вюрцбургский, посетивший Иерусалим примерно в 1175 г., с досадой отмечал, что германцы не играли роли во франкском обществе, хотя, как он заявлял, Готфрид и Балдуин I происходили из

Германии. Найдя религиозное сообщество, состоявшее из одних германцев, он был счастлив.

В городах жило множество итальянцев. Венецианцы, как и генуэзцы, владели улицей в самом Иерусалиме. Общины генуэзцев, созданные на основании договоров, имелись в Яффе, Акре, Кесарии, Арсуфе, Тире, Бейруте, Триполи, Джебейле, Латакии, Святом Симеоне и Антиохии, а в наиболее крупных из этих городов жили общины венецианцев. Пизанцы селились в Тире, Акре, Триполи, Батруне, Латакии и Антиохии; амальфианцы — в Акре и Латакии. Это были самоуправляемые общины, члены которых говорили на итальянском языке и не имели социальных связей с соседями. По схожему принципу были организованы сообщества марсельцев в Акре, Яффе, Тире и Джебейле и барселонцев в Тире. Численность каждой из этих общин торговцев (за исключением существовавших в Акре) не превышала нескольких сотен человек.

Подавляющее большинство населения составляли местные христиане. Те из них, кто жил в Иерусалимском королевстве, обладали смешанным происхождением; большинство из них говорило на арабском языке, из-за чего их ошибочно называют арабами-христианами, и относилось к православной ветви христианства. Некоторые жители графства Триполи были членами монофизитской секты, для обозначения приверженцев которой используется термин «марониты». Коренные обитатели северных районов в основном были прихожанами монофизитской яковитской церкви. Кроме того, там существовали многочисленные общины армян, почти все члены которых принадлежали к армянской апостольской церкви, а в Антиохии, Латакии и Киликии жило большое число православных, говоривших на греческом языке. В Святой земле существовали религиозные общины сторонников почти всех ответвлений христианства. Монастыри в большинстве своем были православными, и говорили в них на греческом языке. Однако на Востоке имелись и грузинские православные общины, а также (особенно в самом Иерусалиме) сообщества монофизитов, египетских и эфиопских коптов, прихожан сирояковитской церкви и немногочисленные группы латинян, поселившихся там до начала эпохи крестовых походов.

После создания христианского королевства его территорию покинуло множество мусульман. Однако Наблус все еще окружали мусульманские деревни^[10], а население многих областей, захваченных франками позднее, сохраняло приверженность исламу. Мусульманами были почти все крестьяне, жившие в Северной Галилее, вдоль дороги, которая вела из Банияса в Акру. Еще дальше на север, в районе Букайи, гор Ансарии и

долины Оронта, существовали мусульманские секты, члены которых признавали власть франков. Вдоль южной границы и в Трансиордании кочевали племена бедуинов.

Из-за расправ и страха перед ними численность евреев в Палестине и христианской Сирии значительно снизилась. Вениамин Тудельский был очень встревожен, увидев, насколько уменьшилась численность их общин примерно к 1170 г., когда он посетил этот регион. В одном Дамаске иудеев было намного больше, чем во всех христианских государствах, вместе взятых. Однако в XII в. они сумели приобрести у государства монополию на изготовление красителей. К тому же именно евреи в основном занимались производством стекла. В Наблусе жила небольшая община самаритян.

Эти небольшие группы составляли основу общества франкских государств, и их новые владыки не доставляли им значительных неудобств. Если местные жители могли доказать свои права на земли, то им разрешали сохранить эти владения. Однако в Палестине и Триполи почти все землевладельцы, за исключением местных церквей, имевших собственные земли, были мусульманами. После того как эти территории были завоеваны франками, их бывшие владельцы уехали, бросив обширные земельные участки, которые новые правители могли передать своим вассалам-франкам.

Очевидно, в отличие от ситуации, сложившейся в предшествующий византийский период, там не осталось пустых деревень. Члены каждой деревенской общины были прикреплены к земле и отдавали своему сеньору часть произведенных ими продуктов. Однако каких-либо правил по поводу размера этой доли не существовало. Феодалы, жившие на значительной части территории страны, очевидно, стремились получить от своих крестьян, которые вели земледельческо-животноводческое хозяйство, достаточный оброк для того, чтобы прокормить своих домочадцев, пуленов и туркополов, живших вокруг замка, ибо сами крестьяне не подходили для военной службы. Продукции сельского хозяйства, произведенной на плодородных равнинах, было достаточно для продажи. Прибыль от садов, виноградников, а главным образом от плантаций сахарного тростника получал сам сеньор, и крестьяне, очевидно, работали лишь для того, чтобы добыть средства к пропитанию. Рабский труд использовался только в хозяйствах сеньоров, но во владениях крупных феодалов и королей могли временно работать пленные мусульмане. Крестьяне общались со своим феодалом через старосту, которого порой называли арабским словом «раис», а иногда — латинским «регулус». Феодал использовал в качестве

посредника, или дрогманнуса (драгомана), своего сородича, секретаря, знавшего арабский и способного вести записи.

Хотя жизнь крестьян почти не изменилась, Иерусалимское королевство было искусственным образом преобразовано с использованием ленной системы, известной нам под названием феодальной. В королевский домен входили три города: Иерусалим, Акра и Наблус (позднее к ним прибавился приграничный Дарон) — и окружающие их земли. Он занимал большую часть территории королевства, но первые короли (и в особенности королева Мелисенда) активно раздавали земли своим друзьям, церкви и рыцарским орденам. Другие земельные участки могли также временно передаваться во владение овдовевшим королевам. К числу четырех основных феодов королевства относились графство Яффа, которое передавалось, как правило, младшему члену королевской семьи, княжество Галилея, обязанное своим весьма громким названием амбициям Танкреда, сеньория Сидон и сеньория Трансиордания. Держатели этих феодов, очевидно следуя примеру королей, имели собственных высокопоставленных чиновников. Таким же образом поступал и сеньор Кесарии, фео� которого был почти столь же важным, хотя его и относили к числу двенадцати вторичных ленов.

После смерти Балдуина II владения землями стало передаваться по наследству, причем при отсутствии прямых потомков по мужской линии лен могла получить и женщина. Прогнать держателя с земли можно было только по решению Высокой курии, причем исключительно в случае, если этот человек совершал серьезное правонарушение. В то же время феодал по требованию короля или вышестоящего сеньора должен был поставлять им определенное количество солдат, срок службы которых, очевидно, не был ограничен. Граф Яффы, сеньор Сидона и князь Галилеи обязаны были отправить к королю сотню полностью вооруженных рыцарей, а сеньор Трансиордания — шестьдесят.

Фео�ы отличались друг от друга размерами. Лены, не принадлежавшие церкви, создавались путем завоеваний и представляли собой весьма обширные участки земли. Однако владения церкви и рыцарских орденов, подаренные или полученные в качестве наследства, а в случае с орденами — предоставленные из стратегических соображений, были разбросаны по всем франкским государствам. Единицей измерения для земельных владений стала деревня (касаль) либо (хотя и очень редко) ее половина или треть. Однако и сами деревни отличались друг от друга по размеру. В Северной Галилее, вокруг Сафеда, в каждой из них насчитывалось примерно по сорок мужчин, однако в районе Назарета

существовали и более крупные деревни, а в располагавшихся вокруг Тира жило еще меньше людей, хотя в целом плотность населения там была выше.

Многим феодалам, не имевшим отношения к церкви, также передавались денежные феодалы. Иными словами, они гарантированно получали определенный доход в денежной форме с тех или иных городов или деревень, за что, в свою очередь, должны были предоставить количество солдат, пропорциональное полученной сумме. Подобное денежное содержание передавалось по наследству, и королю было крайне сложно лишить его того или иного феодала. Что касается обычных феодалов, правителю оставалось лишь надеяться на то, что их держатель умрет, не оставив после себя наследников, или по крайней мере эти земли унаследует его дочь. В последнем случае сюзерен мог подобрать девушке мужа самостоятельно или потребовать, чтобы она сама согласилась на одного из трех предложенных им кандидатов.

Королевские города также должны были предоставлять солдат, количество которых зависело от размера доходов каждого из них. Так, Иерусалим должен был подготовить 61 воина, Наблус — 75, а Акра — 80. Однако их предоставляла не буржуазия, а жившая в городе знать или те, кто владел в данном городе домами. Высокопоставленные священнослужители также обязаны были предоставлять солдат, число которых зависело от размеров их земельных владений или домов. Представители буржуазии вносили свой вклад в управление государством путем оплаты налогов. Налогами облагались порты и вывоз товаров, покупки и продажи, стоянка на якоре. Также их платили паломники и все, кто использовал меры и веса. Существовал во владениях франков и *terraticum*, налог на собственность представителей буржуазии, о котором нам известно очень мало. Кроме того, на проведение военных кампаний, очевидно, взимался определенный сбор. В 1166 г. мирные жители обязаны были заплатить 10 % от стоимости своего движимого имущества, а в 1183 г. был введен налог на капитал в размере 1 % от стоимости имущества и долгов всего населения и 2 % от доходов церковных учреждений и баронов.

Помимо продукции, которую должна была предоставить феодалу каждая деревня, крестьяне обязаны были платить своим сеньорам подушную подать, а мусульман, являвшихся подданными франков, обязали передавать церкви десятую часть доходов. Католические иерархи постоянно пытались заставить христиан, принадлежавших к «еретическим» церквям, также платить десятину. Это им не удалось, но в то же время они вынудили короля Амори отказать армянскому князю

Торосу II, предложившему отправить поселенцев в заброшенные районы Палестины. Король принял подобное решение из-за того, что архиереи очень настоятельно требовали, чтобы эти колонисты платили им десятину. Однако, даже отдавая десятую часть своих доходов, мусульмане понимали, что налоговая нагрузка в государствах франков на них значительно ниже, чем во владениях местных мусульманских правителей. К тому же приверженцы ислама имели право занимать низшие должности в административном аппарате. Как и христиане, они могли стать таможенными чиновниками или сборщиками податей.

Дать точную характеристику организации власти во франкских государствах невозможно, так как система государственных органов постоянно менялась. Обычное право развивалось, или в него путем принятия отдельных решений вносились изменения. Создавая в более позднее время такие сочинения компилятивного характера, как «Книга короля» (*Livre au Roi*) или «Иерусалимские ассизы» (*Assises des Jerusalem*), юристы пытались подчеркнуть, как принятые решения меняли сложившиеся обычаи, вместо того чтобы охарактеризовать сложившуюся систему государственного управления.

В управлении различными франкскими государствами существовали определенные особенности. Князю Антиохии и графам Эдессы и Триполи, как правило, не приходилось сталкиваться с проблемами в отношениях со своими вассалами, в то время как короли Иерусалима находились в более сложном положении. Они были помазанниками Божьими, признанными главами франков Востока, а после того как Балдуин I покончил с претензиями патриарха, у них больше не оказалось соперников. Однако в то время как владельцы Антиохии и Триполи могли передавать свою власть по наследству, пользуясь общепризнанными правилами наследования, король избирался. Общественное мнение могло поддержать наследника. В 1174 г. Балдуин IV без каких-либо затруднений был признан достойным занять место своего отца, хотя ему исполнилось всего 13 лет и он страдал проказой. При этом выборы были необходимой процедурой для подтверждения права того или иного кандидата на престол.

Иногда избиратели ставили определенные условия. Так, для того чтобы ему позволили стать королем, Амори I был вынужден развестись со своей супругой Агнес. Когда наследницей являлась женщина, ситуация еще больше усложнялась. Королем могли избрать ее мужа, но, судя по всему, все равно считалось, что своими правами он обладает исключительно благодаря ей. В случае с королевой Мелисендой и ее сыном Балдуином III никто не мог определить, каким должно быть их правовое положение.

Смерть Балдуина IV в 1186 г. привела к катастрофическим последствиям, ставшим прекрасной иллюстрацией несовершенства такой модели государственного устройства.

Король стоял на вершине социальной лестницы, но сама она была совсем невысокой. Будучи помазанником Божьим, он пользовался определенным авторитетом. Считалось, что причинивший ему вред совершает особо тяжкое преступление. Он председательствовал на заседаниях Высокой курии и был главнокомандующим армией государства. Король отвечал за функционирование центральной администрации Иерусалимского королевства и назначал чиновников. Будучи сеньором для своих вассалов, он мог запретить им отчуждать земли и имел право выбирать мужей для их наследниц. Над королем не стоял сеньор, с решениями которого он должен был считаться, и он мог произвольно выделять земли из своего домена. При этом, подобно представителям знати, отчуждавшим свои земли, он, как правило, делал пожалования жене и детям, чтобы впоследствии не возникало споров по поводу вдовьей доли или наследства сына.

Однако на этом власть короля заканчивалась. Его доходы ограничивались и сводились к дорогостоящим подаркам. Королям всегда не хватало денег. Они стояли во главе государства, но должны были подчиняться его законам, олицетворением которых являлась Высокая курия. В нее входили главные владельцы ленов, сеньоры, принесшие клятву верности непосредственно королю. На ее заседаниях также присутствовали священнослужители высокого ранга, имевшие земельные владения. Кроме того, своих представителей для участия в заседаниях Высокой курии присылали общины иноземцев, владевшие землями в королевстве, в частности венецианцы и генуэзцы. На заседания этого органа также могли приглашаться отдельные лица, не входившие в курию и не участвовавшие в голосовании.

По сути, Высокая курия представляла собой судебный орган и выполняла в данной своей роли две основные функции. Во-первых, ее члены должны были определить, какой закон необходимо применять в том или ином случае. Это значит, что они занимались законотворчеством, так как каждая ассиза в теории представляла собой всего лишь заявление по вопросу права, а на практике также устанавливала новое право. Во-вторых, Высокая курия являлась органом, который судил ее членов, обвиненных в совершении того или иного преступления, и рассматривал дела, сторонами в которых являлись ее участники. Суд равных был неотъемлемой частью франкского обычного права, а король считался среди своих главных

вассалов первым среди равных — их главой, но не господином. Объяснением данному факту служило то, что королевство было завоевано не королем, а группой баронов, впоследствии избравших короля из своего числа. Это позволяло курии выбирать короля, а в случае его малолетства или пленения — регента, или бальи.

Высокая курия также являлась органом, на заседаниях которого обсуждались основные политические вопросы. Это было неизбежно, так как, не заручившись поддержкой вассалов, король крайне редко мог проводить свою политику.

В 1166 г. состав Высокой курии был расширен — в нее были включены вальвассоры. Таким образом Амори I пытался найти себе соратников в борьбе против своих вассалов. В 1162 г. он вынудил курию принять ассизу, в которой вальвассорам позволялось жаловаться во время заседаний Высокой курии на своих сеньоров и устанавливалось, что если сеньор отказывался отвечать на эти обвинения, то его вассал мог перейти под непосредственную власть короля. Хотя этот закон давал в руки короля весьма эффективный инструмент борьбы со знатью, по прошествии времени он расширил властные полномочия Высокой курии, члены которой получили возможность использовать его против самого короля.

Члены курии, судя по всему, слушали дела весьма тщательно и добросовестно, хотя результат судебного поединка считался вполне надлежащим доказательством. У этого органа не было четко зафиксированного места пребывания, и король мог приглашать его членов для участия в заседаниях туда, куда считал нужным. Во время существования Первого Иерусалимского королевства Высокая курия собиралась, как правило, в Иерусалиме или Акре. Из-за желания присутствовать на заседаниях этого органа представители знати стали бросать свои феоды и переселяться в один из этих городов. Однако влияние данного коллективного органа ослабляли постоянные ссоры и длительные конфликты между членами той или иной семьи, которые со временем только усиливались и становились все более запутанными. К тому же представители почти всех благородных родов заключали между собой браки, из-за чего были связаны друг с другом узами родства.

В соответствии с принципом суда равных франкские поселенцы, которые не могли похвастаться благородным происхождением, обращались в отдельные суды — курии горожан, действовавшие в каждом крупном городе. Председательствовал на заседаниях каждого из них виконт города. В каждом из этих судов заседали двенадцать присяжных, которых сеньор выбирал из числа своих лично свободных подданных католического

вероисповедания. Они выполняли функции судей, хотя истец или ответчик мог привлечь одного из них к участию в деле в качестве своего представителя. При этом член жюри, выполнявший обязанности судебного представителя, не участвовал в вынесении решения. Члены жюри также обязаны были засвидетельствовать каждый факт или документ, установленный или составленный в суде. В отличие от Высокой курии, в суде горожан ход всех заседаний тщательно протоколировался. Заседания этих судов проводились регулярно — по понедельникам, средам и пятницам, за исключением праздничных дней. Спор между представителем знати и горожанином рассматривал суд горожан. В качестве доказательств такие суды принимали результаты судебного поединка и испытания водой.

Поначалу представители коренного населения обращались в собственные суды, рассматривавшие мелкие дела. Председательствовал в таких судах местный староста, которого там, где это позволяли нормы обычного права, назначал виконт. Однако в правление короля Амори I в каждом из тридцати трех ключевых торговых городов были созданы курии рынка (фондака). Они рассматривали споры, связанные с торговлей, а также все остальные дела, включая даже уголовные, с участием представителей коренного населения. Курии рынка возглавлял бальи, назначенный местным сеньором, а дела рассматривали шесть членов жюри — двое франков и четверо представителей коренного населения. Каждый участник дела, происходивший из числа местных жителей, клялся священным писанием той религии, к которой принадлежал. Мусульмане могли приносить клятву на Коране, и те из приверженцев ислама, кто посещал заседания этого суда, восхищались объективностью рассмотрения дел. В куриях рынка также регистрировались купля-продажа и дарение любого имущества, кроме недвижимого. Там же находился центр сбора налогов на покупку и продажу. Стороны, спор которых рассматривался в куриях рынка, могли обжаловать их решения в куриях горожан. При этом процесс рассмотрения дел в первой из этих судебных инстанций полностью повторял существовавший во второй.

Амори также создал во всех портовых городах курии цепи, рассматривавшие споры, связанные с морскими перевозками и торговлей. Кроме того, в них велся таможенный учет и фиксировались якорные сборы. Членов жюри для таких судов набирали из числа купцов и моряков. Кроме того, в общинах итальянских и прованских торговцев имелись собственные консульские суды, рассматривавшие споры, связанные с их внутренними делами. На территории ключевых ленов имелись собственные феодальные суды, в рамках которых бароны рассматривали споры между своими

вассалами-рыцарями. Таких судов было двадцать два, а в королевском домене действовало четыре феодальных суда. Каждый из этих многочисленных судов рассматривал четко очерченный круг вопросов. Однако в случаях, когда спор возникал между людьми разного социального статуса, его рассматривал тот суд, куда имела право обратиться сторона, обладавшая более низким социальным статусом.

Из-за средневековых представлений о праве, обусловивших то, что тот или иной отдельный закон принимался лишь в случае, когда было необходимо решить конкретный вопрос, нормотворческая деятельность во франкских государствах, судя по всему, осуществлялась произвольно и нестабильно. Очевидно, что шесть из законов, вошедших в состав написанных в XIII в. Иерусалимских ассизов, относятся ко времени правления герцога Готфрида, а остальные девятнадцать, одиннадцать из которых можно датировать лишь приблизительно, — к периоду до 1187 г.

Управление государством осуществляли люди, занимавшие высшие должности в хозяйстве правителя, которых избирали из числа главных владельцев ленов королевства. Первым по значимости являлся сенешаль. Он руководил церемониями, в связи с чем во время обряда коронации нес скипетр, шествуя перед королем. К тому же этот человек возглавлял государственный аппарат. В частности, он отвечал за казну, называвшуюся *Secrète*, службу, куда поступали деньги, предназначенные для короля. Она также занималась выплатой вознаграждения и ведением реестра всех финансовых операций, в которых принимали участие власти. *Secrète* представляло собой плохо структурированный орган, позаимствованный франками у арабов, которые, в свою очередь, переняли его у византийцев.

Вторым после сенешаля по званию являлся коннетабль, при этом обладавший большим числом властных полномочий. Он возглавлял армию (правда, подчиняясь при этом королю) и отвечал за ее организацию и управление войском. Во время обряда коронации он нес королевское знамя и вел королевского коня, что считалось определенной привилегией. Он заведовал всеми наемниками, принятыми на службу как королем, так и сеньорами, и следил, чтобы им своевременно и в полном объеме платили жалованье. Если король или бальи не участвовал в походе, руководил им именно коннетабль. Ему помогал маршал, участвовавший в решении всех вопросов.

Камергер отвечал за личное хозяйство и финансы короля. Во время проведения каких-либо церемоний он играл роль главного камергера. Данная должность была весьма прибыльной, так как вассалы, совершавшие оммаж, должны были делать ему подарки. Владение некоторыми землями

было обусловлено фактом занятия их хозяином этой должности. Однако когда в 1179 г. камергер Жан де Беллем продал их, король, очевидно, не высказывал недовольства по этому поводу.

О том, какие функции выполнял кравчий, мы ничего не знаем. Данная должность, очевидно, являлась в первую очередь церемониальной. Как и на Западе, должность канцлера могло занять только духовное лицо, хотя, в отличие от Европы, где подобное происходило довольно часто, в Иерусалимском королевстве канцлер не был духовником короля. Будучи главой канцелярии, он должен был вести реестр всех хартий и ставить на них королевскую печать. При этом канцелярия продолжала выполнять функции архива. В связи с отсутствием королевского правосудия и обычного права издание канцелярией судебных постановлений и создание отдельного суда не требовалось. Очевидно, записи в этом органе велись весьма тщательно, хотя до нашего времени сохранилось лишь несколько из них. В XII в. вся документация велась в канцелярии на латыни. Датирование осуществлялось от Рождества Христова и с использованием римских индиктов, к которым иногда добавлялось указание на год с начала правления короля или с захвата Иерусалима. Новый год начинался на Рождество. Нумерация королей отсчитывалась от Балдуина I, причем вне зависимости от имени каждого из них. Сначала их титул не был стандартизирован, однако впоследствии их стали называть «милостию Божией латинский король святого города Иерусалима» (*per Dei gratiam in sancta civitate Jerusalem Latinorum Rex*).

Главными чиновниками на местах были виконты, являвшиеся представителями короля в королевских городах и представителями сеньоров в городах, принадлежавших баронам. Они собирали местные подати и, вычтя суммы, необходимые для покрытия расходов местных властей, передавали оставшиеся деньги в казну. Виконт отвечал за работу местных судов и за поддержание порядка в своем городе. На эту должность избирался человек благородного происхождения, но она не была наследственной. Его заместитель носил арабский титул мафезеп. Первоначально человек, занимавший эту должность, обязан был следить за функционированием базаров.

Король Иерусалима претендовал на то, чтобы называться сюзереном всех франкских государств на Востоке, и считал, что имеет право требовать, чтобы их правители присылали свои войска для участия в организованных им походах. В действительности сюзеренами являлись лишь короли, обладавшие достаточной властью для того, чтобы вынудить других правителей сделать это. К тому же даже в теории ни Триполи, ни

Антиохия не считалась частью королевства.

Первые короли сумели стать сюзеренами Триполи. В 1109 г. граф Бертран принес клятву верности Балдуину I. В 1122 г. граф Понс попытался отказаться от клятвы верности, принесенной Балдуину II, но его собственная Высокая курия вынудила его покориться королю. В 1131 г. он отказался пропускать короля Фулька через свои земли, но король сумел наказать его за это и заставить подчиниться. В период с 1164 по 1171 г., пока граф Раймунд III не достиг совершеннолетия, король Амори был регентом Триполи. Однако в данном случае он выступал скорее как ближайший родственник мальчика по мужской линии, чем в качестве его сеньора. Повзрослевший Раймунд III не признал сюзеренитет короля, хотя и являлся его вассалом, когда речь шла о княжестве Галилея, полученном в наследство его супругой. В 1187 г., во время похода, в котором он принимал участие в качестве князя Галилеи, графство Триполи заявило о своей нейтральности.

С графством Эдесса у короля была особая связь. Назначив Балдуина II своим преемником на престоле Триполи, Балдуин I потребовал, чтобы тот принес ему вассальную клятву, а Балдуин II, в свою очередь, поступил таким же образом с Жосленом де Куртене. Однако тот в конце правления признал своим сеньором еще и князя Антиохии.

Статус Антиохии при этом был иным. Боэмунд I никого не признал своим сеньором. Так же поступили и регенты Танкред и Рожер, назначенные на этот пост Высокой курией княжества. Балдуин II выполнял обязанности регента в период между 1119 и 1126 гг. при малолетнем князе Боэмунде II, однако, очевидно, не в связи с тем, что обладал законным правом на это, а потому, что получил приглашение от Высокой курии. Снова его пригласили в 1131 г., добавив, что он является дедушкой юной княжны Констанции, правам которой, по мнению членов курии, угрожала ее мать Алиса. После его смерти, когда Алиса снова попыталась захватить власть, Высокая курия попросила короля Фулька стать регентом вместо него. Однако и в данном случае король, будучи мужем тети княжны, являлся ее ближайшим родственником по мужской линии. Если бы на Востоке в тот момент находился мужчина из рода Отвилей, то регентом избрали бы его.

Выбирая мужа для княжны, король также действовал по просьбе Высокой курии, а не в качестве сюзерена. Балдуин II попросил короля Франции подобрать супруга для его наследницы Мелисенды, но при этом никоим образом не признавал его своим сюзереном. Когда Констанции понадобилось выйти замуж во второй раз, она, будучи самодержавной

правительницей, сумела сделать выбор самостоятельно. При этом она получила разрешение на брак от короля Балдуина III лишь потому, что ее будущий муж Рено являлся его вассалом. В 1160 г. жители Антиохии попросили Балдуина II стать регентом, однако и в данном случае король был ближайшим родственником их княжны по мужской линии. Правовой статус антиохийского князя так и не был четко определен. Возможно, он считал короля Иерусалима за старшего, но при этом не видел в нем человека более высокопоставленного.

Система государственного управления, существовавшая в Антиохии, также отличалась от сложившихся в Эдессе и Триполи. О том, каким образом осуществлялось управление Эдессой, мы знаем совсем немного. До нашего времени не сохранились указы, составленные ее графами. Очевидно, как и при любом высокопоставленном феодальном сеньоре, при графе Эдессы действовал совет, состоявший из его вассалов. Однако нахождение графства на границе христианского мира мешало развитию системы государственного управления. Граф вел такой же образ жизни, как и любой из правивших по соседству с ним мусульманских эмиров. Франкских поселенцев в Эдессе было немного, как и крупных феодалов. Граф во многом зависел от армянских чиновников, использовавших методы управления, характерные для Византии. Из-за постоянных войн он был вынужден вести себя более авторитарно, чем было позволено правителю государства, в котором царил мир.

В графстве Триполи, очевидно, существовала такая же система управления, как и в Иерусалиме. У графа была собственная Высокая курия, решения которой он должен был учитывать. Однако графский титул в Триполи передавался по наследству; графа не избирали, а его личный домен по площади превосходил любой из принадлежавших его вассалам. За исключением одной или двух серьезных политических проблем (как в случае, когда граф Понс оказал неповиновение королю Иерусалима), граф не сталкивался со сложностями в отношениях со своими баронами, которые (за исключением геновцев, получивших во владение Джебейль) происходили от тулузских вассалов его предков. Должности ключевых чиновников графства назывались так же, как и те, что носили их «коллеги» в Иерусалиме. При этом функции, которые они выполняли, также совпадали. Городами, как и в Иерусалимском королевстве, управляли виконты.

Органы власти, действовавшие в Антиохийском княжестве, на первый взгляд походили на существовавшие в Иерусалиме. Там тоже имелись Высокая курия и курия горожан, а также чиновники, занимавшие такие же

высшие должности. В Антиохии имелись собственные ассизы, которые, однако, в целом соответствовали действовавшему в Иерусалимском королевстве. Однако в том, что касалось деталей, существовало множество различий. Титул князя передавался по наследству, и Высокая курия участвовала в управлении государством лишь в тех случаях, когда требовалось назначить регента. С самого начала князь самостоятельно занимался управлением ключевыми городами княжества, а также значительной частью своих земель и весьма осторожно выделял кому-либо земельные владения, если речь не шла о приграничных территориях. С большим удовольствием он предоставлял денежные феоды. Очевидно, в Высокой курии заседали судьи, назначенные им лично. К тому же представители князя контролировали деятельность курий горожан. Он перенял византийскую систему управления с ее рационально организованным чиновничьим аппаратом и выверенными способами взимания податей, применив ее к городам и своему личному домену.

В каждом из трех городов: в Антиохии, Латакии и Джабале — имелся собственный герцог, отвечавший за все стороны жизни города. Герцог назначался князем и мог по собственному желанию отказаться от полномочий. Однако до этого он, очевидно, являлся членом Высокой курии. Герцогами Латакии и Джабалы становились, как правило, представители коренного населения. Антиохией же управлял франк, обладавший благородным происхождением, но при этом ему помогал виконт, которым опять же мог стать местный житель. Подобно своим родственникам — правителям Сицилии, князья Антиохии стремились помешать усилению влияния представителей знати путем назначения на должности чиновников коренных жителей, полностью зависевших от расположения правителя. В Антиохии еще с тех времен, когда она находилась под властью Византии, жили общины греков, сирийцев и армян, многие представители которых получили прекрасное образование. Контролировать Высокую курию князь мог благодаря тому, что именно он назначал судей. То же относилось и к куриям городов. Таким образом получалось, что эти люди занимались решением исключительно юридических вопросов.

Князья унаследовали византийскую систему расчета и взимания податей. Их *Secrète* имело собственный чиновничий аппарат, а доходы, в отличие от получаемых аналогичным органом в Иерусалиме, не зависели от местных курий. Они принимали политические решения, не прислушиваясь к мнению Высокой курии, и самостоятельно заключали союзы с другими правителями. В целом княжество было лучше

организовано, и система управления им являлась более эффективной, чем в других франкских государствах. Если бы не постоянные войны, наличие малолетних князей или их нахождение в плену и замена франкской династии на норманнскую, система управления Антиохией могла бы стать столь же действенной, как существовавшая на Сицилии.

Особенность положения Антиохии усиливали и особые отношения ее правителей с византийскими императорами. По мнению византийцев, император являлся главой всех христиан. Несмотря на то что он никогда не пытался распространить свой сюзеренитет на европейских правителей, восточное христианство он считал своей личной прерогативой. Он считался защитником православных христиан, живших под властью халифов, и мусульмане признавали наличие у него обязанностей в отношении этих людей. Император не собирался отказываться от выполнения своего долга из-за франкского завоевания.

Однако существовала разница между Антиохией и Эдессой, с одной стороны, и Иерусалимом и Триполи — с другой. Два последних государства не входили в состав империи с VII в., в то время как два первых являлись византийскими провинциями еще в правление Алексея I. Алексей, заставив предводителей Первого крестового похода принести ему вассальную клятву, по-разному относился к бывшим владениям империи, таким как Антиохия, которые, по его мнению, должны были вернуться под его власть, и территориями, завоеванными позднее, над которыми он просто стремился получить формальный сюзеренитет. Крестоносцы не сумели сдержать свои клятвы, а Алексей не мог заставить их сделать это.

Византийские правители всегда были реалистами. Одержав победу над Боэмундом, Алексей изменил свои требования. По условиям договора, заключенного у реки Деволи, представители норманнской династии получили право править в Антиохии, но исключительно в качестве вассалов императора. К тому же Алексей потребовал определенных гарантий, одной из которых стало появление в княжестве греческого патриарха. Этот договор лежал в основе претензий византийцев, но франки его игнорировали.

Франки, очевидно, считали, что Боэмунд, конечно, поступил плохо по отношению к императору, но тот сам все испортил, отказавшись пообщаться с князем лично. Когда же он согласился на встречу, его права были признаны. Иными словами, претензии Алексея на сюзеренитет стали считаться юридически обоснованными лишь тогда, когда он сумел заставить князя признать их таковыми. (Примерно такой же логикой руководствовался король Фульк, когда давал свой совет в 1137 г.) Если же

император не хотел никого ни к чему принуждать, его требования можно было проигнорировать.

К императору относились как к сюзерену и в нескольких других случаях. В частности, верховенство Мануила признала княжна Констанция, когда попросила его выбрать ей мужа. Однако ей не понравился сделанный императором выбор, и она проигнорировала его решение. Таким образом, считать сюзереном Антиохии византийского императора было несложно, но сам он действовал в этом качестве весьма непоследовательно. Однако данный факт весьма беспокоил как самого князя, так и его юристов. К тому же он ограничивал независимость антиохийского князя.

Граф Эдессы признал императора своим сеньором в 1137 г. Однако Эдесса располагалась дальше от границ империи и не играла для византийцев такой важной роли. Франки одобрили действия графини Эдессы, которая в 1150 г. продала императору земли, по-прежнему принадлежавшие графству. Однако причиной этого могла стать неспособность защитить их от мусульман. Раймунд Тулузский хотел признать императора своим сюзереном, и в 1109 г. его сын Бертран принес вассальную клятву императору Алексею в счет своих будущих владений. В 1137 г. Раймунд II снова совершил оммаж перед императором Иоанном. Несмотря на то что в 1151 г. он предпринял поход против Византии, в 1163 г. Раймунд III получил от византийцев помощь, возможно оказанную Мануилом для того, чтобы подчеркнуть свой статус сюзерена Эдессы. Однако вероятно, что эта клятва верности давалась в отношении Тартуса и его окрестностей, традиционно принадлежавших Антиохии как часть фемы Латакии.

Между Византией и Иерусалимским королевством с юридической точки зрения сложились более сложные отношения. В 1158 г. в Антиохии Балдуин III принес вассальную клятву императору Мануилу, а в 1171 г. Амори посетил Константинополь в качестве вассала, хотя и весьма уважаемого. И Балдуин, и Амори полагали, что дружеские отношения с Византией жизненно необходимы им с политической точки зрения, и, соответственно, были готовы идти навстречу. Однако их юристы, очевидно, считали такой вассалитет лишь временной уловкой.

Если у короля Иерусалима и имелся сюзерен, то им был римский папа. В ходе Первого крестового похода в Палестине планировалось создать теократическое государство, и, если бы епископ города Ле-Пюи Адемар остался жив, какая-то часть этого плана могла бы претвориться в жизнь. Возможно, именно из-за данной концепции Готфрид не хотел, чтобы его короновали. Преемник Адемара Даимберт мечтал о государстве, которое

находилось бы под контролем иерусалимского патриарха. Балдуин I нанес ему ответный удар, став королем и начав использовать церковных иерархов, являвшихся противниками Даимберта.

Было ясно, что папа не смирится с наличием слишком влиятельного патриарха в Иерусалиме, который благодаря особому статусу и увеличивавшемуся благосостоянию мог (на что и надеялся Даимберт) сравняться с Римом. Таким образом, королю было несложно настроить папу против патриарха. В соответствии с традицией во время обряда коронации будущий правитель должен был принести символическую клятву верности патриарху, но он стремился к тому, чтобы его титул подтвердил сам папа. Такой вассалитет был номинальным и не предполагал ничего большего, чем то, что римские папы требовали от испанских королей. Однако он был выгоден королевству, так как папы считали своим долгом отправлять в Святую землю новых людей и деньги, а в случае необходимости — предоставлять дипломатическую поддержку. Пап также можно было использовать для того, чтобы держать в узде патриарха или контролировать рыцарские ордена. Однако, с другой стороны, папа мог поддержать не короля, а рыцарский орден. К тому же папы постоянно мешали королям, когда те пытались обуздать итальянские торговые города.

Всеми церковными делами в королевстве заведовал иерусалимский патриарх. После того как почти в самом начале пришлось решать проблемы, вызванные амбициями Даимберта, по сути, патриарх стал верным слугой короля. Его избирал капитул храма Гроба Господня, предлагавший королю двух кандидатов, одного из которых тот должен был предпочесть другому. Под властью патриарха находились четыре архиепископа: Тира, Кесарии, Назарета и Раббат-Моава, а также девять епископов, девять аббатов, носивших митру, и пять настоятелей. Некоторые аббатства, как и рыцарские ордена, находились в непосредственном подчинении римскому папе.

Палестинская церковь была сказочно богатым институтом — она владела обширными землями и многочисленными денежными феодами. Наиболее высокопоставленные священнослужители должны были поставлять в войско не рыцарей, а пехотинцев. Так, патриарх и каждый член капитула храма Гроба Господня должны были предоставить 500 солдат, епископ Вифлеема — 200, архиепископ Тира, аббаты Пресвятой Девы Марии Иосафата и монастыря на горе Сион — по 150. Женский монастырь в Вифании, основанный королевой Мелисендой для своей сестры, владел целым городом Иерихоном. Кроме того, патриархат и наиболее почитаемые аббатства получили обширные земельные владения,

разбросанные по всей Западной Европе, доходы от которых отправлялись в Палестину.

В церкви действовали собственные суды, рассматривавшие дела, связанные с ересью и дисциплиной в рядах священнослужителей, браками, включая разводы и измены, и завещаниями. Они руководствовались правилами и процедурами, принятыми в церковных судах, действовавших на Западе.

Территории Антиохийского княжества, графств Эдесса и Триполи относились к Антиохийскому патриархату. Разграничение сфер влияния патриархов было сопряжено с определенными трудностями, так как за Тир традиционно отвечал антиохийский патриарх, хотя этот город в результате завоеваний вошел в состав Иерусалимского королевства. Пасхалий II установил, что Тир вместе с находившимися в зависимости от него епископствами Акры, Сидона и Бейрута должен быть передан иерусалимскому патриарху. Так как этот перевод соответствовал политическим реалиям, он был осуществлен. Однако все попытки иерусалимских патриархов получить юрисдикцию в отношении трех расположенных на территории графства Триполи епископств, а именно Триполи, Тартуса и Джабалы, провалились, несмотря на периодическую поддержку со стороны римских пап. Раймунд Тулузский, очевидно, надеялся создать в своих будущих владениях независимую церковь, однако его преемники признали своим духовным сеньором антиохийского патриарха. Это никоим образом не ухудшило их положение, так как они продолжали самостоятельно назначать епископов.

Подобно своему «коллеге» из Иерусалима, антиохийский патриарх избирался капитулом. Однако в действительности его назначал правитель, который также мог обеспечить его низвержение. Нам известно, что некоторые князья во время обряда коронации приносили патриарху вассальную клятву. Однако происходило это, очевидно, при исключительных обстоятельствах. Патриарху подчинялись епископы Альбары, Тарса и Мамистры, а также Эдессы. В Турбесселе архиепископство, получившее название в честь Иераполя (Манбиджа), было создано позднее. Количество епископств варьировалось в зависимости от политических обстоятельств. На Востоке действовали девять католических аббатств и два монастыря. Ключевыми монастырями были посвященные святым Павлу и Георгию, где бенедиктинцы, очевидно, заменили греческих монахов, а также монастырь Святого Симеона, где, вероятно, соседствовали приверженцы двух ветвей христианства. Антиохийская церковь была не такой богатой, как иерусалимская. Так,

землями, расположенными на территории княжества, владели многие палестинские церковные учреждения.

Задолго до конца XII в. во франкских государствах привычную церковь затмили рыцарские ордена. Их богатства и численность их членов постепенно увеличивались, и к 1187 г. они стали крупнейшими землевладельцами в Утремере. Им дарили и они приобретали все большее число земельных владений. В рыцарские ордена вступало все больше представителей палестинской знати, а с Запада постоянно прибывали новобранцы. Ордена соответствовали эмоциональным потребностям людей того времени, многие из которых хотели посвятить себя религии, но при этом стремились продолжать активную деятельность и сражаться за христианскую веру. Рыцарские ордена также отвечали политическим интересам. Количество воинов, живших в Утремере, постоянно уменьшалось.

Возможность замены мужчин, погибших в бою или от болезней, в феодальном государстве находилась в слишком большой зависимости от событий личной жизни представителей знатных фамилий. Крестоносцы, прибывшие на Восток, хорошо сражались на протяжении одного или двух сезонов, но затем возвращались домой. В рыцарские ордена постоянно вступали преданные и умелые воины, содержание которых ничего королю не стоило и которые были достаточно богаты, но все же не могли себе позволить строительство и содержание замков в масштабах, доступных очень ограниченному кругу нецерковных сеньоров. Без их помощи государства крестоносцев пали бы гораздо раньше.

В нашем распоряжении имеются лишь косвенные сведения об их численности. В 1158 г. в поход в Египет госпитальеры отправили 500 рыцарей и соответствующее количество представителей других слоев общества, а в походе 1187 г. участвовало около 300 рыцарей-тамплиеров. В обоих случаях, очевидно, речь идет о рыцарях только из Иерусалимского королевства. Кроме того, какое-то их число должно было остаться для службы в гарнизоне. Орден госпитальеров, вероятно, был наиболее многочисленным и богатым из двух рыцарских сообществ, действовавших в Палестине. Однако значительная часть сил и ресурсов госпитальеров все еще уходила на благотворительную деятельность. В их гостинице в Иерусалиме могло разместиться 1000 паломников. К тому же они содержали госпиталь, переживший повторное завоевание Иерусалима сарацинами и предназначенный для малоимущих больных. Каждый день они раздавали подаяние бедным, причем их щедрость неоднократно поражала путешественников. И госпитальеры, и тамплиеры следили за

правопорядком на дорогах, по которым передвигались паломники, уделяя особое внимание местам для омовения в Иордане, считавшимся священными.

Тамплиеры также раздавали милостыню, но не так щедро, как госпитальеры. Больше внимания они уделяли военным делам. Они славились своей храбростью во время атак и считали, что предназначены для ведения наступательных военных действий. Они также занялись финансовыми операциями и вскоре стали финансовыми посредниками крестоносцев, прибывавших на Восток на какое-то время. Позднее к ним стали относиться с предубеждением из-за слухов о якобы совершавшихся ими странных эзотерических обрядах. Однако в рассматриваемые нами времена их повсеместно почитали за храбрость и благородство.

Помимо определенных преимуществ, рыцарские ордена имели и недостатки, уравнивавшие их достоинства. Король не мог их контролировать, так как единственным своим сюзереном они считали римского папу. В отношении переданных им земель действовало право мертвой руки, и они не должны были выполнять какие-либо обязанности по отношению к государству. Они не позволяли арендаторам своих земель платить церковную десятину. Рыцари сражались в составе армии короля лишь как добровольные союзники. Иногда король или какой-либо сеньор мог передать им в управление замок, а порой их просили стать опекунами малолетнего. В таких случаях их можно было заставить выполнять определенные обязанности.

Великие магистры или их заместители входили в состав Высокой курии королевства, а их представители заседали в Высоких куриях Антиохийского княжества и графства Триполи. Но при этом во время таких заседаний они давали советы, которые можно назвать несколько легкомысленными. Если политика, проводившаяся правителем, им не нравилась, они могли отказаться сотрудничать. Так, в 1158 г. тамплиеры бойкотировали поход в Египет.

Два рыцарских ордена постоянно соперничали друг с другом, что создавало определенную угрозу. Уговорить их отправиться в поход вместе удавалось крайне редко. Каждый орден придерживался собственного подхода к дипломатии, не обращая при этом внимания на политику, проводимую в королевстве. Представители обоих орденов заключали договоры с мусульманскими правителями. Судя по переговорам, которые тамплиеры вели с ассасинами в 1172 г., можно сделать вывод, что они были готовы пожертвовать явно целесообразными договоренностями в угоду своей финансовой выгоде и откровенному презрению к королевской власти.

Госпитальеры повсеместно были более воздержанными и альтруистичными, но, даже несмотря на это, орден для них всегда был важнее королевства.

То же равновесие между преимуществами и недостатками существовало и в отношениях франкских государств с итальянскими и прованскими торговыми городами. Франкские поселенцы были солдатами, а не моряками. Впоследствии в Триполи, как и в Антиохии, появилась собственная небольшая эскадра, а ордена создавали флотилии, но само королевство с его немногочисленными пригодными бухтами и постоянной нехваткой древесины так и не сумело создать более или менее достойный флот. Поэтому для проведения каждого похода, в котором требовалось участие кораблей, в том числе направленного на захват приморских городов или на нападение на Египет, было необходимо обратиться за помощью к какому-либо государству, владеющему мощным флотом.

На Востоке в тот период существовали две крупнейшие морские державы — Византия и Египет. При этом последний всегда был потенциальным (а иногда и реальным) противником франков, а Византия постоянно находилась у них под подозрением. Определенную пользу мог бы принести сицилийский флот, но из-за своей политики Сицилия не вызывала у франков доверия. Итальянцы и жители юга Франции были более подходящими союзниками. Крестоносцы нуждались в их помощи и для охраны морских путей на Запад, а также для перевозки в Утример паломников, солдат и поселенцев.

Однако торговым городам нужно было платить. Они требовали, чтобы им предоставили торговые площади и привилегии, а также целые кварталы в крупных городах и полное либо частичное освобождение от таможенных пошлин, а их колонии должны были получить экстерриториальные привилегии. Не все эти уступки вызывали отторжение у правителей франков. Любое снижение доходов компенсировалось тем, что эти люди способствовали развитию торговли. К тому же королевские судьи не стремились применять нормы генуэзского или венецианского права, особенно в связи с тем, что именно они рассматривали дела с участием подданных королевства, связанных с тяжкими преступлениями, такими как убийство. Периодически возникали споры. Венецианцы постоянно враждовали с архиепископом Тира, а конфликт между генуэзцами и королем Амори I существовал на протяжении длительного времени. В обоих случаях папа становился на сторону итальянцев, претензии которых, очевидно, были вполне законными.

При этом торговые города беспокоились не о развитии христианства, а

о собственной коммерческой выгоде. Обычно данные цели не противоречили друг другу, однако если возникало противоречие, то побеждали сиюминутные коммерческие интересы. Таким образом, итальянцы и провансальцы были ненадежными союзниками короля. К тому же соперничество между двумя рыцарскими орденами блекло на фоне конкуренции между различными торговыми городами. Венецианцы скорее стали бы помогать мусульманам, чем генуэзцам, пизанцам или марсельцам, причем их соперники придерживались аналогичной точки зрения. Следовательно, несмотря на то что их помощь была необходима, чтобы Утример не прекратил свое существование, интриги и конфликты между их колонистами, а также их готовность поступиться общими интересами ради сиюминутной выгоды во многом сводили ценность их помощи на нет.

Паломники считали итальянцев и провансальцев жадными и недостойными зваться христианами. Завоевание способствовало значительному увеличению числа пилигримов; огромная гостиница госпитальеров, как правило, была переполнена. Несмотря на первоначальную цель крестового похода, передвигаться по дороге, проходившей через Анатолию, все еще было небезопасно. Презреть поджидавшие на пути опасности мог только хорошо вооруженный отряд, а среднестатистические паломники предпочитали путешествовать по морю. Для этого они вынуждены были выкупать каюты на венецианских кораблях, стоившие совсем недешево. Несколько паломников могли объединиться и арендовать целый корабль, но и в таком случае наем капитана и команды обходился им очень дорого.

Пилигримы из Северной Франции или Англии предпочитали путешествовать на одном из кораблей, входивших в состав немногочисленных караванов, которые ежегодно отплывали на Восток из портов на берегу Ла-Манша, так как такое путешествие обходилось значительно дешевле. Однако это было весьма продолжительное и рискованное плавание. Кораблям приходилось попадать в штормы в Атлантическом океане, а в Гибралтарском проливе и в проливах вдоль африканского побережья в ожидании потенциальных жертв дрейфовали мусульманские пираты.

На пути от Порту или Лиссабона до Сицилии не было портов, где можно было, не подвергаясь опасности, раздобыть воду или продукты питания, а перевозить на борту корабля продовольствие в количестве, достаточном для пропитания людей и лошадей, было непросто. Гораздо проще было по суше добраться до Прованса или Италии, а там сесть на корабли, часто использовавшиеся для путешествий. Одиному паломнику

было проще и дешевле арендовать каюту на корабле, стоявшем в одном из портов, располагавшихся во владениях короля Сицилии. Но многочисленные группы находились в зависимости от флотов крупных торговых городов.

Сойдя на берег в Акре, Тире или Святом Симеоне, путешественник сразу же погружался в весьма странную атмосферу. Несмотря на феодальный «фасад», Утремер был восточной областью. Роскошь, в которой жили представители местной знати, шокировала тех, кто прибывал с Запада, и производила на них неизгладимое впечатление. Жизнь в Западной Европе все еще была простой и аскетичной. Одежду изготавливали из шерсти и редко стирали. Мест, пригодных для мытья, были совсем немного — лишь в нескольких старых городах продолжали функционировать римские бани. Обстановка даже самых массивных замков была довольно грубой и утилитарной. Европейцам за редким исключением ковры были неизвестны. Пища была грубой и однообразной, особенно во время продолжительной зимы. Повсеместно отсутствовали комфорт и личное пространство.

Во франкских государствах на Востоке все было совершенно иначе, что не могло не поражать тех, кто там оказывался. Возможно, там было немного таких же больших и роскошных зданий, как дворец, построенный в начале следующего столетия в Бейруте Ибелинами, с его мозаичными полами, отделанными мрамором стенами, расписными потолками и огромными окнами, одни из которых выходили на запад — на море, а другие на восток — на горы, скрывавшиеся за садами. Королевский дворец в Иерусалиме, часть которого располагалась в мечети Аль-Акса, несомненно, был более скромным, в то время как роскошный дворец в Акре заметно превосходил его. Однако каждый представитель знати и богатый горожанин старались обставить свой городской дом с таким же великолепием. Их украшали ковры и дамасские ткани, искусно вырезанные и инкрустированные столы и сундуки, чистые постельное белье и скатерти, золотые и серебряные столовые приборы, кухонные ножи, изделия из высококачественного фаянса и даже несколько фарфоровых блюд, привезенных с Дальнего Востока.

В Антиохии вода из источников в Дафне поступала по акведукам и трубам во все крупные дома. Собственные запасы воды были во многих домах, стоявших на ливанском побережье. В городах Палестины, где воды было значительно меньше, имелись специальные резервуары для ее хранения, а в Иерусалиме продолжала функционировать канализационная система, созданная еще римлянами. Жизнь в крупных приграничных

крепостях была почти такой же комфортной, как и в городских домах, каким бы жестоким ни было существование за пределами их стен. В них были бани, изысканные покои для дам и пышные залы для приемов. Замки, принадлежавшие рыцарским орденам, были немного более аскетичными. Но в замках, в которых обитали представители важнейших родов, таких как Керак в Моаве или Тверии, кастелян жил роскошнее, чем любой западноевропейский король.

Как и в случае с домашней обстановкой, поселенцы очень быстро позаимствовали роскошные восточные одежды. Когда рыцарь не был облачен в доспехи, он носил шелковый бурнус и, как правило, тюрбан. Во время походов он надевал поверх доспехов льняную накидку, чтобы металл не нагревался из-за солнечного света, а шлем, следуя примеру арабов, обвязывал кувией. Восприняв традиционную восточную моду, дамы носили длинное нижнее платье и короткую тунику или верхнее платье, покрытое частой вышивкой золотой нитью, а также, возможно, драгоценными камнями. Зимой они, как и их мужья, облачались в меха. Выходя из дома, дамы, подобно мусульманкам, закрывали лицо вуалью, но делали они это не из скромности, а для того, чтобы не испортить цвет своих лиц, щедро покрытых косметикой, и старались двигаться как можно более изящно. Однако, несмотря на всю свою утонченность и бледность, они были такими же храбрыми, как и их братья. Многие знатные дамы, жившие в замках, в отсутствие хозяина брали на себя руководство защитой своего дома.

Жены купцов стремились походить на знатных дам и нередко превосходили их богатством своих одеяний. Не менее эффектно выглядели и успешные куртизанки, обладательницы «профессии», прежде неизвестной в Западной Европе. Говоря о Пак де Ривери, жене хозяина лавки из Наблуса, сумевшей заманить в свои сети иерусалимского патриарха Ираклия, анналист писал, что увидевший ее, одетую в шелка и обвешанную драгоценностями, мог бы подумать, будто перед ним графиня или баронесса^[11].

Эта роскошь казалась путешественникам, прибывшим с Запада, странной, но была вполне естественной для тех, кто приезжал из мусульманских государств или из Византии. Франкские поселенцы по вполне понятным причинам должны были вписаться в новое окружение, да и избежать контактов со своими подданными и соседями они не могли. Помимо всего прочего, им было непросто приспособиться к местному климату. Зимы в Палестине и Сирии такие же унылые и холодные, как и в Западной Европе, но длятся гораздо меньше. Продолжительное жаркое

лето очень быстро заставило поселенцев одеваться и питаться иначе, чем на родине, а также изменить режим дня. От активности, к которой франки привыкли на севере, пришлось отказаться. Вместо этого им следовало перенять привычки коренного населения. Они должны были нанимать слуг, за их детьми следили местные няни, а конюхи из числа коренных жителей ухаживали за их лошадьми. Они столкнулись со странными болезнями, способов лечения которых их врачи не знали. В итоге франки были вынуждены положиться на местную медицину. Таким образом, поселенцы неизбежно стали лучше понимать коренных жителей Востока и научились сотрудничать с ними. Проще всего это оказалось в Иерусалимском королевстве и графстве Триполи, откуда бежали мусульмане, а значит, там не осталось представителей местной аристократии, способных бросить вызов новым правителям. Дальше к северу жили представители армянской и греческой знати, соперничавшие с франками, и достижению взаимопонимания между ними мешала политика. Тем не менее армяне в конце концов пошли поселенцам навстречу и даже восприняли множество франкских обычаев.

Франки не могли на протяжении длительного времени поддерживать мирные отношения со своими мусульманскими соседями, но при этом они все чаще контактировали с приверженцами ислама. Основной статьей доходов франкских государств были провозные платежи, которые платили торговцы, доставлявшие товар из мусульманских государств, расположенных внутри материка, на побережье и наоборот. Исламским купцам следовало обеспечить безопасный и спокойный путь к морским портам, а относиться к ним нужно было беспристрастно. Деловые отношения перерастали в дружеские. Тамплиеры, активно занимавшиеся предоставлением финансовых услуг, пришли к выводу о необходимости расширить свою деятельность, чтобы привлечь клиентов-мусульман, и наняли людей, хорошо разбиравшихся в том, что происходит в мусульманском мире.

В то же время наиболее мудрые из франкских государственных мужей понимали, что их государства продолжают свое существование лишь в том случае, если мусульманские правители будут разобщены, для чего в разные концы Востока направлялись многочисленные дипломатические миссии. Как правило, представителей франкской и мусульманской знати принимали при дворах приверженцев соперничающей религии со всеми почестями. Пленники и заложники нередко на протяжении долгого времени жили в замках или дворцах своих врагов. Хотя немногие мусульмане готовы были учить французский, большое число франков, как представителей знати, так

и торговцев, говорили на арабском языке. При этом некоторые из них, такие как Режинальд Сидонский, даже интересовались арабской литературой. Во время войн и франки, и мусульмане нередко демонстрировали мужество и благородство, а в мирное время знатные люди, жившие по обе стороны от границы, могли вместе отправиться на охоту.

Говорить о том, что на Востоке царила религиозная нетерпимость, также нельзя. Две мировые религии обладали общим происхождением. Когда в Хевроне обнаружили реликвии, принадлежавшие, как считалось, Аврааму, Исааку и Иакову, эта находка вызвала у мусульманских хронистов такой же интерес, как и у их франкских «коллег». Даже тогда, когда отношения между мусульманами и христианами становились напряженными, франкские паломники могли попасть в часовню Сайданайской иконы Пресвятой Богородицы, расположенную на холмах позади Дамаска. А бедуины, защищавшие знаменитый монастырь Святой Екатерины на горе Синай, как правило, следили за безопасностью и его посетителей. То, с какой жестокостью Рено де Шатильон обращался с мусульманскими паломниками, произвело на его товарищей по вере такое же сильное впечатление, как и на Саладина, пришедшего из-за поведения этого человека в ярость. Гильом Тирский, не разделявший веру Нур ад-Дина, с готовностью отдавал должное благочестию этого мусульманского правителя. Мусульманские историки, как правило, восхищались благородством франков.

Лучше всего атмосферу того времени передал в своих мемуарах Усама, представитель династии Мункизидов, правившей в Шайзаре. Мункизиды были малозначительной династией и постоянно опасались того, что их владения захватят более могущественные единоверцы. Поэтому они не возражали против того, чтобы вступить с франками в переговоры, а сам Усама провел много лет при дворах правителя Дамаска и во дворце султана в Каире, поддерживавших в тот период тесные дипломатические отношения с королем Иерусалима.

Как посланник правителей Шайзара, путешественник и любитель спорта, Усама неоднократно посещал владения франков. И хотя, судя по его сочинениям, он считал, что благочестие обречет их на вечные муки, у него было много друзей из числа франков, общение с которыми доставляло ему удовольствие. Усама был шокирован необразованностью франкских медиков, хотя они научили его лечить золотуху, и был поражен тем, насколько большую свободу франки давали своим женщинам, а предложение знакомого франка отправить его сына учиться в Западную

Европу заставило Усаму по-настоящему смутиться. Он считал франков слегка грубыми и с удовольствием высмеивал их в обществе друзей из числа коренных христиан. Однако в общении с ними Усама мог достичь взаимопонимания.

Единственной помехой для дружбы были те, кто совсем недавно прибыл с Запада. Однажды, когда Усама гостил у тамплиеров в Иерусалиме и с их разрешения молился на углу бывшей мечети Аль-Акса, его оскорбил некий рыцарь, после чего другой тамплиер поспешил объяснить Усаме, что этот грубый человек только недавно прибыл с Запада и пока не очень хорошо понимает, что происходит вокруг.

Политические достижения правителей Утремера сводили на нет именно грубые выходки переселенцев, решивших сражаться во имя креста и не желавших ждать, пока им представится такая возможность. Особенно сильное влияние эти люди оказывали на церковь. Ни один из латинских патриархов Иерусалима, живших в XII в., не родился в Палестине, а из числа наиболее высокопоставленных священнослужителей в Святом городе появился на свет только архиепископ Тира Гильом, которому не позволили занять патриарший престол. Служители церкви крайне редко призывали к взаимопониманию с безбожниками, а для отношений с коренными христианами влияние католической церкви оказалось катастрофическим. Местные христиане обладали большим влиянием при дворах мусульманских правителей. Христианство исповедовали многие знаменитые арабские писатели и философы, а также почти все врачи. Эти люди вполне могли бы стать мостом, который объединил бы два мира — восточный и западный.

Православные христиане, жившие в Палестине, приняли католическую церковную иерархию, так как во время завоевания их собственное высшее духовенство находилось в ссылке. Патриарх Даимберт попытался лишить их священнослужителей места в храме Гроба Господня, но благодаря странному событию, произошедшему в 1101 г. во время церемонии зажжения священного огня, и влиянию короля в храме снова стали совершаться православные обряды. Правители были настроены в отношении православных христиан весьма дружелюбно. Морфия, супруга Балдуина II и мать Мелисенды, была православной княжной, как и жены обоих сыновей последней. Балдуин I с большим почтением относился к настоятелю лавры Саввы Освященного, наиболее уважаемому православному священнослужителю из числа оставшихся в Палестине, а Мелисенда наделила монастырь, очевидно обязанный выполнять определенные повинности в пользу короны, земельными владениями.

Император Мануил продолжил защищать интересы православных христиан. В частности, именно благодаря ему был произведен ремонт в двух крупных церквях — храмах Гроба Господня и Рождества Христова. Примерно в то же время и, возможно, с его помощью был перестроен и заново украшен монастырь Святого Ефимия в Иудейской пустыне. Однако отношения между католическим и православным духовенством не улучшились. Латинские священнослужители весьма тепло встретили в 1104 г. прибывшего из Руси паломника Даниила, но греческий пилигрим Фока, посетивший католические церкви в 1187 г., заявлял, что не испытывает симпатии ко всем латинянам, за исключением испанского отшельника, на протяжении какого-то времени жившего в Анатолии. Фока с восторгом описывал чудо, крайне опечалившее латинского епископа Лидды, которого он называл «захватчиком». Вполне вероятно, что из-за попыток католических иерархов заставить православных христиан платить десятину, а также из-за обиды на то, что им редко разрешали совершать свои обряды в крупнейших православных церквях, последние без особой симпатии относились к франкам, и, когда Мануил перестал их защищать, православные христиане не возражали против завоевания Палестины Саладином и даже приветствовали его. Существование в Антиохии влиятельной православной общины и политические события привели к открытому противостоянию между греками и латинянами, значительно ослабившему княжество.

В самом королевстве «еретические» секты играли более или менее важную роль только в Иерусалиме, где, в храме Гроба Господня, почти все они имели свои приделы. Даимберт и их пытались изгнать из храма, но успеха в этом не достиг; их защищали короли. Так, королева Мелисенда лично поддерживала приверженцев сиро-яковитской христианской церкви, судившихся с франкским рыцарем.

В графстве Триполи из всех «еретических» церквей наибольшим влиянием пользовались марониты, последние сторонники монофелитства. По отношению к ним католические священнослужители проявляли в целом нехарактерные тактичность и выдержку. Около 1180 г. марониты согласились признать верховенство папского престола при условии, что им позволят сохранить сирийский ритуал церковной службы и собственные обычаи. Кроме того, они не отказались от еретического учения о единой воле Христа. Руководство переговорами, о которых нам известно очень мало, взял на себя антиохийский патриарх Альмерик, доказавший, что является весьма умелым дипломатом. Признание этой первой униатской церкви свидетельствует о том, что римские папы были готовы смириться с

чуждыми им обычаями и даже с сомнительной теологией, если при этом приверженцы последних признают их верховенство.

В Антиохийском княжестве большим влиянием пользовалась армянская апостольская церковь, получавшая поддержку от князей, использовавших ее в качестве противовеса православию, а в Эдессе армяне, несмотря на недоверие со стороны Балдуина I и Балдуина II, пользовались поддержкой представителей рода Куртене. Многие армянские епископы признали верховенство папы, а некоторые посещали латинские церковные соборы, закрывая глаза на те стороны католического вероучения, которые считались неприемлемыми в православии. Поначалу приверженцы сиро-яковитской церкви открыто выражали свою враждебность по отношению к крестоносцам и предпочитали находиться под властью мусульман. Однако после падения Эдессы они помирились с князем Антиохии. Формальной причиной этого события стало чудо, произошедшее у могилы святого Варсумы, хотя в действительности их сблизили общая ненависть к византийцам и страх перед ними. Яковитский патриарх Михаил, один из величайших историков своего времени, дружил с патриархом Альмериком и был весьма тепло встречен в Иерусалиме, куда отправился с визитом. Другие «еретические» церкви не играли во франкских государствах какой-либо важной роли.

Мусульмане, являвшиеся подданными франков, спокойно относились к своим новым правителям и признавали, что те сумели создать весьма справедливую систему управления. Однако когда дела христиан были плохи, они не могли положиться на приверженцев ислама. Евреи по вполне понятным причинам предпочитали находиться под властью арабов, которые, хотя и испытывали к иудеям некоторое презрение, всегда были честны и добры по отношению к ним.

Паломники, прибывавшие с Запада в Утремер, были шокированы роскошью, в которой утопали его жители, и царившей там вседозволенностью. Современные же историки сожалеют скорее о нетерпимости и постыдном варварстве крестоносцев. При этом оба данных явления могут быть объяснены существовавшей там атмосферой. Жизнь франкских поселенцев была нелегкой и полной опасностей. Они оказались в местности, где интриги и убийства были обычным делом, а на противоположной стороне границ обитали враги. Никто не знал, когда сторонник ассасинов ударит его ножом, а слуга подсыплет яд. Широко распространены на Востоке были загадочные болезни, о которых крестоносцам ничего не было известно. Даже несмотря на помощь местных докторов, ни один франк не сумел прожить на Востоке достаточно

долго.

Женщинам при этом везло больше, чем мужчинам. Они не рисковали своей жизнью в битвах, а благодаря более высокому уровню развития медицины рожать детей на Востоке было безопаснее, чем на Западе. Однако детская смертность оставалась довольно высокой, особенно среди мальчиков. Один за другим феодалы переходили к наследницам, владения которых оказывались весьма соблазнительными для доблестных искателей приключений, прибывавших с Запада. Но в кризисные периоды обширным владениям слишком часто не хватало сеньора, и каждый потенциальный брак был сопряжен со спорами и интригами. Нередко браки оказывались бездетными. Многие из самых умелых воинов не были способны зачать ребенка. Из-за браков между представителями немногочисленных знатных семейств возрастала конкуренция между ними. Лены объединяли и делили, не особенно обращая внимание на их географическое расположение и удобство. Ближайшие родственники постоянно ссорились друг с другом.

Для сохранения структуры общества, которую франки «привезли» с Запада, требовались непрерывное наследственное преемство и поддержание определенной численности населения, уменьшение которой представляло постоянную угрозу. Страх сделал крестоносцев жестокими и вероломными, а неуверенность в завтрашнем дне заставляла их предаваться легкомысленному веселью. По мере того как власть франков ослабевала, они устраивали все более пышные пиршества и турниры. Как путешественников, так и местных жителей ужасали повсеместные расточительство и безнравственность, причем хуже всего себя вел патриарх Гераклий. Однако мудрые путешественники понимали, что под роскошной оболочкой скрываются проблемы.

Королям, несмотря на все их шелка и золото, постоянно не хватало денег на выплату жалованья солдатам. Гордого тамплиера, считавшего набитые монетами мешки, в любой момент могли призвать для участия в битве, превосходившей по жестокости все известные жителям Запада сражения. Подобно гостям на свадьбе, которую праздновали в Кераке в 1183 г., гуляки могли вскочить из-за столов, услышав, как снаряды, выпущенные мусульманами из баллист, ударяются о стены замка. За фасадом веселой и красивой жизни в Утремере скрывались беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне и страх. Наблюдатели, прибывшие на Восток даже тогда, когда трон занимали наиболее выдающиеся правители, наверняка задавались вопросом, сколько еще продлится это приключение.

Глава 2. Возвышение Нур ад-Дина

...И вышел он как победоносный, и чтобы победить.

Откровение Иоанна Богослова, 6: 2

Князь Антиохии Раймунд был совершенно прав, когда предлагал предводителям Второго крестового похода как можно быстрее двинуться на Алеппо. То, что он не сумел убедить их в своей правоте, стоило ему жизни. Главным противником христиан был именно Нур ад-Дин, и в 1147 г. многочисленное войско вполне могло разбить его армию. Он был владельцем Алеппо и Эдессы, но правитель Дамаска Унур и малозначительные независимые эмиры, владения которых располагались в долине реки Оронт, не пришли бы ему на помощь. Не мог рассчитывать он и на поддержку со стороны своего брата Сайф ад-Дина, занятого решением собственных проблем в Ираке. Однако из-за глупости, совершенной крестоносцами, Унур заключил с Нур ад-Дином союз, способный просуществовать до тех пор, пока не исчезнет нависшая над Дамаском угроза. Получив возможность вмешиваться в дела Триполи, он сумел усилить свою власть над центральной частью Сирии.

Впоследствии выяснилось, что Раймунд был совершенно прав, когда отказался присоединяться ко Второму крестовому походу. Из-за угрозы, которую представлял для них Нур ад-Дин, ни он сам, ни граф Эдессы Жослен не могли оставить свои владения без защиты. Войска Алеппо совершили набег на территорию христиан еще тогда, когда войско крестоносцев стояло у стен Дамаска. Граф Жослен, подняв белый флаг, лично отправился в лагерь Нур ад-Дина, чтобы вымолить у него милосердие. Однако добиться ему удалось лишь отсрочки.

Тем временем конийский султан Масуд, заключив мир с Византией, воспользовался поражением франков и выступил в поход на Мараш. Раймунд стал готовиться к сражению, и Масуд попросил Нур ад-Дина отвлечь солдат графа. Тот выполнил его просьбу, однако в ноябре 1148 г. Раймунду с помощью Али ибн Вафы, курда, ставшего предводителем ассасинов, ненавидевшего Нур ад-Дина намного сильнее, чем христиан, сумел застать врасплох правителя Алеппо, спешно двигавшегося со своим войском через деревни, стоявшие на равнине Асвад в Фамии, что на пути

из Антиохии в Мараш. Неожиданно двое основных военачальников Нур ад-Дина: курд Ширкух и житель Алеппо благородного происхождения Ибн ад-Дайя — поссорились друг с другом. Первый из них отказался принимать участие в битве, и всей мусульманской армии пришлось спешно отступить.

Следующей весной Нур ад-Дин снова вторгся во владения Раймунда и одержал над ним победу в битве при Багресе, располагавшемся недалеко от прежнего поля боя. Затем он двинулся на юг и осадил крепость Инаб, одну из немногочисленных твердынь к востоку от Оронта, все еще находившихся под контролем христиан. Раймунд во главе небольшой армии и в сопровождении нескольких ассасинов, которыми руководил Али ибн Вафа, поспешил на помощь гарнизону крепости, и Нур ад-Дин, получивший неверные сведения о численности антиохийского войска, снова отступил. В действительности армия мусульман, состоявшая из 6000 всадников, превосходила по численности франков, в распоряжении которых имелось только 4000 всадников и 1000 пехотинцев.

Не прислушавшись к совету Али, Раймунд решил усилить гарнизон Инаба. Однако Нур ад-Дин узнал о слабости антиохийского войска. После того как 28 июня 1149 г. христианское войско разбило лагерь в низине, неподалеку от источника Мурада, на равнине между Инабом и болотом Гхаб, той же ночью солдаты Нур ад-Дина подползли к палаткам франков и окружили лагерь. На следующее утро Раймунд понял, что сможет спастись лишь в том случае, если сумеет вырваться из окружения. Но сделать это ему помешала погода. Поднялся сильный ветер, из-за которого в глаза рыцарей, поднимавшихся на лошадях по склону холма, полетела пыль. В течение нескольких часов все войско Раймунда было уничтожено. В числе погибших оказались сеньор Мараша Рейнальд и предводитель ассасинов Али. Сам Раймунд был убит Ширкухом, сумевшим таким образом вернуть расположение своего господина, которого он лишился в Фамии. Положив череп князя в серебряный ларец, Нур ад-Дин отправил его своему духовному учителю — багдадскому халифу.

Граф Эдессы Жослен, заключив с мусульманами мир (хотя и весьма ненадежный), отказался сотрудничать со своим старым соперником Раймундом. Теперь настала его очередь. Нур ад-Дин продолжил двигаться по территории Антиохии, окончательно установив свою власть над местностью, расположенной в среднем течении Оронта. Для этого он захватил Аржан и Тель-Кашфахан, а затем разбил гарнизоны Артаха и Харима, расположенные севернее. После этого он повернул на запад, вышел к стенам Антиохии и разграбил ее территорию вплоть до Святого Симеона.

Жослен даже не пытался спасти собратьев-франков, а вместо этого выступил к Марашу, надеясь овладеть наследством Рено, приходившегося ему зятем. Граф вошел в город, но, узнав о приближении султана Масуда, был вынужден отступить. Гарнизон, который он оставил в Мараше, сдался сельджукам в обмен на обещание, что они пощадят живших в городе христиан. Однако когда те вместе со священниками шли по дороге в сторону Антиохии, их всех перебили. Масуд преследовал Жослена до окрестностей Турбесселя. На помощь графу спешили христианские солдаты, в то время как Нур ад-Дин, не желавший видеть Жослена, все еще находившегося в зависимости от него, развязал сельджукам руки. Тем не менее Масуд предпочел отступить.

После этого Артукиды из Джебзире, которых на юге стали теснить Нур ад-Дин и его братья, попытались расширить свои владения на берегу Евфрата за счет армян из Гаргара, которые платили дань Рено. Жослен напрасно тратил силы на призывы о помощи, обращенные к правителю Гаргара Василиу. Представитель династии Артукидов Кара Арслан захватил всю область Гаргаг и Харпурт, чем обрадовал христиан-яковитов, предпочитавших находиться под его властью, а не быть подданными Рено, бывшего ярким сторонником армян и противником яковитов.

Зимой 1149 г. Нур ад-Дин разорвал союз с Жосленом. Поначалу предпринятые им атаки были безуспешными, но в апреле 1150 г., когда Жослен ехал в Антиохию, чтобы посоветоваться с местными властями, некие туркменские разбойники отрезали его от сопровождавших его воинов и захватили в плен. Они хотели освободить графа, если тот заплатит крупный выкуп, но, услышав о пленении Жослена, Нур ад-Дин послал отряд всадников, которые должны были отобрать его у захвативших его людей. Графа ослепили и заключили в тюрьму в Алеппо, где он умер в 1159 г., через девять лет после своего пленения.

Таким образом, к лету 1150 г. и княжество Антиохия, и графство Эдесса лишились своих правителей. Однако Нур ад-Дин не решился сделать следующий шаг. Когда в Антиохии узнали о смерти князя Раймунда, патриарх Альмерик взял на себя руководство приготовлениями к обороне и отправил на юг гонца, который должен был передать королю Балдуину его просьбу о помощи. Затем патриарх заключил с Нур ад-Дином непродолжительное перемирие, пообещав ему сдать Антиохию, если король не прибудет на помощь. Такое предложение полностью устраивало Нур ад-Дина, не решавшегося осаждать город и вместо этого получившего возможность захватить Апамею, последнюю крепость в долине реки Оронт, принадлежавшую Антиохийскому княжеству.

Король Балдуин в сопровождении немногочисленного войска, в основном состоявшего из рыцарей-тамплиеров, спешно отправился на север. Его появление у стен Антиохии заставило Нур ад-Дина заключить более длительное перемирие, что также позволило помешать Масуду напасть на Турбессель. Однако, несмотря на то что Антиохия была спасена, территория княжества теперь значительно сократилась до самой Антиохийской равнины и участка побережья от Александретты до Латакии.

Оставалось только решить судьбу двух доменов, лишившихся своих сеньоров. После того как Жослен был захвачен в плен, Нур ад-Дин напал на Турбессель, но графиня Беатрис сумела организовать настолько ожесточенное сопротивление, что мусульмане были вынуждены отступить. Между тем стало понятно, что удержать Турбессель не удастся. Он был переполнен беженцами — как франками, так и армянами, перебравшимися в город из окрестных селений. Христиане-яковиты открыто демонстрировали свое нежелание хранить верность франкам, а из-за завоеваний Нур ад-Дина вся территория графства была отрезана от Антиохии.

Графиня уже готовилась покинуть свои земли, но внезапно ей доставили сообщение от императора Мануила. Он был в курсе сложившейся ситуации и предложил женщине продать ему остатки ее владений. Беатрис, следуя существовавшим в то время правилам, переслала предложение императора королю Балдуину, находившемуся в тот момент в Антиохии. Сеньоры королевства, прибывшие с ним, и их «коллеги» из Антиохии собрались, чтобы решить, что следует ответить императору. Они не хотели отдавать земли греку, которого так сильно ненавидели, но в то же время понимали: если христиане утратят данные территории, то вина за это будет лежать на плечах императора.

Византийский наместник Киликии Фома привез в Антиохию мешки с золотом (мы не знаем, сколько именно их было) для графини. Взамен на это она разрешила его солдатам занять шесть крепостей — Турбессель и Самосату, Раванду и Айнтап, Дюлюк и Биреджик. Королевское войско сопровождало византийские гарнизоны до их новых мест дислокации, а обратно вместе с ним в путь отправились многочисленные франкские и армянские беженцы, не желавшие жить под властью византийцев и предпочитавшие укрыться за крепкими стенами Антиохии. Одну крепость — Ромклу, или Ром-Калаат, стоявшую на берегу Евфрата, неподалеку от Самосаты, графиня не стала продавать и передала ее армянскому католику. Даже после перехода под власть турок эта крепость на протяжении полутора столетий оставалась его резиденцией.

Когда королевская армия и беженцы возвращались в Антиохию, Нур ад-Дин попытался заставить их врасплох в Айнтапе, но благодаря организаторским талантам короля им удалось спастись. Ключевые бароны Балдуина Онфруа де Торон и Роберт де Сурдеваль тщетно умоляли его разрешить им от его имени захватить Айнтап, но король не собирался нарушать свой договор с императором.

Мы не знаем, почему Мануил предложил франкам заключить подобную сделку. Последние полагали, будто, охваченный гордостью, он уверовал, что таким образом сможет удержать их. Император вряд ли ошибался. Скорее он проявил предусмотрительность и надеялся, что однажды ему удастся закрепиться в Сирии. Он понимал: если сейчас потеряет ту или иную крепость, то в будущем сумеет ее вернуть, и при этом никто не осмелится заявить, будто он не имеет на это права. Мануил и правда лишился всех этих крепостей меньше чем через год — они не сумели противостоять натиску Нур ад-Дина и Сельджукида Масуда, заключивших сразу после захвата в плен Жослена друг с другом союз, который был закреплен с помощью брака между Нур ад-Дином и дочерью Масуда. Приданым девушки должен был стать Турбессель. Но Масуд не присоединился к зятю, когда тот атаковал город, защитой которого руководила Беатрис, и довольствовался захватом Кайсуна и Бесни, расположенных в северной части страны и переданных им затем своему сыну Кылыч-Арслану.

Однако весной 1151 г. вместе с Нур ад-Дином он атаковал византийские гарнизоны. Узнав об этом, Артукиды поспешили получить свою часть добычи. Айнтап и Дюлюк достались Масуду, Самосата и Биреджик — представителю династии Артукидов и правителю Мардина Тимурташу, а Раванда — Нур ад-Дину. Византийцы, находившиеся в самом Турбесселе, на протяжении какого-то времени сопротивлялись натиску мусульман, но, когда город охватил голод, в июле 1151 г. сдали его полководцу Нур ад-Дина Хасану из Менбиджа. Больше о графстве Эдесса ничего не напоминало. Графиня Беатрис уехала в Иерусалим вместе со своими детьми Жосленом и Агнес, которым суждено было сыграть роковую роль в падении королевства.

Эдессы больше не было, но Антиохия продолжила свое существование. После смерти Раймунда княгиня Констанция, у которой к тому моменту уже было четверо маленьких детей, осталась вдовой. Трон принадлежал ей по праву, но все считали, что в столь суровые времена править княжеством должен мужчина. Когда умер Раймунд, их с Констанцией старшему сыну Боэмунду III было всего пять лет, а значит,

Антиохией до его совершеннолетия должен был править регент-мужчина. В кризисный момент патриарх Альмерик взял эту роль на себя, но мысль о том, что ими будет править священнослужитель, антиохийцам не нравилась. Было понятно, что еще молодая княгиня должна повторно выйти замуж. До ее замужества регентом было решено назначить ее двоюродного брата короля Балдуина, избранного на эту роль скорее в качестве ее ближайшего родственника-мужчины, чем сюзерена.

Балдуин, узнав о гибели Раймунда, спешно отправился в Антиохию. В сложившейся ситуации он сумел проявить мудрость, совсем не характерную для 19-летних юношей, благодаря чему получил повсеместное признание как достойный правитель. В начале лета 1150 г. король снова вернулся в Антиохию, чтобы разрешить продажу земель графини Беатрисы. Балдуин просил Констанцию, которой исполнилось всего 22 года, скорее выбрать себе нового мужа и предложил трех кандидатов: графа Суассона Ива де Неля, богатого представителя французской знати, прибывшего в Палестину после Второго крестового похода и собиравшегося поселиться там; Готье де Фокемберга, представителя династии Сен-Омер, члены которой в прошлом были князьями Галилеи; и, наконец, галантного барона из графства Триполи Ральфа де Мерля. Однако Констанция не хотела связывать себя узами брака ни с одним из них, и Балдуину пришлось уехать в Иерусалим, оставив ее управлять княжеством.

Раздраженная назойливостью своего юного двоюродного брата Констанция тотчас же изменила точку зрения и отправила в Константинополь послов, которые должны были попросить императора Мануила, являвшегося ее сюзереном, выбрать ей подходящего супруга, и тот охотно исполнил ее желание. Влияние Византии на территорию, расположенную на ее юго-восточной границе, стало ослабевать. Около 1143 г. армянский князь Торос из династии Рубенидов бежал из Константинополя и укрылся при дворе своего двоюродного брата — графа Эдессы Жослена II. Там он собрал отряд сородичей, с помощью которого сумел отвоевать свою родовую крепость Вахку, находившуюся в восточной части Тавра. К Торосу присоединились двое его братьев — Степан и Млех. Кроме того, он сумел подружиться со своим соседом — франкским сеньором Рабана Симоном, на дочери которого Торос женился.

В 1151 г., когда византийцы переключили внимание на Турбессель, подвергшийся нападению мусульман, Торос устремился на Киликийскую равнину, одержал победу над византийским наместником Фомой у ворот Мамистры и убил его. Мануил тотчас же отправил в Киликию своего двоюродного брата Андроника и византийское войско, которые должны

были вернуть Византии территории, захваченные Торосом. К тому же императору представился шанс посадить на антиохийский трон своего ставленника.

Ни одному из этих планов не суждено было сбыться. Андроник Комнин был наиболее выдающимся членом семьи императора, все представители которой обладали определенными талантами, но он был слишком поспешен и беззаботен. Когда он двигался в сторону Мамистры, чтобы осадить этот город, армяне совершили вылазку и застали его врасплох. Его войско было наголову разбито, а сам он с позором бежал в Константинополь.

Выбирая мужа для Констанции, Мануил проявил скорее изобретательность, чем здравый смысл. Он послал в Антиохию своего зятя кесаря Иоанна Рожера, овдовевшего мужа любимой сестры императора Марии. Тот был норманном, и, хотя однажды планировал устроить заговор, чтобы занять византийский трон, теперь стал хорошим другом императора. Мануил знал, что может рассчитывать на его преданность, но верил, что благодаря своему происхождению Иоанн Рожер сумеет получить поддержку франкской знати. Однако император забыл о самой Констанции. Иоанн Рожер был уже человеком немолодым и успел растерять значительную часть обаяния, свойственного ему в молодости. Юная княгиня, первый муж которой славился красотой, не готова была связать свою жизнь со столь неромантичным персонажем и попросила кесаря вернуться в Константинополь. Возможно, было бы лучше, если бы Мануил отправил Андроника в Антиохию, а Иоанна Рожера — сражаться в Киликии.

Король Балдуин с радостью одобрил бы любого кандидата в мужья своей двоюродной сестры, так как незадолго до этого у него появилась новая проблема. Брак графа Триполи Раймунда II и Годиерны Иерусалимской оказался не самым счастливым. Подобно своим сестрам Мелисенде и Алисе, Годиерна была упрямой и смелой. Некоторые любители сплетен высказывали сомнения в законности происхождения ее дочери Мелисенды. Раймунд, страшно ревновавший жену, пытался держать ее в изоляции, привычной восточным женщинам. В начале 1152 г. их отношения ухудшились настолько, что в них решила вмешаться королева Мелисенда. Она вместе с венценосным сыном отправилась в Триполи, чтобы заставить супругов примириться. Балдуин воспользовался представившейся возможностью и велел Констанции также прибыть в Триполи, где обе тетушки напустились на нее с руганью за нежелание повторно выходить замуж. Однако, возможно, из-за того, что ни одна из

них не была счастлива в браке, все их поучения оказались безрезультатны. В итоге Констанция, так ничего не пообещав родственникам, вернулась в Антиохию.

Что касается отношений Раймунда и Годиерны, то королеве все же удалось добиться успеха. Супруги согласились помириться, однако Годиерне предстояло уехать на какое-то время в Иерусалим, чтобы отдохнуть от общества мужа. Балдуин решил остаться в Триполи, так как ходили слухи, будто Нур ад-Дин планирует наступление на графство. Королева и графиня двинулись на юг, а граф отправился их провожать и проехал вместе с дамами примерно милю. Когда он на обратном пути въезжал в южные ворота столицы своих владений, на него напала группа ассасинов, нанеших ему несколько смертельных ножевых ранений. Ральф де Мерле и еще один рыцарь, сопровождавший графа, попытались защитить его, но были убиты. Все произошло так быстро, что охранники Рожера не успели поймать убийц. Король, игравший в кости во дворце, услышал крики, доносившиеся из города. Солдаты гарнизона похватали оружие и выбежали на улицы, убивая каждого встреченного ими мусульманина. Однако ассасинам удалось скрыться. Никто так и не узнал, каким мотивом они руководствовались.

Из Триполи выехали гонцы, которые должны были попросить королеву и графиню вернуться в город, и Годиерна стала регентом при своем 12-летнем сыне Раймунде III. Однако, как и в случае с Антиохией, Триполи нужен был правитель-мужчина, способный защитить графство, и Балдуину, как ближайшему родственнику мужского пола, пришлось взять эту роль на себя. Нур ад-Дин тотчас же перешел в наступление и добрался до Тартуса, который его солдаты смогли удерживать на протяжении какого-то времени. Однако вскоре их вытеснили из города, и Балдуин, предварительно получив согласие Годиерны, передал Тартус рыцарям-тамплиерам.

Балдуин был рад, что теперь может вернуться в Иерусалим. Королева Мелисенда, не забывавшая, что является наследницей своего отца, не хотела передавать власть сыну. Однако на тот момент ему было уже больше 22 лет, и жители королевства требовали, чтобы он был коронован и стал самостоятельным взрослым правителем. Это заставило королеву договориться с патриархом Фульхерием, обещавшим снова короновать ее вместе с сыном, что позволило бы легитимировать их совместное правление. Обряд коронации должен был состояться на Пасху, в воскресенье 30 марта, но Балдуин отложил его. Затем, во вторник, когда его мать ни о чем не подозревала, он в сопровождении рыцарей вошел в храм

Гроба Господня и заставил разъяренного патриарха короновать его единолично.

Этот поступок привел к началу открытого противостояния между Балдуином и его матерью. У королевы было множество друзей. Ее протее Манассе де Йерж все еще оставался коннетаблем. К тому же его связывали родственные отношения с представителями могущественной династии Ибелинов, контролировавших Филистийскую равнину, а среди его сторонников были многие знатные люди с юга Палестины. Примечательно, что, когда в 1149 г. Балдуин ездил в Антиохию, в этом путешествии, в котором не была заинтересована королева, его сопровождало лишь несколько представителей знати. Сторонники короля во главе с Онфруа де Тороном и Гильомом де Фоконбергом, владения которого располагались в Галилее, прибыли с севера.

Балдуин не рискнул применять силу. Он созвал советников королевства, которым рассказал о своих претензиях. Благодаря вмешательству представителей духовенства король был вынужден пойти на компромисс. Он мог править в Галилее и на севере королевства, а под властью Мелисенды оставались Иерусалим и Наблус, то есть Иудея и Самария. Кроме того, она объявлялась сюзереном побережья, где располагалось графство Яффа, правил которым младший брат Балдуина Амори. Выполнить подобное решение было невозможно, и через несколько месяцев Балдуин потребовал, чтобы мать передала ему власть над Иерусалимом, без которого, по его словам, он не мог защитить королевство от врагов. Власть Нур ад-Дина с каждым днем укреплялась, что придавало этому аргументу короля еще больше весомости, и даже самые преданные сторонники Мелисенды стали отказывать ей в поддержке. Однако королева стояла на своем и приказала проверить и привести в порядок укрепления Иерусалима и Наблуса, готовясь к вооруженному конфликту с сыном. К несчастью, солдаты короля сумели застать коннетабля Манассе врасплох в его замке Мирабель, стоявшем на краю прибрежной равнины, и захватить его в плен. Ему сохранили жизнь, взяв с него обещание, что он покинет Восток и больше никогда не вернется.

Таким образом король сумел утвердить свою власть над Наблусом. Мелисенда лишилась сторонников из числа представителей нобилитета, но сохранила поддержку патриарха, благодаря чему решила попытаться удержать Иерусалим. Однако горожане также были настроены против нее и вынудили ее отказаться от борьбы за власть. Уже через несколько дней королева была вынуждена сдать город своему сыну. Балдуин не стал наказывать мать, так как если не целесообразность, то закон точно был на

ее стороне. В качестве вдовьей доли королеве выделили Наблус и его окрестности, и, хотя она перестала участвовать в политической жизни, Мелисенда продолжила покровительствовать церкви. Взяв власть в свои руки, Балдуин вместо Манассе де Йержа назначил коннетаблем своего друга Онфруа де Торона.

Семейные распри во франкских правящих фамилиях были на руку Нур ад-Дину. На протяжении тех лет он не предпринял ни одного крупномасштабного похода на христианские государства, так как был занят решением более насущной задачи — захватом Дамаска. После провала Второго крестового похода правитель этого города Унур на протяжении нескольких месяцев воевал с христианами, хотя делал это без особого энтузиазма. Однако, опасаясь Нур ад-Дина, он, когда из Иерусалима ему поступило предложение заключить мир, с радостью согласился. В мае 1149 г. было заключено перемирие сроком на два года. Вскоре после этого, в августе, Унур умер, и власть над Дамаском взял в свои руки Муджир ад-Дин, эмир из династии Буридов, внук Тугтегина, от имени которого городом правил Унур.

Муджир ад-Дин оказался слабым правителем, благодаря чему у Нур ад-Дина появился шанс завоевать Дамаск. Он не стал действовать сразу же, так как в ноябре умер его брат Сайф ад-Дин, что привело к необходимости перераспределить владения. Кутб ад-Дин, младший из братьев, унаследовал Мосул и территорию Ирака, но, очевидно, признавал превосходство над собой Нур ад-Дина. В марте следующего года Нур ад-Дин отправился в поход на Дамаск, но из-за сильных дождей его войско двигалось медленно, и у Муджир ад-Дина появилась возможность попросить помощи у Иерусалима. В итоге Нур ад-Дин отступил, удовлетворившись обещанием того, что его имя будет чеканиться на монетах и упоминаться во время молитв в мечетях Дамаска после имен халифа и султана Персии. Таким образом было признано его право на сюзеренитет, хотя и весьма расплывчатый.

В мае 1151 г. Нур ад-Дин снова подошел к Дамаску, и франки опять пришли на помощь городу. По истечении месяца, на протяжении которого его войско стояло под городскими стенами, Нур ад-Дин отступил к окрестностям Баальбека, которым правил Аюб, его военачальник и брат полководца Ширкуха. Тем временем к Дамаску подошли франки во главе с королем Балдуином. Многие из них пустили в город, чтобы они могли посетить базары, а Муджир ад-Дин прибыл в лагерь христиан, где был тепло встречен королем. Однако у союзников не было достаточно сил для того, чтобы преследовать Нур ад-Дина. Вместо этого они отправились в

поход на Босру, эмир которой Сархак с помощью Нур ад-Дина пытался восстать против Дамаска. Данная экспедиция не увенчалась успехом, но вскоре после этого Сархак, проявив непостоянство, характерное для всех малозначительных мусульманских правителей, заключил союз с франками, и для того, чтобы заставить его повиноваться, Муджир ад-Дин был вынужден обратиться за помощью к Нур ад-Дину.

Когда Нур ад-Дин снова отправился на север, Муджир ад-Дин последовал за ним, чтобы посетить Алеппо, где был подписан договор о дружбе. При этом Дамаск не собирался отказываться от союза с франками. В декабре 1151 г., возможно по приказу Аюба, отряд туркменов попытался совершить набег на Банияс. Гарнизон отразил набег на территории Баальбека, покинутого Аюбом. Муджир ад-Дин старательно отрицал свою причастность к этому конфликту. Еще в большее смущение его привело внезапное появление осенью 1152 г. представителя династии Артукидов Тимурташа, владельца Мардина, во главе армии, состоявшей из туркменов, которая прошла несколькими марш-бросками по краю пустыни и должна была помочь ему совершить внезапное нападение на Иерусалим. Возможно, Тимурташу было известно о конфликте между Мелисендой и Балдуином, и он полагал, что сумеет достичь успеха, сделав смелый ход. Муджир ад-Дин разрешил Артукиду покупать в своих владениях продовольствие, но пытался отговорить его от дальнейшего продвижения.

Затем Тимурташ форсировал Иордан, и, пока представители франкской знати находились в Наблусе, где обсуждалась вдовья доля Мелисенды, разбил лагерь на Масличной горе. Однако солдаты из гарнизона Иерусалима совершили вылазку против туркменов, которые, осознав, что застать противника врасплох не удалось, вынуждены были отступить к Иордану. Там, на берегу реки, их атаковало войско королевства, сумевшее нанести им сокрушительное поражение.

На протяжении нескольких следующих месяцев внимание как христиан, так и мусульман было приковано к ситуации, сложившейся в Египте. Казалось, что фатимидский халифат вот-вот падет. После гибели визиря аль-Афдаля от рук убийц в Египте не было достойных правителей. Халиф аль-Амир правил до октября 1129 г., когда его тоже убили. Власть находилась в руках сменявших друг друга бесполезных визирей. Аль-Хафиз, преемник аль-Амира, пришедший к покойному халифу двоюродным братом, оказался обладателем более твердого характера и попытался освободиться от сковывавшей его власти визирей, назначив на эту должность своего сына Хасана. Однако тот оказался неверен отцу и в 1135 г. был казнен по его приказу.

Следующий визирь армянин Вахрам нанял на многие должности в административном аппарате своих сородичей, из-за чего в 1137 г. улицы Каира стали красными от крови христиан. С последующими визирями аль-Хафизу также не везло, хотя он изо всех сил держался за трон до самой своей смерти в 1149 г. В начале правления его сына аль-Зафира разразился конфликт между двумя ключевыми египетскими полководцами. Победу одержал Амир ибн Саллах, ставший визирем, но через три года после этого он был убит.

Все эти непрекращающиеся интриги и кровопролития разожгли надежду в сердцах противников Египта. В 1150 г. король Балдуин приказал восстановить укрепления Газы. Крепость Аскалон принадлежала Фатимидам, и солдаты ее гарнизона все еще совершали частые набеги на принадлежавшие христианам земли. Газа должна была стать операционной базой для кампании против Аскалона.

Визирь ибн Саллах был обеспокоен. Среди беженцев, живших при фатимидском дворе, был представитель династии Мункизидов Усама, некогда служивший Занги. Его отправили к Нур ад-Дину, разбившему лагерь у стен Дамаска, чтобы попросить совершить отвлекающий маневр в Галилее, позволив таким образом египетскому флоту атаковать франкские приморские города. Однако убедить Нур ад-Дина, у которого были совершенно другие планы, не удалось. На обратном пути Усама остановился в Аскалоне, где на протяжении двух последующих лет руководил военными операциями, направленными против франков, живших по соседству. По возвращении в Египет он стал свидетелем новых дворцовых интриг, в результате которых ибн Саллах с молчаливого согласия халифа был убит сыном своего пасынка Аббаса.

Это событие, произошедшее сразу после того, как Балдуин одержал победу над матерью, позволило ему напасть на Аскалон. Король тщательно готовился к данной кампании, и 25 января 1153 г. войско королевства в полном составе, взявшее с собой все осадные машины, которые Балдуин сумел собрать, подошло к стенам города. Короля сопровождали Великие магистры орденов госпитальеров и тамплиеров, которые привели лучших своих рыцарей, крупнейшие сеньоры королевства, патриарх, архиепископы Тира, Кесарии и Назарета, а также епископы Вифлеема и Акры. Патриарх вез с собой истинный крест.

Аскалон был огромной крепостью, отходившей от моря полукругом. Ее укрепления находились в прекрасном состоянии, и египетские власти всегда старались, чтобы жившие в ней солдаты были снабжены достаточным количеством вооружения и продовольствия. На протяжении

нескольких месяцев войско франков, сумевшее полностью блокировать крепость, безуспешно пыталось пробить ее стены. Примерно на Пасху приплыли корабли с паломниками, благодаря которым армия получила подкрепление, но прибывший в июне египетский флот свел на нет это преимущество. Фатимиды не стали рисковать, пытаясь прорвать блокаду Аскалона с суши. Вместо этого они прислали эскадру из семидесяти кораблей, груженных людьми, вооружением и всевозможными припасами. Сеньор Сидона Жеро, командовавший двадцатью галерами — всеми кораблями, на которые могли рассчитывать христиане, не рискнул атаковать египетские суда, благодаря чему последние с триумфом вошли в гавань. Защитники крепости обрадовались, но, едва разгрузившись, корабли уплыли, и осада продолжилась.

Из всех осадных машин франков наибольшую угрозу для Аскалона представляла огромная деревянная башня, по высоте превосходившая стены крепости, с верхушки которой можно было метать прямо на городские улицы камни и горящие связки хвороста. Однажды ночью в конце июля несколько солдат из гарнизона совершили вылазку и подожгли эту башню. Однако поднялся ветер, и горящая махина, опрокинувшись, перевалилась через стену. Из-за сильного жара каменная кладка была повреждена, и к утру в стене образовалась дыра. Находившиеся на этом участке тамплиеры решили, что победа должна принадлежать только им. Пока несколько рыцарей следили, чтобы к разлому не приближались другие христиане, сорок тамплиеров проникли в город. Поначалу солдаты гарнизона решили, что все потеряно, но затем, увидев, насколько немногочисленны проникшие в город тамплиеры, окружили их и всех перебили. Дыру удалось спешно починить, а тела тамплиеров повесили над городскими стенами.

Во время действия перемирия, позволявшего каждой из противоборствующих сторон похоронить умерших, король устроил в своей палатке, где также находился истинный крест, военный совет. Представители нобилитета, расстроенные неудачей, предлагали отказаться от осады, но патриарх и Великий магистр госпитальеров Раймонд де Пюи убедили Балдуина продолжить блокаду Аскалона. Их красноречие тронуло баронов, и франки стали атаковать город еще более ожесточенно, чем прежде.

После сильнейшего обстрела 19 августа гарнизон решил сдаться при условии, что горожанам разрешат покинуть Аскалон, взяв с собой движимое имущество. Балдуин принял это условие и не нарушил данного им обещания. Когда из города вышли многочисленные мусульмане,

собравшиеся по суше и по морю добраться до Египта, франки, не нарушая строй, вошли в Аскалон и заняли цитадель, найдя там обширную сокровищницу и переполненную оружейную комнату. Сеньором Аскалона стал Амори, брат короля и граф Яффы. Большая мечеть была превращена в собор Святого Петра, и патриарх назначил епископом города Авессалома, одного из своих каноников. Впоследствии епископ Вифлеема Жеро сделал так, чтобы из Рима поступило указание, позволявшее ему занять престол.

Захват Аскалона, благодаря которому престиж королей Иерусалима взлетел до небес, стал последним их выдающимся достижением. Им наконец удалось заполучить город, также известный как Мост Сирии, что, конечно, было потрясающей победой, которая, однако, в действительности не принесла франкам значительных преимуществ в будущем. Хотя из крепости и предпринимались малозначительные набеги на франкские земли, Египет больше не представлял для христиан серьезной угрозы. В то же время теперь, овладев Аскалоном, франки подверглись соблазну, заставлявшему их ввязаться в опасную авантюру на берегах Нила.

Возможно, именно поэтому Нур ад-Дин, человек весьма дальновидный, не стал вмешиваться в ход кампании. Он лишь запланировал отправиться вместе с правителем Дамаска Муджир ад-Дином в поход против Банияса, который из-за взаимных ссор так и не состоялся. Вряд ли он сожалел об ослаблении Египта, а также о том, что франки переключили свое внимание на юг. Правитель Дамаска Муджир оказался более впечатлительным. Он поспешил уверить Балдуина в своей искренней дружбе и согласился ежегодно платить ему дань. В то время как франкские сеньоры путешествовали по территории Дамаска и совершали на нее набеги, в сам город прибыли послы, чтобы забрать деньги, предназначенные для короля.

Муджир и его советники, обеспокоенные собственной безопасностью, предпочитали находиться под защитой франков, а не оказаться под властью Нур ад-Дина. Однако простые жители Дамаска не готовы были терпеть наглость христиан. По их мнению, Буриды оказались предателями ислама. Эмир Баальбека Аюб решил воспользоваться сложившейся ситуацией. Его люди проникли в город и стали настраивать жителей против Муджира. В Дамаске в тот момент ощущалась нехватка продовольствия. Нур ад-Дин велел ограбить караваны, которые везли в город с севера зерно, а агенты Аюба стали распространять слух, будто в этом был виноват сам Муджир, отказавшийся сотрудничать со своими сородичами-мусульманами. Затем Нур ад-Дин убедил Муджира в том, что многие представители знатных семей Дамаска строят против него заговор, и, охваченный паникой,

последний принял против них меры.

Когда Муджир таким образом лишился поддержки как богатых, так и бедных горожан, к Дамаску в качестве посла Нур ад-Дина подошел брат Аюба Ширкух, который привел с собой войско, что было совсем не характерно для дружеского визита. Муджир не стал впускать его в город и не решился выйти ему навстречу. Нур ад-Дин посчитал, что таким образом правитель Дамаска нанес оскорбление его послу, и подошел к городу во главе многочисленного войска.

Муджир отправил франкам письмо с отчаянной просьбой о помощи, но было уже слишком поздно. Нур ад-Дин разбил лагерь у стен Дамаска 18 апреля 1154 г. Ровно через неделю после того, как за пределами восточной стены города произошла незначительная стычка, некая еврейка пустила нескольких солдат Нур ад-Дина в еврейский квартал Дамаска, а население города сразу после этого открыло восточные ворота, впустив остальную часть его войска. Муджир укрылся в цитадели, но уже через несколько часов сдался. Ему сохранили жизнь и назначили эмиром Хомса. Уже через несколько дней его заподозрили в том, что вместе со старыми друзьями из Дамаска он плетет заговор против нового правителя, и изгнали из Хомса. Муджир отказался от предложения стать правителем города Балис, стоявшего на берегу Евфрата, и уехал в Багдад.

Тем временем жители Дамаска радостно встречали Нур ад-Дина. Он запретил своим солдатам грабить горожан, тотчас же приказал поставить на рынки продовольствие и отменил налог на продажу фруктов и овощей. Собравшись возвращаться в Алеппо, Нур ад-Дин назначил наместником Дамаска Аюба. Баальбеком теперь правил представитель местной знати Дхахак, впоследствии восставший против Нур ад-Дина, которому пришлось усмирять его.

Захват Дамаска Нур ад-Дином обесценил завоевание франками Аскалона. Его владения теперь тянулись вдоль всей восточной границы франкских государств — от Эдессы до Трансиордании. Независимость удалось сохранить лишь нескольким незначительным эмиратам мусульманской Сирии, таким как, например, Шайзар. Хотя франкские государства превосходили владения Нур ад-Дина по площади и обладали более значительными ресурсами, преимущество последнего базировалось на единстве всей территории под властью одного господина, которому заносчивые вассалы не доставляли таких хлопот, как правителям франков. Он находился в зените своей славы. Однако Нур ад-Дин был человеком слишком осторожным для того, чтобы поспешно пытаться довести свой триумф до логического завершения. Он, очевидно, заверил короля в том,

что союз между Дамаском и Иерусалимом должен сохраниться, а в 1156 г. продлил мирный договор еще на два года, заплатив Балдуину 8000 дукатов в счет дани, обещанной Муджир ад-Дином. Во многом его выдержка была обусловлена конфликтом с сельджуками из Анатолии, которых он хотел лишить доставшейся им части территории графства Эдесса.

В 1155 г. умер султан Масуд, и его сыновья: Кылыч-Арслан II и Шахиншах — тотчас же поссорились, не сумев разделить наследство. Первый из них получил поддержку от представителей династии Данишмендидов — правителя Кесарии Зуль Нуна и владельца Мелитены Зуль Карнайна, а второй — от главы рода Данишмендидов правителя Сиваса Ягы Сияна. Последний обратился за помощью к Нур ад-Дину, и тот с радостью оказал ее, напав на принадлежавшую сельджукам часть территории графства Эдессы, в которую вошли города Айнтап, Дукук и, вероятно, Самосата, и захватив ее. Кылыч-Арслан сумел одержать победу над братом, но, несмотря на попытку заключить союз с франками и армянами против Нур ад-Дина, был вынужден смириться с потерей владений, расположенных на берегах Евфрата.

Обезопасив северную часть своих владений, Нур ад-Дин снова обратил внимание на юг. В феврале 1157 г. Балдуин нарушил мирный договор, заключенный с правителем Алеппо. Понадеявшись на перемирие, многочисленные туркмены привели свои стада овец и лошадей на богатые приграничные пастбища, что располагались возле Банияса. Король Балдуин, из-за своей чрезмерной любви к роскоши погрязший в долгах, не смог противостоять соблазну, напал на ничего не подозревавших пастухов и отобрал их скот. Бессовестно нарушив таким образом достигнутую договоренность, он захватил самую богатую добычу из всех, полученных в Палестине на протяжении нескольких десятилетий, но в то же время вынудил Нур ад-Дина отомстить. Пока правитель Алеппо находился в Баальбеке, чтобы заставить подчиниться восставшего эмира, его полководец Ширкух одержал победу над латинянами из Букайи, попытавшимися совершить набег на мусульманские земли, а его брат Наср ад-Дин наголову разбил группу госпитальеров неподалеку от Банияса.

В мае сам Нур ад-Дин выступил из Дамаска в поход на Банияс, который оказался в осаде. Ширкух разгромил небольшое войско, отправленное на помощь городу, и присоединился к своему господину, разбившему лагерь у стен Банияса. Вскоре им удалось захватить нижний город, но коннетабль Онфруа де Торон по-прежнему удерживал цитадель, находившуюся выше города на две мили, на крутой скале. Онфруа уже собирался сдаться, когда ему стало известно о приближении короля. Нур

ад-Дин поджег нижний город и отступил, позволив Балдуину войти в Банияс и отремонтировать его стены. Когда франки отправились на юг, двигаясь вниз по течению Иордана, Нур ад-Дин напал на них к северу от Галилейского моря и одержал выдающуюся победу. Королю с трудом удалось бежать в Сафед, а у мусульман появилась возможность вернуться к осаде Банияса. Однако уже через несколько дней, узнав о том, что Кылыч-Арслан собирается напасть на его владения, Нур ад-Дин снял осаду и спешно отправился в Алеппо.

Для того чтобы не допустить открытого столкновения, были и другие причины. В начале осени 1156 г. в Сирии произошла серия землетрясений. Значительных разрушений в Дамаске не было, но из Алеппо и Хамы поступили новости о серьезных повреждениях, в то время как в Апамее обрушилась часть укреплений. В ноябре и декабре имели место новые толчки, из-за которых пострадал город Шайзар. Следующей весной произошло еще одно землетрясение, ощущавшееся на Кипре и в прибрежных городах к северу от Триполи. В августе 1157 г. в долине Оронта имели место еще более сильные толчки.

Многие жители Хомса и Алеппо погибли. В Хаме разрушения были настолько сильными, что анналисты стали называть землетрясение в честь этого города. В Шайзаре стены цитадели обрушились именно тогда, когда в городе собрались все представители династии Мункизидов, чтобы отпраздновать обрезание маленького сына правителя, и погребли под собой хозяев и гостей праздника. Из всех представителей династии выжили только жена эмира, которую удалось спасти из обломков, и Усама, незадолго до этого уехавший из города по дипломатическим делам. Как мусульмане, так и франки были слишком заняты восстановлением разрушенных и поврежденных крепостей для того, чтобы думать о проведении в обозримом будущем каких-либо более или менее масштабных военных кампаний.

В октябре 1157 г., через два месяца после возвращения от Банияса, Нур ад-Дин, находясь в Сармине, внезапно серьезно заболел. Решив, что умирает, он велел, чтобы его перевезли в балдахине в Алеппо. Оказавшись там, он составил завещание. Его брат Наср ад-Дин должен был унаследовать все его владения, а Ширкух оставался правителем Дамаска, но обязан был признать Наср ад-Дина своим сюзереном. Однако, въехав в Алеппо, чтобы вступить в наследство, последний столкнулся с противодействием со стороны наместника Ибн ад-Дайи. На улицах начались беспорядки, утихшие лишь тогда, когда к ложу эмира прибыли все представители знати Алеппо, засвидетельствовавшие, что он все еще

жив. Выяснилось, что кризис действительно миновал, и Нур ад-Дин стал постепенно выздоравливать. Однако он, очевидно, лишился части своей предприимчивости и энергичности. Нур ад-Дин больше не был непобедимым воином. В Сирии вот-вот должен был появиться другой человек, способный сыграть главную роль в драме, которой вскоре суждено было развернуться.

Глава 3. Возвращение императора

Ибо царь северный возвратится и выставит войско больше прежнего, и через несколько лет быстро придет с огромным войском и большим богатством.

Книга пророка Даниила, 11: 13

В 1153 г., когда внимание Нур ад-Дина было приковано к Дамаску, а король Балдуин вместе со своим войском осаждал Аскалон, княгиня Антиохии наконец определилась со своим будущим. В числе рыцарей, сопровождавших короля Франции Людовика во время Второго крестового похода, был младший сын Жоффруа, графа Жиана и сеньора Шатильона-на-Луане. У Рено де Шатильона на родине не было никаких особых перспектив, поэтому, когда крестоносцы вернулись домой, он предпочел остаться в Палестине. Там он служил юному королю Балдуину, которого в 1151 г. сопровождал во время поездки в Антиохию. Вскоре овдовевшая княгиня обратила на него внимание. Он, очевидно, остался в ее княжестве, где у него, несомненно, имелся небольшой феодал. Вероятно, именно его присутствие вынуждало Констанцию отказывать кандидатам, предложенным королем и императором.

Весной 1153 г. княгиня решила, что выйдет за него замуж. Но перед тем как объявить о своем намерении, Констанция попросила короля, считавшегося защитником ее государства и сюзереном ее жениха, дать разрешение на этот брак. Рено спешно отправился в Аскалон, у стен которого Балдуин только разбил лагерь, и передал ему послание Констанции. Король, считавший Рено храбрым воином и обрадованный тем, что больше ему не придется беспокоиться из-за судьбы Антиохии, не стал противодействовать этому союзу. Брак был заключен сразу же, как только Рено вернулся в Антиохию, и вскоре он стал князем. Союз Констанции и Рено не получил поддержку со стороны населения княжества. Не только представители знатнейших семейств Антиохии, но и более бедные подданные княгини считали, что, связавшись с этим выскочкой, она унизила себя.

Констанции следовало бы испросить разрешение на брак у византийского императора Мануила. Новость о том, что княгиня Антиохии вышла замуж, в Константинополе восприняли с негодованием. Однако сам

Мануил тогда руководил военным походом против сельджуков и не мог давать волю своей ярости. Не забывая о своих правах, он отправил в Антиохию гонца, который должен был узнать у нового князя, будет ли тот сражаться вместе с императором против армянина Тороса. Кроме того, Мануил пообещал, что если Рено все сделает правильно, то получит денежное вознаграждение. Тот с радостью согласился, понимая, что с помощью императора сможет усилить свое влияние. К тому же армяне вторглись в окрестности Александретты, которую франки считали частью Антиохийского княжества. В результате непродолжительного боя, состоявшегося под Александреттой, Рено вытеснил армян обратно в Киликию, а отвоеванные земли передал ордену тамплиеров. Рыцари заняли Александретту, а для того, чтобы обезопасить подъезды к ней, восстановили замки Гастун и Баграс, командовавшие Сирийскими воротами. Рено уже решил, что будет сотрудничать с тамплиерами, и завел в их среде себе друзей, отношения с которыми вскоре станут фатальными для Иерусалима.

Обезопасив таким образом территорию, которая была ему необходима, он потребовал от императора обещанных денег. Однако тот отказался платить, сославшись на то, что основную задачу еще предстоит решить. Тогда Рено сменил политический курс. Получив поддержку от тамплиеров, он заключил мирный договор с Торосом и его братьями и решил, что, пока армяне будут атаковать немногочисленные оставшиеся в Киликии византийские крепости, сам он возглавит поход против Кипра, острова, славившегося своим богатством. Однако для этого князю не доставало денег.

Антиохийский патриарх Альмерик был человеком очень богатым. К тому же он прямо заявлял, что не одобряет выбор, сделанный Констанцией. Рено решил наказать его и одновременно извлечь из этого выгоду. Жители Антиохии уважали Альмерика, проявившего в весьма напряженное время, последовавшее за смертью Раймунда, немалую храбрость и энергичность. Однако его репутации вредили неграмотность и слабые моральные устои, что ослабляло его позиции. Рено потребовал, чтобы патриарх дал ему денег, а когда тот отказался, вышел из себя и бросил Альмерика в темницу. Там прелата сильно избили по голове. Затем его раны смазали медом, после чего на целый день (а на дворе стояло лето) оставили прикованным на крыше цитадели под палящим солнцем, и Альмерик стал целью для всех насекомых, оказавшихся неподалеку.

Рено сумел добиться своей цели. Несчастный патриарх предпочел заплатить — лишь бы не подвергнуться подобной пытке снова. Тем

временем о случившемся узнали в Иерусалиме. Король Балдуин пришел в ужас и тотчас же отправил в Антиохию своего канцлера Рауля и епископа Акры, которые должны были настаивать на немедленном освобождении патриарха. Рено, уже успевший получить деньги, отпустил его, и Альмерик в сопровождении своих спасителей отправился в Иерусалим, где его со всеми почестями встретили король, королева Мелисенда и иерусалимский патриарх. Возвращаться в Антиохию Альмерик отказался.

Случившееся с патриархом шокировало респектабельных франков, но Рено не растерялся. Теперь он мог напасть на Кипр. Весной 1156 г. вместе с Торосом он внезапно высадился на острове. Войны и вторжения, разрывавшие Ближний Восток на протяжении столетия, не затронули Кипр. Под властью византийских наместников жители острова процветали. За половину столетия до этого поставки продовольствия с Кипра оченьгодились участникам Первого крестового похода, страдавшим от голода в Антиохии. Кроме того, если не считать периодически возникавших административных споров, между франками и византийскими властями острова сложились весьма теплые отношения.

Едва услышав о задуманном Рено, король Балдуин отправил на остров гонца, который должен был предупредить наместника о готовящемся походе. Однако было уже слишком поздно — подкрепление из Иерусалима не могло прибыть на Кипр вовремя. Наместником тогда был племянник императора Иоанн Комнин, вместе с которым на острове находился выдающийся византийский полководец Михаил Бранас. Когда стало известно о высадке франков, Бранас вместе с ополченцами спешно отправился на побережье и одержал незначительную победу. Однако захватчиков было слишком много. Вскоре они сумели одолеть его войско, а сам Михаил Бранас попал в плен. Прибывший к нему на помощь Иоанн Комнин также оказался в плену.

Одержавшие победу франки и армяне перемещались по острову, грабя и разоряя каждое встречавшееся им на пути здание, независимо от того, что оно собой представляло — церковь, монастырь, лавку или жилой дом. Весь урожай был сожжен, а скот вместе со всем населением острова согнан на побережье. Женщин изнасиловали, а детям и старикам, которые не могли быстро двигаться, перерезали горло. Убийства и насилие достигли такого масштаба, которому позавидовали бы сами монгольские ханы. Этот кошмар продолжался в течение примерно трех недель.

Затем, услышав о приближении императорского флота, Рено приказал своим людям покинуть остров. На корабли погрузили богатую добычу. Животных, не уместившихся на кораблях, продали по завышенной в

несколько раз стоимости их законным владельцам. Каждый житель Кипра был вынужден платить за себя выкуп, но для этого на острове не хватило денег. Тогда Бранаса вместе с наиболее высокопоставленными священнослужителями, крепкими хозяевами и самыми богатыми купцами, а также с их семьями увезли в Антиохию, где они должны были оставаться в темнице до тех пор, пока не доставят деньги. Некоторым представителям кипрской верхушки повезло еще меньше — их изувечили и, выставив на посмешище, отправили в Константинополь. Остров Кипр так и не сумел восстановиться после того, как был razорен французами и их армянскими союзниками. Ситуацию еще больше ухудшило землетрясение, имевшее место в 1157 г. и причинившее острову особенно серьезный ущерб. В 1158 г. египтяне, флот которых на протяжении многих десятилетий не рисковал заходить в принадлежавшие Кипру воды, совершили несколько набегов на беззащитный остров. При этом, возможно, они не получили официального разрешения на данные походы от халифа, так как среди тех, кто был захвачен в плен, оказался брат наместника, которого встретили в Каире со всеми возможными почестями и тотчас же отправили обратно в Константинополь.

В 1157 г. в Палестину вместе с группой рыцарей вернулся граф Фландрии Тьерри. Осенью того же года Балдуин III решил воспользоваться этим, а также болезнью Нур ад-Дина, чтобы вернуть франкам положение, которое они прежде занимали в среднем течении Оронта. Рено убедили в необходимости присоединиться к королевской армии, собиравшейся напасть на Шайзар. После ужасного землетрясения, произошедшего в августе, цитадель этого города перешла в руки шайки ассасинов-авантюристов. Войско христиан подошло к Шайзару в конце года. Франкам сразу же удалось занять нижний город, и те, кто засел в разрушенной цитадели, уже готовы были сдаться, когда между осаждавшими разгорелся конфликт.

Король Балдуин обещал отдать Тьерри Шайзар и принадлежавшие ему территории, которые должны были стать центром нового княжества, которое окажется под властью человека, связанного с королем вассальной клятвой. Однако Рено заявил, что Мункизиды были данниками Антиохии, а значит, Тьерри должен принести вассальную клятву ему. Граф считал неприемлемым совершать оммаж перед человеком столь низкого происхождения. Для того чтобы разрешить этот спор, король был вынужден покинуть территорию Шайзара. Войско двинулось на север, где король планировал занять развалины Апаimei, а затем осадил Харим. В том, что эта территория принадлежит Антиохии, не было никаких

сомнений, но из-за ее важной стратегической роли Балдуин и Тьерри были готовы помочь Рено вернуть ее. В феврале 1158 г. после массированного обстрела из баллист город сдался, и чуть позже его передали одному из рыцарей Тьерри — Рено де Сен-Валери, ставшему вассалом князя Антиохии.

Королю не нравилось поведение князя Антиохии, и он решил изменить политический курс. Балдуин знал, что между Рено и императором, не желавшим прощать ему нападение на Кипр, сложились далеко не самые теплые отношения, а византийское войско по-прежнему остается наиболее внушительной из всех христианских армий. Летом 1157 г. король отправил в Константинополь послов, которые должны были попросить императора выдать замуж за него одну из своих родственниц. Посольство возглавили архиепископ Назарета Ашар, умерший во время поездки, и сеньор Торона Онфруа II. Император Мануил встретил их довольно тепло. После непродолжительных переговоров он предложил в качестве невесты свою племянницу Феодору. В качестве приданого ей полагалось 100 000 золотых иперпиров, другие 10 000 монет Мануил был готов потратить на свадьбу. Кроме того, он согласился предоставить подарки стоимостью еще в 30 000 иперпиров. Взамен в качестве свадебного подарка девушка получала Акру и принадлежавшие этому городу территории, которые должны были достаться ей, если ее муж умрет, не успев обзавестись наследником.

Когда послы вернулись в Иерусалим и Балдуин согласился с предложенными условиями, невеста выехала из Константинополя. В Акру она прибыла в сентябре 1158 г., а оттуда торжественно двинулась в Иерусалим. Когда Феодора приехала в город, антиохийский патриарх Альмерик обвенчал ее с королем. (Римский папа еще не успел подтвердить полномочия избранного патриарха Иерусалима.) Девушке исполнилось всего 13 лет, но она уже была высокой, стройной и очень привлекательной. Увидев свою невесту, Балдуин был восхищен и стал ей верным мужем, забросив развлечения, которым любил предаваться, будучи холостяком.

Очевидно, что в ходе переговоров Мануил пообещал присоединиться к союзу против Нур ад-Дина, а Балдуин согласился с тем, что с Рено следует сбить спесь. Тем временем король отправился в поход на границу Дамаска. В марте 1158 г. вместе с графом Фландрии он совершил внезапный марш-бросок на сам Дамаск, а 1 апреля осадил располагавшийся в его пригороде замок Дарейя. Однако выздоровевший Нур ад-Дин уже двигался на юг, чтобы положить конец интригам, которые стали активно плестись во время его болезни. В Дамаск, к великой радости жителей города, он прибыл 7

апреля, и Балдуин посчитал, что разумнее всего будет отступить.

Затем Нур ад-Дин нанес контрудар. Пока его военачальник Ширкух грабил территорию Сидона, сам он напал на замок Хабис-Джалдак, построенный франками как аванпост на юго-востоке от Галилейского моря, на берегу реки Ярмук. Гарнизон подвергся такой серьезной атаке, что вскоре солдаты согласились сдаться, если в течение десяти дней к ним никто не прибудет на помощь. Вследствие этого Балдуин вместе с графом Тьерри отправился спасать замок, но вместо того, чтобы двинуться прямо к нему, выбрал дорогу, которая проходила к северу от озера и вела к Дамаску. Уловка сработала. Нур ад-Дин испугался, что может лишиться путей сообщения, и снял осаду.

Две армии встретились неподалеку от деревни Бутайха, расположенной к востоку от долины в верхнем течении реки Иордан. Едва увидев мусульман, франки атаковали их, подумав, будто перед ними всего лишь разведывательный отряд. Однако, услышав радостное ржание мула, подаренного королем шейху, который, как франки знали, должен был находиться вместе с Нур ад-Дином, и узнавшего в одном из коней христиан своего старого приятеля, они поняли, что столкнулись с войском мусульман в полном составе. Но их атака оказалась настолько стремительной, что ряды приверженцев ислама дрогнули. Нур ад-Дина, здоровье которого еще не восстановилось полностью, уговорили покинуть поле боя, и, как только он уехал, его войско развернулось и стало отступать, смешав строй. Победы франков оказалось достаточно для того, чтобы Нур ад-Дин стал просить их о заключении перемирия. В итоге на протяжении нескольких лет на сиропалестинской границе не происходило серьезных вооруженных столкновений. Теперь и Балдуин, и Нур ад-Дин могли переключить свое внимание на север.

Осенью 1158 г. император во главе многочисленного войска выступил из Константинополя и направился в Киликию. Пока основная часть армии медленно двигалась по сложной для всех, кто по ней перемещался, прибрежной дороге, которая вела на восток, сам Мануил вместе со всего лишь 500 всадниками спешно ринулся вперед. Приготовления он сумел держать в настолько строгом секрете, а сам он и его конница двигались настолько быстро, что никто в Киликии не успел узнать о приближении византийцев. Ничего не подозревавший армянский князь Торос находился в Тарсе, когда однажды в конце октября в его дворец ворвался паломник-католик, которого он незадолго до этого развлекал, сообщивший князю, что видел всего в нескольких днях пути от города византийских солдат. Торос созвал своих родственников и ближайших друзей, опустошил

сокровищницу и бежал в горы.

На следующий день Мануил вышел на Киликийскую равнину. Пока его зять Феодор Ватац занимал Тарс, император стремительно двигался вперед и за две недели сумел овладеть всеми киликийскими городами вплоть до Аназарба. Однако сам Торос все еще ускользал от него. Пока византийские солдаты рыскали по долинам, он перебегал с вершины одной горы на вершину другой и в конце концов укрылся на утесе Даджиг, находившемся неподалеку от истока Кидна. Там располагались руины, остававшиеся заброшенными на протяжении жизни нескольких поколений. О том, где укрывается князь, знали лишь двое его самых доверенных слуг.

Узнав о приближении императора, Рено пришел в ужас. Он понимал, что не в силах противостоять многочисленной византийской армии, и это спасло его, так как, немедленно покорившись императору, князь сумел добиться для себя гораздо более выгодных условий, чем те, на которые ему пришлось бы пойти в случае, если бы он потерпел поражение в битве. Епископ Латакии Жерар, самый прозорливый из его советников, обратил внимание Рено на то, что императором движет стремление усилить свой авторитет, а не жажда завоеваний. Таким образом, князь поспешил отправить к Мануилу гонца, который должен был доставить ему предложение Рено о передаче цитадели Антиохии византийскому гарнизону. Когда император сказал посланнику, что этого недостаточно, князь, одевшись как кающийся грешник, сам поспешил в лагерь византийцев, разбитый у стен Мамистры.

К императору своих послов, которые должны были поприветствовать его, отправили все правители соседних государств — Нур ад-Дин, Данишмендиды, грузинский царь и даже сам халиф. Мануил вынудил Рено дожидаться аудиенции. Очевидно, примерно тогда же император получил сообщение от изгнанного патриарха Альмерика, в котором тот просил, чтобы Рено привели к нему в цепях и низложили. Однако Мануил предпочел сделать так, чтобы антиохийский князь покорился ему и попал в зависимость от него.

Во время собрания, устроенного императором и весьма пышно обставленного (в частности, Мануил сидел на настоящем троне, а подходы к палатке охраняли отборные солдаты), вокруг него собрались его придворные и иноземные послы, и Рено принес императору клятву верности. Он, как и все члены его свиты, пересек город и вошел в византийский лагерь босиком и с непокрытой головой. Затем он пал ниц перед палаткой императора, распростершись в пыли, а все его люди подняли руки в мольбе. Прежде чем Мануил сообразовал заметить его,

прошло довольно много времени. Затем император согласился простить Рено, но для этого последний должен был выполнить три условия: по первому требованию сдать цитадель Антиохии византийскому гарнизону; предоставить солдат для войска империи; заменить латинского антиохийского патриарха греческим. Рено поклялся, что выполнит эти условия, после чего его отпустили и отправили обратно в Антиохию.

Узнав о приближении императора, король Балдуин, его брат Амори и патриарх Альмарик спешно покинули юг. В Антиохию они прибыли вскоре после возвращения Рено. Балдуин был несколько разочарован, когда услышал о том, что князь Антиохии получил прощение, и тотчас же написал Мануилу письмо с просьбой о встрече. Император, вероятно считавший, будто Балдуин хочет сам заполучить княжество, медлил. Возможно, отчасти именно такой совет дал ему патриарх Альмерик. Однако когда король стал настаивать, Мануил согласился принять его. Балдуин выехал из Антиохии в сопровождении горожан, умолявших его помирить их с императором. Во время этой встречи Балдуину удалось добиться значительного успеха. Мануил был очарован юным королем, гостившим у него на протяжении десяти дней. Пока правители обсуждали возможность заключения союза в будущем, Балдуин сумел уговорить императора простить Тороса, подвергнутого той же унижительной процедуре, через которую ранее прошел Рено. В обмен на это армянскому князю было позволено сохранить свои владения в горах. Возможно, именно Балдуин добился того, что Мануил не стал настаивать на немедленном прибытии в Антиохию греческого патриарха. Альмерик снова занял свой престол и хотя и формально, но все же примирился с Рено. Собравшись возвращаться в Антиохию с множеством подарков, Балдуин оставил своего брата в лагере императора.

В Пасхальное воскресенье, которое пришлось на 12 апреля 1159 г., Мануил прибыл в Антиохию и торжественно въехал в город. Власти города попытались не пустить его внутрь, сославшись на якобы существующий заговор с целью его убийства, но он не дал себя запугать. Император лишь настоял на том, чтобы горожане предоставили ему заложников, а представители княжеской семьи, принимающие участие в шествии, не имели при себе оружия. При этом он надел под свое облачение кольчугу. Однако никакие неприятные инциденты так и не произошли. Византийские флаги развивались над цитаделью, а кортеж императора, пройдя по мосту, вошел в город.

Первыми двигались отборные солдаты, входившие в состав варяжской стражи. Затем ехал верхом сам император, облаченный в пурпурную

мантию и надевший на голову украшенную жемчугом корону. Рено шел пешком, держа за уздечку коня Мануила, а другие франкские сеньоры следовали за его лошастью. Следующим после императора ехал Балдуин, не надевший на голову корону и не взявший с собой оружия. За ним следовали наиболее высокопоставленные византийские чиновники. В городе, сразу за воротами, участников шествия ждал патриарх Альмерик в полном патриаршем облачении и в сопровождении всего духовенства. Он провел их по улицам, украшенным коврами и цветами, сначала к собору Святого Петра, а затем во дворец.

Мануил провел в Антиохии восемь дней, на протяжении которых одно торжество сменяло другое. Сам император хотя и казался во время различных пышных мероприятий горделивым и величественным правителем, излучал обаяние и дружелюбие, очаровавшие антиохийцев, а щедрость, с которой он раздавал подарки как представителям знати, так и простым горожанам, заставила людей радоваться еще больше. Решив сделать приятное людям, происходившим с Запада, он организовал турнир, в котором принял участие сам вместе со своими товарищами. Мануил был превосходным наездником и сражался весьма достойно, в отличие от своих военачальников, для которых езда верхом была лишь средством передвижения, а не самоцелью и которые не сумели произвести на зрителей такого же сильного впечатления, как рыцари с Запада. Дружеские отношения между императором и королем, являвшимся мужем его племянницы, становились все крепче. Когда Балдуин сломал руку на охоте, Мануил настаивал на том, что должен стать его личным лекарем. (Здесь следует вспомнить, что как врач он уже консультировал короля Германии Конрада.)

На протяжении наполненной торжествами недели авторитет императора еще больше вырос. Однако Жерар из Латакии был прав: Мануил стремился не к завоеваниям, а к тому, чтобы улучшить свою репутацию. Когда торжества подошли к концу, он вернулся к своим солдатам, лагерь которых располагался за пределами городских стен, и двинулся на восток — к границе с мусульманами. Почти сразу же к нему прибыли послы Нур ад-Дина, уполномоченные на ведение мирных переговоров. Император принял послов и вступил с ними в диалог, чем привел в ярость латинян, ожидавших, что он отправится в поход на Алеппо. Когда Нур ад-Дин предложил отпустить всех пленников-христиан, целых 6000 человек, находившихся в его темницах, и послать своих солдат в поход против турок-сельджуков, Мануил согласился отказаться от планов по завоеванию Алеппо.

Возможно, император вообще не собирался отправляться в этот поход. Крестоносцы, как и их современные почитатели, могли сколько угодно обвинять его в предательстве, но Мануил вряд ли мог сделать что-то еще. Сирия была жизненно важна для крестоносцев, но для Мануила она являлась всего лишь одной из множества приграничных территорий, причем не самой значимой. Он не мог на протяжении долгого времени оставаться в самом конце длинной и небезопасной линии коммуникаций или, какой бы выдающейся ни была его армия, подвергать ее риску причинения тяжелых потерь.

К тому же император не хотел ослабления Нур ад-Дина. Благодаря собственному печальному опыту он понимал, что франки не станут поддерживать его, если не будут испытывать страх, а значит, избавляться от основной причины, его вызывающей, глупо. Кроме того, союз с Нур ад-Дином был нужен Мануилу для того, чтобы начать войну с гораздо более опасным врагом империи — анатолийскими турками. Однако впоследствии именно благодаря помощи, оказанной императором, Нур ад-Дин не сумел захватить Египет, ибо это роковым образом сказалось бы на установившемся равновесии. Возможно, если бы он был не столь неосмотрителен, он сумел бы добиться более выгодных условий. Однако Мануил был обеспокоен новостями о готовившемся в Константинополе заговоре и о проблемах, возникших на европейской границе Византии. Таким образом, он не мог позволить себе оставаться в Сирии.

Тем не менее союз с Нур ад-Дином оказался ошибкой с точки зрения психологии. На протяжении какого-то времени франки были готовы считать императора своим предводителем, но, как и предвидели наиболее мудрые из современников тех событий, его гораздо больше интересовала судьба его империи, чем то, что произойдет с ними. Не утешило их и освобождение пленных христиан. В их числе был ряд рыцарей, таких как магистр тамплиеров Бертран де Бланшфор, но по большей части это были германцы, захваченные в плен во время Второго крестового похода. К тому же среди них находился Бертран Тулузский, претендент на престол Триполи, возвращение которого на политическую арену могло бы значительно осложнить обстановку, если бы не тот факт, что во время нахождения в плену его здоровье значительно ослабло.

После заключения договора император вместе со своим войском отступил на запад, поначалу двигаясь медленно, а затем, когда Мануил услышал тревожные новости из столицы, ускорившись. Некоторые из сторонников Нур ад-Дина вопреки желанию своего господина пытались докучать византийцам, а когда, решив сберечь время, они стали срезать

путь через территорию, принадлежавшую сельджукам, последовал ряд стычек с войсками султана.

Однако в конце лета византийская армия, сумев избежать какого-либо урона, прибыла в Константинополь. Примерно через три месяца Мануил снова вернулся в Азию, направляясь в поход против сельджуков, во время которого он собирался применить новые, более мобильные тактические приемы. Тем временем его послы пытались создать союз, направленный против сельджукского султана Кылыч-Арслана II.

Нур ад-Дин, который, узнав об уходе Мануила, испытал глубочайшее облегчение, проник, выйдя с земель в среднем течении Евфрата, на территорию, принадлежавшую сельджукам. Представитель династии Данишмендидов Якуб Арслан атаковал с северо-востока, причем сумел добиться того, что султан был вынужден отдать ему земли вокруг Альбистана, что в горах Антитавра. Тем временем византийский полководец Иоанн Констостефан, собрав дань, которую в соответствии с условиями договора должны были предоставить ему Рено и Торос, и захватив с собой отряд печенегов, оставленных Мануилом в Киликии, двигался по перевалам в горах Тавра. В свою очередь, Мануил, вместе с византийской армией, получив подкрепление от правителя Сербии и завербовав часть католических паломников, корабли которых, достигнув Родоса, повернули обратно, двигался вверх по долине реки Меандр.

Султану пришлось разделить свое войско. Когда Констостефан одержал сокрушительную победу над турками, которые должны были противостоять ему, Кылыч-Арслан решил прекратить сопротивление. Он написал императору письмо, где в обмен на мир обещал вернуть Византии все греческие города, занятые мусульманами за несколько предшествовавших этому лет, следить за тем, чтобы границы не нарушались, а количество набегов уменьшилось, и направить в византийскую армию отряд турок, который должен был сражаться за императора везде, где это будет необходимо. Мануил согласился на эти условия, но в качестве туза в рукаве оставил мятежного брата султана Шахиншаха, прибывшего в Константинополь в поисках защиты. Для того чтобы утвердить договор, Кылыч-Арслан отправил в столицу Византии своего канцлера — христианина Кристофера, который должен был договориться об официальном визите султана ко двору императора.

Военные действия прекратились летом 1161 г., а следующей весной Кылыч-Арслана встречали в Константинополе. Его принимали с большой помпой, воздавали всевозможные почести и осыпали подарками. Однако в то же время византийцы всеми силами подчеркивали, что он всего лишь

вассал императора. Новость о том, что султан посетил Византию, произвела сильное впечатление на всех правителей государств, расположенных на Востоке.

В целом судить о восточной политике Мануила нам следует именно в этом ключе. Он сумел значительно поднять свой авторитет, что было столь важно для него, и, по крайней мере на время, усмирил сельджуков, представлявших наибольшую угрозу для Византии. Благодаря этому успеху императора франки получили ряд преимуществ. Нур ад-Дин не был побежден, но испытывал страх и теперь не был готов к нападению на христианские государства. В то же время благодаря заключенному с сельджуками миру снова стал доступен путь по суше, по которому передвигались паломники с Запада. Это, в свою очередь, способствовало увеличению их числа, и то, что на Восток не прибыло больше людей, было обусловлено политикой европейских правителей, войнами между Гогенштауфеном и сторонниками папы в Германии и Италии, а также Капетингами и Плантагенетами во Франции. Однако, несмотря на то что на протяжении последующих 20 лет Византия пользовалась наибольшим влиянием на севере Сирии, среди франков было совсем немного людей, искренне питавших теплые чувства по отношению к ее жителям.

События, произошедшие в 1160 г., показали сущность и важность византийского сюзеренитета над Антиохией. Король Балдуин вернулся на юг и организовал несколько незначительных походов на территорию, принадлежавшую Дамаску, воспользовавшись тем, что Нур ад-Дин был занят делами на севере. Во время одного из них он узнал, что Нур ад-Дин захватил Рено в плен. В ноябре 1160 г. князь решил извлечь выгоду из ежегодного перегона скота с гор Антитавра на равнину у берегов Евфрата и совершить набег на долину реки. На обратном пути, когда его продвижение было замедлено многочисленными стадами захваченных им скота, верблюдов и лошадей, он попал в засаду, устроенную Мадж ад-Дином, наместником Алеппо и молочным братом Нур ад-Дина. Рено храбро сражался, но у него было слишком мало солдат. В итоге его самого стащили с лошади и захватили в плен. Князя Антиохии, как и его товарищей, связали, посадили на верблюда и отправили в Алеппо, где бросили в тюрьму, в которой он оставался на протяжении последующих 16 лет. Ни император, ни король Иерусалима, ни даже жители Антиохии не пытались выкупить его. В темнице Рено встретился с юным Жосленом де Куртене, номинальным графом Эдессы, захваченным в плен во время набега за несколько месяцев до этого.

Из-за пленения Рено Антиохия, которой он управлял как муж княгини

Констанции, осталась без правителя. Теперь она стала заявлять, что власть должна быть возвращена ей. Однако горожане поддерживали ее сына от первого брака Боэмунда, прозванного Заикой, которому, правда, было всего 15 лет. В княжестве сложилась ситуация, похожая на имевшее место за несколько лет до этого в Иерусалиме противостояние между королевой Мелисендой и королем Балуином III. Непосредственной угрозы для Антиохии она не представляла, так как Нур ад-Дин, опасавшийся императора Мануила, не стал бы нападать на сам город. Однако систему управления княжеством следовало восстановить.

Строго говоря, решать данный вопрос должен был император, как признанный сюзерен Антиохии. Но Мануил был далеко, да и антиохийцы не были готовы безоговорочно принять его. Норманнские князья Антиохии считали себя независимыми правителями, но из-за того, что их наследники зачастую не успевали достигнуть совершеннолетия до того, как возникала необходимость в их вступлении в права, королям Иерусалима приходилось вмешиваться, действуя скорее как родственники, чем в качестве сюзеренов. Правда, многие антиохийцы уже считали короля своим сюзереном, и вряд ли Мануила так легко признали бы, если бы Балдуин не присутствовал во время его въезда в город и не одобрил бы соглашение, заключенное между князем и императором. Теперь же жители Антиохии ждали решения от Балдуина, а не от Мануила. Получив от них приглашение, он прибыл в город и объявил законным князем Боэмунда III, а управлять государством до того, как юноша достигнет совершеннолетия, должен был патриарх Альмерик. Это решение не понравилось Констанции, а то, как оно было принято, вызвало недовольство Мануила. Княгиня тотчас же обратилась с жалобой к императору.

Примерно в конце 1159 г. умерла императрица Ирина, урожденная Берта Зульцбахская, родившая Мануилу только одну дочь. В 1160 г. в Иерусалим прибыло посольство во главе с Иоанном Контостефаном, которого сопровождал главный придворный переводчик итальянец Феофилакт. Послы попросили, чтобы король выбрал одну из своих родственниц на роль невесты для овдовевшего императора. На руку Мануила претендовали две девушки: Мария, дочь антиохийской княгини Констанции, и Мелисенда, дочь графа Триполи Раймунда II. Обе они приходились Балдуину двоюродными сестрами и славились своей красотой. Король, который не хотел, чтобы император породнился с антиохийскими князьями, предложил Мелисенду.

Послы отправились в Триполи, чтобы посмотреть на девушку, которую все франки, жившие на Востоке, уже считали будущей императрицей, и

рассказать о ней Мануилу. Гордый граф Триполи Раймунд пообещал дать за сестру богатое приданое, на которое он потратил крупные суммы. Мать девушки Годиерна и тетка Мелисенда осыпали ее подарками. В Триполи стали прибывать рыцари из всех франкских государств в надежде, что их пригласят на свадьбу. Но из Константинополя все не поступало согласие Мануила на брак с Мелисендой. Послы отправили императору восхищенные и подробные отзывы о девушке, но не могли не пересказать слухи, ходившие о ее происхождении, причиной которых стала всем известная ссора между ее родителями. Очевидно, что на самом деле сомнений в происхождении Мелисенды не было, но слухи, возможно, заставили императора замешкаться. Затем он узнал о вмешательстве Балдуина в дела Антиохии и жалобе Констанции. В начале лета 1161 г. уставший ждать Раймунд отправил в Константинополь Отто Рисберга, одного из своих рыцарей, который должен был узнать, что происходит. Примерно в августе Отто вернулся в Триполи и сообщил, что император отказался от помолвки.

Мелисенда, не выдержав унижения, стала чахнуть и вскоре умерла. Ее брат Раймунд пришел в ярость. Он потребовал, чтобы ему вернули деньги, потраченные на приданое, а получив отказ, переоборудовал двенадцать галер, которые должны были перевезти девушку в Константинополь, превратив их в военные суда, и отправил их разорять побережье Кипра.

Король Балдуин, ждавший новостей вместе со своими двоюродными братьями, был серьезно обеспокоен, особенно после того, как узнал, что византийские послы получили приказ отправиться в Антиохию. Он спешно поехал за ними и, оказавшись в Антиохии, встретил пышное посольство от императора во главе с сыном Анны Комнины Алексеем Вриеннием Комнином и градоначальником Константинополя Иоанном Каматиром. Они уже успели договориться о заключении брака между их повелителем и антиохийской княжной Марией, и одного их присутствия было достаточно для того, чтобы Констанция стала считаться легитимной правительницей княжества. Балдуину пришлось смириться со сложившейся ситуацией. Мария, девушка еще более красивая, чем ее двоюродная сестра Мелисенда, отплыла в сентябре из Святого Симеона, исполненная гордости из-за того, что вскоре станет императрицей, и, к счастью, ничего не зная о том, какая ужасная судьба ее ждет. В декабре она вышла замуж за императора. Венчали их в соборе Святой Софии в Константинополе три патриарха — константинопольский патриарх Лука, александрийский патриарх Софроний и номинальный патриарх Антиохии Афанасий II.

Балдуин понимал, насколько ценным для него является союз с

Византией. Однако действия на христианском севере сумели принести Мануилу больший, чем хотелось бы королю, успех, в то же время оказавшись не столь эффективными в том, что касалось борьбы с Нур ад-Дином, хотя благодаря им на протяжении двух последующих лет мусульмане вели себя довольно тихо. Не сумев добиться заключения брака между императором и той девушкой, которая была ему выгодна, и потерпев таким образом дипломатическое поражение, Балдуин вернулся в свое королевство.

С тех пор как мать короля отошла от власти, государственный административный аппарат в Иерусалиме работал как часы. Она снова появилась на политической арене в 1157 г., когда Балдуин находился в военном походе, чтобы возглавить регентский совет. К тому же Мелисенда оставалась покровительницей церкви. Когда в ноябре 1157 г. умер патриарх Фульхерий, она сделала так, чтобы его место занял Амальрик Несль, простой священнослужитель, хорошо образованный, но неискушенный и непрактичный. Против его возведения на престол возражали архиепископ Кесарии Эрне и епископ Вифлеема Рауль, и Амальрик был вынужден отправить в Рим епископа Акры Фредерика, чтобы заручиться поддержкой папы. Благодаря своей тактичности и, как потом поговаривали, взяткам Фредерику удалось добиться поддержки Альмарика Папской курией.

В покровительстве церкви Мелисенду поддерживала ее приемная дочь Сибилла Фландрская, отказавшаяся в 1158 г. возвращаться в Европу вместе со своим мужем Тьерри и ставшая монахиней в монастыре, основанном Мелисендой в Вифании. В сентябре 1161 г., когда Балдуин находился в Антиохии, Мелисенда умерла, и Сибилла вплоть до самой своей смерти через четыре года пользовалась тем же, что и покойная королева, влиянием в правящей семье и в рамках церкви.

Король, проезжавший через Триполи, внезапно заболел. Граф Триполи послал к нему своего личного врача сирийца Барака, но королю становилось все хуже. Он перебрался в Бейрут, где умер 10 февраля 1162 г. Балдуин был высоким, хорошо сложенным мужчиной, цветущий вид и густая светлая борода которого свидетельствовали об отменном здоровье и мужественности, и все, кто когда-либо видел короля или хотя бы что-то слышал о нем, были уверены, что Барак отравил его своими снадобьями. Скончался Балдуин на тридцать третьем году жизни. Если бы он прожил дольше, то смог бы стать великим королем, ибо был энергичным дальновидным правителем и обладал личным обаянием, которому невозможно было противостоять. Балдуин был человеком прекрасно образованным, хорошо разбиравшимся в истории и праве. Подданные

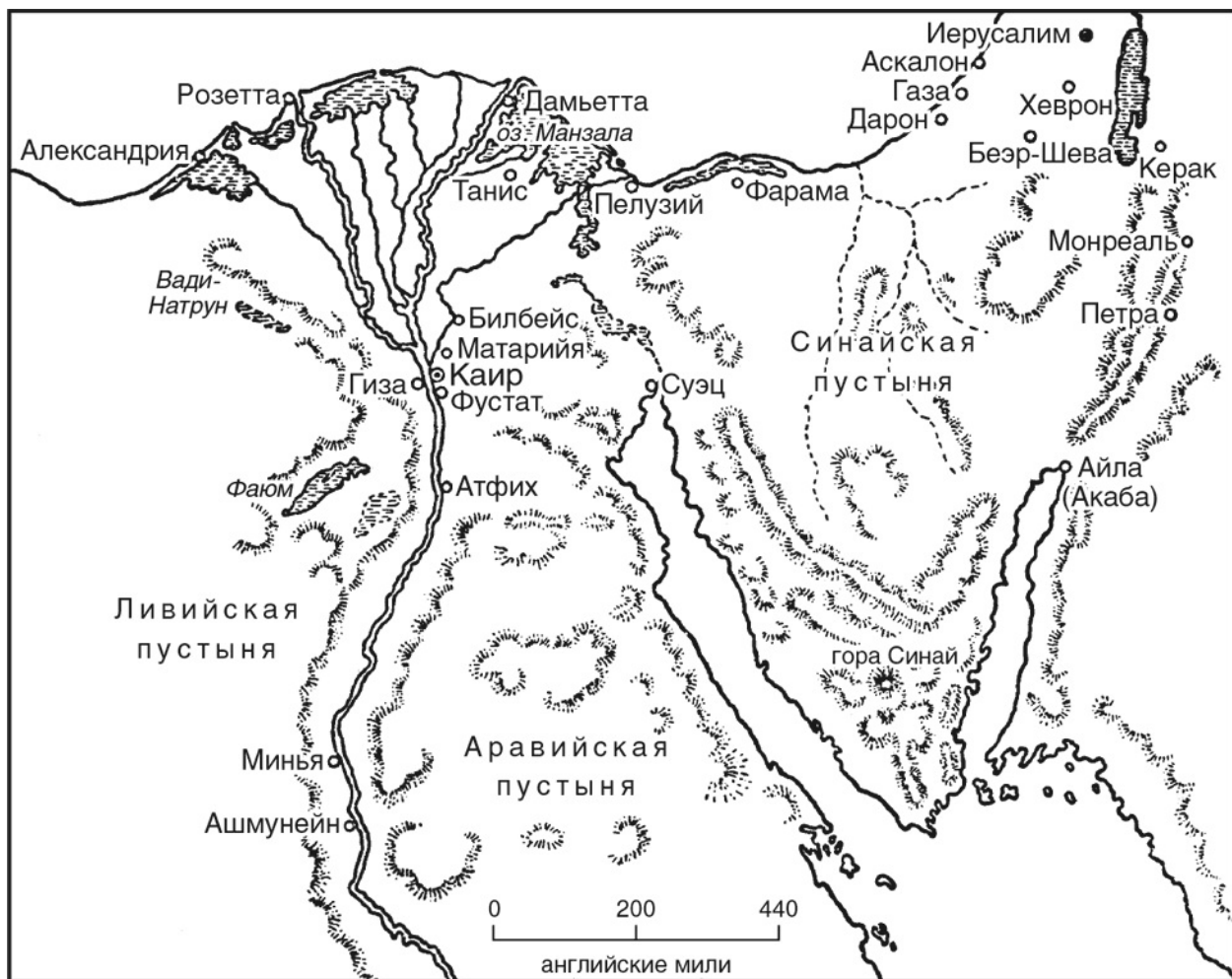
горько оплакивали его кончину, и даже крестьяне, исповедовавшие ислам, спускались с холмов, чтобы отдать дань уважения его телу, которое люди короля медленно везли в Иерусалим. Некоторые друзья Нур ад-Дина нашептывали ему, что наконец настал наиболее подходящий момент для нападения на христиан. Однако незадолго до этого он вернулся из паломничества в Мекку, которое долго откладывал, и не желал беспокоить людей, оплакивавших кончину столь выдающегося правителя.

Глава 4. Притягательная сила Египта

Нет, мы пойдем в землю Египетскую...

Книга пророка Иеремии, 42: 14

Король Балдуин III умер бездетным. Королеве-гречанке Феодоре исполнилось лишь шестнадцать, когда она стала вдовой. Наследником короля считался его брат Амори, граф Яффы и Аскалона. Спустя семь дней после кончины Балдуина Амори был коронован своим тезкой иерусалимским патриархом Амальриком Неслем^[12]. Однако с престолонаследием возникли некоторые проблемы. Бароны не желали расставаться с правом выбора, даже несмотря на отсутствие других подходящих кандидатов. У их обеспокоенности была вполне законная причина. Несколькими годами ранее Амори женился на Агнес де Куртене, дочери графа Эдессы Жослена II, приходившейся ему четвероюродной сестрой, а подобная степень родства признавалась католической церковью препятствием для заключения брака. Поэтому патриарх отказался признавать эту женитьбу законной. Существовали и другие причины для недовольства Агнес со стороны знати. Она была значительно старше Амори. Ее первый супруг сеньор Мараша Рено был убит в 1149 г., когда Амори исполнилось всего лишь тринадцать, и репутация Агнес считалась далеко не безукоризненной. Патриарх и бароны потребовали аннулировать брак. Амори был вынужден согласиться, однако настоял на признании Балдуина и Сибиллы, детей, рожденных в этом союзе, законными и сохранении за ними права наследования.

Египет в XII в.

Теперь Амори было двадцать пять. Он был таким же высоким и красивым, как и его брат, и обладал такой же густой белокурой бородой, правда, некоторые критически настроенные средневековые авторы считали его грудь слишком полной. Амори не мог похвастаться такой же ученостью, хотя и был сведущ в законах. И если его брат любил поговорить, новый король немного заикался и был молчалив, при этом оказался подвержен приступам громкого смеха, которые несколько подрывали его королевское достоинство.

Амори никогда не пользовался той же популярностью, что и Балдуин; ему явно не доставало очарования и открытой манеры поведения последнего. Да и личная жизнь Амори была далеко не столь похвальной.

Его качества как правителя проявились спустя всего лишь несколько месяцев после восшествия на престол, когда Жерар, сеньор Сидона и Бофора, изгнал одного из своих вассалов без должной причины и тот

пожаловался к королю. Амори добился того, чтобы дело этого вассала было заслушано Высокой курией. Вскоре король настоял на издании ассизы, основанной на аналогичных прецедентах, согласно которой вассалам дозволялось жаловаться на своих сеньоров в Высокую курию. Если же сеньор отказывался предстать перед курией, дело рассматривалось в отсутствие ответчика и вассалу возвращались его владения. Этот закон, позволявший вассалам главных владельцев ленов вступать в непосредственные отношения с королем, перед которым они обязались совершать оммаж, давал мощный рычаг управления сильному королю, обладающему влиянием на Высокую курию. Однако сама Высокая курия состояла из представителей именно того сословия, против которого был направлен этот закон. Если же король был слаб, ассизу вполне можно было повернуть против него, применяя ее к владельцам ленов королевского домена. Вслед за этой ассизой были изданы другие, регулирующие взаимоотношения короля со своими вассалами.

Когда Амори удалось упрочить свое положение, установив твердую власть в самом Иерусалимском королевстве, он занялся внешней политикой. Он был готов отдать византийцам расположенную на севере Антиохию. Примерно в конце 1162 г. в Киликии произошли волнения, последовавшие за убийством Степана, брата Тороса, направлявшегося на пир, устроенный византийским наместником Андроником. Торос, имевший собственные причины желать устранения Стефана, обвинил Андроника в пособничестве убийству и устремился на Мамистру, Аназарб и Вахку, застав врасплох и перебив греческий гарнизон. Амори поспешил предложить свою помощь византийскому императору, который заменил Андроника умелым военачальником венгерского происхождения Константином Коломаном. Коломан прибыл в Киликию с подкреплением, и Торос был вынужден с извинениями удалиться обратно в горы.

Боэмунду Антиохийскому к тому времени исполнилось 18 лет. Иными словами, он достиг возраста, позволяющего ему занять престол. Констанция, не желавшая уступать власть, обратилась за военной помощью к Коломану. Слухи о ее просьбе привели к народным волнениям в Антиохии. В итоге Констанция была изгнана, а Боэмунд III занял вместо нее княжеский престол. Вскоре после этого она умерла. Византийский император не выразил никаких возражений против смены правителя, возможно, потому, что Амори заверил его, что союзеренитет Византии не пострадает. Однако в качестве гарантии Мануил все-таки пригласил второго сына Констанции Балдуина, а позднее и ее детей от брака с Рено де Шатильоном в Константинополь. Балдуин вступил в императорскую армию

и погиб в сражении. Между тем, открыто поддерживая Византию, Амори написал письмо французскому королю Людовику VII с просьбой о помощи латинянам Сирии.

Благосклонность Византии была необходима Амори для реализации своей самой амбициозной внешнеполитической цели — контроля над Египтом. Ведь само существование католических государств зависело, как иерусалимский король прекрасно понимал, от сохранения разногласий между их мусульманскими соседями. Мусульманская Сирия теперь была объединена, однако, поскольку египтяне враждовали с Нур ад-Дином, ситуация казалась небезнадежной. К тому же Фатимидский халифат пребывал в состоянии такого упадка, что его скорая кончина представлялась неминуемой. И было жизненно важным, чтобы ослабленный и раздробленный халифат не попал в руки Нур ад-Дина.

После потери Аскалона при дворе халифа разрастался хаос. Визирь Аббас всего лишь на год пережил катастрофу. Его сын Наср сделался фаворитом молодого халифа аз-Зафира, что вскоре дало почву многочисленным скандальным слухам. Аббаса возмутил не столько моральный аспект данной ситуации, сколько вполне справедливое предположение о том, что халиф намеревается настроить Насра против него. Все еще остававшийся при дворе Усама выяснил, что Наср действительно согласился убить Аббаса. Усама поспешил помирить Аббаса с сыном и уговорил последнего убить халифа. В результате Наср пригласил домой своего могущественного покровителя на полночное пиршество и там заколол кинжалом. Аббас заставил всех поверить, будто убийцами халифа были братья аз-Зафира. Присвоив себе сокровища халифа, он велел казнить мнимых убийц и посадил на трон Фаиза, пятилетнего сына аз-Зафира, присутствовавшего при гибели своих дядьев и ставшего подверженным эпилептическим припадкам.

Женщины из семьи халифа заподозрили правду о настоящем убийце своего повелителя и призвали ко двору наместника Верхнего Египта ибн Руззика, армянина по происхождению, в надежде, что он их спасет. Ибн Руззик подошел к Каиру и расположил к себе офицеров гарнизона. Аббас и Наср спрятали свои сокровища и, прихватив с собой Усаму, который уже начал за их спиной интриговать с ибн Руззиком, 29 мая 1154 г. спешно покинули столицу. Не успели они преодолеть Синайскую пустыню, как на них напали франки из крепости Монреаль. Усаме удалось благополучно скрыться и добраться до Дамаска. Аббас был убит, а Наср и все сокровища захвачены франками. После этого Насра передали тамплиерами, и тот сразу же объявил о своем желании принять христианство. Однако двор Каира

предложил за его голову 60 000 динаров, вследствие чего подготовка к крещению была прервана и Насра отослали в Каир в цепях. Здесь четыре вдовы убитого им халифа лично изувечили его. После этого Наср был повешен, и его тело на протяжении двух лет висело на каирских воротах Баб-Зувейла.

Ибн Руззик правил до 1161 г. В 1160 г. малолетний халиф умер, и престол занял его девятилетний двоюродный брат аль-Адид, которого в следующем году вынудили заключить брак с дочерью ибн Руззика. Однако тетке нового халифа, сестре аз-Зафира, не нравились честолюбивые амбиции визиря. Она подговорила преданных ей офицеров заколоть ибн Руззика в одном из залов дворца. Перед своей смертью в сентябре 1161 г. тот успел призвать к себе принцессу и самолично с нею расправиться. Сын ибн Руззика аль-Адиль занял пост визиря вместо отца и правил на протяжении 15 месяцев. Затем он сам был смещен с этой должности и убит верхнеегипетским наместником Шаваром, прожившим после этого всего восемь месяцев, до августа 1163 г., когда он низложен своим камергером — арабом Диргамом. Для чтобы усилить свою власть, Диргам отправлял на смерть любого, чьих амбиций он опасался, что вскоре практически оставило египетскую армию без высшего офицерского состава.

В 1160 г. Балдуин III пригрозил вторгнуться в Египет, однако тогда его удалось подкупить обещаниями ежегодной дани в размере 160 000 динаров. Деньги так никогда и не были выплачены, и в сентябре 1163 г. Амори воспользовался этим как формальным поводом для внезапного нападения на Египет. Он без особых проблем пересек Суэцкий перешеек и осадил Пелузий. Поход пришелся на период разлива Нила, поэтому, разрушив одну или две плотины, Диргам вынудил Амори отступить. Поход короля не остался незамеченным Нур ад-Дином, который воспользовался его отсутствием и напал на самое слабое из государств крестоносцев — Триполи. Вторгся в Букайю с целью осадить замок Крак, контролировавший узкую равнину.

К счастью для франков, граф Гуго де Лузиньян и Жоффруа Мартел, брат графа Ангулемского, проезжали в сопровождении вооруженного отряда через Триполи, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, и не замедлили присоединиться к графу Триполи Раймунду. Благодаря спешному обращению к князю с севера прибыл не только сам Боэмунд III, но и византийский военачальник Константин Коломан. Объединенная христианская армия прошла быстрым маршем через холмы и застала мусульман, стоявших лагерем рядом с Краком, врасплох. После короткого сражения, в котором особенно отличились Коломан и его воины, солдаты

Нур ад-Дина и он сам, нарушив строй, бежали к Хомсу. Там он реорганизовал свою армию и получил подкрепление. Христианские военачальники решили прекратить преследование.

Вскоре после этого бывший визирь Шавар, которому удалось покинуть Египет, появился при дворе Нур ад-Дина с просьбой о помощи, пообещав, что, если правитель Дамаска согласится послать армию, чтобы восстановить его власть в Каире, он оплатит все расходы на ведение военной кампании, уступит приграничные области, признает сюзеренитет Нур ад-Дина, а также ежегодно будет выплачивать дань в размере одной трети годового дохода страны. Нур ад-Дин колебался. Он боялся рисковать армией на дорогах, контролируемых франками Трансиордании.

Только в апреле 1164 г., обратившись за советом к Господу, то есть открыв Коран на случайной странице, Нур ад-Дин повелел Ширкуху, самому надежному из своих военачальников, возглавить многочисленный военный отряд и пересечь вместе с Шаваром пустыню. Сам правитель Дамаска собирался предпринять отвлекающий маневр и напасть на Банияс. С Ширкухом также отправился его племянник Саладин, сын Наджм ад-Диа Айюба, молодой человек двадцати семи лет, не особо стремившийся присоединиться к египетскому походу. Охваченный ужасом Диргам послал к Амори гонца, который должен был просить короля о помощи. Однако воины Ширкуха двигались с такой скоростью, что успели пересечь Суэцкий перешеек прежде, чем франки оказались готовы вмешаться. В результате брат Диргама с поспешно собранным небольшим войском потерпел поражение около Пелузия. К концу мая 1164 г. Шавар вновь водворился в Каире, а Диргам был убит.

Вернув себе власть, Шавар решил пересмотреть условия договора с Нур ад-Дином и велел Ширкуху отправляться обратно в Сирию. Ширкух отказался и осадил Бильбейс. Тогда Шавар обратился к королю Амори, умоляя его поспешить и предлагая 1000 динаров за каждый из 27 перегонов от Иерусалима до Нила. Он также пообещал подарки сопровождавшим короля рыцарям-госпитальерам и оплату фуража для их лошадей. Предприняв меры для защиты своего королевства, в начале августа 1164 г. Амори прошел до расположенного на берегу Нила Факуса. Там к нему присоединился Шавар, и они вместе отправились к Бильбейсу и осадили засевшего там Ширкуха.

Крепость продержалась три месяца и должна была вот-вот пасть, когда Амори, получивший неприятные известия из Сирии, решил снять осаду при условии, что Ширкух покинет Египет. Ширкух согласился, и две армии: франков и сирийцев — двинулись параллельными курсами через

Синайский полуостров, оставив Египет во власти Шавара. Ширкух пустился в путь последним. Когда он прощался с франками, один из них, недавно прибывший на Восток, спросил сирийского военачальника, не опасается ли тот предательства. Ширкух гордо заявил, что в этом случае за него отомстит вся армия. Франк галантно ответил, что теперь понимает, почему сириец обладает столь высокой репутацией среди крестоносцев.

Новости, заставившие Амори поспешить домой, пришли из Антиохии. Узнав, что король отправился в Египет, Нур ад-Дин нанес удар по северному княжеству и осадил важную крепость Харим. Вместе с ним на подступах к Хариму находились армия его брата из Мосула и войска представителей династии Артукидов из Диярбакыра, Мардина, Дирта и Кира. В то время как сеньор Харима Рено де Сен-Валери доблестно защищал крепость, князь Боэмунд призвал на помощь графа Триполи Раймунда, армянского правителя Тороса и Константина Коломана. В середине августа они вместе выступили в поход. Узнав об этом, Нур ад-Дин принял решение снять осаду, причем особенно обеспокоило его присутствие византийцев.

После того как мусульмане отступили, Боэмунд, которого сопровождали 600 рыцарей, не прислушавшись к совету Рено де Сен-Валери, обратившему внимание антиохийского князя на значительное численное превосходство противника, стал преследовать войско Нур ад-Дина. Армии встретились 10 августа 1164 г. неподалеку от Артаха. Проигнорировав предупреждение Тороса, Боэмунд бросился в атаку, и, когда мусульмане притворно отступили, антиохийские рыцари попали в ловушку и оказались в окружении, состоявшем из мосульских солдат. Торосу и его брату Млеху, которые действовали более осмотрительно, удалось скрыться с поля битвы. Остальные солдаты-христиане были взяты в плен или перебиты. Среди пленников оказались Боэмунд, граф Триполи Раймунд, Константин Коломан и Гуго де Лузиньян. Все эти высокопоставленные рыцари были скованы вместе и доставлены в Алеппо.

Советники Нур ад-Дина настаивали, чтобы он напал на беззащитную Антиохию. Однако он отказался от этого плана. Нур ад-Дин считал, что, если бросит войска на Антиохию, греки спешно пришлют подкрепление и, хотя сам город, возможно, удастся взять, цитадель продержится до прибытия императора. Будет лучше, думал он, сохранить в Антиохии небольшое франкское государство, чем позволить ему перейти под власть могущественной империи. Нур ад-Дин настолько опасался оскорбить греков, что почти сразу же освободил Коломана в обмен на 150 шелковых одеяний. Антиохия опять была спасена благодаря авторитету византийского

императора.

К спешно двигавшемуся на север Амори присоединился Тьерри Фландрский, в четвертый раз прибывший в качестве паломника в Палестину. Получив таким образом подкрепление, Амори остановился в Триполи, чтобы утвердиться в своем праве на регентство в графстве на время пребывания Раймунда в плену, а затем отправился в Антиохию. Оказавшись там, он вступил в переговоры с Нур ад-Дином, который согласился за большой выкуп отпустить Боэмунда и Тороса, но только потому, что оба они являлись вассалами византийского императора. Однако Нур ад-Дин отказался освободить графа Триполи Раймунда и Рене де Шатильона.

Сам Амори был сильно встревожен, когда к нему явился императорский посланец, потребовавший, чтобы король объяснил ему, что он делает в Антиохии. В ответ Амори послал в Константинополь архиепископа Кесарии и своего кравчего Одо де Сент-Амана с просьбой о браке с дочерью императора и заключении союза с целью завоевания Египта. Мануил заставил послов ждать ответ на протяжении двух лет.

Амори был вынужден вернуться на юг, поскольку Нур ад-Дин вместо того, чтобы атаковать Антиохию, внезапно оказался в октябре возле Банияса, сеньор которого Онфруа II де Торон находился в армии короля. Нур ад-Дин заблаговременно распустил слухи, будто целью его похода является Тверия, поэтому в этой местности оказалось собрано почти все франкское ополчение. Поначалу гарнизон Банияса храбро отражал атаки мусульман. Осажденные надеялись, что к ним на помощь придет недавно прибывший в Палестину граф Фландрии Тьерри, однако внезапно, возможно в результате предательства, крепость капитулировала. Нур ад-Дин захватил также прилегающую территорию и угрожал продвинуться в Галилею, бароны которой сумели он него откупиться, пообещав выплатить ему дань.

Как только князь Антиохии Боэмунд был отпущен из плена, он немедленно отправился в Константинополь, собираясь навестить сестру и попросить у шурина деньги на уплату части выкупа, который он все еще был должен Нур ад-Дину. Мануил согласился помочь. В качестве ответной услуги Боэмунд вернулся в Антиохию в сопровождении греческого патриарха Афанасия III. Латинский патриарх Альмерик в знак протеста удалился в изгнание в замок Кусейр. В течение следующих пяти лет в Антиохии главенствовали греческие патриархи. Вряд ли католических епископов при этом изгнали, однако все вакантные посты стали занимать греки. При этом находившаяся в зависимости от Антиохии католическая

церковь Триполи оказалась не затронута переменами.

С появлением греков приверженцы сиро-яковитской церкви обратились за поддержкой к католикам. В дружественных отношениях они находились еще с 1152 г., когда у гробницы святого Варсумы случилось чудо исцеления хромого франкского ребенка, а в 1156 г. яковитам, к радости их будущего патриарха хрониста Михаила, было позволено построить новый собор, чему способствовали также княгиня Антиохии Констанция и армянский правитель Торос. Теперь патриарх Михаил отправился навестить Альмерика в Кусейре, чтобы выразить ему свою поддержку. Нелюбовь Михаила к грекам простиралась настолько далеко, что в 1169 г. он отказался от поездки в Константинополь по приглашению императора, желавшего, чтобы он принял участие в одном из теологических споров, которые так любил Мануил.

В 1165–1166 гг. Нур ад-Дин устраивал неожиданные нападения на крепости в горах Восточного Ливана, в то время как Ширкух совершал набеги на Трансиорданию, разрушив замок, который тамплиеры построили в гроте к югу от Аммана. В конце 1166 г. Ширкух наконец получил от своего повелителя разрешение еще раз напасть на Египет. При этом он убедил багдадского халифа представить новый военный поход как священную войну против фатимидских еретиков-шиитов. Этот аргумент, вероятно, повлиял и на Нур ад-Дина, серьезная болезнь которого способствовала росту религиозности. В результате он предоставил Ширкуху значительное подкрепление из Алеппо.

В январе 1167 г. Ширкух выдвинулся из Дамаска, опять взяв с собой в поход Саладина. Военачальник не скрывал своих намерений, и у Шавара снова было время для того, чтобы обратиться за помощью к Амори. Король находился тогда в Наблусе и созвал к себе на совет баронов. После того как Амори обрисовал перед ее членами опасности, грозящие Палестине в случае захвата Египта сирийскими суннитами, Высокая курия согласилась организовать широкомасштабную экспедицию, целью которой должно было стать спасение Шавара. В походе должна была принять участие вся армия королевства, за исключением солдат, оставленных на границах, чтобы защищать их от нападений в отсутствие Амори. Любой, кто отказывался принять участие в этой кампании, должен был уплатить одну десятую часть своего годового дохода. Однако прежде, чем армия была готова выступить, пришли известия, что Ширкух уже пересек Синайскую пустыню. Амори срочно послал имевшиеся в его распоряжении войска, которые должны были перехватить его, но они опоздали.

Ужасная песчаная буря едва не уничтожила армию Ширкуха, однако ей

все-таки удалось в первых числах февраля достичь Синайского перешейка. Оказавшись там, он узнал, что 30 января в поход выступило войско франков. В итоге Ширкух двинулся на юго-запад, чтобы выйти к Нилу у Атфиха, в 40 милях от Каира. Там он пересек Нил и, пройдя по западному берегу на юг, разбил лагерь в Гизе, напротив египетской столицы. Тем временем армия франков подошла к Каиру с северо-востока. Шавар встретил ее неподалеку от города и сопровождал в приготовленный для франков лагерь на восточном берегу Нила, в миле от городской стены.

Отклонив предложение Ширкуха вместе выступить против христиан, Шавар заключил союз с Амори. Франкам гарантировалась уплата 400 тысяч безантов, причем половина суммы выплачивалась немедленно. Остальные деньги Шавар обещал отдать чуть позже, если Амори торжественно поклянется оставаться в Египте вплоть до изгнания Ширкуха. Король послал сеньора Кесарии Гуго и тамплиера по имени Жоффруа, вероятно знавшего арабский, в Каир, чтобы получить от халифа формальное одобрение договора. Приняли рыцарей со всеми почестями. Им показали дворцовые сады с фонтанами и колоннадами, зверинцы с диковинными животными и вольеры для птиц, провели сквозь анфиладу роскошных дворцовых покоев, украшенных шелковыми занавесами с вытканым золотыми нитями узорами, буквально усыпанными золотом и драгоценными камнями. Наконец последние золотые занавесы были подняты, и перед ними предстал юный халиф, восседавший за занавеской на золотом троне. Подтверждавшие договор клятвы были принесены, но тут Гуго, действуя как королевский посланец, решил по западному обычаю скрепить договор пожатием руки. Египетские придворные пришли в ужас, однако их повелитель, презрительно улыбаясь, был вынужден стянуть перчатку. Затем посланцы удалились, будучи, как того и хотели хозяева, под глубоким впечатлением от богатств фатимидской державы.

Почти целый месяц враждующие армии стояли друг против друга, и никто не решался первым переправиться через Нил на глазах противника. Наконец Амори удалось перебраться на остров в излучине Дельты, расположенный немного севернее лагеря, а оттуда — на левый берег. Оказавшись там, его солдаты напали на один из отрядов Ширкуха. Полководец Нур ад-Дина, войско которого по численности уступало объединенной франко-египетской армии, отступил на юг, двигаясь вдоль Нила. Амори и Шавар последовали за ним, однако в качестве меры предосторожности оставили в Каире сильный гарнизон во главе с сыном Шавара Камилем и бароном Гуго д'Ибелином. Появление в Каире воинов Гуго, а также то, что рыцарям было разрешено заходить во дворец, привело

в ужас консервативные мусульманские круги столицы.

Оказавшись неподалеку от Миньи в Среднем Египте, Ширкух приготовился переправиться через Нил, намереваясь вернуться и совершить набег на сирийскую границу. Он расположился лагерем в Ашмунейне среди руин древнего Гермополя. Именно здесь с ним и столкнулась франко-египетская армия. Войска Амори обладали численным превосходством, даже без учета оставленного в Каире гарнизона. Однако большинство армии Ширкуха составляла легкая турецкая конница, в египетской армии главным образом были пехотинцы, да и среди франков было всего несколько сотен рыцарей. Не прислушавшись к совету своих эмиров, Ширкух решил вступить в битву. Амори, со своей стороны, колебался.

Тогда святой Бернард самым неудачным образом вмешался в историю крестовых походов. Явившись королю в видении, он назвал его недостойным частицы истинного креста, которую тот носил на шее. И только если король поклянется стать лучшим христианином, он благословит эту реликвию. На следующее утро, 18 марта 1167 г., ободренный Амори повел свои войска в наступление на сирийцев. Ширкух использовал турецкую тактику. Центр его войска под командованием Саладина притворно отступил, и, когда король и его рыцари пустились в погоню, Ширкух приказал правому крылу атаковать левый фланг франко-египетского войска и быстро сломил сопротивление противника. Амори попал в окружение. То, что ему удалось в итоге спастись, король приписал заступничеству истинного креста. Однако многие из его лучших рыцарей были убиты, а другие, включая сеньора Кесарии Гуго, взяты в плен. Амори, Шавар и остатки их армии поспешно отступили в Каир, чтобы объединиться с оставшимся там гарнизоном.

Ширкух победил, однако вражеская армия по-прежнему представляла угрозу. Вместо того чтобы попытаться взять Каир, он переправился через Нил и поспешно двинулся через Фаюмский оазис на северо-запад. Спустя несколько дней он подошел к Александрии, и жители великого города, ненавидевшие Шавара, открыл Ширкуху ворота. Тем временем Амори и Шавар, добравшись до Каира, восполнили потери своей армии. Даже несмотря на понесенные утраты, франко-египетское войско все еще обладало численным преимуществом, поэтому Амори принял решение преследовать Ширкуха и взять Александрию в осаду. Кроме того, из Палестины прибыло подкрепление, а франкские корабли замкнули кольцо блокады с моря. Примерно через месяц Ширкух ощутил угрозу голода. Оставив Саладина с военным отрядом, состоявшим примерно из 1000

человек, удерживать город, одной майской ночью 1167 г. он в сопровождении большей части армии выскользнул из осажденной Александрии и, пройдя через лагерь франков, направился в Верхний Египет.

Амори пришел в ярость и рвался в погоню, однако Шавар посоветовал ему предоставить Ширкуху возможность грабить верхнеегипетские города, ибо гораздо важнее было вернуть Александрию. К концу июня Саладин оказался в настолько тяжелой ситуации, что ему пришлось молить дядю прийти к нему на помощь. Ширкух понял, что больше ничего не сможет сделать, вернулся к Александрии и послал одного из франкских пленников, Арнульфа из Турбесселя (после того как сеньор Кесарии Гуго отказался взять на себя эту миссию), в лагерь Амори с предложением мира. Он предлагал покинуть вместе с франками Египет, а Шавар, в свою очередь, должен будет дать обещание не наказывать тех своих подданных (как жителей Александрии, так и других египетских городов), которые поддержали в этой войне захватчиков.

Король, обеспокоенный состоянием дел в Палестине и Триполи, согласился с предложенными условиями. В итоге 4 августа 1167 г. армия франков во главе с ним вошла в Александрию. Саладина и его войско проводили за пределы города со всевозможными воинскими почестями, хотя местное население было готово буквально порвать их на куски, обвиняя Саладина и его солдат во всех свалившихся на город несчастьях. Однако неприятности александрийцев на этом не закончились. Как только чиновники Шавара вошли в город, начались аресты жителей Александрии, заподозренных в связи с сирийцами. Саладин пожаловался Амори, который приказал Шавару отпустить узников. Кроме того, король лично предоставил корабли, чтобы переправить раненых солдат Ширкуха по морю в Акру. К сожалению, позднее те из несчастных, которые оправились от ран, были отправлены работать на плантации сахарного тростника, пока король лично не приехал и не освободил их.

Во время переговоров Саладин завел среди франков много друзей; впоследствии даже утверждали, будто коннетабль Онфруа де Торон посвятил его в рыцари. Ширкух и Саладин покинули Египет приблизительно 10 августа и достигли Дамаска в сентябре. Амори и его армия отправились в Каир, чтобы освободить Гуго д'Ибелина от обязанностей начальника гарнизона. Шавар был вынужден подписать с франками договор, по условиям которого он обещал выплачивать Амори ежегодную дань в размере 100 000 золотых слитков, а также оставить в Каире франкских военных советников и небольшой гарнизон для охраны

городских ворот. Затем Амори вернулся в Палестину, добравшись до Аскалона 20 августа.

Некоторые франкские сеньоры утверждали, что можно было заключить более выгодную сделку. Однако Амори не хотел больше подвергать свое войско опасности в Египте, не защитив франкские государства в Сирии от нападений Нур ад-Дина. Когда он воевал в Египте, Нур ад-Дин совершил набег на территорию Триполи, однако ему не удалось захватить стратегически важных крепостей. Амори признавал необходимость реорганизации системы обороны королевства. Главной проблемой, как всегда, были людские ресурсы. Из-за многочисленных смертей и пленений число франкских семей, постоянно проживавших на территории королевства, заметно снизилось. Крестоносцев, прибывавших на Восток, таких как граф Фландрии Тьерри, можно было использовать при проведении отдельных военных кампаний.

Именно поэтому Амори настолько зависел от духовно-рыцарских орденов, которым в 1167-м и последующих годах было передано большое количество крепостей вместе с окружающими их землями. Особенно крупные подарки ордена получили в Триполи, граф которого находился в плену и в котором осталось совсем мало знатных семей. Тартус и север страны перешли под контроль тамплиеров, а госпитальеры, вероятно уже владевшие крепостью Крак, известной благодаря им как Крак-де-Шевалье, получили Букайю. На территории королевства тамплиеры, которым уже принадлежала Газа на юге, получили Сафед на севере. Госпитальерам также досталась крепость Бельвуар, контролировавшая притоки реки Иордан к югу от Галилейского моря.

Князь Антиохии Боэмунд последовал примеру Амори. Он расширил владения тамплиеров вокруг Баграса, являвшегося частью Сирийских Врат, а госпитальеры получили обширные земельные владения на юге княжества, большинство которых в действительности принадлежало мусульманам. Если бы члены рыцарских орденов не оказались столь безответственными и жадными, они могли бы стать прекрасными защитниками франкских государств на Востоке.

Доверив рыцарским орденам охрану королевства, Амори занялся налаживанием более тесных связей с Византией. В августе 1167 г., едва вернувшись из Египта, король узнал, что архиепископ Кесарии и кравчий Одо, его посланники, прежде находившиеся в Константинополе, прибыли в Тир с прелестной императорской внучатой племянницей Марией Комниной. Амори поспешил встретить невесту. Их торжественное венчание провел 29 августа 1167 г. патриарх Амальрик де Несль в Тирском

соборе. В качестве предбрачного дара королева получила Наблус и прилегающие к нему территории. Вместе с ней ко двору франков прибыли два высших сановника ее двоюродного деда — его двоюродные братья Георгий Палеолог и Мануил Комнин, которые были уполномочены обсудить с Амори вопросы будущего союза.

Незадолго до этого хорошие отношения франкских правителей с византийским императором оказались под угрозой из-за безответственности другого двоюродного брата Мануила — Андроника Комнина. Этот человек, пожалуй самый красивый и выдающийся среди представителей императорской фамилии, уже оказывался в немилости из-за того, что соблазнил свою родственницу — племянницу императора Евдокию, которая, по слухам, пользовалась благосклонностью и самого императора. К тому же в 1152 г. Андроник успел продемонстрировать свою несостоятельность в качестве наместника Киликии. Однако в 1166 г. он вновь был назначен на эту должность. Его предшественнику Алексею Аксуху, который был направлен в Киликию вместо плененного Коломана, не удалось исполнить императорский приказ помириться с армянами, и Мануил надеялся, что благодаря своему личному обаянию, а также значительным финансовым вложениям Андроник окажется более успешным в переговорах с Торосом.

Однако Андроник, несмотря на то что ему уже исполнилось 45 лет, больше интересовался авантюрами, чем вопросами управления. Вскоре ему удалось побывать в Антиохии. Оказавшись там, он был поражен красотой юной княжны Филиппы, сестры Боэмунда. Позабыв о своих обязанностях, Андроник задержался в Антиохии и стал ухаживать за Филиппой. Он пел ей романтические серенады до тех пор, пока не сумел обольстить ее и добиться того, что она не могла ему ни в чем отказать. Боэмунд пришел в ярость и пожаловался своему шурину Мануилу, который в гневе отозвал Андроника и снова назначил на его место Константина Коломана.

Коломану было приказано явиться в Антиохию и попытаться снискать расположение Филиппы. Однако юная княжна посчитала Константина слишком скучным, низкорослым и старым по сравнению со своим великолепным возлюбленным. Между тем Андроник, которым двигало в первую очередь желание позлить императрицу, вызывавшую у него презрение, посчитал необходимым покинуть Антиохию и свою любовницу. Прихватив с собой значительную часть дохода с Киликии и Кипра, он направился на юг и предложил свои услуги королю Амори. Покинутую княжну спешно выдали замуж за престарелого вдовца, коннетабля Онфруа II де Торона.

Амори, очарованный Андроником и впечатленный его личной отвагой, передал ему в качестве феода Бейрут, оказавшийся в тот момент свободным. Вскоре после этого Андроник направился в Акру, вдовью часть своей двоюродной сестры вдовствующей королевы Феодоры. Ей исполнилось двадцать один год, и ее красота уже успела расцвести. Любовь между Андроником и Феодорой оказалась взаимной. Однако из-за близкого родства они не могли пожениться, но королева, не испытывая ни малейших уколов стыда, перебралась в Бейрут и стала жить там с Андроником в качестве его любовницы. Когда Мануил узнал о новой любовной интрижке своего родственника (вероятно, от послов, провожавших в Палестину королеву Марию), ярости его не было пределов. Следующие императорские посланники тайно потребовали, чтобы Амори арестовал нечестивца и выслал его из страны. Однако об этом узнала Феодора. Поскольку всем было известно, что Амори всячески пытается добиться расположения Мануила, Андроник счел разумным покинуть Иерусалимское королевство.

Андроник заявил о своем намерении вернуться домой, и Феодора снова приехала из Акры, чтобы с ним проститься. Оказавшись вместе, они бросили все свои владения и, перейдя через границу, бежали в Дамаск, где были любезно встречены Нур ад-Дином. На протяжении нескольких следующих лет любовники скитались по мусульманскому Востоку (и даже побывали в Багдаде) до тех пор, пока наконец мусульманский эмир не даровал им замок неподалеку от пафлагонской границы Византийской империи, где отлученный от церкви Андроник с радостью посвятил себя жизни пирата. Амори не сильно жалел об их отъезде, поскольку в результате он сумел забрать некогда выделенную невестке в качестве вдовьей доли Акру.

Амори, очевидно, передал с Георгием Палеологом императору Мануилу предложение завоевать Египет. Следующее посольство византийцев во главе с итальянцами Алессандро Конверсано, графом Гравины, и Михаилом Отрантским передало условия, на которых император был готов заключить подобный союз, к числу которых, вероятно, относилась передача Византии определенной доли трофеев, которые будут добыты в Египте, полное главенство над Антиохией и, возможно, уступка других франкских территорий. Эти требования оказались трудновыполнимыми, и Амори послал архиепископа Тира Гильома, будущего историка, в Константинополь, чтобы тот попытался добиться более приемлемых условий. Однако, прибыв в Византию, Гильом выяснил, что император отправился в поход в Сербию. Он последовал за

Мануилом и встретился с ним в Манастире. Император принял посла со своей обычной расточительной щедростью и вместе с ним вернулся в столицу Византии. Там был заключен договор, содержащий условия, на которых король и император будут делить завоеванные египетские земли и добычу. Поздней осенью 1168 г. Гильом вернулся в Палестину.

К сожалению, бароны королевства не стали дожидаться его возвращения. Судя по новостям из Египта, положение Шавара было шатким. Он вызвал негодование солдат франкского гарнизона в Каире и опоздал с выплатой дани. Кроме того, ходили слухи, будто его сын Камиль ведет переговоры с Ширкухом и попросил руки сестры Саладина. Прибытие же в Палестину в конце лета 1168 г. графа Невера Гильома IV во главе отряда отборных рыцарей подстегнуло тех, кто жаждал немедленных действий. Король созвал в Иерусалиме совет. Великий магистр ордена госпитальеров Жильбер д'Эссайи с пеной у рта доказывал, что ждать больше нельзя, и большинство баронов с ним согласились. О своей поддержке также заявили граф Невера и его рыцари, прибывшие в Палестину, чтобы сражаться во имя креста.

Тамплиеры решительно выступили против похода и заявили, что не станут принимать в нем участие. Однако их реакция могла быть вызвана завистью к госпитальерам, которые уже решили занять Пелузий как противовес принадлежавшей тамплиерам крепости Газа. Кроме того, тамплиеров связывали тесные финансовые отношения с мусульманскими и итальянскими купцами, чья торговля с Египтом значительно превышала по своему размаху торговлю с христианской Сирией. Король Амори был согласен с необходимостью ведения военных действий в Египте, особенно ввиду ненадежности и слабости Шавара, однако желал дожидаться помощи от императора. Тем не менее, не сумев перебороть яростной одержимости госпитальеров и собственных вассалов, не желавших делить добычу с греками, он вынужден был сдаться. Экспедиция была назначена на октябрь.

Вернувшийся из Константинополя с договором Гильом Тирский не застал короля и его войско. Амори объявил, что собирается атаковать Хомс, чтобы помешать Нур ад-Дину что-либо предпринять. Нур ад-Дин, занятый собственными проблемами в Северо-Восточной Сирии, действительно вовсе не горел желанием вступать в конфликт с франками. Шавар также не был в курсе происходящего, пока вышедшая 20 октября из Аскалона франкская армия не оказалась через десять дней после этого под стенами Бильбейса.

Шавар пришел в ужас. Он не ожидал, что Амори столь вероломно нарушит заключенный с ним договор. Его первый посланец, эмир по имени

Бедран, встретился с королем в Дароне, на границе, однако был подкуплен франками. Следующий посол, Шамс аль-Хилафа, нашел Амори в пустыне в паре дней пути от Бильбейса. Он яростно укорял в предательстве короля франков. Амори на это возразил, что его действия стали ответом на переговоры, которые тайно вел сын Шавара Камиль с Ширкухом. В любом случае, заявил король, новоприбывшие на Восток крестоносцы жаждали овладеть Египтом, и он решил удержать их от этого. Затем он добавил, что может отступить, если Шавар выплатит ему еще один миллион динар. Однако правитель Египта не доверял королю и, к удивлению Амори, решил оказать франкам сопротивление.

Сын Шавара Тай, командовавший гарнизоном Бильбейса, отказался открывать ворота франкам. Однако силы защитников были слишком малочисленны. После трех дней отчаянного сопротивления, весьма удивившего Амори, считавшего египтян неспособными на это, крепость пала, и 4 ноября франки вошли в город, после чего его жители были жестоко перебиты. Зачинщиками, вероятно, были люди Невера, пылкие и необузданные, как и большинство тех, кто незадолго до этого прибыл с Запада. Их граф умер в Палестине от лихорадки еще до начала экспедиции, и не было никого, кто мог бы их контролировать. Амори попытался восстановить порядок, и, когда это ему удалось, он лично выкупил у солдат немногочисленных выживших, захваченных в плен.

Однако вред уже был нанесен. Многие египтяне, недолюбливавшие Шавара, прежде были готовы приветствовать франков как своих освободителей. Особенно это касалось общин египетских христиан-коптов, бывших весьма многочисленными в городах Дельты, которые до тех пор поддерживали собратьев-христиан. Но копты, как и мусульмане, погибли во время резни. Ненависть к франкам объединила египтян. Через несколько дней в озеро Манзала вошел немногочисленный франкский флот, на кораблях которого плыли в основном пришельцы с Запада и который должен был проплыть по течению по Танитскому рукаву Нила, и внезапно напал на город Танис. Резня повторилась, и больше всех от нее пострадали копты.

Амори на несколько дней задержался в Бильбейсе, несомненно пытаясь восстановить контроль над армией. Из-за этого он потерял шанс неожиданно атаковать Каир и появился у стен Фустата, старого пригорода, располагавшегося к югу от столицы, только 13 ноября. Шавар, сомневаясь в своей способности удержать крепость, поджег Фустат и вновь отправил к Амори в качестве посла Шамса, который должен был передать франкскому королю, что правитель скорее сожжет Каир со всеми его богатствами дотла,

чем сдаст столицу.

Амори, чей флот застрял в Дельте из-за установленных египтянами поперек русла Нила заграждений, начал сознавать, что военная экспедиция близка к провалу. Следуя совету своего сенешаля Миля де Планси, он сообщил Шавару, что согласен принять выкуп. Однако тот принялся тянуть время, торгуясь по поводу суммы, которую был готов заплатить. Он отдал 100 000 динаров в качестве выкупа за своего сына Тайя и обещал делать дальнейшие выплаты. В это время франкская армия продвинулась на несколько миль на север и встала лагерем у Матарии, неподалеку от сикомора, в тени которого Дева Мария отдыхала во время бегства в Египет. Там франки оставались на протяжении восьми дней, по истечении которых стало известно, что в Египет по приглашению фатимидского халифа вошли войска Ширкуха.

Шавар вовсе не хотел предпринимать столь отчаянный шаг, однако его сын Камиль взял над ним верх и сделал так, чтобы номинальный правитель Египта халиф ад-Адид отправил письмо в Алеппо, в котором предложил Нур ад-Дину треть египетских земель и феодалы для военачальников. Юный халиф должен был понимать, насколько опасно звать на помощь человека, в чьих глазах он всего лишь незаконно занимающий трон еретик, но не мог ничего поделать. Получив это приглашение, Нур ад-Дин немедленно послал гонца в Хомс, где жил Ширкух, однако тот встретил военачальника уже у ворот Алеппо. На сей раз Нур ад-Дин не колебался. Он выделил Ширкуху на покорение Египта восемь тысяч всадников и сумму в 200 тысяч динаров, а также приказал ему взять с собой Саладина.

Шавар, не зная, чью сторону принять, предупредил о готовящемся вторжении Амори, который вместе со своей армией подошел к перешейку в надежде перехватить Ширкуха, когда тот выйдет из пустыни. Однако Ширкуху удалось проскользнуть на юг, миновав франков, которым оставалось лишь покинуть Египет. Приказав флоту вернуться в Акру и призвав к себе оставленный в Бильбейсе гарнизон, 2 января 1169 г. Амори начал отступление.

Шесть дней спустя Ширкух вошел в Каир. Оставив свою армию у ворот Баб-аль-Лук, где его солдаты разбили лагерь, он направился во дворец, в котором халиф вручил ему церемониальные дары, а также пообещал предоставить его войску деньги и продовольствие. Шавар сердечно приветствовал Ширкуха. В течение следующих нескольких дней Шавар ежедневно навещал лагерь Ширкуха, чтобы обсудить с ним финансовые вопросы и распределение обязанностей визиря. Вое начальник вежливо реагировал на эту лесть, но его племянник Саладин, являвшийся

его главным советником, настаивал на дальнейших решительных действиях.

В результате сирийцам удалось убедить халифа тайно явиться в ставку Ширкуха. Затем, 18 января 1169 г., Шавара пригласили присоединиться к Ширкуху в небольшом паломничестве к могиле мусульманского святого ас-Сафийя. Как только Шавар двинулся в путь, на него напали Саладин и его эмиры. Солдаты, сопровождавшие Шавара, были обезоружены, а сам он взят под стражу. Меньше чем через час был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный халифом. Шавара обезглавили, а его голову бросили к ногам юного халифа. После этого, стремясь избежать возможного покушения, Ширкух объявил, что каждый, кто пожелает, может принять участие в разграблении дома покойного визиря. После того как толпа бросилась добывать сокровища, Ширкух вместе с халифом отбыли во дворец, где быстро и не привлекая особого внимания взяли власть в свои руки.

Как правитель Шавар не пользовался большой популярностью, а Ширкух настолько скрупулезно придерживался необходимых формальностей, что ни один из наместников не сумел выступить против нового режима. Всего за несколько недель Ширкух стал владыкой Египта. Его эмиры получили феоды, ранее принадлежавшие Шавару и его семейству, а сам Ширкух — титул визиря и «победоносного владыки».

Однако новый визирь не намного пережил свое назначение. Он скончался от переедания 23 марта 1169 г. На страницах истории он оказался в тени своих блестящих современников — повелителя Нур ад-Дина и племянника Саладина. Тем не менее именно он гораздо более отчетливо, чем любой другой мусульманин, осознавал, что завоевание Египта, обладавшего выгодным стратегическим положением и несметными природными богатствами, является обязательным условием к возвращению Палестины. И несмотря на сомнения и моральные принципы Нур ад-Дина, Ширкух шел к достижению своей цели до самого конца. Его племянник пожал урожай, семена которого были посажены его дядей.

Сам Ширкух был человеком неказистым на вид — низкорослым, страдавшим ожирением, с бордовым от различных пороков лицом, к тому же слепым на один глаз. Его внешность безошибочно выдавала низкое происхождение. Однако он также являлся выдающимся военачальником, одним из немногих, кому настолько были преданны его подчиненные.

Франки сразу осознали, насколько большое значение для них имеет победа Ширкуха. Одни обвиняли во всем жадного Миля де Планси, убедившего короля согласиться на выкуп вместо того, чтобы сражаться,

другие нашли козла отпущения в магистре ордена госпитальеров, который в результате был вынужден покинуть свой пост и отправиться домой на Запад.

Сам Амори призвал жителей Запада отправиться в новый крестовый поход. Весьма впечатляющее по своему составу посольство во главе с патриархом Амальриком и архиепископом Кесарийским отбыло в начале 1169 г. в Европу с письмами к императору Фридриху, королю Франции Людовiku VII, Генриху II, королю Англии, Маргарите, королеве-регенту Сицилии, а также к графам Фландрии, Блуа и Труа. Однако через два дня плавания корабль с послами попал в такой сильный шторм, что вынужден был повернуть обратно в Акру. Ни один из пассажиров не рискнул вновь подвергнуть себя риску морского путешествия.

Вскоре было собрано второе посольство, которое возглавил архиепископ Тира Фредерик, которого сопровождали его викарий Иоанн, епископ Банияса, и Жильбер д'Эссайи, магистр ордена госпитальеров. В июле 1169 г. они добрались до Рима. Папа Александр III вручил им рекомендательные письма ко всем своим священнослужителям. Однако ни одно из писем не достигло своей цели. Король Людовик, ссылаясь на свою занятость борьбой с Плантагенетами, на многие месяцы задержал членов посольства в Париже, где в итоге скончался епископ Банияса. Они отправились в Англию, король которой Генрих рассказывал о своих проблемах, возникших из-за Капетингов. Из-за ссоры между папой римским и императором Священной Римской империи визит в Германию оказался бессмысленным. И по истечении двух лет, полных бессмысленных призывов, послы вынуждены были бесславно вернуться в Палестину^[13].

Посольство, отправленное ко двору византийского императора, оказалось значительно более успешным. Мануил прекрасно знал, что баланс сил на Востоке изменился, из-за чего над Византией нависла угроза. Он был готов предоставить Амори свой флот для проведения новой военной кампании. Король с благодарностью принял это предложение. Египет все еще можно было отвоевать. Нур ад-Дин, похоже, был полностью поглощен делами на севере. Из-за смерти Кара-Арслана, эмира Диярбакыра из династии Артукидов, в 1168 г. и спора из-за наследства он был вовлечен в конфликт со своим братом Кутб ад-Дином, правителем Мосула. За этим последовал мятеж Гази ибн Хассана, наместника Манбиджа, на подавление которого также ушли силы и время. Затем Кутб ад-Дин оказался при смерти, из-за чего вскоре должен был встать вопрос о наследовании власти над Мосулом.

В Египте титул и власть Ширкуха перешли к его племяннику

Саладину, однако у того не доставало опыта управления государством. Другие эмиры Ширкуха также претендовали на этот пост, но халиф выбрал именно Саладина, решив, что неопытность последнего заставит его полагаться на фатимидских советников. Тем временем главный евнух аль-Адида, нубиец по имени аль-Мутамен, его самый приближенный советник, тайно отправил письмо в Иерусалим, обещая франкам помощь в том случае, если они отвоеуют Египет. К несчастью, один из агентов Саладина, удивленный формой сандалий дворцового гонца, заставил его снять их и, распоров швы, обнаружил письмо. Саладин выжидал, чтобы отомстить. Однако, услышав о его шатком положении, христиане были воодушевлены.

Амори поторопил византийского императора, и 10 июля 1169 г. византийская армада под командованием великого дуки Андроника Контостефана отбыла из Геллеспонта. Большая часть флота направилась на Кипр, захватив по пути два египетских корабля. Меньшая по численности эскадра, корабли которой везли деньги для солдат Амори, отправилась напрямую в Акру. Амори попросили послать гонца на Кипр, как только ему потребуется весь флот.

Однако король был еще не готов. Военная кампания 1168 г. подорвала силы франков. Орден госпитальеров понес очень тяжелые потери. Тамплиеры по-прежнему отказывались принимать участие в походе. Бароны, обескураженные предыдущим неудачным опытом, больше не испытывали прежнего энтузиазма. В итоге Амори призвал византийский флот в Акру, жителей которой поразило великолепие кораблей империи, только в конце сентября 1169 г. Объединенное франко-византийское войско было готово к походу лишь к середине октября.

Подобная отсрочка оказалась весьма неудачной. Охваченный оптимизмом Мануил надеялся, что поход окажется непродолжительным, и снабдил своих моряков провизией всего лишь на три месяца, которые уже были на исходе. Кипр так и не оправился от разорения, причиненного Рено де Шатильоном, поэтому жители острова никак не могли помочь с обеспечением провизии; не было доступного пропитания и в Акре.

Саладина предупредили о готовящейся экспедиции. Для того чтобы укрепить свое положение в Каире, он заключил под стражу и обезглавил евнуха аль-Мутамена, а затем выгнал всех дворцовых слуг, о преданности которых халифу было известно, заменив их своими ставленниками. Изгнанные военные, подстегиваемые самим халифом, склонили нубийскую дворцовую стражу к бунту и нападению на войска Саладина. Брат Саладина Фахр ад-Дин безуспешно пытался расправиться с мятежниками, пока Саладин не поджег казармы стражников в Фустате. Зная, что там

остались их жены и семьи, нубийцы бросились на выручку. После этого Фахр ад-Дин напал на них и почти всех перебил. Наблюдавший за сражением халиф поспешил заверить Саладина в своей преданности. Из-за того что он предал нубийцев, мятеж захлебнулся. Не принимавшие участие в бунте армянские наемники также погибли во время пожара в казармах. Таким образом, вся оппозиция Саладину в Каире была подавлена.

Христианская армия смогла выступить в поход только 16 октября. Андроник Контостефан, раздраженный из-за бесконечных отговорок Амори, предложил перевезти большую часть войска по морю, однако франки настояли на пути по суше. Армия Амори 25 октября пересекла границу Египта в районе Фарамы, около Пелузия. Саладин рассчитывал, что враги нападут на Бильбейс, и сконцентрировал в этом районе свои основные силы. Однако франки быстро переправились на византийских кораблях, следовавших параллельным курсом вдоль побережья, через восточный рукав Нила и подошли к Дамьетте, богатой крепости, контролировавшей главный рукав реки, откуда флот мог беспрепятственно двинуться на Каир.

Саладин оказался застигнут врасплох. Сам он не осмелился покинуть Каир, опасаясь бунта со стороны сторонников Фатимидов, но послал в Дамьетту подкрепление и лично отправил в Сирию письмо, адресованное Нур ад-Дину и содержавшее просьбу о помощи. Солдаты гарнизона Дамьетты натянули поперек реки огромную цепь. Греческие корабли, которым и без того мешал встречный ветер, теперь не могли проплыть вверх по течению мимо города и помешать доставке в Дамьетту из Каира войск и продовольствия. Крепость можно было бы взять внезапным штурмом, но, несмотря на то что Контостефан, обеспокоенный проблемами с провиантом, требовал немедленных действий, Амори медлил. Он хотел построить как можно больше осадных башен. Первая башня по ошибке оказалась воздвигнута напротив самого хорошо укрепленного участка стены. Греки, к ужасу местных мусульман и христиан, принялись обстреливать из своих осадных машин городской квартал, примыкавший к храму, посвященному Богородице, останавливавшейся в Дамьетте во время их бегства в Египет.

В город ежедневно прибывали солдаты, у греческих моряков и их товарищей на берегу оставалось все меньше продовольствия, а их франкские союзники, не испытывавшие нехватки продуктов питания, не собирались им помогать. Каждый день Контостефан умолял Амори рискнуть и устроить полномасштабный штурм крепости, а король отказывался, твердя, что риск слишком велик. К тому же франкские

военачальники, всегда подозрительно относившиеся к грекам, нашептывали ему, что рвение Контостефана объясняется желанием присоединить Дамьетту к византийской доле добычи от похода.

К началу декабря стало очевидным, что экспедиция провалилась. Греки не могли воевать без продовольствия. Горящая лодка, запущенная осажденными прямо в центр вражеской флотилии, нанесла ей серьезный урон, хотя предпринятое Амори немедленное контрнаступление позволило сократить потери. Дамьетта не испытывала недостатка в продовольствии и солдатах. К тому же стали ходить слухи о приближении мусульманской армии, выступившей из Сирии. Когда рано начавшиеся дожди превратили франкский лагерь в настоящее болото, настало время снять осаду. Неизвестно кто, Амори или Контостефан, первый начал переговоры с сарацинами. Мы также не знаем, на каких условиях франки и греки сняли осаду. Возможно, христианские воины и получили какое-то денежное возмещение. Кроме того, Амори надеялся, что жест доброй воли по отношению к Саладину позволит ухудшить его отношения с Нур ад-Дином, которым, как считали франки, недоставало сердечности.

Итак, 13 декабря 1169 г. христиане сожгли все свои осадные машины, чтобы те не попали в руки египтян, и отступили от Дамьетты. Франкская армия достигла Аскалона 24 декабря. Византийскому флоту повезло меньше. Когда корабли плыли на север, поднялся сильный шторм. Ослабшие и голодные моряки не могли полноценно управлять судами, и многие из них затонули. В течение нескольких дней прибой выбрасывал на палестинское побережье тела греческих моряков. Самому Контостефану удалось спастись. Его корабль пристал к берегу Киликии, откуда он по суше отправился в Константинополь, чтобы доложить о провале экспедиции императору. Остатки византийской армады достигли Босфора в начале нового года.

Катастрофические результаты экспедиции вполне ожидаемо привели к взаимным обвинениям. Франки ругали греков за нехватку продовольствия, а последние (гораздо более обоснованно) обвиняли франков в бесконечных задержках. Однако и Амори, и император признавали, что их союз не должен быть расторгнут, поскольку теперь Саладин стал полновластным владыкой Египта.

Саладин был слишком умен, чтобы попасть в дипломатический капкан, расставленный ему Амори. Нур ад-Дин доверял Ширкуху, однако с подозрением относился к амбициям нового правителя Египта. Между тем Саладин повел себя с Нур ад-Дином с почти идеальной корректностью. В апреле 1170 г. Нур ад-Дин послал к Саладину его отца Наджм ад-Дин

Айюба вместе с отрядом сирийских солдат. С одной стороны, таким образом он демонстрировал свое дружеское расположение, с другой, возможно, делал намек, поскольку Айюб всегда был безгранично предан своему повелителю. Кроме того, с отрядом прибыло и большое количество дамасских купцов, спешивших начать торговлю с Каиром. Сам Нур ад-Дин устроил демонстративную атаку на крепость Карак, чтобы обеспечить огромному каравану беспрепятственный проход через Трансиорданию. Это был единственный выпад Нур ад-Дина против франков. Он не беспокоил их даже во время предпринятого ими египетского похода, а в январе 1170 г. им даже удалось отвоевать замок Аккар, расположенный к югу от Букайи, потерянный ими, вероятно, в 1165 г. Амори как регент Триполи передал этот замок вместе с городом Арка госпитальерам, которые теперь держали под контролем всю долину.

В Сирии 29 июня 1170 г. произошло ужасное землетрясение, такое же разрушительное, как и в 1157 г., и на протяжении нескольких последующих месяцев и христиане, и мусульмане были заняты восстановлением разрушенных крепостей. Серьезные разрушения имели место в Алеппо, Шайзаре, Хаме и Хомсе, равно как и в Крак-де-Шевалье, Триполи и Джебейле. Антиохия очень серьезно пострадала от землетрясения, однако франки увидели в том божественное правосудие, ибо, когда греческий патриарх и священнослужители проводили богослужение в соборе Святого Петра, здание обрушилось, погребя под собой всех, кто в тот момент в нем находился. Поскольку Афанасий погиб под руинами, князь Боэмунд и его придворные поспешили в замок Кусейр к его сопернику Альмерику, умоляя его вернуться в город и занять престол. Краткий эпизод византийского церковного главенства в Антиохии завершился.

Как бы ни был император разозлен этими новостями, он не мог вмешаться, поскольку ситуация в Киликии сильно осложнилась. Армянский князь Торос II скончался в 1168 г., и княжество перешло его малолетнему сыну Рубену II при регентстве франкского лорда Томаса, мать которого приходилась Торосу сестрой. Однако брат Тороса Млех оспорил наследование. Когда-то Млех, принеся все необходимые клятвы, вступил в орден тамплиеров, но затем, поссорившись с Торосом, попытался его убить, после чего он бежал к Нур ад-Дину и принял ислам. В начале 1170 г. Нур ад-Дин дал ему свое войско, с помощью которого Млех смог не только свергнуть с трона племянника, но и захватить Мамистру, Адану и Тарс, изгнав оттуда греческий гарнизон. После этого Млех атаковал тамплиеров в Багресе. Боэмунд обратился к Амори, который совершил поход в Киликию и временно восстановил там императорское правление. Этот дружеский

жест мог бы примирить Мануила с потерей церковного контроля над Антиохией. Однако Млех был неудержим. Примерно через год ему удалось захватить Константина Коломана и вновь подчинить Киликию.

Между тем Нур ад-Дин был занят делами на востоке. Его брат правитель Мосула Кутб ад-Дин умер летом 1170 г. Двое сыновей последнего: Сайф ад-Дин и Имад ад-Дин — вступили в спор из-за наследства, и лишь несколько месяцев спустя Нур ад-Дину удалось решить этот вопрос так, как считал нужным. Распри среди мусульман были очень выгодны франкам, однако проблема Египта оставалась нерешенной. Амори продолжал придерживаться политики, направленной на поддержание тесного союза с Византией, и по-прежнему постоянно отправлял на Запад просьбы о помощи. Весной 1171 г. король решил лично посетить Константинополь.

Однако король был вынужден задержаться из-за внезапного нападения Саладина на восточную границу королевства. В начале декабря 1170 г. многочисленная египетская армия оказалась около Дарона, самой южной франкской крепости на Средиземноморском побережье. Ее укрепления были слабыми, и, хотя у Саладина не было осадных машин, падение крепости казалось неминуемым. Амори, захватив с собой патриарха и частицу истинного креста, поспешил с небольшим, но хорошо подготовленным отрядом в Аскалон, куда он прибыл 18 декабря. После этого он отправился к принадлежавшей тамплиерам крепости Газа, где оставил командующим гарнизона Миля де Планси, так как рыцари-тамплиеры вместе с ним двинулись на Дарон.

Франки сумели прорваться сквозь войско Саладина и войти в крепость, после чего последний снял осаду и напал на Газу. Несмотря на организованное Милем де Планси сопротивление, Саладин вошел в нижний город и устроил настоящую резню мирных жителей. Однако цитадель Газы оказалась неприступной, и Саладин даже не попытался ее атаковать. Он покинул территорию франкского королевства так же стремительно, как и вошел в нее. Затем Саладин послал небольшую эскадру кораблей, которая проплыла через Акабский залив и в последние дни года захватила франкский аванпост Айлу.

Амори 10 марта покинул Акру и отправился в Константинополь в сопровождении многочисленной свиты, куда входили в том числе епископ Акры и маршал Жерар де Пужи. Великий магистр ордена тамплиеров Филипп де Милли покинул свой пост, чтобы стать послом. Посетив Триполи, король поплыл дальше на север. В Галлиполи Амори встретил его тестя, который, поскольку ветер оказался не попутным, проводил его по

суше до Гераклеи. Оказавшись там, король и его свита снова сели на корабль, чтобы торжественно войти в столицу через бухту Буколеон, удостоившись таким образом чести, на которую могли рассчитывать только венценосные особы.

Теплый прием восхитил Амори и его свиту. Мануилу в целом нравились люди с Запада, а к Амори он отнесся с особой симпатией. Он проявил столь характерную для него расточительную щедрость. Греческие родственники франкского короля, особенно его тесть, также стремились быть как можно более гостеприимными. Устраивались бесконечные религиозные церемонии и празднества. На ипподроме было организовано танцевальное представление. Кроме того, гостей катали на лодке по Босфору. Во время всех этих торжеств император и король обсуждали планы на будущее.

Договор был заключен и подписан, но мы ничего не знаем о его условиях. Судя по всему, король в какой-то степени признавал сюзеренитет императора над местными христианами, а Мануил, в свою очередь, пообещал финансовую помощь и участие византийского флота в случае организации следующей экспедиции в Египет. Кроме того, правители договорились о совместных действиях против армянина Млеха. Вероятно, в договор также были включены положения относительно греческой церкви в Антиохии, а возможно, даже в королевстве, где в 1169 г. по инициативе Мануила была заново украшена церковь Рождества в Вифлееме. Надпись на мозаике свидетельствует, что некий мастер Ефрем создал ее по повелению императора. Также Мануил отреставрировал храм Гроба Господня.

Какими бы ни были конкретные условия этого договора, франки оказались в высшей степени удовлетворены результатами визита и были очарованы хозяином. Воодушевленные надеждой, они 15 июня 1171 г. отплыли из Константинополя.

Поиски помощи на Западе оказались гораздо менее успешными. Фредерик из Тира по-прежнему безрезультатно путешествовал по дворцам Франции и Англии. В конце 1170 г. Амори отправил его с просьбой пригласить графа Блуа и Шампани Стефана в Палестину, надеясь выдать за него замуж свою дочь Сибиллу^[14]. Это предложение стало еще более актуальным в свете случившейся в королевской семье трагедии. Сын Амори Балдуин, которому к тому времени исполнилось девять, был послан вместе со своими ровесниками на обучение к Гильому, архидьякону Тира. Балдуин был красивым и умным мальчиком. Но однажды, когда дети, решив испытать свою выносливость, давили друг другу ногтями на кожу,

Гильом заметил, что только принц ни разу не вздрогнул. Священнослужитель стал более пристально наблюдать за детьми и вскоре заметил, что мальчик не чувствует боли, так как страдает проказой.

Такова была Божья кара за кровосмесительный брак его родителей Амори и Агнессы, не предвещавшая ничего хорошего королевству. Все понимали: даже если Балдуин вырастет, он не сумеет продолжить королевский род. Молодая королева-гречанка еще могла родить сына, но в целях безопасности Амори следовало выдать замуж свою старшую дочь Сибиллу за какого-нибудь богатого и опытного западного аристократа, который сумел бы в случае необходимости исполнить обязанности регента и даже короля.

Стефан принял приглашение и вместе с отрядом рыцарей высадился на палестинский берег летом 1171 г., за несколько дней до возвращения Амори из Константинополя. Однако Палестина ему совершенно не понравилась. Он резко прервал все переговоры о женитьбе и, совершив паломничество в Иерусалим, отправился вместе со своими рыцарями на север, намереваясь посетить Константинополь. Однако по пути через Киликию на него напал мятежный Млех и ограбил буквально до нитки.

В следующем году в Иерусалим прибыл еще более важный гость — Генрих Лев, герцог Саксонии и Баварии, внук императора Лотаря и зять Генриха II Английского. Однако и он отказался сражаться во имя креста. Он прибыл в Палестину в качестве паломника и как можно быстрее вернулся в Германию.

Безразличие обитателей Запада вызывало разочарование. Однако, возможно, срочной необходимости в походе в Египет не было. Казалось, отношения Саладина с Нур ад-Дином близки к разрыву. К январю 1171 г. Нур ад-Дин организовал собственный гарнизон в Мосуле, где правил его племянник Сайф ад-Дин, и присоединил к своим владениям Нусайбин и долину реки Хабур, а Синджар передал своему любимому племяннику Имад ад-Дину. Затем, желая победы истинного ислама, он отправил Саладину письмо, в котором требовал, чтобы во время молитвы в египетских мечетях упоминалось имя не фатимидского халифа, а правоверного халифа Багдада.

Саладин не хотел выполнять это требование. После почти двух веков правления Фатимидов влияние шиитов в Египте значительно усилилось. Более того, хотя формально Нур ад-Дин считался повелителем Саладина, свою власть над Египтом он получил именно от фатимидского халифа. Саладин увиливал до тех пор, пока в августе Нур ад-Дин не пригрозил ему лично явиться в Египет и проследить за исполнением своих повелений.

Приняв необходимые предосторожности, Саладин стал готовиться к переменам. Однако никто не осмеливался сделать первый шаг до тех пор, пока наконец в первую пятницу 567 г. по Хиджре теолог, прибывший из Мосула, не прочел молитву, в которой упомянул имя халифа аль-Мустади. Его призыв подхватили по всему Каиру.

В это время молодой халиф аль-Адид умирал в своем дворце. Саладин запретил слугам сообщать умирающему печальные новости. «Если он поправится, он и так достаточно скоро обо всем узнает, — говорил Саладин. — А если же умрет, дайте ему упокоиться с миром». Однако просьбу несчастного юноши, который за несколько часов до смерти хотел увидеться с Саладином, не выполнили, опасаясь заговора. Впоследствии Саладин глубоко в этом раскаивался и говорил о покойном халифе с большой теплотой. С кончиной аль-Адида фатимидская династия пресеклась. Оставшиеся в живых фатимидские принцы и принцессы были собраны в одном месте и провели остаток дней в роскоши, отрезанные от контактов с миром.

Через несколько дней Саладин атаковал замок Монреаль, расположенный к югу от Мертвого моря. Осада была весьма ожесточенной. Амори, получивший неверные сведения, отправился из Иерусалима на помощь осажденным слишком поздно. Однако, когда гарнизон крепости уже был готов сдаться, на дороге, которая вела к Кераку, внезапно появилось войско Нур ад-Дина. В результате Саладин снял осаду, заявив Нур ад-Дину, что война, которую его брат ведет в Верхнем Египте, вынуждает его вернуться в Каир. Нур ад-Дин воспринял действия Саладина как требующее наказания предательство. Узнав о гневе своего формального повелителя, Саладин встревожился и созвал военный совет, на котором присутствовали члены его семьи и главные военачальники. Самые молодые родственники выступили за неповиновение. Но отец Саладина, престарелый Наджм ад-Дин Айюб, поднялся с места и заявил, что сам он всегда был верен своему повелителю и порицает сына за неоправданные амбиции. После чего еще раз обругал сына в личной беседе за то, что тот позволил себе столь очевидно высказать свои притязания и гордыню. Саладин послушался совета отца и послал Нур ад-Дину письмо с извинениями, которые тот принял.

Летом 1171 г. Нур ад-Дин собирался совершить военный поход в Галилею, который так и не состоялся. Поздней осенью, разгневавшись на дошедшие до него известия о нападении франков из Латакии на два египетских торговых корабля, он напал на принадлежащие Антиохии и Триполи территории, разрушил замки Сафита и Арайма, и христиане были

вынуждены выплатить ему крупную компенсацию. Однако в 1172 г. Нур ад-Дин не нарушал мир, частично потому, что был занят разногласиями с Саладином, а отчасти из-за того, что надеялся получить от сельджуков помощь для атаки на Антиохию. Однако сельджукский султан, получив суровое предупреждение из Константинополя, отказался от предложения Нур ад-Дина и вместо этого начал войну с Данишмендидами, продлившуюся на протяжении двух лет. Хотя союз с Византией и не принес значительной пользы франкам, он по крайней мере спас Антиохию от заключения союза между Алеппо и Коньей.

Примерно в то же время Нур ад-Дин наконец согласился освободить графа Триполи Раймунда за выкуп в 80 000 динаров. Король и госпитальеры собрали большую часть суммы, и Раймунду позволили вернуться домой. Впоследствии он так и не выплатил 30 000 динаров, которые задолжал Нур ад-Дину.

Война снова разразилась в 1173 г. Амори почувствовал, что может, не подвергаясь опасности, отправиться на север, в Киликию, чтобы наказать Млеха за нападение на графа Шампани Стефана и заодно выполнить обещание, данное византийскому императору. Однако в результате этого похода он ничего не достиг, за исключением того, что королю удалось помешать дальнейшему расширению границ владений Млеха. Нур ад-Дин, напротив, воспользовался предоставленной ему возможностью и вторгся в Трансиорданию, призвав Саладина выступить в свою поддержку. Последний, руководствуясь советом отца, выдвинулся вместе со своим войском из Египта и осадил Керак. Тем временем Нур ад-Дин вместе со своей армией шел на юг из Дамаска. Заметив, что он приближается, Саладин снял осаду и отправился обратно в Египет, небезосновательно объяснив свой поступок тяжелой болезнью отца. Однако всем было ясно, что Саладин не хотел уничтожать государство франков, отделявшее его владения от принадлежавших его властному повелителю.

Нур ад-Дин, в свою очередь, велел своим солдатам разбить лагерь на подступах к Кераку. Феод Трансиордания, столицей которого была крепость Керак, принадлежал наследнице Стефании де Милли. Ее первый супруг Онфруа III де Торон умер за несколько лет до этого, а второй муж — сенешаль Иерусалимского королевства Миль де Планси — находился подле короля. На помощь ей пришел лишь ее первый свекор — коннетабль Онфруа II де Торон. Узнав, что франки собирают армию, Нур ад-Дин отступил. Его злости на Саладина не было предела. Узнав вскоре после этого о том, что в августе 1173 г. скончались отец Саладина и его верный слуга Наджм ад-Дин Айюб, Нур ад-Дин поклялся следующей весной

предпринять вторжение в Египет.

Разногласия среди мусульман утешили франков, а осенью 1173 г. они получили неожиданную хорошую новость. На протяжении нескольких десятилетий почти ничего не было слышно об ассасинах, за исключением известий об убийстве ими в 1152 г. графа Триполи Раймунда. Они потихоньку объединяли под своей властью территорию в горах Ансария. В целом ассасины не выказывали особой враждебности по отношению к франкам. Самым главным своим врагом они считали изгнавшего их на восток Нур ад-Дина. Однако он не смог подавить их, и найденный однажды ночью на его подушке кинжал стал предупреждением о том, что Нур ад-Дину не следует заходить слишком далеко. Симпатизировавшие скорее шиитам, чем суннитам ассасины были потрясены бесславной кончиной Фатимидского халифата.

В 1169 г. из штаб-квартиры ассасинов в Аламуте, расположенном в Персии, в район Ансарии был отправлен новый наместник — Рашид ад-Дин Синана из Басры. Этот грозный шейх, прозванный франками «старейшиной гор», занялся проведением более активной политики. Он отправил Амори предложение заключить союз, направленный против Нур ад-Дина, в котором содержался намек на то, что он и его последователи раздумывают о принятии христианства. В обмен на свою помощь Рашид ад-Дин, вероятно, просил, чтобы тамплиеры Тартуса перестали собирать дань с принадлежавших ассасинам деревень. Независимо от того, поверил Амори обещанию ассасинов обратиться в христианство или нет, он готов был принять их предложение о дружбе. Посланники шейха Синана везли с собой обратно в горы обещание, что вскоре к ним прибудет франкское посольство.

Однако когда послы миновали Триполи, их загнал в ловушку и перебил рыцарь-тамплиер Готье де Мениль, действовавший с молчаливого одобрения Великого магистра ордена, к которому он принадлежал. Король Амори пришел в ужас: его тщательно продуманная политика была провалена, а честь замарана лишь потому, что тамплиеры не желали расстаться даже с малой толикой своих доходов. Амори приказал магистру тамплиеров Одо де Сент-Аману выдать виновника, но тот отказался, предложив всего лишь отослать Готье на суд папы римского, единственного человека, авторитет которого он признавал. Однако Амори был слишком зол, чтобы беспокоиться о соблюдении правил ордена. В сопровождении немногочисленного войска он спешно отправился в Сидон, где находились Великий магистр и члены капитула, прорвался к ним, похитил Готье и бросил его в тюрьму в Тире. Получив заверения в том, что правосудие

восторжествовало, ассасины не приняли извинения короля. Амори решил потребовать, чтобы папа распустил орден тамплиеров.

Начало 1174 г. было вполне удачным для христиан. Ассасины были настроены достаточно дружелюбно. Союз с Византией оставался крепким. Молодой король Сицилии Вильгельм II пообещал, что весной пришлет франкам корабли. Разногласия между Саладином и Нур ад-Дином достигли своего апогея. Саладин больше не чувствовал себя в Египте в безопасности, так как представители шиитской знати снова плели против него интриги и поддерживали контакты с франками. В 1173 г. он отправил своего старшего брата Туран-шаха завоевывать Судан, который должен был стать убежищем для семьи, если случится самое худшее. Туран подчинил себе Судан вплоть до Ибрима, где в районе Вади-Халфы расправился с коптским епископом и его паствой, включавшей не только прихожан, но и семь тысяч свиней. Туран сообщил брату, что Судан непригоден в качестве убежища. В результате Саладин отправил его в Южную Аравию, где ему понравилось намного больше. От имени своего прославленного брата Туран завоевал тамошние земли, которыми правил в качестве наместника вплоть до 1176 г.

Однако необходимости в том, чтобы бежать от гнева Нур ад-Дина, не было. Весной 1174 г. атабек прибыл в Дамаск, чтобы спланировать поход в Египет. Прогуливаясь верхом вместе со своими приближенными по фруктовому саду, он рассказывал им о непредсказуемости человеческой жизни. Через девять дней, 15 мая 1174 г., он скончался от ангины. Нур ад-Дин был выдающимся правителем и хорошим человеком, больше всего на свете любившим справедливость. После тяжелой болезни, постигшей его за девятнадцать лет до этого, часть жизненной силы покинула его, и он все больше времени стал уделять религии. Однако его благочестие, каким бы оно ни было ограниченным, снискало ему уважение подданных и врагов. Он был суровым человеком и редко улыбался. Нур ад-Дин вел скромный образ жизни, к которому пытался приучить всех членов своей семьи; предпочитал проводить время не в праздности, а в благочестии и заботе о бедных.

Нур ад-Дин был также осторожным и наблюдательным правителем, и благодаря его мудрости государство, завоеванное его мечом, стало единым. С особенным рвением Нур ад-Дин стремился обуздать своих неугомонных турецких и курдских эмиров, раздав им феоды, с которых те платили ренту воинской силой, однако благодаря подчинявшимся ему судам правителю удавалось держать этих своих вассалов под контролем. Такой смягченный феодализм способствовал восстановлению Сирии после того, как она на

протяжении почти столетия находилась во власти кочевников. Нур ад-Дин был высоким и смуглым, почти безбородым, с правильными чертами и мягким печальным выражением лица. Игра в поло была его единственным любимым отдыхом.

Наследником Нур ад-Дина являлся его сын Малик ас-Салих Исмаил, одиннадцатилетний мальчик, находившийся вместе с ним в Дамаске. Эмир Ибн ал-Мукаддам при поддержке матери мальчика захватил регентство. Гюмюштекин, правитель Алеппо, столицы владений Нур ад-Дина, также объяв ил себя регентом. Двоюродный брат мальчика Сайф ад-Дин Мосул попытался захватить Нусайбин и Джебзире вплоть до Эдессы. Саладин, будучи наместником самой богатой провинции Нур ад-Дина, отправил в Дамаск письмо, в котором заявлял о своих правах на регентство. Однако у Саладина не доставало на тот момент власти, чтобы подкрепить эти требования.

Благодаря тому что мусульмане снова перестали быть едиными, франки получили шанс, которым не преминул воспользоваться Амори. В июне он выступил к Баниясу. К нему навстречу из Дамаска двинулся аль-Мукаддам, тотчас же предложивший (чего, возможно, король и добивался) заплатить франкам крупную сумму денег, освободить всех франкских узников, томившихся в Дамаске, и заключить союз против Саладина. Амори, который начал страдать от приступов дизентерии, принял это предложение. После заключения мирного договора он отправился в Иерусалим через Тверию и Наблус верхом, отказавшись от сулившего все возможные удобства путешествия в паланкине. В столицу король прибыл уже серьезно больным. К его ложу были призваны лучшие сирийские и греческие врачи, которых Амори попросил пустить ему кровь и дать слабительное. Врачи отказались, полагая, что король слишком слаб, чтобы выдержать кровопускание. После этого Амори призвал к себе доктора-франка, не утруждавшего себя подобными опасениями. Лечение вроде бы пошло королю на пользу, но эффект продлился всего один или два дня. В итоге 11 июля 1174 г. Амори скончался в возрасте 38 лет.

Если рассматривать историю как череду вызовов и ответов, то можно счесть образование мусульманского союза во главе с Занги, Нур ад-Дином и Саладином неизбежной реакцией на Первый крестовый поход. Однако судьба слишком часто капризно играет в кости. В начале 1174 г. казалось, будто звезда Саладина заходит. Благодаря неожиданным смертям Нур ад-Дина и Амори он смог ступить на путь своих будущих свершений. Для франков Востока смерть Амори, пришедшаяся на столь ответственный момент, а также свалившиеся на его семью горести стали предвестниками

конца Иерусалимского королевства. Амори был последним из иерусалимских королей, действительно достойных своего трона. Он совершал ошибки, в частности, поддавался энтузиазму своих приближенных в 1168 г. и пошел на поводу у их нерешительности в 1169-м. Король с излишней готовностью принимал дары и деньги, в которых в тот момент столь нуждалось государство, вместо того чтобы проводить дальновидную политику. Однако он был поистине энергичным и деятельным человеком. Амори твердо дал понять, что ни вассалы, ни ордена не могут оспаривать его приказов. Если бы он прожил немного дольше, то, вероятно, сумел бы бросить вызов неотвратимому торжеству ислама.

Часть пятая. Победа ислама

Глава 1. Объединение мусульман

Мудрые наследуют славу, а глупые — бесславие.

Притчи, 3: 35

Для Саладина, с тревогой следившего за ситуацией из Каира, смерть Амори стала подобна манне небесной. Интриги шиитов против каирского правителя достигли кульминации в апреле 1174 г., когда ему сообщили, что против него готовится заговор с целью убийства. Саладин отреагировал немедленно, велел распять главных заговорщиков, однако совсем не был уверен в том, что попытки захвата власти прекратятся, особенно если на помощь злоумышленникам придет христианская армия.

Наследие империи Нур ад-Дина могло попасть в чужие руки. После смерти Амори угроза нападения с суши перестала быть актуальной. Сицилийский флот находился далеко, ибо король Вильгельм II не знал ни о провале заговора шиитов, ни о смерти Амори. И 25 июля 1174 г. сицилийцы на 284 кораблях, на борту которых находились люди, лошади и продовольствие и которыми командовал Танкред ди Лечче, внезапно появились в александрийской гавани. Однако неожиданно выяснилось, что они не получают поддержку, на которую рассчитывали. К тому же они уже успели отказаться от помощи императора, так как Вильгельм II поссорился Мануилом, поскольку последний пообещал ему руку своей дочери Марии, а потом отказался от этого предложения. Кроме того, он хотел доказать, что сицилийцы являются лучшими воинами, чем византийцы, показавшие себя недостаточно хорошими солдатами в 1169 г. Осознав, что им не удалось заставить город врасплох, и увидев, что Саладин подходит к Александрии во главе войска, они снова сели на корабли и 1 августа отплыли на родину. Теперь Саладин получил возможность атаковать Сирию.

Наместник Дамаска Ибн аль-Мукаддам был напуган и обратился за помощью к франкам. Еще больший страх он стал испытывать, когда молодой ас-Салих бежал вместе со своей матерью в Алеппо под защиту более влиятельного Гюмюштекина. Тогда Ибн аль-Мукаддам обратился за помощью к правителю Мосула ас-Сайф ад-Дину, но тот предпочел заниматься объединением захваченных им территорий в Джебеле. Тогда жители Дамаска стали настаивать, что наместник должен призвать в город Саладина. Последний тотчас же отправился в путь во главе отряда,

состоявшего из семи сотен отборных всадников. Он быстро проскакал через Трансиорданию (причем жившие там франки даже не попытались его остановить) и 26 декабря 1174 г. вошел в Дамаск. Жители города радостно приветствовали Саладина и его воинов. Он провел ночь в старом доме отца. На следующее утро Ибн аль-Мукаддам открыл перед ним ворота цитадели. Наместником ас-Салиха в Дамаске Саладин назначил своего брата Тугтекина и, раздав горожанам щедрые подарки из сокровищницы ас-Салиха, чем очень их порадовал, отправился на север, чтобы сразиться с Гюмюштекином.

Из-за смерти Амори франки не могли вмешаться в сложившуюся ситуацию. В живых остался только один принц королевской крови — страдающий проказой тринадцатилетний Балдуин. Его сестра Сибилла, которая была старше его на год, все еще оставалась не замужем. Мачеха Балдуина королева Мария Комнина родила только двух дочерей, одна из которых к тому времени уже умерла, а второй было всего два года. Бароны без возражений признали Балдуина своим новым королем. Спустя четыре дня после смерти Амори его короновал патриарх. Регент назначен не был. Обязанности по управлению государством взял на себя Миль де Планси, ближайший друг покойного короля и благодаря женитьбе сеньор крупнейшего феода в королевстве — Трансиордании.

Однако Миль не пользовался популярностью, особенно среди представителей знати, родившихся на Востоке, которые поддержали в качестве регента другого кандидата — графа Триполи Раймунда, который после сестер короля был его ближайшим родственником. Его мать Годиерна Иерусалимская приходилась Амори теткой. Хотя князь Антиохии Боэмунд был потомком Алисы, старшей сестры Годиерны, от короля его отделяло одно поколение. К тому же он жил довольно далеко, в то время как Раймунд незадолго до этого женился на второй по знатности наследнице в королевстве Эшиве де Бур, княгине Галилеи, вдове Готье де Сен-Омера.

Сторонники Раймунда, возглавляемые старым коннетаблем Онфруа II де Тороном, семьей Ибелинов и сеньором Сидона Рено, настаивали на праве Раймунда выступить перед Высокой курией. Миль увиливал столько, сколько мог, однако вынужден был подчиниться. Поздней осенью 1174 г. Раймунд был назначен регентом. Через несколько недель после этого Миль, очень плохо воспринявший свое отстранение от власти, однажды темной ночью был убит на улицах Акры.

Раймунду исполнилось тридцать четыре. Это был высокий худощавый мужчина, смуглый, темноволосый, с огромным орлиным носом, спокойный, умевший держать себя в руках и немного скуповатый. Он

совсем не походил на одного из охваченных энтузиазмом первых крестоносцев. На протяжении долгих лет, проведенных в плену, он много читал, выучил арабский, познакомился с мусульманской культурой и мировоззрением. Он видел проблемы франкских государств изнутри, был заинтересован в выживании и сохранении этих государств, а не в том, чтобы они стали форпостом для агрессивного распространения христианства. Раймунд был человеком способным и пользовался поддержкой своих таких же неглупых друзей, но был всего лишь регентом и успел обзавестись врагами.

Из-за вопроса о его регентстве в среде баронов королевства произошел раскол. Конечно, отдельные группировки существовали и раньше, особенно в правление королевы Мелисенды, но они существовали недолго. Королям удавалось держать ситуацию под контролем. Теперь появились две отдельные группировки, в первую из которых вошли коренные бароны и госпитальеры, поддерживавшие Раймунда. Ее члены стремились к поиску взаимопонимания с иностранными соседями и не желали пускаться в рискованные авантюры. Другая состояла из людей, незадолго до этого прибывших с Запада, и тамплиеров. Идеологией этой партии стало агрессивное, воинствующее христианство, а лидерами она обзавелась в 1175 г., когда Рено де Шатильон наконец был отпущен из мусульманской темницы вместе с графом Эдессы Жосленом, лишившимся графства и волею судеб ставшим настоящим авантюристом.

Личная враждебность разделяла представителей отдельных групп гораздо сильнее, чем идеологические разногласия. Большинство представителей знати приходилось друг другу родственниками, а семейные ссоры всегда самые горькие. Две жены короля Амори ненавидели друг друга. Агнес де Куртене, сестра графа Жослена, после своего развода успела дважды побывать замужем. Ее следующий муж Гуго д'Ибелин скончался спустя несколько лет после женитьбы. Его преемник сеньор Сидона Рено с радостью узнал, что, как и Амори, находится в слишком близком родстве с супругой, и благополучно аннулировал брак. В то время как Агнес вместе братом и тамплиерами присоединились к одной партии, он вошел в другую. Королева Мария Комнина вскоре опять вышла замуж, на сей раз за Балиана, брата Гуго д'Ибелина, которому принесла в качестве приданого Наблус, свою вдовью долю. Этот брак оказался счастливым, и вдовствующая королева играла заметную роль в среде единомышленников своего нового супруга.

Рено де Шатильон спустя несколько месяцев после освобождения женился на Стефании, наследнице Трансиордании, вдове Миля де Планси,

считавшей графа Раймунда убийцей своего первого супруга. Начало долгой ссоры между Раймундом и тамплиерами положил личный вопрос. Фламандский рыцарь Жерар де Ридфор прибыл в Триполи в 1173 г. и поступил на службу к графу, пообещавшему женить его на первой подходящей наследнице феода в его графстве. Однако когда через несколько месяцев после этого скончался сеньор Батруна, оставив свои земли дочери Люсии, Раймунд проигнорировал притязания Жерара и выдал девушку замуж за богатого пизанца по имени Пливано, не очень галантно поставившего ее на весы и пообещавшего графу выплатить ее вес в золоте. Разочарованный и озлобленный Жерар вступил в орден тамплиеров и вскоре стал одним из самых влиятельных его членов и сенешалем. Он так и не простил Раймунда^[15].

Юный король, хорошо осведомленный о дворцовых интригах, пытался сохранить баланс между партиями. Раймунд оставался его регентом почти три года, однако из-за семейных уз он больше склонялся к сторонникам представителей семейства Куртене. В 1176 г. король назначил своего дядю Жослена сенешалем королевства, а его мать Агнес вернулась ко двору. Ее влияние оказалось разрушительным. Она была женщиной жадной и порочной, алчной до денег и мужчин. Когда-то ей не позволили воспитывать собственных детей. Балдуин был вверен заботам Гильома Тирского, а Сибилла — своей двоюродной тетке принцессе-аббатисе Иовете Вифанской. Но теперь Агнес начала вмешиваться в их жизнь. Балдуин прислушивался к ней, даже вопреки присущему ему здравому смыслу, да и Сибилла попала под ее влияние.

Первой задачей Раймунда на посту регента стала попытка ослабить возросшее влияние Саладина. Франки были не в состоянии помешать заключению союза между Дамаском и Каиром, но по крайней мере Алеппо еще сохранял независимость. Как только из Египта прибыло подкрепление, Саладин во главе войска выступил из Дамаска на Алеппо; 9 декабря 1174 г. он вошел в Хомс, где оставил часть войска, чтобы те захватили продолжавший сопротивляться гарнизон замка. После этого Саладин проследовал через Хаму к Алеппо. Когда Гюмюштекин закрыл ворота крепости прямо перед его лицом, 30 декабря Саладин начал осаду города. Жители города были уже почти готовы его сдать, как юный ас-Салих лично предстал перед ополчением и принялся умолять их защитить его от человека, укравшего его наследство. Тронутые такой просьбой жители города решили не сдаваться.

Тем временем Гюмюштекин послал за помощью к франкам и ассасинам. Через несколько дней группу ассасинов поймали прямо посреди

лагеря Саладина, непосредственно в его палатке. Они предприняли отчаянное сопротивление, после чего были убиты. Немного позднее, 1 февраля 1175 г., перед Хомсом появились граф Раймунд и франкская армия, которые с помощью продолжавшего сопротивляться гарнизона замка начали атаку городских укреплений. Эти действия возымели желаемый эффект. Саладин снял осаду Алеппо и спешно отбыл на юг. Раймунд не стал дожидаться с ним встречи. В течение следующего месяца Саладин был занят осадой замка Хомса. К апрелю он овладел почти всей Сирией, вплоть до Хамы на севере, но Алеппо все еще оставался независимым. В благодарность франкам за помощь Гюмюштекин отпустил Рено де Шатильона, Жослена де Куртене и других христианских узников, томившихся в тюрьмах Алеппо.

Победы Саладина встревожили правителя Мосула Сайф ад-Дина, племянника Нур ад-Дина, который послал своего брата Изз ад-Дина во главе многочисленной армии в Сирию на подмогу Гюмюштекину. Саладин, вероятно надеясь вызвать разногласия между Алеппо и Мосулом, предложил сдать Гюмюштекину Хаму и Хомс. Предложение было отклонено. Но ветераны Саладина сумели напасть на армию Изз ад-Дина, когда она передвигалась по ущелью в холмах к северу от Хамы, и уничтожить ее. Тем не менее Саладин не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы закрепить успех этой победы. Было заключено перемирие, по условиям которого к Саладину отошло несколько городов к северу от Хамы, но в остальном все осталось так же, как было.

Саладин показательно отказался от своего сомнительного вассалитета по отношению к ас-Салиху, заявив, будто сделал все, что мог, чтобы честно служить ему, однако ас-Салих предпочел других советников и отринул его помощь. Поэтому Саладин провозгласил себя правителем Египта и Сирии и даже выпустил монету с собственным именем. Багдадский халиф аль-Мустади милостиво согласился с этим заявлением и послал Саладину царские одеяния, которые вручили ему в Хаме в мае^[16].

Перемирие с потомками Занги долго не продлилось. В марте 1176 г. правитель Мосула Сайф ад-Дин вместе многочисленной армией пересек Евфрат и соединился с войсками Гюмюштекина у Алеппо. Саладин, получивший подкрепление из Египта, отправился к нему навстречу. Его воины, переправлявшиеся через Оронт в районе Хамы, были встревожены солнечным затмением, произошедшим 11 апреля 1176 г., а через десять дней после этого, когда они поили лошадей, их застал врасплох Сайф ад-Дин.

Однако Сайф ад-Дин замешкался, не решившись напасть немедленно.

На следующее утро, когда он подтянул все свои силы для атаки на стоявший на горе Султан (в 20 милях к югу от Алеппо) лагерь Саладина, было уже слишком поздно. Первая атака едва не оказалась успешной, но Саладин контр атаковал, встав во главе резерва, и сломал строй противника. К вечеру поле битвы было за Саладином. Правитель Египта раздал сокровища, брошенные Сайф ад-Дином в лагере во время бегства, своим солдатам. С захваченными в бою пленниками хорошо обращались и вскоре отправили по домам. Такая щедрость и благородство произвели прекрасное впечатление на современников.

Жители Алеппо по-прежнему отказывались открывать Саладину ворота, поэтому тот захватил Бизаа и Менбидж — две крепости, располагавшиеся между городом и рекой Евфрат, а затем осадил Азас, значительную крепость, контролировавшую дорогу на север. Там он снова едва не погиб от руки ассасина, проникшего в палатку, где отдыхал Саладин. От смерти его спас кольчужный капюшон, который он носил под тюбаном. Азас сдался 21 июня, 24 июня Саладин снова появился на подступах к Алеппо. Но на сей раз он был готов к переговорам. Ас-Салих и поддерживавшие его Артукиды из Хисн-Кайфы и Мардина согласились передать Саладину все захваченные им земли. Противники торжественно поклялись хранить мир. Когда 29 июля договор уже был подписан, маленькая сестра ас-Салиха пробралась в лагерь Саладина. Последний спросил, какой подарок он хочет получить, и та ответила: «Замок Азас». Это заставило Саладина вернуть замок ее брату.

И хотя Алеппо так и остался непокоренным, ас-Салих и его двоюродные братья были напуганы. Теперь Саладин мог разобраться с ассасинами и франками. Он вторгся в горы Ансария и осадил главную твердыню ассасинов Масьяф. Шейха Синана в то время не было в крепости. И когда тот спешно возвращался домой, воины Саладина вполне могли бы его пленить, не случись одно мистическое событие. Саладин страдал от ночных кошмаров. Проснувшись как-то ночью, он обнаружил на кровати теплую хлебную лепешку из тех, что пекли только ассасины, а рядом лежали отравленный кинжал и лист бумаги с устрашающим предупреждением. Саладин решил, что у него в палатке был сам старейшина гор, и запаниковал. Он послал к Синану гонца с просьбой простить ему грехи и пообещал, что оставит ассасинов в покое, если они будут вести себя осмотрительно. Старейшина гор простил Саладина, и мир между ними больше не нарушался.

Однако с франками подобного соглашения подписать было невозможно. В 1175 г., когда Саладин хотел получить возможность

расправиться с Сайф ад-Дином и для этого отпустил всех своих пленников-христиан, между ними был заключен мир. Однако уже в следующем году франки нарушили перемирие. Пока Саладин осаждал Алеппо, граф Триполи Раймунд вторгся в Бекаа из Букайи, в то время как с юга двигалась королевская армия под предводительством Онфруа де Торона и пятнадцатилетнего короля. Раймунд, очевидно, потерпел незначительное поражение от Ибн аль-Мукаддама, ставшего наместником Баальбека. Однако, объединив свои силы, франки нанесли серьезное поражение брату Саладина Туран-шаху и ополчению Дамаска. Но как только к ним с севера приблизился Саладин, франки отступили. Он не стал их преследовать. Ему было необходимо немедленно вернуться в Египет. Оставив Туран-шаха командующим сильной армией в Сирии, Саладин снова пробрался через Трансиорданию и в начале сентября прибыл в Каир.

Перерыв в нескончаемых сражениях продлился год, чему обе стороны конфликта были рады. Пока Саладин реорганизовывал Египет, перестраивал Каир и укреплял его фортификационные сооружения, правящие круги Иерусалимского королевства столкнулись с необходимостью решения внутренних проблем. В 1177 г. король Балдуин, которому исполнилось шестнадцать, достиг совершеннолетия, и Раймунд перестал быть регентом. Однако проказа короля прогрессировала, и было очевидно, что он долго не проживет. Для того чтобы обеспечить Иерусалимское королевство наследником престола, следовало выдать замуж принцессу Сибиллу.

В 1175 г., возможно по предложению французского короля Людовика VII, Балдуин пригласил в Палестину Вильгельма по прозвищу Длинный Меч, старшего сына маркиза де Монферрата, который должен был жениться на принцессе Сибилле. Это был отличный выбор. Вильгельм обладал прекрасным происхождением. Его отец считался богатейшим правителем в Северной Италии. Он приходился двоюродным братом сразу двум монархам — королю Людовику и Фридриху Барбароссе, императору Священной Римской империи. Сам он, хотя был уже далеко не молод, сохранил достаточно обаяния и галантности, чтобы пленить юную принцессу.

В октябре 1176 г. Вильгельм прибыл в Сидон. Спустя несколько дней после заключения брака с Сибиллой он получил в качестве приданого графство Яффы и Аскалона и всеми рассматривался как будущий наследник престола. Однако надеждам на Вильгельма, основанным на его энергии и хороших семейных связях, не суждено было сбыться. В начале 1177 г. он заболел малярией. Болезнь затянулась на несколько месяцев, и в

июне того же года он скончался. В конце лета его вдова родила сына, наследника престола, но из-за чего снова должен был быть назначен регент. Посланники короля опять отправились в Европу, чтобы подыскать второго супруга для принцессы.

Посланники короля также должны были попытаться найти в Европе союзников в борьбе с Саладином, поскольку всем было очевидно, что перемирие долго не продлится. Однако западные правители были заняты своими делами, и даже византийский император не мог уже обеспечить помощь в том же объеме, что и прежде. Год 1176-й стал поворотным в истории Византии. Сельджукский султан Кылыч-Арслан II начал проявлять свой нрав и уже отказывался подчиняться власти императора. Пока был жив Нур ад-Дин, Кылыч-Арслана удавалось держать под контролем, поскольку в 1173 г. Нур ад-Дин вторгся в Анатолию, тем самым помешав сельджукам присоединить земли Данишмендидов. Военачальник Нур ад-Дина Абдальмассих, бывший сановник его брата Кутб ад-Дина, служивший в Мосуле, вернул Кесарию-Мазаку представителю династии Данишмендидов Зу-л-Нуну, а сам остался с гарнизоном в Сивасе. Брат Кылыч-Арслана Шахиншах в то же самое время подтвердил свою власть над Анкарой, управление которой за несколько лет до этого ему передал император.

Однако после смерти Нур ад-Дина Кылыч-Арслана уже ничего не сдерживало. К концу 1174 г. Абдальмассих вернулся в Мосул, Зу-л-Нун и Шахиншах находились в ссылке в Константинополе, а их землями завладел Кылыч-Арслан. Вскоре он обратился против Византии. Летом 1176 г. Мануил решил раз и навсегда разобраться с турками. Благодаря скромным успехам, которых император добился в предыдущее лето, он отправил римскому папе письмо, в котором утверждал, что настало время для нового крестового похода. Император решил сделать путь через Анатолию безопасным раз и навсегда. Послав часть армии под началом своего двоюродного брата Андроника Ватаца через Пафлагонию, чтобы вернуть Зу-л-Нуну утраченные территории, Мануил, собрав все доступные ему военные силы, лично возглавил огромную армию, которую бросил против столицы враждебного султаната Коньи. Узнав об этом походе, Кылыч-Арслан запросил мира. Однако Мануил больше не доверял его слову.

В начале сентября у стен Нискара поход в Пафлагонию завершился катастрофой. Голову Ватаца победители послали султану в качестве трофея. Через несколько дней основная армия Мануила покинула долину Меандра, пройдя мимо крепости Сувлеи, построенной по его приказу за год до этого, обойдя озеро Эгридир, а затем в горы в направлении хребта

Султан-Даг. Из-за груженных повозок с осадными машинами и продовольствием армия двигалась медленно, к тому же турки разорили территорию, по которой она проходила. Дорога шла через узкий перевал, в конце которого виднелась разрушенная крепость Мириокефалон, рядом с которой на пустынном холме стояло войско турок. Наиболее опытные из военачальников Мануила предупреждали его о том, что не следует пускать армию на виду у врага через узкий перевал. Однако более молодые представители знати верили в свою военную доблесть и жаждали снискать славу. Они убедили императора в необходимости двигаться дальше.

Султан также собрал значительное войско, созвав всех своих союзников и вассалов. Его армия была такой же многочисленной, как у Мануила, и не настолько хорошо вооруженной, но более мобильной. 17 сентября 1176 г. византийский авангард вошел на перевал. Турки рассыпались по холмам, обошли перевал по флангам и спустились в перевал, по которому проходила византийская армия. Зять императора антиохийский князь Балдуин, командовавший конницей, бросился вместе со своим отрядом в горы и контр атаковал турок, но он и его люди вскоре были убиты.

Находившиеся в долине солдаты видели это поражение. Они стояли настолько близко друг к другу, что едва могли пошевелить руками. Храброе и разумное командование еще могло бы спасти положение, но отвага покинула Мануила. Он первым запаниковал и обратился в бегство, пытаясь покинуть перевал. Вся армия бросилась вслед за ним. В начавшемся хаосе тяжелые обозы с телегами перекрыли дорогу. Лишь немногим воинам удалось спастись. Турки, потрясая перед собой головой Ватаца, устроили резню, продолжавшуюся вплоть до наступления темноты.

Затем султан послал гонца к Мануилу, спешно пытавшемуся восстановить в своем войске порядок, с предложением мира на условиях, что византийцы отступят и разрушат две свои крепости — Дорилею и Сувлею. Мануил благодарно принял предложение о мире. Его непобежденный авангард благополучно вернулся назад по тропе и присоединился к жалким остаткам основного войска, которое, постоянно подвергавшееся нападениям турок, не понимавших проявленной Кылыч-Арсланом снисходительности, пытался отвести назад. Можно предположить, что султан сам не осознал масштабов одержанной им победы. В первую очередь его интересовал восток, а не продвижение на запад. Все, что ему было нужно, — обеспечить безопасность на западных рубежах.

Мануил же, напротив, хорошо понимал масштабы случившейся с ним

катастрофы, которую он сам сравнивал с поражением в битве при Манцикерте, которое византийцы потерпели больше чем за сто лет до этого. Прекрасные осадные машины, сооруженные по приказу его отца и деда, внезапно оказались разрушены. На то, чтобы построить новые, потребовался бы далеко не один год, и в итоге они так и не были сооружены. У императора осталось достаточно войск для, чтобы защищать границы и даже одержать на протяжении трех последующих лет несколько малозначительных побед. Но больше уже никогда византийский император не сможет вторгнуться в Сирию и диктовать свои условия Антиохии. Ничего не осталось и от бывшего престижа военной мощи Византии, который некогда удерживал находящегося на пике своего могущества Нур ад-Дина от слишком активного противостояния христианским государствам Востока.

Для франков поражение при Мириокефале оказалось столь же роковым, как и для греков. Несмотря на взаимное недоверие и недопонимание, франки всегда были уверены, что могущественная Византия является серьезной защитой перед лицом наступления ислама. И если на первых порах, пока правителем Северной Сирии был слабый мальчик ас-Салих, франки не до конца понимали последствия произошедшего, то спустя три года, посетив Константинополь, Гильом Тирский полностью осознал значение этого поражения.

Хотя армия Мануила фактически погибла, его флот все еще оставался сильным и он был готов использовать его против Саладина. В 1177 г. Мануил снова пообещал послать его на помощь франкам, если те опять отправятся в поход на Египет. Летом стали ходить слухи о том, что на Западе якобы готовится новый крестовый поход. Поговаривали, будто и Людовик VII, и король Англии Генрих приняли крест^[17]. Однако в Палестине появился лишь один западный владыка. В сентябре, когда король Балдуин приходил в себя от сильного приступа малярии, в Акре в сопровождении многочисленных спутников на берег высадился граф Фландрии Филипп. Он был сыном графа Тьерри и Сибиллы Анжуйской, и франки, помня об участии его отца в четырех крестовых походах^[18], а также о благочестивой любви его матушки к Святой земле, возлагали на него большие надежды.

Узнав о приезде Филиппа, в королевство прибыли четыре высокородных посланца от императора, предложившие деньги на проведение египетской экспедиции. Вслед за ними в Акру прибыл византийский флот, состоявший из семидесяти прекрасно снаряженных

военных кораблей. Король Балдуин, который был уже слишком слаб, чтобы сражаться самостоятельно, поспешил предложить Филиппу регентство, если тот возглавит египетский поход. Однако Филипп принялся медлить и увиливать. Сначала он заявил, что прибыл в Палестину исключительно ради совершения паломничества в Святую землю, потом — что не может в одиночку взять на себя такую большую ответственность. Когда король предложил ему разделить бремя лидерства с Рене де Шатильоном, Филипп начал критиковать личные качества Рене. Филиппу также сообщили, что византийский флот окажет ему всяческую поддержку. После этого он спросил, с какой стати он должен повиноваться грекам. Наконец, Филипп объявил, что единственной целью его приезда в Палестину является желание выдать своих кузин: принцессу Сибиллу и принцессу Изабеллу — замуж за двух юных сыновей своего лучшего вассала Роберта Бетюнского.

Это переполнило чашу терпения баронов. «Мы думали, что ты явился сюда сражаться за крест, а ты всего лишь ведешь разговор о каких-то браках!» — воскликнул Балдуин д'Ибелин, когда граф рассказал о своих планах на заседании Высокой курии. Расстроенный и разъяренный Филипп приготовился отбыть восвояси. Эти споры потрясли императорских посланцев. Было очевидно, что экспедиция в Египет не состоится. Послы пробыли в королевстве еще месяц и с отвращением покинули Акру, забрав с собой весь флот, неся византийскому императору предупреждение о неизлечимом легкомыслии франков.

Граф Фландрский отбыл из Иерусалима и отправился в Триполи в конце октября. Возможно, его замучила совесть, ибо он согласился сопровождать графа Раймунда в походе против Хамы. Балдуин дал им в качестве подкрепления отряд королевских войск. Этот небольшой отряд вторгся на территорию Хомса, однако попал в засаду и потерял все награбленные трофеи. Два графа осадили Хаму, наместник которой был серьезно болен. Однако когда из Дамаска подоспело подкрепление, Раймунд и Филипп отступили, так ничего и не достигнув. Из Триполи Филипп отправился в Антиохию и там согласился помочь князю Боэмунду с нападением на Харим.

Некогда Харим принадлежал бывшему сановнику ас-Салиха Гюмюштекину, но тот поссорился со своим господином, и ас-Салих приговорил его к смерти. Недовольные вассалы Гюмюштекина взбунтовались против ас-Салиха, однако приближение франков положило конец всем разногласиям. Боэмунд и Филипп без особого энтузиазма начали осаду Харима. Их действия не были особо удачными, и ас-Салих сумел послать отряд, который прорвался сквозь осаду и пришел на помощь

гарнизону. После этого ас-Салих направил в лагерь франков послов, которые объявили осаждающим, что в Сирию вернулся Саладин, настоящий враг Алеппо и Антиохии. Филипп и Боэмунд согласились снять осаду. Граф Фландрии Филипп вернулся в Иерусалим на Пасхе, а затем сел на корабль, плывший из Латакии в Константинополь.

Саладин пересек границу Египта 18 ноября. Его разведка, как всегда, сработала великолепно. Он уже знал, что франко-византийский союз распался, а граф Фландрский отбыл на север. Поэтому Саладин решил внезапно напасть на побережье Палестины. Тамплиеры призвали всех своих рыцарей на защиту Газы, однако египетская армия атаковала вместо этого Аскалон. Старый коннетабль Онфруа де Торон был серьезно болен, да и сам король выздоровел совсем незадолго до этого. Собрав столько войск, сколько смог (не более 500 рыцарей), в сопровождении епископа Вифлеема, взявшего с собой истинный крест, Балдуин поспешил к Аскалону и успел войти в крепость до появления неприятеля.

Король призвал каждого воина королевства присоединиться к его войску, Саладин перехватил и взял в плен первых прибывших к городу новобранцев. Оставив небольшой отряд осаждать крепость, удерживая в ней короля, сам Саладин направился на Иерусалим. На этот раз он проявил излишнюю самонадеянность. Врагов, стоящих между ним и христианским королевством, больше не осталось, поэтому он ослабил дисциплину в войске и позволил своим солдатам грабить земли франков. Отчаяние подтолкнуло Балдуина на смелый поступок — он направил гонца к тамплиерам с призывом оставить Газу и присоединиться к нему около Аскалона. Когда рыцари подошли к стенам города, король прорвал осаду и быстрым маршем во главе всего войска двинулся вдоль побережья до Ибелина, а потом — вглубь материка.

Египетская армия 25 ноября пересекала ущелье около замка Монжизар, расположенного в нескольких милях к юго-востоку от Рамла, когда внезапно на них с севера налетели франкские рыцари. Для Саладина это оказалось полной неожиданностью. Часть мусульманского войска разбрелась по окрестностям в поисках случайной наживы. У Саладина даже не было времени реорганизовать оставшиеся в его распоряжении силы; многие воины бежали, придя в ужас из-за неожиданного нападения. Сам Саладин спасся исключительно благодаря своим мамлюжским телохранителям. Принявшие сражение части были практически полностью уничтожены. Король сражался в первых рядах. Своей победой франки во многом были обязаны храбрости братьев Ибелинов — Балдуина и Балиана, а также приемных сыновей Раймунда — Гуго и Гийома Галилейских.

Самого святого Георгия видели сражавшимся в этот день на стороне короля.

Спустя несколько часов армия Саладина бежала в сторону египетской границы, оставив добычу и захваченных пленных. Египетские солдаты даже побросали тяжелое оружие, чтобы быстрее скрыться с поля битвы. И хотя Саладину позднее удалось привести войска в некоторое подобие порядка, переход через Синайскую пустыню оказался очень трудным, ибо на почти безоружных беглецов нападали отряды бедуинов. Добравшись до египетской границы, Саладин послал гонцов на верблюдах в Каир, чтобы те предупредили возможных мятежников о том, что он еще жив. Весть о его возвращении в Каир разнесли голубиной почтой по всему Египту. Однако его репутация сильно пострадала.

Битва при Монжизаре действительно стала великой победой франков, которая на какое-то время спасла Иерусалимское королевство. Однако даже такая победа не могла изменить ситуацию в более отдаленной перспективе. Ресурсы Египта были безграничны, в то время как франкам по-прежнему не хватало людей. Если бы король Балдуин был в силах возглавить преследование врага вплоть до египетской границы или предпринял бы молниеносную атаку на Дамаск, франки смогли бы сокрушить Саладина. Однако без помощи извне Балдуин опасался рисковать своей и без того немногочисленной армией.

Вместо этого он решил возвести вдоль границы с Дамаском серьезные укрепления, поскольку утрата Банияса сильно ослабила систему защитных крепостей государства. Онфруа де Торон занялся восстановлением крепости Хунин, располагавшейся по дороге из Банияса в Торон. Сам король начал строительство оборонительной крепости в верховьях Иордана, между озером Хула и Галилейским морем, чтобы взять под контроль брод, возле которого Иаков, по преданию, боролся с ангелом и который также известен под названием брод Скорбей. На обоих берегах реки жили мусульманские земледельцы и скотоводы, причем одни из них присягали на верность Дамаску, другие — христианскому королевству. Местное население беспрепятственно пересекало границу, прежде отмеченную только большим дубом. Франки обязались никогда не укреплять переправу. Балдуин не хотел нарушать этот договор и собирался построить замок в каком-нибудь месте, но тамплиеры сумели переубедить его. Местные мусульмане пожаловались на нарушение договоренностей Саладину, который предложил Балдуину сначала 60 000, а потом 100 000 золотых слитков за прекращение строительства. После того как король отказался, Саладин поклялся разрушить замок самостоятельно^[19].

После сокрушительного поражения при Монжизаре Саладин несколько месяцев оставался в Египте, пока не убедился, что все находится под контролем. Поздней весной 1178 г. он вернулся в Сирию и провел остаток года в Дамаске. Единственными военными конфликтами, пришедшими на этот год, были несколько набегов и предпринятых как реакция на них походов. Между расположенными дальше на севере Антиохией и Алеппо царил мир. Между Антиохией и Арменией, где мятежного князя Млеха сверг его племянник Рубен III, также не было конфликтов. Рубен находился в дружественных отношениях с франками, которым он помогал во время неудачной осады Харима. Боэмунд III также стремился к дружбе с византийским императором и в 1177 г. женился во второй раз на родственнице Мануила по имени Феодора.

Весной 1179 г., когда пришла пора сезонного перегона скота, король Балдуин решил забрать себе овец, которые будут двигаться с равнин в районе Дамаска по направлению к Баниясу. Саладин послал своего племянника Фарук-шаха посмотреть, что происходит, и тот вскоре сообщил голубиной почтой дяде о передвижениях франков. Внезапно 10 апреля Фарух-шах напал на врага в узкой лесной долине Банияса. Короля застали врасплох, и только героизм старого коннетабля Онфруа де Торона, который принял на себя основной удар, позволил Балдуину собрать войско и отступить. Но Онфруа был смертельно ранен и умер в новом замке Хунин 22 апреля. Даже мусульмане отдавали должное его личным качествам. Его смерть стала ужасным ударом для королевства, ибо старый барон пользовался всеобщим уважением.

Саладин попытался развить успех и осадил крепость у брода Иакова. Однако местный гарнизон принялся настолько яростно обороняться, что Саладин снял осаду уже спустя несколько дней и разбил лагерь перед Баниясом. Отсюда он разослал отряды своих воинов по Галилее и Ливану, чтобы те уничтожили урожай на всей территории королевства — от Сидона до Бейрута. Король Балдуин принялся снова собирать рыцарей со всего королевства и призвал присоединить к нему графа Триполи Раймунда. Они прошли через всю Тверию и Сафед к Торону. Оказавшись там, они узнали, что Фарук-шах и его отряды возвращаются с побережья, везя с собой богатую добычу.

Для того чтобы перехватить их, войско иерусалимского короля направилось на север в долину Мердж-Аюн, расположенную между рекой Литани и верховьями Иордана. Однако Саладин, находившийся на одном из своих наблюдательных пунктов на холме вблизи Банияса, заметил, что по противоположному берегу реки Иордан бегут в панике стада овец. Он

понял, что рядом проходит франкская армия, и пустился в погоню. В итоге 10 июня 1179 г., пока королевская армия поджидала Фарук-шаха в районе Мердж-Аюн, граф Раймунд и тамплиеры зашли немного вперед в сторону Иордана и у входа в долину наткнулись на армию Саладина.

Тамплиеры немедленно вступили в бой, однако из-за контратаки Саладина они в полном беспорядке были отброшены назад — прямо на войско Балдуина, которое также было вынуждено отступить, и вскоре уже вся христианская армия бежала с поля битвы. Королю и графу Раймунду вместе с небольшим отрядом рыцарей удалось переправиться через реку Литани и укрыться в замке Бофор, высоко на западном берегу. Та же часть войска, которая осталась на восточном берегу реки, оказалась разгромлена, многие рыцари были убиты или взяты в плен. Некоторые из беглецов не стали останавливаться в Бофоре, а отправились прямо на побережье. По дороге они встретили сеньора Сидона Рено, ехавшего во главе своего войска. Бежавшие с поля боя солдаты сообщили Рено, что все кончено и он опоздал, в результате чего тот повернул назад. Однако если бы он поспешил к Литани, то ему, вероятно, удалось бы спасти многих других беглецов.

В плен к Саладину попали Одо де Сент-Аман, Великий магистр тамплиеров, чья поспешная атака стала главной причиной разгрома франков, Балдуин д'Ибелин и князь Галилеи Гуго. Последнего вскоре выкупила его мать графиня Триполи за 55 000 динаров. За Балдуина д'Ибелина Саладин потребовал 150 000 динаров, сумму, которую обычно платили за королей, — настолько высоко он ценил своего врага. Через несколько месяцев Балдуина отпустили в обмен на тысячу мусульманских пленников и обещание найти деньги. Было также озвучено предложение обменять Одо на кого-нибудь из важных мусульманских пленников, однако Великий магистр оказался слишком гордым для того, чтобы признать, что есть кто-то, способный с ним сравниться. Он оставался в тюрьме в Дамаске вплоть до своей смерти, последовавшей через год.

Саладин не стал закреплять победу захватом Палестины, возможно, потому, что услышал о прибытии большой группы рыцарей из Франции под предводительством Генриха II Шампанского, Пьера де Куртене и Филиппа, епископа Бове. Вместо этого Саладин напал на замок Балдуина у брода Иакова. После пятидневной осады, продлившейся с 24 по 29 апреля, ему удалось подорвать стены и пробить себе вход. Защитники были преданы смерти, а крепость срыта до основания. Французские пилигримы так и не решились вступить в сражение, а вскоре вернулись домой. И снова прибывшие с запада крестоносцы показали себя полностью бесполезными.

После того как египетский флот в октябре провел весьма успешную атаку на порт Акры, а также после масштабного нападения мусульман на Галилею в начале нового года король Балдуин отправил послов, которые должны были просить Саладина о мире. Последний согласился. Зимой и в начале весны 1180 г. случилась сильная засуха, и всю Сирию охватил голод. Никому не нужны были набеги, которые могли бы повредить и без того скудный урожай. К тому же Саладин, вероятно, решил, что захвату Иерусалима должно предшествовать завоевание Алеппо. Основанием для заключения мира, который должен был продлиться на протяжении двух лет, стал мирный договор, подписанный Балдуином и Саладином в мае 1180 г. Графство Триполи в этом документе не упоминалось, но после того, как египетский флот напал на порт Тартуса, а Саладину помешали совершить набег на Букайю, он заключил аналогичный договор и с Раймундом.

Осенью Саладин отправился с армией на север, к Евфрату, где представитель династии Артукидов правитель Хисн-Кайфы Нур ад-Дин, ставший его союзником, поссорился с сельджукским султаном Кылыч-Арсланом. Нур ад-Дин взял себе в жены дочь султана, однако покинул ее ради танцовщицы. В результате 2 октября 1180 г. Саладин устроил около Самосаты большой совет, на котором присутствовали представители династии Артукидов, а также посланники от Кылыч-Арслана, правителя Мосула Сайф ад-Дина и армянского князя Рубена. Все они торжественно поклялись хранить мир друг с другом в течение последующих двух лет.

Король Балдуин использовал передышку, чтобы создать христианский союз, направленный против приверженцев ислама. Гильом Тирский, являвшийся с 1175 г. архиепископом, отправился в Рим на Латеранский собор 1179 г., посетив на обратном пути Константинополь. Император Мануил встретил его с обычным своим радушием и гостеприимством, но Гильом видел, что дни императора сочтены. Мануил так и не оправился от трагического поражения в битве при Мириокефале. Однако он все еще живо интересовался событиями в Сирии.

Гильом оставался при дворе императора на протяжении семи месяцев. Он, в частности, присутствовал на грандиозных свадебных церемониях, когда дочь Мануила Марию, старую деву 28 лет, выдавали замуж за Раньери Монферрата, шурина Сибиллы, а сын императора Алексей, которому было всего 10 лет, сочетался браком с принцессой Агнессой Французской, девятилетней девочкой. Вместе с императорскими посланниками Гильом доехал до Антиохии.

Армянский князь Рубен очень хотел укрепить союз с франками. В начале 1181 г. он совершил паломничество в Иерусалим и там женился на

леди Изабелле Торонской, дочери Стефании Трансиорданской. Даже сирийские яковиты заявили о своей верности будущему союзу христиан, когда их патриарх, историк Михаил, посетил Иерусалим и имел долгую беседу с королем.

Надежды возлагались и на легендарного союзника с Дальнего Востока. С 1150 г. по Европе ходило письмо, якобы адресованное великим правителем пресвитером Иоанном императору Мануилу. И хотя можно почти точно утверждать, что письмо — фальшивка, написанная германским епископом, содержащиеся в нем описания богатств и благочестие этого пресвитера-царя были слишком хороши для того, чтобы в них не поверить. В 1177 г. папа римский отправил к пресвитеру Иоанну посланника, своего врача Филиппа, с просьбой о дополнительных сведениях и помощи. Очевидно, путешествие Филиппа, так и не сумевшего добиться какого-либо конкретного результата, завершилось в Абиссинии.

Однако с Запада на Восток по-прежнему не прибыло ни одного влиятельного рыцаря, причем даже для того, чтобы принять предложение руки принцессы Сибиллы, а значит, и иерусалимский престол. Находясь в Риме, архиепископ Тира Фредерик отправил письмо Гуго III Бургундскому, представителю королевской династии Капетингов, в котором умолял его сочетаться браком с принцессой. Гуго сперва согласился, но потом предпочел остаться во Франции.

Тем временем сама Сибилла влюбилась в Балдуина д'Ибелина. Семейство Ибелинов, изначально обладавшее весьма скромным происхождением, теперь занимало высокое положение в среде палестинской знати. После смерти основателя династии Ибелинов Балиана Старого сам Ибелин перешел к госпитальерам. Однако крепость Рамла была передана старшему сыну Балиана Гуго, после кончины которого она была передана его брату Балдуину, женившемуся на наследнице Бейсана, а потом добившемся развода по весьма удобной причине наличия кровного родства. Самый младший брат, Балиан, был женат на королеве Марии Комнине и являлся сеньором Наблуса, отошедшего к Марии в качестве вдовой доли.

Балдуин и Балиан были самыми влиятельными из всех представителей местного нобилитета, и, несмотря на его не самое высокое положение, женитьба Балдуина на Сибилле могла быть хорошо воспринята в королевстве. Однако прежде чем о помолвке было объявлено, Балдуин был захвачен в плен во время битвы при Мердж-Аюне. Сибилла отправила ему в темницу письмо, где уверяла в своей любви. Но когда Балдуина отпустили из плена, принцесса хладнокровно сообщила ему, что не может

выйти за него замуж, пока тот не выплатит огромную сумму выкупа. Ее аргументы были вполне разумными, хотя и несколько обескураживающими, поэтому Балдуин, не зная, как собрать такую огромную сумму, отправился в Константинополь и обратился с просьбой к императору. Мануил, любивший широкие жесты, оплатил весь выкуп. Однако радостно вернувшийся ранней весной 1180 г. в Палестину Балдуин узнал, что Сибилла обручена с другим мужчиной.

Леди Агнес никогда не любила родственников своих многочисленных супругов и потому не одобрила кандидатуру Ибелина. За несколько лет до этого в Палестину прибыл Амори, рыцарь из французского графства Пуату, второй сын графа де Лузиньяна. Он оказался хорошим воином и после смерти Онфруа де Торона был назначен коннетаблем. Примерно к тому же самому времени относится его женитьба на дочери Балдуина д'Ибелина Эшиве. Кроме того, он также являлся и любовником Агнес де Куртене.

Во Франции оставался младший брат Амори по имени Ги. При поддержке Агнес Амори де Лузиньян принялся рассказывать Сибилле о неземной красоте и обаянии этого юноши, и однажды она взмолилась, чтобы Амори пригласил его в Палестину. Когда Балдуин находился в Константинополе, Амори спешно отплыл во Францию, чтобы привезти с собой Ги и подготовить брата к его роли. Сибилла выяснила, что Ги действительно соответствует рассказам о нем Амори, и объявила о своем желании выйти за него замуж.

Король, ее брат, тщетно возражал против этого брака, поскольку Ги, как мог заметить каждый, был юношей слабым и неразумным. Палестинские бароны пришли в ярость, когда осознали, что их будущим королем может стать младший сын малозначительного французского аристократа из рода, единственным достоинством которого является происхождение от феи-русалки Мелюзины. Однако Агнес и Сибилла всячески уговаривали смертельно больного и уставшего короля, пока тот не дал свое согласие. В результате в 1180 г., на Пасху, состоялось венчание Сибиллы и Ги, получившего в качестве феода графства Яффу и Аскалон.

Причины политического и личного характера заставили Ибелинов испытывать отвращение, а разрыв между ними и семьей Куртене, поддерживаемой Рене де Шатильоном, только усилился. В октябре 1180 г. король попытался примирить две враждующие партии, объявив о помолвке своей сводной сестры Изабеллы с Онфруа IV де Тороном. Изабелла была падчерицей Балиана д'Ибелина, а Онфруа — пасынком Рено де Шатильона. Кроме того, Онфруа, как внук и наследник коннетабля королевства, а также возможный наследник по материнской линии сеньории Трансиордания был

самым завидным женихом из числа представителей местной знати, и брак с ним мог считаться большой удачей.

Из-за юного возраста принцессы, которой к тому моменту исполнилось всего восемь лет, брачная церемония была отложена на три года. Однако помолвка не пошла на пользу. Всего через несколько дней после этого события семья Куртене продемонстрировала, насколько велика их власть, когда возникла необходимость назначить нового иерусалимского патриарха. Патриарх Амальрик скончался 6 октября, а 16 октября иерусалимский капитул, попав под влияние леди Агнес, назначил новым патриархом Ираклия, архиепископа Кесарийского. Это был едва знающий грамоту священник из французского графства Овернь, чья привлекательная внешность показалась Агнес неотразимой, и она стала всячески способствовать карьерному росту своего протеже.

Любовницей новоизбранного патриарха являлась жена галантерейщика из Наблуса Пашиа ди Ривери, которая вскоре получила известность по всему королевству под именем мадам Патриархесса. Гильом Тирский поспешно приехал в столицу из своей диоцезии в надежде предотвратить выборы, но его усилия ни к чему не привели. Коллегия выборщиков решила изменить свое решение и назначить патриархом Гильома, однако король под нажимом матери утвердил кандидатуру Ираклия.

Власть в королевстве оказалась сосредоточена в руках Куртене, Лузиньянов и их союзников — Рене де Шатильона и нового патриарха. В апреле 1181 г. они нанесли удар по Гильому Тирскому, который, будучи старым наставником короля, представлял для них опасность. По выдуманному обвинению Ираклий отлучил Гильома от церкви. После нескольких безуспешных попыток добиться правды Гильом в 1182 или 1183 г. отбыл в Рим, чтобы решить свое дело в папском суде, но вскоре скончался. Поговаривали, будто его отравил человек, подосланный патриархом.

Следующий удар правящая партия нанесла по графу Триполи Раймунду. Когда в начале 1182 г. он вознамерился перебраться из графства Триполи во владения своей супруги в Галилее, королевские стражники помешали ему въехать на территорию королевства. Агнес и ее брат Жослен убедили Балдуина, что Раймунд готовит заговор против короны. Король смягчился только после яростных протестов со стороны баронов. Он неохотно согласился встретиться с Раймундом, убедившим его в своей невинности.

Интриги вокруг умиравшего короля не были бы столь опасны, если бы

внешнеполитическая ситуация не являлась настолько угрожающей. 24 сентября 1180 г. франки потеряли своего самого сильного союзника, так как в Константинополе скончался император Мануил. Он искренне любил франков и столь же искренне старался помогать им, за исключением тех случаев, когда эта помощь противоречила интересам империи. Император был ярким и харизматичным человеком, но не великим правителем, ибо амбициозное желание стать властителем всего христианского мира порой заставляло его пускаться в авантюры, которые империя больше не могла себе позволить. Он посылал войска в Италию и Венгрию, когда они были нужнее на границе с Анатолией или на Балканах. Мануил относился к государственной казне так, будто она была неисчерпаемой. Катастрофа при Мириокефале стала смертельным ударом для его перенапряженной непомерными нагрузками армии. Многочисленные торговые привилегии, пожалованные императором итальянским городам в обмен на сиюминутные дипломатические выгоды, подрывали экономическое благосостояние его подданных.

Следствием всех этих непродуманных действий стала опустевшая казна, которую никогда больше не удалось восполнить. Великолепие византийского двора ослепляло и завораживало мир, создавая иллюзию, будто империя гораздо более сильна и могущественна, чем на самом деле. Если бы Мануил прожил дольше, его золото и флот еще сослужили бы свою службу франкам. Благодаря его сильной личности империя оставалась единой, но после смерти Мануила упадок стал очевиден. Император пытался бороться со смертью, упорно цепляясь за пророчество, сулившее ему еще четырнадцать лет жизни, и не приложил ни малейшего усилия для того, чтобы назначить регента, который мог потребоваться его сыну.

Новому императору Алексею II было 11 лет. В соответствии с давно установившейся традицией, регентство перешло в руки императрицы-матери. Однако императрица Мария происходила из Антиохии и была первой латинянкой, которой предстояло управлять православной империей, за что ее не любили жители Константинополя. Благоволение Мануила к франкам давно уже вызывало неодобрение в стране. Междоцерковная борьба за патриарший престол в Антиохии еще больше расстроила византийцев. Кроме того, они так и не забыли недисциплинированный проход крестоносцев по территории империи, как и резню на Кипре или бойни, предпринятые венецианцами, пизанцами и генуэзцами. Наибольшую ненависть в сердцах византийцев вызывали итальянские купцы, которые наводнили Константинополь, гордясь тем, что им удалось

установить контроль над всей торговлей Византии, который они зачастую получали за счет нападений на мирных жителей провинций.

Советником императрицы (и, как считали многие, любовником) стал племянник ее покойного супруга — протосеваст Алексей Комнин, дядя иерусалимской королевы Марии. Он был непопулярным и неблагоразумным человеком. Вместе они полагались на латинян, в особенности на итальянских купцов.

Оппозиционную императрице группировку возглавили ее падчерица Мария Порфирородная и ее супруг Ренье Монферратский. Устроенный ими с целью убийства фаворита императрицы заговор провалился. Однако когда они укрылись в соборе Святой Софии, он еще сильнее оскорбил жителей Константинополя, попытавшись осквернить святилище. В результате императрица была вынуждена помиловать бунтовщиков. Не чувствуя себя в безопасности, она обратилась за помощью к своему зятю — королю Венгрии Беле III, умоляя его спасти ее.

Двоюродный брат ее покойного супруга Андроник Комнин, получивший прощение после всех скандальных амурных приключений на Востоке, доживал свой век в Понте. Его сородичи вспомнили о его галантности и внешнем блеске, и, когда его друзья предложили ему встать во главе народа, Андроник с радостью согласился. В августе 1182 г. он пересек Анатолию. Немногочисленные солдаты, отказавшиеся перейти на его сторону, были перебиты. Вскоре императрица покинула Константинополь, где ее поддерживали только немногочисленные латиняне.

Как только Андроник подошел к Босфору, жители Константинополя внезапно напали на обитавших там латинян. Конечно, резня была обусловлена высокомерием латинян, но те ужасы, которые творились в городе, шокировали даже самых патриотически настроенных византийцев. Лишь немногим итальянским купцам удалось спастись от расправы. Они погрузились на свои корабли и отплыли на Запад, грабя по пути окрестные прибрежные селения. Дорога на Константинополь была для Андроника открыта.

Прежде всего Андроник избавился от своих противников. Протосеваст был заключен в тюрьму и безжалостно ослеплен. Марию Порфирородную и ее супруга постигла таинственная кончина. Императрицу-мать приговорили к казни через удушение, причем ее сына Алексея заставили собственноручно подписать приговор. Андроник стал соправителем, а всего через два месяца, в ноябре 1182 г., сам юный император Алексей II был убит, и Андроник, которому к тому времени исполнилось уже 62 года,

женился на его 12-летней вдове Агнессе Французской.

За исключением этих убийств, начало его правления было весьма неплохим. Он очистил бюрократический аппарат от коррумпированных и бесполезных чиновников, настоял на четком отправлении правосудия, заставил богачей платить налоги и защитил бедняков от чрезмерной эксплуатации. Никогда еще за последние несколько столетий византийские провинции столь хорошо не управлялись. Однако Андроник был напуган, и неспроста. Многие его родственники ему завидовали, знать не одобряла проводимую им политику, да и отношения с соседними государствами вскоре приняли угрожающий оборот.

Андроник осознал, насколько ужасное впечатление произвела на Западе резня, предпринятая в 1182 г., и поспешил не только заключить мирное соглашение с Венецией, в котором пообещал значительные ежегодные выплаты в качестве компенсации за понесенные республикой потери, но и постарался умиловить папу строительством в столице католической церкви. Император также пытался проводить политику благоприятствования западным купцам, убеждая их вернуться. Однако главными врагами Византии были император из династии Гогенштауфенов и король Сицилии.

В 1184 г. был заключен не суливший ничего хорошего Византии брак между Генрихом, сыном императора Фридриха, и Констанцией, сестрой и наследницей короля Вильгельма II. Понимая, что сицилийцы нападут на него в самое ближайшее время, Андроник хотел быть уверенным в защищенности своих восточных границ. Император прекрасно сознавал, что основная опасность исходит от Саладина, поэтому, отказавшись от политики Мануила, заключил с Саладином мирный договор, согласно которому последний получал полную свободу действий против франков в обмен на союз с Византией против сельджуков. Вполне вероятно, были обговорены и другие детали относительно будущих завоеваний и передела сфер влияния. Однако этот договор оказался безрезультатным, так как Андроник, опасаясь за свое положение в Константинополе, начал проводить настолько жестокую репрессивную политику, что уже никто в столице не чувствовал себя в безопасности. Он ударил не только по аристократии — даже обычные купцы и ремесленники могли быть арестованы по малейшему подозрению в участии в заговоре, ослеплены или отправлены на эшафот. Когда в 1185 г. сицилийская армия высадилась в Эпире и пошла маршем до Фессалоник, Андроник запаниковал.

Политика казней и арестов довела население империи до бунта, который разразился, когда престарелому и безобидному двоюродному

брату Андроника Исааку Ангелу удалось сбежать от своих тюремщиков и укрыться в соборе Святой Софии, откуда он стал взывать о помощи. Даже собственные телохранители покинули Андроника, который попытался бежать в Азию, но был схвачен. Поверженного императора провезли на паршивом верблюде по городу, потом подвергли пыткам, после чего разъяренная толпа разорвала его на части.

Императором провозгласили Исаака Ангела, восстановившего некое подобие порядка и заключившего униженный мирный договор с королем Сицилии. Однако Исаак показал себя правителем крайне неудачным. Древняя империя превратилась в его правление в третьесортное государство, не обладавшее никаким влиянием на мировую политику.

Упадок Византии изменил баланс сил на Востоке. Князья Армении и Антиохии были крайне довольны подобным положением дел и от радости стали ссориться друг с другом. Узнав о смерти Мануила, Боэмунд III отказался от своей греческой супруги, чтобы жениться на даме из Антиохии по имени Сибилла, отличавшейся весьма свободными нравами. Латинский патриарх Антиохии Альмерик, конечно, с неодобрением относился к супруге-гречанке правителя, однако подобного адюльтера стерпеть не мог. Он отлучил Боэмунда от церкви, наложил на город интердикт и опять удалился в изгнание в замок Кусейр.

Антиохийские аристократы небезосновательно ненавидели Сибиллу, ибо она была шпионкой, получавшей от Саладина деньги в обмен на информацию о численности и передвижениях армий франков. Они поддерживали Альмерика. Разразилась гражданская война, и король Балдуин послал делегацию клириков во главе с патриархом Ираклием, чтобы рассудить спор. В обмен на финансовую компенсацию Альмерик согласился снять интердикт, но отлучение от церкви Балдуина осталось в силе. Однако Сибилла была официально признана антиохийской княгиней. Многие придворные были недовольны этим решением и перебрались ко двору армянского князя Рубена.

Отношения между двумя князьями еще более осложнились в конце 1182 г., когда византийский наместник в Киликии Исаак Комнин, выступавший против Андроника, попросил у Боэмунда поддержки против Рубена и впустил антиохийские войска в Тарс. Войдя в Тарс, Боэмунд быстро изменил свое решение и продал Тарс и его наместника Рубену, а потом от этого открестился. Тамплиеры выкупили Исаака при условии, что испытывавшие к нему симпатию жители Кипра выплатят им долг. После этого Исаак удалился на Кипр, где объявил себя независимым императором, и позабыл о долге.

В следующий раз Рубен встревожил своих соседей, когда вторгся в небольшое, но независимое армянское княжество Хетумидов в Лаброне, на северо-западе Киликии, находившееся под патронажем Константинополя. Подобное проявление силы встревожило Боэмунда, который в 1185 г. пригласил Рубена в Антиохию на устроенный в честь перемирия пир и арестовал его сразу после прибытия. Однако брат Рубена Лев завершил завоевание владений Хетумидов и напал на Антиохию. В результате Рубена отпустили, добившись от него обещания передать Мамистру и Адану Боэмунду. Но, оказавшись в Киликии, Рубен вскоре отвоевал эти территории обратно и сделался властителем всего региона. Боэмунд пытался восстановить свое влияние и совершил несколько набегов на Киликию, но ничего не достиг.

Подобные бесплодные территориальные конфликты между малозначительными христианскими правителями были очень выгодны Саладину. Ни Византия, ни даже франки из Северной Сирии не могли теперь ни помешать его продвижению на Восток, ни послать помощь Иерусалимскому королевству. Единственным христианским государством на Востоке, снискавшим уважение мусульман, было далекое царство Грузия, занимавшееся в то время увеличением своей территории за счет сельджукских государств в Иране, трудности которых были очень удобны султану.

В такой обстановке для Иерусалимского королевства было жизненно важно сохранять перемирие 1180 г. Однако Рено де Шатильон, ставший сеньором Трансиордании, не понимал ту политику, которая не соответствовала его желаниям. Согласно мирному соглашению, христианские и мусульманские купеческие караваны могли свободно передвигаться по территории бывших противников. Но Рено не желал молча наблюдать за тем, как богатые мусульманские караваны практически без вооруженного сопровождения спокойно передвигаются прямо у него под носом.

Летом 1181 г. он все-таки поддался искушению и повел отряд своих воинов на восток, вглубь Аравийского полу острова, к оазису Тема, где проходил путь из Дамаска в Мекку. Прямо рядом с оазисом он напал на направлявшийся в Мекку мирный купеческий караван и скрылся со всем награбленным добром. Рено, вероятно, даже собирался двинуться дальше и напасть на Медину, но Саладин, находившийся в то время в Египте, немедленно послал войско из Дамаска во главе со своим племянником Фарук-шахом в Трансиорданию, и Рено поспешил домой. Саладин пожаловался королю Балдуину на нарушение мирного договора и

потребовал компенсации. Балдуин признал справедливость этих притязаний, однако, несмотря на все доводы, Рено отказался выплатить компенсацию. Во время заседания Высокой курии его друзья стали поддерживать такую позицию, и Балдуин был вынужден оставить Рено в покое.

Однако Саладин не забыл о нанесенном ему оскорблении. Через несколько месяцев караван европейских судов, на которых находилось около пятнадцати сотен паломников, не подозревавших, что перемирие нарушено, из-за погоды был вынужден пристать к берегу в Египте около Дамьетты. Саладин напал на них, заковал в цепи и послал Балдуину письмо, в котором предлагал отпустить их, как только франки вернут все награбленное Рено. Последний снова отказался от выплаты компенсации. Война стала неизбежной.

Рено и его сторонники убедили Балдуина сконцентрировать королевскую армию в Трансиордании, чтобы обрушить на Саладина удар, как только тот выйдет из Египта. Ибелины и Раймунд тщетно пытались обратить внимание короля на то, что это поставит под угрозу Палестину, если Саладин найдет способ пройти мимо франкской армии. Саладин покинул Египет 11 мая 1182 г. Во время официальной церемонии прощания правителя со своими сановниками кто-то из стоявших в толпе выкрикнул стихотворную строчку, смысл которой сводился к тому, что Саладин больше никогда снова не увидит Каир.

Пророчеству суждено было сбыться. Саладин провел свою армию через Синайскую пустыню к Акабе, откуда без всяких затруднений повернул на север, обойдя с востока ожидавшую его франкскую армию, неуклонно продвигаясь вглубь и уничтожая по дороге посеvy. Прибыв в Дамаск, он узнал, что Фарук-шах уже успел совершить набег на Галилею и ограбить деревни на склоне горы Фавор, захватив двадцать тысяч голов скота и тысячу пленников. На обратном пути Фарук-шах напал на крепость Хабис-Джардак, вырубленную в скалах над рекой Ярмук за Иорданом. Он прорубил в скале туннель и вошел в крепость, гарнизон которой, христиане-сирийцы, совсем не желавшие отдавать жизнь за франков, сдался на милость победителя.

Саладин провел в Дамаске три недели, а 11 июля 1182 г. вместе с Фарук-шахом и огромной армией переправился в Палестину, обогнув Галилейское море с юга. Король, поняв глупость своей предыдущей стратегии, ушел из Трансиордании и направился маршем на запад по восточному берегу реки Иордан, взяв с собой патриарха и частицу истинного креста, чтобы благословить христианское войско. Две армии

сошлись у принадлежавшего госпитальерам замка Бельвуар. В последовавшем за этим яростном сражении франкам удавалось отбивать ожесточенные атаки Саладина, но и их контратаки не могли нарушить строй мусульман. В конце дня оба противника отступили, и каждый из них приписал победу себе.

Битва при Бельвуаре стала шахом Саладину-завоевателю, но лишь временным. В августе он снова пересек границу, пройдя молниеносным маршем через горы в Бейрут. В то же самое время на побережье появился его флот, вызванный голубиной почтой из Египта. Однако Бейрут оказался слишком хорошо укреплен, а его епископ Одо организовал смелую и решительную защиту. Узнав о нападении Саладина, Балдуин спешно привел свою армию из Галилеи, остановившись только для того, чтобы забрать флот, стоявший в бухтах Акры и Тира. Не сумев взять город приступом до прибытия войска франков, Саладин отступил. У него появились дела поважнее.

Правитель Мосула Сайф ад-Дин умер 29 июня 1180 г., из наследников у него остались только малолетние дети. Поэтому эмиры Мосула пригласили его брата Изз ад-Дина в город, чтобы тот занял вместо него престол. Через восемнадцать месяцев, 4 декабря 1181 г., правитель Алеппо ас-Салих внезапно скончался от колик, обычно приписываемых яду. Этому храброму умному юноше, который мог бы стать великим правителем, было всего восемнадцать. На смертном одре он умолял склонившихся над ним эмиров передать трон его двоюродному брату из Мосула, чтобы объединить фамильные владения для борьбы с Саладином.

В конце года Изз ад-Дин прибыл в Алеппо, где ему была организована радушная встреча. Даже от эмира Хама прибыли посланники, сообщившие ему о своей преданности. Однако два года с момента заключенного с Саладином перемирия еще не прошли, и Изз ад-Дин, скорее движимый праздностью, чем честью, отказался от этого предложения. У него было достаточно и других забот: в феврале 1182 г. его брат правитель Синджара Имад ад-Дин потребовал свою долю наследства и вел переговоры с военачальником армии Алеппо Кукбури. В мае Изз ад-Дин вернулся в Мосул, а Имад ад-Дин отдал ему Синджар в обмен на Алеппо. В качестве вознаграждения Кукбури стал эмиром Харрана. Оказавшись там, он начал вести со своими соседями-Артукидами, правителями Хисн-Кайфа и Бирджика, переговоры, направленные против правителей Алеппо и Мосула, а также представителя династии Артукидов и правителя Мардина Кутб ад-Дина. Заговорщики обратились за помощью к Саладину.

Перемирие между мусульманскими князьями закончилось в сентябре.

В этот день Саладин перешел границу и, перейдя после обманного нападения на Алеппо Евфрат, атаковал Бирджик. Расположенные в Джебзире города: Эдесса, Сарудж, Нусайбин — поочередно распахивали перед ним свои ворота. Саладин поспешил к Мосулу и 10 ноября осадил его. И снова его сдержали фортификационные сооружения, слишком крепкие для того, чтобы их штурмовать.

Духовный наставник Саладина багдадский халиф ан-Насир был потрясен войной между братьями по вере и пытался призвать их заключить мир. Сельджукский правитель Восточной Армении и владетель Мардина готовились прислать подкрепление. В итоге Саладин отступил и напал на Синджар, который взял штурмом после двухнедельной осады. На сей раз он не смог удержать своих воинов от грабежей, но наместника города отпустил и отослал его с почетным эскортом в Мосул.

Изз ад-Дин и его союзники направлялись к Мадрину, навстречу противнику, однако, передумав, послали впереди себя гонца с предложением перемирия. Охваченный гневом Саладин ответил, что встретится с ними на поле битвы. В итоге войско Изз ад-Дина и его союзников разбежалось по домам. Саладин не стал их преследовать, а вместо этого отправился дальше на север, чтобы подчинить Диярбакыр, самую богатую и мощную крепость Джебзире, в которой хранилась лучшая исламская библиотека. После победы он передал крепость правителю Хисн-Кайфы. Реорганизовав управление Джебзире и устроив так, чтобы каждый город был передан в качестве феода верному ему эмиру, Саладин 21 мая 1181 г. вновь появился возле Алеппо.

Как только Саладин выступит против Имад ад-Дина и Изз ад-Дина, они немедленно отправили за помощью к франкам. Послы из Мосула пообещали ежегодно выплачивать по 10 000 динаров, вернуть франкам Банияс и Хабис-Джалдак, а также освободить любого христианского пленника, который окажется у Саладина, если франки совершат отвлекающий маневр против Дамаска. Момент для этого был очень подходящим. Через несколько дней после завоевания Саладином Джебзире его племянник Фарук-шах, правитель Дамаска, внезапно умер. Король Балдуин в сопровождении патриарха и истинного креста возглавил двинувшееся через Авран войско, разграбил Эзру и достиг Босры. В то же самое время граф Триполи Раймунд захватил Хабис-Джалдак.

В начале декабря 1182 г. Раймунд возглавил конную атаку, участники которой также добрались до Босры. Через несколько дней королевская армия подошла к Дамаску и разбила лагерь в его пригороде Дарайе. Там располагалась знаменитая мечеть, которую Балдуин решил пощадить после

того, как принял делегацию христиан Дамаска, сообщивших королю, что в случае разрушения франками мечети аналогичные действия будут предприняты мусульманами против их церквей. Король не пытался атаковать сам город, и франки, нагруженные добычей, вскоре отступили, чтобы провести Рождество в Тире. Балдуин планировал продолжить кампанию весной, однако в самом начале нового года заболел лихорадкой, когда находился в Назарете.

На протяжении нескольких недель король выбирал между жизнью и смертью. Его болезнь парализовала армию франков. Правивший южнее Боэмунд III был бессилён что-либо предпринять против Саладина. Поэтому он отправил посольство в лагерь Саладина, стоявший возле Алеппо, которые заключили с ним четырехлетнее перемирие, позволившее ему восстановить оборонительные укрепления столицы.

Правитель Алеппо Имад ад-Дин почти не пытался противостоять Саладину. Сам он не пользовался в городе особой популярностью, поэтому, когда Саладин предложил вернуть ему Синдjar, а также Нусайбин, Сарудж и Ракку, правда в качестве феодалов, он с радостью согласился. В итоге 12 июня 1183 г. Саладин овладел Алеппо. Через пять дней после этого Имад ад-Дин отбыл в Синдjar в сопровождении почетного эскорта, не избавившего того тем не менее от насмешек жителей города, который он так легко уступил, а 18 июня Саладин формально вошел в Алеппо и поднялся в замок.

Уже 24 августа султан вернулся в Дамаск, ставший отныне его столицей. Отныне его владения простирались от Киренаики до Тигра. На протяжении более чем двух столетий на Востоке не было более могущественного мусульманского правителя. Ему принадлежали все богатства Египта. Великие города Дамаск и Алеппо находились под его непосредственным управлением. Вокруг этих столичных городов, вплоть до стен Мосула на северо-востоке, простирались военные феодалы, правителям которых он доверял. Багдадский халиф его поддерживал; Изз ад-Дин Мосул его боялся. Сельджукский султан в Анатолии искал его дружбы, а сельджуками Востока недоставало сил для того, чтобы с ним бороться. Некогда могущественная Византия больше не представляла для него угрозы. Единственное, что оставалось великому полководцу, — изгнать из Палестины и Сирии христианских захватчиков, чье присутствие там было настоящим оскорблением исламу.

Глава 2. Рога Хаттина

*...Приблизился конец наш, дни наши исполнились;
пришел конец наш.*

Плач Иеремии, 4: 18

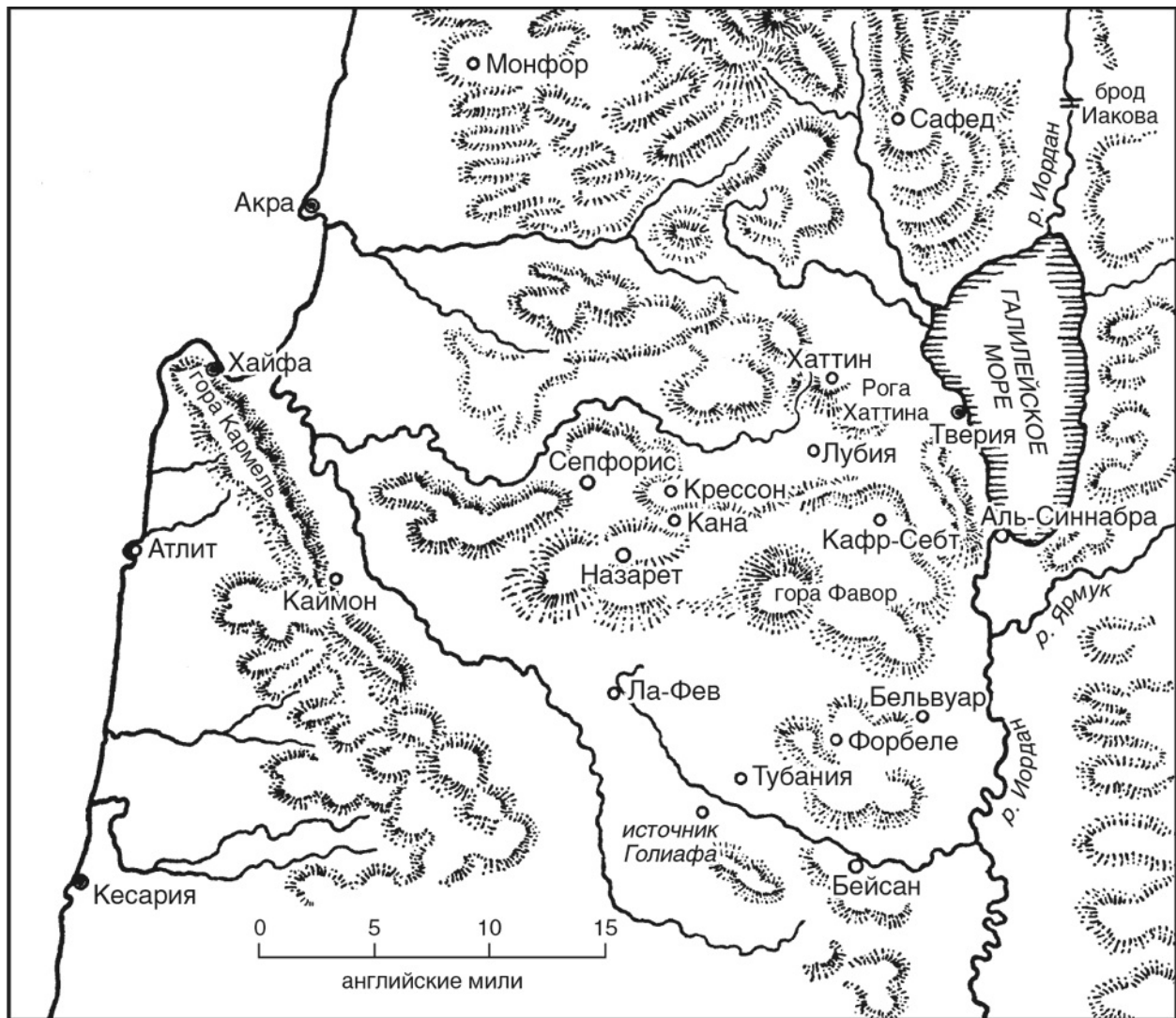
Когда король Балдуин пришел в себя после сразившего его в Назарете приступа болезни, стало ясно, что он больше не в состоянии управлять страной. Его проказа сильно прогрессировала из-за лихорадки. Балдуин больше не мог управлять ногами и руками, его конечности начали гнить заживо, и он почти ослеп. Сторожившие короля мать, сестра Сибилла и патриарх Ираклий убедили его передать регентство супругу Сибиллы Ги де Лузиньяну. Ги получал полную власть над королевством, за исключением города Иерусалима, который вместе с годовым доходом в 10 000 безантов король сохранил за собой. Бароны неохотно согласились с решением короля.

Рено де Шатильон не присутствовал на этом обсуждении. Узнав осенью 1182 г., что Саладин отбыл на север, он немедленно приступил к осуществлению замысла, который давно вынашивал, — он хотел отправить в Красное море эскадру для нападения на богатые морские купеческие караваны, державшие путь в Мекку, и даже на сам священный город ислама. В конце года Рено прошел маршем на Айлу, расположенную на берегу Акабского залива, везя с собой галеры, построенные из дерева моавских лесов и испытанные в водах Мертвого моря. Айла, с 1170 г. принадлежавшая мусульманам, сдалась Рено, однако стоявшая на острове крепость, которую французские историки называли Иль-де-Граие, продолжала сопротивляться. Рено оставил два корабля, чтобы держать осаду. Оставшаяся часть флота отправилась дальше под управлением нанятых Рено местных пиратов. Они поплыли на юг вдоль африканского побережья Красного моря, промышляя по пути в небольших портовых городах, и, наконец, атаковали и разграбили Айдеб — нубийский порт прямо напротив Мекки.

Отряды пиратов захватывали богатые корабли, шедшие из Адена и Индии, а в результате организованной Рено сухопутной вылазки был ограблен огромный беззащитный караван, двигавшийся по пустыне из долины Нила. Из Айдеба пираты переправились через море на Аравийское

побережье. Они сожгли корабли в мединских портах Аль-Хавре и Янбу и вторглись в Ар-Рагиб, один из портов самой Мекки, после чего потопили направлявшийся в Джедду корабль с паломниками. Весь мусульманский мир пришел в ужас. Даже правителям Алеппо и Мосула, которые обычно прибегали к помощи франков, стало стыдно иметь союзников, осмелившихся нанести подобное оскорбление святыням ислама.

Брат Саладина и его наместник в Египте Малик аль-Адиль предпринял ответные действия. В погоню за франками он послал флотилию кораблей с командами магрибских моряков во главе с египетским флотоводцем Хусамом эд-Дин Лулу. Первым делом Лулу отвоевал замок Грайе, затем вернул Айлу, уже покинутую к тому времени людьми Рено. После этого Лулу догнал и уничтожил пиратскую флотилию у Аль-Хавра, захватив в плен практически всех находившихся на кораблях моряков. Несколько из них послали в Мекку, чтобы со всеми церемониями казнить во время следующего хаджа в долине Мина, на специальном месте для жертвоприношений. Остальных забрали в Каир и там обезглавили. Саладин торжественно поклялся, что Рено не получит прощения за совершенные им преступления.

Галилея

Тем временем 17 сентября 1183 г. Саладин вышел из Дамаска во главе огромной армии и вторгся в Палестину. Уже 20 сентября он переправился через Иордан чуть южнее Галилейского моря и вошел в Бейсан, жителям которого пришлось укрыться под защитой стен Тверии. Получив известия о приближении Саладина, Ги де Лузиньян собрал всю армию королевства, усилив ее двумя прибывшими знатными рыцарями-крестоносцами: Годфридом III, герцогом Брабантским, и аквитанцем Ральфом де Молеоном — и их людьми. На призыв Ги откликнулись также и граф Триполи Раймунд, Великий магистр госпитальеров, Рено де Шатильон, братья Ибелины, сеньор Сидона Рено и сеньор Кесарии Готье. Молодой Онфруа IV де Торон во главе трансиорданского отряда своего отчима также направился им навстречу, но на склонах горы Гильбоа попал в засаду

мусульман. Большинство его людей были убиты.

Затем Саладин послал своих воинов, которые должны были захватить и уничтожить небольшие окрестные крепости. Другой его отряд разграбил греческий монастырь на горе Фавор, но мусульманам не удалось захватить католический монастырь, находившийся на верхушке горы. Сам Саладин, возглавивший основное войско, разбил лагерь у родника Тубания, на месте древнего города Изреэль.

Франки собрались у Сепфориса и проследовали маршем в Изреельскую долину 1 декабря 1183 г. Авангард франкского войска во главе с коннетаблем Амори был атакован отрядом противника, однако вовремя подоспевшие со своими людьми братья Ибелины помогли отбить атаку. Христиане разбили лагерь у источника Голиафа, прямо напротив ставки Саладина, который настолько растянул фланги, что почти окружил франков. Пять дней армии бездействовали, и христианам было все сложнее добывать продовольствие. Через пару дней итальянские наемники начали голодать. Армию спасло лишь то, что в водоеме источника Голиафа оказалась рыба.

Большинство воинов, в том числе недавно прибывшие из Франции рыцари и неукротимый Рено, хотели атаковать мусульман, но Ги колебался. Раймунд и братья Ибелины настаивали, что нападение на противника, обладающего таким большим численным превосходством, может стать фатальным и армия должна придерживаться оборонительной тактики. И они оказались правы — после нескольких безуспешных попыток заставить христиан атаковать 8 октября 1183 г. Саладин снял лагерь и отошел за реку Иордан.

Ги шокировал своим поступком как простых воинов, решивших, что он трус, так и баронов, осознавших, насколько он слаб. Вернувшись в Иерусалим, Ги рассорился с королем. Балдуин решил, что воздух Тира подойдет ему значительно больше, чем ветреные высоты Иерусалима, и предложил своему зятю поменяться городами, но Ги довольно грубо отверг эту просьбу. Разъяренный Балдуин из последних сил созвал своих главных вассалов и по их совету лишил Ги регентства. 23 марта 1183 г. король провозгласил своим наследником шестилетнего племянника Балдуина, сына Сибиллы от первого брака, и попытался убедить ее аннулировать брак. Несмотря на то что он уже почти не мог двигаться без посторонней помощи, Балдуин снова принял на себя королевские обязанности.

В ответ Ги удалился в свое графство Аскалон и Яффу и отказался повиноваться королю. Балдуину удалось захватить Яффу, которую он немедленно перевел под свое прямое управление, однако Ги нанес ему

поражение в Аскалоне. Тщетно патриарх Ираклий и Великие магистры орденов тамплиеров и госпитальеров пытались вступить за мятежника. Этим они только окончательно вывели из себя Балдуина, который отлучил их от двора. Позднее он вновь призвал отлученных, приказав им отправляться в Европу и проповедовать новый крестовый поход, однако прежде, чем они согласились, прошло несколько месяцев.

На совете баронов, по рекомендации которого король изгнал Ги, присутствовали князь Антиохии Боэмунд, граф Триполи Раймунд, сеньор Кесарии и два брата Ибелина. Сеньор Трансиордании на совет не приехал. Настал черед заключить отложенный ранее брак между принцессой Изабеллой, которой теперь исполнилось одиннадцать, и семнадцатилетним Онфруа де Тороном. Рено де Шатильон решил, что эта церемония обязательно должна быть весьма пышной и состояться в замке Керак, наследником которого являлся новобрачный.

В ноябре в замке начали собираться гости. Многие из них, например мать невесты королева Мария Комнина, относились к числу личных врагов Рено, но они прибыли на свадьбу, чтобы в последний раз попытаться помирить враждующие партии. Помимо гостей замок был наводнен шутами, танцовщиками, жонглерами и музыкантами со всего христианского Востока. Неожиданно празднества оказались прерваны ужасными известиями о том, что к замку приближается со своей армией Саладин.

Уничтожение Керака и его безбожного сеньора было одним из притязаний Саладина. До тех пор пока Рено контролировал Керак, он мог перехватывать любые караваны, следовавшие между Сирией и Египтом, и опыт показывал, что его не удержит никакое перемирие. Вскоре, 20 ноября 1183 г., армия Саладина, пополнившаяся подкреплением из Египта, разбила лагерь перед стенами замка. Окрестные пастухи и крестьяне, христиане-сирийцы, устремились вместе со своими стадами в город, и многие из них укрылись в самой цитадели.

Саладин тотчас же атаковал нижний город и прорвался через его ворота. Рено удалось спастись только благодаря героизму одного из его рыцарей, в одиночку удерживавшего подступы к мосту, который вел через крепостной ров, пока тот не был разрушен за спиной воина. Между тем брачная церемония в замке продолжалась, свидетельствуя о явной браваре ее устроителей. Леди Стефания, мать жениха, лично приготовила блюда для свадебного стола и отослала часть из них Саладину. В качестве ответной любезности Саладин по-рыцарски осведомился, в какой из башен замка остановились новобрачные, и велел не забрасывать эту башню

камнями из своих осадных машин, но штурм не прекратил. Девять его огромных баллист продолжали прицельно разрушать стены, а рабочие почти засыпали ров.

В Иерусалим поспешили гонцы, чтобы просить короля о помощи. Балдуин созвал королевское войско, которое он передал под командование графа Раймунда, но сам твердо настоял на том, что должен быть вместе со своими людьми, и его понесли в паланкине. Войско спешно спустилось за Иерихон и поднялось по дороге мимо горы Нево. При его приближении Саладин, осадным машинам которого так и не удалось причинить сильных повреждений крепким стенам цитадели, снял осаду и 4 декабря вернулся в Дамаск. Короля триумфально внесли в замок, а слегка припозднившиеся гости смогли наконец отправиться по домам.

Свадьба не положила конец разладу между враждующими партиями, от которого больше всего страдала молодая невеста. Ее свекровь, несомненно по требованию Рено, запретила Изабелле видеться с матерью, которая, глубоко вовлеченная в близкие ее греческому сердцу придворные интриги, смотрела на нее почти как на предательницу. И только супруг Изабеллы оказался к ней добр. Онфруа де Торон, юноша исключительной красоты и большой учености, вкусы которого больше напоминали характерные для девушки, чем для молодого человека, был рассудителен и нежен по отношению к своей совсем юной жене, и она любила его.

Следующей осенью Саладин снова напал на Керак, причем армия его была усилена за счет подкрепления, предоставленного его вассалами из династии Артукидов. И снова огромная крепость оказалась ему не по зубам. Он не смог выманить защитников наружу, чтобы сражаться на склонах под городом, и опять отступил, когда подросла армия из Иерусалима. Саладин удалился в свои владения, послав вглубь королевства небольшой отряд, который разграбил его территорию вплоть до Наблуса. Сам Саладин вернулся в Дамаск. Ему предстояло еще немало сделать для того, чтобы реорганизовать подвластную ему державу. Время для уничтожения христиан еще не пришло.

В Иерусалиме Балдуин Прокаженный держал бразды правления в своих практически уничтоженных болезнью руках. Ги по-прежнему удерживал за собой Аскалон, отказываясь впустить в город королевских представителей. Его сторонники, патриарх и Великие магистры двух орденов, были далеко в Европе, тщетно пытаясь впечатлить императора Фридриха, короля Франции Людовика и короля Англии Генриха грозящими христианскому Востоку горестями. Западные правители принимали посланников с большим почтением и обсуждали планы нового

масштабного крестового похода. Однако каждый из них обязательно находил достойную причину, по которой не мог принять в нем участие. Все разговоры свелись к организации небольшой миссии, состоявшей из нескольких рыцарей, готовых принять крест.

Осенью 1184 г. Ги снова разозлил своего шурина. Еще со времен взятия христианами Аскалона бедуинам графства было дозволено (взамен на уплату королю небольшой дани) спокойно передвигаться по стране вместе со своими стадами. Недовольный тем, что дань поступает в казну короля, а не в его собственную, Ги напал на бедуинов, перебил их, а скот забрал себе.

Балдуин был теперь прикован к постели, и все понимали, что он уже никогда не поднимется. Король осознавал, насколько фатальным может оказаться для государства влияние его матери и ее сторонников, и поэтому послал за своим кузеном графом Триполи Раймундом, собираясь передать ему власть, а сам начал готовиться к смерти. Балдуин изложил свою последнюю волю перед спешно созванной в начале 1185 г. ассамблеей баронов. Трон должен был наследовать его маленький племянник. Бароны выразили нежелание передавать регентство Ги, поэтому права регента переходили к графу Триполи Раймунду, который получал в качестве платы за службу Бейрут.

Однако Раймунд отказался от личной опеки над юным королем, поскольку опасался, что в случае смерти ребенка, который выглядел тщедушным и слабым, его могут обвинить в том, что он ускорил это событие. Поэтому, принимая во внимание здоровье мальчика, бароны пообещали умирающему королю, что в случае, если его племянник скончается до достижения десятилетнего возраста, граф Раймунд сохранит за собой регентство до того времени, пока четыре великих правителя Запада — папа, император Священной Римской империи, а также короли Англии и Франции, — не решат этот вопрос в пользу принцесс Сибиллы или Изабеллы. До тех пор в качестве последней отчаянной попытки примирить враждующие партии личная опека над мальчиком была передана его двоюродному деду Жослену де Куртене, который начал всячески демонстрировать Раймунду свою искреннюю дружбу.

Все собравшиеся бароны поклялись исполнить последнюю волю короля. В их числе были и недавно вернувшиеся с Запада патриарх Ираклий и Великий магистр ордена госпитальеров Роже де Мулен. Великий магистр тамплиеров Арно де Торож скончался во время путешествия, и после долгих дискуссий новым магистром ордена был избран давнишний враг Раймунда Жерар де Ридфор. Жерар также одобрил

завещание короля, после чего юного племянника Балдуина отвели в храм Гроба Господня, где, сидя на руках Балиана Ибелина, он был коронован патриархом.

Несколько недель спустя, в марте 1185 г., смерть освободила короля Балдуина IV от страданий, которые ему причиняла мучительная болезнь. Ему исполнилось лишь 24 года, и из всех иерусалимских королей он был самым несчастным. Его способности не вызывали сомнений, равно как и его великая храбрость. Однако, лежа на своей кровати, Балдуин не мог пресечь развернувшиеся вокруг трона интриги и слишком часто поддавался влиянию своих злобной матери и безрассудной сестры. По крайней мере, он не успел дожить до унижительного краха своего королевства.

Когда бранные останки короля были похоронены в церкви Гроба Господня, Раймунд, действуя в качестве регента, еще раз созвал всех баронов на совет, чтобы обсудить с ними дальнейшую политику государства. Зима не принесла долгожданных дождей, и стране грозил голод. Единственным прибывшим с Запада крестоносцем был старый маркиз Гильом де Монферрат, дедушка малолетнего короля, да и тот, удостоверившись, что с внуком все в порядке, мирно осел в пожалованном ему феоде в Галилее. Его сын Конрад, дядя короля, также намеревался последовать за ним, но задержался в Константинополе, где за несколько лет до этого сгинул его брат Ренье. Там он предложил свою помощь отомстившему за брата императору Исааку Ангелу, на чьей сестре вскоре женился. Конрад позабыл и о своем племяннике, и о Палестине. Всем собравшимся на совет баронам было очевидно, что, пока не начнется новый крестовый поход, голодная страна не выдержит войны. Поэтому они одобрили предложение Раймунда заключить четырехлетний мирный договор с Саладином.

Саладин со своей стороны был согласен на перемирие. Среди его родственников в Египте начались ссоры, с которыми было необходимо разобраться. Кроме того, до Саладина дошли слухи, что вновь оживился Изз ад-Дин Мосул. Договор был подписан. Между франкскими государствами и их соседями вновь возобновилась прерванная войной торговля, и поток зерна с Востока спас христиан от грозящего им голода.

В апреле 1185 г. Саладин, переправившись 15 апреля через Евфрат в районе Биреджик, отбыл на север. Там к нему присоединились Кукбури, эмир Харрана, и гонцы от правителей Джебзире и Эрбиля — вассалов Изз ад-Дина. Изз ад-Дин отправил к сельджукским правителям Коньи и Восточной Армении своих послов. Последний прислал на помощь Изз ад-Дину небольшой отряд, а эмир Коньи отправил Саладину устрашающее

послание, но не стал предпринимать никаких действий.

В июне Саладин уже стоял перед Мосулом, наотрез отказываясь принимать от Изз ад-Дина любые предложения о мире, в том числе переданные через лично умолявшую его престарелую мать князя. Однако Мосул все-таки был мощной твердыней, и армия Саладина стала терпеть лишения из-за летней жары. Когда в августе сельджукский султан Восточной Армении Сукман II внезапно умер, Саладин снял осаду и направился на север, чтобы захватить вассальные города покойного — Диярбакыр и Майяфарикин, а также дать отдохнуть своим людям от удушающей жары. Однако внезапно сам он серьезно заболел и, находясь почти при смерти, едва добрался до замка своего друга султана Кукбури в Харране.

Брат Саладина, аль-Адиль, являвшийся наместником Алеппо, немедленно примчался к нему вместе с лучшими докторами Востока. Но они ничего не могли поделать. Веря, что конец близок, и понимая, что все родственники строят интриги с целью добраться до его возможного наследства, Саладин заставил своих эмиров дать клятву верности его сыновьям, а потом неожиданно стал выздоравливать.

Уже к январю 1186 г. жизнь Саладина была вне опасности. В конце февраля он принял посольство от Изз ад-Дина и согласился заключить мир. В соответствии с подписанным между ними 3 марта договором Изз ад-Дин становился вассалом Саладина и за ним сохранялись его собственные владения. Однако лежащие через реку Тигр земли к югу от Мосула, в том числе Эрбиль и Шахрзур, были переданы назначенным Саладином эмирам, связанным с ним вассальской клятвой, наличие которых должно было стать гарантией верности Изз ад-Дина.

Саладин оставался в Хомсе, эмиром которого был Наср ад-Дин, сын Ширкуха и зять самого Саладина. Во время болезни своего повелителя Наср ад-Дин участвовал в заговоре с целью захвата власти в Сирии. Поэтому никто не удивился, когда 5 марта эмира нашли мертвым в собственной постели после торжеств по случаю праздника жертвоприношения. Сын Наср ад-Дина двенадцатилетний мальчик Ширкух II получил отцовский престол в Хомсе. Саладин конфисковал большую часть богатств заговорщика, но Ширкух удачно процитировал фразу из Корана о муках, которые ждут обидевшего сироту, и Саладин вернул мальчику все его имущество. В апреле 1186 г. он вернулся в Дамаск. Вся его обширная держава вплоть до границ с Персией была теперь в безопасности.

Мирный договор между христианами и мусульманами отчасти вернул

в расположенные в Палестине государства процветание. Торговля между внутренними областями и портовыми городами Акрой и Тиром была быстро восстановлена, что пошло на пользу как христианским, так и мусульманским купцам. Если бы мир удалось сохранить до прихода новых крестоносцев с Запада, у королевства все еще могло бы быть будущее. Однако судьба вновь оказалась неблагоприятной к христианам. И ближе к концу августа 1186 г. юный король Балдуин V скончался в Акре, не достигнув даже девятилетнего возраста.

Регент Раймунд и сенешаль Жослен присутствовали у смертного одра юного короля. Делая вид, что он искренне желает наладить отношения с Раймундом, Жослен убедил того отправиться в Тверию и организовать там (вдали от интриг патриарха Ираклия) совет баронов королевства, который бы проследил за точным выполнением завещания Балдуина IV. Сам же Жослен в это время якобы собирался отвезти тело юного короля на церемонию похорон в Иерусалим.

Раймунд попал в эту ловушку. Едва он уехал, Жослен снарядил верных ему рыцарей, чтобы те захватили Тир и Бейрут, а сам остался в Акре, где провозгласил королевой Сибиллу. Тело короля Жослен отправил в Иерусалим, поручив его попечению тамплиеров. Кроме того, его гонцы вызвали Сибиллу и Ги из Аскелона в Иерусалим на похороны короля. Рено де Шатильон поспешил прибыть к ним из Керака.

Граф Раймунд осознал, что был обманут, и прискакал в Наблус в замок Балиана д'Ибелина, где как законный регент королевства созвал Высокую курию баронов. Его сторонники не замедлили к нему присоединиться. На совете присутствовали сам Балиан д'Ибелин, его супруга королева Мария, ее дочь Изабелла и Онфруа де Торон, Балдуин из Рамлы, Готье Кесарийский, Рено Сидонский и все королевские вассалы, за исключением Рено де Шатильона. В это время в Наблус от Сибиллы пришло приглашение на церемонию ее коронации. В ответ бароны направили в Иерусалим в качестве посланников двух монахов-цистерцианцев, чтобы напомнить заговорщикам о данной королю Балдуину IV клятве и запретить предпринимать любые действия до решения курии.

Однако Сибилла уже фактически владела Иерусалимом и морскими портами. На ее стороне были войска сенешаля Жослена де Куртене и коннетабля Амори, брата Ги. Рено де Шатильон привел своих людей из Трансиордании. Патриарх Ираклий, старый любовник ее матери, заверил Сибиллу в поддержке церкви. Великий магистр ордена тамплиеров Жерар де Ридфор был готов на все, лишь бы досадить своему старому врагу Раймунду. Во всем Иерусалиме один только Великий магистр

госпитальеров остался верным клятве, данной умирающему королю. Да и жители Иерусалима относились к Сибилле с достаточно большой симпатией. Она обладала наследными правами на королевский престол. Формально короля продолжали избирать, но право наследования нельзя было просто так проигнорировать. На момент развода ее матери легитимность и наследственные права ее детей были оговорены специально. Ее брат был королем, равно как и ее сын. Единственным недостатком Сибиллы являлся ее супруг, которого не любили и презирали.

Патриарх и тамплиеры закрыли ворота Иерусалима, чтобы предотвратить любое возможное нападение баронов, находившихся в Наблусе. После этого были сделаны все необходимые приготовления к коронации. Королевские инсигнии хранились в ларце с тремя замками, ключи от которых были у патриарха и двух глав рыцарских орденов. Магистр госпитальеров Роже де Мулен отказался отдать свой ключ для целей, которые шли в противоречие с данной им клятвой, однако в конце концов исполненным отвращения жестом выбросил их в окно. Ни он, ни кто-либо из рыцарей-госпитальеров не приняли участие в церемонии, которая состоялась, как только были сделаны необходимые приготовления.

Ввиду всеобщей непопулярности Ги патриарх короновал только Сибиллу, а вторую корону положили рядом с ней. Возложив первую корону на голову Сибиллы, патриарх обратился к ней с речью, предлагая отдать корону тому мужчине, которого она сочтет достойным управлять государством. Сибилла назвала Ги, попросила его приблизиться к ней и встать на колени, после чего водрузила корону ему на голову. Собравшиеся на церемонии рыцари принесли клятву верности новому королю и королеве. Когда они выходили из церкви, Жерар де Ридфор громко воскликнул, что эта корона — расплата за брак, заключенный в Батруне.

Высокая курия, собравшаяся в Наблусе, мало что могла поделать с фактом свершившейся коронации. Балдуин д'Ибелин заявил, что не останется в стране, управляемой таким королем, и советует всем остальным баронам поступить так же. Однако Раймонд ответил, что еще не все потеряно и у них есть принцесса Изабелла и ее супруг Онфруа де Торон. Их следует короновать и доставить в Иерусалим. Соперники не смогут ничего противопоставить объединенной армии всех баронов, за исключением Рено де Шатильона, и выбору госпитальеров. Раймунд также добавил, что, пока он остается регентом, он может гарантировать, что Саладин будет выполнять условия перемирия. Бароны согласились с Раймундом и поклялись его поддерживать, даже если это приведет к гражданской войне.

Однако собравшиеся в Наблусе не подумали о человеке, которому отвели главную роль в задуманном ими предприятии. Онфруа пришел в ужас от уготованного ему жребия, поскольку вовсе не желал становиться королем. Он незаметно покинул Наблус и направился в Иерусалим. Прибыв в город, Онфруа немедленно попросил аудиенции у Сибиллы. Королева сперва презрительно оттолкнула его, но, когда юноша смущенно застыл перед ней, растерянно почесывая голову, смилостивилась и позволила поведать свою историю. После чего лично сопровождала его к Ги, которому Онфруа принес вассальную клятву верности.

Из-за отказа Онфруа участвовать в их планах бароны поняли, что потерпели сокрушительное поражение. Раймунд освободил их от данной ими клятвы, и один за другим они вынуждены были отправиться в Иерусалим и дать присягу на верность Ги. Даже Балиан д'Ибелин, наиболее уважаемый из них всех, не видел, что можно еще сделать в сложившейся ситуации. Однако его брат Балдуин вновь заявил, что скорее покинет королевство, чем принесет клятву верности Ги. Граф Триполи Раймунд также удалился в галилейские владения своей супруги, поклявшись никогда не приносить оммаж Ги. Он все еще был готов принять в качестве королевы Изабеллу, но трусость Онфруа убедила Раймунда, что лишь он сам теперь является единственным достойным кандидатом на престол.

Вскоре после этих событий король Ги провел свое первое собрание баронов в Акре. Раймунд не явился, и Ги объявил, что забирает у него сеньорию Бейрут, которой граф Триполи управлял в качестве регента, а также потребовал от Раймунда отчета о деньгах королевства, которые были потрачены им на посту регента. Присутствовавший на совете Балдуин д'Ибелин был вызван Рено де Шатильоном, поддерживавшим короля, чтобы принести оммаж. Однако Балдуин, лишь формально поприветствовав короля, сообщил ему, что передал свои земли в Рамле сыну Томасу, который и принесет оммаж, когда подрастет. Сам же он никогда этого не сделает.

Спустя несколько дней Балдуин покинул королевство и поступил на службу к антиохийскому князю Боэмунду, который радостно приветствовал доблестного рыцаря и пожаловал ему феод, превосходящий по размерам оставленный в Иерусалимском королевстве. Вслед за ним покинули королевство и перебрались в Антиохию и другие менее высокопоставленные рыцари, поскольку Боэмунд никогда не скрывал своих симпатий к Раймунду и его сторонникам.

Королевству, лишившемуся единства из-за противостояния различных

группировок, было необходимо сохранять перемирие с сарацинами. Сам король Ги готов был придерживаться условий мирного договора, чего нельзя сказать о его друге Рено де Шатильоне. Благодаря заключенному перемирию через земли франков вновь начали ходить большие караваны из Египта в Сирию. В конце 1186 г. из Каира вышел огромный караван под охраной маленького отряда египетских воинов, набранного главным образом для защиты от бедуинов. Когда он вошел в Моав, на него напал Рено, который перебил всех воинов, захватил торговцев с их скарбом и домочадцами и увел к себе в замок Керак. Добытые Рено богатства во много раз превосходили все его прежние трофеи.

Известия об этом возмутительном происшествии вскоре достигли слуха Саладина. С уважением относившийся к соблюдению договора, он отправил к Рено своих представителей с требованием отпустить пленников и компенсировать потери. Рено послов не принял, и те поехали в Иерусалим, чтобы пожаловаться королю. Ги их сочувственно выслушал и приказал Рено возместить потерпевшей стороне все убытки. Однако Рено, прекрасно сознавая, что именно благодаря его поддержке Ги стал королем, оставил этот приказ без внимания. Сам же Ги не мог или не хотел добиться от своего вассала повиновения.

Подобного рода бесстыдное и беззастенчивое нарушение перемирия делало войну, к которой раздробленное междоусобицей государство было совсем не готово, неизбежной. Князь Антиохии Боэмунд поспешил возобновить перемирие с Саладином. Граф Триполи Раймунд также заключил мирный договор, действие которого распространялось на территорию не только его графства, но и княжества Галилея, принадлежавшего его супруге, причем даже в том случае, если король, их сюзерен, будет находиться в состоянии войны с мусульманами. Раймунду также удалось добиться симпатии Саладина и обещаний помощи в завоевании своей главной цели — королевского престола.

Какой бы разумной ни была политика Раймунда, от нее пахло предательством. Ги, подбадриваемый магистром тамплиеров Жераром де Ридфором, призвал всех своих верных вассалов и отправился в поход на север, к Назарету, намереваясь успеть до начала мусульманского вторжения заставить Галилею подчиниться. Неминуемое начало гражданской войны предотвратило только вмешательство Балиана д'Ибелина, который явился в лагерь Ги и поинтересовался у короля, что тот творит. Король заявил, что собирается осадить Тверию. В ответ Балиан указал на безрассудство этого плана, поскольку войско Раймунда, получившего поддержку от Саладина, к которой он вполне мог прибегнуть, по численности значительно

превосходит имевшееся в распоряжении короля. Балиан предложил не сражаться с Раймундом, а вести с ним переговоры и сам вызвался быть посредником. Однако даже призывы старого союзника остались не услышаны графом, который соглашался подчиниться Ги только в том случае, если ему вернут Бейрут. Ги решил, что для него эта цена слишком высока.

Однако когда пришли известия о приготовлениях Саладина к грядущей войне, Балиан вновь обратился к королю с просьбой примириться с Раймундом. «Вы уже потеряли своего лучшего рыцаря — сеньора Рамлы Балдуина, — заявил он, с гордостью упоминая имя брата. — Если вы еще потеряете помощь и советы графа Раймунда — вам конец». В итоге Ги, обычно всегда готовый согласиться с любым твердо разговаривающим с ним собеседником, позволил Балиану отправиться в Тверию с новым посольством, в состав которого вошли архиепископ Тира Иосией и Великие магистры орденов госпитальеров и тамплиеров. Было крайне важно, чтобы последний — злейший враг Раймунда — принял участие в возможном примирении.

Послы в сопровождении десяти госпитальеров выехали из Иерусалима 29 апреля 1187 г. Ночь они провели в замке Балиана в Наблусе. Здесь у Балиана оставались еще дела, которые ему надо было завершить, поэтому он предложил архиепископу и магистрам отправиться вперед без него. Сам же Балиан собирался провести день в замке, а утром встретиться с другими членами посольства в крепости Ла-Фев в Изреельской долине. Поздно вечером 30 апреля Балиан выехал из замка в сопровождении нескольких спутников, намереваясь скакать верхом всю ночь. Однако он внезапно вспомнил, что наступил канун праздника святых апостолов Филиппа и Иоанна Младшего, свернул с дороги на Севастию (древняя Самария) и постучал в двери епископской резиденции. Епископ еще не спал и с радостью принял Балиана. В итоге они проговорили всю ночь до зари, когда должна была начаться служба. После этого Балиан попрощался с гостеприимным хозяином и продолжил путь.

30 апреля, пока Балиан обсуждал дела со своим управляющим, а Великие магистры двух орденов направлялись в замок Ла-Фев, граф Раймунд принимал в Тверии мусульманских послов из Баниаса. Командиром стоявшего там лагеря был младший сын Саладина аль-Афдаль. Его отец велел ему, чтобы тот послал в Палестину разведывательный отряд, и теперь аль-Афдаль предельно корректно просил графа пропустить этот отряд через Галилею. Раймунд, связанный договором с Саладином, не мог отказать в этой довольно щекотливой

просьбе. Поэтому он только настоял на том, что мусульмане должны перейти границу после восхода солнца на следующий день и вернуться до наступления темноты, не причинив вреда ни одному городу или селению на его земле. После этого Раймунд разослал гонцов во все концы своих владений и наказал местным жителям сидеть весь день по домам, не выпускать скот на пастбища и ничего не бояться. Тогда же Раймунд получил известие о скором прибытии посольства из Иерусалима. Другие гонцы поскакали к послам, чтобы передать аналогичное предупреждение. Рано утром 1 мая Раймунд наблюдал со стен своего замка, как мимо проезжают семь тысяч мамлюков эмира Кукбури.

Поздним утром того же дня Балиан и его спутники прибыли в Ла-Фев. Еще издаലെка они увидели расставленные у стен замка палатки тамплиеров, но, подъехав ближе, с удивлением обнаружили, что все они пусты. Да и в самом замке стояла подозрительная тишина. Конюх Балиана Эрнуль влетел в замок и быстро пробежался по комнатам. Во всем замке не было никого, за исключением двух смертельно больных воинов, не способных произнести ни слова. Балиан был сбит с толку и обеспокоен. Он подождал час или два, не зная, что предпринять, а потом выдвинулся вперед по дороге в Назарет. Внезапно он увидел скачущего галопом рыцаря-тамплиера, окровавленного и лишившегося шлема, который что-то выкрикивал о великом несчастье.

Тогда же Раймунд, снова стоявший у окна своего замка в Тверии, наблюдал, как возвращаются домой мамлюки. Они не нарушили договора. До наступления темноты оставалось еще очень далеко, и мамлюки не уничтожили ни одного здания во всем графстве. Но на пиках гордо гарцующего авангарда красовались отрубленные головы рыцарей-тамплиеров. Предупреждение Раймунда действительно достигло слуха Великих магистров в замке Ла-Фев вечером 30 апреля, и они решили действовать. Хотя магистр госпитальеров Роже де Мулен воспротивился, Жерар де Ридфор призвал всех окрестных тамплиеров присоединиться к нему и собраться в этом замке. Маршал тамплиеров Жаклен де Майи с 90 рыцарями, находившимися в то время в расположенной пяти милях отсюда деревне Какун, прибыл к замку и разбил лагерь у его ворот, чтобы переночевать. На следующее утро кавалькада двинулась в Назарет, где к ним присоединились еще сорок светских рыцарей.

Архиепископ Тира решил остаться в городе, в то время как магистр тамплиеров остановился там лишь для того, чтобы прокричать горожанам, что скоро будет битва и они могут прийти и поживиться трофеями. Заехав за холм позади города, рыцари увидели в долине большой отряд

мусульман, поивших коней в родниках Крессона. При виде такого количества врагов и Роже де Мулен, магистр госпитальеров, и Жаклен де Майи, маршал тамплиеров, посоветовали отступить. Жерар пришел в ярость. Презрительно отвернувшись от собрата-госпитальера, он бросил своему маршалу: «Так любишь свою белокурую голову, что боишься ее потерять?» Жаклен гордо ответил: «Я сложу свою голову в этой битве как храбрец. Это ты скорее сбежишь отсюда как предатель». Разъяренные оскорблениями Жерара рыцари бросились вниз с холма на мамлюков. Все последующее больше напоминало бойню, чем битву. Белокурая голова Жаклена пала одной из последних, а рядом с маршалом тамплиеров нашел свой конец Великий магистр госпитальеров. Вскоре были перебиты все тамплиеры, за исключением трех рыцарей, одним из которых оказался Жерар. Три раненых рыцаря галопом умчались в Назарет. Одного из них как раз и встретил по дороге Балиан. Рыцарей, не являвшихся членами какого-либо ордена, взяли в плен. Тех же жадных до чужого добра местных жителей, кто явился на поле битвы в надежде на обещанную Великим магистром богатую добычу, мамлюкские воины также пленили и захватили с собой.

Послав супруге письмо, в котором просил ее созвать всех ее рыцаей, Балиан догнал Жерара в Назарете и попытался убедить его доехать до Твериды. Однако Жерар отговорился тяжелыми ранами, поэтому Балиан поскакал дальше с архиепископом. Они застали Раймунда полностью сломленным произошедшей трагедией, в которой, как он полагал, следует винить только себя. Раймунд с благодарностью воспринял посредничество Балиана, немедленно аннулировав договор с Саладином, отправился в Иерусалим и покорился королю. Среди многих отрицательных черт характера Ги не было мстительности. Поэтому он сердечно принял графа и даже извинился за то, как прошла коронация. Казалось, королевство наконец-то объединилось.

И это было хорошо, поскольку вскоре стало известно, что на границе, в Авране, Саладин собирает огромную армию. В мае, пока его войска еще только начало съезжаться, Саладин совершил путешествие по караванному пути в Мекку, лично возглавив вооруженную охрану возвращавшихся с хаджа паломников, среди которых были его сестра и племянник. Саладин хотел убедиться, что Рено не совершит на караван еще одного бандитского нападения. Между тем численность его войска увеличивалась с каждым днем: в него стекались отряды из Алеппо, Мосула и Мардина. Наконец его армия стала самой огромной из тех, что когда-либо находились под его командованием.

По другую сторону Иордана король также призвал своих ключевых владельцев ленов и их вассалов вместе со всеми своими людьми двигаться к Акре. Ордена госпитальеров и тамплиеров, жаждавшие отмщения за резню у родников Крессона, призвали практически всех своих рыцарей, оставив в принадлежащих им замках лишь небольшие гарнизоны. Местные тамплиеры пошли даже дальше, передав Ги часть денег, полученных незадолго до этого орденом от английского короля Генриха II в качестве компенсации за убийство архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета. Тамплиеры хотели приберечь эту сумму в качестве гарантии участия Генриха в будущем крестовом походе, который тот клятвенно пообещал предпринять, но текущие нужды оказались более насущными. Воины, на снаряжение которых пошли эти деньги, несли с собой стяг с символикой Генриха. Даже антиохийский князь Боэмунд, тронутый личным обращением к нему Раймунда и Балиана, пообещал прислать войско под командованием Балдуина д'Ибелина и отправил своего сына Раймунда в распоряжение графа Триполи, приходившегося ему крестным отцом.

К концу июня в лагере франков у Акры собрались 1200 полностью вооруженных рыцарей, большое количество легковооруженных всадников, полукровок туркополов и почти 10 000 пехотинцев. К патриарху Ираклию обратились с просьбой также присоединиться к христианскому воинству, взяв с собой главную реликвию — частицу истинного креста. Однако тот отказался, заявив, что болен, и доверил святыню приору храма Гроба Господня, чтобы он передал ее епископу Акры. Враги патриарха злословили, что войне он предпочел общество своей любимой Пашии.

В пятницу 26 июня Саладин устроил смотр своей армии в Авране. Сам он собирался возглавить центр, его племянник Таки ад-Дин — правый фланг, а эмир Кукбури — левый. Армия двинулась в боевом порядке на Хисфин и далее к южной оконечности Галилейского моря. Здесь Саладин простоял пять дней, ожидая, пока его разведчики соберут сведения о расположении войск христиан. Наконец 1 июля 1187 г. он перешел Иордан в районе Синнабры, а уже на следующий день разбил с частью своей армии лагерь на холмах Кафр-Себта, в пяти милях к западу от Галилейского моря. Остальные его войска атаковали Тверию. Город пал буквально в течение часа. Его правитель граф Триполи Раймунд и его приемные сыновья находились в это время вместе с армией короля, но супруга Раймунда графиня Эшива была в своем замке и, отправив к мужу гонца с печальными новостями, вместе с небольшим гарнизоном приготовилась к осаде.

Когда до франков дошли известия о том, что Саладин переправился через Иордан, король Ги собрал баронов на военный совет в Акре. Первым

говорил граф Раймунд. Он специально обратил внимание на то, что ужасающая летняя жара поставит нападающую армию в исключительно невыгодное положение. Их стратегией должна стать защита. Без решающего сражения и победы над христианской армией Саладин не сможет на протяжении долгого времени удерживать свое огромное войско боевом порядке на разоренной территории. Через какое-то время ему придется отойти на исходные позиции, что позволит успеть подойти подкреплению из Антиохии.

Большинство рыцарей были настроены последовать этому мудрому совету, но Рено де Шатильон и Великий магистр тамплиеров обвинили Раймунда в трусости, а также в том, что он продался сарацинам. Король Ги, как обычно, счел слова последнего выступавшего самыми убедительными и отдал армии приказ наступать на Тверию. В полдень 2 июля христианская армия встала лагерем в Сепфорисе. Место для лагеря было выбрано превосходное — с достаточным количеством питьевой воды и пастбищами для лошадей. Если бы франки никуда не двинулись с этого места, как за четыре года до этого у источника Голиафа, Саладин никогда не решился бы атаковать.

Армия франков была почти такой же многочисленной, как и собранная Саладином. К тому же они обладали преимуществом благодаря физическим особенностям местности. Однако тем вечером прибыл гонец от графини Триполии. И снова король Ги созвал баронов в свой шатер на совет. В голове галантных рыцарей рождались страшные картины: беззащитная леди, отчаянно сражающаяся возле озера. Со слезами на глазах ее сыновья умоляли собравшихся прийти на помощь своей несчастной матери. Другие бароны поддерживали их мольбу. И тут поднялся граф Раймунд. Он повторил уже сказанные в Акре слова, только на сей раз в его речи звучало отчаяние. Раймунд попытался объяснить все безрассудство идеи покинуть хорошо укрепленную позицию и совершить рискованный переход по выжженным июльским солнцем холмам. «Да, — заявил он, — Тверия — мой город и защищает его моя жена. Но я скорее предпочту лишиться Тверии и всего находящегося там, чем потерять королевство». Его искренние слова убедили собравшихся. В полночь совет завершился. Было принято решение оставаться в Сепфорисе.

Когда же бароны вернулись в свои ставки, в шатер к королю осторожно пробрался Великий магистр тамплиеров. «Сир, — сказал он, — неужели вы доверитесь предателю? Позорно потерять город, который находится отсюда всего в шести лигах^[20]. Да тамплиеры скорее откажутся от своего ордена, чем от шанса отомстить неверным». Ги, который был

совершенно искренне убежден страстной речью Раймунда всего час назад, заколебался и позволил Жерару себя переубедить. Король разослал по всему лагерю глашатаев, возвестивших, что с рассветом армия выступает на Тверию.

Лучшая дорога от Сепфориса до Тверии шла немного к северу вдоль восточной оконечности Галилейских холмов и спускалась к озеру в миле от города. Другой путь вел к мосту у Синнабра. Лагерь Саладина в Кафр-Себте был разбит поперек дороги на Синнабру, по которой его войско пришло от реки. Вероятнее всего, перебежчики из христианского лагеря донесли Саладину, что Ги собирается идти на Тверию по северной дороге, поэтому он повел свою армию по холмам к Хаттину, откуда дорога начинала спускаться к озеру. Там располагалась деревня с обширными пастбищами и обильными источниками воды. Именно в этом месте к Саладину присоединилась большая часть его войска, ранее стоявшая под Тверией. У замка остался лишь небольшой отряд, поддерживавший блокаду.

Утро пятницы 3 июля, когда христианская армия покинула зеленые сады Сепфории, чтобы пройти маршем по выжженным солнцем безлесным холмам, было жарким и безветренным. В соответствии с существовавшим в Средневековье обычаем, будучи сеньором Тверии, граф Триполи Раймунд имел право командовать авангардом. Король возглавил центр, а Рено де Шатильон, тамплиеры и Балиан д'Ибелин прикрывали тылы. По дороге не было ни одного источника воды, и вскоре и люди, и лошади стали испытывать нестерпимую жажду. Их страдания существенно замедлили продвижение армии.

Отряды мусульманских стрелков обстреливали из лука авангард и арьергард франков, целясь в самую гущу строя и поспешно ретируясь, не давая христианам успеть организовать контратаку. К полудню франки достигли плато непосредственно над Хаттином. Прямо перед ними примерно на сто футов возвышался скалистый холм с двумя вершинами, а позади располагался резкий спуск, который вел к деревне и озеру. Это место называлось Рога Хаттина. Тамплиеры сообщили королю, что идти дальше они уже не в состоянии. Некоторые бароны убеждали короля, что необходимо пробиваться дальше к озеру. Однако Ги, сочувствовавший своим усталым воинам, решил остановиться на ночлег. Узнав эту новость, скакавший впереди строя Раймунд развернулся и со словами: «Господь всемогущий! Война окончена, мы погибли, королевства больше нет» — направился вглубь войска. По его совету Ги установил лагерь прямо за Лубией, ближе к склону Рогов, где некогда находился колодец. Вся армия

собралась вокруг королевской ставки, однако место для ночлега было выбрано крайне неудачно, поскольку оказалось, что колодец засох. Саладин, вместе со всеми своими воинами ожидавший в зеленой долине у подножия Рогов, едва ли мог сдержать радость. Наконец-то ему выпал шанс.

Христиане провели ночь, страдая от жажды, прислушиваясь к долетавшим снизу, от мусульманских палаток, звукам песен и молитв. Некоторые солдаты разбрелись по округе в поисках воды, но бесславно погибли от рук врага. Для того чтобы еще больше усилить страдания воинов противника, сарадины подожгли росший по склонам холма сухой кустарник, и теперь лагерь христиан был окутан клубами едкого черного дыма. Под покровом дыма и темноты Саладин изменил диспозицию своих войск. В субботу 4 июля, на рассвете, стало очевидно, что королевская армия окружена. Даже кошка, как писали хронисты, не могла проскользнуть через сеть.

Мусульмане атаковали вскоре после восхода солнца. Однако измученная жаждой христианская пехота могла думать только о воде. Беспорядочной, охваченной паникой массой воины бросились с нагорья вниз, к поблескивавшему там озеру. Их, окруженных врагами и едким дымом, быстро загнали на окрестные холмы. Многие из них были зарублены на месте, многие взяты в плен. Вид раненых, умирающих с опухшими от жажды устами воинов был столь ужасен, что пять рыцарей Раймунда перебежали к врагам, умоляя быстрее их прикончить, чтобы не длить страдания. Всадники на самом нагорье сражались с отчаянной храбростью, отбивая следующие одна за другой атаки мусульманской кавалерии. Но число их постоянно уменьшалось. Страдая от мучительной жажды, они стремительно теряли силы.

Прежде чем стало слишком поздно, получив призыв от короля, Раймунд повел своих рыцарей в атаку, в последней, отчаянной надежде прорваться сквозь строй врага. Вместе со всеми своими людьми он набросился на отряд под командованием Таки ад-Дина. Однако Таки разомкнул ряды, пропуская противника, а затем вновь сомкнул, оставив франков оторванными от основного войска. Они уже не смогли вернуться на помощь к своим боевым товарищам и бесславно отступили с поля боя, отправившись затем в сторону Триполи. Немного позднее прорваться удалось также Балиану д'Ибелину и сеньору Сидона Рено. Они стали последними, кому удалось спастись.

У христиан больше не осталось надежды, однако они продолжали сражаться, отступая вверх к самим Рогам. Красный шатер короля был

передвинут на вершину, его рыцари собрались вокруг. Младший сын Саладина аль-Афдаль находился подле отца, наблюдая свою первую в жизни битву. Много лет спустя он отдал должное храбрости франков. «Когда короля франков оттеснили к вершине холма, — рассказывал он, — его рыцари храбро контратаковали и отбросили мусульман обратно к моему отцу. И я видел его смятение. Он изменился лицом, вцепился в свою бороду, а потом бросился вперед, воскликнув: „Посрами дьявола!“ И наши люди бросились на врага, который опять отступил к холму. Увидев, как бегут франки, я радостно закричал: „Мы их разгромили!“ Но они вновь пошли в атаку и вновь отбросили наших воинов к тому месту, где стоял мой отец. И опять он послал их сражаться, и опять они оттеснили врагов на холм. И я воскликнул: „Мы их победили“. Но тут отец повернулся ко мне и сказал: „Молчи. Мы не разобьем их, пока этот шатер не падет!“ В этот момент шатер был опрокинут. Тогда мой отец спешился и совершил земной поклон, со слезами радости на глазах возблагодарив Господа за победу».

Епископ Акры был убит. Истинный крест, который был у него во время битвы, попал в руки неверных. Рыцарских лошадей почти не осталось. Когда сарацины добрались до вершины холма, рыцари, среди которых был и сам король, лежали на земле, смертельно уставшие и обессиленные, не в силах даже протянуть мечи победителям. Предводителей франков увели в шатер, поставленный посреди поля битвы для Саладина. Там Саладин принял короля Ги и его брата коннетабля Амори, Рено де Шатильона и его приемного сына Онфруа де Торона, Великого магистра тамплиеров, престарелого маркиза де Монферрата, сеньоров Джебейля и Батруна, а также многих других баронов и рыцарей королевства. Он любезно приветствовал побежденных. Саладин усадил подле себя короля и, видя, что тот испытывает мучительную жажду, протянул ему кубок, наполненный ледяной родниковой водой.

Ги отпил немного и передал кубок стоявшему рядом Рено. Однако по законам арабского гостеприимства дать питье или еду пленнику означало спасти его жизнь. Поэтому Саладин немедленно бросил переводчику: «Скажи королю, что это он дал испить воды этому человеку, не я». Затем он повернулся к Рено, чьи бесчестные бандитские набеги так и не простил, и напомнил тому о всех совершенных им преступлениях — многочисленных предательствах, богохульстве и жадности. На это Рено ответил нечто грубое и презрительное. Тогда Саладин выхватил меч и отсек ему голову.

Ги вздрогнул, решив, что настал его черед. Но Саладин ободрил его. «Король не убивает короля, — заявил он. — Но наглость и вероломство этого человека зашли слишком далеко». Затем Саладин отдал приказ не

причинять зла ни одному из поверженных баронов, а, напротив, отнестись к ним в плену с любезностью и уважением. Однако он не пощадил рыцарей военных орденов, за исключением магистра тамплиеров. В войске Саладина был отряд мусульманских фанатиков-суфиев, которым он приказал убить всех попавших в плен тамплиеров и госпитальеров. Суфии с удовольствием исполнили распоряжение своего повелителя. Завершив эти дела, Саладин отвел войско от Хаттина. И тела погибших на поле сражения остались шакалам и гиенам.

Христиане на Востоке и раньше терпели катастрофические поражения. Королей и князей брали в плен. Но их тюремщиками были малозначительные мусульманские правители, да и пленили их, как правило, в результате каких-то мелких неурядиц. В битве при Рогах Хаттина величайшая армия, когда-либо собранная королевством, была уничтожена, истинный крест утерян, а победителем стал властитель всего мусульманского мира.

После расправы с врагами Саладину оставалось только захватить крепости Святой земли. И уже 5 июля, понимая, что помощи ждать не от кого, графиня Триполи сдала ему Тверию. Саладин отнесся к даме с почтением, которого она заслуживала, и позволил ей вместе со всеми домочадцами отправиться в Триполи. После этого он решил двинуть большую часть войска к Акре. Командовавший городом сенешаль Жослен де Куртене думал только о своей собственной безопасности. Он послал богатого горожанина по имени Питер Брайс, чтобы тот встретил Саладина, прибывшего под стены города 8 июля, предложив ему сдать город без боя при условии гарантии неприкосновенности жизни и собственности жителей. Многим в городе такая капитуляция без боя показалась позорной. Вспыхнул небольшой бунт, в котором сгорело несколько домов. Однако порядок был восстановлен еще до того, как Акра формально перешла во владения Саладина 10 июля. Он надеялся убедить большинство христианских купцов остаться в городе, но они слишком боялись за свое будущее и уехали со всем своим движимым имуществом.

Победители (в частности, младший сын Саладина аль-Афдаль) разделили все найденное в покинутых в спешке складах, полных различных товаров — шелка и драгоценных металлов, ювелирных изделий и оружия, — между своими воинами и боевыми товарищами. К неудовольствию Саладина, Таки ад-Дин успел разграбить огромное производство сахара.

Пока Саладин оставался в Акре, отдельные отряды сарацин были отправлены на завоевание городов и замков Галилеи и Самарии. В Наблусе

гарнизон Балиана продержался несколько дней и снискал почетные условия капитуляции. Замок Торон сопротивлялся почти две недели. Остальные сдались практически без борьбы. В это время из Египта подошел брат Саладина аль-Адиль и осадил Яффу. Город оказал серьезное сопротивление, поэтому аль-Адиль взял его силой, обратив всех его обитателей — мужчин, женщин и детей — в рабство. Большинство из них вскоре оказались на невольничьих рынках и в гаремах Алеппо.

Покорив Галилею, Саладин отправился на финикийское побережье. Большинство спасшихся во время битвы при Хаттине рыцарей бежали вместе с Балианом в Тир. В крепости находился довольно значительный гарнизон, а огромные стены, защищавшие ее со стороны суши, выглядели внушительно. Когда первый штурм не удался, Саладин отступил и осадил Сидон, сдавшийся безо всякого сопротивления 29 июля. Его сеньор Рено бежал в другой свой замок — неприступный Бофор. Бейрут попытался защищаться, но капитулировал 6 августа. Спустя несколько дней по приказу сеньора Гуго Эбриако открыл ворота замок Джебейль — капитуляция крепости стала условием освобождения Гуго из плена. К концу августа под властью христиан оставались только южная часть графства Триполи, Тир, Аскалон, Газа, несколько удаленных замков и сам Святой город Иерусалим.

В сентябре Саладин появился перед Аскалоном, приведя с собой двух своих самых важных пленников — короля Ги и Великого магистра Жерара. Ги было объявлено, что его свобода может быть выкуплена за счет капитуляции Аскалона, поэтому, оказавшись перед стенами, пленный король принялся убеждать горожан сдаться. К мольбам Ги присоединился и магистр Жерар. Но жители ответили на их просьбы насмешками и оскорблениями. Аскалон храбро сопротивлялся. Осада стоила Саладину жизни двух его эмиров. Однако 4 сентября гарнизон был вынужден капитулировать. Жителям позволили покинуть город со всем своим движимым имуществом. Они были отправлены под охраной воинов Саладина в Египет и с комфортом размещены в Александрии, прежде чем им удалось отбыть на родину в христианские земли.

Газа, гарнизон которой обязался подчиняться приказам магистра ордена, была сдана немедленно после того, как Жерар отдал распоряжение капитулировать. В обмен на это он получил личную свободу. Однако короля Ги еще несколько месяцев продержали в плену — сначала в Наблусе, а потом в Латакии. Сибилле позволили приехать из Иерусалима и быть вместе со своим супругом. И как ожидал Саладин, их освобождение следующей весной только добавило замешательства христианам.

В день, когда войска Саладина вошли в Аскалон, случилось солнечное затмение. В окутавшей город тьме Саладин принял делегацию жителей Иерусалима, которых он пригласил, чтобы обсудить условия капитуляции Святого города. Однако обсуждения не получилось. Делегация отказалась сдавать город, в котором Иисус умер за них, и гордо вернулась в Иерусалим. Саладин же поклялся взять город мечом. И тут в Иерусалим явился неожиданный сторонник. Балиан д'Ибелин, находившийся вместе с другими франкскими беженцами в Тире, отправил Саладину письмо с просьбой позволить ему вернуться в Иерусалим и гарантировать безопасность этого путешествия. Его супруга Мария бежала в Святой город вместе с ее детьми из Наблуса, и Балиан хотел забрать их домой в Тир.

Саладин ответил на его просьбу согласием, но поставил условие: Балиан должен был провести в городе только одну ночь и не брать в руки оружие. Однако, оказавшись в городе, Балиан увидел, как патриарх Ираклий и чиновники орденов пытаются подготовить Иерусалим к осаде. У осажденных жителей не было предводителя, которому они могли бы довериться, поэтому они принялись упрашивать Балиана остаться, взять на себя командование обороной и никуда не уезжать. Глубоко тронутый, Балиан написал Саладину и объяснил, почему он нарушил данную ему клятву. Саладин всегда благородно относился к врагам, которых уважал. Он не только простил Балиана, но и сам послал отряд своих воинов, чтобы сопроводить королеву Марию вместе с ее детьми, домочадцами и скарбом в Тир. С ними также отбыли юный племянник Балиана Томас д'Ибелин и младший сын сеньора Джебейла Гуго. Саладин плакал, видя, как эти дети, наследники погибшего величия, проезжают через его лагерь в изгнание.

В Иерусалиме Балиан сделал все, что было в его силах. Население города существенно увеличилось за счет беженцев из соседних деревень, но лишь немногие из них умели держать в руках оружие. На каждого мужчину в городе приходилось теперь пятьдесят женщин и детей. На весь Иерусалим было только два рыцаря, и Балиан возвел в рыцари каждого мальчишку старше шестнадцати из благородной семьи, а также сделал рыцарями тридцать простых горожан. Он рассылал по городу специальные отряды, чтобы собрать все доступное продовольствие, прежде чем мусульмане окончательно замкнут осаду. Балиан реквизирует в пользу города королевскую сокровищницу и деньги, которые Генрих II послал госпитальерам^[21]. Он даже снял серебряные пластины с купола храма Гроба Господня. Оружие выдавали в руки любому мужчине, способному его держать.

Наконец 20 сентября 1187 г. Саладин разбил лагерь перед городом и

стал атаковать его со стороны северной и северо-западной стен. В глаза его воинам светило ослепительное солнце, а стены города были крепкими. Через пять дней Саладин передвинул свой лагерь. На протяжении непродолжительного времени защитникам города казалось, будто он снял осаду. Однако утром 26 сентября армия Саладина вновь разбила лагерь на Масличной горе, а солдаты под защитой кавалерии пытались разрушить стену около Дамасских ворот, неподалеку от того самого места, где Годфруа де Бульон за 88 лет до этого ворвался в город.

К 29 сентября воинам Саладина удалось проделать в стене огромную брешь. Защитники делали все, что было в их силах, для защиты города и сражались с отчаянной храбростью, однако их было слишком мало, чтобы удерживать оборону от значительно превосходящих их орд врага. Франкские воины хотели устроить одну последнюю вылазку и, если придется, погибнуть. Однако патриарх Ираклий вовсе не желал становиться мучеником. Если они это сделают, заявил он, то обрекут своих женщин и детей на неизбежное рабство, и он не даст своего благословения на подобное нечестивое деяние. Балиан его поддержал, поскольку понимал всю глупость дальнейших бессмысленных жертв. И 30 сентября он сам направился во вражеский лагерь, чтобы просить Саладина назвать свои условия.

Саладин фактически владел городом и мог поступить с ним так, как ему заблагорассудится. Он мог штурмовать его, если пожелает, да и в самом Иерусалиме у него было достаточно потенциальных сторонников. Высокомерие и гордыня прелатов католической церкви всегда возмущала православных христиан, которые образовывали большинство городского населения. Между латинянами и православными не было особого конфликта. Королевская семья и нобилитет, за исключением знати из Антиохии, проявляли дружелюбие и уважение по отношению к православному клиру.

Однако высшие позиции в церковной иерархии занимали исключительно католики. Во всех величайших святынях своей веры местные христиане были вынуждены присутствовать на богослужении, язык и ритуал которого был им чужд. И они с сожалением вспоминали те дни, когда, находясь под властью мусульман, могли молиться так, как им угодно. Личным советником Саладина, помогавшим ему строить отношения с христианскими правителями, был православный богослов из Иерусалима по имени Иосиф Батит. Теперь Иосиф завязал контакты с православной общиной города, и они пообещали открыть Саладину ворота.

Штурм был уже не нужен. Когда Балиан явился к Саладину в его

шатер, тот заявил, что поклялся взять Иерусалим мечом и только полная капитуляция жителей города безо всяких условий может избавить его от этой клятвы. Саладин напомнил также Балиану об убийствах, совершенных христианами в 1099 г. Почему он теперь должен действовать как-то по-другому? Пока они говорили, бой продолжался. Саладин показал, как его штандарт взметнулся на городской стене. Но уже в следующий момент его людей отбросили назад. И Балиан предупредил Саладина, что, если тот не предложит им почетных условий сдачи города, его защитники, которым уже нечего терять, разрушат в городе все, в том числе и священные для мусульман здания в районе храма, а также убьют захваченных ими мусульманских пленников.

Саладин мог проявить милосердие, если побежденный готов был признать его власть, и не хотел, чтобы Иерусалим пострадал больше, чем это было необходимо. Он согласился обсудить условия сдачи и предложил, чтобы каждый христианин-мужчина в городе выкупил свою жизнь за десять динаров, пять динаров он хотел получить за женщину и один — за ребенка. Балиан возразил, что в городе живут около тысячи бедняков, которые не в состоянии позволить такую сумму, и поинтересовался, могут ли христианские власти Иерусалима единовременно уплатить весь выкуп. Саладин согласился принять 100 000 динаров за все 20 000 жителей. Однако Балиан понимал, что столько денег им не собрать. В результате они сговорились, что 7000 жителей будут выкуплены за сумму в 30 000 динаров.

По приказу Балиана гарнизон Иерусалима сложил оружие, и в пятницу 2 октября Саладин вошел в Иерусалим. Это был 27-й день месяца раджаб, седьмого месяца мусульманского лунного календаря, годовщина ночного путешествия пророка Мухаммеда в Иерусалим и его вознесения на небо. Победители были вежливы и гуманны. И если 88 лет назад франки ворвались в город по колено в крови побежденных, теперь не было разграблено ни единого дома, не было причинено вреда ни одному жителю города. По приказу Саладина стражники патрулировали улицы и ворота, чтобы предотвратить нападения на христиан. В это время каждый христианин был занят поиском денег для выкупа, а Балиан опустошил казну, чтобы добыть обещанные 30 000 динар. С большим трудом госпитальеров и тамплиеров удалось заставить опорожнить их сокровищницу. Патриарх и его каноники собирались позаботиться только о себе. Мусульмане были потрясены, увидев, как Ираклий уплатил за себя 10 динаров и покинул город, согнувшись под весом золота, которое нес на себе; вслед за ним тащились телеги, нагруженные коврами и посудой.

Благодаря золоту Генриха II удалось выкупить 7000 бедняков, но многим тысячам людей удалось бы избежать рабства, если бы ордена и церковь были более щедрыми. Христиане покидали город через главные ворота, разделенные на два потока: в одном шли те, кто уплатил выкуп самостоятельно или с помощью Балиана, в другом — те, у кого не было нужной суммы и кто отправлялся в рабство. Настолько жалким было это зрелище, что аль-Адиль повернулся к брату и попросил тысячу будущих рабов в уплату за свою службу. Саладин пожаловал их ему, и аль-Адиль немедленно освободил несчастных.

Патриарх Ираклий пришел в восторг от такого простого способа творить добро и спросил, нельзя ли и ему получить какое-то количество рабов, чтобы их освободить. Ираклию пожаловали семь сотен и пять сотен подарили Балиану. По сле этого Саладин лично объявил, что освободит всех пожилых мужчин и женщин. Затем выкупившие себя франкские женщины в слезах стали спрашивать Саладина, куда же им теперь идти и что делать, когда их мужья и отцы убиты или взяты в плен. Саладин пообещал отпустить на свободу всех плененных мужей, а вдовам и сиротам пожаловал дары из личной сокровищницы в зависимости от их сословия и состояния. Его милосердие и доброта странно контрастировали с деяниями христианских захватчиков эпохи Первого крестового похода.

Однако некоторые из его эмиров и воинов оказались не столь добросердечными. Ходили рассказы о христианах, тайно вывезенных мусульманами за город, а потом обчищенных своими мнимыми спасителями до нитки. Другие сарацины официально заявляли, будто опознали беглых рабов, и требовали с них деньги в уплату за свободу. Если до Саладина доходили сведения о подобных случаях, он принимал жесткие меры.

Длинная цепочка беженцев медленно двигалась по побережью; мусульмане их не трогали. Жители города отправились тремя караванами — первый вели тамплиеры, второй — госпитальеры, а третий — Балиан и патриарх. В Тире, и без того переполненном беженцами, могли принять только мужчин, способных управляться с оружием, а около Батруна местный барон Раймунд де Нифин ограбил несчастных. Поток беженцев направился в Триполи. Но и этот город был переполнен обездоленными пришельцами, и его власти, испытывая нехватку продовольствия, закрыли перед караваном ворота. Только в Антиохии они наконец обрели приют, но даже здесь не всех бывших жителей Иерусалима охотно пустили в город. Больше всего повезло беженцам из Аскалона, оказавшимся в Александрии. Если итальянские купеческие корабли отказывались брать их на борт без

уплаты очень высокой суммы за проезд, египетские власти не выпускали суда из порта, пока те не пускали несчастных бесплатно.

Православные христиане и яковиты остались в Иерусалиме. Каждый из них был обязан уплатить в дополнение к выкупу подушный налог, хотя многих бедняков освободили от этого. Самые богатые из оставшихся христиан купили большую часть собственности покинувших город франков. Остаток был приобретен мусульманами и евреями, которых Саладин пригласил поселиться в городе.

Когда новости о победе Саладина достигли Константинополя, император Исаак Ангел отправил к нему послов, чтобы поздравить нового властителя Иерусалима и попросить, чтобы христианские святыни были переданы православной церкви. После небольшой задержки эта просьба была удовлетворена. Многие сторонники Саладина убеждали его разрушить храм Гроба Господня. Однако тот возразил, что христиане поклоняются месту, а не зданию и в любом случае захотят по-прежнему совершать сюда паломничество, а он вовсе не собирается с этим бороться. Храм был закрыт на протяжении всего трех дней, по истечении которых с франкских паломников просто стали взимать плату.

Христианские беженцы еще не покинули город, когда крест на «Куполе скалы» был разрушен и оттуда удалены все иные свидетельства некогда совершавшихся в нем христианских богослужений. Мечеть Аль-Акса также очистили от следов пребывания там тамплиеров. Оба здания окропили розовой водой и вновь подготовили к проведению в них мусульманских богослужений. В пятницу 9 октября Саладин вместе со всей остальной мусульманской общиной воздали хвалы Всевышнему в обновленной мечети.

После возвращения Иерусалима главная обязанность Саладина в качестве правоверного мусульманина была исполнена. Однако все еще оставались непобежденные франкские крепости. Леди Трансиордании Стефания оказалась среди других отпущенных за выкуп иерусалимских пленников и попросила Саладина отпустить ее сына Онфруа де Торона. Саладин согласился при условии передачи ему двух принадлежащих ей больших крепостей. Онфруа отпустили из тюрьмы и отправили к матери, однако гарнизоны замков Керак и Монреаль отказались повиноваться приказам леди Стефании и сдаться сарацинам. Поскольку она не смогла исполнить данного ею обещания, дама опять отослала сына мусульманам. Ее благородный поступок восхитил Саладина, и несколькими месяцами позже он даровал Онфруа свободу. Тем временем аль-Адиль и египетская армия осадили Керак. Осада продолжалась больше года. На протяжении

многих месяцев защитники крепости были близки к полному истощению. Их жены и дети были вынуждены заботиться сами о себе. Некоторые из них были проданы бедуинам в уплату за еду. И только когда была съедена последняя лошадь в замке, крепость сдалась. Это случилось в конце 1188 г. Монреаль, осада которого была не столь тяжелой, продержался на несколько месяцев больше.

Расположенный севернее замок Сафед, принадлежавший тамплиерам, сдался 6 декабря 1188 г. после месяца тяжелой осады, крепость госпитальеров Бельвуар, находившаяся высоко в Иорданской долине, последовала за ним месяц спустя. Незадолго до этого воинами Саладина был занят замок Шато-Нёф в Хунине. Бофор, в котором укрылся сеньор Сидона Рено, выстоял благодаря его дипломатическим навыкам. Рено был образованным человеком, страстно интересовавшимся арабской литературой. Он пришел в лагерь Саладина и заявил, что готов сдать свой замок и удалиться в Дамаск, если ему предоставят три месяца, чтобы уладить свои дела. Рено даже намекнул на то, что готов принять ислам. Очарованный беседой, Саладин был полностью уверен в его благих намерениях и лишь только потом обнаружил, что Рено использовал перемирие для того, чтобы укрепить оборону замка. Тогда Саладин отправился завоевывать Триполи и Антиохию.

Граф Триполи Раймунд умер в конце 1187 г. Вскоре после своего спасения с поля битвы при Хаттине он заболел плевритом, хотя его люди полагали, что причиной болезни являлись меланхолия и стыд. Многие современники Раймунда считали его предателем, чье самолюбие помогло погубить королевство. Но Гильом Тирский и Балиан д'Ибелин были его друзьями и защитниками. Раймунд очень близко принял к сердцу трагедию всех франкских колонистов второго и третьего поколения, которые по своей натуре или политическим соображениям были готовы стать частью восточного мира, но из-за фанатизма недавно прибывших с Запада родственников и друзей оказались вынуждены принять чью-то сторону в разразившемся конфликте, и, в конце концов, у них не оставалось иного выбора, кроме как оказаться в лагере единоверцев.

У Раймунда не было детей. Он завещал графство своему крестнику Раймунду, сыну его ближайшего родственника князя Антиохии Боэмунда, но специально оговорил, что, если любой потомок тулузского дома прибудет на Восток, графство перейдет к нему. От имени своего несовершеннолетнего сына Боэмунд принял наследство, а затем заменил мальчика его младшим братом Боэмундом, поскольку опасался, что одному человеку будет не под силу защитить и Антиохию и Триполи. И в самом

деле, вскоре от наследства осталось совсем немного. Получив подкрепление из Синджара, 1 июля 1188 г. Саладин пронесся по Букайе. Он миновал крепость госпитальеров в Краке, решив, что она слишком сильна, чтобы ее атаковать. После чего направился в Триполи, однако прибытие туда флота короля Сицилии спасло город от разорения. Саладин повернул на север. Дойдя до Тартуса, он взял город приступом, но тамплиеры смогли удержать замок.

Саладин взял реванш у Макраба, где госпитальеры пытались сдержать его натиск. Джебла пала в пятницу 15 июля, Латакия — в пятницу, пришедшуюся на 22-е число. Латакия была очень красивым городом с византийскими дворцами и церквями. Арабский хронист Имад ад-Дин, служивший в армии Саладина, плакал при виде постигших город грабежей и разрушений. Из Латакии Саладин отправился вглубь страны к замку Сахьун. Огромный замок госпитальеров казался непобедимым, но после нескольких дней яростных сражений был взят штурмом 29 июля.

В пятницу 12 августа гарнизон еще одной крепости Бакас-Шокр, несмотря на хорошо укрепленный глубокий ров, сдался на милость победителя, когда к нему не подошла помощь из Антиохии, которую его защитники так ждали. Уже 19 августа пал город Сарминика, а спустя несколько дней, 23 августа, капитулировал Бурзей, самый южный из замков, стоявших на берегах Оронта. Командир гарнизона крепости был женат на сестре тайного агента Саладина — княгини Антиохийской. Ему и его супруге была предоставлена свобода.

Саладин продолжал свое победное шествие: 16 сентября пал принадлежавший тамплиерам форт Дарбсак на хребте Аманус, а 26-го — замок Баграс, защищавший путь из Антиохии в Киликию. Однако армия Саладина была измотана непрерывными боями, а воины из Синджара хотели вернуться домой. Когда князь Боэмунд стал молить о перемирии на условиях признания им всех завоеваний мусульман, Саладин согласился, поскольку полагал, что всегда сможет успеть завершить намеченную задачу. Ведь теперь у Боэмунда и его сыновей остались лишь две столицы — Антиохия и Триполи, а также порт Сент-Симеон. Госпитальеры удерживали Макраб и Крак, а тамплиеры — Тартусу.

Однако дальше на юге располагались другие города, которые Саладин не завоевал. И это стало его ошибкой. Все спасшиеся бегством палестинские бароны собрались в Тире, самом хорошо укрепленном городе на побережье, связанном с большой землей только узким песчаным полуостровом, поперек которого была возведена мощная стена. Если бы Саладин атаковал Тир сразу после взятия Акры, даже эта стена бы не

устояла. Но он слишком долго откладывал. Руководивший городом сеньор Сидона Рено обсуждал условия сдачи с Саладином, который даже прислал ему два своих штандарта, чтобы вывесить на стене цитадели.

Однако 14 июля 1187 г., через десять дней после битвы при Хаттине, в бухту Тира вошел корабль, на борту которого находился Конрад, сын старого маркиза де Монферрата и брат первого супруга королевы Сибиллы. Он жил в Константинополе, но оказался замешан там в убийстве. Поэтому Конрад решил тайно покинуть город в сопровождении франкских рыцарей, чтобы совершить паломничество по святым местам. Ничего не зная о постигшей Палестину катастрофе, он направлялся в Акру.

Когда корабль подошел к порту, капитан с удивлением не услышал звона колокола, который обычно всегда раздавался, когда какое-либо судно оказывалось поблизости. Он почувствовал что-то неладное и не стал бросать якорь. Вскоре к кораблю пристал небольшой баркас с мусульманским чиновником на борту. Конрад, притворившись купцом, поинтересовался, что происходит. Ему сообщили, что четыре дня назад крепость была взята Саладином. Ужас, который вызвала эта новость, возбудил подозрения мусульманина, но прежде, чем тот успел поднять тревогу, Конрад развернул корабль и отплыл в сторону Тира. Там его приветствовали как освободителя и поставили во главе обороны города.

Мирный договор с Саладином был отклонен, а его штандарты сброшены в ров. Конрад был сильным, безжалостным и храбрым человеком. Он понимал, что город можно удержать до прихода помощи с Запада, и был уверен, что, как только там станет известно о падении Иерусалима, эта помощь вскоре последует. Когда через несколько дней под стенами крепости появился Саладин, защита ее показалась ему слишком мощной. Он даже захватил с собой из Дамаска престарелого маркиза де Монферрата и заставил того прогуляться под стенами Тира, угрожая убить его, если город не сдастся.

Однако сыновье почтение Конрада оказалось не столь сильным, чтобы отвлечь его от обязанностей христианского воина. Он не был тронут. Саладин со своей обычной добротой пощадил жизнь старика и отправился на завоевание Аскалона. Когда (уже в ноябре 1187 г.) он снова появился перед стенами Тира, крепость была укреплена и к ней прибыло некоторое количество сухопутного и морского подкрепления. Узкая песчаная коса не давала Саладину возможность использовать баллисты. Из Акры к городу подошли десять мусульманских кораблей, но уже 29 декабря пять из них были захвачены христианами. Непрерывные атаки сарацин на стены также были отбиты. На военном совете Саладин прислушался к тем из его

эмиров, которые указали на необходимость передышки для армии. Зима была влажной и холодной, в лагере распространялись болезни. В первый день начала нового, 1188 г. Саладин распустил половину своей армии и отправился на завоевание замков внутри страны. Энергия и уверенность Конрада спасли город, а вместе с ним и все христианское королевство.

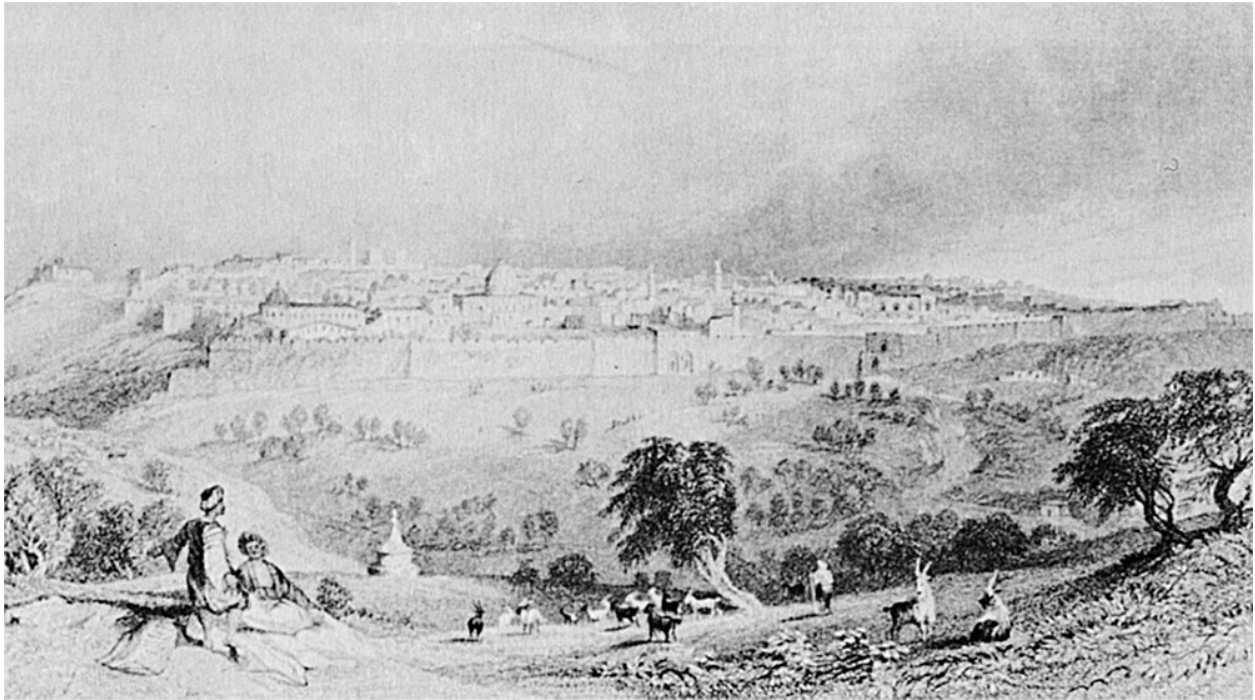
Позднее Саладин горько пожалеет о неудачной попытке захвата Тира. Однако его достижения и без того были грандиозными. Независимо от того, стали ли они неизбежным ответом ислама на вызов вторгшихся франков, на недальновидную политику его великих предшественников, на ссоры и глупые поступки самих франков или же они обусловлены исключительно личным качеством самого Саладина, этот великий завоеватель доказал, что жители Востока обладают силой и духом. На Рогах Хаттина и у врат Иерусалима он отомстил за унижения Первого похода и показал, как настоящий человек чести празднует свою победу.

Вклейка

Рыцари-тамплиеры, сражающиеся с сарацинами. Фреска XII века из

Крессака, регион Шаранта, Франция

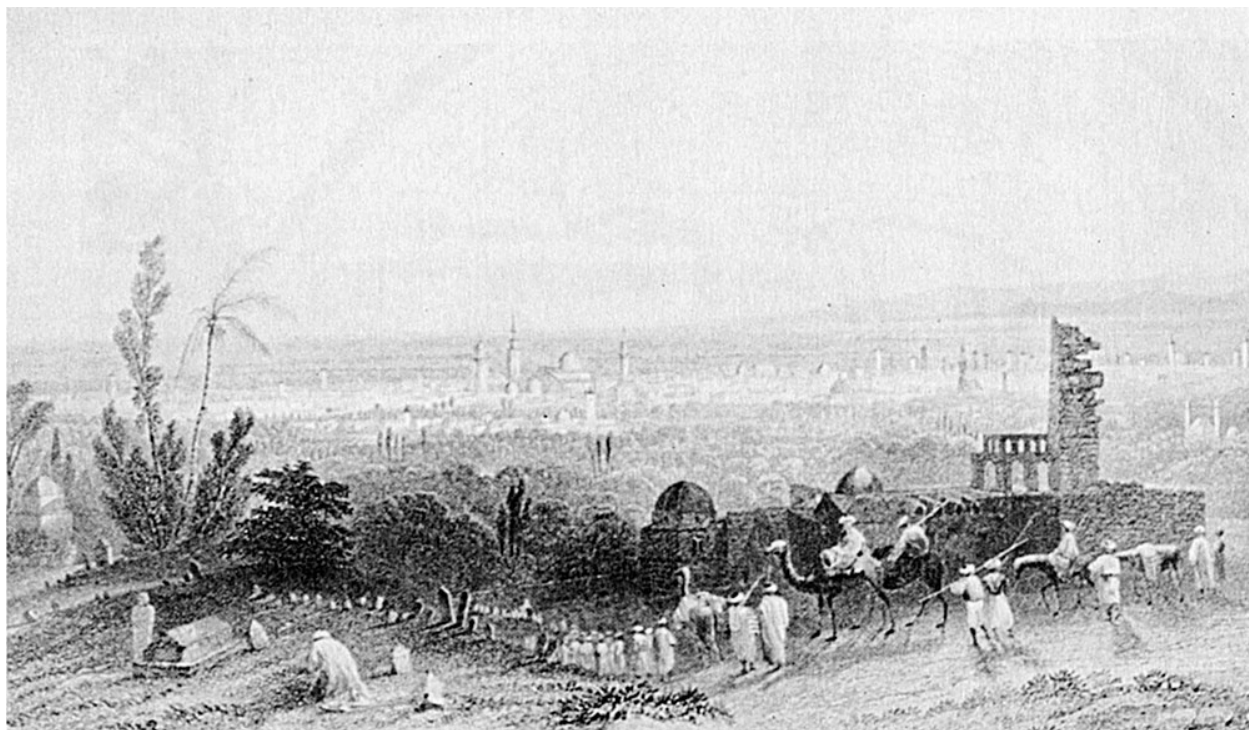
Вид на Иерусалим с Масличной горы. Слева, на переднем плане, изображены «Купол скалы» (храм Соломона) и мечеть Аль-Акса. Позади них, на горизонте, возвышается башня Давида. За правым углом «Купола скалы» размещается храм Гроба Господня

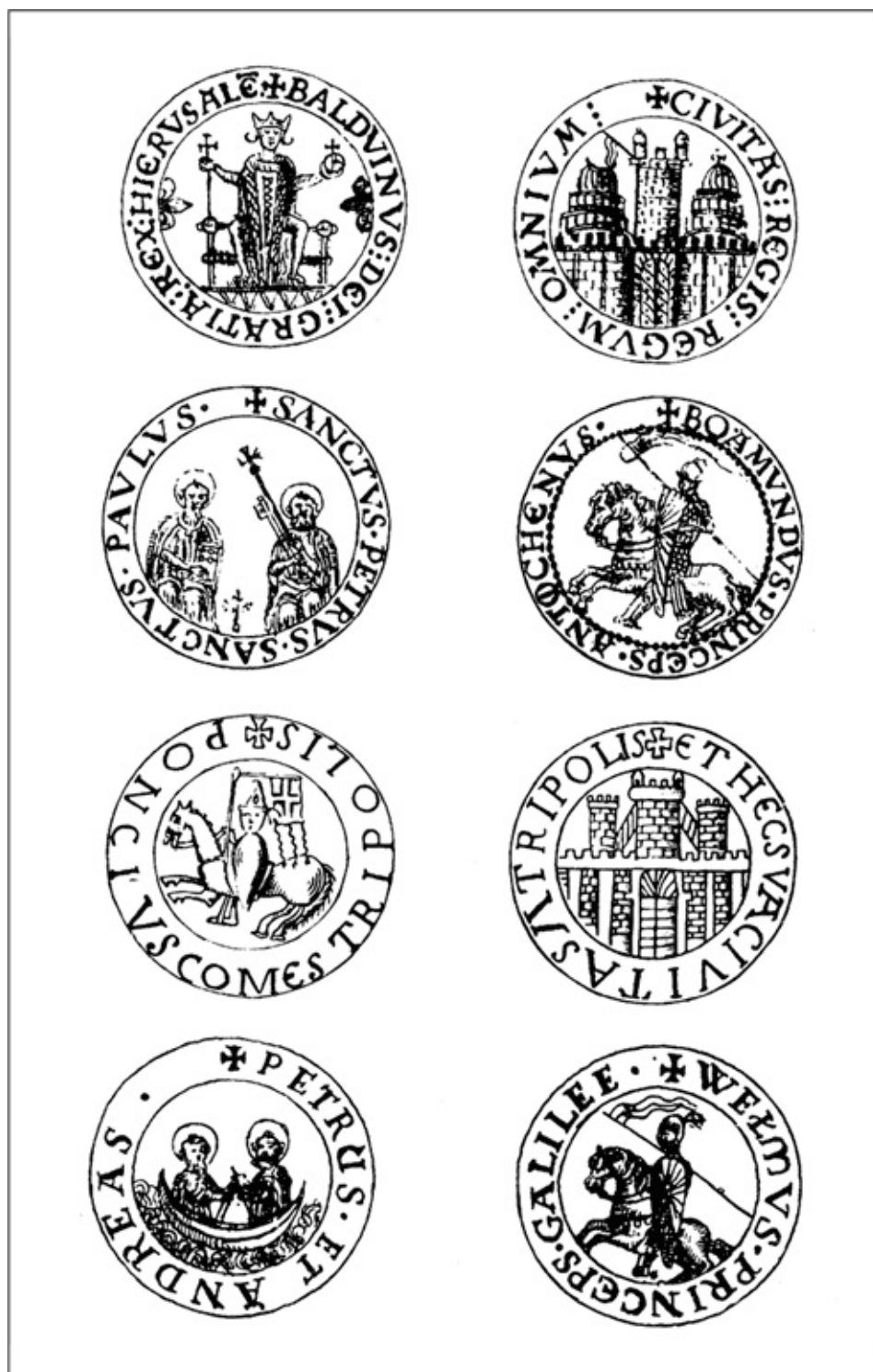
Триполи. На переднем плане виден замок Раймунда на горе Пилигрим. Большая часть стен, выходящих на ущелье, возведена еще Раймундом. На заднем фоне, слева, виден город сарацинов Аль-Мина

Император Иоанн Комнин

Дамаск. Вид с северо-запада. Позади города простираются фруктовые сады, из которых его атаковали участники Второго крестового похода

Печати короля Иерусалима Балдуина III, князя Антиохии Боэмунда III, графа Триполи Понса и князя Галилеи Гильома де Бюра

Император Мануил Комнин и его жена Мария Антиохийская

Алеппо

notes

СНОСКИ

1

Сумев достигнуть преклонного возраста, Петр скончался в 1115 г.

Хотя Раймунд считал Бертрана наследником своих тулузских владений, когда он уехал на Восток в сопровождении своих детей от Эльвиры, пол которых нам неизвестен, притязания Бертрана, очевидно, считались менее обоснованными, чем права Альфонсо Иордана на Тулузу. Впоследствии притязания Альфонсо Иордана на Триполи не давали покоя внуку Раймунда Раймунду II.

Аделаида была дочерью маркграфа Манфредо и племянницей Бонифация Савонского и стала третьей женой Рожера I Сицилийского в 1089 г.

Английское слово *assasins* переводится как «убийцы», а *assassination* — это убийство, причем, как правило, политического или общественного деятеля, в том числе по политическим или идеологическим мотивам, террористический акт. (*Примеч. пер.*)

Понс в некий промежуток времени был одним из домочадцев Танкреда и даже был посвящен им в рыцари.

Сразу после восшествия на престол Балдуин призвал Рожера и Понса, чтобы они воевали под его предводительством с египтянами.

Евстахий умер 15 июня, то есть не до победы над египтянами, а через непродолжительное время после нее. (*Примеч. пер.*)

Ему все еще принадлежали территории от Самосаты до Биреджика, Айнтапа, Раванды и Турбесселя, а также Мараш, которым владел его вассал Балдуин.

Имеется в виду не Триполи на территории современного Ливана, бывший столицей одноименного франкского графства и упомянутый выше, а город на севере Африки, в наши дни являющийся столицей Ливии. (Примеч. пер.)

После битвы при Хаттине жившие вокруг Наблуса мусульмане являлись причиной опасений франков.

На чеканившихся им монетах Танкред изображен в тюрбане. Когда в 1192 г. граф Шампани Генрих благодарил Саладина за подаренный ему тюрбан, он заявил, что его сородичи обожают подобные вещи и сам он обязательно будет носить подарок.

Амори и Амальрик — варианты прочтения одного и того же французского имени. (*Примеч. пер.*)

Магистр ордена госпитальеров утонул по пути из Дьеппа в Англию.

Стефан был внуком крестоносца графа де Блуа и самым младшим сыном Тибо IV де Блуа, графа Блуа, Шартра, Шатодена, Сансерра и Шампани. Стефан родился ок. 1130 г., в 1151 г. женился на Матильде де Донзи. Однако поскольку в источниках его жену называют то Алисой, то Марией, вполне возможно, что он женился более одного раза и в 1170 г. уже был вдовцом.

По сообщениям хронистов, Пливано уплатил 10 000 безантов. Если предположить, что они были полностью золотыми, вес девицы составил 63,5 килограмма.

Первая из монет с именем Саладина датируется 570 г. по Хиджре (1174–1175 гг.). Однако он никогда не принимал титул султана, хотя арабские авторы, даже его современники, именно так его и называли.

Генрих II и Людовик VII согласно Иврийскому договору от 21 сентября 1177 г. должны были отправиться в новый крестовый поход. Однако от этой идеи европейские монархи вскоре отказались.

Под крестовыми походами здесь следует понимать военные экспедиции, которые так называет сам автор, не ориентируясь на общепринятые терминологию и хронологию. (*Примеч. пер.*)

Саладин был занят в это время подавлением мятежа в Баальбеке. В настоящее время над бродом Иакова возвышается мост, известный как Мост дочерей Иакова.

Около 26 км. (*Примеч. пер.*)

Выше сказано, что эти деньги король передал тамплиерам (что соответствует действительности). Здесь присутствует ошибка. (*Примеч. пер.*)